МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 4 / 2021

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2021
No 4

Published four times a year

Stavropol, 2021

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** — способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследию западных и восточных цивилизаций. Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС77-51091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64. E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: https://humanitieslaw.elpub.ru/jour

Адрес издательско-полиграфического комплекса ФГАОУ ВО «СКФУ»: 355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2021

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора
Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь
Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет
Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор факультета международных отношений Университета Экономики и Технологий Торговых Палат и Бирж Турции (г. Анкара, Турция);
Карасик В. И. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград, Россия);
Крюссман Т. – д-р юрид. наук, профессор, руководитель Центра Восточно-Европейских исследований, Университет Карла-Франца (г. Грац, Австрия);
Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);
Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);
Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);
Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);
Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (г. Капошвар, Венгрия);
Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия
Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);
Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);
Грушевская Т. М. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия);
Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);
Манаенко Г. Н. - д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Мехди Хоссейни Тагиабад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Ходус В. П. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Цихорацкий П. – доктор исторических наук, профессор, профессор Вроцлаского университета (г. Вроцлав, Польша);
Цибенко В. В. – к-т ист. наук, доцент, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);
Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
Чичман Л. – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (Будапершт, Венгрия);
Шаронов С. А. – д-р юрид наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия);
Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
Шевчук С. С. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
Яценко Т. С. – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. М. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

«HUMANITIES AND LAW RESEARCH» JOURNAL

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics. Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

Published four times a year
Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal Research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanitarian and Legal Research»
Circulation: 500 copies
Free price
Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017. Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: https://humanitieslaw.elpub.ru/jour

The address of the publishing and printing complex of the North Caucasus Federal University: 2, Kulakov Street, Stavropol 355029.

© FSAEI HE "North-Caucasus Federal University", 2021.

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education
"North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief
Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief
Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor
Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council
Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor, University of Economics and technology chamber of Commerce and stock exchanges of Turkey (Ankara, Turkey);
Vladimir I. Karasik – Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia);
Thomas Kruessmann – Doctor of Law, Professor, Head of the Centre for East European Studies, University of Karl Franz (Graz, Austria);
Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);
Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan, Armenia);
Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);
Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor of the Kaposvar University (Kaposvar, Hungary);
Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board
Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);
Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor of of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);
Tatiana M. Grushevskaya – Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of French Philology, Kuban State Univesity (Krasnodar, Russia);
Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Gennadii N. Manaenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
Anatolii Ya Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Saratov, Russia);
Vyacheslav P. Hodus – Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wroclaw, Poland);
Veronika V. Tsibenko – PhD in History, Associate Professor, Director of the Center for Interdisciplinary Humanities Research, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University «Corvinus» (Budapest, Hungary);
Sergey A. Sharonov – Doctor of Law, Professor of of Civil and Labor Law, Civil Society Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Moscow, Russia);
Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
Tatiana A. Shebzuhova – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the «North-Caucasus Federal University" Pyatigorsk, Russia);
Svetlana S. Shevchuk – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil Law and Process Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Oksana S.Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of of Criminal Law and Procedure Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
Tatiana S.Yatsenko – Doctor of Law, Associate Professor, Head of Civil Law Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

Translator-editor
Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. 14

Беликов А. П., Черкасов А. И. Римско-Самнитская граница по реке Лирис как ключевой фактор во взаимоотношениях сторон во второй половине IV в. до н.э. 24

Гранкин Ю. Ю. Параметры влияния политического центра России на окраинные территории в имперский период. 32

Захаров А. В. Информативность и состав массовой документации генерального смотра дворянства 1721–1723 гг. 38

Карташев А. В., Карташев И. В. Госпитали ВЦСПС на Кавказских Минеральных Водах в первый год Великой Отечественной войны. 47

Каширина Т. В. Американо-мексиканские отношения: от НАФТА к НАФТА 2:0. 55

Клычников Ю. Ю. Польский след на черноморском фронтире Кавказа (по материалам РГА ВМФ). 61

Кулибали А. Ш. Исторический аспект двустороннего сотрудничества Мали и Китая в экономической и военной областях. 68

Панарин А. А. Кустарно-промысловая кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). 77

Романова Н. В. Деятельность Ставропольского и Краснодарского отделений Союза писателей как средство укрепления новой общности «советский народ» в условиях нового политического курса (1956 – 1964 гг.). 84

Семиков М. О. Наёмные компании в восприятии государственных деятелей и гуманистов Италии XIV–XVI вв. 93

Смагина С. М. Российские меньшевики в эмиграции: оценки, прогнозы и реалии. 100

Срединская Н. Б. Венеция и Феррара: граждане, подданные и… По материалам дожеских посланий из собрания Н. П. Лихачева. 108

Танцевова А. В. Журнально-газетное объединение Жургаз (1931 – 1938 гг.): к истории создания и функционирования. 117

Трапш Н. А., Кальниченко В. Н., Германовская Н. С. Миссионерская деятельность на территории области Войска Донского в 1870-е гг.: от контекста к источниковедческому анализу. 124

Туфанов Е. В. Партийно-государственная номенклатура и промышленная модернизации народного хозяйства во второй половине 1920-х гг. (на материалах Северного Кавказа). 131

Узнародов И. М. Джордж Хауэлл и начало либ-лейбизма. 138

Мусавиния С. Р., Дарейни А. А. «Цивилизационное государство» или «национальное государство»: перспектива внешней политики Ирана. 145

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зайкова С. Н. Административная ответственность за нарушения в области обеспечения транспортной безопасности: историко-правовой аспект. 154

Козачёк А. В. Система и структура органов государственной власти Российской Федерации, уполномоченных в сфере обязательного страхования. 162

Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике. 169

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Астахова Е. С. Языковое осмысление иномирия как пространства в художественном тексте. 175

Борисова Т. Г. Терминология предметной области «высшее образование»: специфика категориально-понятийного структурирования. 186

Гусаренко С. В., Орден И. А. Предикат как структурообразующий и функционально-семантический компонент семантико-синтаксического фрейма.....193

Демичева Ю. В. Семантическое единство «любовь–равнодушие–ненависть»: значимостная составляющая. 201

Каменский М. В. Информационно-технологическое обеспечение оптимизации научно-исследовательской деятельности по теоретической и прикладной лингвистике в условиях цифровизации.....208

Ломтева Т. Н., Патрушева Е. В. Лингвокультурные особенности межэтнического диалога в текстовом пространстве анимационного сериала. 219

РЕЦЕНЗИИ

Дударев С. Л. Рецензия на монографию Е. П. Тельменко «Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV в. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. 195 с. 227

CONTENTS

HISTORY

Ambartsumyan K. R., Bulygina T. A. The image of the Soviet woman in the bolshevik's texts and propaganda materials of the 1920 s. 14

Belikov A. P., Cherkasov A. I. The Roman-Samnite border along the Liris river as a key factor in the relations between the parties in the second half of the IV century BC. 24

Grankin Yu. Yu. Parameters of the influence of the political center of Russia on the outlying territories in the imperial period. 32

Zakharov A. V. The informativeness and the content of mass documentation of the general inspection of the nobility in1721–1723. 38

Kartashev A. V., Kartashev I. V. VTSPS hospitals in the Caucasian Mineral Waters in the first year of the Great Patriotic war 47

Kashirina T. V. US-Mexican relations: from NAFTA to NAFTA 2:0. 55

Klychnikov Yu. Yu. Polish trace on the Black Sea frontier of the Caucasus (based on materials from the Russian State Archives of the Navy). 61

Coulibaly A. Ch. Historical aspect of bilateral economic and military cooperation between Mali and China. 68

Panarin A. A. Handicraft cooperation of the North Caucasus in the context of a new economic policy (1921–1929) 77

Romanova N. V. Activities of the Stavropol and Krasnodar branches of the Union of writers as a tool of strengthening the new community «Soviet people» in the conditions of a new political course (1956–1964) 84

Semikov M. O. Hired companies in the perception of government actors and humanists of Italy in XIV–XVI centuries 93

Smagina S. M. Russian mensheviks in emigration: estimates, forecasts and realities 100

Sredinskaia N. B. Venice and Ferrara: citizens, subjects and... based on the materials of the doge's epistles from the collection of N.P. Likhachev. 108

Tantsevova A. V. Journal and newspaper publishing zhurgaz (1931–1938) to the history of creation and functioning. 117

Trapsh N. A., Kal'nichenko V. N., Germanovskaya N. S. Missionary activities in the territory of the don troops in the 1870s: from context to source analysis. 124

Tufanov E. V. Party-state nomenclature and industrial modernization of the national economy in the second half of the 1920s (based on the materials of the North Caucasus). 131

Uznarodov I. M. George Howell and the beginning of lib-labism. 138

Mousavinia S. R., Dareini A. A. "Civilization state" or "nation state": a perspective on Iran's foreign policy. 145

LEGAL SCIENCES

Zajkova S. N. Administrative liability for infringements in transport security: historical and legal aspect. 154

Kozachyok A. V. The system and structure of the state authorities of the Russian Federation authorized in the field of compulsory insurance. 162

Koibaev B. G., Zoloeva Z. T. Legal framework for countering extremism and terrorism in the people's Republic of China. 169

PHILOLOGICAL SCIENCES

Astakhova E. S. Linguistic understanding of the otherworld as a space in a literary text. 175

Borisova T. G. Terminology of the «higher education» subject area: specifics of conceptual and categorical structuration. 186

Gusarenko S. V., Orden I. A. Predicate as a structure-forming and functional-semantic component of a semantic-syntactic frame. 193

Demicheva Y. V. The semantic unity love–indifference–hate: the meaningful component. 201

Kamensky M. V. Information technologies in optimizing scientific research in the sphere of theoretical and applied linguistics in the digital age.....208

Lomteva T. N., Patrusheva E. V. Linguistic and cultural peculiarities of interethnic dialogue in the text of an animated television series.....219

REVIEW

Sergei L. Dudarev. Telmenko E. P. “The Prophet and the City of the“ Righteous ”: the Religious and Moral Reform of Girolamo Savonarola in Florence at the end of the 15th century. Stavropol: NCFU Publishing House, 2020. 195 p. 227

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

CC BY

УДК 94(47).084.3/.5:312-055.2

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.1

К. Р. Амбарцумян, Т. А. Булыгина

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТЕКСТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ И ПРОПАГАНДИСТСКИХ МАТЕРИАЛАХ 1920-Х гг[1].

В статье автор впервые проводит сравнительный анализ образов «новой женщины», которые сформировались на страницах идеологических сочинений большевиков и являлись частью социального проекта «нового человека». В исследовании использованы сочинения большевистских лидеров, в том числе И. Арманд, Н. Крупской, А. Коллонтай, которые транслировали вполне конкретные характеристики идеала советской женщины.

Переделка женского сознания, по замыслу В.И. Ленина имела практическую значимость, так как представительницы прекрасного пола должны были пополнить ряды строителей социализма. Все упоминания необходимости раскрепощения женщины в его текстах связаны с задачами текущего момента: подъем производства, электрификация, ликвидация безграмотности и т.д. Большевички видели женщину как активного участника революционной борьбы («пролетарка более позднего призыва»), в которой она завоевала себе свободу. Отличительной чертой времени стала пропагандируемая дефамилизация женщины, выразившаяся в призывах к освобождению от домашнего рабства. Однако, практически идеологические установки воплощены в жизнь не были. Обращаясь к материалам журнала «Огонек», автор показала, как соотносились теоретические установки и демонстрируемая практика. Биографии, рассказы и фотографии, публикуемые на страницах журнала, представляют собой попытку показать результативность проводимой политики отдельными примерами из жизни. Для этого находились женщины, которые делали карьеру в качестве председательниц сельсоветов, губисполкомов и т.д. Многочисленными были публикации материалов, демонстрирующих процесс раскрепощения женщины Востока (в основном Кавказа и Средней Азии). Новизной работы стало выявление неоднородности концепта «новая женщины». Автором доказано, что на конструируемый образ влиял личный опыт и гендер представителей большевистской власти. А пропагандистские материалы в советской прессе скорее транслировали образ «советской женщины», которая пока еще не была явлением массовым.

Ключевые слова: «новый человек», «новая женщина», А.Коллонтай, И.Арманд, Н.Крупская, интеллектуальная история, новая социальная история.

Для цитирования: Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А. Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 14–23. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.1

Karine R. Ambartsumyan, Tamara A. Bulygina

THE IMAGE OF THE SOVIET WOMAN IN THE BOLSHEVIK'S TEXTS AND PROPAGANDA MATERIALS OF THE 1920S[2]

The author compares images of a "new woman" in the Bolshevik's ideological narrative. The image under consideration was a part of a social project coined the "new man". The works by Bolshevik leaders, including women (I. Armand, N. Krupskay, A. Kollontai), which conveyed certain characteristics of the ideal of a Soviet woman, were used in the study as sources.

Modification of mentality, including the female one, according to V. Lenin's plan was significant for practical reasons. It was suggested that women had to take a part in socialist building of a new society. All mentions of the need to emancipate women in his texts related to the goal of the current moment: industrial reconstruction, electrification, elimination of illiteracy, etc. Bolshevik women considered themselves as the active participants of revolutionary struggle («Proletarian of a later call»). They supposed woman had deserved the freedom by that struggle. A distinctive feature of the time was the propagandized defamilization of women, expressed in calls for liberation from domestic slavery. However, ideological attitudes were not implemented in real life. Analyzing the materials of the Ogonyok magazine, the author shows how theoretical attitudes and demonstrated practice correlated with each other. Biographies, short stories and photos published in the magazine were intended to demonstrate the effectiveness of the policy pursued. There were examples of women who made their careers as chairpersons of village councils, gubernial executive committees, etc. There were numerous

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От "нового человека" до "советского народа": идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917 – 1985 годы)»

2 The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43048 "From "new man" to "Soviet people": ideology, experience, problems of the Soviet project.

publications representing the process of emancipation of the East women (mainly in the Caucasus and Central Asia). The novelty of the work lies in the identification of the heterogeneity of the «new woman» concept. The author proved that the formed image was influenced by personal experience and gender of the Bolshevik government representatives, while the propaganda materials in the Soviet press rather broadcast the image of a "Soviet woman," who was not yet a mass phenomenon.

Key words: "new man", "new woman", A. Kollontai, I. Armand, N. Krupskaya, intellectual history, new social history.

For citation: Ambartsumyan K. R., Bulygina T. A. The image of the Soviet woman in the bolshevik's texts and propaganda materials of the 1920s // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 14–23. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.1

В 1917 г. большевики, придя к власти, начали масштабный социальный эксперимент. Создание нового мира сопровождалось деконструкцией старого, в том числе отказом от патриархальный норм, на которых стоял прежний строй. Социализм как новая социально-политическая и экономическая реальность должны были строиться носителями новой морали. Формирование «нового человека» как цель советской социальной инженерии прямо или косвенно присутствует в трудах большевистских лидеров.

Однако процесс становления пропагандистского образа «нового человека» в первые годы советской власти только намечался. Идеал человека коммунистического будущего виден в статье А. В. Луначарского, предостерегавшего от чрезмерного выдвижения на первый план практических потребностей в ущерб более высоким идеалам. Главная опасность – по его мнению – скатывание к мещанству при ставке исключительно на разумный труд и трезвый практицизм. Поэтому для А. В. Луначарского «соприкосновение с великими идеями социализма» были первичны, именно поворот в сознании порождал интерес к научной мысли и технике, что давало возможность для хозяйственной модернизации [23].

Впрочем, В. И. Ленин также прекрасно понимал важность переделки сознания, о чем писал еще в начале своего политического пути в 1900 г. в газете «Искра»: «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению» [20, с.374]. Он подчеркивал, что особое внимание надо уделять молодежи, которая легче «перековывалась». Наряду с этими пропагандистскими установками В.И. Ленин подчинял формирование коммунистического поколения задачам практического строительства нового общества. Каков этот новый человек, он представлял обобщенно, его внимание было приковано к задачам текущего момента: безграмотность, упадок производства и сельского хозяйства и т. д. В этом контексте «новый человек» с новой коммунистической моралью формировался, и одновременно, строил заводы, пахал и сеял, развивал науку, учил и т. д., то есть решал вполне повседневные проблемы.

Фигура «нового человека» сочетала в себе новую мораль с практико-ориентированными знаниями, которые служили бы делу модернизации страны. Так, в начале 1920-х гг. насущной задачей была электрификации и хозяйственное возрождение страны, в этом направлении и должно было воспитываться молодое поколение: «только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение» [17]. Опираясь на старую гвардию, закаленную революцией и имеющую образование, он планировал «воспитание поколения, способного окончательно осуществить коммунизм» [21, с.95]. Практические задачи советского государства предполагали массовость в деле формирования «нового человека», таким образом изживались прежние социальные различия, и формировалась однородная социальная основа для коммунистического будущего.

Идеи и действия по созданию «нового человека имели гендерное выражение. Большевистская политика воспитания «нового человека» предполагала изменения в сфере гендерной асимметрии, которая, в представлении власти в 1920-е годы, должна была быть сведена к нулю: женщина во всем должна стать равной мужчине. Проблема равноправия полов по прошествии столетия не ушла в прошлое, и в современном российском обществе возникают дискуссии о положении женщины в семье и социуме. В 2019 г. Минтруд утвердил список профессий, в которых не могут быть задействованы женщины по причине тяжести и повышенной опасности. Подобного рода решения властей вызывают негативную реакцию со стороны представительниц феминистских движений, так как расцениваются как попрание прав женщин и демонстрация её подчиненного положения. При обращении к советскому прошлому историческая аналогия напрашивается сама собой, такой же спор мы можем найти в 1920-х годах. В 1926 году журнал «Работница» инициировал дискуссию о том, может ли женщина быть представителем до этого считавшейся типично мужской профессии, например, слесарем [23].

Однако, есть существенное смысловое различие при внешней схожести позиций. В случае раннесоветского периода конструированием новой гендерной идентичности женщины занималось государство, насаждая новый гендерный порядок обществу сверху, исходя из принципа равенства трудящихся женщины и мужчины на производстве. Во втором случае – попытка государства оградить женщин от тяжелого и вредного для здоровья труда вызывают критику со стороны определенной части общества как посягательство на права женщин.

Исследовательница О.С. Поршнева рассматривает социальную мобилизацию как главный метод советской гендерной политики, что предполагало целенаправленное воздействие власти на социум и подавление индивидуальных намерений и целей в пользу общественного блага в том виде, в котором его формулировала сама власть. Социальный инжиниринг советской власти предполагал коренную переделку сознания и поведения человека [28]. Соглашаясь с этим тезисом, добавим, что женщины стали специфической группой социального проектирования, отличавшейся особой отсталостью в глазах большевистских лидеров в силу ее социальных функций в старом обществе являясь оплотом традиционной и частной жизни. Таким образом, к воспитанию женщины нужно было приложить больше стараний, нежели к формированию «нового мужчины».

Меры по созданию «нового человека» вырабатывались в 1920-е годы. В это вписывается положение Н.Л. Пушкаревой о том, которая рассматривает период с конца 1917 г. до конца 1920-х гг. как самостоятельный этап трансформации гендерных отношений в советской России. В частности, шли поиски наиболее приемлемой формулы семейно-брачных отношений. Средством формирования «новой женщины» исследователь назвала путь дефамилизации [30]. Ведение домашнего хозяйства объявлялось формой эксплуатации женщины и выражением ее рабского положения. Новое государство ставило задачей освобождение женщины от ига семьи путем создания столовых и детских садов, которым она могла бы делегировать все свои домашние обязанности, а освободившееся время потратить на общественно-политическую активность. За освобождение от «ига материнства» ратовала и А. М. Коллонтай, имея ввиду при этом не отказ от института семьи, а скорее изменение его основ [29, с.135]. Из брачного союза «новых мужчин и женщин» должна уйти основа материального благополучия, которая трактовалась как признак собственнических отношений и негативная черта старого патриархального строя.

Первая советская конституция в 1918 г. полностью уравняла женщину и мужчину в правах и обязанностях, что стало прорывом не только для правового поля России, но и для всего мира. Однако, равенство, установленное законом, формировало гендерный порядок, который социологи Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина определяют, как «этакратический» [12]. Пределы равенства и его проявления регламентировало именно государство, а не формировало общество путем поиска оптимальных форм взаимодействия полов в семье и обществе. Фактически, этакратичность обусловила своего рода национализацию образа женщины, который должен был коррелироваться с нуждами государства. Социологи П.В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова одним из направлений данной политики называют «социальное материнство», которое предполагало активное вовлечение государства и общества в решение проблем семьи [32, с.285].

Обращаясь к вопросу угнетения женщины, В.И. Ленин расценивал данное положение как проявление социального неравенства и ставил прекрасный пол в один ряд с эксплуатируемыми капитализмом классами. Если на производстве рабочего угнетал фабрикант, то женщина становилась жертвой домашнего рабства. Однако, оба состояния трактовались как явления одного социального порядка. В.И. Ленин рассматривал женский вопрос и процесс его разрешения как часть большого социально-политического проекта демократизации. Проблема гендерного неравенства соотносилась с неравенством в целом, с капитализмом и институтом частной собственности [19]. Данная трактовка гендерной асимметрии логично вытекала из марксистского объяснения социального неравенства, которое могло быть ликвидировано не только правом, но и вовлечением женщин в политическую и социальную жизнь страны через массовые кампании. Так возникали проекты социального инжиниринга в отношении женщины.

Женщины расценивались как более угнетаемый слой и более отсталый из-за полной погруженности в мелкое домашнее хозяйство, которое своей непроизводительностью не давало возможности ей развиваться [17, с.29]. Самой угнетаемой среди угнетаемых и неравной среди неравных была женщина Востока, над которой довлели религиозные традиции, исключавшие ее свободу в обществе и предполагавшие полное поглощение семьей. Соответственно «новая женщина» – это образ, полностью оторванный от повседневной жизни семьи, то есть «дефамилизированный». В том числе это свойство проявилось в легкости развода. С 1926 г. развод мог производится в одностороннем порядке, даже по почтовому уведомлению.

Усредненный образ «новой женщины» в текстах В.И. Ленина это прежде всего представительница пролетариата – работница. Эмансипация женщины понималась как мобилизация

на службу советского строительства [12, с.309]. Практические решения в отношении прав и возможностей женщины принимались ситуативно и подгонялись под насущные потребности государства. Так, в 1920 году была издана Директива Политбюро ЦК РКП (б) о рабочей инспекции (Рабкрин), в третьем пункте которой давалось указание Президиуму ВЦИК и Госкону (государственному контролю) привлекать в состав рабкрина на местах неквалифицированных рабочих и преимущественно женщин [8, с.6].

В 1918 г. для работы с работницами и крестьянками были созданы женотделы при ЦК РКП(б) и в местных партийных органах. Заведующей Женотдела при ЦК стала Инесса Арманд, после ее смерти в 1920 году структуру возглавила Александра Коллонтай. После себя она оставила литературное наследие, часть из которого была опубликована под псевдонимом Елена Блонина. Образ женщины, предлагаемый И. Арманд, в общих чертах совпадает с тем, который вырисовывается из текстов В.И. Ленина. В авангарде борьбы за освобождение женщины стояла работница, так как крестьянка была еще более отсталым элементом: «Пролетарка станка должна протянуть руку помощи своей более темной, более отсталой сестре – пролеарки сохи и приобщить ее к своему движению» [1, с.60]. Основой ее взглядов на женский вопрос были ее теоретические представления и недавний опыт революционной борьбы. Если смотреть через призму имагологии, то «новая женщина» И. Арманд наделена более активным началом именно в революционной борьбе [2]. Будучи представительницей своего пола, она полагала, что женщина сама завоевала возможности новой жизни, тогда как В.И. Ленин делал упор на дарование всех прав и свобод сверху большевистской властью. В свете борьбы современных феминисток за внедрение в язык феминитивов, симптоматично использование И.Ф. Арманд термина «пролетарка» [3, с.77], что тоже предполагает констатацию уже завоеванного социального статуса. Если соотносить образ «новой женщины» с концептом «свой-чужой», то большевики-мужчины и большевички-женщины при все сходствах характеристик, наделяли разными качествами новую женщину, в том числе в мужской трактовке она подключалась в борьбе, начатой рабочим классом, в женской – была участницей событий в статусе «пролетарки более позднего призыва» [4, с.71].

Наличие феминитивов в работах является отличительной особенностью именно женских текстов. В отличие от И. Арманд, Н. К. Крупская не была феминисткой, но терминологически старалась выделить советскую женщину. Так она сравнивал, женщин-пролетарок с женщинами-буржуазками. Последних в силу их социального происхождения можно отнести скорее к угнетателям, чем к угнетенным. В представлении Н.К. Крупской наоборот: пролетарка была более свободной, а буржуазки были больше поражены в своих правах.

Ратуя за освобождение женщины, большевики игнорировали поражение в правах женщин привилегированных классов, что уже делало процесс воспитания «новой женщины» ограниченным. Это вытекало из того, что буржуазия должна быть уничтожена как класс. Н.К. Крупская факт ограничения констатировала и расценивала такое положение как вполне закономерное. Работница в советском обществе была выше буржуазки в царском прошлом и в условиях нэпа, но равна мужчине-рабочему [17, с.16]. Само по себе утверждение лукавое, потому что в рядах революционеров было немало женщин, которые имели благородное происхождение. Например, знаменитая большевичка Е.Д. Стасова была представительницей не просто дворянства, а семьи, которая дала России несколько выдающихся деятелей: архитектора В. Стасова, музыкального критика и общественного деятеля В. Стасова, Н. Стасову, боровшуюся за женское высшее образование. Непролетарское происхождение имели и феминистки К. Коллонтай и И. Арманд. А. Коллонтай родилась в дворянской семье, И. Арманд – в семье актеров во Франции, и после их смерти воспитывалась в России в доме фабрикантов Арманд. Современное Н.К. Крупской поколение пролетарок вписывались в контекст советского строительства – в НЭП, ликвидацию неграмотности, работу органов управления и т.д. Советская женщина рассматривалась ею именно как равноправная участница текущих процессов и событий: НЭПа, ликвидации неграмотности, организации управления.

А.М. Коллонтай вводит в употребление категорию «новая женщина», но это не идеальная конструкция будущего, скорее реь идет о реальности: «Оглянитесь кругом, присмотритесь, задумайтесь, – новая женщина – она есть, она существует» [14, с.3]. В ее характеристиках превалирует скорее личность, а не социальный статус. А. М. Коллонтай не уравнивает, а отделяет женщину от мужчины, хотя пишет о ликвидации неравенства. Образ женщины, описанный ею, разительно отличается от представленных выше, дефамилизация связана не с социально-экономическим угнетением прекрасного пола, а скорее проистекает из необходимости борьбы против принижения личности и сексуальности женщины в условиях капиталистического общества. Фигура «новой женщины» выходит за пределы коммунистической идеологии, интересов классовой борьбы и советской модернизации, становясь более антропологичной. Этот тип свободной женщины более успешно существует в рабочей среде, так как буржуазная среда к нему враждебна. В мораль «новой женщины» включаются сексуальные нормы,

которые не упоминаются, например, И. Арманд. Женщина уравнивается с мужчиной не только в политической и социально-экономической сфере, но и сексуальной жизни. Нормы половой жизни в своей реализации, по мысли А. М. Коллонтай, имели две цели: 1. в физическом отношении: воспроизводство и поддержание здоровья; 2. в психологическом плане: формирование тонкой психической организации, «обогащение души чувствами человеческой солидарности» [13, с.37].

В условиях более совершенного социального уклада, нежели капиталистический, женщина должна для себя решать обе задачи и не довольствоваться только первой. Коммунизм как идеология создавал условия для новых принципов отношений полов, вопросы об участии женщины в модернизации и управлении обществом меньше всего волновали А.М. Коллонтай. Однако, полноценное формирование «новой женщины» буржуазная индивидуалистская среда не способна обеспечить, благоприятные условия для нее в среде рабочих: «Выискать тот основной критерий морали, что порождается специфическими интересами рабочего класса, и привести в соответствие с ним нарождающиеся сексуальные нормы—такова задача, которая требует своего разрешения со стороны идеологов рабочего класса» [15, с.61]. Исход классовой борьбы фактически ставится в зависимости от развития и усвоения обществом новой сексуальной морали, именно от нее зависит будущее социальное устройство.

Взгляды А.М. Коллонтай оказались слишком радикальными и слишком далеко ушли от потребностей власти в тот период времени. Ее политическая деятельность в РСФСР закончилась в 1921 г. в связи с разгромом так называемой рабочей оппозиции, которая требовала передать профсоюзам управление народным хозяйством. Дальнейшая карьера продолжилась уже за пределами страны на дипломатическом поприще [26, с.182].

Образ «новой женщины» в духе А. М. Коллонтай можно встретить в литературе того времени. В рассказе М. Шагинян «Флирт» детализируется поведение, искания и ожидания «новой женщины», которую себе представляла знаменитая большевичка. Однако, главная героиня произведения, Любовь Адриановна Жемчужникова не является представительницей пролетариата и ведет богемный образ жизни, такая красочная деталь как ароматный шлейф духов «Герлен» вряд ли позволяет говорить о принадлежности к рабочему классу. Реальность оказалась многообразнее, чем планировали большевики и для определенных слоев был актуален образ бунтарки, но протестующей против обыденности существования. В рассказе явно присутствует эротический контекст, в котором замужняя женщина и мать двоих детей без порицания и осуждения флиртует с мужчинами в поисках героя того самого, который ей приснился. Важно подчеркнуть, что героиня и ее поиски не вызывают осуждения и не порицаются автором, и даже наоборот, поддерживаются: «Ей казалось, что до сих пор но жила, что вся жизнь ее походила на случайную накипь, которую нужно собрать с себя ложечкой сбросить. Только бы найти того, кто ей приснился, – и она переродится, очистится, начнет жизнь сначала» [34]. Семья представляет собой небольшую часть жизнь, в которую Любовь Жемчужникова не погружалась, важна только чувственность и духовное родство, которое возникает с ее мужем перед его смертью.

К концу 1920-х гг. ставка на дефамилизацию образа женщины показала свою несостоятельность. Попытка разрушить семейный быт не удалась, инфраструктура (детские сады, столовые, коммуны), которая должна была обеспечивать освобождение от повседневной рутины, не достигала того уровня, который спасал бы от «домашнего рабства». В 1927 г. вышла в свет брошюра А.В. Луначарского «О быте» [22]. С определенным оттенком сожаления он писал о том, что семья оказалась вне государственной и социально-экономической жизни. Воспроизводство новых поколений коммунистов, как оказалось, возможно только в семье. Нарком просвещения предупреждал о негативных политических и экономических последствиях неправильного решения семейного вопроса. Ломка старого уклада привела к негативным явлениям, например, идентификация парной семьи с детьми как проявление буржуазности и поворот к свободной любви. А.В. Луначарский полагал, что парную семью следует поддержать и сохранить, а вот неравенство мужчины и женщины – это безусловный буржуазный пережиток. Бытовой уклад и гендерную асимметрию дореволюционной семьи следовало отринуть. Выяснилось, что место женщины в условиях свободной любви снова подчиненное и зависимое от мужчины: «Мужчина не страдает от полового акта, для него это то же, что «выпить стакан воды». Женщина, выпив стакан воды, ничего от этого не потерпит, а от полового акта у нее бывают дети. Вот дети и есть центральное место всего вопроса» [22]. Так он, мужчина спорит с идеей женщины А. Коллонтай о сексе как о «стакане воды».

Дефамилизация не привела к установлению равенства, а породила определенный нравственные деформации. В первую речь идет о городской среде, так как крестьянская семья и поведение крестьянки были более традиционными. С другой стороны, так расставляли приоритеты сами большевики, «новая советская женщина» прежде всего работница, представительница пролетариата. Как пролетариат был в авангарде революции, так и в деле освобождения женщины он был локомотивом.

А.В. Луначарский скорректировал образ «новой женщины», он вернул ей традиционное материнство. При этом сам институт брака и место в нем женщины актуален сегодня, даже почти сто лет спустя: «Если я пришел в квартиру к товарищу и увидел, что мужчина с бородой по пояс качает люльку потому, что жена его пошла на собрание или учиться, что бы я мог сказать? Только пожать ему руку, как честному ленинцу. Такие браки, в которых не делается разницы между мужчиной и женщиной, в которых поровну распределяются обязанности, мы должны признать соответствующими нашему идеалу» [22]. Идеологический образ «новой женщины», не мог быть ориентиром будучи не подкрепленным успешными примерами из реальной жизни.

В целом, тексты представителей советской власти создают собирательный образ «новой женщины». В периодике и публицистике, он детализировался и подкреплялся отдельными единичными примерами женщин, которые соответствовали идеологической конструкции. Если тексты советских лидеров представляли собой сложный теоретический концепт «новая женщина», то, когда речь идет о пропаганде мы сталкиваемся с практикой его воплощения в жизнь. Представляется справедливым утверждение Смагиной С.А., что не стоит отождествлять категории «новая женщина» и «советская женщина». В первом случае подразумевается устойчивая идеологическая конструкция, которая служила ориентиром. «Советская женщина» – это собирательный образ реальных женщин в СССР, имеющий многообразные проявления [33].

Популяризируя идею «новой женщины», советская пропаганда прибегала к опыту реальных женщин, в той или иной степени коррелировавших с идеальным образом. Российская исследовательница О.Д. Минаева, на основе изучения журналов «Работница» и «Крестьянка», считает их инструментами пропагандистского обеспечения решения «женского вопроса» в контексте советских социальных реформ 1920 – 1930-х гг. [25]. Первый номер «Работницы» вышел ещё до революции, в 1914 гг., некоторые из выпусков не проходили цензуру и были конфискованы властями. Таким образом, партийная женская печать появилась еще до захвата власти большевиками. После революции количество женских изданий возросло, в большинстве из них публиковались статьи и выступления Н.К. Крупской, обеспечивающей пропаганду идеи женского равноправия. С 1922 года начала издаваться «Крестьянка», которая исходя из названия и содержания, имела четко очерченную целевую аудиторию. С 1926 года акционерное общество «Огонек» стало выпускать новый журнал «Женский журнал», который конкурировал с партийными изданиями и отличался менее политизированным содержанием. По мнению, О. Д. Минаевой он не выполнял агитационные задачи, и поэтому в 1930 г. прекратил свое существование [25, с.38].

Такие журналы как «Работница» и «Крестьянка» ориентировались на сугубо женскую аудиторию, но, исследуя проблему репрезентации образа «советской женщины», следует учитывать и опыт периодики не имеющей гендерной привязки. Так, в журнале «Огонёк» в 1920-е гг. публиковались материалы пропагандистского характера на тему равенства и участия слабого пола в жизни страны. Подход был вариативным. Рассмотрим некоторые способы презентации читательницам примеров «советской женщины» не только посредством текстов, но и иллюстративного материала, в том числе фотографии, демонстрирующие ее внешний облик. Публикуя работу М. Шагинян «Флирт», редакция уравновесила непролетарское содержание фотографиями сотрудниц женотделов и разместила на тех же страницах, что и рассказ. Вновь мы сталкиваемся с использованием феминитивов. Под всеми иллюстрациями присутствуют термин «делегатки». Внешний облик изображенных женщин отвечает требованиям советской модернизации своей, простотой, утилитарностью и мужественностью. На фотографии съезда делегаток женщины одеты по-мужски в тулупы и кепки, на одной из девушек видна рубашка и повязан галстук [31]. Данный стиль внешней самопрезентации как выражение конфликта новой и старой морали иронично представлен М. А. Булгаковым в «Собачьем сердце»: «Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый тот, с копной.

– Какая разница, товарищ? – спросил он горделиво.

– Я – женщина, – признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел почему-то густейшим образом один из вошедших - блондин в папахе.

– В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, попрошу снять головной убор, – внушительно сказал Филипп Филиппович» [5].

Методы визуализации советской женщины имели самые разные проявления, советскому читателю представляли не только активисток, но и женщин, уже тогда вошедших в историю как выдающиеся большевички и творцы революции. Власть апеллировала к образам известных женщин как к наглядному примеру их реализации во власти и реального воплощения равенства, дарованного советскими законами. В 1928 г. «Огонек» опубликовал портреты выдающихся женщин-коммунисток под заголовком «Викторина – игра читателей «Огонька. Серия двадцатая – выдающиеся женщины революции». Читателю предлагалось угадать представленных деятельниц партии [6].

Успешное участие женщин в организации советской власти на местах становилось идеальным информационным поводом для публикации и демонстрации широкой, и не только женской, аудитории успехов в деле раскрепощения слабого пола большевиками. Внимания заслуживали сделавшие карьеру представительницы рабочей среды, которая властью мыслилась как самая благоприятная для воспитания «новой женщины». Например, фигура первой председательницы сельсовета была наглядной иллюстрацией и участия женщины в управлении, и благоприятного влияния рабочих на крестьянскую среду. Биография товарища Трегубовой была показательной, так она с 1904 г. являлась членом РСДРП (б), а в 1907 г. вышла замуж за шахтера. Послужной список Трегубой полностью укладывается в видение пути советской женщины В.И. Лениным, призывавшего активно вовлекать женщин в организацию управления: работа в большевистском подполье, председатель комиссии по ремонту школ, член правления кооператива. В 1924 г. стала председательницей одного из сельсоветов Полтавского округа [10]. Однако, заметим, что призывы к раскрепощению женщин звучали давно, а первая известная советскому обывателю председательница сельсовета появилась только в 1924 г. Пример товарища Трегубой не был массовым, но имевшиеся редкие случаи эксплуатировались в агитационно-пропагандистских целях.

Другой положительный пример советской женщины – председатель Калужского губернского исполкома товарищ Любимова. На материале публикации о ней можно проиллюстрировать другую особенность советской пропаганды, пытавшейся не только дефамилизировать, но и зачастую дефеминизировать образ женщины. Если в тексте материала заменить «Любимову» на «товарища Любимова» суть описываемой личности и ее заслуг не изменится. Только фотография и фамилия выдают гендер. Весь текст заметки сводится к выполняемым служебным обязанностям и полному соответствию товарища Любимой задачам партии. Обе женщины, Трегубова и Любимова, оказались прочно вписаны в современный им исторической контекст. В первом случае в 1924 г. подчеркивалось революционное прошлое и классовая принадлежность, во второй ситуации председатель губисполкома в 1928 г. представлена как явление типичное, и в ее работе чувствуется приближение коллективизации, так как именно к ней обращаются крестьяне с просьбой о защите от «кулака» [7].

Советской властью были востребованы и поэтические формы репрезентации советской женщины. В 1928 г. в «Огоньке» был опубликован отрывок из поэмы Н.А. Павлович «Женщина». Прежде самого произведения интересна личность автора, так как биография диссонирует с содержанием представленного отрывка. Надежда Павлович в истории советской литературы оставила заметный след, и сама по себе была женщиной неординарной. Ее биография является примером неоднозначности реализации на практике образа «новой женщины» и скорее стала историческим казусом. Литературным творчеством начала заниматься еще до революции, после 1917 г. работала в Пролеткульте в Москве и Самаре, сотрудничала с Н.К. Крупской. Будучи непосредственно вовлеченной в большевистскую политику, участвовала в организации Петроградского отделения Союза поэтов, она выбивалась из ряда известных коммунисток. Ее публикация в «Огоньке», вторя голосу партии, она пишет о рухнувшей старой морали:

Ты хочешь, чтобы я осталась прежней
Тиха, послушна, кротка, нежна?
Но если с каждым годом безудержней
Захлестывают наши времена

Но, если я плечом к плечу с тобою,
Как равная, в работе и в бою
Встречаюсь с неподатливой судьбою
И убиваю, и люблю [27]

Видимо, новый строй ее и советская действительность не смогли ее убедить, и в 1923 году Н.А. Павлович стала послушницей старца Оптиной пустыни отца Нектария, что полностью противоречило идеологической установке советской власти на освобождение женщины от религиозных оков.

Формирование «новой женщины» предполагало ликвидацию гендерной асимметрии в среде различных народов, которых для удобства идентифицировали как восточные. В советской пропаганде особое внимание в течении всего десятилетия особое внимание уделялось женщине Востока, куда включались и представительницы кавказских народов, и жительницы Средней Азии, и в целом мусульманки России. В речах и трудах советских лидеров неоднократно подчеркивалось неравноправное положение восточных женщин, по инерции от имперского прошлого использовался ориенталистский дискурс, наделявший русскую женщину цивилизаторской миссией. Освободившись сама, она протягивала руку помощи еще более закабаленным подругам. На часто публикуемых фотографиях среди участниц съездов женщин «восточных народов» присутствуют русские делегатки [11]. Для демонстрации достигнутых успехов публиковались фото женщин, одетых по-европейски. Так, в 1924 г. была напечатана фотография, сделанная на открытии Самаркандского клуба туземной женщины, все делегатки намеренно сняты без чадры с открытыми лицами [9]. Следовательно, несмотря на возможные тяжелые и даже трагические последствия, у всех народов были молодые женщины, для которых образ «новой женщины» был привлекательным.

Пропагандируя положительный опыт русских женщин, советская власть отдавала приоритет ее вкладу в развитие производства, налаживание системы образования, участие во властных структурах. Новая женщина Востока, в первую очередь, избавлялась от внешних проявлений традиции, и ее освобождение выражалось в возможности свободно общаться, учиться, одеваться. Большое значение придавалось разрыву с семейно-брачными устоями, которые трактовались коммунистической идеологией как собственнические: калым, браки без согласия женщины, многоженство, ранняя отдача девочек замуж.

Таким образом, исследование концепта «новая женщина» в трудах представителей большевиков позволяет сделать вывод о его неоднородности. Будучи сторонниками общей идеологии, они вписывали образ идеальной советской женщины в дискурс классовой борьбы, и его воплощение в реальности соотносили с успешным завершением социального противостояния. Однако, представляется нецелесообразным считать концепт «новая женщина» гомогенным. Однородность нарушалась авторским прочтением, на который влиял как личный опыт, так и гендер. Имагологически женщины-коммунистки искомый идеал рассматривали как «свой», соотносили себя с ним и наделяли более активным началом. Мужское видение предполагало трактовку «новой женщины» через призму «другого» и снижение ее активность, за счет упора на дарование прав и свобод сверху новой властью. В пропаганде, использующейся для подтверждения успехов власти в деле формирования как «нового человека», так и «новой женщины», эксплуатировался образ «советской женщины». В данном случае речь идет не о теоретическом концепте, а о собирательном образе, построенном на опыте реальных женщин.

Источники и литература

1. Арманд И. Ф. Работницы вспомните о деревне! // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С.60 – 61.
2. Арманд И. Ф. Работницы в Интернационале. М.: Государственное издательство, 1920. 46 с.
3. Арманд И. В. Борьба работниц за последние годы (Справка к напечатанным материалам) // Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С.74–81.
4. Арманд И. В. Работа средин женщин пролетариата на местах // Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С.70 – 74.
5. Булгаков М. А. Собачье сердце URL: http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html (Дата обращения: 21.08.2021).
6. Викторина – игра читателей «Огонька. Серия двадцатая – выдающиеся женщины революции // Огонек. 1927. №27.
7. День калужского предгубисполкома // Огонек. 1928. №40.
8. Директива Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о рабочей инспекции // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.40. М.: Издательство политической литературы, 1974. С.64.
9. Женские организации на Востоке // Огонек. 1924. №41.
10. Женщина – председатель сельского совета. От нашего полтавского корреспондента // Огонек. 1924. №4.
11. Женщины Востока по стопам русской работницы // Огонек. 1924. №51.
12. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. №3-4. С.299 – 321.
13. Коллонтай А. М. Любовь и новая мораль // Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919. С.36- 47.
14. Коллонтай А. М. Новая женщина // Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919. С.3 – 35.
15. Коллонтай А. М. Отношения между полами и классовая борьба // Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919. С.48 – 61.
16. Крупская Н. К. Ко всероссийскому совещанию губорганизаторов по работе среди женщин // Крупская Н.К. О работе среди женщин. М.: Государственное издательство, 1926. С.15 – 17.
17. Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников) // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С.1 – 29.
18. Ленин В. И. Задачи Союзов Молодежи (Речь на 3-м Всероссийском съезде РКСМ. 4 октября 1920 г.) // В.И. Ленин (Ульянов). Собрание сочинений. Т.27. М.: Государственное издательство, 1925. С.313 – 329.
19. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в советской республике речь на IV московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С.198 – 205.
20. Ленин В. И. Проект программы нашей партии// Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. — 5-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1967. — Т. 4. С. 374.
21. Ленин В. И. Проект программы РКП // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т.38. М.: Издательство политической литературы, 1969. С.81 – 124.
22. Луначарский А. В. Мы вплотную подошли к вопросам быта URL: http://lunacharsky.newgod.su/articles/o-byte/ (Дата обращения: 21.08.2021).
23. Луначарский А.В. Новый русский человек URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/novyj-russkij-celovek/ (Дата обращения: 21.08.2021).
24. Минаева О. Д. «Может ли баба справить мужичью работу». Особенности производственной пропаганды в советских журналах для женщин 1920-х гг. // Вестник Московского университета. Серия. 10. Журналистика. 2014. №5. С.112 – 129.

25. Минаева О. Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М.: МедиаМир, 2015. 232 с.
26. Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщины и Александра Коллонтай // ОНС: Обществ. науки и современность. 1993. №1. С.174 – 186.
27. Павлович Н. Из поэмы «Женщина» // Огонек. 1928. №28.
28. Поршнева О. С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России. Сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра исторических наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2018. С.383 – 397.
29. Пушкарева Н. Л. «Близится революция, созвучная пролетарской». Революция до и после 1917-го года как полигон конструирования новой сексуальной культуры // Revue des études slaves. 2019. XC 1-2. P.125 – 139.
30. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012 URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/(Дата обращения: 21.08.2021).
31. Пятилетие женотделов // Огонек. 1923. №36.
32. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917 – 1930-е гг. // Социальная история. Ежегодник, 2009. СПб: Алетейя, 2009. С.275 – 295.
33. Смагина С.А. «Новая женщина» как идеологический концепт советского кинематографа 20-х гг. // Артикульт. 2018. 32(4). С. 174-181. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-4-174-181.
34. Шагинян М. Флирт // Огонек. 1923. №36.

References

1. Armand I. Rabotnitsy vspomnite o derevne! (Female workers remember the village!) // Armand I. F. Stat'i, rechi, pis'ma. Moscow: Politizdat, 1975. P.60 – 61. (In Russian).
2. Armand I. F. Rabotnitsy v Internatsionale (Female workers in International). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. 46 p. (In Russian).
3. Armand I.V. Bor'ba rabotnits za poslednie gody (Spravka k napechatannym materialam) (Struggle of female workers in recent years (Reference to printed materials) // Armand I. F. Stat'i, rechi, pis'ma. Moscow: Politizdat, 1975. P.74–81. (In Russian).
4. Armand I.V. Rabota sredin zhenshchin proletariata na mestakh (Work among female proletarians in the localities) // Armand I. F. Stat'i, rechi, pis'ma. Moscow: Politizdat, 1975. P.70 – 74. (In Russian).
5. Bulgakov M.A. Sobach'e serdtse (The dog's heart) URL: http://www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
6. Viktorina – igra chitatelei «Ogon'ka». Seriya dvadtsataya – vydayushchiesya zhenshchiny revolyutsii (Quiz – the game for readers «Ogon'k». Episode twenty - outstanding women of the revolution) // Ogonek. 1927. No. 27. (In Russian).
7. Den' kaluzhskogo predgubispolkoma (Day of the Kaluga Governorate Executive Committee) // Ogonek. 1928. No. 40. (In Russian).
8. Direktiva Politbyuro TsK RKP (b) po voprosu o rabochei inspektsii // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii (Directive of the Politburo of the Central Committee of the RCP (v) on the issue of workers' inspection). Vol.40. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974. P.64. (In Russian).
9. Zhenskie organizatsii na Vostoke (Women's organizations in the East) // Ogonek. 1924. No. 41. (In Russian).
10. Zhenshchina – predsedatel' sel'skogo soveta. Ot nashego poltavskogo korrespondenta (A woman is the chairman of the village council. From our Poltava correspondent) // Ogonek. 1924. No. 4. (In Russian).
11. Zhenshchiny Vostoka po stopam russkoi rabotnitsy (Women of the East in the footsteps of a Russian worker) // Ogonek. 1924. No. 51. (In Russian).
12. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve (State construction of gender in Soviet society) // Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki. 2003. №3-4. P.299 – 321. (In Russian).
13. Kollontai A. M. Lyubov' i novaya moral' (Love and new morality) // Novaya moral' i rabochii klass. Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov, 1919. P.36- 47. (In Russian).
14. Kollontai A. M. Novaya zhenshchina (A new woman) // Novaya moral' i rabochii klass. Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov, 1919. P.3 – 35. (In Russian).
15. Kollontai A. M. Otnosheniya mezhdu polami i klassovaya bor'ba (Relations between the sexes and class struggle) // Novaya moral' i rabochii klass. Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., K. i K. Deputatov, 1919. P.48 – 61. (In Russian).
16. Krupskaya N. K. Ko vserossiiskomu soveshchaniyu guborganizatorov po rabote sredi zhenshchin (To the All-Russian meeting of the provincial organizers for work among women) // Krupskaya N.K. O rabote sredi zhenshchin. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. P.15 – 17. (In Russian).
17. Lenin V. I. Velikii pochin (O geroizme rabochikh v tylu. Po povodu kommunisticheskikh subbotnikov) (Great initiative (On the heroism of the workers in the rear. Regarding the communist subbotniks) // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii. Vol.39. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. P.1 – 29. (In Russian).
18. Lenin V. I. Zadachi Soyuzov Molodezhi (Rech' na 3-m Vserossiiskom s»ezde RKSM. 4 oktyabrya 1920 g.) (Tasks of the Youth Unions (Speech at the All-Russian with «RKSM ride. October 4, 1920) // V.I. Lenin (Ul'yanov). Sobranie sochinenii. Vol.27. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. P.313 – 329. (In Russian).
19. Lenin V. I. O zadachakh zhenskogo rabochego dvizheniya v sovetskoi respublike rech' na IV moskovskoi obshchegorodskoi bespartiinoi konferentsii rabotnits 23 sentyabrya 1919 g. (On the tasks of the women's labor movement in the Soviet republic, speech at the IV Moscow city-wide non-party conference of female workers on September 23, 1919) // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii. Vol.39. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. P.198 – 205. (In Russian).

20. Lenin V. I. Proekt programmy nashei partii (Draft program of our party) // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967. P. 374. (In Russian).
21. Lenin V. I. Proekt programmy RKP (Draft program of RKP) // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenii. Vol.38. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. P.81 – 124. (In Russian).
22. Lunacharskii A. V. My vplotnuyu podoshli k voprosam byta (We came close to the issues of everyday life) URL: http://lunacharsky.newgod.su/articles/o-byte/ (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
23. Lunacharskii A. V. Novyi russkii chelovek (New Russian man) URL: http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/novyj-russkij-celovek/ (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
24. Minaeva O. D. «Mozhet li baba spravit' muzhich'yu rabotu». Osobennosti proizvodstvennoi propagandy v sovetskikh zhurnalakh dlya zhenshchin 1920-kh gg. («Can a woman do a man's work.» Features of production propaganda in Soviet magazines for women in the 1920s) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 10. Zhurnalistika. 2014. No.5. P.112 – 129. (In Russian).
25. Minaeva O. D. Zhurnaly «Rabotnitsa» i «Krest'yanka» v reshenii «zhenskogo voprosa» v SSSR v 1920–1930-e gg.: model' propagandistskogo obespecheniya sotsial'nykh reform (The magazines «Rabotnitsa» and «Krestyanka» in solving the «women's question» in the USSR in the 1920s – 1930s: a model of propaganda support of social reforms). Moscow: MediaMir, 2015. 232 c. (In Russian).
26. Osipovich T. Kommunizm, feminizm, osvobozhdenie zhenshchiny i Aleksandra Kollontai (Communism, feminism, liberation of women and Alexandra Kollontai) // ONS: Obshchestv. nauki i sovremennost'. 1993. No.1. P.174 – 186. (In Russian).
27. Pavlovich N. Iz poemy «Zhenshchina» (From the poem «Woman») // Ogonek. 1928. No.28. (In Russian).
28. Porshneva O. S. Realizatsiya bol'shevistskogo proekta «novaya zhenshchina» v 1923–1928 gg.: protivorechiya i problem (Implementation of the Bolshevik project «new woman» in 1923-1928: contradictions and problems) // Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu d-ra istoricheskikh nauk, prof. V. I. Shishkina. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2018. P.383 – 397. (In Russian).
29. Pushkareva N. L. «Blizitsya revolyutsiya, sozvuchnaya proletarskoi». Revolyutsiya do i posle 1917-go goda kak poligon konstruirovaniya novoi seksual'noi kul'tury («A revolution is approaching, consonant with the proletarian». The revolution before and after 1917 as a testing ground for the construction of a new sexual culture) // Revue des études slaves. 2019. XC 1-2. P.125 – 139. (In Russian).
30. Pushkareva N. L. Gendernaya sistema Sovetskoi Rossii i sud'by rossiyanok (The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012 URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/(Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
31. Pyatiletie zhenotdelov (Five years of women's departments) // Ogonek. 1923. No.36. (In Russian).
32. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Ritorika i praktika modernizatsii: sovetskaya sotsial'naya politika, 1917 – 1930-e gg. (Rhetoric and Practice of Modernization: Soviet Social Policy, 1917 - 1930s.) // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2009. St. Petersburg: Aleteiya, 2009. P.275 – 295. (In Russian).
33. Smagina S. A. «Novaya zhenshchina» kak ideologicheskii kontsept sovetskogo kinematografa 20-kh gg. («New Woman» as an Ideological Concept of Soviet Cinematography of the 1920s.) // Artikul't. 2018. No. 32(4). P. 174-181. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-4-174-181. (In Russian).
34. Shaginyan M. Flirt (Flirt) // Ogonek. 1923. No. 36. (In Russian).

Сведения об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / karina-best21@mail.ru

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / bul.tamara2011@yandex.ru

Information about the author

Ambartsumyan Karine R. – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / karina-best21@mail.ru

Bulygina Tamara A. – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / bul.tamara2011@yandex.ru

CC BY

УДК 94(37).03

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.2

А.П. Беликов
А.И. Черкасов

РИМСКО-САМНИТСКАЯ ГРАНИЦА ПО РЕКЕ ЛИРИС КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СТОРОН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV В. ДО Н.Э.

В статье рассматривается проблема границы по Лирису как фактора, обусловившего конфронтационный характер римско-самнитских отношений. Специальные исследования по данной теме по-прежнему отсутствуют как в отечественной, так и зарубежной историографии. Однако последовательное изучение эволюции римско-самнитских отношений позволяет выделить границу по Лирису как основной фактор, определявший характер взаимодействия сторон на протяжении 50 лет. Для подтверждения данного тезиса прослеживаются и анализируются основные этапы дипломатического и военного решения территориальной проблемы. Разграничение сфер влияния по Лирису и заключение оборонительного союза по договору 354 г. до н.э. заложили основы для дальнейшего взаимодействия двух народов. На первом этапе в 354-343 гг. до н.э. Лирис являлся своего рода фактором разрядки в отношениях двух сторон, проводящих экспансию в одном направлении. Однако перелом наступил в связи с началом Первой Самнитской войны 343-341 гг. до н.э., начатой по вине Рима. На втором этапе 341-328 гг. до н.э. официальный характер взаимоотношений сторон определялся мирным договором 341 г. до н.э., согласно которому устанавливалась юридическая граница по Среднему Лирису с сопутствующим отказом самнитов от демаркации по Нижнему Лирису. Несмотря на видимое урегулирование противоречий, фактически между двумя народами установилось состояние взаимного недоверия, которое с каждым годом приобретало всё более выраженный характер. И вновь долина Лириса оказалась в центре противостояния. Всё это нашло своё выражение в дипломатической борьбе 330-х гг. до н.э., которая к началу 320-х гг. до н.э. показала фактический перевес сил Рима благодаря стабилизации военно-политической обстановки возле его границ, а также вследствие ослабления самнитов после войны с Александром Эпирским. Третий этап 327-304 гг. до н.э. ознаменовал окончательный переход сторон к военному решению «лирискоой проблемы», первый шаг на пути к которому, опять же, был сделан со стороны Рима. Переломный момент в военных действиях в 313 г. до н.э. позволил квиритам установить контроль по обе стороны Нижнего и Среднего Лириса, который затем был юридически закреплён в мирном договоре 304 г. до н.э. В дальнейшем, конечно, ещё происходили военные столкновения сторон в данном регионе, однако после 304 г. до н.э. долина Лириса перестала играть ключевую роль в римско-самнитских отношениях. Проблема границы по Лирису была окончательно решена в пользу Рима.

Ключевые слова: граница, Лирис, Рим, самниты, Самнитские войны, ранняя Республика, Фрегеллы.

Для цитирования: Беликов А.П., Черкасов А.И. Римско-Самнитская граница по реке Лирис как ключевой фактор во взаимоотношениях сторон во второй половине IV в. до н.э. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 24–31. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.2

Alexander P. Belikov
Artem I. Cherkasov

THE ROMAN-SAMNITE BORDER ALONG THE LIRIS RIVER AS A KEY FACTOR IN THE RELATIONS BETWEEN THE PARTIES IN THE SECOND HALF OF THE IV CENTURY BC

The article examines the problem of the border along the Liris as a factor that determined the confrontational nature of the Roman-Samnite relations. Special studies on this topic are still missing in both domestic and foreign historiography. However, a consistent study of the evolution of Roman-Samnite relations allows us to single out the Liris border as the main factor that determined the nature of the interaction of the parties over the course of 50 years. To confirm this thesis, we trace and analyze the main stages of the diplomatic and military solution of the territorial problem. Delimitation of spheres of influence along the Liris and the conclusion of a defensive alliance under the treaty of 354 BC laid the foundations for further interaction between the two peoples. At the first stage in 354-343 BC the Liris was a kind of detente factor in relations between the two sides expanding in the same direction. However, the turning point came in connection with the outbreak of the First Samnite War of 343-341 BC, begun through the fault of Rome. In the second stage, 341-328 BC the official nature of the relationship between the parties was determined by the peace treaty of 341 BC, according to which a legal border was established along the Middle Liris with the concomitant refusal of the Samnites from demarcation along the Lower Liris. Despite the apparent settlement of contradictions, in fact, between the two peoples established a state of mutual mistrust, which every year acquired an increasingly pronounced character. Once again, the Liris Valley was at the center of the confrontation. All this found its expression

in the diplomatic struggle of the 330s BC, which by the beginning of the 320s BC showed the actual superiority of the forces of Rome due to the stabilization of the military-political situation near its borders, as well as due to the weakening of the Samnites after the war with Alexander of Epirus. The third stage 327-304 BC marked the final transition of the parties to a military solution to the « Liris problem», the first step towards which, again, was made by Rome. The turning point in hostilities in 313 BC allowed the Quirites to establish control on both sides of the Lower and Middle Liris, which was then legally enshrined in the peace treaty of 304 BC. In the future, of course, there were still military clashes between the parties in this region, but after 304 BC the Liris Valley ceased to play the key role in Roman-Samnite relations. The problem of the border along the Liris was finally solved in favor of Rome.

Key words: border, Liris, Rome, Samnites, Samnite Wars, early Republic, Fregellae.

For citation: Belikov A.P., Cherkasov A.I. The Roman-Samnite border along the Liris river as a key factor in the relations between the parties in the second half of the IV century BC // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 24–31. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.2

Постепенное территориальное расширение Рима и становление его как доминирующей силы в Лации обусловили неизбежность расширения масштабов его внешней политики – выхода за пределы одного региона и налаживания новых контактов с другими народами.

Одним из наиболее важных римских соглашений IV в. до н.э. являлся договор с самнитами 354 г. до н.э. (Diod.XVI.45.8; Flor.I.11.2; App.Samn.IV.5), который, по версии Ливия, носил союзный характер (Liv.VII.19.4). Несмотря на значимость первого дипломатического контакта между сторонами, античные авторы упоминают о нём буквально в нескольких словах, не затрагивая вопроса его содержания. Данная проблема породила различные дискуссии среди исследователей: одни трактуют соглашение просто как союз [1, с. 552; 2, с. 302; 3, с. 115; 4, с. 172; 6, с. 57; 7, с. 164; 8, с. 136; 10, с. 145; 13, с. 135; 15, p. 76; 16, p. 79; 24, p. 180; 26, p. 321; 27, p. 247; 28, p. 99; 31, p. 131; 32, s. 1; 41, p. 45; 47, p. 129], другие предполагают, что договор также включал разграничение сфер влияния по реке Лирис (совр. р. Гарильяно) [11, с. 383-384; 18, p. 40; 22, p. 114; 23, p. 284-285; 30, p. 165; 36, p. 243; 38, p. 114; 39, p. 198; 42, p. 192; 45, p. 110]. Можно согласиться, что договор носил союзный характер, однако ограничивался он обязательством сторон о взаимной помощи лишь в оборонительных войнах [42, p. 192], что прослеживается в военной помощи самнитов римлянам во время Второй Латинской войны 340-338 гг. до н.э. (Liv.VIII.6.8; 10.7; 11.2; Dion.Hal.XV.8.2), а также в отсутствии сведений об их участии в наступательных войнах друг друга. Также, вероятнее всего, в соглашении оговаривалось установление границы сфер влияния по Лирису, что, во-первых, подтверждается прекращением экспансии римлян и самнитов в направлении друг друга после их территориального соприкосновения по реке [42, p. 193-194]. Во-вторых, соглашение 354 г. до н.э. возобновлялось по мирному договору 341 г. до н.э., согласно которому Рим признавал право самнитов на завоевание сидицинов (Liv.VIII.2.3), находившихся на левой («самнитской») стороне Лириса. В-третьих, Рим на следующий же год после подписания договора начал подготовку к войне с вольсками, ещё даже не завершив борьбу с тарквинийцами и фалисками на севере Лация (Liv. VII.19.6-9). В-четвёртых, практика разграничения сфер влияния не являлась новой для Рима, что можно проследить как на примере его раннего договора с Карфагеном в 509 г. до н.э. (Polyb.III.22), так и более позднего соглашения с пунийцами в 306 г. до н.э. (Liv.IX.43.26; FRHist Quadrigarius 24 F 34), а также с Тарентом (App.Samn.7.1), предположительно, в период 320-302 гг. до н.э. [35, p. 46-47]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в договоре с самнитами мог также присутствовать пункт о разграничении сфер влияния.

В то же время сложно согласиться с предположением Э. Сэлмона о разграничении лишь Среднего Лириса (от Соры до Интерамны) [42, p. 192]. Настолько конкретное разделение речного потока было элементарно невозможно в 354 г. до н.э., поскольку римляне и самниты ещё территориально не приблизились к Лирису, который в это время контролировали вольски, вследствие чего стороны ещё не могли знать точных границ течения реки и установить какие-либо физические обозначения пределов сфер влияния. Наряду с этим, стоит отметить, что римлянам и самнитам в это время и не требовалось обозначать конкретные границы, поскольку договор 354 г. до н.э. затрагивал лишь вопрос раздела сфер влияния, а не установления пограничной линии.

Разграничение сфер влияния именно по Лирису было обусловлено несколькими причинами: 1) экспансия римлян и самнитов в направлении друг друга поставила на повестку дня вопрос о разделе территорий ослабленных вольсков, контролировавших долину Лириса [48, p. 141]; 2) в древности река являлась наиболее удобным топографическим элементом местности для установления территориальной границы между двумя народами, поскольку её нарушение было явным и неоспоримым. В данном случае в связи с разделом вольских территорий существовало только два варианта: широкий – по Треру/Толеру (совр. р. Сакко) и узкий – по Лирису. В первом случае в сферу влияния самнитов отходили бы и территории герников, состоявших в Латинском союзе (Liv. VII.15.9), который фактически возглавлял Рим. Этого квириты, естественно, допустить не могли, вследствие чего выбор был сделан в пользу

второго варианта – Лириса; 3) самниты имели определённые интересы в долине Среднего Лириса. Данный регион мог выступать местом для переселения части людей в рамках «священной весны» (Strab.V.4.12), а также источником дополнительных экономических ресурсов в виде железорудных месторождений и сельскохозяйственных угодий [42, p. 189-190].

Разделение сфер влияния оказалось выгодным обеим сторонам, однако пункт об оборонительном союзе на данном этапе действовал больше в пользу Рима, ведущего череду непрерывных войн с несколькими соседями (Liv.VII.6-19). Хотя в большинстве из них квириты сами выступали инициаторами конфликта, тем не менее, данный пункт служил своего рода перестраховкой на случай очередного вторжения галлов или начала непредвиденной войны, невыгодной Риму. В свою очередь, для самнитов пункт об оборонительном союзе в 350-е гг. до н.э. не играл большой роли, поскольку военно-политическая обстановка на их границах была относительно спокойна, а сама горная местность Самния позволяла и без того длительное время вести успешные боевые действия в случае нападения. Исходя из этого, в качестве гипотезы можно предположить, что во время переговоров самниты выдвинули предложение о разделе сфер влияния, будучи заинтересованы в заключении подобного соглашения с государством, которое с каждым годом всё более усиливалось и играло ключевую роль в регионе Лация. Однако инициатива включения в договор пункта об оборонительном союзе, по всей видимости, исходила от Рима, гораздо больше заинтересованного в нём, нежели самниты.

В период 354-343 гг. до н.э. обе стороны начали активное военное наступление в направлении Лириса. Римляне последовательно сначала захватили и разрушили Сатрик в 346 г. до н.э. (Liv.VII.27.5-9), а затем установили контроль над Сорой в 345 г. до н.э. (Liv.VII.28.6), находившейся непосредственно возле Лириса. В свою очередь, о продвижении самнитов в 340-е гг. до н.э. письменные источники умалчивают, однако наличие самнитской экспансии в это время сложно отрицать. Косвенные сведения письменных источников и археологических данных относительно 330-х гг. до н.э. показывают, что вольский город Фрегеллы, также располагавшийся вплотную к Лирису, около 330 г. до н.э. оказался разрушен [37, p. 96], бесспорно, самнитами, которые, несмотря на уничтожение поселения, продолжали воспринимать данную территорию как свою собственную (Liv.VIII.23.6; Dion.Hal. XV.8.5). На основе этого можно предположить, что самнитская экспансия в долине Среднего Лириса началась значительно раньше, ещё в 340-е гг. до н.э. или самое позднее в 330-е гг. до н.э. [12, с. 67], поскольку для захвата Фрегелл требовалось подчинить территории по левую сторону реки.

Установление границы сфер влияния по Лирису оказалось лишь временным решением проблемы захватнических интересов обоих народов, проводящих экспансию в одном направлении. В 343 г. до н.э. самниты вторгаются в земли сидицинов, на помощь которым приходят кампанцы, вследствие чего театр военных действий расширяется (Liv.VII.29.4-7; Oros.III.8.1). В контексте договора 354 г. до н.э. сидицинские и кампанские земли находились на «самнитской» стороне Лириса, однако отсутствие в соглашении чётких формулировок относительно нижнего, среднего и верхнего течения Лириса позволило римлянам воспользоваться представившейся возможностью и вмешаться в кампанские дела по просьбе кампанских городов (Liv.VII.30-31; Flor.I.11.1-2). В результате между римлянами и самнитами начался военный конфликт, известный как Первая Самнитская война 343-341 гг. до н.э. (Liv.VII.31-42, VIII.1-2; Dion.Hal.XV.3.2-15, App.Samn.I.1-2; Cic. De divin.I.51; Tr.Fasti ad. an. 343; Plin.HN.XVI.11; Front. Strat.I.5.14, IV.5.9; P.Oxy.12.5; De Vir.Ill. XXVI.1-3; XXIX.3).

После непродолжительных военных действий был заключён мирный договор в 341 г. до н.э., согласно которому возобновлялось соглашение 354 г. до н.э., а самнитам предоставлялось право вести войну в землях сидицинов (Liv.VIII.2.1-4). Относительно последнего пункта исследователи высказывали различные предположения: Г. Де Санктис считал «совершенно невозможным» предоставление Римом свободы действий самнитам в отношении сидицинов [21, p. 274]; Г. Лидделл более умеренно предполагал, что сидицины остались нейтральными, став своего рода буферной зоной [34, p. 196]; М. Хамберт, напротив, признаёт факт «передачи» сидицинов самнитам, однако настаивает на том, что по договору 341 г. до н.э. Лирис перестал являться границей между римлянами и самнитами [30, p. 169]. Несмотря на всю дискуссионность вопроса, в данном случае можно прийти к более конкретным выводам. Позиция Г. Де Санктиса открыто противоречит прямым и однозначным сведениям источников (Liv.VIII.2.3), а предположение Г. Лидделла полностью опровергается фактом последовавшего вторжения самнитов в земли сидицинов в этом же 341 г. до н.э. (Liv.VIII.2.5). Точно также сложно согласиться с точкой зрения М. Хамберта, граница по Лирису, по крайней мере по его среднему течению, продолжала сохраняться между двумя народами, что подтверждается последующим недовольством со стороны самнитов относительно выведения римлянами колонии во Фрегеллы, находившихся по левую сторону Лириса (Liv.VIII.23.6; Dion.Hal. XV.8.5). На основе этого стоит признать, что по договору 341 г. до н.э. восстанавливалась граница по Лирису, однако теперь более ясно обозначалась разграничительная линия по среднему

течению реки. Римляне, предоставив право самнитам свободно вести войну в землях сидицинов, фактически признали законность самнитских притязаний на левую сторону Среднего Лириса, но взамен, по всей видимости, потребовали отказа от демаркации по Нижнему Лирису (от Интерамны до Тирренского моря), который оставлял за квиритами богатую северную Кампанию [3, с. 118; 4, с. 172; 42, p. 197; 48, p. 141].

Как это ни парадоксально, но Первая Самнитская война явилась важным этапом в вопросе римского-самнитского территориального урегулирования. К 343 г. до н.э. в результате подчинения вольских земель стороны оказались в непосредственном взаимном соприкосновении, что обусловило трансформацию разграничительной линии по Лирису из водораздела сфер влияния в фактическую территориальную границу по среднему течению реки. В то время как мирный договор 341 г. до н.э. уже устанавливал юридическую границу по Среднему Лирису.

Несмотря на видимое урегулирование противоречий в 341 г. до н.э., изначальная предпосылка войны никуда не исчезла, обе стороны по-прежнему проводили интенсивную экспансионистскую политику. В период между Первой и Второй Самнитскими войнами как римляне, так и самниты открыто пренебрегали юридически установленными территориальными границами. Рим в 334 г. до н.э. вторгся в земли сидицинов (Liv.VIII.16.11; 17.1-2), которые по договору 341 г. до н.э. находились по левую («самнитскую») сторону Лириса. Самниты, в свою очередь, совершили нападение на вольские города Фабратерия и Лукания в 330 г. до н.э. (Liv.VIII.19.1-3), располагавшиеся уже по правую («римскую») сторону Лириса.

Однако если в 330-е гг. до н.э. оба народа проводили военные операции на «чужой» стороне Среднего Лириса, но не осмеливались закрепиться на противоположной части реки, то уже в 328 г. до н.э. римляне предпринимают кардинальный шаг для решения данного вопроса. В этом году римляне основали колонию во Фрегеллах (Dion. Hal.XV.8.5; Liv.VIII.22.1-2), которая находилась на «самнитской» стороне Среднего Лириса [33, p. 374], что явилось негласным заявлением об их готовности окончательно отказаться от договора 341 г. до н.э. и установить полный контроль над средним течением реки посредством военных действий. Данное событие, собственно, и стало главной причиной начала Второй Самнитской войны [43, s. 375; 46, p. 170].

Рим умело использовал все выгоды, которые ему предоставили соглашения с самнитами, сначала перестраховав себя по договору 354 г. до н.э., а затем призвав войска самнитов на войну с латинами в 340-338 гг. до н.э. в соответствии с пунктом об оборонительном союзе. Однако взамен Рим не дал самнитам абсолютно ничего, и даже использовал неточности формулировок в договоре 354 г. до н.э. против них самих, вмешавшись в кампанские дела в 343 г. до н.э. Когда же пришло время для реальной военной помощи самнитам в войне с Александром Эпирским в 334-331 гг. до н.э., Рим и вовсе уклонился от выполнения своих обязательств (Liv.VIII.17.10), а, по другим сведениям, даже заключил союз с ним (Just. XII.2.12). Конечно, стоит отметить, что раздел сфер влияния оказался взаимовыгодным, но только до Первой Самнитской войны, после её окончания с каждым годом он становился всё более отягощающим для обеих сторон, интересы которых выходили за рамки установленных границ.

Хотя предпосылки для начала войны существовали с обеих сторон, однако проявление инициативы Рима в данном вопросе было во многом обусловлено стабилизацией военно-политической обстановки: в 330 г. до н.э. укреплены позиции по правую сторону Лириса за счёт установления покровительства над вольскими городами Фабратерия и Лукания (Liv.VIII.19.1-3), в 330-329 гг. до н.э. восстановлен контроль над восставшими фунданцами и привернатами (Liv.VIII.19.10-14; 20.6), а в 329 г. до н.э. заключён 30-летний мирный договор с галлами (Polyb.II.18.9; ср.: Liv. VIII.17.6-7; 20.3-5). Помимо этого, Рим несколькими годами ранее, в 334 г. до н.э. основал колонию в Калах (Liv.VIII.16.13-14; Vell.Pat.I.14.3), которая была предназначена для контроля над самнитской и сидицинской границей, а также для охраны кампанских земель [19, p. 352]. Всё это в совокупности позволило римлянам к 328 г. до н.э. закончить все собственные войны, обезопасить себя от непредсказуемых вторжений галлов и укрепить свои позиции в пограничных зонах с самнитами. Данные благоприятные обстоятельства предоставили Риму возможность перейти к радикальным действиям в решении «лирской проблемы» именно в 328 г. до н.э.

В свою очередь, пассивность самнитов во многом обуславливалась их недавней войной с Александром Эпирским (Liv.VIII.17.9; Just.XII.2.13), после которой необходимо было восстановить силы (Liv.VIII.19.3). Данное обстоятельство объясняет не только отступление самнитов из земель Фабратерии и Лукании в 330 г. до н.э. по первому требованию сената (Liv.VIII.19.1-3), но также и затягивание с объявлением войны римлянам после основания ими колонии во Фрегеллах.

Даже несмотря на столь вероломное нарушение границы по Лирису в 328 г. до н.э., римляне всё равно стремились соблюсти сакральные практики относительно разграничительной линии с целью получить поддержку богов и оправдать вторжение на чужую землю (Liv.VIII.23.3-10; 25.2; Dion.Hal.XV.7-10). Всё это нашло своё выражение в фециальном обряде, согласно которому ни один римский воин не мог вступить на вражескую

землю, пока фециал не выполнит все необходимые нормы. Для начала требовалось обозначить претензии (часто просто невыполнимые – А.Б., А.Ч.) к потенциальному противнику, если по истечении 30 дней они не исполнялись, то дело передавалось в сенат, который затем официально объявлял войну, а фециалы наделяли его решение сакральной силой посредством исполнения ритуальной практики метания копья на вражескую землю [5, с. 198]. Обязательное соблюдение всех официальных и религиозных формальностей лежало в основе любой римской войны, при объявлении которой было не важно, кто является её истинным виновником, значение имело лишь то, что было выгодно Риму [9, с. 103].

На протяжении большей части Второй Самнитской войны 327-304 гг. до н.э. долина Лириса по-прежнему оставалась ключевым регионом для противостояния, только уже не дипломатического, а военного.

Пограничная война 327-322 гг. до н.э. характеризовалась, с одной стороны, небольшим количеством крупных сражений, но с другой – интенсивной борьбой за долину Лириса. В 325 г. до н.э. римляне одерживают победу над самнитами в битве при Имбринии (Liv.VIII.30.3-7), предположительно, находившейся в долине Лириса [42, p. 224]. Хотя Дж. Джианнелли и склонен отрицать какие-либо битвы в первые годы войны [25, p. 193], наличие двух враждебных ранних родовых традиций Фабиев (FRHist Pictor 1 F17) и Папириев (CIL.VI.1318), передающих схожие сведения, позволяет с уверенностью говорить о существовании битвы [23, p. 296]. В свою очередь, самниты в 322 г. до н.э. предпринимают ответную попытку оттеснить римлян из долины Лириса и вернуть Фрегеллы (App.Samn.IV.1), на встречу их войскам квириты отправили две консульские армии (Liv. VIII.40.1), которые одержали победу в сражении и сумели остановить вторжение противника (Tr. Fasti ad.an.322; Dio.Cass.Fr.VIII.36.8).

Период 321-317 гг. до н.э. ознаменовался временным успехом самнитов в борьбе за долину Лириса. Они, одержав победу в Кавдинской битве в 321 г. до н.э., сумели вернуть контроль над Фрегеллами (Liv.IX.12.5) и, вероятно, над всей левой стороной Среднего Лириса. В это же время на сторону самнитов перешёл восставший Сатрик (Liv.IX.12.5), вероятно, находившийся в долине Среднего Лириса, но уже в следующем 319 г. до н.э. римские войска вернули город под свой контроль (Liv.IX.16.7-10; Tr.Fasti ad.an.319).

Переломным этапом в римско-самнитской борьбе за долину Лириса стал промежуток времени между 316 и 312 гг. до н.э. Первоначально римлянам по-прежнему не удавалось восстановить собственные позиции в долине Среднего Лириса. Ещё более усложнило ситуацию восстание Соры в 315 г. до н.э. (Diod.XIX.72.3; Liv.IX.23.2), которая являлась одним из важнейших пунктов для непосредственного контроля над речной границей. За этим последовало опасное для римской столицы наступление самнитов в 315 г. до н.э. (Diod.XIX.72.5-8, Liv.IX.23; Strab.V.3.5; 4.11), которое, хотя и не нашло своего логического завершения, тем не менее, спровоцировало новые восстания против Рима. В контексте проблемы Лириса наиболее серьёзными оказались выступления аврункских Минтурн и Весции в 315 г. до н.э. (Liv.IX.25.4-5), которые привели к потери римского контроля по обе стороны нижнего течения реки, и, как следствие, разрыву связей с нелояльной Кампанией. Фактически к концу 315 г. до н.э. Рим полностью потерял контроль над Нижним и Средним Лирисом, за который он боролся несколько предшествующих десятилетий.

Однако в сенате прекрасно осознавали опасность сложившейся ситуации, вследствие чего практически сразу же были снаряжены новые войска, которые в 314 г. до н.э. захватили восставшие Минтурны и Весцию (Liv.IX.25.6-8). В этом же году, по сведениям Ливия, был восстановлен контроль и над Сорой (Liv.IX.24). Несмотря на то, что ряд исследователей на основе сведений Триумфальных Фаст относит взятие Соры к 312 г. до н.э. (Tr. Fasti ad.an.312) [38, p. 239; 40, p. 21], захват города не противоречит общему характеру кампании 314 г. до н.э., и в данном случае можно принять сообщение Ливия как достоверное [23, p. 302]. Решающего успеха в борьбе за среднее течение Лириса римляне достигли в 313 г. до н.э., когда были возвращены не только Фрегеллы, располагавшиеся недалеко от реки, но и захвачена Атина, которая находилась в глубине «самнитской» стороны Среднего Лириса (Liv.IX.28.3-6; Diod. XIX.101.3). Эти достижения были закреплены основанием колонии в Суказинской Интерамне в 312 г. до н.э. (Liv.IX.28.8; Diod.XIX.105.5; Vell.Pat.I.14.4), ставшей вторым стратегическим пунктом Рима на Среднем Лирисе, наряду с Фрегеллами.

На завершающем этапе войны в 311-304 гг. до н.э. римский контроль над Нижним и Средним Лирисом стал уже свершившимся фактом, вследствие чего акцент военных действий сместился на другие направления. Единственная кратковременная попытка самнитов вернуть утраченные позиции в данном регионе произошла в 306 г. до н.э., когда они сумели захватить Сору и Арпин, стремясь поддержать восставших против Рима герников [17, p. 260-261; 14, p. 606]. Однако римляне вскоре вернули эти города под свой контроль (Liv.IX.43.1; 44.16; Diod.XX.80.1; 90.4), а через два года война была завершена.

Юридическим закреплением фактических завоеваний Рим явился мирный договор 304 г. до н.э. (Diod.XX.101.5; Liv.IX.45.4), по которому весь Средний Лирис, включая «самнитскую» сторону, переходил под контроль квиритов [20, P. 98; 27,

p. 275; 29, p. 190; 44, p. 142]. Отныне полувековая проблема границы по Лирису была окончательно решена в пользу Рима. В дальнейшем он только укреплял свои позиции по течению реки, основав ещё две колонии – сначала в Соре в 303 г. до н.э. на Среднем Лирисе (Liv.X.1.1-2; Vell.Pat.I.14.5), а затем в Минтурнах в 296 г. до н.э. на Нижнем Лирисе (Liv.X.21.7-10; Vell.Pat.I.14.5).

Таким образом, установленная граница сфер влияния по Лирису в 354 г. до н.э. оказалась удачным временным решением проблемы столкновения интересов, однако отказ от оформления чёткой разграничительной линии в договоре впоследствии стал ключевым фактором развития конфронтационных отношений между римлянами и самнитами. К началу Первой Самнитской войны Средний Лирис фактически уже превратился в территориальную границу, а после окончания военного конфликта по мирному договору 341 г. до н.э. был юридически закреплён в качестве пограничной линии. В то же время самниты вынуждены были признать римский контроль над Нижним Лирисом. Однако завоевательные амбиции сторон привели их к очередной войне в борьбе за новый передел устоявшихся границ. Военные действия в районе Лириса в ходе Второй Самнитской войны вплоть до 313 г. до н.э. отличались крайней неопределённостью, чаша весов постоянно склонялось в разные стороны. Тем не менее, в 313 г. до н.э. римляне окончательно установили военный контроль над обеими сторонами Нижнего и Среднего Лириса, что по итогу было закреплено в мирном договоре 304 г. до н.э. Граница по Лирису являлась удобным ориентиром для сохранения стабильных отношений между двумя народами, однако, как это часто бывает в истории, конкретные устремления отдельных народов к приобретению территорий, могущества, богатства за чужой счёт подталкивают их к нарушению соглашений и впоследствии приводят к войнам. В данном аспекте римское-самнитские отношения не являлись исключением.

Источники и литература

1. Беккер К.Ф. Древняя история. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2012. 947 с.
2. Вегнер В. Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т. 1. Мн.: Харвест, 2002. 656 с.
3. Герцберг Г.Ф. История Рима. Киев; Харьков: Издание Ф.А. Иогансона, 1898. 150 с.
4. Гуревич Я.Г. История Древней Греции и Рима. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894. 276 с.
5. Егоров А.Б. Войны Рима, их причины и цели в римской традиции // Мнемон. 2012. № 11. С. 189-208.
6. Ельницкий Л.А. События 343-340 гг. до н.э. в средней Италии и народное движение 342 г. до н.э. в Риме // Вестник древней истории. 1962. № 2. С. 56-64.
7. Ковалёв С.И. История Рима. СПб.: Полигон, 2002. 864 с.
8. Машкин Н.А. История Древнего Рима. М.: Высшая школа, 2006. 751 с.
9. Мишулин А.В. Объявление войны и заключение мира у древних римлян // Исторический журнал. 1944. № 10-11. С. 100-113.
10. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 640 с.
11. Нетушил И.В. Начало мировой политики Римской республики и конец Лация // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. 354. С. 357-390.
12. Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб.: Общественная польза, 1908. 556 с.
13. Штолль Г.В. История Древнего Рима в биографиях. Смоленск: Русич, 2003. 576 с.
14. Adcock F.E. The Conquest of Central Italy // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge: University Press, 1928. P. 581-616.
15. Adcock F.E. The Roman Art of War under the Republic. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1940. 140 p.
16. Allen W.F. A short history of the Roman people. Part 2. Boston: Ginn and Company, 1890. 370 p.
17. Arnold T. History of Rome. Vol. 2. 3rd. ed. London: B. Fellowes et al., 1845. 676 p.
18. Boak A.E.R. A history of Rome to 565 AD. N.-Y.: The Macmillan Company, 1921. 610 p.
19. Cornell T.J. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). London; N.-Y.: Routledge, 1995. 507 p.
20. Cowan R. Roman Conquests: Italy. – Barnsley: Pen and Sword, 2009. 232 p.
21. De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. 2. Torino; Milano; Roma: Fratelli, Bocca, 1907. 575 p.
22. Doberstein W. The Samnite legacy: An examination of the Samnitic influence upon the Roman state: Diss. Lethbridge, 2014. 126 p.
23. Forsythe G. A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley; L.A.; London: University of California Press, 2005. 400 p.
24. Frederiksen M. Campania. London: British School at Rome, 1984. 368 p.
25. Giannelli G. Trattato di storia romana. Bologna: Patron, 1976. 523 p.
26. Heurgon J. Rome et la Méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques. Paris: Presses univ. de France, 1969. 412 p.
27. Histoire romaine. T. 1: Des origines à Auguste / Dir. F. Hinard. Paris: Fayard, 2000. 1075 p.
28. How W.W., Leigh H.D. A History of Rome to the death of Caesar. London; N.-Y.; Bombey: Longmans, Green, and Co, 1896. 575 p.
29. Hoyer D.C. Samnite Economy and the Competitive Environment of Italy in the Fifth to Third Centuries bc // Processes of Integration and Identity Formation in the Roman Republic. Leiden: Boston: Brill, 2012. P. 179-196.
30. Humbert M. Municipium et civitas sine suffragio. L'organisation de la conquête jusqu'à la guerre sociale. Rome: École française de Rome Palais Farnèse, 1978. 457 p.
31. Keightley T. The History of Rome. Boston: Billiard, Gray, and Company, 1839. 480 p.

32. Klimke C. Der zweite Samniterkrieg. Königshütte: Druck von Franz Ploch, 1882. 18 s.
33. La Regina A. I Sanniti // Italia omnium terrarium parens. Milano: Scheiwiller, 1989. P. 301-432.
34. Liddell H.G. A History of Rome: from the earliest times to the establishment of the Empire. N.-Y.: Harper and brothers, 1887. 768 p.
35. Lomas K. Rome and the Western Greeks 350 BC – AD 200. London; N.-Y.: Routledge, 2005. 243 p.
36. Lomas K. The Rise of Rome: From the Iron Age to the Punic Wars. Cambridge; Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 405 p.
37. Maiuri A. Deductio-deletio. Strategie territoriali di Roma repubblicana: il caso Fregellae // Studi e materiali di storia delle religioni. 2009. № 75/1. P. 89-115.
38. Niebuhr B.G. The History of Rome. Vol. 3 / Tr. by W. Smith, L. Schmitz. London: Taylor and Walton, 1842. 717 p.
39. Oakley S. A commentary on Livy books VII-VIII. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1998. 880 p.
40. Pirro A. La seconda guerra sannitica. Parte 3. Salerno: Tipografia J. Fratelli, 1898. 168 p.
41. Rawlings L. Army and Battle During the Conquest of Italy (350-264 bc) // A Companion to the Roman Army. Oxford: Blackwell, 2007. P. 45-62.
42. Salmon E.T. Samnium and the Samnites. Cambridge: University Press, 1967. P. 447.
43. Schwarte K.-H. Zum Ausbruch des zweiten Samnitenkrieges (326-304 v. Chr.) // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1971. Bd. 20. S. 368-376.
44. Scopacasa R. Ancient Samnium: Settlement, Culture, and Identity between History and Archaeology. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.
45. Scullard H.H. A History of the Roman World: 753-146 BC. 4th ed. London; N.-Y.: Routledge, 2013. 491 p.
46. Senatore F. Sanniti e Romani tra il Liri e il Melfa // Le epigrafi della Valle di Comino: Atti del IV convegno epigrafico cominese (Atina, Palazzo Ducale, 26 maggio 2007). Cassino, 2008. P. 161-191.
47. Shuckburgh E.S. A History of Rome to the battle of Actium. N.-Y.: Macmillan and Co, 1894. 809 p.
48. Tagliamonte G. I Sanniti: Caudini, Irpini, Pentri, Carricini, Frentani. Milano: Longanesi and C., 1996. 322 p.

References

1. Bekker K.F. Drevnyaya istoriya. Polnoe izdanie v odnom tome (Ancient history. Complete edition in one volume). M.: Al'fa-Kniga, 2012. 947 p. (In Russian)
2. Vegner V. Rim: Nachalo, rasprostranenie i padenie vsemirnoi imperii rimlyan (Rome: beginning, spread and fall of the world Empire of the Romans). Vol. 1. Mn.: Kharvest, 2002. 656 p. (In Russian)
3. Gertsberg G.F. Istoriya Rima (History of Rome). Kiev; Khar'kov: Izdanie F.A. Iogansona, 1898. 150 p. (In Russian)
4. Gurevich Ya.G. Istoriya Drevnei Gretsii i Rima (The history of Ancient Greece and Rome). SPb.: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1894. 276 p. (In Russian)
5. Egorov A.B. Voiny Rima, ikh prichiny i tseli v rimskoi traditsii (The wars of Rome, their causes and goals in the Roman tradition) // Mnemon. 2012. No. 11. P. 189-208. (In Russian)
6. El'nitskii L.A. Sobytiya 343-340 gg. do n.e. v srednei Italii i narodnoe dvizhenie 342 g. do n.e. v Rime (The events of 343-340 BC in central Italy and the popular movement of 342 BC in Rome) // Vestnik drevnei istorii. 1962. No. 2. P. 56-64. (In Russian)
7. Kovalev S.I. Istoriya Rima (History of Rome). SPb.: Poligon, 2002. 864 p. (In Russian)
8. Mashkin N.A. Istoriya Drevnego Rima (The History of Ancient Rome). M.: Vysshaya shkola, 2006. 751 p. (In Russian)
9. Mishulin A.V. Ob»yavlenie voiny i zaklyuchenie mira u drevnikh rimlyan (The declaration of war and the conclusion of peace among the ancient Romans) // Istoricheskii zhurnal. 1944. No. 10-11. P. 100-113. (In Russian)
10. Mommzen T. Istoriya Rima (History of Rome). Vol. 1. Rostov n/D: Feniks, 1997. 640 p. (In Russian)
11. Netushil I.V. Nachalo mirovoi politiki Rimskoi respubliki i konets Latsiya (The beginning of the world politics of the Roman Republic and the end of Latium) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1904. Ch. 354. P. 357-390. (In Russian)
12. Nize B. Ocherk rimskoi istorii i istochnikovedeniya (An essay on Roman History and source studies). SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1908. 556 p. (In Russian)
13. Shtoll' G.V. Istoriya Drevnego Rima v biografiyakh (The history of Ancient Rome in biographies). Smolensk: Rusich, 2003. 576 p. (In Russian)
14. Adcock F.E. The Conquest of Central Italy // The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge: University Press, 1928. P. 581-616.
15. Adcock F.E. The Roman Art of War under the Republic. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1940. 140 p.
16. Allen W.F. A short history of the Roman people. Part 2. Boston: Ginn and Company, 1890. 370 p.
17. Arnold T. History of Rome. Vol. 2. 3rd. ed. London: B. Fellowes et al., 1845. 676 p.
18. Boak A.E.R. A history of Rome to 565 AD. N.-Y.: The Macmillan Company, 1921. 610 p.
19. Cornell T.J. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). London; N.-Y.: Routledge, 1995. 507 p.
20. Cowan R. Roman Conquests: Italy. – Barnsley: Pen and Sword, 2009. 232 p.
21. De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. 2. Torino; Milano; Roma: Fratelli, Bocca, 1907. 575 p.
22. Doberstein W. The Samnite legacy: An examination of the Samnitic influence upon the Roman state: Diss. Lethbridge, 2014. 126 p.
23. Forsythe G. A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley; L.A.; London: University of California Press, 2005. 400 p.
24. Frederiksen M. Campania. London: British School at Rome, 1984. 368 p.
25. Giannelli G. Trattato di storia romana. Bologna: Patron, 1976. 523 p.

26. Heurgon J. Rome et la Méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques. Paris: Presses univ. de France, 1969. 412 p.
27. Histoire romaine. T. 1: Des origines à Auguste / Dir. F. Hinard. Paris: Fayard, 2000. 1075 p.
28. How W.W., Leigh H.D. A History of Rome to the death of Caesar. London; N.-Y.; Bombey: Longmans, Green, and Co, 1896. 575 p.
29. Hoyer D.C. Samnite Economy and the Competitive Environment of Italy in the Fifth to Third Centuries bc // Processes of Integration and Identity Formation in the Roman Republic. Leiden: Boston: Brill, 2012. P. 179-196.
30. Humbert M. Municipium et civitas sine suffragio. L'organisation de la conquête jusqu'à la guerre sociale. Rome: École française de Rome Palais Farnèse, 1978. 457 p.
31. Keightley T. The History of Rome. Boston: Billiard, Gray, and Company, 1839. 480 p.
32. Klimke C. Der zweite Samniterkrieg. Königshütte: Druck von Franz Ploch, 1882. 18 s.
33. La Regina A. I Sanniti // Italia omnium terrarium parens. Milano: Scheiwiller, 1989. P. 301-432.
34. Liddell H.G. A History of Rome: from the earliest times to the establishment of the Empire. N.-Y.: Harper and brothers, 1887. 768 p.
35. Lomas K. Rome and the Western Greeks 350 BC – AD 200. London; N.-Y.: Routledge, 2005. 243 p.
36. Lomas K. The Rise of Rome: From the Iron Age to the Punic Wars. Cambridge; Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 405 p.
37. Maiuri A. Deductio-deletio. Strategie territoriali di Roma repubblicana: il caso Fregellae // Studi e materiali di storia delle religioni. 2009. № 75/1. P. 89-115.
38. Niebuhr B.G. The History of Rome. Vol. 3 / Tr. by W. Smith, L. Schmitz. London: Taylor and Walton, 1842. 717 p.
39. Oakley S. A commentary on Livy books VII-VIII. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1998. 880 p.
40. Pirro A. La seconda guerra sannitica. Parte 3. Salerno: Tipografia J. Fratelli, 1898. 168 p.
41. Rawlings L. Army and Battle During the Conquest of Italy (350-264 bc) // A Companion to the Roman Army. Oxford: Blackwell, 2007. P. 45-62.
42. Salmon E.T. Samnium and the Samnites. Cambridge: University Press, 1967. P. 447.
43. Schwarte K.-H. Zum Ausbruch des zweiten Samnitenkrieges (326-304 v. Chr.) // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1971. Bd. 20. S. 368-376.
44. Scopacasa R. Ancient Samnium: Settlement, Culture, and Identity between History and Archaeology. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.
45. Scullard H.H. A History of the Roman World: 753-146 BC. 4th ed. London; N.-Y.: Routledge, 2013. 491 p.
46. Senatore F. Sanniti e Romani tra il Liri e il Melfa // Le epigrafi della Valle di Comino: Atti del IV convegno epigrafico cominese (Atina, Palazzo Ducale, 26 maggio 2007). Cassino, 2008. P. 161-191.
47. Shuckburgh E.S. A History of Rome to the battle of Actium. N.-Y.: Macmillan and Co, 1894. 809 p.
48. Tagliamonte G. I Sanniti: Caudini, Irpini, Pentri, Carricini, Frentani. Milano: Longanesi and C., 1996. 322 p.

Сведения об авторах

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / abelikov@rambler.ru

Черкасов Артём Игоревич – магистр 1 курса направления «История» гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / arteomcherckasov@mail.ru

Information about the authors

Belikov Alexander P. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / abelikov@rambler.ru

Cherkasov Artem I. – Master of the 1st year of the History course, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / arteomcherckasov@mail.ru

CC BY

УДК 94 (470+571) “18”

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.3

Ю.Ю. Гранкин

ПАРАМЕТРЫ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА РОССИИ НА ОКРАИННЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются способы и механизмы влияния политического центра империи на имперские окраины. Особенностью имперской управленческой системы в России был её абсолютистский характер. По этой причине все существовавшие имперские государственные органы, имевшие право на нормотворческую деятельность, осуществляли делегированное нормотворчество, одобряемое и допускаемое монархом. В этой связи императору-государю принадлежало право создавать государственные органы и определять их устройство. При этом в своем взаимодействии с окраинами Россия никогда не выступала как восточная деспотия с характерным для неё тотальным государственным регламентированием общественной жизни и стремлением к униформизму. Россия представляла собой надэтническую общность, управляемую не национальной, а особой цивилизационной монархией, терпимой к плюрализму образов жизни, верований и этнических традиций.

Политический центр предоставлял своим провинциям имперский инструментарий созидательного существования, и тем способствовал их последующей конструктивной жизнедеятельности, не требуя абсолютного отказа от прежней традиции, но соотнесения с имперской идентичностью и принципами монархизма. Региональные особенности вынуждали правительство с особой осторожностью относиться к выработке оснований для политики управления, чтобы избежать охлаждения чувств русских и коренных жителей империи к метрополии. Имперский центр устанавливал с каждой провинцией определенный порядок взаимодействий, приносивший обеим сторонам коммуникации большее или меньшее удовлетворение.

В то же время универсализм (как схематизм и унификация) в их взаимодействии не получил достаточного развития, поскольку был опровергнут управленческой практикой. Поливариантность стала стержнем российской окраинной политики, которую можно было наблюдать на примере выстраиваемых отношений с Финляндией, Польшей или Кавказом. Все право, которое застала имперская власть на окраинных территориях, признавалось сохраняющим силу ввиду дарованных привилегий. Вмешательство центральной власти ограничивалось тем, что во главе присоединяемых земель ставился русский губернатор, в качестве органа высшего контроля. Имперскому делегату подчинялись прежние учреждения края, продолжавшие управлять и судить по прежнему законодательству. Только в области военной центральная власть свободно распоряжалась на новых территориях и в области финансовой начинали взиматься в центральную казну те налоги, которые установлены в конфирмованном прежнем праве.

Ключевые слова: политический центр, империя, окраины, монархия, нормотворчество, делегирование, окраинная политика, поливариантность.

Для цитирования: Гранкин Ю.Ю. Параметры влияния политического центра России на окраинные территории в имперский период // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 32–37. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.3

Yurii Yu. Grankin

PARAMETERS OF THE INFLUENCE OF THE POLITICAL CENTER OF RUSSIA ON THE OUTLYING TERRITORIES IN THE IMPERIAL PERIOD

The article discusses the ways and mechanisms of the influence of the political center of the empire on the imperial outskirts. A feature of the imperial administrative system in Russia was its absolutist character. For this reason, all existing imperial state bodies that had the right to rule-making carried out delegated rulemaking, approved and allowed by the monarch. In this regard, the emperor-sovereign owned the right to create state bodies and determine their structure. At the same time, in its interaction with the outskirts, Russia never emerged as an Eastern despot with its characteristic total state regulation of public life and the desire for uniformism. Russia was a supra-ethnic community governed not by a national, but by a special civilizational monarchy, tolerant to pluralism of lifestyles, beliefs, and ethnic traditions. The political center provided provinces with imperial tools of constructive existence, and thereby contributed to their subsequent constructive life, not requiring an absolute rejection of the old tradition, but correlation with imperial identity and the principles of monarchism. Regional particularities forced the government to be especially cautious in developing the foundations for a management policy in order to avoid cooling the feelings of the Russian and indigenous inhabitants of the empire towards the metropolis. The imperial center established a certain order of interaction with each province, bringing more or less satisfaction to both sides of the communication. At the same time, universalism (like schematism and unification) in their interaction did not receive sufficient development, since it was refuted by managerial practice. Multivariance has

become the pivot of the Russian border policy, which could be seen by the example of relations with Finland, Poland or the Caucasus. All the right that imperial power found in the outlying territories was recognized as retaining force in view of the granted privileges. The intervention of the central government was limited by the fact that the head of the annexed lands was the Russian governor, as the supreme control body. The imperial delegate obeyed the previous institutions of the region, which continued to rule and judge according to the previous legislation. Only in the military field did the central government freely dispose in the new territories and in the financial field did the taxes established in the confirmed previous law begin to be collected in the central treasury.

Key words: political center, empire, outskirts, monarchy, rule-making, delegation, border policy, multivariance.

For citation: Grankin Yu.Yu. Parameters of the influence of the political center of Russia on the outlying territories in the imperial period // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 32–37. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.3

Для управления обширными территориями, какими являются империи, создается административная система и административный аппарат, которые на основе определенного свода законов, регламентов и договоренностей осуществляют руководство и регулирование различными сферами жизни общества, контролируют и направляют взаимоотношения между различными социальными группами.

Особенностью имперской управленческой системы в России был её абсолютистский характер. Вся полнота государственной власти принадлежала монарху-государю. Существовавшие имперские государственные органы, имевшие право на нормотворческую деятельность, по сути, осуществляли делегированное нормотворчество, одобряемое и допускаемое монархом. В этой связи императору-государю принадлежало право создавать государственные органы и определять их устройство, что наглядно продемонстрировал император Петр I. На эффективность и работоспособность государственной системы управления влияла мера непосредственного участия государя в управленческом процессе [11, с. 411,416].

В силу того, что империя представляет собой сложную систему взаимодействия разнородных политических элементов, имеющих разный правовой статус по отношению к имперскому центру, империи представляют тот тип государства, который сложился в процессе взаимодействия различных народов в одних государственных рамках [6, с. 147].

Характерной чертой имперского государства являлось наличие в его составе провинций или окраин, населенных различными этносами, которые сохраняли в рамках империи свое культурное своеобразие, свои традиционные элементы социальной организации и элементы обычного права или писанного законодательства в той мере, в какой они не противоречили, существовавшему одновременно с ними имперскому законодательству. Кроме того, окраины обладали естественной спецификой своего политического, экономического, конфессионального, экологического, демографического и географического своеобразия.

В своем взаимодействии с окраинами Россия никогда не выступала как восточная деспотия с характерным для неё тотальным государственным регламентированием общественной жизни и стремлением к униформизму. Россия представляла собой «метаэтническую общность», управляемую не национальной, а особой «цивилизационной монархией, терпимой к плюрализму образов жизни, верований, этнических традиций» [10, с. 303].

Рассматривая Россию как историко-культурный тип и феномен, скоро выясняется, что синонимом понятия «цивилизация» здесь часто выступает понятие «империя». «Империя как вместилище многих народов, культур, конфессий, бытийных смыслов, пребывающих в синхроническом многоголосии, создающем полиморфизм метакультурного единства. Такое положение вещей сложилось потому, что весьма затруднительно отделить имперский комплекс от цивилизационной идентичности» [3, с. 149].

Имперская и цивилизационная идентичность делала упор на согласие многих этносов принимать определенные правила и идеи политической системы, но не на сочинение на их основе некоей новой этничности, т.н. «новой исторической общности», некоей социокультурной усредненности. Сама социополитическая практика отвергала всякую искусственность, выдуманность.

Предоставляя своим провинциям имперский инструментарий созидательного существования, Россия способствовала их последующей конструктивистской жизнедеятельности, не требуя абсолютного отказа от первооснов их традиции, требуя лишь соотнесения и соподчинения их имперской идентичности и принципам монархизма.

Этнические территории, входившие в состав Российского государства в процессе колонизации, воспринимались государственным центром и его административной практикой как его окраины, внутреннее содержание которых изменялось на разных этапах развития имперской государственности [2, с. 59]. В XV – XVI вв. окраинами (украйнами) стали считать и называть территории, не только отдаленные, но и политически подчиненные государственному центру.

По мере роста и расширения Российского государства увеличивалось и количество окраин, обладавших разнообразием климатогеографических, социальных, культурных и этнических особенностей, заставлявших государственный центр

вырабатывать для каждой окраинной территории особенный административно-правовой режим и практику управления. Этот подход нашел законодательное закрепление уже в Судебниках 1497 и 1550 гг.

Данную ситуацию отмечал в своих работах историк и правовед Б.Э. Нольде. Он писал, что «в русском государственном быту рядом с элементами коронного управления и элементами всецело подчиненного русскому закону самоуправления существовали в высшей степени яркие явления граничащей с государственностью автономии отдельных местностей, входивших в состав Русского государства» [8, с. 781].

В XVII – XVIII вв. в орбиту государственного управления вошли Сибирь, Дальний Восток, Новороссия, Украина, Бессарабия. В XIX в. были разработаны модели окраинной политики для Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии (Туркестана). На данных территориях сохранялись специфические, характерные только для них учреждения и должностные лица, а также правовые системы. При этом следовало иметь в виду, что существовавшие особенности управления национальными окраинами определялись спецификой региональных задач, которые ставили перед собой имперские власти [11, с. 456].

Кроме того, региональные (украинные) особенности вынуждали правительство с особой осторожностью относиться к выработке оснований для политики управления, чтобы избежать охлаждения чувств русских и коренных жителей империи к метрополии. Имперский центр устанавливал с каждой провинцией (окраиной) определенный порядок взаимодействий, приносивший обеим сторонам коммуникации большее или меньшее удовлетворение.

В то же время универсализм (как схематизм и унификация) в их взаимодействии не получил достаточного развития, поскольку был опровергнут управленческой практикой. Примером такого негативного опыта были административные реформы 1842 г. барона П.В. Гана за Кавказом. Опыт поставил на повестку дня полиморфизм, как ответ на возникавшие трудности и препятствия. Однако и в этом направлении имперские власти соблюдали определенную осторожность, поскольку, если прибегнуть к авторитету известного врачевателя Парацельса: «Всё есть яд и всё есть лекарство. Всё зависит от пропорции», и от конкретной ситуации, и от обстоятельств, и от многих других переменных социополитического существования. Для того чтобы проводить целенаправленные преобразования в стране с такими историческими и социополитическими особенностями, было важно «уметь разграничивать область политической мечты и область практически осуществимых мероприятий» [9, с. 10].

Поливариантность стала стержнем российской окраинной политики, которую можно было наблюдать на примере выстраиваемых отношений с Финляндией, Польшей или Кавказом [2, с. 60]. Например, Царство Польское признавалось «государством», обладающим «особенным управлением» и «своей», даруемой монархом, «конституцией», «причем последняя предусматривала народное представительство и национальные государственные учреждения: это государство соединяется (по-французски est reuni) «с Российской империей», и связь эта должна быть необходимо установлена в конституции царства, по которой последнее «на вечные времена» будет «во владении» русских монархов. Короче, Царство Польское – государство, соединенное с Россией посредством передачи русским монархам совокупности полномочий польских королей, в том числе и их власти учредительной» [8, с. 782].

Вариативность администрирования при этом во многом определялась как особенностями окраин, так и базовыми установками, вырабатывавшимися и функционировавшими на глубинных уровнях политического управления имперского центра, выступавшими в качестве мотивов и стимулов, которые определяли её направленность. Так «возникновение системы русских областных автономий относится ко времени Московского царства. Впервые она функционирует на Украине» после 1654 года [8, с. 784]. Имперские окраины, получавшие права автономий, «сверх собственного механизма общего управления каждая … обладала еще и собственным механизмом судебным. Его устройство и деятельность покоились на правовых актах более ранних, чем русская власть в крае» [8, с. 830].

На окраинах устанавливался своеобразный законодательный status quo. Все право, которое застала имперская власть, признавалось сохраняющим силу ввиду дарованных привилегий. Вмешательство центральной власти ограничивалось тем, что во главе присоединяемых земель ставился русский губернатор, в качестве органа высшего контроля. Имперскому делегату подчинялись прежние учреждения края, продолжавшие управлять и судить по прежнему законодательству. Только в области военной центральная власть свободно распоряжалась на новых территориях и в области финансовой начинали «взиматься в центральную казну те налоги, которые установлены в конфирмованном прежнем праве» [8, с. 834].

Империя всегда многолика по своей изначальной сущности. Эта многоликость и делает империю империей, а сохраняющийся многоликий облик провинций не только не является её слабостью, но выступает ресурсом, препятствующим сползанию имперской государственности к упрощению, за которым неизбежно следует де-

градация. Российская имперская элита, осуществлявшая властные полномочия в государстве, стремилась не к унификации, а к «симфонии» всех и вся частей страны. К этой симфонии и унисону стремились не потому, что в том проявлялась та или иная монархическая воля, но часто интуитивное осознание или даже мистическое предвидение того, что нельзя сохранить имперское достояние, разрушая многообразные этнические наследия [5, с. 41].

Этнокультурная и этнополитическая неоднородность российского имперского пространства и задачи его сборки в единый социально-политический организм осуществлялись путем создания особого взаимодействия центральной и периферийных (окраинных) элит, которые через выявления своей лояльности центру получали права делегатов этого центра. Имперские власти проводили систематическую кооптацию представителей местных элит в состав имперской элиты и использовали их качестве имперских администраторов на имперских окраинах.

Это становилось возможным благодаря согласию этнических элит с духом космополитизма и ориентации их на государственную службу, которые позволяли не только сохранить, но и укрепить прежний общественный статус, встроиться в новую систему государственного существования с наименьшими для них социально-политическими и социокультурными потерями. Эти процессы восприятия новой политической идентичности захватывали элитные слои всех присоединенных Российской империей территорий, в том числе, например, большого количества польских католических влиятельных фамилий, которые меняли свою идентичность на имперскую [12, с. 141].

Имперская (цивилизованная) культура — это всегда расширение границ политической и социокультурной идентичности. Благодаря этому Российское государство расширялось по всем сторонам света с исторически большой скоростью, что-то сродни половодью. При этом имперская идентичность требовала подчинения, но не отказа от базовых устоев прежней идентичности. Имперская идентичность сопровождалась сочетанием старого и нового, культурным полиморфизмом при едином целеполагании – служение монархии и государству.

Эту политическую традицию Россия унаследовала от Восточной Римской империи (Византии), которая строила свою государственность и властные структуры на космополитической и экуменической основе с соответствующими установками на терпимость и «интернационалистский» синтез [7, с. 215], создавая по своей сути имперское государство, в котором расширялось поле духовного и материального творчества населения метрополии и колонизуемых окраин.

Используя технологии имперской культурной колонизации, Россия, по сути, изменяла вектор развития своих окраин, обучая и подталкивая их к иному способу существования (особенно это касалось Кавказа, Туркестана или Сибири, как ранее это применялось среди угро-финских народов или племен Великой Степи). Империя показала им новые, мирные способы накопления и приобретения материальных благ, основанных на торговле, промышленности или аграрных занятиях вместо того, чтобы делать ставку на грабёж и набеги.

Российская имперская культура была одинаково понятной для всех, кого она колонизовала, но и приводила к сложным социокультурным трансформациям. Автохтонное население должно было пережить болезненную ломку устоявшегося миропонимания, адаптироваться к новым условиям [3, с. 29]. Миропорядок Российской империи в первую очередь был понятен всем бывшим колониям Византии или Орды, поскольку содержал в себе унаследованную от них структурность и базовые основания. С другой стороны, попытки найти приемлемые решения и договоренности с бывшими имперскими народами, каковыми, например, были поляки-католики, по большей части потерпели неудачу. Польская культура сама выступала как имперская католическая культура и сама долгое время претендовала на роль колонизатора [12, с. 159], потому Польша как имперская провинция доставляла Петербургу много различных неприятностей и не желала мириться со своим провинциальным и подчиненным статусом.

Одновременно все представленные выше особенности формирования и функционирования российской имперской государственности вели к складыванию авторитарной, абсолютистской по форме общественно-политической структуры, опиравшейся на перманентно создававшийся монархический персонализм, который имманентно вырастал из исторически обусловленного стихийного вождизма. Этот принцип политического существования был присущ всем уровням политического администрирования в России.

Имперская элита, формировавшаяся на принципах экуменизма и космополитизма, направленная на служение монарху, представляла собой две группы, состоявшие из имперской аристократии и имперской бюрократии, получавших права и привилегии, соответствовавшие их рангам, безотносительно от их прежней этнической принадлежности. Государственная служба и монархия сцементировали их ряды настолько хорошо, что позднее (после октября 1917 г.), во время переформатирования сущностного характера новой государственности в России, «большевикам пришлось уничтожить представителей знати практически всех народов России, и в основном расправа касалась элиты» [6, с. 156], из-за её

социальной сплоченности и невозможности вписывания в создаваемые социально-политические структуры, строившиеся на принципе классового антагонизма.

Вместе с формированием общеимперской элиты происходило формирование общеимперской нации, состоявшей из большого количества «большого», «средних» и «малых» народов, иными словами общеимперская нация в России представляла собой многонародную систему межэтнической коммуникаций, привязанных, также, как и элиты, к государству и монархии. В рамках такой привязанности снимался вопрос о доминировании одного этнического сообщества над другим, а «большой» народ опекал и защищал «малые» народы от возможного притеснения со стороны «средних» народов, как это часто бывало в истории.

Кроме того, «для решения специфических административных проблем окраин были созданы институты наместников и генерал-губернаторов, которые осуществляли управление отдельными периферийными территориями и вместе с этим способствовали их интеграции в империю» [1]. Главной задачей наместников была необходимость согласования генеральных имперских принципов с окраинными традициями. Формы и способы выработки такого согласования почти целиком делегировались и поручались наместникам, поскольку имперский центр интересовал не способ как таковой, а результат.

Если обратить внимание на деятельность наместников как на западных, так и на восточных или юго-восточных окраинах Российской империи, они достаточно часто прибегали к диалоговой практике в отношениях с местными элитами при неизменном внедрении генеральных принципов государственного служения и монархизма. При этом делегаты имперского центра избегали абсолютизации редуцирующего подхода внешней детерминации и игнорирования существовавших на окраинах особенностей интересов и воли. Они их вплетали (с большим или меньшим успехом) в генеральную линию имперского существования, использовали в имперских интересах их естественные склонности.

Исторические успехи имперского строительства в России наделяли имперских политических делегатов на «украйных» пространствах престижем, опираясь на который, наместники или генерал-губернаторы не испытывали методологических сомнений перед лицом инородного социокультурного и социополитического опыта.

Государство в России в силу указанного исторического опыта почти изначально доминировало над всеми и любыми общественными структурами, по крайней мере, за пределами государственного патронажа мало что могло надеяться на длительное существование и даже зарождение. В силу данных исторических обстоятельств государственный патернализм был обязательной составляющей и даже основой почти любой общественной и индивидуальной деятельности.

В этой связи этатизм как принцип самоосуществления российской социально-политической жизни остается доминантным на протяжении длительного исторического периода. Из этого вытекала огромная роль государственной бюрократии, призванной осуществлять и поддерживать в рабочем состоянии все и вся механизмы государственного патернализма.

Управленческая система Российской империи была по своему характеру элитистской, поскольку сколько-нибудь широкие слои общества не могли каким-либо образом участвовать и влиять на механизмы принятия управленческих решений. Те или иные решения принимались внутри административных структур и носили закрытый характер. Более того, отмеченная элитарность крепко связывалась с корпоративностью, когда большинство механизмов и административно-правовых актов вырабатывалось в рамках ограниченного и крепко спаянного социально-культурными, экономическими и многими другими факторами и интересами социального слоя, имевшего законодательно закрепленную форму политического представительства. Речь идет о дворянском представительстве, инкорпорированном во властный механизм имперского государства.

Оценивая исторический опыт корпоративного управленчества, можно констатировать, что в рамках временной протяженности XIX века, такая система способствовала повышению управляемости общественными процессами, была привычной для всех социальных и этнических групп страны. Одновременно присущий российскому корпоративизму консерватизм препятствовал возможностям появления какой-либо конкуренции со стороны иных социальных групп, находившихся за пределами дворянской элиты, что само по себе могло порождать определенную социально-политическую напряженность при погружении общества в условия каких-либо неблагоприятных обстоятельств как внутреннего, так и внешнего происхождения.

Важным дополнением, характеризовавшим российский имперский корпоративизм, был уже упомянутый нарастающий бюрократизм, достигавший в условиях абсолютистского правления, всеохватывающих масштабов. Бюрократизм как инструмент реализации абсолютистского правления предполагал перенесение акцента на абсолютный характер власти монарха, а не на его суверенность. Развитый бюрократический аппарат обеспечивал укрепление и дальнейшую централизацию имперского правления. Поэтому абсолютизм сделал ставку на бюрократические исполнительные органы, всецело подчиненные воле монарха.

Источники и литература

1. Абдилдабекова А.М. Теоретические проблемы изучения Российской империи в зарубежной историографии // Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2010. №2 (25). С.84-88.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской модели управления XIX века // Вестник Томского университета. 2018. №433. С.59 – 63.
3. Гранкин Ю.Ю. Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. №132. С.22 – 33.
4. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Имперская государственность как условие и путь к единству России // Университетские чтения – 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть I. Пятигорск, 2015. С.149 – 155.
5. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. Культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2001.1024 с.
6. Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия: справочник, словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.288 с.
7. Махнач В.Л. Империя для русских. М.: Алгоритм, 2015.240 с.
8. Мухаев Р.Т. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 623 с.
9. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб : Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
10. Омельченко Н. А. История государственного управления. В 2 ч. Часть 1. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 256 с.
11. Панарин А. С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. Выпуск 2. 1995.261 с.
12. Рубаник В.Е. История государства и права России. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2012.876 с.
13. Уралов С. Миропорядок по-русски. СПб.: Питер, 2018. 320 с.

References

1. Abdildabekova A.M. Teoreticheskie problemy izucheniya Rossijskoj imperii v zarubezhnoj istoriografii (Theoretical problems of studying the Russian Empire in foreign historiography) // Vestnik KazNPU. Seriya «Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki». 2010. No.2 (25). P.84-88. (In Russian).
2. Dameshek L.M., Dameshek I.L. Rossijskie okrainy v imperskoj modeli upravleniya XIX veka (Russian suburbs in the imperial management model of the 19th century) // Vestnik Tomskogo universiteta. 2018. No.433. P.59 – 63. (In Russian).
3. Grankin Yu.Yu. Kolonizacionnoe osvoenie Severnogo Kavkaza v poreformennyj period (The colonization of the North Caucasus during the post-reform period) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2011. No. 132. P.22 – 33. (In Russian).
4. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. Imperskaya gosudarstvennost' kak uslovie i put' k edinstvu Rossii (Imperial statehood as a condition and path to the unity of Russia) // Universitetskie chteniya – 2015. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU. CHast' I. Pyatigorsk, 2015. P.149 – 155. (In Russian).
5. Kondakov I.V., Sokolov K.B., KHrenov N.A. TSivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnuyu ehpokhu. Kul'turologicheskij, sotsiologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty (Civilizational identity in a transitional era. Cultural, sociological and art aspects). Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 1024 p. (In Russian).
6. Makhnach V.L., Elishev S.O. Politika. Osnovnye ponyatiya: spravochnik, slovar' (Politics. Basic concepts: reference book, dictionary). Moscow: OLMA Media Grupp, 2008. 288 з. (In Russian).
7. Makhnach V.L. Imperiya dlya russkikh (Empire for Russians). Moscow: Algoritm, 2015. 240 p. (in Russian).
8. Mukhaev R.T. Geopolitika (Geopolitics). Moscow: YUNITI-DANA, 2007. 623 p. (In Russian).
9. Nol'de B.EH. Istoriya formirovaniya Rossijskoj imperii (The history of the formation of the Russian Empire). St. Petersburg, 2013. 848 p. (In Russian).
10. Omel'chenko N.A. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya (History of Public Administration). In 2 parts. Part 1. Moscow: YUrajt, 2016. 256 p. (in Russian).
11. Panarin A. S. Vybor Rossii: mezhdu atlantizmom i evrazijstvom (Russia's Choice: Between Atlantism and Eurasianism) // TSivilizatsii i kul'tury. Issue 2. 1995. 261 p. (In Russian).
12. Rubanik V.E. Istoriya gosudarstva i prava Rossii (History of State and Law of Russia). Moscow: YURAJT, 2012. 876 p. (in Russian).
13. Uralov S. Miroporyadok po-russki (Russian world order). St. Petersburg: Piter, 2018. 320 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия) / grankinj@pglu.ru

Information about the author

Grankin Yurii Yu. – Doctor of History, Professor, Chair of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia) / grankinj@pglu.ru

CC BY

УДК 94(47).05

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.4

А.В. Захаров

ИНФОРМАТИВНОСТЬ И СОСТАВ МАССОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СМОТРА ДВОРЯНСТВА 1721–1723 гг[1].

Так называемый генеральный смотр дворянства задумывался Петром I как масштабная акция рекрутирования на гражданскую службу всех неармейских чинов «из шляхетства». Смотр проводился в Санкт-Петербурге и Москве в 1721–1723 гг. и завершился ревизией и новыми назначениями около 17 тыс. человек для гражданской службы и отставок. Состав чинов смотра оказался шире, чем в известных указах, – съезжались: служащие учреждений, царедворцы, дворцовые служители, городовые дворяне, не проживавшие в Сибири и Астрахани.

В статье актуализируется вопрос информативности, идентификации и состава документов генерального смотра, которые содержали массовые данные о служилых людях. При изучении эволюции служебных документов автором выявлен подлинник «образца» для написания сказок на смотре царя Федора Алексеевича и сопоставлены аналогичные источники 1681–1722 гг. Впервые установлен относительно полный объем служебных сказок, особенности записи «приездов», «допросов» как массовой документации смотра. Выявлена связь «допросов нетчиков», содержащих их словесные портреты, с историей генерального смотра. Анализируя записные книги «определений», автор кратко обосновывает мнение об их тождестве «спискам генеральным шляхетству», и опубликованному «Списку военным чинам первой половины XVIII в.». Приводятся новые данные о штатном составе Герольдии и завершении смотра в Москве. Автор делает вывод об активном заимствовании Герольдией разрядного механизма, формуляров документации смотров царедворцев и расширением бюрократического администрирования в масштабных акциях рекрутирования.

Ключевые слова: Петр I, Федор Алексеевич, Сенат, коллегии, Герольдия, дворянство; шляхетство, XVIII век, источниковедение, сказки, царедворцы, словесные портреты.

Для цитирования: Захаров А.В. Информативность и состав массовой документации генерального смотра дворянства 1721–1723 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 38–46. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4

Andrey V. Zakharov

THE INFORMATIVENESS AND THE CONTENT OF MASS DOCUMENTATION OF THE GENERAL INSPECTION OF THE NOBILITY IN1721-1723[2]

The General Inspection of the Nobility was conceived by Peter the Great as a large-scale recruitment campaign for the civil service of all nobles who were not in army regiments. The Inspection was held in St. Petersburg and Moscow in 1721-1723 and ended with an audit and new appointments of about 17 thousand people to civil service and resignations. The number of people assigned to the Inspection turned out to be bigger than in the well-known decrees. The article studies the informativeness, identification and composition of the documents of this Inspection which contained personal data. The author identified a template for writing «skazki» at the Tsar Fyodor Alekseevich's Inspection and compared similar sources of 1681 – 1722. For the first time, the author established a relatively complete volume of «skazki», of feature «priezdy» and «doprosy». He determined the connection of «interrogations of netchiks» containing their verbal portraits with the history of the general review. Analyzing the Deployment Books of the «opredelenii», the author briefly justified the opinion about their identity to the «Lists of the military ranks». New data about the staff of the Heraldry office under Senate and the completion of the Inspection in Moscow are given. The author concludes about the active borrowing of the discharge mechanism, documentation forms in the 1720s. The Senate and the Heraldry office expanded bureaucratic administration in large-scale recruitment campaigns of the nobility and officials.

Key words: Peter the Great, Tsar Fyodor Alekseevich, Senate, colleges, Heraldry, Russian nobility, source studies, recruitment, courtiers.

For citation: Zakharov A. V. The informativeness and the content of mass documentation of the general inspection of the nobility in1721-1723 // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 38–46. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4

Порядок государевых смотров петровского времени восходил к давней традиции Московского государства. В отличие от полковых смотров и «разборов чинов», государевы смотры объявлялись для съезда в столицу при вероятном участии монарха. В царских указах и распоряжениях Разряда и Сената уточнялся контингент участников, даты приезда и место смотра различных «чинов». Основная суть смотров состояла в участии царя и его ближайших советников при ревизии, новых назначениях, отставках наличных «чинов» служащих и недорослей.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42073 (Петровская эпоха).
2 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-09-42073 (Peter's era).

Все действа смотров (объявление, приезд, «сказывание», смотр государем, отпуск) предварялись подготовкой списков их участников. В течение государева смотра и по итогам «разборов» служащие составляли: во-первых, чиновные росписи служилых людей по «нарядам» на полковую службу и к отставке, во-вторых, поименные списки назначений к службе и «делам», в-третьих, перечни нетчиков, в-четвертых, книги записей «приездов» на смотр, смотренные сказки, «допросы» нетчиков – эти источники объединяет массовый характер происхождения и концентрация биографических данных на стадии сбора, учета и назначений. Идентификацию и информативность документов смотра шляхетства 1721 – 1723 гг. предстоит проанализировать специально, поскольку источниковедчески она наименее изучена в историографии.

Результаты масштабной работы Сената и его Герольдмейстерской конторы (канцелярии Разборных дел) в 1721 – 1723 гг. отражены примерно в 80 архивных «единицах хранения», отложившихся в Российском государственном архиве древних актов. В рамках одной статьи невозможно обозреть документы всех этапов смотровой акции, поэтому ниже не изучаются «входящие и исходящие дела» Герольдии по обеспечению смотра.

В первом десятилетии Северной войны государевы смотры объявлялись практически ежегодно, основным их контингентом были царедворцы – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы, то есть московские чины. Наиболее ранние упоминания слова «царедворцы» в русских источниках фиксируется в 1696 г. в письме боярина кн. Б. А. Голицына к Петру I. «Царедворцами» в переписке назывались московские чины без комнатных стольников [10, с. 583, 806].

Поименный состав думных и «ближних людей», московских чинов ежегодно фиксировался в боярских и жилецких списках. Армейской службой и производством в полковые чины около тысячи царедворцев, назначенных в офицеры, с начала XVIII в. заведовал Военный приказ. Однако чиновные перечни думных чинов и царедворцев продолжали составляться ежегодно разрядным столом Сената до 1721 г. Боярские списки 1714–1719 гг. не сохранились. Известен список чинов 1720 г., составленный по итогам смотра 1718 г. Летом 1721 г. специально для стольника С.А. Колычева, выбранного «баллотированием» в герольдмейстеры, в Сенате написали боярский и жилецкий списки [22, д. 4, 5, 103]. Чиновный список 1721 г. копировал структуру боярского списка 1714 г., в нем исключались имена умерших царедворцев, но по неполным данным. Поэтому закономерно возникают сомнения в исправности данных этих документов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Численность царедворцев в начале 1720-х гг. (по документам РГАДА. Ф. 286, оп. 1) / The number of courtiers in the early 1720s (according to documents of the Russian State Archive of Ancient Acts. F. 286. Inv. 1)

Чины	Список царедворцев 1720 г. [д. 4]	Чиновный список 1721 г.* [д. 5]	«Ведомость смотра» 1723 г.** [д. 49]
Стольники комнатные	не указано	34	33
Стольники	920	1526	518
Стряпчие	564	887	305
Дворяне московские	503	737	116
Жильцы	–	–	1091
Итого (без жильцов)	1987	3184	2063

** без учета умерших, постриженных в монастырь.*
*** без учета царедворцев, получивших армейские чины.*

При получении армейских чинов и при отставке, на службе в коллежских учреждениях царедворцы идентифицировали себя с новым чином или должностью. По инерции переписки ежегодных списков служащие Разряда, а затем Сената продолжали числить царедворцев, назначенных в офицеры, в московских чинах. Таким образом, разрядно-сенатские документы уже с середины 1700-х гг. не могли предоставить правительству достоверной картины об актуальных чинах всех царедворцев, но точно сообщали их прежний московский чин. Эта ситуация отражена и в формальной статистике московских чинов (табл. 1). В том числе по этой причине царь поручил Сенату и стольнику С. А. Колычеву организовать в конце 1721 г. смотр царедворцам, бывшим вне армейских чинов, составив новые списке «шляхетству».

Кроме чиновных списков для исчисления «походов» и «служб» каждого человека в Разрядном приказе использовались смотренные списки, перечни нарядов на полковую службу и устные опросы царедворцев для сказок [14, 15, 16]. В допетровское время сказки прочно заняли место незаменимого документа. Как вид документов

сказки возникли, видимо, на рубеже XVI–XVII вв. в гуще бумаг московских приказов для сбора необходимых сведений, удостоверенных самим говорящим. Грамотные писали краткие тексты собственноручно, а не знающие письмо обращались к писцам, выводившим сказку со слов «сказывающего», но в изложении от первого лица. Сказки могли быть лаконичными в одну-две фразы или содержали рассказ, сравнимый с curriculum vitae новейшего времени.

Дошедшие до нашего времени сказки известны в большом количестве с начала XVII в. Близкие по предназначению к сказкам расспросные речи были уже распространены в XVI в. Они также излагали показания по запросам администрации. Сказки отличаются от расспросных речей самоименованием документа. Трансляция устной речи встречается и в других ранних судебных документах – в «допросах», в правых грамотах, в которых в том числе записывались показания свидетелей. Онтологическая связь расспросных речей и сказок очевидна. Еще в середине XVII в. в некоторых сказках встречаются фразы «а речи писал (имя и/или прозвание) своею рукою» [8]. Сказки оказались также удобны светским феодалам и духовенству для единичных опросов, а государству для свода данных от любых «чинов». Интерес властей вызывали актуальные свидетельства по множеству вопросов, «заручно» подтверждаемых говорящим. Смотренными условно можно назвать сказки, полученные властями от служилых чинов и служителей приказов при наряде на службу и к работе, при приездах на смотры, при отставке, при запросе данных о поместном и служебном состоянии. Военные инициативы правительства XVII в. требовали скорой концентрации сведений и служащие московских приказов быстро кроили образцы любой сказки.

Первые сказки, поданные для смотра в Москве зимой 1721 г., имели самоназвание «ведение» и сказки», но уже в феврале 1722 г. неологизм был отставлен, уступив место привычному слову. Практически в каждой смотренной сказке нового смотра излагались сведения о возрасте, начале «служб», первом чине, объеме поместных владений человека, перечни участия в военных акциях или «службах», география походов и «посылок». Хронология служб иногда заменялось отсылкой к сведениям в архиве – «о службе в полкех бояр и воевод извесно в Разряде». Автограф-подпись под сказкой было критически важным для определения грамотности. Но судя по всему, не все расписывали о болезнях, ранениях и неграмотности, как причинах неподписания сказки. Напротив, всегда указывались чин, имя, родственная связь доверенного лица, поставившего подпись «по велению» или «по прошению» автора сказки.

Важно понять насколько служащие «Геролдии», как называл канцелярию сам царь, заимствовали опыт московских приказов? Для ответа на первый вопрос сопоставлю сказки, поданные при «разборе» жильцов 1643 г. в Москве и рейтаров в 1702 г. в Твери [6; 16]. Сказки 1681, 1722 гг. сравниваются по аутентичным «образцам»-шаблонам.

Таблица 2 / Table 2

Формуляры и сведения сказок московских чинов и рейтаров (по «разборам», смотрам и «образцам» XVII–XVIII вв.) / Forms and information of revision of Moscow officials and reitars (according to «analyzes», reviews and «samples» of the 17th-18th centuries)

	1643	1681	1702	1722
Датировка	_+	+	+	+
Интитуляция (имя, чин)	+	+	+	+
Инскрипция	+	+	+	+
Начало (срок) службы	+	+	+	+
Возраст	+	–	–	+
Текущая служба	+*	–	+	+*
Хронология служб/ранений, плена	+	+/+	+/–	+*/+*
Оружие, лошадь, люди «с боем»	–	+	–	–
Поместный/денежный оклад	+/+	+/–	+/–	–/–
География и объем владений	+	+	+	+
Службы и чин отца, братьев, дядьев	+	–	–	–
Службы, возраст, имена детей	+	–	+	+
Грамотность детей	–	–	–	+
Место жительства	+*	–	+	+*
Корроборация (имя, прозвание)	+	+	+	+
Причины неподписания	+	?	–	+*
Наличие «грамот» и «указов» о службе	+*	?	+	+

** нерегулярные записи данных из массива сказок.*

На смотре-«разборе» 1643 г. большинство жильцов, бывших «в молодых летах», крайне редко сообщали о детях. Иногда жильцы ссылались на «грамоты» о владениях вотчинами из семейных архивов. Спустя более полвека – на «разборе» рейтаров 1702 г. изредка к сказкам прилагались полные тексты копий «указов» об отставке. Для государева смотра московских чинов в январе 1681 г. по указу царя Федора Алексеевича был сочинен вопросник – один из первых известных «образцов» написания сказок, который удалось извлечь в архиве: «а в сказках указал в. г. им писать; 1-я – с которого году, хто в которой чин написан и после того, где хто был на службах и у дел, и на которых боях, где хто ранен или в полон был взят, и сколко хто где в полону был; 2-я – в которых городех и сколко за кем порознь по нынешним переписным книгам и сверх переписных книг по новым дачам ныне на лицо крестьянских и бобыльских дворов, и задворных и деловых людей, которые живут на пашне, и в которых городех за кем пашенные и оброчные деревни порознь; 3-я – на его в. г. службе, хто каков будет оружен, и что у ково будет простых лошадей с какими бои в полку и в кошу з долгими пищали и з бердыши». Сказки передавали 3–5 января 1681 г. порознь по чинам «за своими руками, и те скаски приносить в Розряд до смотру, а которые из них до смотру в Розряд не принесут и тем быть в нетех». В приеме сказок Ответной палатой выяснилось, что царедворцы писали о намерении поставить «людей с боем» с убавкою против нормы (один человек с 25 дворов) и по числу, известному в Разряде из прежних сказок. После исправления сказок, уличенных «в убавке», царь смотрел «чины порознь» с двумя перерывами 10–20 января в Передней палате дворца [17, д. 52, л.4; 12, № 853].

Петровская администрация более настойчиво запрашивала данные о детях. В 1702 г. на «разборе» рейтаров в Твери на съезжем дворе стольник Ф. П. Вердеревский выяснял очно имена и возраст детей мужского пола от месячных младенцев до возрастных служивших. Так, рейтар С. М. Ломаков 26 мая «у смотру явил сына Ивана десяти недель» [16, л. 39 об.].

Сенатские канцеляристы, заправлявшие смотром 1721 – 1723 гг., для единой формы записей приездов и сказок предложили «образцовый приезд», восходящий более к шаблонам рубежа XVII – XVIII вв., отраженных в упомянутых выше сказках рейтаров. Историк С.А. Петровский впервые обнаружил, а С.М. Троицкий опубликовал этот важный документ 1722 г. [11, с. 221; 26, с. 156]. До сих пор не был издан текст приказа герольдмейстера о введении «образцового приезда»: «1722 марта в 6 день по указу е. и. в. ближней столник и герольдмейстер Степан Андреевич Колычов с товарыщи приказали канцелярии Разборных дел подьячим сей указ объявить с подписанием их рук, дабы сего числа всяких чинов людей, которые будут во оной канцелярии являтца у записки приездов их, спрашивать, что у кого детей и свойственников мужеска полу и в каковы лета, и в каковом учении или кроме учения при них в домех живут. О том в приездех их записывать имянно не уроня ничего. А которые с начала записки приездов до сего времяни приезды записали и скаски подали, о том ис тех приездов и из сказок выписать против вышеписанного ж. А ежели кто в тех прежних приездах и в скасках своих о вышеписанном подлинно не объявили, о том у оных брать скаски с написанием оного имянно. И о том выправясь подлинно публиковать и выставить листы, чтоб о вышеписанном, ежели кто подлинно не изъеснил, подавали скаски в пополнение против вышеобъявленного. И о том написать скаску образцовую, потому ж выставить, при том публиковать, чтоб ведали, каким образом оное в скасках пополнить. Герольдмейстер Степан Колычов» [20, д. 7302, л. 52–53]. Приказ герольдмейстера закрепил дьяк Михаил Волков, а «образец» заверил старый подьячий Григорий Баскаков, который «имеет всему записку и потому взыскивает отправления». «Образцовый приезд» в тот же день приняли «к исполнению» 9 подьячих [26, с .155; 20, д. 7302, л. 52–54 об.; 22, д. 43, л. 11 об.].

В подлиннике «образца» не указывалось записывать адреса служилых людей на время их жительства в Москве. Однако в «приездах» городовых дворян, офицеров, драгун, рейтаров сообщалось название улицы, прихода, имя владельца, что не встретим у царедворцев, независимо от времени «приезда». Таким образом, реальные тексты «образцов приездов», как и вся практика записей несколько отличались по повытьям разных подьячих Герольдии. Известный «образцовый приезд» не был категоричен для заполнения, поскольку у канцеляристов существовали приказные навыки. Запись речи в сказке строго не регламентировались, несмотря на образец, а объем варьировался от 1 до 5–6 страниц.

Сенат требовал от всех служилых людей подписывать «своею рукою» сказки и «приезды». Для «старых и дряхлых», больных и неграмотных допускалась подпись доверенного лица. По указу царя сенаторы приказали 12 июля 1722 г. «которые афицеры и дворяня грамоте не умеют и об них показано свидетельство також к приездам и к скаскам вместо их руки прикладывали другия, а не сами они, и тех за неумением грамоте, також буде которые и впредь такие ж по свидетельству явятца, что они грамоте не умеют… таких за неумением грамоте писать в воловой список и дав герольдмейстеру пашпорты отпускать в домы, а употреблять их к воеводам в посылки и для надзирания лесов обор-валтмейстеру, а офицеров отпускать таких, которые присланы из Военной коллегии, а которые не присланы, тех не отпускать» [20, д. 7302, л. 56].

Сведения сказок и «приездов» сводились в записные книги «определений», которые заслуживают самого пристального внимания. Книги имели «троякую» структуру таблиц, а рубрики дробились «порознь по чинам». Имена персон записывались постранично и по хронологии прибытия к смотру внутри своего «чина». Одна страница книг вмещала не более 2–3 записи имен. В трех столбцах книг отмечались: 1) дата приезда человека; 2) имя, возраст, география и число дворового владения, имена, возраст, служба детей; 3) в графе «с смотров определено» датировались назначения «к службе и делам», к отставке или отметки о «воловом» учете («отмечен в воловой, стар», отмечен в воловой, а годитца к делам»). В так называемый «воловой список» заносились имена условно-годных служилых людей, не назначаемых в момент смотра на службу, оставляемых в резерве. Термин «воловой список» порождает ожидание материального воплощения списка, но таковой была лишь отметка в книгах. Тем не менее, выписки имен для назначений из виртуального «волового списка» нередки.

Возвратимся к третьей графе записных книг «определений», который после смотра многократно дополнялся сведениями о службе, отставке, смерти (редко датированными) служилых людей вплоть до начала 1740-х гг. В нескольких книгах добавлялся столбец для записи детей. Анализ структуры этих записных книг, распоряжений о «списках трояких», приводит к выводу, что именно в них был воплощен царский наказ герольдмейстеру из «Инструкции» – вести «всех дворян списки генеральные» для перспективного учета шляхетства.

В новейшей историографии существуют различные мнения о наличии и идентификации «генеральных списков», указанных царем герольдмейстеру. Выражались сомнения, что они были составлены [2, с. 285] и утверждалось о составлении одного «генерального списка» [7, с. 120.]. Одна из книг Герольдии, отмеченная Г.В. Калашниковым, действительно подверглась существенной редактуре и дополнениям после генерального смотра. Она хорошо известна по публикации как «Список военным чинам XVIII века» [25]. Относительно недавно М. В. Бабич выявила его подлинник [3, с. 164]. Сложная структура записей опубликованного «Списка» не может скрыть аутентичную основу этого документа, как записной книги «определений» штаб-офицеров. Так практически был исполнен указ Петра I о «генеральных списках имянных и порознь и по чинам». Весомым аргументом в пользу этого мнения является недавно извлеченные 254 сказки штаб-офицеров из 325, отраженных персональными записями в «Списке военным чинам». Сказки были даны перед герольдмейстером с декабря 1721 г. по март 1723 г. в Москве. Подтвердить мнение необходимо и по подлиннику. При подготовке авторского веб-проекта «Генеральный смотр дворянства 1721 – 1723 гг.» в архиве извлечено 302 сказки штаб-офицеров 1721 – 1725 гг., переплетенных в две книги [21, д. 8104]. «Генеральные списки» продолжали учет после смотра несколько иначе, чем в разрядной практике – и это было бюрократической новацией.

Таким образом, сводные книги смотра имеют 4 различных именования: в самоназвании (смотренные книги, они же записные «определениям»), в указах царя («генеральные списки») и в историографии («список чинам», смотренные). До нашего времени такие книги сохранились по учету офицеров, низших армейских чинов, недорослей, городовых дворян [21, д. 8338; 22, д. 19, 20, 16; 15; 24, д. 284, 328, 329].

В новоиспеченной канцелярии складывалась атмосфера, характерная для российского чиновничества нескольких эпох. Герольдмейстер обязал своих канцеляристов в трехдневный срок к 10 апреля 1722 г. изготовить именные списки всем чинам. Игнорирование грозило «штрафом на теле жестокого наказания в том, что им оные списки изготовить верно без погрешения» [24, д. 328, л. 116–117]. Множились особые тетради «реестров» и «экстрактов», «определения» сенаторов и коллегии, решавших о нарядах на службу, к отставке или обратно «к герольдмейстерским делам» [22, д. 38, 49].

Документация петровского смотра шляхетства никогда не изучалась кодикологически. Около 4,5 тыс. сказок 1721–1723 гг. переплетены ныне в книги, а ряд сказок из нескольких «единиц хранения» остаются «в россыпи» и учтены в табл. 3. Сказки находятся вне аутентичного порядка и переплетов, в XVIII–XIX вв. они частично изымались и подшивались к другим книгам Герольдии. Сверху многих сказок имеются отметки «по книге №…», а нумерация доходит до трехзначных чисел. Некоторые категории шляхетства, видимо, не составляли сказки. Придворные служители, солдаты, недоросли известны как участники смотра по записным книгам «приездов» и/или по смотренным спискам.

Таблица 3 / Table 3

Численность сказок смотра 1721–1723 гг., выявленных в фондах РГАДА / The number of 'skazki' at the show 1721–1723, identified in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts

Фонды	Опись, ед. хр.	Сказок
286	Оп. 1. Ед. хр.6–9, 13, 14, 39	3426
394	Оп. 1. Ед. хр. 284	130
248	Оп. 102. Ед. хр. 8104; Оп. 20. Ед. хр. 1339.	921
Итого		4477

Примерно к трети сказок прилагалась одна из копий документов 1702–1720 гг.: «указы» об отставке, осмотры болезней, выписки, «пашпорта», «приговоры» учреждений. Внутри сказок как в матрешке можно обнаружить малые «сказки с подкреплением» и малоизвестные указы, например: «дан сей в. г. указ из Военного приказу каширенину Мине Дурову, для того в нынешнем 710-м году по указу в. г. велено копейщиков и рейтар и их детей недорослей выслать к смотру в Военной приказ…» [22, д. 13, л. 82, 111]. В сказках этого смотра сконцентрирована коллекция около 1100 копий редких документов эпохи Северной войны.

Записные книги «приездов» сохранились в аутентичных переплетах. Запись на смотры в Москве открылась в декабре 1721 г. в Золотой палате Кремля, в которой «приезды» записывали канцеляристы. В Столовой плате заседали сенаторы, «смотря по разметкам» герольдмейстера или устраивая очные смотры служилым. Книги «приездов» дробились на чиновные рубрики и внутри них по хронологии записи человека. В большинстве книг повторяется 2–3 круга рубрик записей по месяцам и по различным губерниям или вне географии. Место проживания одних служилых людей варьировалось в зависимости от службы, достатка и времени года, другие, как правило, «беспоместные» проживали постоянно в одной «деревне» или городе. В ранних книгах приездов размещалось по 2–3 записи на страницу. После выхода «образцового приезда» записи приездов распухли до двух полных страниц в описании одного человека. Поэтому часть «приездов» информативно не уступает сказкам [22, д. 52, л. 102–114 и след.]. Полные книги приездов и их фрагменты сосредоточены не менее чем в 16 «единицах хранения» [22, д. 17, 23, 25, 26, 31, 32, 34–37, 44, 47, 52, 923; 20, д. 7303; 24, д. 328; 18, д. 2441]. Благодаря «книгам приездов» известно в 2,5 раза больше участников смотра, чем по сказкам. Возможно, не все книги выявлены, а часть документации могла не сохраниться.

Более компактно из дел Герольдии собраны прошения служилых людей, определенных Сенатом и коллегиями «к делам», но просивших отставку по болезни, возрасту или в связи с неграмотностью. «Осмотры болезней», произведенные Антонием де Тейльсом, распылены по нескольким архивным «делам», практически не отличаясь по структуре и объему от докторских «осмотров» отставных царедворцев в середине 1690-х гг. [21, д. 8103, л. 74–120].

К массовым документам смотра 1721–1723 гг. справедливо отнести «допросы» лиц, которые не явились «к записке приезду» или пропустили «разбор» к определениям на службу или в отставку. Выборочно подлинные «допросы» прикреплялись к сказкам [22, д. 46; 24, д. 4, 9]. Сотни допросов нетчиков составлял ранее Разрядный приказ. «Допросы» в «Разборной» канцелярии полностью копировали аналогичные разрядные документы, например, за 1705 г. [14, д. 73, л. 813–849]. В канцелярских «допросах» точно также отмечались: дата, имя допрашиваемого, излагались причины неявки, пропуска «срока» или нетства, дата записи приезда, аргументы в свою защиту. Изменилось лишь название учреждения в заголовке. Иначе не могло быть, ибо служащие Герольдии ранее трудились разрядными подьячими. Независимо от чина и статуса допрашивались все «позноприезцы», служащие, недоросли. Например, допрос не миновал «архитекторского дела ученика» И.В. Чернавского. 5 августа 1722 г. ровно за 4 месяца до назначения живописцем при канцелярии «в допросе сказал: указ … (о смотре. – А.З.) он Чернавский слышал, … а к смотру де быть ему на указной срок невозможно, для того, что был у многих е. и. в. дел во учении, о чем показано в скаске ево и благополучному пришествию е. и. в. в Москву отправляли труфальные вороты и мошкарацкие сани и под бот тумбу и балдахин в синодалную крестовою полату марта по 15 число сего 722-го году денно и ношно, и покою он Чернавский себе не имел, а приезд записал марта 15-го дня 1722-го году и ныне де он в том же учении безотлучно» [22, д. 46, л. 124]. Особой заботой властей с допетровских времен был розыск и высылка нетчиков.

Не выявлены сказки недорослей, к которым в то время причисляли детей младше 15 лет и всех, получавших с юности «льготу» от службы по болезни, увечью или инвалидности. Вероятно, для Герольдии было достаточно их «приездов» и смотренных списков. Но не все недоросли спешили на смотр. Летом 1722 г. начался розыск беглых школьников по инициативе нового директора Морской академии капитана флота А.Л. Нарышкина. В июле Нарышкин известил Сенат о сотне беглецов, которые не явились «к нему в учение» после «отпусков», презрев все сроки. Из них 33 происходили «из шляхетства», 18 из рейтарских детей, 12 «из детей боярских». Сенат передал заботы розыска и «разбора» герольдмейстеру И. Н. Плещееву. В Московской типографии 28 июля отпечатали лист с 127 именами беглых школьников [22, д. 10, л. 835–836].

В провинциях и уездах местные власти допрашивали недорослей «из дворянских детей», обошедших смотр в Москве. Канцелярия «свидетельства мужеска полу душ» Нижегородского уезда обнаружила десятки таких нетчиков и «огурщиков». Для облегчения их идентификации, местные чиновники под текстом «допроса» прописывали словесные портреты нетчиков. Некоторые «являлись собою» в местную канцелярию. Среди допрошенных летом 1723 г. оказался и беглый ученик Морской академии Петр Быков. Имя школьника отчетливо читалось в печатаных

указах 1722 г., прибитых по «грацким воротам», улицам и площадям Москвы. Не ведая розыска, бывший ученик спокойно проживал в своей деревне Анкудиновой, а в допросе рассказал всю подноготную, что владеет 4 крестьянами, и «в прошлых де годех, тому ныне пять лет… набирали дворянских детей в школу и он Петр з братом своим родным Афонасьем записались в Москве в школу…учились в школе з год». Братья якобы были отпущены на время домой, но их «данной пашпорт воровские люди взяли в прошлом 722 году». О грабеже и разбое братья сообщили в явочной челобитной: «а в школе не явились для того [что] лежали з братом своим в то число больны». По словесному описанию «Петр ростом два аршина, шесть вершков, волосом рус, глаза серы… лицем щедровит, отроду ему двадцать пять лет». Бывший школьник, обязанный учиться или служить, подался в солдаты местного гарнизона, а его жена Аксинья спустя год прибавила к «допросу» словесное описание 9-летнего сына Василия. Другой «дворянский сын» Семен Ворыпаев пропуск смотра в Москве объяснил «за хворостию». Предвидя новое «нетство», канцеляристы вновь запечатлели портрет недоросля: «а по смотру он Симион роста два аршина с четверьтью, глаза серы, волосы черные, [усы] ево и борода руса, лицем кругл, нос остронос, от роду ему 29 лет» [23, д. 153, л. 2–2 об., 7–9; д. 154].

Примерная схема словесного портрета 1720-х гг. содержит описание роста, цвета глаз и волос, формы лица и носа, примет на лице и на теле, болезненности, возраста. Под описанием отмечалась годность к службе, что и раскрывает один из мотивов сочинения словесного портрета. Так, давно известный формуляр «допроса», был качественно дополнен в местных учреждениях. Русские словесные портреты имели не менее долгую традицию, возникнув не позже XIV в. А в конце XVI в. в новгородских кабальных книгах фиксируется около 2 тысяч словесных описаний холопов и людей податных [9]. В начале XVIII в. подобная практика не забылась опытными подьячими и нашла применение для идентификации «дворянских детей» и их возможного розыска. Благодаря словесным портретам, приложенным к ткани «допросного» текста, возможно объемнее представить образ незнатных современников Петровской эпохи и новую узду для контроля «детей из дворянства».

Первому составу Герольдии из девяти человек [1, с. 268] для ревизии «всего дворянства» усилий объективно было недостаточно. При исполнении указов царя, который ставил сложнейшие задачи Сенату и герольдмейстеру Плещееву, понадобился пятикратный штат. Кроме главы в Герольдии в марте 1723 г. трудился 51 человек, включая: двух товарищей герольдмейстера (в т. ч. графа Ф. Санти), 3 секретарей, 1 дьяка, 41 подьячего, переводчика «при графе» И. Ардабьева, подмастерья П. Гусятникова у живописца И. Чернавского. Последние трое были назначены к штату 5 и 18 декабря 1722 г. В следующем году они переезжали в столицу с другими канцеляристами – всего на 48 подводах. В Москве для описания «прежних разрядных и протчих дел» оставались помощник Плещеева кн. А.С. Путятин, дьяк А. Русинов, 8 канцеляристов и несколько молодых подьячих [22, д. 55, л. 108, 120–129].

Сенат приказал герольдмейстеру 12 декабря 1722 г. представить ведомость назначений на смотре. «Образец» статистики предложил управлявший разрядным столом Сената Иван Ларионов [22, д. 10, л. 1150–1155]. По указу 10 марта 1723 г. «позноприезцев» смотра и всех, кто «в домы не отпущены и к делам не определены, тем до декабря месяца сего году из Москвы от смотра уволить» [20, д. 7302, л. 88]. Весной 1723 г. служащие Герольдии закончили сочинение «Ведомости смотра» на 43 страницах. Без учета подьячих канцелярских служащих всех провинций за полтора года в двух столицах на генеральный смотр явилось 16946 человек, преимущественно «из шляхетства» [4, с. 178]. Прием сказок «позноприезцев» продолжился в Санкт-Петербурге в июне, а текущие сенатские смотры – с ноября 1723 г.

Подготовка статистики «разбора к делам» на смотре также не была петровской новацией. Например, на смотре 1707 г. были «разобраны» 579 царедворцев к 15 приказам и двум «городовым делам» [18, д. 1426], аналогичные записи «к делам» на десятках листов известны и до 1690-х гг. Но размах бюрократической детализации и синхронных назначений «всех чинов» осуществился впервые в 1720-е гг. К десяткам ранее не существовавших коллежских должностей в центре и на местах потребовались срочные назначения, согласования с коллегиями и Сенатом.

Таким образом, «образцы» и основной набор документации как и полный механизм смотров и рекрутирования на службу сложились в допетровское время и были логично заимствованы канцелярскими служащими из приказной практики. До 1720-х гг. «персональные» документы смотров сказки, приезды, смотренные списки усложнились незначительно, прочно опираясь на старомосковские образцы. С учреждением Герольдии, объем и номенклатура документов, фиксирующих «определения» к службе и делам, значительно расширились. Были составлены указанные царем «генеральные списки шляхетству». Запрашивались новые данные, изображавшие подданного настолько объемно, как только мог потребовать государственный интерес. В «допросах» местных учреждений появились словесные портреты нетчиков. Практически неизменным оказался формуляр сказки, в которых новшеством был сбор данных о грамотности детей. Эти сведения оказались более актуальны, чем изве-

стия о службе предков в XVII в. В связи с реформой чинов была утрачена традиция ежегодного составления чиновных списков. Вакуум был немедленно заполнен. Записные книги «определений» на службы приобрели адекватный для поиска формуляр продолжающегося документа, который использовался до начала 1740-х гг.

Массив документов, которые отражали персоналии участников, оказывается репрезентативен в количественном плане. Тем не менее, исследователю невозможно безоговорочно полагаться на достоверность данных из документации одного учреждения. Решения требуют острые вопросы современного описания дел фонда Герольдии и идентификация архивных фондовых и «единичных» включений документов генерального смотра. Сомнения и скепсис в историографии вызывала возможность изучать распыленные документы раннего архива Герольдии, которые поддаются и аккумуляции, и оценке объемов для исследования самого объекта смотров – всех «чинов» шляхетства.

Источники и литература

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М.: Издательство: РОССПЭН, 2003. 480 с.
3. Бабич М. В., Бабич И. В. Областные правители России. 1719–1739 гг. М. : РОССПЭН, 2008, 831 с.
4. Захаров А. В. «Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты // История: факты и символы. 2020. № 4. С.167–182.
5. Захаров А. В. Информационно-поисковая система «Генеральный смотр дворянства 1721–1723 гг.» URL: http://zaharov.csu.ru/shlyah.pl (Дата обращения: 07.10.2021).
6. Горбатов Е. Н. Новые документы жилецкого разбора 1643 года (сказки и челобитные жильцов) // Российская генеалогия. 2021. Вып. 9. С. 69–176.
7. Калашников Г. В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3. С. 116–124.
8. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подг. С. И. Котков [и др.]. М.: Наука, 1968. 338 с.
9. Новгородские кабальные записные книги 100 – 104 и 111 годов (1591 – 1596 и 1602 – 1603 гг.) / Под ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938. 445 с.
10. Письма и бумаги императора Петра Великаго. СПб: Гос. тип., 1887. Т. 1, 888 с.
11. Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1875. 349 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1830. 815 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 2.
14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 3.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-б.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 8.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 15.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 33.
20. РГАДА. Ф. 248 Оп. 88.
21. РГАДА. Ф. 248 Оп. 102.
22. РГАДА. Ф. 286 Оп. 1.
23. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1
24. РГАДА. Ф. 394. Оп. 1
25. Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. Т. 7. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1895. С. 636–811.
26. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 396 с.

References

1. Anisimov E.V. Gosudarstvennye preobrazovaniia i samoderzhavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka (State reforms and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997. 331 p. (in Russian).
2. Babich M.V. Gosudarstvennye uchrezhdeniia XVIII veka: komissii petrovskogo vremeni (State institutions of the XVIII century: Peter's commissions). Moscow: ROSSPEHN, 2003, 480 p. (in Russian).
3. Babich M.V., Babich I.V. Oblastnye praviteli Rossii. 1719–1739 gg. (Regional rulers of Russia. 1719-1739). Moscow: ROSSPEN, 2008. 480 p. (in Russian).
4. Zakharov A.V. «General'nyi smotr» dvorianstva 1721–1723 gg.: istoriia organizatsii i rezul'taty (The General Inspection of Nobility of 1721-1723: the history of the organization and the results) // Istoriia: fakty i simvoly. 2020. No. 4. P.167–182. (in Russian).
5. Zakharov A.V. Database «The General Inspection of Nobility of 1721-1723» URL: http://zaharov.csu.ru/shlyah.pl (Accessed: 07.10.2021). (in Russian).
6. Gorbatov E.N. Novye dokumenty zhiletskogo razbora 1643 goda (skazki i chelobitnye zhil'tsov) (New documents of the Zhiletsky "razbor" of 1643: skazki i chelobitnye zhil'tsov) // Rossiiskaia genealogiia. 2021. Vol. 9. P. 69–176. (in Russian).
7. Kalashnikov G. V. Uchet ofitserskikh kadrov russkoi armii v 1700–1745gg. (Accounting of officers of the Russian army in 1700-1745) // Klio. 2000. No. 3. P. 116–124. (in Russian).

8. Moskovskaia delovaia i bytovaia pis'mennost' XVII veka (Moscow business and household writing of the XVII century). Moscow: Nauka, 1968. 338 p. (in Russian).
9. Novgorodskie kabal'nye zapisnye knigi 100 – 104 i 111 godov (1591 – 1596 i 1602 – 1603 gg.) (Novgorod bonded Lists of 100 – 104 and 111 years (1591–1596 and 1602 – 1603) / ed by A.I. Iakovlev. Moscow; Leningrad, 1938. 445 p. (in Russian).
10. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikago (Letters and papers of Emperor Peter the Great). St. Peterburg: Gos. tip., 1887. T. 1, 888 p. (in Russian).
11. Petrovskii S.A. O Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo (About the Senate in the reign of Peter the Great). Moscow: Univ. tip. (Katkov and K), 1875. 349 p. (in Russian).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ RI) (Complete collection of laws of the Russian Empire). Vol. 6, St. Petersburg, 1830. 815 p. (in Russian).
13. Russian state archive of ancient acts. (RGADA). F. 210. Inv. 2. (in Russian).
14. RGADA. F. 210. Inv. 3 (in Russian).
15. RGADA. F. 210. Inv. 7-b (in Russian).
16. RGADA. F. 210. Inv. 8 (in Russian).
17. RGADA. F. 210. Inv. 15 (in Russian).
18. RGADA. F. 210. Inv. 21 (in Russian).
19. RGADA. F. 248. Inv. 33 (in Russian).
20. RGADA. F. 248. Inv. 88 (in Russian).
21. RGADA. F. 248. Inv. 102 (in Russian).
22. RGADA. F. 286. Inv. 1 (in Russian).
23. RGADA. F. 350. Inv. 1 (in Russian).
24. RGADA. F. 394. Inv. 1 (in Russian).
25. Spisok voennym chinam 1-i poloviny 18-go stoletiia in Senatskii arkhiv (List of military ranks of the 1st half of the 18th century). Vol. 7. St. Petersburg, Tipografiia Pravitel'stvuiushchego Senata, 1895. P. 636–811. (in Russian).
26. Troitskii S.M. Russkii absoliutizm i dvorianstvo v XVIII v.: Formirovanie biurokratii (Russian absolutism and the nobility in the XVIII century: the Formation of the bureaucracy). Moscow: Nauka, 1974. 396 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Захаров Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории «Цифровые гуманитарные исследования» историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия) / elural@yandex.ru

Information about the author

Zakharov Andrey V. – PhD in History, Senior Research, Scientific and Educational Laboratory «Digital Humanities Studies», Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia) / elural@yandex.ru

CC BY

УДК 94(47.638).084.8

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.5

А.В. Карташев
И.В. Карташев

ГОСПИТАЛИ ВЦСПС НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ В ПЕРВЫЙ ГОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена недостаточно изученному вопросу создания и работы эвакогоспиталей Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) на Кавказских Минеральных Водах (КМВ) в первый год Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). Несмотря на наличие работ в данной предметной области таких ученых как Н.Д. Судавцов, С.И. Линец, процесс формирования эвакогоспиталей ВЦСПС и их работы в начальный период Великой Отечественной войны освещен не так подробно, как это позволяют сделать исторические источники. В статье на основе архивных материалов и воспоминаний очевидцев показан процесс создания военных лечебных учреждений в системе ВЦСПС под руководством управления эвакогоспиталей ВЦСПС на Северном Кавказе. Указаны номера госпиталей ВЦСПС, названия санаториев ВЦСПС, ставших материальной базой их развертывания, и места их дислокации в городах Кисловодск, Ессентуки, Железноводск и Пятигорск, названы ключевые должностные лица, стоявшие у истоков их создания. Отмечено, что в данной категории госпиталей, также, как и в системе Наркомздрава СССР, работали видные врачи и ученые страны, среди них профессора Е.Ю. Крамаренко и Т.Е. Гнилорыбов, а также известные немецкие врачи Максим Цеткин и Рихард Кох, имевшие советское подданство. Выявлено, что уже в первый год работы госпиталей в них стали создаваться специализированные отделения для лечения определенных категорий раненых. Это не только способствовало повышению эффективности лечения раненых в госпиталях, но и имело важное значение для медицинской науки. Пониманию этого способствовали недавно опубликованные воспоминания хирурга одного из эвакогоспиталей ВЦСПС Р.Ф. Акуловой-Рудневой. В статье доказано, что такой недостаток в организации работы госпиталей на КМВ, как ведомственная разобщенность, сыграл положительную роль в ходе эвакуации, которую управление эвакогоспиталей ВЦСПС на Северном Кавказе провело более организованно, чем госпитали Наркомздрава СССР. Этому способствовал высокий уровень организаторской деятельности руководства управления эвакогоспиталей ВЦСПС.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, госпитальная база, Кавказские Минеральные Воды, эвакогоспитали ВЦСПС.

Для цитирования: Карташев А. В., Карташев И. В. Госпитали ВЦСПС на Кавказских Минеральных Водах в первый год Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 47–54. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.5

Andrey V. Kartashev
Igor V. Kartashev

VTSPS HOSPITALS IN THE CAUCASIAN MINERAL WATERS IN THE FIRST YEAR OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the insufficiently studied issue of the creation and operation of evacuation hospitals of the All-Union Central Council of Trade Unions (ACCTU) in the Caucasian Mineral Waters (CMW) in the first year of the Great Patriotic War (1941-1942). Despite the presence of works in this subject area by such scientists as N. D. Sudavtsov, S. I. Linets, the process of formation of evacuation hospitals of the ACCTU and their work in the initial period of the Great Patriotic War is not covered in as much detail as historical sources allow. The article based on archival materials and eyewitness memories shows the process of creating military medical institutions in the ACCTU system under the leadership of the department of evacuation hospitals of the ACCTU in the North Caucasus. The numbers of the ACCTU hospitals, the names of the ACCTU sanatoriums that became the material base for their deployment, and their locations in the cities of Kislovodsk, Essentuki, Zheleznovodsk and Pyatigorsk are indicated, the key officials who stood at the origins of their creation are named. It is noted that in this category of hospitals, as well as in the system of the People's Commissariat of Health of the USSR, prominent doctors and scientists of the country worked, among them Professors E.Y. Kramarenko and T. E. Gnilorybov, as well as well-known German doctors Maxim Zetkin and Richard Koch, who had Soviet citizenship. It was revealed that already in the first year of operation of hospitals, specialized departments for the treatment of certain categories of wounded began to be created in them. This not only contributed to improving the effectiveness of the treatment of the wounded in hospitals, but was also important for medical science. The recently published memoirs of the surgeon of one of the evacuation hospitals of the ACCTU, R. F. Akulova-Rudneva, contributed to the understanding of this. The article proves that such a lack in the organization of the work of hospitals in the CMW, as departmental disunity, played a positive role in the evacuation, which the department of evacuation hospitals of the ACCTU in the North Caucasus conducted more

organized than the hospitals of the People's Commissariat of Health of the USSR. This was facilitated by the high level of organizational activity of the management of the department of evacuation hospitals of the ACCTU.

Key words: The Great Patriotic War, hospital base, Caucasian Mineral Waters, evacuation hospitals of the ACCTU.

For citation: Kartashev A. V., Kartashev I. V. VTSPS hospitals in the Caucasian Mineral Waters in the first year of the Great Patriotic war // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 47–54. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.5

В годы Великой Отечественной войны большое значение в вопросе лечения раненых и больных воинов Красной Армии играли лечебные учреждения госпитальной базы тыла страны. Значительный вклад в создание этой базы внес Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), под руководством которого на базе санаториев и домов отдыха в стране была развернута сеть госпиталей. Для руководства этими лечебными учреждениями санаторно-курортное объединение ВЦСПС было преобразовано в управление госпиталями ВЦСПС. За годы войны этот орган приобрел значительный опыт работы, который, по мнению авторов, недостаточно изучен. Исключение составляют регионы Татарстана и Удмуртии, которому посвятили свой материал А.Д. Закиров и М.В. Черепанов [11], а также Казахстана – автор М.А. Жакупова [10].

Особенно много эвакогоспиталей, созданных на основе санаториев и домов отдыха ВЦСПС, было сформировано на Кавказских Минеральных Водах (КМВ). Работе госпиталей в этом регионе посвящено немало исторической литературы. В первую очередь следует отметить работы С. И. Линца. Более детально процесс формирования госпитальной базы на курортах КМВ описан в статье, непосредственно посвященной данному вопросу [16]. Однако в ней госпитали ВЦСПС не выделены особо, что не позволяет оценить особенности их формирования, функционирования и руководства ими. Также следует отметить монографию Б. Т. Ованесова и Н. Д. Судавцова, которые отвели в истории здравоохранения Ставропольского края отдельный раздел, посвященный Великой Отечественной войне. В нем представлен и материал о работе госпиталей в регионе КМВ, в том числе госпиталей, подчиненных Управлению госпиталей ВЦСПС [17, с. 192–260]. К сожалению, большие временные рамки монографии не позволили авторам уделить должного внимания процессу формирования эвакогоспиталей в начале войны, назвать все госпитали по номерам, указать места их дислокации.

Целью настоящей работы является углубленное изучение истории формирования, деятельности и опыта руководства работой эвакогоспиталей ВЦСПС на Кавказских Минеральных Водах в 1941–1942 гг. до начала оккупации региона.

После нападения Германии на Советский Союз в соответствии с Постановлением СНК СССР от 17 июля 1941 г. санатории и дома отдыха ВЦСПС были переданы под госпитали. В этой связи Секретариат ВЦСПС своим постановлением от 19 августа 1941 г. реорганизовал Управление санаториями и домами отдыха в Управление госпиталями ВЦСПС. Всего было образовано и содержалось на средства профсоюзов 215 эвакогоспиталей, предназначенных для лечения раненых и больных воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота [13, с. 240].

Руководство медицинским обслуживанием госпиталей ВЦСПС и снабжение их медицинским имуществом по установленным табелям и нормам в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны № ГКО-701сс от 22 сентября 1941 г. и совместным приказом Наркомздрава СССР [18] и Народного комиссариата обороны СССР от 30 сентября 1941 г. было возложено на Наркомздрав СССР [12, с. 49–51].

К началу Великой Отечественной войны санатории и дома отдыха ВЦСПС на Северном Кавказе располагались на Ставрополье – в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод, в Карачаевской АО, а также Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. Кроме того, в распоряжении ВЦСПС находилась автобаза в Кисловодске, ряд подсобных хозяйств и производственных мастерских [9, л. 17].

Развернутые на территории Ставропольского (в то время – Орджоникидзевского) края эвакогоспитали входили в состав местного эвакуационного пункта (МЭП) № 90. Управление МЭП № 90, первоначально расположенное в Армавире, в августе 1941 г. было переведено в Минеральные Воды, а в сентябре – в Кисловодск [7, л. 12]. По своей ведомственной принадлежности они подразделялись на эвакогоспитали Наркомздрава СССР (84 ед.), ВЦСПС (20 ед.) и Наркомата обороны СССР (4 ед.) [16, с. 55–56].

С целью централизации управления всеми госпиталями в регионе Орджоникидзевскому краевому отделу здравоохранения было разрешено территориально прикрепить эти лечебные учреждения к курортным управлениям городов Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки и Железноводск [21, с. 575].

Несмотря на это, госпиталями продолжали руководить соответствующие начальники тех ведомств, которыми они создавались. Госпитали ВЦСПС одновременно подчинялись Управлению госпиталями ВЦСПС на Северном Кавказе, которое размещалось в Кисловодске по улице Желябова, 43. Начальником Управления госпиталями ВЦСПС на Северном Кавказе был А.Д. Постнов – человек, который, по воспоминаниям хирурга Р. Ф. Акуловой, «отличался недюжинными организаторскими способностями, быстро схваты-

вая основное звено в цепи неотложных задач» [1, с. 218–219]. Забегая вперед, отметим, что для госпиталей ВЦСПС в ходе их последующей эвакуации с КМВ в тыл это обстоятельство сыграет весьма положительную роль.

До оккупации края немецко-фашистскими войсками в августе 1942 г. состав эвакогоспиталей ВЦСПС на КМВ был следующим. В Кисловодске размещались ЭГ №№ 2003, 2004, 2006, 2007, 2040, 2042, 2047, 2048, 2440, 3177, в Ессентуках – 2153, 2154, в Железноводске – 2168, 2176, в Пятигорске – 2174, в Нальчике (КБАССР) – 2442, 4425, в Серноводске (ЧИАССР) – 2140.

Госпитали ВЦСПС в Кисловодске размещались следующим образом:

- 2003 – ул. Урицкого, 3, санатории № 11 «Красная Звезда» и № 20 имени А.В. Луначарского;
- 2004 – пр. Ленина, 21, санаторий № 19 имени С.М. Кирова;
- 2006 – пер. Крепостной, 3, санаторий № 15 «Крепость»;
- 2007 – ул. Профинтерна, 18, санатории ЦК Союза Рабис и ЦК Союза стройтяжпрома;
- 2040 – ул. Чкалова, 40, санатории № 16 имени С.Г. Шаумяна, ЦК Союза нефтяной промышленности, № 21 «Зенит», ЦК союза авиаработников, ЦК союза работников сахарной промышленности, ЦК работников жилхозяйства;
- 2042 – пр. Ленина, 20, санатории № 12 «Красный шахтер», № 10 «Красный Октябрь» и № 18 «Профработник»;
- 2047 – пер. Вокзальный, 2, санатории № 22 имени А. А. Андреева;
- 2048 – пр. Ленина, 33, санатории Госбанка СССР и ЦК Медсантруд;
- 2440 – ул. Главная, 11, санаторий «Минутка»;
- 3177 – ул. Желябова, 21, санатории № 1 ЦК Союза работников связи и № 17 имени XVI № 17 имени XVI партсъезда.

В Пятигорске на базе санаториев № 30 имени М. И. Калинина и № 31 «Пролетарий» был развернут ЭГ-2174 [5, л. 103].

В Железноводске располагались:

- 2168 – санатории № 40 и № 42 имени Героев Магнитогорска;
- 2176 – санаторий «Железнодорожник».

В Ессентуках были развернуты:

- 2153 – санаторий № 20;
- 2154 – санатории № 22 и № 23.

Рассматривая вопрос организации и функционирования в регионе госпитальной сети на базе санаториев и домов отдыха ВЦСПС, следует отметить, что в первый год войны два эвакогоспиталя действовали в Нальчике (ЭГ-2442 и 4425), один – на Серноводском курорте ЧИ АССР (ЭГ-2140) [20]. Большинство же эвакогоспиталей было развернуто на территории Кавминвод, отличавшихся более развитой транспортной инфраструктурой. Их коечная сеть обеспечивала прием и лечение большого количества раненых и больных.

В ряде случаев эвакогоспитали были образованы на базе одного санатория или дома отдыха. Так, в Кисловодске ЭГ-2004 на 400 коек был развернут в санатории № 19 имени С.М. Кирова, ЭГ-2006 на 300 коек – в санатории № 15 «Крепость», ЭГ-2440 на 150 коек – в санатории № 14 «Минутка»; в Ессентуках: ЭГ-2153 на 600 коек – в санатории № 20; в Железноводске: ЭГ-2176 на 200 коек – в санатории «Железнодорожник». Но чаще материальной базой для развертывания эвакогоспиталей становилось несколько лечебно-профилактических учреждений. Например, в Кисловодске базой для ЭГ-2003 на 400 коек стали санатории № 11 «Красная Звезда» и № 20 имени А.В. Луначарского, ЭГ-2007 на 300 коек – санатории ЦК Союза Рабис и ЦК Союза стройтяжпрома, ЭГ-2040 на 700 коек – санатории № 16 имени С.Г. Шаумяна, ЦК Союза нефтяной промышленности, № 21 «Зенит», ЦК союза авиаработников, ЦК союза работников сахарной промышленности, ЦК работников жилхозяйства. В Пятигорске ЭГ-2174 на 300 коек был развернут на базе санаториев №№ 30 и 31, в Ессентуках ЭГ-2154 на 600 коек – на месте санаториев №№ 22 и 23 [5, л. 101–103].

Большинство эвакогоспиталей ВЦСПС на Северном Кавказе были развернуты к 20 июля 1941 г. [5, л. 107–109]. Первый прием раненых в эвакогоспиталях Кавминводской группы состоялся 8 августа 1941 г. На данном этапе эвакогоспитали региона выполняли роль полевых госпиталей и госпиталей ближнего тыла. Основной их задачей являлась хирургическая и травматологическая обработка раненых. Наряду с этим широко применялось комплексное лечение пациентов, предполагающее использование физиотерапии, парафинолечения и грязелечения. Следует отметить, что количество развернутых коек в эвакогоспиталях ВЦСПС в течение первого года войны постепенно увеличивались. Размещение дополнительных коек осуществлялось как за счет уплотнения существующей коечной сети, так и за счет передачи в распоряжение госпиталей новых помещений [6, л. 1–1об.].

Важная роль в организации функционирования госпитальной базы в Кисловодске, где размещалась большая часть госпиталей региона, в том числе более половины эвакогоспиталей ВЦСПС, и развернутых в них коек, отводилась ЭГ-2047. Здесь, в здании курзала (бывший санаторий им. А. А. Андреева), действовал эвакоприемник, в котором осуществлялись сортировка раненых и их распределение по госпиталям в зависимости от диагноза. При необходимости производилась санитарная и первичная обработка ран [15].

Положительное влияние на организацию работы эвакогоспиталей оказывали уникальные природные условия Кавказских Минеральных Вод, наличие разнообразного медицинского оборудования и инструментария, а также подготовленного медицинского персонала. Наряду с местными специалистами в регион в первый год войны прибыло много высококвалифицированных медицинских и научных работников из оккупированных и прифронтовых территорий страны. Их усилиями были спасены жизни и здоровье десятков тысяч бойцов и командиров Красной Армии. При их непосредственном участии был проведен ряд научно-практических конференций по наиболее актуальным проблемам военной хирургии, организовано несколько циклов курсов по подготовке и повышению квалификации молодых специалистов [9, л. 6].

Главным хирургом управления госпиталей ВЦСПС на Северном Кавказе был Е. Ю. Крамаренко. Евгений Юрьевич Крамаренко (1879–1957) – выпускник Киевского университета, земский врач, работавший до революции на Украине, в годы Первой мировой и Гражданской войн – хирург в военных госпиталях. Впоследствии – доктор медицинских наук, профессор. Автор более 160 научных работ по проблемам борьбы с раком. Наряду с руководством хирургической деятельностью всех эвакогоспиталей, он занимался практической работой в ЭГ-2004 и ЭГ-2048, специализируясь на ранениях в череп и грудную клетку. Руководил научной работой, являясь одним из организаторов, проведенных в регионе КМВ в период войны 50 научно-практических конференций. Провел несколько циклов курсов по подготовке и повышению квалификации молодых хирургов. В марте 1942 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени [9, л. 6].

В декабре 1941 г. из Москвы в Ессентуки прибыл профессор Максим Цеткин – сын Клары Цеткин, проживавший с 1920 г. в СССР. Он стал ведущим хирургом эвакогоспиталя № 2153. На должность старшего терапевта он пригласил профессора Рихарда Коха – немецкого врача-ученого, принявшего в 1937 г. советское гражданство [19, с.75–76].

Особо следует отметить заслуги главного хирурга Кисловодской госпитальной базы профессора Тимофея Еремеевича Гнилорыбова (1901–1970), являвшегося одновременно главным хирургом ЭГ-2047. Он прибыл на КМВ из Ростовского медицинского института, где возглавлял кафедру госпитальной хирургии педиатрического факультета и был консультантом эвакогоспиталей города Ростова-на-Дону. В Кисловодске он провел четыре сложных операции на сердце из восьми, сделанных в СССР в то время. В марте 1942 г. он был награжден орденом «Знак почета» [17, с. 197, 229].

Уже в первый год войны была проведена четкая специализация госпиталей, налажена работа сортировочного эвакогоспиталя и налажена подготовка медицинских кадров. Многие из госпиталей, в частности, №№ 2003, 2006, 2040, 2153, 2154 имели общехирургическую и терапевтическую специализацию. ЭГ-2004 специализировался на глазной, челюстной и хирургии лор-заболеваний, ЭГ-2440 – на лечении инфекционных больных, ЭГ 2042 – на лечении кистей рук [8, л. 35].

Доктор медицинских наук, профессор Раиса Федоровна Акулова (1905–1981), работавшая перед войной ассистентом хирургической клиники в Ростовском медицинском институте, а затем хирургом в госпиталях на КМВ, вспоминала, что А.Д. Постнов и Е.Ю. Крамаренко предложили ей открыть специализированные отделения. Одно из таких отделений – для раненых в кисть и пальцы, второе – для ранений, осложненных анаэробной инфекцией, были организованы в госпитале № 2042 г. Кисловодска. В первые месяцы войны Р.Ф. Акулова работала ведущим хирургом в ряде госпиталей г. Ростова-на-Дону, а с января 1942 г. стала ведущим хирургом ЭГ-2042 на КМВ. По ее воспоминаниям госпиталю № 2042 принадлежали 5 корпусов санаториев «Октябрь», «Красный шахтер» и «Медсантруд». Ранения кистей и пальцев легкие для жизни, были тяжелыми в плане восстановления их функций, они давали высокий процент инвалидности. По прошествии многих лет в памяти Р. Ф. Акуловой сохранились имена сотрудников госпиталя 2042: А. И. Карапетяна, Баратовой и Арушаняна [1, с. 218–219].

Специализированное отделение для лечения ранений и болезней глаз было открыто в ЭГ-2168 в г. Железноводске. Его возглавил Николай Матвеевич Кравцов, работавший глазным врачом городского отдела здравоохранения города и курорта Железноводск с 1937 года [14].

Открытие специализированных отделений позволяло сконцентрировать в одном месте однотипных раненых и лучше понимать характер течения патологического процесса, разработать рациональные методы лечения. Результаты изучения патогенеза рефлекторных контрактур при ранениях дистальных отделов нервных стволов были представлены в кандидатской диссертации Р.Ф. Акуловой, защищенной ею в 1944 г.

Что касается процесса работы госпиталей ВЦСПС на КМВ и лечения в них раненых и больных воинов Красной Армии, то он мало чем отличался от того, что происходило в госпиталях системы Наркомздрава СССР. Первая партия раненых прибыла в Кисловодск 8 августа 1941 года. В ЭГ-2006 управления ВЦСПС (начальник госпиталя военврач 2 ранга М. И. Хибаров) они поступили 9 августа. Учитывая, что приказ о формировании госпиталя был подписан 20 июля, потребовалось не более 20 дней для того, чтобы санаторий «Кре-

пость» заработал как военно-лечебное учреждение. Примерно такое же время потребовалось и для развертывания других госпиталей [16, с. 57].

По словам главного хирурга Кисловодского курорта профессора Т. Е. Гнилорыбова, «поступление раненых в первый год войны было огромным, и за первый год эвакогоспитали приняли на лечение свыше 90 тысяч человек. В это время наши госпитали выполняли роль полевых госпиталей и госпиталей ближнего тыла. Поэтому первое место в оказании медицинской помощи занимала хирургическая и травматологическая обработка раненых <…> было внедрено комплексное лечение (физиотерапия, парафинолечение и грязелечение), которым было охвачено до 84 % всех лечившихся, а лечебная физкультура применялась в 68%. Благодаря своевременной хирургической обработке и комплексному лечению в первый год войны эвакогоспитали выписали в часть 85,1 %, уволено из рядов РККА 13,1 %, умерло 1,7 % к числу лечившихся больных и раненых. Среди раненых смертность достигала 0,7 %». В 23 госпиталях Кисловодской группы, в их числе 11 госпиталей ВЦСПС, работало 10 квалифицированных хирургов, 4 профессора, 4 доцента и 2 практических хирурга. Велась большая работа по подготовке терапевтов и бальнеологов, по общей хирургии, травматологии и переливанию крови. Однако все это было нарушено вследствие эвакуации госпиталей и оккупации немецко-фашистскими войсками Северного Кавказа и курортов Кавказских Минеральных Вод [6, л. 1–1об.].

Наличие хорошей материальной базы, грамотная организация работы эвакогоспиталей ВЦСПС в условиях военного времени, самоотверженный труд их сотрудников позволили справиться с поставленными задачами. В целом в первый год войны эвакогоспиталями Кавминводской группы было возвращено в строй около 85 % поступившего контингента раненых и больных [6, л. 1об.].

С приближением противника к предгорьям Кавказа по распоряжению начальника МЭП-90 была начата эвакуация раненых, однако железная дорога оказалась не в состоянии обеспечить ее в полном объеме. Поэтому все, способные самостоятельно передвигаться, в ночь на 5 августа пешим порядком были отправлены в Нальчик. Начальник ЭГ-2174 доктор Григорий Михайлович Рудштейн (1903–?) в ночь на 5 августа вывел из Пятигорска 310 раненых. Каждому было приказано выдать одеяло, наволочку, сменное белье и запас продовольствия на 7 дней. Старшим колонны был назначен комиссар госпиталя старший политрук Миленко. Группу сопровождали врач-хирург Яконюк и медсестры Шевцова, Дмитрюкова и Дорошева. Группе было выделено две подводы. В Пятигорске осталось 180 тяжелораненых. Из них 110, которые могли передвигаться на костылях, были отправлены на проходивших через Пятигорск военных машинах в Нальчик, и оттуда далее на санитарных поездах. Лежачие 70 человек были вывезены на санитарном поезде 7 августа в глубокий тыл [17, с. 201–202].

Аналогично осуществлялась эвакуация раненых госпиталей ВЦСПС из других городов курорта КМВ. Начальником ЭГ-2153 в Ессентуках был доктор Рафаил Моисеевич (Михайлович) Рыскинд (1895–1952). В ходе эвакуации он вывел из города 530 больных и раненых. На рассвете 5 августа все 10 госпиталей города Ессентуки, включая оба госпиталя ВЦСПС, выступили в направлении города Нальчик. 9 августа больные прибыли на место и были сданы в госпиталь, развернутый на базе школы № 9. В то же время 200 человек (в т. ч. 150 костыльных), которые не могли передвигаться самостоятельно, остались на месте под присмотром медицинского персонала во главе с начальниками отделений. По дороге в Нальчик значительная часть больных была отправлена с попутными машинами в сопровождении медперсонала. Из Нальчика раненые были эвакуированы дальше в тыл санитарными поездами. Оставшиеся в госпитале больные в последующие дни также были вывезены из Ессентуков. Похожий по содержанию рапорт представил начальник эвакогоспиталя ВЦСПС № 2154 военврач 2 ранга Петряков [7, л. 6–8]. После оккупации майор медицинской службы Петряков Владимир Сергеевич (1892–19??) вновь исполнял обязанности начальника ЭГ-2154.

Следует отметить, что эвакуация госпиталей ВЦСПС проходила более организованно, чем госпиталей Наркомздрава, которые «оказались предоставлены сами себе, без всякой помощи со стороны своих руководителей». Об этом свидетельствует благодарственное письмо, датированное 23 сентября 1942 г., от начальников эвакогоспиталей НКЗ и ВЦСПС, отметивших заслуги А. Д. Постнова, организовавшего переезд медицинского персонала независимо от его ведомственной принадлежности, через санитарный отдел Закавказского фронта. «На всем пути следования от Кисловодска до Тбилиси мы не нашли ни одной организации НКЗ, которая бы отказала нам в содействии», – говорилось в письме [7, л. 19–19об., 23]. В числе руководителей госпиталей ВЦСПС, подписавших это письмо были: Владимир Сергеевич Петряков (ЭГ-2154); Исаак Наумович Кагнер (ЭГ-2040); Григорий Михайлович Рудштейн (ЭГ-2174); Рафаил Моисеевич Рыскинд (ЭГ-2153); Арон Моисеевич Гуревич (ЭГ-2047).

В связи с оккупацией территории Северного Кавказа госпитали ВЦСПС были расформированы. Об этом свидетельствует рапорт начальника ЭГ-4425 в Нальчике Ивана Поликарповича Зеленчука. Эвакуация раненых и больных в этом учреждении прошла с 5 по 8 августа, вглубь страны был отправлен 561 человек, лечившийся в этом

госпитале. Кроме того, госпиталь успел принять 1160 ранбольных, прибывших различными средствами передвижения из Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков и других мест. С 9 по 11 августа сдача имущества госпиталя задерживалась из-за отсутствия железнодорожного транспорта и отказа от приема имущества соответствующими организациями по причине преждевременного выезда из Нальчика руководителей этих организаций. За период с 14 по 20 августа 1942 г. руководство госпиталя получило необходимый транспорт для эвакуации имущества до Баку, провело проверку этого имущества, осуществило погрузку и отправку оборудования по железной дороге в г. Баку [7, л. 12].

Хирургические инструменты госпитали ВЦСПС передали санитарному отделу Северо-Кавказского военного округа, о чем сохранились соответствующие акты от ЭГ-2154 (г. Ессентуки) и ЭГ-2174 (г. Пятигорск). Основное имущество госпиталей также было передано по актам, в частности, ЭГ-2154 передал его Управлению госпиталей ВЦСПС по Грузинской ССР, куда эвакуировался медицинский персонал [7, л. 15–21].

Что касается личного состава, то его размещение в Грузии было сопряжено с трудностями, о которых А. Д. Постнову сообщал в письме от 8 августа 1942 г. ВрИД начальника управления госпиталей ВЦСПС по Грузинской ССР Н.П. Дадаян: «С управлением госпиталей ВЦСПС нам связаться очень трудно. По телефону разговоры не ведутся. На телеграммы отвечают с большой задержкой. <…> Что касается переезда и размещения имущества: В настоящее время в наших эвакогоспиталях вакантных мест для большого количества людей не имеется. Можем разместить для работы рентгенологов – 4, патологоанатома – 1, инфекциониста – 1, врача физкультуры – 1, хирургов – 5-6 человек. Высококвалифицированных специалистов профессоров, который вы считаете необходимым сохранить в системе ВЦСПС, мы можем разместить в госпиталях сверх штата и содержать за счет ВЦСПС. Безусловно, всем приезжим будут предоставлены возможные бытовые условия. Семьи руководящих работников Управления (но не более пяти) могут быть также размещены при эвакогоспиталях с предоставлением права пользоваться столовыми для сотрудников госпиталей. Имущество можем принять в любом количестве на хранение в Тбилиси» [7, л. 1].

Оценить степень успешности проведения мероприятий по эвакуации сотрудников и пациентов эвакогоспиталей ВЦСПС в условиях приближающегося фронта можно, исходя из следующей информации. Из 11 начальников эвакогоспиталей ВЦСПС, развернутых в Кисловодске в течение первого года войны, не эвакуировались и оставались в городе 7 человек [8, л. 8об.]. Это говорит о том, что руководство госпиталей не бросило тяжелораненых на произвол судьбы, а находилось с ними. В оккупации также оказались профессора Е. Ю. Крамаренко и Т. Е. Гнилорыбов, хирург Р. Ф. Акулова, которые продолжили лечить раненых бойцов и командиров Красной Армии на захваченной противником территории КМВ.

В постановлении бюро Ставропольского крайкома ВКП(б) от 21 сентября 1944 г. «О неудовлетворительной эвакуации ранбольных из некоторых госпиталей городов Кавминводской группы в августе 1942 года» называется цифра 4200 человек раненых, оставленных противнику, более половины из них – 2500 – было в Кисловодске. К чести госпиталей ВЦСПС следует заметить, что в материалах архивного дела упоминаются только ЭГ-2153 и ЭГ-2154 в г. Ессентуки, в которых осталось не эвакуированных 100 и 110 раненых соответственно, а также ЭГ-2140 в г. Пятигорске, в котором оставалось 30 тяжелораненых. При этом, ни один из руководителей госпиталей ВЦСПС (в отличие от госпиталей Наркомздрава СССР), который бы покинул свое место преждевременно, бросив раненых на произвол судьбы, не называется [2, л. 13–36].

Вместе с тем, пребывание врачей на оккупированной территории воспринималось партийными и советскими органами неоднозначно. С одной стороны, медики выполняли свой профессиональный долг, оставаясь рядом с ранеными, с другой стороны, вызывали недоверие своими контактами с оккупационными властями, и подозревались в коллаборационизме. Много сделавший для лечения раненых в госпиталях ВЦСПС профессор Е. Ю. Крамаренко не был включен в списки награжденных медалью «За победу над Германией». За него пришлось вступиться начальнику управления госпиталей ВЦСПС на Северном Кавказе Н. П. Дадаяну [9, л. 6].

В период оккупации в ходе акций против еврейского населения нацистами были уничтожены десятки сотрудников эвакогоспиталей ВЦСПС. В их числе были: начальник отделения Г. М. Винницкий, заведующая лабораторией Е.С. Шаншина и медицинская сестра З. М. Ровенская из ЭГ-2006, начальник отделения А. И. Драк и зубной врач Б. Н. Кокоплина из ЭГ-2040, начальник отделения Р. И. Лепштейн, начальник лаборатории Д. И. Павлова и врач-отоларинголог И. М. Грицфельд-Мородинская (ЭГ-2042), медицинская сестра Лившиц (ЭГ-2047), начальник отделения А. Г. Богуславская и врач М. М. Сандомир из ЭГ-3177 и др. [3, л. 19–23].

Общий размер ущерба, причиненного в результате немецко-фашистской оккупации эвакогоспиталям, подсобным сельским и другим хозяйствам, подведомственным управлению госпиталями ВЦСПС на Северном Кавказе, составил 86 643 тыс. руб. Полностью было уничтожено и утрачено имущество на сумму 72 383 тыс. руб. Затраты на восстановление частично поврежденного имуще-

ства составили 14 260 тыс. руб. Расходы, связанные с эвакуацией госпиталей ВЦСПС, составили 76 448 тыс. руб., реэвакуацией – 15 813 тыс. руб. [4, л. 7–7об.].

В заключение следует отметить, что госпитали ВЦСПС составляли около 20 процентов от общего количества госпиталей, развернутых на Кавказских Минеральных Водах с началом Великой Отечественной войны. В числе врачей в системе госпиталей ВЦСПС, как и в госпиталях НКЗ СССР, работали видные врачи и ученые. Постоянный контроль за работой госпиталей со стороны управления госпиталями ВЦСПС на Северном Кавказе обеспечивал оптимальные условия лечения раненых, уже в первый год войны стали создаваться специализированные отделения при госпиталях общего профиля. Ведомственная разобщенность госпиталей КМВ сыграла положительную роль в ходе эвакуации: управление госпиталей ВЦСПС на Северном Кавказе более организованно вывело в тыл свои лечебные учреждения, оказав помощь в эвакуации госпиталям Наркомздрава. При этом при раненых, которых не удалось эвакуировать из госпиталей ВЦСПС, оставался медицинский персонал и один из руководителей госпиталя – начальник или комиссар. Они продолжали лечить и ухаживать за пациентами в больницах Красного Креста. В период немецко-фашистской оккупации ряд врачей и других медицинских работников был уничтожен нацистами. Не удалось избежать и большого ущерба, который нанесли оккупанты материальной базе госпиталей ВЦСПС.

Источники и литература

1. Выдающиеся деятели отечественной медицины: академик Г. П. Руднев и профессор Р. Ф. Акулова / сост. и отв. ред. Н. Н. Колотилова. Москва: МАКС Пресс, 2019. 264 с.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 85. Д. 23.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 5.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 18.
6. ГАСК. Ф. Р-2739. Оп. 2. Д. 333.
7. ГАСК. Ф. Р-3063. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАСК. Ф. Р-3063. Оп. 3. Д. 3.
9. ГАСК. Ф. Р-3063. Оп. 3. Д. 29.
10. Жакупова М.А. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и республик Средней Азии (САВО) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Астана: ЕЛОРДА, 2005. 272 с.
11. Закиров А. Д., Черепанов М. В. Госпитали Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Мемориал Великой Отечественной войны. URL: https://www.kremnik.ru/node/443081 (Дата обращения 10.08.2021).
12. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. М.: Медицина, 1977. 575 с.
13. Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: Медицина, 1985. 303 с.
14. Как жил город Железноводск и поселок Иноземцево во время Великой Отечественной войны. URL: http://adm-zheleznovodsk.ru/about/msu/structure/organyi-mestnogo-samoupravleniya-munitsipalnogo-obrazovaniya-gorod-kurort-zheleznovodsk/administratsiya-goroda-kurorta-zheleznovodska-stavropolskogo-kraya/otdel-po-sotsialnyim-voprosam-opeke-i-popechitelstvu/obyavleniya/media/2019/4/23/kak-zhil-gorod-zheleznovodsk-i-poselok-inozemtsevo-vo-vremya-velikoj-otechestvennoj-vojnyi/ (Дата обращения 10.08.2021).
15. Летопись военного времени Кисловодска. Официальный сайт ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». URL: http://museum-krepost.ru/?page=letopis-voennogo-vremeni (Дата обращения: 12.08.2021).
16. Линец С. И. Формирование госпитальной базы в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод в первый год Великой Отечественной войны // Былые годы. 2009. № 3(13). С. 54–63.
17. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополья (1918–2005 гг.). Ставрополь, 2007. 544 с.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2 Д. 18. Л. 199–202. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/victory/object/200145121_203383072 (Дата обращения: 26.07.2021).
19. Селиванова Н. Ф. Рихард Кох на Кавказских Минеральных Водах // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 6 (148). С. 74–78.
20. Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941–1945 годах. URL: http://www.soldat.ru/hospital.html (Дата обращения: 02.08.2021).
21. Судавцов Н. Д. Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 573–587.
22. Эвакуационные госпитали ВЦСПС Татарской и Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны. URL: http://xn--b1afa8admefdd2c.xn--p1ai/izdat/book14/e_gospitali.html (Дата обращения 10.08.2021).

References

1. Vydayushchiyesya deyateli otechestvennoy meditsiny: akademik G.P. Rudnev i professor R.F. Akulova (Outstanding personalities of domestic medicine: Academician G.P. Rudnev and Professor R.F. Akulova) / ed by N.N. Kolotilov. Moscow: MAKS Press, 2019. 264 p. (In Russian).

2. State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory. F. 1. Inv. 85, D. 23. (In Russian).
3. State Archives of the Russian Federation. F. R-7021. Inv. 17. D. 5. (In Russian).
4. State Archives of the Stavropol Territory (GASK). F. R-1368. Inv. 1. D. 5. (In Russian).
5. GASK. F. R-1852. Inv. 12. D. 18. (In Russian).
6. GASK. F. R-2739. Inv. 2. D. 333. (In Russian).
7. GASK. F. R-3063. Inv. 1. D. 2. (In Russian).
8. GASK. F. R-3063. Inv. 3. D. 3. (In Russian).
9. GASK. F. R-3063. Inv. 3. D. 29. (In Russian).
10. Zhakupova M.A. Tylovyye evakogospitali Kazakhstana i respublik Sredney Azii (SAVO) v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) (Rear evacuation hospitals in Kazakhstan and the republics of Central Asia (SAVO) during the Great Patriotic War (1941-1945)). Astana: ELORDA, 2005. 272 p. (In Russian).
11. Zakirov A.D., Cherepanov M.V. Gospitali Tatarstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (Hospitals of Tatarstan during the Great Patriotic War) // Memorial Velikoy Otechestvennoy voyny. URL: https://www.kremnik.ru/node/443081 (date of treatment 08/10/2021). (In Russian).
12. Zdravookhraneniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov i materialov (Health care during the Great Patriotic War. 1941–1945: Collection of documents and materials). Moscow: Meditsina, 1977. 575 p. (In Russian).
13. Ivanov N.G., Georgievsky A.S., Lobastov O.S. Sovetskoye zdravookhraneniye i voyennaya meditsina v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. (Soviet health care and military medicine in the Great Patriotic War of 1941-1945). Leningrad, 1985. 303 p. (In Russian).
14. Kak zhil gorod Zheleznovodsk i poselok Inozemtsevo vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny. URL: http://adm-zheleznovodsk.ru/about/msu/structure/organyi-mestnogo-samoupravleniya-munitsipalnogo-obrazovaniya-gorod-kurort-zheleznovodsk/administratsiya-goroda-kurorta-zheleznovodska-stavropolskogo-kraya/otdel-po-sotsialnyim-voprosam-opeke-i-popechitelstvu/obyavleniya/media/2019/4/23/kak-zhil-gorod-zheleznovodsk-i-poselok-inozemtsevo-vo-vremya-velikoj-otechestvennoj-vojnyi/(Accessed: 08.10.2021). (In Russian).
15. Letopis' voyennogo vremeni Kislovodska (Chronicle of the wartime of Kislovodsk). URL: http://museum-krepost.ru/?page=letopis-voennogo-vremeni (Accessed: 08.10.2021). (In Russian).
16. Linets S. I. Formirovaniye gospital'noy bazy v gorodakh-kurortakh Kavkazskikh Mineral'nykh Vod v pervyy god Velikoy Otechestvennoy voyny (Formation of a hospital base in the resort cities of the Caucasian Mineral Waters in the first year of the Great Patriotic War) // Bylyye gody. 2009 № 3(13). P. 54–63. (In Russian).
17. Ovanesov B.T., Sudavtsov N.D. Zdravookhraneniye Stavropol'ya (1918–2005 gg.) (Health care of the Stavropol region (1918–2005). Stavropol', 2007. 544 p. (In Russian).
18. Russian State Archive of Social and Political History. F. 644. Inv. 2. D. 18. P. 199–202. URL: https://rgaspi.kaisa.ru/victory/object/200145121_203383072 (Accessed: 08.10.2021). (In Russian).
19. Selivanova N.F. Rikhard Kokh na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh (Richard Kokh on the Caucasian Mineral Waters) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki. 2008. No. 6 (148). P. 74–78. (In Russian).
20. Spravochnik dislokatsii gospitaley RKKA v 1941-1945 godakh (Directory of the deployment of hospitals in the Red Army in 1941-1945). URL: http://www.soldat.ru/hospital.html (Accessed: 08.10.2021). (In Russian).
21. Sudavtsov N.D. Kavkazskiye Mineral'nyye Vody – krupneyshaya gospital'naya baza Velikoy Otechestvennoy voyny (Caucasian Mineral Waters - the largest hospital base of the Great Patriotic War) // Stavropol'ye: pravda voyennykh let. Velikaya Otechestvennaya voyna v dokumentakh i issledovaniyakh. Stavropol', 2005. P. 573–587. (In Russian).
22. Evakuatsionnyye gospitali VTSSPS Tatarskoy i Udmurtskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (Evacuation hospitals of the All-Union Central Council of Trade Unions of the Tatar and Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republics during the Great Patriotic War). URL: http://xn--b1afa8admefdd2c.xn--p1ai/izdat/book14/e_gospitali.html (Accessed: 08.10.2021). (In Russian).

Сведения об авторах

Карташев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, начальник центра изучения истории медицины и общественного здоровья Ставропольского государственного медицинского университета (Ставрополь, Россия) / andreyy_kartashev@rambler.ru

Карташев Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра изучения истории медицины и общественного здоровья Ставропольского государственного медицинского университета / kartashev_iv@mail.ru

Information about the authors

Kartashev Andrei V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head, Center of History of Medicine and Public Health, Stavropol State Medical University (Stavropol, Russia) / andreyy_kartashev@rambler.ru

Kartashev Igor' V. – PhD in History, Senior Researcher, Center for the Study of the History of Medicine and Public Health, Stavropol State Medical University / kartashev_iv@mail.ru

CC BY

УДК 327(091)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.6

Т. В. Каширина

АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ НАФТА К НАФТА 2:0

Статья посвящена проблеме заключения соглашения НАФТА в контексте американо-мексиканских отношений и его пересмотра в 2018 г. Заключение соглашения НАФТА проходило в ходе проведения в Мексике неолиберальных реформ президентами Мигелем де ла Мадридом (1982 – 1988), Карлосом Салинасом де Гортари (1988 – 1994) и Эрнестом Седильо (1994 – 2000), сводившихся к сокращению государственного регулирования экономического сектора страны, либерализации банковских и кредитных операций, а также внешнеэкономической области. Неолиберальные реформы в Мексике проводились в духе «Вашингтонского консенсуса» - экономической политики, «экономических рекомендаций», которые США пытались распространить на другие государства. В этот период всё больший вес в экономической жизни Мексики стали приобретать филиалы американских ТНК «макиладорас». Доказано, что первоначальный вариант дал толчок развитию производства и товаров, ориентированных на экспорт, но закреплял в определенной степени зависимое положение страны в рамках договора. Также договор существенно подрывал развитие сельскохозяйственного сектора Мексики. Но с другой стороны, договор способствовал экономическому сотрудничеству его участников, внешнеполитическим контактам, укреплению дипломатических и социальных связей.

В ходе предвыборной кампании будущим президентом США Д.Трампом соглашение было представлено в контексте стремления Соединенных Штатов выйти из зоны свободной торговли. В духе протекционизма Д.Трамп считал, что НАФТА привёл к «перетеканию» американских производственных мощностей, деиндустриализации экономического сектора страны и росту активного сальдо в торговле с США. Твёрдые намерения президента США реформировать соглашение вытекли в перезагрузку НАФТА.

Обновление договора в формате USMCA в 2018 г. усилило доступ американских компаний на мексиканский рынок, а особенно в нефтедобывающую сферу. Новое соглашение USMCA регулирует широкий круг экономических областей: автомобильную промышленность, вопросы оплаты труда и рынок рабочий силы, интеллектуальную собственность и электронную торговлю, финансовые операции, валютные курсы, вопросы по молочной сельскохозяйственной продукции и вопрос разрешения споров.

Делается вывод, что и первоначальный и последующий вариант договора НАФТА/USMCA был более выгоден США. Но и для Мексики, несмотря на сделанные уступки, соглашение является фактором сохранения отношений с Вашингтоном.

Ключевые слова: история международных отношений, американо-мексиканские отношения, экономика, НАФТА, USMCA, неолиберальные реформы, интеграция.

Для цитирования: Каширина Т. В. Американо-мексиканские отношения: от НАФТА к НАФТА 2:0. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 55–60. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.6

Tatiana V. Kashirina

US-MEXICAN RELATIONS: FROM NAFTA TO NAFTA 2:0

The article is devoted to the problem of concluding the NAFTA agreement in the context of US-Mexican relations and its revision in 2018. The conclusion of the NAFTA agreement took place during the neoliberal reforms carried out in Mexico by Presidents Miguel de la Madrid (1982 – 1988), Carlos Salinas de Gortari (1988 – 1994) and Ernest Zedillo (1994 – 2000), and implied the reduction of state regulation of the country's economic sector, liberalization of banking and credit operations, as well as foreign economic sphere. Neoliberal reforms in Mexico were carried out in the spirit of the «Washington Consensus» - economic policy, «economic recommendations», which the United States tried to extend to other states. During this period, branches of the American TNC «Maquiladoras» began to gain more and more weight in the economic life of Mexico. It is proved that the initial war gave an impetus to the development of production and export-oriented goods, but secured to a certain extent the dependent position of the country within the framework of the treaty. The treaty also significantly undermined the development of Mexico's agricultural sector. But on the other hand, the treaty promoted the economic cooperation of its participants, foreign policy contacts, and the strengthening of diplomatic and social ties.

During the election campaign of the future US President D.Trump presented the agreement in the context of the desire of the United States to withdraw from the free trade zone. In the spirit of protectionism, D. Trump believed that NAFTA led to the «overflow» of American production capacities, the deindustrialization of the country's economic sector and the growth of the surplus in trade with the United States. The firm intentions of the US president to reform the agreement resulted in the reset of NAFTA.

The renewal of the USMCA agreement in 2018 strengthened the access of American companies to the Mexican market, and especially to the oil-producing sphere. The new USMCA agreement regulates a wide range of

economic areas: the automotive industry, wage issues and the labor market, intellectual property and electronic commerce, financial transactions, exchange rates, dairy agricultural products and dispute resolution issues.

It is concluded that both the initial and subsequent versions of the NAFTA/USMCA agreement were more beneficial to the United States. But even for Mexico, despite the concessions made, the agreement is a factor in maintaining relations with Washington.The article is devoted to the problem of concluding the NAFTA agreement in the context of US-Mexican relations and its revision in 2018. It is proved that the initial version of NAFTA contributed to the recovery of Mexico from the economic crisis, but secured to a certain extent the country's dependent position within the framework of the treaty. The renewal of the agreement in the USMCA format in 2018 strengthened the access of American companies to the Mexican market, and especially to the oil sector. It is concluded that both the initial and subsequent versions of the NAFTA/ USMCA agreement were more beneficial to the United States. But for Mexico, despite the concessions made, the agreement is a factor in maintaining relations with Washington.

Key words: history of international relations, US-Mexican relations, economy, NAFTA, USMCA, neoliberal reforms, integration.

For citation: Kashirina T. V. US-Mexican relations: from NAFTA to NAFTA 2:0 // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 55–60. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.6

Конец XX в. для экономики Мексики оказался непростым. Проводимые в этот период мексиканскими властями неолиберальные реформы породили множество социально-экономических проблем. Меры, предпринятые президентом Мигелем де ла Мадридом (1982 – 1988), сводившиеся к сокращению государственного регулирования экономического сектора страны, либерализации банковских и кредитных операций, а также внешнеэкономической области были продолжены президентами Карлосом Салинасом де Гортари (1988 – 1994) и Эрнестом Седильо (1994 – 2000), но не привели страну к выходу из финансово-долгового кризиса, в котором она оказалась в 80-ые годы прошлого столетия. По данным CEPAL, прирост ВВП Мексики в период 80-ых годов составил всего лишь 0,2 %, а показатели на душу населения снизились на 16 % [11, p. 749–750]. Важно отметить, что в тот период США активно поддерживали идею о проведении неолиберальных экономических реформ в Латинской Америке, в том числе и в Мексике. За такими действиями, несомненно, скрывались свои интересы.

Суть этих реформ сводилась к тому, что основную роль в мексиканской экономике должен был начать играть крупный бизнес. На протяжении 1980-х гг. США активно инвестировали в мексиканские предприятия. На фоне экономического кризиса в стране и разорения мексиканских национальных предприятий всё больший вес в экономической жизни Мексики стали приобретать филиалы американских ТНК «макиладорас», объём их иностранных инвестиций к 1990-м гг. составил около 93 млрд долларов [8]. Эти филиалы имели множества льгот. «Макиладорес» импортировали товары без уплаты пошлин, имели преференции в выплате налогов. К концу 1990-х экспорт товаров, который осуществлялся «макиладорас», составлял почти 50% от всего экспорта Мексики [9]. Таким образом, становились очевидными выгоды США от деятельности таких ТНК. С подписанием соглашения о зоне свободной торговли таких привилегий у «макиладорес» становилось больше.

Неолиберальные реформы в Мексике проводились в духе «Вашингтонского консенсуса» – экономической политики, «экономических рекомендаций», которые США пытались распространить на другие государства, исходя из собственных экономических интересов. В рамках этого предусматривалось проведение либерализации внешней торговли, снятие ограничений на объем иностранных инвестиций и устранение барьеров для деятельности иностранных предприятий наравне с национальными и др. Такое положение дел, такая «политика поддержки» ставила соседние с США государства в непростое положение. Непринятие данной «политики помощи» грозили бы прекращением выдачи кредитов и инвестиций, в которых так на тот момент нуждалась Мексика [1, с.15–27]. Итогом проводимых неолиберальных реформ являлось не укрепление национальной промышленности, а всё большее проникновение иностранного капитала в экономику Мексики. Это приводило к зависимости страны от ситуации на мировом рынке и от северного соседа [2, с.32], что, в свою очередь, создавало условия для подписания договора о зоне свободной торговли.

Интеграционные процессы в Латинской Америке в тот период стали также условием и предпосылкой для оформления договора. На стыке столетий в регионе формируется несколько интеграционных объединений, такие как «Меркосур», «Кариком», «Латиноамериканская ассоциация интеграции», «Центральноамериканская интеграционная система» и т. д. Формирование интеграционных союзов из развивающихся стран региона подрывало доминирование США в регионе. Государства региона нацелились на снижение зависимости от бывших метрополий и изменение конъюнктуры на мировом рынке. В условиях развивающегося регионализма Соединённым Штатам пришлось искать новых партнёров в стремлении сохранить продвижение либеральных течений в международные торговли, и оградить регион от проникновения влияния Китая и ЕС. Более того, заключение НАФТА рассматривалось США как первый шаг к более масштабному расширению экономических связей со странами Латинской

Америки и выход на их рынок в рамках программы АЛКА, инициированный Дж. Бушем. Таким потенциальным партнёром становилась Мексика, привлекавшая внимание своими ресурсами [16]. Мексиканское лобби в США позитивно смотрело на вероятность создания зоны свободной торговли, в условиях не самого благоприятного экономического состояния южного соседа США. Мексиканские власти предприняли дорогостоящую лоббистскую компанию в целях продвижения идеи о подписания НАФТА, которая обошлась в 25 млн долл [13]. Таким образом сформировалась положительная политико-экономическая обстановка для создания НАФТА в 1992 г.

В ходе переговоров США и Мексики по НАФТА развернулись дискуссии по следующим вопросам – сфера сельского хозяйства, машиностроение, энергетика и текстильная промышленность. Ведущие отрасли мексиканской экономики (нефтедобывающая, энергетика, эксплуатация полезных ископаемых) являлись государственной собственностью. Данный фактор мешал требованиям США снять все барьеры в торгово-экономических отношениях и договориться о доступе к нефтедобывающей промышленности. Мексиканская сторона была вынуждена пойти на уступки, следуя условиям влиятельного соседа. Канада и США добились разрешения открыть свои филиалы на территории Мексики, инвесторы получили право доступа к нефтехимической промышленности [3, с.10]. Несмотря на то, что Мексике удалось получить ряд преференций в сельскохозяйственной отрасли, уже на начальном этапе прослеживалась асимметричность соглашения. Так, она добилась сокращения пошлин на экспортные канадские и американские товары, но при этом данные показатели были значительно ниже показателей северных стран.

Заключение НАФТА повлияло на повышение экономических показателей Мексики. Изначально предполагалось, что более плотное сотрудничество с США и Канадой даст широкий доступ стране на иностранный рынок, увеличит экспортную статью и объёмы иностранных инвестиций, что в результате приведёт страну к стабильному экономическому росту. Какие же «плоды» принесло заключение договора?

Вхождение Мексики в НАФТА действительно поспособствовало повышение экономических показателей страны. Мексиканский экспорт в период с 1993 по 2020 г. увеличился на 725 %. На сегодняшний день Мексика является вторым торговым партнёром США после Канады. В 2020 г. импорт Мексики из Соединённых Штатов составил 16,1 млрд долл, а экспорт 33 млрд долл [18]. Общее число товарооборота на 2020 г. составило 243 миллиарда долларов, снизившись на 21,3% относительно 2019 г. [17]. США являются важнейшим экономическом союзником Мексики, более 60 % торгово-экономической деятельности Мексики приходится на США. За счёт функционирования соглашения Мексика вышла на первые позиции по экономическому показателю в регионе и опередила ряд латиноамериканских стран. Так согласно данным МВФ, страна занимает второе место по ВВП в регионе Латинской Америки, опережая Бразилию.

Если говорить об «успехах» и «поражениях» НАФТА, следует отметить, что договор дал толчок развитию производства и товаров, ориентированных на экспорт, но при этом было подорвано эволюционирование сельскохозяйственного сектора Мексики [14]. Все преференции для иностранных акторов, фигурирующие в договоре, привели к тому, что национальные хояйства не в силах были больше конкурировать с поставщиками иностранной сельскохозяйственной продукции. Именно крупные транснациональные компании, появившиеся на территории Мексики, заняли более выгодные позиции, которые оптимизировали свои производственные мощности и добились значительной прибыли [4, с.17]. Например, автомобильная сфера. В общих чертах, не удивительно, что договор, разработанный в интересах крупных ТНК, привел к тому, что ряд малых и средних предприятий страны прекратили своё существование. Именно в этом случае и прослеживается ассиметричный характер соглашения, который привёл к складыванию производственной диспропорции и созданию единой экономической системы. Довольно ограниченными остались позитивные результаты либерализационных процессов. Да, сокращается уровень нищеты и безработицы, но при этом Мексика остаётся в группе государств с наименьшим уровнем заработной платы и покупательской способности [15].

Однако договор способствовал не только экономическому сотрудничеству его участников, но и внешнеполитическим контактам, укреплению дипломатических и социальных связей. Институт саммитов лидеров Северной Америки способствовал политической интеграции партнёров. Острые региональные проблемы находили своё обсуждение в рамках данной площадки. НАФТА также представлял собой совокупность договорённостей, которые координировали и вопросы научных исследований, инвестиций, сферы услуг, области защиты окружающей среды, прав трудящихся и т. д.

В период предвыборной компании будущий президент США Б. Обама высказал намерения пересмотреть соглашение, так как выступал против принципа свободной торговли. Однако заняв пост президента, Б. Обама изменил свою точку зрения, решив, что протекционистская политика нанесёт ещё больший вред американской экономике в условиях мирового кризиса [5, с.55] .

Изменения произошли после победы на выборах в США в 2016 г. республиканца Д. Трампа. Ещё в ходе предвыборной борьбы соглашение было представлено будущим президентом в контексте стремления США выйти из зоны свободной торговли. В духе пртекционизма соглашение оценивалось Д.Трампом следующим образом – НАФТА привёл к «перетеканию» американских производственных мощностей, деиндустриализации экономического сектора страны и росту активного сальдо в торговле с США. Твёрдые намерения президента США реформировать соглашение вытекли в перезагрузку НАФТА [6, с. 6–20].

Стоит затронуть тему приоритетных интересов сторон. Мексиканская сторона сразу заявила о приверженности диалогу и переговорам, и поиску взаимной выгоды. Мексиканские власти ставили ряд целей, которые, однако, во многом, не были напрямую связаны с НАФТА. Мексиканское руководство волновали следующие вопросы: положение в США мексиканских мигрантов, соблюдение их прав (включая денежные переводы), сотрудничество Мехико и Вашингтона по социально-экономическому развитию стран Центральноамериканского региона – как первостепенно источника нелегальных мигрантов и переброски наркотиков, нелегальная торговля оружием. То есть, все «болезненные» аспекты двусторонний повестки сотрудничества США и Мексики [20]. По НАФТА мексиканская сторона заявила, что намерена сохранить трёхсторонний формат режима ЗСТ, нацелена на установление условий, при которых будет происходить наращивание мексиканского экспорта в США и Канаду. В целях модернизации соглашения, предлагалось включить новые области экономики (телекоммуникации, энергетику, электронную торговлю), добиться внесения положений, способствующих повышению оплаты труда мексиканских рабочих, добиться стимуляции иностранных капиталовложений в страну.

Основные требования США сводились к сбалансированию торговли внутри ЗСТ, за счёт снижения американского дефицита, сохранению доступа американских промышленных товаров на рынок партнеров по договору, защищая «уязвимые» сектора, продвижению сельскохозяйственной продукции США и в другие, и в соседние страны, ликвидации барьеров, которые ограничивают экспорт алкоголя и зерна, увеличению добавленной стоимости продукта, концентрации внимания на диалоге в сфере энергетики, облегчения доступа американских предприятий к государственным закупкам Мексики и Канады (расширить телекоммуникационные возможности телекоммуникационных американских систем). Также американская сторона требовала: изменение стандартов защиты прав интеллектуальной собственности США в рамках национальных законодательств США и Мексики, ликвидировать существующие ограничения для американских инвесторов в Канаде и Мексике, трансформировать механизмы разрешения споров, и закрепить в новом договоре право «лимитирующей оговорки» о пролонгации договора каждые пять лет, если такое желание будет у всех его трех участников (таким образом США хотели сохранить за собой право выхода из договора).

Канада в свою очередь была намерена «законсервировать» выгодные для себя положения договора. Например, уменьшение бюрократических процедур в бизнесе, исключение из поля действия соглашения товаров канадских социокультурных отраслей и включить в повестку дня вопросы экологического характера, вопросы касающиеся прав человека (гендерные и трудовые отношения) [19] .

Этап переговоров был продолжительным и непростым. Многочисленные противоречия возникали по обоснованным причинам, ведь сторонам пришлось внести изменения в большинство пунктов договора, часть статей подвергнуть основательному пересмотру. Другим обстоятельством столь длительных переговоров являлось настойчивая позиция Д. Трампа положить в основу соглашения интересы исключительно США. Реакция на такую позицию со стороны Мексики и Канады, была однозначной, стороны единым фронтом пытались противостоять Вашингтону. Переговоры зашли в тупик после экономической «перепалки» между Мексикой и США в 2018 г. об американских пошлинах, введённых на импорт стали и алюминия и ответной санкционной реакцией Канады. Позитивная политическая обстановка в Мексике и победа на национальных выборах умеренно-левого президента Андреса Манауэля Лопеса Обрадора способствовали заключению двустороннего американо-мексиканского договора. Мексиканцы «сдали» позиции, и США удалось добиться перевеса. Оказывая давление и на Канаду, уже к сентябрю 2018 г. было обнародовано заявление о подписании американо-канадского соглашения о подписании нового интеграционного соглашения [12] .

Новое соглашение USMCA регулирует: автомобильную промышленность, вопросы оплаты труда и рынок рабочий силы, интеллектуальную собственность и электронную торговлю, финансовые операции, валютные курсы, вопросы по молочной сельскохозяйственной продукции и вопрос разрешения споров.

Автомобильная промышленность. Функционирование этой сферы претерпело наибольшее реформирование. Северному соседу Мексики удалось добиться увеличения доли регионального компонента в собираемых автомобилях и провести частичную деофшоризацию производства. Это напрямую несёт больше прибыли американским предпринимателям и затрагивает интересы Кана-

ды и Мексики, которые отныне будут вынуждены сократить покупки более дешёвых авточастей из азиатских и европейских государств [7, с.6-21].

Оплата труда, рабочая сила. Стоимость автомобилей формируется за счёт рабочих, получающих около 16. долл. в час. Зарплата в Мексике значительно ниже. Получается, что реализация данного пункта предполагает сокращение отраслевой занятости на территории Мексики, а принятие положения об установлении высоких трудовых стандартов приведёт к большим издержкам во время производственного процесса.

Интеллектуальная собственность и электронная торговля. Повысилась эффективность защиты прав интеллектуальной собственности, сократились ограничения на торговлю электронной продукции. Большую выгоду в данном вопросе также выиграли США, так как именно они на сегодняшний день одни из основных владельцев инновационных технологий и являются лидерами по развитию цифровой экономики и торговли.

Финансовые услуги. Либерализация национальных финансовых рынков, предполагает исключение ограничительных мер в отношении американских финансовых организмов (банков и компаний).

Валютные курсы. В договоре закреплён пункт о запрещении манипуляций с обменным курсом и «нечистой девальвацией».

Сельскохозяйственная продукция. США добились более широкого доступа своих товаров сельского хозяйства на продовольственный рынок Канады. Отныне фермеры Соединённых Штатов имеют возможность увеличить поставки своих товаров (в основном молочных).

Разрешение споров. Сохранено положение, которое предусматривает право североамериканках компаний через механизм арбитражного суда обжаловать введение тарифов на их товары, поступающих на рынок стран-участниц USMCA.

По оценкам Международного Валютного фонда, новое соглашение может привести к снижению экономической интеграции в Северной Америке, снижению уровню торговли. Более того, согласно МВФ трансформация торговых потоков приведёт к падению уровня торговли, но при этом незначительно скажется на совокупном ВВП трёх стран и к понижению уровня заработной платы именно мексиканках рабочих [10].

Таким образом, можно сделать выводы о том, подписание соглашения НАФТА в 1992 г. вывело на новый уровень американо-мексиканские отношения. Это событие рассматривалось США как укрепление своих позиций в Латинской Америке, а Мексикой как шанс на выход из кризиса и развитие своей экономки. При этом, сам договор о зоне свободной торговли и его новая версия USMCA демонстрируют ассиметричный характер взаимоотношений США и Мексики, где Мексика занимает менее преимущественное положение. За счёт того, что НАФТА предполагал преференции для иностранных акторов, сельскохозяйственный сектор Мексики был подорван, так как домашние хозяйства не справлялись с конкуренцией. Ряд национальных средних и малых бизнесов прекратили своё существование из-за более выгодных позиций крупных ТНК.

Обновление НАФТА в 2018 г. привело к тому, что США получили больше выгод нежели другие участники договора и добились сохранения возможности введения односторонних протекционистских мер. Таким образом, прослеживается ассиметричный характер соглашения и производственная диспропорция.

Пересмотр НАФТА можно рассматривать как проявление геополитической игры США, целью которой является сохранение политического и экономического лидерства США на волне становления многополярной системы взаимодействия государств. По сути, США проявили пример отстаивания политики американского протекционизма.

Хотя новый договор USMCA, как и НАФТА в свое время, зафиксировал менее преимущественное положение Мексики в рамках соглашения, можно быть уверенными, что американское направление ещё продолжительный период времени будут оставаться центральным во внешней политике Мексики не только в силу заинтересованности страны в сотрудничестве, но и в силу большой зависимости, которая сложилась на данном этапе. Мексиканскому руководству предстоит выработать стратегию, при которой будет сохранять баланс между своими национальными интересами и сохранением сотрудничества с США, которое не всегда носит симметричный характер.

Источники и литература

1. Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №12. С. 15-27.
2. Боровков А. Н., Шереметьев И. К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М.: ИЛА РАН, 1999. 283 с.
3. Даркин А.В. Интеграция в рамках НАФТА // Региональные исследования. 2010. №2. URL:https://sites.google.com/site/regionalnyeissledovanija/arhiv/vyp-2/a-v-darkina-integracia-v-ramkah-nafta (Дата обращения 05.05.2021)
4. Комкова Е. Г. Перспективы НАФТА // США V Канада: Экономика – Политика – Культура. 2018. №2. С.5-19.
5. Шишков А. С. Политика администрации Б. Обамы в Латинской Америке // Проблемы национальной стратегии. 2015. №4. С.44-65.
6. Яковлев. П.П. Глобальный мир на пороге торговых войн. //Перспективы. Электронный журнал. 2018, № 1. С. 6-20. URL: https://www.thebalance.com/advantages-of-nafta-3306271 (Дата обращения 04.04.2021)
7. Яковлев П.П. USMCA: перезагрузка зоны свободной торговли в Северной Америке // Латинская Америка. 2018. №12. С. 6–21.

8. Banco de México. Informe Annual, 1992; 1993; 1994; 1996; 2002.
9. Banco de México. Informe Annual. 2000.
10. Burfisher M.E., Lambert F., Matheson T. NAFTA to USMCA: What is Gained? IMF Working Paper. WP/19/73. March 2019. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/03/26/NAFTA-to-USMCA-What-is-Gained-46680 (Дата обращения 05.04.2021)
11. CEPAL. Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile. 1989.
12. Conozca como Trump dividió a México y Canadá en renegociación del TLCAN. URL: https://www.americaeconomia.com/ (Дата обращения 05.05.2021)
13. Gerstenzang J. Mexico Employing Extensive Lobbying Crusade for NAFTA. URL: http://tech.mit.edu/V113/N28/nafta.28w.txt.html (Дата обращения: 15.03.21).
14. Imtiaz Hussain A. North America at the Crossroads: NAFTA after 15 Years. México, Universidad Iberoamericana, 2009. 574 p.
15. Martínez Lutteroth B. Los efectos y las limitaciones del TLCAN. URL: https://analisisplural.iteso.mx/2018/10/10/los-efectos-y-las-limitaciones-del-tlcan/#_ftn* (Дата обращения 04.04.2021).
16. Schurz C. Manifest Destiny. 1893. URL: http://americanlipp210.weebly.com/uploads/3/8/1/4/38140921/manifest_destiny.pdf (Дата обращения: 15.03.21).
17. Trend Economy. URL: https://trendeconomy.ru/data/h2/UnitedStatesOfAmerica/TOTAL (Дата обращения 15.03.2021).
18. UN COMTRADE Statistics. URL: https://comtrade.un.org (Дата обращения: 15.03.21).
19. USMCOC submits comments to the U.S. trade representative on negotiating objectives regarding modemization of NAFTA. URL: http: //usmcoc.org/ (дата обращения 05.05.2021).
20. Villarreal M.A., Fergusson I.F. NAFTA Renegotiation and Modernization. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/R44981.pdf (Дата обращения: 04.04.2021)

References

1. Anan`in O., Xaitkulov R., Shestakov D. Vashingtonskij konsensus: pejzazh posle bitv (Washington consensus: landscape after battles) // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. 2010. No.12. P. 15 – 27. (In Russian).
2. Borovkov A.N., Sheremet`ev I.K. Meksika na novom povorote e`konomicheskogo i politicheskogo razvitiya (Mexico at a new turn of economic and political development). Moscow: ILA RAN, 1999. 283 p. (In Russian).
3. Darkin A.V. Integraciya v ramkax NAFTA (Integration within NAFTA) // Regional`ny`e issledovaniya. 2010. No.2. URL:https://sites.google.com/site/regionalnyeissledovanija/arhiv/vyp-2/a-v-darkina-integracia-v-ramkah-nafta (Accessed: 05.05.2021). (In Russian).
4. Komkova E.G. Perspektivy` NAFTA (Prospects of NAFTA) // SShA V Kanada: E`konomika – Politika – Kul`tura. 2018. No.2. P. 5-19. (In Russian).
5. Shishkov A.S. Politika administracii B. Obamy` v Latinskoj Amerike (The policy of the Obama administration in Latin America) // Problemy` nacional`noj strategii. 2015. No.4. P.44-65. (In Russian).
6. Yakovlev P.P. Global`ny`j mir na poroge torgovy`x vojn (The global world on the threshold of trade wars). // Perspektivy`. E`lektronny`j zhurnal. 2018. No.1. P. 6-20. URL: https://www.thebalance.com/advantages-of-nafta-3306271 (Accessed: 04.04.2021). (In Russian).
7. Yakovlev P.P. USMCA: perezagruzka zony` svobodnoj torgovli v Severnoj Amerike (USMCA: rebooting the free trade zone in North America) // Latinskaya Amerika. 2018. No.12. P. 6–21. (In Russian).
8. Banco de México. Informe Annual, 1992; 1993; 1994; 1996; 2002.
9. Banco de México. Informe Annual. 2000.
10. Burfisher M.E., Lambert F., Matheson T. NAFTA to USMCA: What is Gained? IMF Working Paper. WP/19/73. March 2019. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/03/26/NAFTA-to-USMCA-What-is-Gained-46680 (Accessed: 05.04.2021)
11. CEPAL. Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile. 1989.
12. Conozca como Trump dividió a México y Canadá en renegociación del TLCAN. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.americaeconomia.com/ (Accessed: 05.05.2021)
13. Gerstenzang J. Mexico Employing Extensive Lobbying Crusade for NAFTA. [Elektronnyj resurs]. URL: http://tech.mit.edu/V113/N28/nafta.28w.txt.html (Accessed: 15.03.21)
14. Imtiaz Hussain A. North America at the Crossroads: NAFTA after 15 Years. México, Universidad Iberoamericana, 2009. 574 p.
15. Martínez Lutteroth B. Los efectos y las limitaciones del TLCAN. [Elektronnyj resurs]. URL: https://analisisplural.iteso.mx/2018/10/10/los-efectos-y-las-limitaciones-del-tlcan/#_ftn* (Accessed: 04.04.2021)
16. Schurz C. Manifest Destiny. 1893. URL: http://americanlipp210.weebly.com/uploads/3/8/1/4/38140921/manifest_destiny.pdf (Accessed: 15.03.21)
17. Trend Economy. https://trendeconomy.ru/data/h2/UnitedStatesOfAmerica/TOTAL (Accessed: 15.03.2021)
18. UN COMTRADE Statistics. URL: https://comtrade.un.org (Accessed: 15.03.21)
19. USMCOC submits comments to the U.S. trade representative on negotiating objectives regarding modemization of NAFTA. URL: http: //usmcoc.org/ (Accessed: 05.05.2021)
20. Villarreal M.A., Fergusson I.F. NAFTA Renegotiation and Modernization. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/R44981.Pdf (Accessed: 04.04.2021)

Сведения об авторе

Каширина Татьяна Владиславовна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России (Москва, Россия) / Kashirina73@mail.ru

Information about the author

Kashirina Tatiana Vladislavovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of International Relations, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow, Russia) / Kashirina73@mail.ru

CC BY

УДК 94 (470.6) “18”

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.7

Ю.Ю. Клычников

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФРОНТИРЕ КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ РГА ВМФ)

Статья посвящена участию выходцев из Польши в событиях на Черноморском пограничье Российской империи в 30 – 60-х годах XIX в. Помимо службы в сухопутных частях, поляки привлекались и на военные корабли, принимали участие в охране и обороне границ империи. На них распространялись те же права и обязанности, как и на прочих подданных российской державы. За свою беспорочную службу поляки получали награды, могли заслужить отпуск, а за проступки подвергались наказанию. Они участвовали в различных военно-политических событиях, связанных с закреплением российского влияния на новых рубежах, что нашло отражение в документах, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота.

Часть польского общества не смирилась с утратой своей государственности, а потому в этой среде встречались сторонники продолжения вооружённой борьбы против империи. В поисках союзников они отправлялись на Кавказ, чтобы поддерживать горцев в их противостоянии с Россией. Это заставляло местные власти проявлять осторожность к лицам польского происхождения из опасения их дезертирства и различных враждебных действий. Не стал исключением и Черноморский флот, моряков которого пытались распропагандировать революционные эмиссары. Но судя по сохранившимся данным, массового отклика такая агитация не получила, и моряки-поляки сохраняли преданность воинской присяге.

Ключевые слова: поляки, флот, корабли, штаб, министерство, пропаганда, горцы, укрепления.

Для цитирования: Клычников Ю. Ю. Польский след на черноморском фронтире Кавказа (по материалам РГА ВМФ) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 61–67. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.7

Yurii Yu. Klychnikov

POLISH TRACE ON THE BLACK SEA FRONTIER OF THE CAUCASUS (BASED ON MATERIALS FROM THE RUSSIAN STATE ARCHIVES OF THE NAVY)

The article studies the participation of immigrants from Poland in the events on the Black Sea border of the Russian Empire in the 30s - 60s of the XIX century. In addition to serving in land units, the Poles were also involved in warships, took part in the protection and defense of the borders of the empire. They were subject to the same rights and obligations as other subjects of the Russian state. For their blameless service, the Poles received awards, could earn a vacation, and were punished for misconduct. They took part in various military and political events related to the consolidation of Russian influence on new frontiers, which was reflected in the documents stored in the Russian State Archives of the Navy.

A part of Polish society did not accept the loss of its statehood, and therefore there were supporters of the continuation of the armed struggle against the empire among them. In search of allies, they went to the Caucasus to support the highlanders in their confrontation with Russia. This forced the local authorities to be wary of people of Polish origin, fearing their desertion and various hostile actions. The Black Sea Fleet was no exception, the sailors of which were trying to propagate the revolutionary emissaries. But judging by the surviving data, such agitation did not receive a massive response, and the Polish sailors remained loyal to the military oath.

Key words: Poles, navy, ships, headquarters, ministry, propaganda, highlanders, fortifications.

For citation: Klychnikov Yu. Yu. Polish trace on the Black Sea frontier of the Caucasus (based on materials from the Russian State Archives of the Navy) // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 61–67. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.7

Присутствие поляков на Кавказе не раз попадало в поле зрения исследователей, которые акцентировали внимание на разных обстоятельствах данного явления. Как правило, всё это было связано с особенностями российской политики в регионе, участниками которой становились польские подданные империи, а также её противники. В ряде работ речь шла о внешнеполитических аспектах, приведших к массовому появлению здесь польского населения [17; 2]. Другие посвящены различным сторонам жизни этих людей в условиях военного противостояния в крае [1; 16; 6; 3; 4; 5]. Однако сложность в изучении заявленной проблемы заключается в недостаточной источниковой фундированности темы, а потому введение в научный оборот новых материалов видится актуальной задачей в современной российской полонистике.

Давая оценку вклада польских военнослужащих в осуществлении российского имперского курса на Кавказе, как правило, обращают внимание только на тех, кто проходил службу в ря-

дах Отдельного Кавказского корпуса и принимал участие в охране и обороне сухопутной границы. Между тем поляки находились и в составе Черноморского флота, который активно привлекался к борьбе с контрабандой и пиратством в этом регионе. Корабли участвовали в крейсерских операциях, осуществляли высадки десантов, поддерживали связь с гарнизонами прибрежных укреплений, снабжая их всем необходимым, а также помогая отражать нападения горских отрядов. Точную численность поляков на кораблях пока установить не представляется возможным (не исключено, что это вообще неосуществимая задача), но то, что они там были, сомнения не вызывает.

Правительство не стремилось применять по отношению к выходцам из Польши исключительно карательные меры и поощряло их за лояльную и добросовестную службу, по окончании которой они могли отправиться домой. В этой связи наглядным представляется следующее распоряжение, доведённое до сведения Главного командира Черноморского флота и портов, датируемое весной 1839 г.: «Государь Император высочайше повелеть изволил нижних чинов уроженцев польских, кои по служению в бывших Польских войсках смещены были за маловажные проступки из унтер офицеров в рядовые без суда, увольнять в бессрочный отпуск, на правилах, утвержденных 10-го января 1838 года, по выслуге ими узаконенного срока, засчитав в оный и то время, которое они прослужили до штрафования» [12, л. 1].

Судя по сохранившимся в архивных материалах свидетельствам, поляки-моряки заслужили право на отпуск на родину, о чём поступило соответствующее распоряжение командования. Но не обходилось и без определённых ограничений, что видно из переписки между департаментом Морского министерства и Штабом Черноморского Флота и Портов. В конце декабря 1836 г. до моряков было доведено следующее Высочайшее Повеление: «Государь Император по возникшему вопросу могут ли быть увольняемы в обыкновенные домовые отпуски состоящие в Российской службе польские нижние чины, Высочайше повелеть изволил: по причинам уважительным входить о сем каждый раз с представлением, означая как имя просителя, так и причину, по коей просит увольнения» [9, л. 1].

Исходя из этой воли монарха, согласно дополнению к циркулярному предписанию от 25 сентября 1839 г., следовало, что «нижних чинов поступивших из бывшей Польской армии, польских и литовских пленных из рекрут по наборам в Царстве Польском в домовые отпуски не были увольняемы без особого на сие разрешения, а таких из них, кои по хорошему во всех отношениях поведению и по уважительным в полной мере причинам будут заслуживать увольнение в отпуск, от Вашего Превосходительства (речь идёт о контр-адмирале Степане Петровиче Хрущове. – Ю. К.) будет зависеть войти с представлением о исходатайствовании Высочайшего по сему предмету повеления» [9, л. 4].

В апреле 1837 г. поступил запрос, в котором из Штаба просили уточнить следующее: «Высочайше утвержденным в 22 день июля 1836 года положением о бессрочных отпусках нижних чинов морского ведомства, назначено увольнять в чистую отставку нижних чинов ежегодно к 1-му января за выслугу в гвардейском экипаже 22-х, а в прочих войсках флота 25-ти лет. Как же в Черноморском флоте находятся нижние чины, поступившие из бывшей польской армии, состоящие на 15-летнем сроке равно и определенные на службу из арестантов за примерное поведение во время бывшего в Севастополе возмущения, коим по особому Высочайшему Повелению положен 10-ти и 15-тилетний термин службы, с зачетом в оный за службу времени нахождения их в арестантских ротах, а потому я имею честь отнестись в Инспекторский департамент Морского министерства, прося покорнейше почтить меня уведомлением для руководства. Могут ли быть помянутые нижние чины вместе с прочими увольняемы в отставку ежегодно к 1-му января за выслугу определенных им сроков службы без особого каждый раз на увольнение их разрешения» [10, л. 1, 6].

На это было дано следующее пояснение: «Инспекторский департамент Морского министерства имеет честь уведомить, что разрешения на увольнение от службы нижних чинов бывшей польской армии, а равно и поступивших из арестантов, за выслугу к 1 января установленных сроков не имеется, но что отставка сим людям даётся по особым представлениям их начальства» [10, л. 6].

В случае потери здоровья моряка передавали заботам благотворительных организаций. Так поступили с матросом Якубом Ткачем, списанным из «экипажа за слепотою на оба глаза в богоугодное заведение Херсонского приказа общественного призрения» в 1846 г. [15, л. 1]. Он отправился в отпуск в Польшу, но «оказался не имеющим средств к возвращению оттуда», а потому Канцелярия Наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском «просила его определить на казенное содержание с причислением к Люблинской инвалидной команде» [15, л. 1 об.]. Было принято решение исключить его из ведомства Херсонского приказа и оставить «на место родины», т.е. в Люблинской губернии. Это была обычная практика не только для моряков Черноморского флота. К примеру, «по Балтийскому флоту совершенно неспособные нижние чины из польских уроженцев…» помещались «в Варшавский институт благотворительного общества» [15, л. 6].

Как и в сухопутных частях, на выходцев из Польши, проходивших службу в составе Военно-Морского Флота, обращалось пристальное внимание со стороны командования, опасавшегося проявления их нелояльности к российской власти. Командирам кораблей давались распоряжения установить наблюдение за такими матросами, тем более что существовали прецеденты, когда на свою паству через проповеди пагубно влияли римско-католические священники. Они также контролировались командованием, что подтверждается присылаемыми инструкциями. Примером тому является распоряжение из Морского министерства на имя адмирала Михаила Петровича Лазарева от 12 апреля 1839 г. В нём говорилось следующее: «Некоторые из римско-католических священников, определенных для совершения духовных треб нижним воинским чинам из уроженцев польских, принадлежащих к Римской церкви, поступками и внушениями своими не отвечают своему призванию.

Управляющий Министерством внутренних дел, желая по возможности предупредить на будущее время всякий повод к подобным поступкам сих духовных, с прямою их обязанностию несогласных, просит распоряжения начальника Главного морского штаба о принятии надлежащих мер, но без всякой огласки, к учреждению бдительного надзора за римско-католическими священниками, совершающими требы нижним чинам сего вероисповедания из уроженцев польских, дабы духовные сии не вдавались ни в какие несовместные с из саном связи и толки; и старались единственно назидать паству свою в правилах чистого христианского учения и священном долге верных подданных.

О чем по приказанию начальника Главного штаба его императорского величества я имею честь сообщить вашему превосходительству для зависящего от вас, милостивый государь, распоряжения к учреждению бдительного надзора за римско-католическими священниками, совершающими требы нижним чинам морского ведомства их церкви…» [13, л. 1-1 об.].

Любопытны некоторые биографические факты из формулярных списков польских моряков, позволяющие узнать подробности их службы, в которой было место как героизму, так и неблаговидным поступкам.

В фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) содержатся упоминания о неком матросе 1-й статьи Александре Станиславе сыне Бенковском, которому на момент смерти в 1865 г. было 43 года. Он был выходцем из «из мещан Царства Польского» и призван на службу в ноябре 1849 г. и первоначально определён в арсенальную роту мастеровым, а затем переведён в ластовый экипаж, куда попадали чины не способные к службе во флотских экипажах. В нём он пробыл до сентября 1860 г., после чего был зачислен «во 2-ой учебный морской экипаж служителем». Вскоре, в начале марта 1861 г., его переводят «во 2-й сводный экипаж матросом». Видимо, ограничений по здоровью к службе в море у А.С. Бенковского не было, и то, что он начал свою карьеру на берегу, связано с общим уровнем его профессиональной подготовки. В дальнейшем в послужном списке значится: «переведён в 1 статью в 1-й Черноморский сводный флотский экипаж 1 марта 1864». Матрос участвовал в Крымской (Восточной) войне, будучи в составе гарнизона в Николаеве, а затем проходил службу на одном из черноморских корветов. В 1864 г. он находился на берегу, но уже на следующий год на азовских казачьих баркасах. Здесь его жизненный путь прервался. Что послужило причиной смерти, в документе не указывается.

За всё время службы он ни разу не был в отпуске, что, видимо, объясняется рядом дисциплинарных проступков, совершённых А. С. Бенковским. В представленной последним начальником моряка ведомости об этом говорилось следующее: «1. По конфирмации г. исправляющего должности начальника артиллерии Черноморского флота 10 октября 1853 г № 1426 за вынутые из окна кладовой Артиллерийской кузницы рамы в бытность его 25 числа июня дневальным и попущении сделать воровство, а также ложный оговор прапорщика Крылова, что будто бы раму вынуть он приказал прогнать шпицрутенами чрез 500 человек один раз.

2. В 1854 году по докладу аудиториата Черноморского штаба от 2 июня № 753 утвержденному Г. Главным командиром за попущение вынести из Адмиралтейства сделанные из железа подковы, скрытие лиц, от кого приобрел железо и ложны оговор рядового Иванова в принятии 60 коп. в подкуп, за пропуски с означенными подковами наказан шпицрутенами чрез 500 человек два раза.

3. Главного командира Николаевского порта от 6 января 1865 года № 670 за принятие в свою квартиру находящихся за конвоем двух преступников и снабжение их с дозволения конвойных водкой за деньги, полученные от арестантов, за что вменены в наказание бытность под судом и содержание более года под арестом» [8, л. 36 об. – 38].

Обращает на себя внимание третий пункт этого списка. Согласно приговору, А.С. Бенковский должен был находиться под арестом, но оказался в составе экипажа казачьего баркаса. Возможно, его заключение было заменено на эту опасную службу, где и нашёл свою смерть польский моряк.

Ещё одним упомянутым в документе моряком был «Якуб Валентьев сын Внук католического вероисповедания» 34 лет от роду. Он был выходцем из Люблинской губернии, откуда призвался на службу в конце ноября – начале декабря 1853 г.

Я. В. Внука зачислили в 41 флотский экипаж матросом 2-й статьи, в котором он служил вплоть до сентября 1858 г., когда был отправлен в «бессрочный отпуск». За это время он был награждён медалями: «Серебряную за защиту г. Севастополя на Георгиевской лента и Бронзовую в память войны 1853 – 1856 на Андреевской ленте». Будучи в бессрочном отпуске, он оказался в поле зрения полиции и «был под судом за воровство вещей, и по конфирмации начальника дивизий Черноморских морских экипажей 28 числа ноября 1859 г. прогнать чрез 100 человек три раза и обращен из бессрочного отпуска на службу».

В графе «Во время службы своей был ли в походах в делах против неприятеля» содержалась следующая информация о Я.В. Внуке: «1854 при береге и был в сражении при защите г. Севастополя с 13 сентября 1854 по 24 августа 1855 г. 1856–1858, 1859 при береге и на винтовой шхуне Псезуапе за что к общей службе прибавлено 11 лет 5 мес. и 18 дней. 1864 в Николаеве и при береге. 1865 на Азовских казачьих баркасах» [8, л. 54 об.].

И, наконец, третьим упомянутым в посмертном списке являлся 35-летний «Банифант Тимофеев Сын Высоцкий католического вероисповедания». Он вступил в службу «из крестьян Люблинской губернии Красноставского уезда деревни Стов» в декабре 1852 г. в 12-й рабочий экипаж. Судя по всему, у вчерашнего сельского жителя была возможность обучиться новым навыкам, а потому в его послужном списке 28 марта 1853 г. он упоминается как мастеровой 4-го класса. При этом поляк так и не овладел русской грамотой, что и отметили в соответствующем разделе документа.

В начале октября 1858 г. его зачисляют в 11 рабочий экипаж, а 17 января 1863 г. «в 1-й Черноморский сводный флотский экипаж». Что касается участия в походах против неприятеля, то здесь Б.Т. Высоцкий был «1864 г. в компании на императорской яхте «Тигр», на которой находился в отряде судна при перевозке десантных сухопутных войск на Кавказе. 1865 г. на Азовских казачьих баркасах». За время службы моряка наградили бронзовой медалью и нашивкой «за 6-ти летнюю беспорочную службу» [8, л. 80 об. – 81].

Флот должен был пресекать проникновение на Кавказ тех поляков, которые обвинялись в антироссийской деятельности и, по сведениям русской разведки, собирались прибыть в край, чтобы установить связь с «немирными» горцами. Так, 25 сентября 1838 г. командир Севастопольского порта получил копию секретного отношения М. С. Воронцова, адресованного командующему Отдельным Кавказским корпусом Е. А. Головину, о замысле нескольких польских инсургентов появиться на вверенной его попечению территории. В частности, сообщалось, что «…в минувшем апреле четверо польских выходцев, а именно: полковник Инокентий Городинский, штаб-лекарь Наполеон Мединский, капитан Онуфрий Гродецкий и подпоручик Викентий Городинский после 15-ти дневного пребывания на острове Митилене (?), сматривавшие тамошний край и устроившие способы к переписке с Малой Азией, отправились в Кидожес /Анвали/, а оттуда в Смирну и Константинополь. Он принадлежат к новому тайному обществу, образовавшемуся из остатков обществ юной Италии и юной Франции и предполагают начать в самом Боспоре выполнение одного злодейского умысла. По принятому ими в том виду, плану, полковник Городинский остановится там ненадолго; ему назначено пробраться под названием купца в кр. Анапу, направить оттуда свой путь в Южные губернии Российской империи для исполнения преступных намерений и заведения сношений, а трое других должны остаться в Константинополе с тем, чтобы исполнить одни в высшей степени преступный замысел, а в случае неудачи направить свой путь к Валахии и Молдавии, стараться перейти границу и поселиться в Южной России для приведение в действие других равно преступных намерений; эти люди имеют при себе разные инструменты для печатания и литографирования, а также запас фальшивых паспортов и других подобных документов» [11, л. 1-1 об.].

Надо отдать должное русской разведке, она смогла собрать весьма подробные сведения о злоумышленниках, в числе которых были и приметы этих людей. Все они доводились до заинтересованной стороны и могли помочь в поисках и задержании польских революционеров: «1. Полковник Инокентий Городинский, лет 45-ти, росту среднего, лицо у него с оспинными знаками, волосы на голове седоватые, глаза голубые, говорит свободно по-турецки, а также по-итальянски и по-французски. Особая примета – часть волос над лбом обрита, в знак данной им клятвы обречения на смерть для достижения цели общества. Надобно полагать, что он жил несколько времени в Кавказском крае. 2. Штаб лекарь Наполеон Мединский, лет 29-ти, росту небольшого, волосы на голове каштановые, носит очки. 3. Капитан Онуфрий Гродецкий, лет 55-ти, росту небольшого, волосы на голове седые, говорит по-турецки. 4. Подпоручик Викентий Городецкий, лет 28 или 30, росту довольно большого, худощав, белокур, глаза у него голубые» [11, л. 2].

Предполагалось, что власти могут столкнуться со следами пропагандисткой работы этой группы. Видимо, с этой целью был отправлен и пример того, с какими призывами инсургенты обращаются к своим предполагаемым сторонникам, какие доводы находят для потенциальных рекрутов в свои ряды. В перехваченной прокламации, в оригинале написанной на польском языке и переведённой на русский, говорилось: «Соотечественники! Бог отцов наших посылает вам ангела утешителя,

вверьте ему свою судьбу – он обеспечит вам всякую помощь. Положитесь на него всею душою: об этом просим (?) Вас ради любезного Отечества. Примите от нас братское приветствие (?) именем эмиграции. Подписали: полковник Инокентий Городинский, штаб-лекарь Наполеон Мединский, капитан Онуфрий Гродецкий, подпоручик Викентий Городецкий» [11, л. 3].

Вся эта информация была передана «командиру крейсирующих у Абхазских и Черкесских берегов суден, на предмет бдительного осмотра судов, там плавающих, и взятия, если бы оказался на них кто-либо из означенных преступных лиц, так равно и исправляющему должность временного в Севастополе военного губернатора для принятия подобных же мер относительно частных лиц, кои находятся или будут приезжать в Севастопольский порт; усугубив бдительность и в рассуждении надзора за благосостоянием порта и судов в гавани стоящих» [11, л. 4 об.].

Оживлённая переписка велась в 1846 г. между начальником Штаба Черноморского Флота и Портов Степаном Петровичем Хрущовым и Начальником флотской дивизии в Севастополе Федором Афанасьевичем Юрьевым, после того как последний «при осмотре … команды шхуны «Вестник», отправляющейся за границу, нашел, что на оной состоят для компании два матроса из поляков, но как ваше превосходительство в бытность вашу в Севастополе, изволили лично мне объявить, чтобы как поляков, татар, так и вольных матросов за границу на суда не были назначаемы, то с сего поводу я приказывал командиру означенного судна двух поляков переменить, но командир того судна капитан-лейтенант Скаловский (Николай Иванович. – Ю.К.) мне доложил, что оные поляки им берутся с согласия вашего превосходительства» [14, л. 1].

На этот запрос от С.П. Хрущова последовало пояснение, согласно которому «…если Командиром шхуны «Вестник» при отбытии за границу взяты два матроса из уроженцев Царства Польского, то вероятно командир удостоверился лично в их поведении, но во всяком случае покорнейше прошу приказать придварить капитан-лейтенанта Скаловского, что в случае отлучки которого-либо из тех матросов за границею, то это останется на особенной его ответственности» [14, л. 2-2 об.].

Такое предубеждение относительно моряков-поляков появилось вследствие поступившей информации о том, «что эмиссары польской пропаганды с некоторого времени устремились в Турцию с целью действовать отсюда во вред России. Приезжая на Восток с французскими или английскими паспортами, злоумышленники си там безопаснее предаются свои происками, что как иностранцы они не подлежат надзору турецких властей, а пользуются покровительством французского или английского посольств в Константинополе. За ними учреждено в таких обстоятельствах со стороны Императорской Миссии неослабное наблюдение, и мы всячески стараемся препятствовать совершению злонамеренных предприятий поляков, здесь находящихся. Таким образом, на сих днях до моего сведения дошло, что польские эмиссары, замыслив собрать здесь до 120 человек праздношатающихся и отправить их в Черкесию, вошли в связи с матросами из поляков, находящимися на состоящих при Миссии военных судах, пароходе «Силач» и шхуны «Забияка», и успели будто бы склонить некоторых из них к побегу. Уже назначен был день для приведения в действие сего намерения, и имелась даже надежда, что к матросам из поляков присоединятся и несколько русских, и таким образом образуется достаточное число людей искусных в мореплавании для перевоза в Черкесию собранной эмиссарами партии. При первом о том известии я пригласил командиров означенных военных судов г. капитана 2-го ранга Манганари и лейтенанта Никонова усугубить надзор за имеющимися в экипажах их матросами из поляков, что по всем вероятиям и не допустить к осуществлению покушения польских выходцев проникнуть в Черкесию» [14, л. 3-4].

Вместе с тем отмечалось, «что Миссия доселе не получила достоверных указаний, на коих можно бы было основать судебное исследование над упомянутыми матросами. По отзывам г. Манганари и Никонова матросы сии не подавали поныне никакого повода к подозрению, а иные из них всегда отличались хорошею нравственностью и расторопностью. А потому в случае если не представится убедительнейших доказательств в существовании заговора, мне казалось бы достаточным ограничиться продолжением за матросами из поляков строгого надзора, тем более что отозвание их теперь же в Россию могло бы произвести неблагоприятное впечатление, между тем как уничтожение настоящего покушения, может быть, сделает более осторожными тех, которые сманивали их.

Нельзя не предвидеть, что подобные попытки возобновятся со стороны польских эмиссаров и что, действуя лукавыми внушениями на матросов наших, польского происхождения, они будут стараться совращать их. Способы к тому довольно удобны в константинопольском порте, где при всей бдительности командиров судов наших, они не всегда могут помешать побегу. По сим уважениям не признано ли будет вашим высокопревосходительством полезным, чтобы на будущее время на военных судах, отправляемых в Турцию и Грецию находилось сколь можно меньше поляков; если нельзя вовсе устранить их от такового рода заграничных кампаний» [14, л. 4-5 об.].

Эти данные на имя М.П. Лазарева поступили по каналам Министерства иностранных дел из российской миссии в Константинополе от статского советника Михаила Михайловича Устинова

и заслуживали самого пристального внимания. Отсюда и возникшие вопросы к капитану судна, на котором несли службу польские моряки.

Следует отметить, что на русских кораблях поляки были не редкостью и, видимо, не доставляли капитанам особых хлопот. Они удостоились лестных характеристик своей ответственностью и дисциплиной, к примеру, на упомянутой шхуне «Забияка» несли службу «38-го флотского экипажа, матросы Павел Визур, Валентий Здыхович, Томаш Дзюбинский, Павел Васюк, Андрей Новочин, 6-й артиллерийской бригады, канонир Матвей Мойда» и, по словам капитана 2-го ранга Михаила Павловича Манганари, «означенные люди, наравне с прочими спускаемы были на берег и всегда являлись на судно в свое время, и до ныне вели себя вообще весьма хорошо; хотя матрос Визурь и кананир Мойда, в прошлом году в апреле месяце были в отлучке, но после полутора суток добровольно явились на судно, и с тех пор ведут себя хорошо» [14, л. 9-9 об.].

Капитан 2-го ранга А.Г. Усов, командовавший пароходофрегатом «Крым», докладывал, что под его началом находятся 29-го экипажа: матросы Петр Ковальский, Демьян Вольсгох, Варфоломей Пшкунь; мастеровые: 12-го экипажа Карл Тиль, 14-го Людвиг Венюкович, 15-го Мартын Круглой. И они, «во все времянахождения их на пароходе вели себя хорошо, и всегда вместе с прочими были отпускаемы на берег, и возвращались всегда в свое время» [14, л. 10].

На пароходе «Силач» находилось шестеро поляков. Это «41-го флотского экипажа матрос 1 статьи Доминик Плясецкий, 12-го рабочего экипажа Мастеровые: 4 класса Семен Хождевич, 3 класса Михайло Жукальковский, 15-го рабочего экипажа Мастеровые: 2 класса Семен Желинский, 3 класса Франц Манюк, 16-го рабочего экипажа Мастеровой 2-го класса Адам Покора» [14, л. 17 об.]. По словам командира корабля лейтенанта Никонова, «означенные нижние чины напред сего были отпускаемы вместе с командою на берег и на всегда являлись в свое время, и ведут себя очень хорошо» [14, л. 17].

Не было нареканий к морякам польского происхождения и у капитана пароходофрегата «Одесса». Между тем, на этом судне по предоставленному списку несли службу матросы 1-й статьи Петр Рогоилский, Вицендий Гела, Яков Врублевский, [Неразборчиво. – Ю.К.] Ковалецкий, Клим Гайдук, Михайло Ягудинский, Кузьма Гай, Станислав Горбач; мастеровые Ян Беняк, Юзеф Заводовский, Матын Кондра, Павел Ютон (?), Казимир Глимыш (?), Бартоломей Мсицарин (?), Петр Белявский, Осип Древица [14, л. 18 об.-19].

Ни один из командиров кораблей не стал порочить своих подчинённых и отстранять их от службы, хотя в случае побега либо их связей с инсургентами, он нёс прямую ответственность за проступки.

Информацию и предложение М.М. Устинова решили довести до сведения императора. Николай I счёл недопустимым ущемлять своих подданных по национальному признаку и «Высочайше изволил, между прочим, отозваться, что отстранять поляков нести службу наравне с другими матросами нельзя и недолжно» [14, л. 20 об.]. Поэтому, в очередной раз напомнив, чтобы «была соблюдаема строгая разборчивость и осторожность, а между тем, со стороны посольства нашего в Константинополе будут, по высочайшему повелению, приняты соответственные меры», никаких других запретов власти не допустили [14, л. 20 об., 24].

Когда весной 1854 г. русскому флоту пришлось эвакуировать гарнизоны крепостей, расположенных на черноморском побережье Кавказа, среди кораблей, привлечённых к этой операции были и пароходофрегаты «Крым» и «Одесса». Значит, и польские моряки, служившие на них, в очередной раз доказали свою преданность присяге и разделили все тяготы и опасности похода [7].

Отношение польского общества к Российской империи в рассматриваемый период оставалось поляризованным. Было немало тех, кто условно может быть отнесён к лагерю непримиримых. Такие люди не готовы были идти на компромисс и целью своей жизни видели борьбу с царской властью и русскими. Они считали кавказских горцев своими естественными союзниками в борьбе с империей и старались наладить контакты с племенами, участвовавшими в столкновениях с российской армией, поставляя им необходимые для этого вооружение и припасы.

Однако только этим палитра русско-польских отношений не исчерпывалась. Среди выходцев из Царства Польского мы видим и вполне лояльных к власти людей, которые будучи призваны в ряды армии и флота России оставались верными империи и вместе с сослуживцами честно и храбро осуществляли охрану и оборону южных рубежей страны. В силу политизации данной проблемы судьбы этих людей незаслуженно замалчивались, вместе с тем они сыграли важную роль в обретении Российским государством Кавказа и умиротворении этого региона.

Источники и литература

1. Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX-XX вв. / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. 260 с.
2. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
3. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен…»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Под ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.

4. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / под редакцией В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2019. 90 с.
5. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Люди фронтира: польский след в северокавказской повседневности. Пятигорск: ПГУ, 2021. 316 с.
6. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
7. Р. И. Известия с восточного берега Черного моря // Особое прибавление к 30-му № газеты Кавказ. 1854.
8. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 2.
9. РГА ВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 3859.
10. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3860.
11. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3923.
12. РГА ВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 4174.
13. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4177.
14. РГА ВМФ. Ф.243. Оп.1. Д. 4757.
15. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4799.
16. Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар: Кубан. гос.ун-т, 2008. 176 с.
17. Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864. Warszawa, 2011. 268 p.

References

1. Bogolyubov A.A. Polyaki na SevernomKavkaze v XIX-XX vv. (Poles in the North Caucasus in the XIX-XX centuries). / ed by A.I. Selickii. Krasnodar: KSU publ., 2008. 260 p. (In Russian).
2. Degoev V.V. Kavkaz i velikie derzhavy 1829-1864 gg. Politika, vojna, diplomatiya (Caucasus and Great Powers 1829-1864 Politics, war, diplomacy). Moscow: Rubezhi XXI publ., 2009. 560 p. (In Russian).
3. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. «Nabezhavshimi hishchnikami vzyat v plen…»: polyaki v nevole u gorcev Severnogo Kavkaza («Captured by predators who came running ...»: Poles in captivity among the highlanders of the North Caucasus) ed by V.P. Ermakov. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 84 p. (In Russian).
4. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. Pol'skie insurgenty v ryadah «nemirnyh» gorcev (Polish insurgents in the ranks of the «non-peaceful» highlanders) / ed by V.P. Ermakov. Pyatigorsk: PSU publ., 2019. 90 p. (In Russian).
5. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. Lyudi frontira: pol'skij sled v severokavkazskoj povsednevnosti (People of the frontier: a Polish trace in everyday life in North Caucasus). Pyatigorsk: PSU publ., 2021. 316 p. (In Russian).
6. Matveev O.V. Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki (Caucasian War: From Front to Frontier. Historical and anthropological essays). Krasnodar: Edvi, 2015. 272 s. (In Russian).
7. R.I. Izvestiya s vostochnogo berega Chernogo moray (News from the eastern coast of the Black Sea) // Osoboe pribavlenie k 30-mu nomery gazety Kavkaz. 1854. (In Russian).
8. Russian State Archives of the Navy (RGA VMF). F. 83. Inv. 1. D. 2. (In Russian). (In Russian).
9. RGA VMF. F.243. Inv. 1. D. 3859. (In Russian).
10. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 3860. (In Russian).
11. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 3923. (In Russian).
12. RGA VMF. F.243. Inv. 1. D. 4174. (In Russian).
13. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 4177. (In Russian).
14. RGA VMF. F.243. Inv. 1. D. 4757. (In Russian).
15. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 4799. (In Russian).
16. Selickij A.I. Polyaki na Kubani: istoricheskie ocherki (Poles in the Kuban: Historical Essays). Krasnodar: KSU publ., 2008. 176 p. (In Russian).
17. Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864 (Caucasian affairs in European politics in the years 1831-1864). Warszawa, 2011. 268 p. (In Polish).

Информация об авторе

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия) / klichnikov@mail.ru

Information about the author

Klychnikov Yurii Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Historic, Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia) / klichnikov@ mail.ru

CC BY

УДК 94(510+662.1).03

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.8

А. Ш. Кулибали

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА МАЛИ И КИТАЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ ОБЛАСТЯХ

В статье рассматривается история дипломатических отношений Мали и КНР. Проанализирована история сотрудничества двух стран в экономической и военной сферах. Дана оценка нынешнего состояния. Целью исследования стало изучение установления и развития двустороннего экономического и военного сотрудничества Мали и КНР в исторической ретроспективе.

Изучена история установления дипломатических отношений Мали и КНР, развитие их отношений в XX и XXI веках в экономической и военной сферах. Изучены объёмы импорта и экспорта, прямых иностранных инвестиций, объёмы материальной и финансовой помощи, поступающей из КНР в Мали. Изучено влияние КНР на реформы вооруженных сил в 60-х гг. XX в., участие КНР в миссии ООН в Мали (МИНУСМА), академическое сотрудничество между военными академиями и научно-исследовательскими институтами Мали и КНР.

При написании данной статьи использовались системно-описательный, историко-хронологический, сопоставительный методы научного познания.

Мали представляет интерес для КНР в первую очередь как рынок для экспорта своей продукции, при этом действия китайской стороны свидетельствуют об укреплении позиций в Африке и вытеснении бывших колониальных держав. Китай акцентирует внимание на гуманитарном аспекте помощи Мали и сводит к минимуму военное сотрудничество.

Инвестиции со стороны Китая выгодны для Мали и положительно сказываются на общем уровне жизни малийцев, но при этом привели к снижению числа граждан, занятых в традиционном секторе экономики. КНР проводит политику невмешательства во внутренние дела зарубежных стран, что положительно сказывается на взаимоотношениях Мали и Китая, обеспечивая стабильность их двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: двустороннее сотрудничество, Мали, Китай, экономическое сотрудничество, военное сотрудничество, перспективы сотрудничества.

Для цитирования: Кулибали А. Ш. Исторический аспект двустороннего сотрудничества Мали и Китая в экономической и военной областях // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 68–76. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.8

Amady Cheickné Coulibaly

HISTORICAL ASPECT OF BILATERAL ECONOMIC AND MILITARY COOPERATION BETWEEN MALI AND CHINA

The article examines the history of diplomatic relations between Mali and the PRC (Public Republic of China). The history of cooperation between the two countries in the economic and military spheres is analyzed. Numerous projects in Mali in China are described, especially in the sectors of public infrastructure, construction of administrative buildings and commercial buildings, textile and pharmaceutical industries.

China, in turn, expects to gain access to the sources of raw materials in Mali. Since Mali does not produce oil, it does not receive large investments, but the country is of interest to China as a market for its products and, possibly, as a potential source of gold production and its export to China.

The influence of the PRC on the reforms of the armed forces in the 60s of XX century., participation of the PRC in the UN mission in Mali (MINUSMA), military cooperation between the armed forces of Mali and the PRC is considered. Despite the lack of assistance in the supply of weapons, China has a positive impact on the security and well-being of Mali over the decades of cooperation between the two countries, providing assistance in the maintenance of armored vehicles, strengthening engineering and logistics capabilities, and training military personnel.

The article describes the history of diplomatic relations between Mali and the China, analyzes the history of cooperation between two countries in the economic and military spheres, assesses its current state.

The main purpose is to study the features of the establishment and development of bilateral economic and military cooperation between Mali and the PRC in historical retrospect.

To study the history of the establishment of diplomatic relations between Mali and the PRC, the development of their relations in the XX and XXI centuries in the economic and military spheres. Study the imports and exports volumes, foreign direct investment, the volume of material and financial aid from the PRC to Mali. Study the influence of the PRC on the reforms of the armed forces in the 60s of the XX century, participation of the PRC in the UN mission in Mali (MINUSMA), academic cooperation between military academies and research institutes in Mali and the PRC.

This article used system-descriptive, historical-chronological and comparative methods.

Mali is of interest to the PRC primarily as a market for the export of its products, while the actions of the PRC indicate that China is establishing its position in Africa and ousting the former colonial powers. China is focused on the humanitarian dimension of aid to Mali and minimized military cooperation.

Investment from China is beneficial for Mali and has a positive effect on Mali's citizens' general standard of living, but at the same time has led to a decrease in the number of citizens employed in the traditional sector of the economy. The PRC pursues a policy of non-interference in the internal affairs of foreign countries, which has a positive effect on relations between Mali and China, ensuring the stability of their bilateral cooperation.

Key words: bilateral cooperation, Mali, China, economic cooperation, military cooperation, cooperation prospects.

For citation: Coulibaly A.Ch. Historical aspect of bilateral economic and military cooperation between Mali and China // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 68–76. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.8

Республика Мали – страна в Западной Африке, не имеющая выхода к морю. Её природные богатства вызывают интерес у зарубежных стран, в том числе и у Китая. КНР наращивает сотрудничество с африканскими государствами и, в частности, с Мали, что вызывает пристальное внимание общественности и делает данную тему актуальной для исследования.

Республика Мали была образована 22 сентября 1960 г., до обретения независимости Мали была французской колонией. 28 сентября 1960 г. была принята в ООН [1, с. 264]. Несмотря на внутренние изменения и смену власти в Мали, на протяжении всего существования республики Мали и КНР всегда поддерживали отношения партнерства и не прерывали сотрудничество между двумя странами.

История дипломатических взаимоотношений Мали с КНР

Дипломатические отношения между Республикой Мали и Китаем были установлены 25 октября 1960 г. В 1961 г. страны подписали ряд торговых, платежных соглашений и соглашения об экономическом и технологическом сотрудничестве, а в мае 1963 г. – о культурном сотрудничестве. В январе 1964 г. премьер-министр Чжоу Эньлай и вице-премьер Чен И посетили Мали. В ноябре того же года президент Мали Модибо Кейта посетил Китай, и страны подписали договор о дружбе (Чжунвай гуаньси ши цидянь. Чжунго юй мали гуаньси. [Словарь истории китайско-международных отношений. Отношения между Китаем и Мали]. URL: https://www.suinian.com/book/1342/666570.html).

Необходимо отметить, что в те годы сотрудничество между КНР и Мали базировалось на идеях социализма. Китай стремился оказать помощь дружественному государству, а первый президент Мали М. Кейта симпатизировал идеям социализма и во внешней политике делал приоритет на развитие отношений с социалистическими странами (Виртуальная энциклопедия Britannica. Модибо Кейта. URL: https://www.britannica.com/biography/Modibo-Keita).

Смещение М. Кейта в 1968 г. в результате государственного переворота не повлияло на отношения КНР и Мали. В сентябре 1970 г. китайская правительственная делегация участвовала в праздновании 10-летия независимости Мали. Министр иностранных дел и международного сотрудничества Мали посетил КНР сначала в декабре того же года, а потом снова в апреле 1971 г. По итогам визитов было подписано новое соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между двумя странами [13, с. 1045].

Позднее представители обеих стран не раз наносили взаимные визиты, а президент Мали Муса Траоре посещал КНР в 1973, 1981, 1986, 1989 гг. В 1989 г. было подписано соглашение о предоставлении Китаем кредитов Мали [13, с. 1045].

В 60–70-е гг. XX века Китай уделял внимание установлению дружественных отношений со странами Африки. КНР стремилась обрести поддержку в странах «третьего мира», тем самым укрепить свои позиции.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. к власти в Китае пришел Дэн Сяопин. Он был фактическим руководителем страны с конца 1970-х до начала 1990-х. Именно он разработал принцип «социализма с китайской спецификой» и проводил «политику реформ и открытости». Китай сконцентрировал усилия на модернизации своей экономики: постепенно отказался от плановой экономики в пользу рыночной, мобилизовал огромные трудовые ресурсы и воспользовался преимуществами глобализации, став «мировой фабрикой». Внутриполитические преобразования КНР тесно связаны со стратегией внешней политики. Поэтому постепенно китайское руководство стало уделять больше внимания не идеологическому влиянию на страны Африки, а взаимовыгодному экономическому сотрудничеству, что наложило свой отпечаток на экономику стран Африки к югу от Сахары, которые с колониального периода оставались в сфере интересов европейских стран.

Экономическое сотрудничество

Важным полезным ископаемым, добываемым в Мали, является золото, месторождения которого расположены главным образом на юго-западе и западе страны. По данным за 2019 г. (Gold mine production in Africa in 2016 by country // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/1051488/african-gold-mine-production-by-country/), Мали занимала 4 место в Африке по добыче золота, но уже в 2021 г. вышла на 3 место в Африке и 13 место в мире.

Комплекс Луло-Гункото, расположенный на западе страны и образованный из двух золоторудных месторождений, является самым крупным в Мали и вторым по величине – в Африке. Вслед за ним следует прииск Фекола, который является третьим по величине в Африке (Gold

mine production // Goldhub. URL: https://www.gold.org/goldhub/data/historical-mine-production). Золото является крупнейшим экспортным продуктом Мали, его экспорт составил около 44 % от общего объема экспорта. Согласно данным Геологической службы США, объемы золотодобычи в Мали неизменно растут из года в год, что делает данную страну интересной для сотрудничества в этой сфере (The Mineral Industry of Mali in 2017-2018 // U.S. Geological Survey. URL: https://www.usgs.gov/media/files/mineral-industry-mali-2017-18-table-only-release).

Мали занимает лидирующие позиции в Африке по производству хлопка. Ежегодный вклад от продажи хлопка в национальную экономику Мали составляет от 85 до 123 млрд франков Африканского финансового сообщества (франков КФА, примерно от 152 до 220 млн долл. США), что составляет 8 % ВВП страны. В 2017 г. производство хлопка составило 729 тыс. тонн, благодаря чему Республика Мали заняла первое место среди стран Африки к югу от Сахары (Чжунго хэ мали цяньшу гонцзянь «и дай и лу» хэцзо бэйванлу. [Китай и Мали подписывают меморандум о сотрудничестве в совместном строительстве инициативы «Один пояс, один путь»] // Сетевое издание Coxy. URL: https://www.sohu.com/a/330208877_733145).

Всё это делает Мали привлекательной для сотрудничества с Китаем. КНР усиливает свои позиции в мире и осваивает новые зоны влияния, активно инвестирует в компании, расположенные в Африке, что вызывает тревогу у представителей зарубежных стран, компании которых также представлены на африканском континенте [3, с. 600].

В последнее время все больше африканских, и, в частности, малийских студентов приезжает на обучение в Китай. Например, в Гуанчжоу, одном из крупнейших китайском мегаполисов, в 2017 г. было проведено социологическое исследование, в ходе которого было выявлено, что достаточно большую часть из опрошенных африканцев занимают малийцы [6, с. 68]. Это вызвано в первую очередь тем, что в университетах Китая существуют программы на французском языке, который является родным для малийцев

Одной из самых важных инициатив КНР явилась организация в 2000-м г. Форума сотрудничества Китай-Африка (Forum on China–Africa Cooperation, FOCAC). Данный форум проводится каждые 3 года, поочередно в Пекине и крупных городах стран Африки. В последний раз он проводился в 2018 г., в Пекине. В ходе мероприятия председатель КНР Си Цзиньпин встретился с лидерами африканских стран, в том числе с президентом Мали Ибрагимом Бубакар Кейта. На данном форуме традиционно обсуждается сотрудничество по нескольким сферам – экономической (торговля, инвестиции), социальной (здравоохранение, образование, культурный обмен), политической, военной, науке, технологиях [11, с. 59].

Важным событием в сфере международного экономического сотрудничества явилось создание китайской инициативы «Один пояс, один путь», которая объединяет в себе два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». [10, с. 6] Целью инициативы является создание глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры, способствующей беспрепятственной торговле между странами, инвестициям, а также формированию региональной инфраструктуры, основных отраслей промышленности. За несколько лет с момента создания инициативы «Один пояс, один путь» были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути, Китайская международная выставка импорта (CIIE), Китайско-африканская торгово-экономическая выставка. Также было подписано множество договоров с рядом стран, а Мали и КНР в 2019 г. подписали меморандум о сотрудничестве в рамках данной инициативы (Чжунго хэ мали цяньшу гонцзянь «и дай и лу» хэцзо бэйванлу. [Китай и Мали подписывают меморандум о сотрудничестве в совместном строительстве «Один пояс – один путь»] // Сетевое издание Coxy. URL: https://www.sohu.com/a/330208877_733145).

По оценкам экспертов, создание инициативы «Один пояс, один путь» может стать еще одним стимулом для роста потока китайских инвестиций в Африку и Мали в частности [9, с. 7]. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) вырос с 75 млн долл. США в 2003 г. до 2,7 млрд долл. США в 2019 г. При этом потоки инвестиций из Китая в Африку с 2014 г. превышали объем инвестиций из США, поскольку с 2010 г. потоки ПИИ из США сокращались (Data: Chinese investment in Africa // Johns Hopkins Scool of Advanced International Studies, China-Africa Research Initiative. URL: http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa). Китайские инвестиционные проекты в 49 африканских странах охватывают различные сферы, такие как торговля, производство, добыча ресурсов, транспорт, сельское хозяйство и т.д.

В Мали после установления демократии в 1992 г., деловой климат значительно улучшился. В результате этого иностранные инвестиции приобрели положительную динамику. Статистика Министерства торговли КНР показывает, что в 2019 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Мали составил 600 млн долл. США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 37,2 %. Экспорт Китая в Мали составил 440 млн долл. США, увеличившись на 26 %, а импорт – 160 млн долл. США, тем самым увеличившись на 81 % [19, с 19].

Китай инвестирует в основном в горнодобывающую, обрабатывающую, пищевую и текстильную промышленность, жилищное строительство и агропромышленный комплекс.

В Мали реализуются многочисленные проекты Китая, особенно в секторах общественной инфраструктуры (дороги, общественные работы), строительства административных зданий или коммерческого использования, текстильной и фармацевтической промышленности, однако они не включены в статистику прямых иностранных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции в Мали включают, в частности, пять горнодобывающих проектов, где Китай не является основным инвестором: золотые рудники Садиола, Морила, Ятела, Калана и компания по производству взрывчатых веществ Chemico-Mali SARL. Эти проекты в основном принадлежат Канаде, Германии, Франции, Австралии и Южной Африке.

С самого начала сотрудничества между Мали и КНР, Китай оказывает обширную техническую помощь в управлении Офиса Нигер (Office du Niger), государственного учреждения, управляющего крупной ирригационной системой в Мали, которая используется в основном для выращивания сахарной свеклы и рисоводства.

В 60-х гг. XX в. Китай направлял в Мали не только специалистов по ирригации и рисоводству [12, с. 8–9], но и по выращиванию чая. Были созданы чайные плантации, также была создана программа по обучению местного населения технологиям культивирования чайных кустов и их обработке. Результатом программы стало создание чайной фабрики Фарако в 1973 г. [14, p. 38]

Особо необходимо отметить компанию Superior Kala Sugar Complex SA (SUKALA-SA), которая была создана в 1996 г. совместно КНР и Мали, контрольный пакет акций которой принадлежит китайской компании China National Light Industrial Corporation (Sinolight) (Mali's two sugar refineries to merge // The Economist. URL: http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=294570013&Country=Mali&topic=Economy&subtopic=Forec_4). Сегодня SUKALA-SA является одной из крупнейших агропромышленных и коммерческих компаний в Мали, – по прогнозам руководства завода компания планирует произвести 35 тыс. тонн сахара за 2021 г. (Kone D. B. Mali : Sukala SA prévoit une production de 35.000 tonnes de sucre en 2021 // Financial Afrik. URL: https://www.financialafrik.com/2020/12/21/mali-sukala-sa-prevoit-une-production-de-35-000-tonnes-de-sucre-en-2021/). Заметим, что подавляющее большинство китайских компаний, расположенных в Африке, являются частными, а не государственными. [8, с. 110].

Мали в основном импортирует из Китая зеленый чай, рис, молоко и другие продукты питания, текстиль, чулочно-носочные изделия, строительные материалы, транспортные средства, оборудование и запасные части, химикаты, фармацевтические препараты и прочие товары. Основным партнером Мали по импорту является Китай (20 % от общего объема импорта, что составило около 290 млн долл. США в первом квартале 2021 г.) (Mali Imports // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/mali/imports)

На первом месте по экспорту из Мали находится золото (по данным ООН за 2017 г.), что составляет около 66 % от общего объема экспорта, также в зарубежные страны поставляют живой скот (10 %), хлопок (7,1 %), удобрения (4,8 %) и т.д. (Mali Exports By Category // Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/mali/exports-by-category). Поскольку Китай не является основным инвестором в сфере золотодобычи в Мали, на данный момент не имеется официальных данных по экспорту золота в Китай. Основными товарами, поставляемыми Мали в Китай, являются дерево, меха, кожа, хлопок.

Немаловажной составляющей взаимодействия Мали и КНР является предоставление кредитов Китаем. В период с начала установления дипломатических отношений КНР и Мали до 2000 г. задолженность Мали составила 37 млрд франков КФА (429 млн долл. США), которая была аннулирована КНР в 2001 г. [16, p. 30]. В период с 2000 по 2017 гг. Китай также предоставил кредит Мали размером в 981 млн дол. США (Chinese Loans to West African Countries // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: https://www.oecd.org/swac/maps/72-chinese-loans.pdf).

Помощь Китая состоит в основном из финансирования проектов в области энергетики, телекоммуникаций и транспорта. Она предоставляется в основном в натуральной форме, как правило, китайскими компаниями, и обычно принимает форму проектов «под ключ» с использованием преимущественно китайских ресурсов, включая рабочую силу. Проекты сосредоточены на экономической и социальной инфраструктуре, такой как дороги и больницы, на производственном секторе, включая сельское хозяйство, и на других видах строительства, таких как общественные здания и стадионы.

С момента установления дипломатических отношений с Мали в 1960 г. Китай помог Мали реализовать десятки проектов, таких как сахарные заводы, текстильные фабрики, фабрики по производству лекарств, чайные фабрики, фабрики по производству сигарет и спичек, фабрики по переработке рисовой шелухи, а также инфраструктурные проекты. В рамках сотрудничества Китая и Мали были построены: Международный конференц-центр, стадион «26 марта», мемориал Модибо Кейта, здание Министерства иностранных дел.

Китайская медицинская миссия в составе около тридцати специалистов работает в больницах Кати, Маркала и Сикассо, которые регулярно получают пожертвования в виде медикаментов, оборудования и финансовой помощи [19, p. 27]. Начиная с 1964 г. Китай направлял бригады медиков [13, с. 1045].

Также существенную помощь Китай оказал Мали во время вспышки коронавируса. Так Посольство КНР в Мали и китайская компания Sinolight помогали в создании временных центров лечения больных коронавирусом и оказывали активное содействие в борьбе с пандемией. Более 25 тыс. масок, защитной одежды, очков, лекарств и прочих материалов было отправлено из КНР в Мали (Assisting Mali in the Fight Against COVID-19: Poly Group Actively Fulfilling Corporate Social Responsibility // China Poly Group Corporation Limited. URL: https://www.poly.com.cn/polyen/i/1839-6515-19327.html). Форум сотрудничества Китай-Африка (Forum on China–Africa Cooperation, FOCAC), который состоится в 2021 году, будет в первую очередь посвящен китайско-африканскому сотрудничеству в сфере здравоохранения и восстановлению экономики [4, с. 66].

Несмотря на то, что Китай регулярно оказывает помощь Мали, он не является основным инвестором. Пятью основными инвесторами Мали являются Европейская комиссия, Всемирный банк, Франция, Канада и Нидерланды, на долю которых приходится 66 % официальной помощи в целях развития (ОПР). Среди них наибольшую помощь оказывает Франция, стремящаяся не упустить свое доминирующее положение во франкоязычной Африке. Основная помощь Китая странам Африки приходится на Судан, Алжир и Нигерию. Но благодаря сложившимся с 1960 г. привилегированным отношениям, Мали неизменно входит в топ-10 африканских стран, которым оказывается финансовая помощь со стороны Китая.

По мнению Жана-Мари Агботона, экономиста бенинского происхождения, этот шквал инвестиций «может стимулировать индустриализацию Африки». Но многие эксперты беспокоятся, что активный рост инвестиций в Африку приведет не к развитию местного производства, а к растрате ресурсов без передачи технологий [19, p 16]. При этом жители Мали положительно отзываются о помощи Китая. Например, китайская программа по выращиванию чая в Мали показала, что Китай готов не только открывать своё производство в Мали, но и обучать местное население агрокультурным технологиям. [20, p. 17] В 2016 г. был проведен опрос среди жителей ряда африканских стран, направленный на оценку восприятия образа КНР в Африке. 92% опрошенных в Мали оценили политическое и экономическое влияние Китая как «позитивное» или «очень позитивное» [4, с. 137].

Относительно низкие цены на продукцию из Китая положительно сказываются на уровне жизни малийцев. Покупательная способность граждан Мали очень низкая, а доля бедных очень высока (61 %), поэтому им недоступна бытовая техника, привычная жителям европейских стран (телевизоры, радиоприемники, холодильники, компьютеры, телефоны, вентиляторы, кондиционеры и т.д.), но благодаря торговым отношениям с Китаем, малийцы могут приобретать китайскую технику по низким ценам [19, p. 16].

Торговля с Китаем поспособствовала трансформации малийского общества, появлению слоя предпринимателей. Они торгуют китайскими товарами и дают средства к существованию тысячам мелких городских и сельских торговцев. Также от этого выигрывает и само государство Мали, которое может пополнить бюджет страны за счет таможенных пошлин.

Однако следует заметить, что либерализация торговли между двумя странами способствовала массовому исчезновению производственной деятельности в Мали и, как следствие, быстрому росту безработицы среди ремесленников. Таким образом, китайско-малийская торговля – это обоюдоострый меч, поскольку Мали, безусловно, может воспользоваться возможностями в процессе глобализации, развивать производство и торговлю с зарубежными странами, тем самым увеличить свой экспорт и ускорить свой рост. Однако китайский импорт приводит к исчезновению целых секторов экономики и порождает безработицу, частично убивает экономические инициативы населения страны.

Военное сотрудничество

С момента основания Республики Мали, правительство опиралось на национальные вооруженные силы. К середине 1960-х гг. разведывательные службы Франции оценивали армию Мали, сохранившуюся с колониальных времен, как одну из наиболее сильных в Западной Африке. В Мали также существовали Бригады Бдительности (Brigades de Vigilance), состоящие из молодежи, Народное ополчение (Milice populaire) и Сельская гражданская служба (Service Civique Rurale) [17, p. 66].

Создание Народного ополчения или, как его еще называют, милиции, является одним из самых ранних примеров военного сотрудничества Мали и КНР, это был аналог китайских «хунвэйбинов» («красногвардейцев»). Народное ополчение состояло в основном из малограмотной сельской и городской молодёжи. Инструкторы готовились в КНР, а численность ополчения планировалось довести до 10 тыс. человек, что значительно превышало численность армии, насчитывавшей около 3 тыс. человек [1, с. 74]. В Мали, по примеру КНР и других социалистических стран, оружие в руках держали не только мужчины. Так в 1962 г. в китайском журнале была опубликована фотография малийских девушек, состоящих в Народном ополчении, которые тренировались в стрельбе по мишеням [18, p. 163]. Сообщалось, что между Мали и КНР были подписаны секретные соглашения, предусматривающие руководство ополчением китайскими специалистами и полное

их вооружение, однако впоследствии армия была расформирована, а иностранный военный персонал упразднен (Coopération militaire sino-malienne : une vieille amitié // Forces Armées Maliennes. URL: https://www.fama.ml/cooperation-militaire-sino-malienne-une-vieille-amitie/).

Правительство Мали стремилось избавиться от последствий колониального режима, в том числе и в военной сфере. Был взят курс на трансформацию армии из колониальной в коммунистическую [17, p. 70]. Французских офицеров заменили малийские, получившие образование во Франции, в дальнейшем подготовка офицеров осуществлялась в самой Мали, в училище Кати (бывшая французская военная база) [1, с. 95].

Материальную и техническую помощь в оснащении малийской армии на первом этапе оказывали социалистические страны, в том числе и КНР. После переворота в 1968 г. отношения между Мали и КНР развивались не так активно – новый президент Мусса Траоре не стремился подражать КНР и сотрудничал как с социалистическими, так и с капиталистическими странами.

Китай поддержал Мали во время восстания туарегов в 2012 г. После создания переходного правительства Китай предложил материально-техническую помощь малийской армии в виде разовых пожертвований (на общую сумму около 5 млн дол. США) (Paix et sécurité en Afrique de l'Ouest: la Chine s'implique au Mali, IEPS // Wathi. URL: https://www.wathi.org/paix-et-securite-en-afrique-de-louest-la-chine-simplique-au-mali-ieps/).

После того, как север Мали оказался под контролем исламистов, КНР открыто поддержала освобождение этого региона от них. Так, 25 сентября 2012 г. в интервью государственному телевидению Мали поверенный в делах посольства (Го Сюэли) напомнил, что «Китай твердо поддерживает позицию Мали» и обещает максимальную помощь, «в частности в военной области, где у нас уже есть очень давнее сотрудничество» (Paix et sécurité en Afrique de l'Ouest: la Chine s'implique au Mali, IEPS // Wathi. URL: https://www.wathi.org/paix-et-securite-en-afrique-de-louest-la-chine-simplique-au-mali-ieps/ (дата обращения: 12.08.2021).

Малийская армия получает безвозмездную финансовую и техническую помощь от КНР в виде подготовки малийских военнослужащих по различным специальностям, в том числе пилотов вертолетов ZA 9, Harbin Y–12 и Harbin Z–9, приобретенных у Китайской корпорации по импорту и экспорту авиатехники [19, p. 2; 7, с. 83].

Новой вехой в сотрудничестве Мали и КНР стало учреждение Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА) в апреле 2013 г. Целью миссии является помощь властям Мали в стабилизации положения в стране, защите гражданского населения, соблюдению прав человека. По данным на июль 2021 г., в МИНУСМА насчитывается более 18 тыс. человек, из них численность войск составляет более 12 тыс. человек. В список стран, предоставивших своих специалистов для участия в миссии, входит КНР. На данный момент в МИНУСМА представлено 413 военнослужащих от КНР и 13 штабных офицеров (МИНУСМА – фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. URL: https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minusma).

В 2014–2018 гг. была проведена модернизация и реорганизация армии Мали. На тот момент ВС Мали были оснащены устаревшим вооружением, поставленным 1960–1980-х гг. Советским Союзом. Также было необходимо провести переобучение личного состава, особенно это актуально на фоне роста активности экстремистских группировок в стране.

МИНУСМА предоставляет помощь Мали в техническом обслуживании бронетехники, укреплении потенциала в области инженерных работ и материально-технического обеспечения, а также подготовке военных кадров.

В ноябре 2018 г. МИНУСМА начала ускоренный процесс разоружения, демобилизации, реинтеграции и интеграции комбатантов. В ходе этого процесса были созданы три смешанных подразделения, которые управляются малийскими военными, а также обеспечивают безопасность в рамках процесса разоружения, демобилизации и реинтеграции. В то же время из этих подразделений отбирается личный состав для комплектования специальных антитеррористических подразделений (Report of the Secretary-General on the situation in Mali // UN Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/815991?ln=en).

Контингент КНР в составе МИНУСМА состоит из военных инженеров, медработников и военнослужащих подразделения охраны. Они отвечают главным образом за обеспечение безопасности командования ООН и района дислокации миротворцев, и, по заявлениям Пекина, не предназначены для непосредственного участия в военных конфликтах внутри принимающих стран (Paix et sécurité en Afrique de l'Ouest: la Chine s'implique au Mali, IEPS // Wathi. URL: https://www.wathi.org/paix-et-securite-en-afrique-de-louest-la-chine-simplique-au-mali-ieps/).

Китаем инициировано создание Китайско-африканского фонда мира и безопасности, для поддержания мира и правопорядка и продолжения оказания военной помощи Африканскому союзу. Однако, на данный момент членство Мали в Африканском союзе приостановлено, начиная с 2020 г. после переворота в стране.

По итогам Форума сотрудничества Китай-Африка (Forum on China–Africa Cooperation, FOCAC) 2018 г. КНР и страны Африки объявили, что будут продолжать организовывать взаимные визиты руководителей и представителей оборонных ведомств, активизировать сотрудничество

в совместных учениях и тренировках, борьбе с терроризмом, поиске, спасении и ликвидации последствий стихийных бедствий. Китай обещал продолжить подготовку малийских военнослужащих. Обе стороны будут углублять академические обмены и сотрудничество между военными академиями и научно-исследовательскими институтами, а также будут расширять сотрудничество в области военной медицины (Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2019-2021) // FOCAC. URL: http://focacsummit.mfa.gov.cn/eng/hyqk_1/t1594297.htm (дата обращения: 03.08.2021).

Одним из заявлений на данном мероприятии было также проведение Китайско-африканского форума мира и безопасности. Форум состоялся в июле 2019 г. В нём приняли участие около 100 высокопоставленных представителей министерств обороны 50 африканских стран, в том числе и Мали. Одним из наиболее значимых вопросов, обсуждаемых на форуме, была проблема терроризма. Согласно докладу «Глобальный индекс терроризма» международного Института экономики и мира (IEP) за 2020 г., индекс терроризма в Мали составил 7.049 баллов из 10, что является высоким показателем [15, с. 8]. Африканские представители выразили готовность работать с Китаем для углубления сотрудничества в таких областях, как миссии сопровождения, борьба с терроризмом, совместные учения и обучение персонала, чтобы совместно гарантировать мир и стабильность в Африке и во всем мире (Feature: Overview of 1st China-Africa Peace and Security Forum // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2019-07/17/content_4846012.htm).

Экономическое сотрудничество Китая с африканскими странами, в том числе Мали, свидетельствует о том, что Китай утвердился в Африке и стремится вытеснить оттуда бывшие колониальные державы. Таким образом, он рассчитывает получить доступ к источникам сырья и энергии, которые ему необходимы. Поскольку в Мали не добывается нефть, туда не поступают крупные инвестиции, однако Мали представляет интерес для Китая как рынок для своей продукции и, возможно, как потенциальный источник добычи золота и его экспорта в Китай.

Вклад Китая в МИНУСМА, преобладание некомбатантов над комбатантами и их роль (охрана, техническая и медицинская помощь) показывают, что КНР стремится подчеркнуть гуманитарный аспект помощи в военном сотрудничестве. Это позволяет предположить, что КНР тем самым пытается избавиться от пресловутой «китайской угрозы» и улучшить свой имидж на мировой арене. Китай официально проводит политику невмешательства во внутренние дела своих экономических партнеров, что положительно сказывается на взаимоотношениях Мали и Китая, обеспечивая их стабильность.

В настоящее время Мали и КНР более активно сотрудничают в экономической сфере, чем в военной. Однако заметим, что начиная с XVII съезда КПК в 2007 г. Китай официально придерживается политики «мягкой силы», развивая отношения с иностранными государствами путём распространения своей культуры за рубежом (первый Институт Конфуция в Мали был открыт в 2005 г.) (SFU, Mali unveil Confucius Institute // Yunnan Gateway. URL: http://english.yunnan.cn/html/2018/culture_0702/14574.html), языка, развития торговых отношений, гуманитарной помощи. Одной из самых важных на данный момент для Китая программ является инициатива «Один пояс – один путь», в рамках которой, начиная с 2019 г., Мали сотрудничает с КНР. Эксперты полагают, что данная инициатива может быть использована не только в целях развития двусторонних отношений в сфере экономики, но и для расширения военного присутствия в Африке. [5, с. 124] Также для малийско-китайских отношений очень значительным является влияние КНР на сельскохозяйственную сферу.

Поддержание и развитие экономики Мали Китаем способствует развитию других сфер, в том числе и военной. КНР оказывает помощь Мали в развитии инфраструктуры, строительстве дорог, что имеет стратегическое значение при развертывания вооруженных сил (ВС) в случае проведения военных действий. Также важным условием для поддержания безопасности государства является обеспечение населения и армии продовольствием в случае войны. Национальная текстильная промышленность способна производить продукцию, обеспечивая нужды ВС. Поэтому, несмотря на отсутствие помощи в поставки вооружений, можно предположить, что Китай оказывает положительное влияние на обеспечение уровня безопасности и благополучия Мали на протяжении нескольких десятков лет сотрудничества двух стран.

Источники и литература

1. Витухина Г. О., Онучко В. Г. Республика Мали: Справочник / Институт Африки. М.: Восточная литература, 2005. 279 с.
2. Дейч Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 119–141.
3. Дейч Т. Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 595–611.
4. Дейч Т. Л. Китай и Африка в борьбе с COVID-19 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 57–72.

5. Дейч Т. Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. т. 64. № 2. С. 118–127.
6. Забелла А. А. Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений // Вестник РУДН. 2019. № 11. С. 65–75.
7. Забелла А. А. Военно-техническое взаимодействие Китая и африканских стран в начале XXI века // Международные отношения. 2019. № 2. С. 77–86.
8. Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива // Сравнительная политика. 2020. № 4. С 106–122.
9. Игнатьев С.В., Луконин С.А. Инвестиционные связи Китая со странами Африки // Мировая экономика и международные отношения. 2018. т. 62. № 10. С. 5–12.
10. Кулинцев Ю.В. Внешнеполитические итоги первого этапа реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» на пространстве Евразии // Азия и Африка сегодня. 2020. №5. С. 5–11.
11. Мардашев А.А. Помощь КНР странам Африки // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №5. С. 59–70.
12. Мэн Цинтао. Чжунго юаньчжу фэйчжоу иван [Ретроспектива помощи Китая Африке] // Дангань чуньцю [Воспоминания и архивы]. 2012. № 1. С. 4–10. (на китайском языке; 孟庆涛. 中国援助非洲忆往. 档案春秋. № 1. 4–10页).
13. Чжу Цзецинь, Хуан Банхэ, Линь Юаньхуэй, Чжан Сянхуэй. Чжунвай гуаньси ши цидянь [Словарь истории китайско-международных отношений]. Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ [Народное издательство провинции Хубэй], 1992. 1329 с. (на китайском языке; 朱杰勤，黄邦和; 张劲草，林远辉，张祥晖. 中外关系史辞典. 湖北人民出版社, 1992. 1329页).
14. Brautigam D. Will Africa Feed China? New York: Oxford University Press, 2018. 222 p.
15. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism. Institute for Economics & Peace, 2020. 105 p.
16. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. CGD Policy Paper 121. Washington, DC: 2018. 38 p.
17. Mann G. Violence, Dignity and Mali's New Model Army, 1960-68. // Mande Studies.2003. Vol. 5. P.66–82.
18. Noth J. Militiawomen, Red Guards, and Images of Female Militancy in Maoist China // Twentieth-Century China. 2021. Vol. 46, No. 2. P. 153–180.
19. Sanogo A. Les relations economiques de la Chine et du Mali. Consortium pour la Recherche Economique en Afrique. Université de Bamako, 2008. 33 p.
20. Showcasing the Chinese Version of Moderni-tea in Africa: Tea Plantations and PRC Economic Aid to Guinea and Mali during the 1960s. CWIHP Working Paper №80. Washington, DC: 2016. 49 p.

References

1. Vituhina G.O., Onuchko V.G. Respublika Mali: Spravochnik (Republic of Mali: Reference book). Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2005. 279 p. (In Russian).
2. Deych T.L. Kitaj v Afrike: «neokolonializm» ili «win-win» strategiya? (China in Africa: Neo-Colonial Power or «Win-Win» Strategy?) // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2018. Vol. 11. No. 5. P. 119–141. (In Russian).
3. Deych T.L. Kitaj v bor'be za resursy v Afrike i arabskom mire (China in the Struggle for Resources in Africa and Arab World) // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Vol. 18, No. 3. P. 595–611. (In Russian).
4. Deych T.L. Kitaj i Afrika v bor'be s COVID-19 (China and Africa in the fight against COVID-19) // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2020. Vol. 13. No. 5. P. 57–72. (In Russian).
5. Deych T.L. Mesto Afriki v iniciative Kitaya «Odin poyas, odin put'» (Africa's place in the Chinese initiative «Belt and Road») // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. Vol. 64. No. 2. P. 118–127. (In Russian).
6. Zabella A.A. Afrikancy v Kitae i ih vliyanie na razvitie kitajsko-afrikanskih otnoshenij (Africans in China and its influence for China-Africa relations) // Vestnik RUDN. 2019. No. 11. P. 65–75. (In Russian).
7. Zabella A.A. Voenno-tekhnicheskoe vzaimodejstvie Kitaya i afrikanskih stran v nachale XXI veka (Military-technical cooperation between China and African countries at the beginning of the XXI century) // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. No. 2. P. 77–86. (In Russian).
8. Zelenev E.I.; Soloshcheva M.A. Kitayskoye proniknoveniye v Afriku: sravnitel'noistoricheskaya retrospektiva (Chinese Rush to Africa: a Comparative Historical Analysis) // Sravnitel'naya politika. 2020. No. 4. P. 106–122. (In Russian).
9. Ignat'ev S.V., Lukonin S.A. Investicionnye svyazi Kitaya so stranami Afriki (China's investment relations with African countries) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Vol. 62. No. 10. P. 5–12. (In Russian).
10. Kulincev Y.V. Vneshnepoliticheskie itogi pervogo etapa realizacii kitajskoj iniciativy «Odin poyas, odin put'» na prostranstve Evrazii (Foreign policy results of the first stage of the implementation of the «Belt and Road» initiative in Eurasia) // Aziya i Afrika segodnya. 2020. No. 5. P. 5–11. (In Russian).
11. Mardashev A.A. Pomoshch KNR stranam Afriki (Chinese Aid to African Countries) // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. No. 5. P. 59–70. (In Russian).
12. Meng Qingtao. Zhongguo yuanzhu Feizhou yiwang [Retrospective of China's aid to Africa] // Dangan chunqiu = Memories and Archives, 2012, № 1, pp 4–10. (孟庆涛. 中国援助非洲忆往. 档案春秋, № 1, 4–10页). (In Chinese).
13. Zhu Jieqin, Huang Banghe, Lin Yuanhui, Zhang Xianghui. Zhongwai guanxi shi cidian [Dictionary of History of Sino-Foreign Relations]. Wuhan: Hubei Renmin Publ., 1992. 1329 p. (朱杰勤，黄邦和; 张劲草，林远辉，张祥晖. 中外关系史辞典. 湖北人民出版社, 1992. 1329页). (In Chinese).
14. Brautigam D. Will Africa Feed China? New York: Oxford University Press, 2018. 222 p.
15. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism. Institute for Economics & Peace, 2020. 105 p.
16. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. CGD Policy Paper 121. Washington, DC: 2018. 38 p.

17. Mann G. Violence, Dignity and Mali's New Model Army, 1960-68 // Mande Studies. 2003. Vol. 5. P. 66–82.
18. Noth J. Militiawomen, Red Guards, and Images of Female Militancy in Maoist China // Twentieth-Century China. 2021. Vol. 46. No. 2. P. 153–180.
19. Sanogo A. Les relations economiques de la Chine et du Mali. Consortium pour la Recherche Economique en Afrique. Université de Bamako, 2008. 33 p.
20. Showcasing the Chinese Version of Moderni-tea in Africa: Tea Plantations and PRC Economic Aid to Guinea and Mali during the 1960s. CWIHP Working Paper №80. Washington, DC: 2016. 49 p.

Сведения об авторе

Кулибали Амади Шеикне – полковник, адъюнкт Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва, Россия) / couli2018@yahoo.com

Information about the author

Coulibaly Amady Cheickné – colonel, Adjunct professor of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia (Moscow, Russia) / couli2018@yahoo.com

CC BY

УДК 94 (470.6)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.9

А.А. Панарин

КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1929 гг.)

В статье рассматривается деятельность кустарно-промысловой кооперации на Северном Кавказе в условиях новой экономической политики. Анализируется процесс формирования кустарно-промысловой кооперации в начале 1920-х гг., дается характеристика ее основным организационным принципам и представлениям руководства большевистской партии о месте производственной кооперации в структуре советской экономики. Освещается хозяйственная деятельность кустарно-промысловой кооперации в различных районах Северного Кавказа, отмечается повышение ее роли в снабжении промышленных предприятий, Красной армии и населения различными видами изделий. Рассматриваются принимаемые партийно-государственными органами и кооперативными союзами меры по вовлечению в кооперацию кустарей-одиночек. Отмечаются низкие результаты в решении этой задачи, обусловленные организационной слабостью и ограниченностью материальных средств кооперативных союзов, а также стремлением кустарей-одиночек к сохранению своей самостоятельности. Подчеркивается классовый подход, которым руководствовалось советское государство при развитии кустарно-промысловой кооперации в конце 1920-х гг. Показано влияние утвердившейся на рубеже 1920-1930 гг. административно-командной системы на процесс трансформации кустарно-промысловой кооперации и ее окончательное превращение в подчиненный элемент планового хозяйства. Дана оценка основным результатам развития кустарно-промысловой кооперации на Северном Кавказе в условиях НЭПа.

Ключевые слова: кустарно-промысловая кооперация, новая экономическая политика, советское государство, артели, кустарное производство, Северный Кавказ.

Для цитирования: Панарин А. А. Кустарно-промысловая кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 – 1929 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 77–83. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9

Andrei A. Panarin

HANDICRAFT COOPERATION OF THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF A NEW ECONOMIC POLICY (1921–1929)

The article discusses the activities of the handicraft commercial cooperation in the North Caucasus in the conditions of a new economic policy. The process of the formation of hand-fishing cooperation in the early 1920s is analyzed. It is characteristic of its main organizational principles and the ideas of the leadership of the Bolshevik party about the place of production cooperation in the structure of the Soviet economy. The economic activity of hand-commercial cooperation in various parts of the North Caucasus is covered, its role is noted in supplying industrial enterprises, the Red Army and the population with various types of products. The measures taken by party-government agencies and cooperative unions involvement in the cooperation of single shutters. Low results are noted in solving this problem due to the organizational weakness and limited material means of cooperative unions, as well as the desire of single handy to preserve their independence. The class approach was emphasized who was guided by the Soviet state in the development of hand-commercial cooperation in the late 1920s. The influence of the 1920-1930s administrative-command system on the process of transformation of the hand-commercial cooperation and its final transformation into the slave element of the planning economy is shown. An assessment is given to the main results of the development of handicraft cooperation in the North Caucasus in the conditions of NEP.

Key words: handicraft cooperation, new economic policy, Soviet state, artel, handicraft production, North Caucasus.

For citation: Panarin A.A. Handicraft cooperation of the North Caucasus in the context of a new economic policy (1921-1929) // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 77–83. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9

Формирование кустарно-промысловой кооперации на территории Северного Кавказа фактически происходило в период осуществления новой экономической политики, т. е. в 1920-е гг. В дореволюционной России этот вид кооперации занимал незначительное место в общей кооперативной системе страны. Несмотря на широкое развитие кустарного производства и промыслов, большинство ремесленников и кустарей осуществляли индивидуальную деятельность и не стремились к созданию кооперативных объединений. К январю 1918 г. на всей территории страны действовало около 1 тыс. кустарных артелей, тогда как общее число других видов кооперативов было около 55 тыс. [16, с.7].

На Северном Кавказе в дореволюционный период также были артели различного производственного назначения. В качестве примера можно

привести крестьянские артели, которые добывали соль в озерах Приманычья. Широкое распространение имели строительные артели, занимавшиеся выделкой самана и строительством жилья для многочисленных переселенцев, прибывающих на Северный Кавказ из других регионов страны [14, с.31-42].

Однако, данные виды объединений носили неустойчивый характер и включали лишь некоторые элементы кооперации. Северный Кавказ до революции был одним из регионов, где не только промысловая кооперация, но и в целом промысловая деятельность не играли какой-либо заметной роли в хозяйственной жизни. Например, на территории Области войска Донского по переписи 1897 г. работало 20206 кустарей, что составляло 1,27% от общего числа населения [8, с.324].

После установления Советской власти большевистская партия стремилась к объединению индивидуальных кустарей и ремесленников в артели, и обеспечению государственного контроля за деятельностью последних. В соответствии с Программой РКП(б), принятой в самый разгар Гражданской войны на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.), с помощью таких мер предусматривалось парализовать стремление кустарей превратиться в мелких промышленников [11, с.84].

Вместе с тем, до начала 1920-х гг. действующие на территории ряда областей Советской республики кустарные артели не представляли собой собственно промысловую кооперацию. В условиях осуществления политики «военного коммунизма» большевистская партия реализовывала идею полного огосударствления кооперации. Сохранив аппарат потребительской кооперации в качестве распределительного механизма Наркомата продовольствия, руководство РКП(б) включило в ее состав другие виды кооперации. В том числе, при Центросоюзе и областных союзах потребкооперации были созданы кустарно-промысловые секции, которые руководили деятельностью промысловых артелей.

Выполняя лишь формальные функции, они не могли оказать кустарям и ремесленникам реальной помощи. Так, действующая на территории Кубанской области кустпромсекция Кубсоюза руководила работой довольно большого количества артелей, например, в Краснодаре таких было 90, в Славянском районе – 146, Армавирском районе – 80. Однако, как признавало правление Кубсоюза, «что они из себя представляют секция не знает, т.к. инструкторский аппарат слабый, посещение артелей не ведется» [2, л.44].

После окончания Гражданской войны, в условиях хозяйственной разрухи и почти полного отсутствия крупной промышленности, кустарное производство стало играть важнейшую роль в восстановлении экономики и обеспечении населения товарами первой необходимости. По данным ЦСУ за 1922 г. из общей продукции страны в 1000 млн. руб., на долю мелкой кустарно-ремесленной приходилось 395 млн. руб., или 30% всей продукции [21, с.75].

Еще одной предпосылкой к широкому развитию различного рода промыслов стал разрыв хозяйственных связей между районами страны, что временно привело к нарушению сложившегося в стране в дореволюционный период территориального разделения труда. По этой причине, в таком аграрном регионе как Северный Кавказ все больше развивалось кустарное производство. В городах и крупных станицах открывались мастерские по изготовлению и ремонту одежды, обуви и других предметов первой необходимости. Так, в начале 1921 г. в Краснодаре работало более 20 артелей: сапожных, чувячных, корзинщиков и белодеревщиков и других [7, с.462].

В кустарном производстве были, прежде всего, заняты прибывшие на территорию Северного Кавказа в условиях голода начала 1920-х гг. кустари из других регионов страны, а также иногородние крестьяне, не занимавшиеся сельским хозяйством. Следовательно, развитие кустарных промыслов способствовало ослаблению проблемы аграрного перенаселения Юга России, путем вовлечения в кустарное производство избыточного населения.

Значительного размаха кустарное производство достигло у горского населения Северного Кавказа. Наиболее распространенным его направлением было изготовление различных товаров из шерсти. Так, во многих селениях Балкарского округа в начале 1920-х гг. большая часть женщин занималась производством сукон и выделкой бурок [22, л.20].

Осознав роль и значение кустарного производства в решении проблем преодоления разрухи и развитии экономики, руководство большевистской партии приняло меры по вовлечению индивидуальных кустарей и ремесленников в организованное русло кооперации. Тем самым решались вопросы обеспечения контроля за деятельностью кустарей со стороны советского государства, а также осуществления их перевоспитания в духе коллективистских принципов организации труда. Вместе с тем, в условиях НЭПа кооперирование кустарей должно было происходить на добровольной основе, с использованием методов убеждения и демонстрации передового опыта кооперативной производственной деятельности.

Организационные начала промысловой кооперации были заложены в изданном 7 июля 1921 г. декрете ЦИК и СНК «О промысловой кооперации». Согласно декрету, трудящимся кустарных и иных промыслов в целях занятия однородным производством предоставлялось право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для ведения совместного производства.

К середине 1922 г. была сформирована организационная структура промысловой кооперации, которая с несущественными изменениями функционировала вплоть до ее ликвидации в начале 1960-х гг. Первичной единицей промысловой кооперации являлась артель. Высшим органом управления артели было общее собрание или собрание уполномоченных и правления. Собрание выбирало правление артели и ревизионную комиссию, а также решало основные организационные вопросы деятельности артели, а правление занималось повседневным ее управлением. Средний уровень организационной структуры промысловой кооперации составляли промысловые союзы, объединявшие артели по территориальному или производственному принципу. Собрание уполномоченных промсоюза избирало правление и ревизионную комиссию.

Центральным органом управления системы промысловой кооперации стал, образованный 4 мая 1922 г., Всероссийский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз). Кроме него, действовали еще три вновь образованных союза промысловой кооперации: Всероссийский кооперативный лесной союз, Всероссийский промыслово-кооперативный союз охотников, Всероссийский кооперативно-промысловый союз рыбаков, организационная структура которых была идентична Всекопромсоюзу.

Вместе с тем, повышению авторитета кооперативных союзов в глазах кустарей и ремесленников мешала ограниченность материальных средств, которые они могли выделять для оказания помощи своим членам. Это обстоятельство не способствовало увеличению численности кустарно-промысловой кооперации. Так, в составе Ставропольского губкустпромсоюза действовало лишь 40 артелей, большинство членов которых не уплачивали паевые взносы, что сказывалось на финансовой слабости самого союза [1, л.139].

Более успешными были результаты работы по объединению кустарей на территории Кубанской и Черноморских губерний, где в начале 1922 г. насчитывалось до 700 производственных объединений кустарей (артелей) с общим количеством 13437 членов, занятых в организованном производстве. Из этого количества в состав производственного Кубанского союза промысловых кооперативов входило 450 артелей [21, с.75].

В целом, в начале 1920-х гг. на Северном Кавказе кустарно-промысловая кооперация объединяла около 15% кустарей и ремесленников. При этом наблюдалась большая текучка и неустойчивость состава кооперативных объединений. Часть кустарей входила в общества, которые создавались для оказания им юридической и технической помощи и не являлись кооперативными объединениями [12, с.64].

Несмотря на ограниченность людских ресурсов и материальных средств, кустарно-промысловая кооперация стремилась к развитию своей хозяйственной деятельности. Одним из ее направлений стала реализация государственных заказов по производству тех или иных изделий. В целях организации этой работы в сентябре 1921 г. при областных и губернских отделениях Главкустпромов были созданы договорные комиссии, которые заключали договоры с артелями [17, л.9].

Объемы этих заказов были порой весьма значительны. Например, отделению Главкустпрома при промбюро Юга России был направлен заказ от Высшего Совета Народного Хозяйства по изготовлению 27 тыс. валенок для Красной армии [17, л.13]. Еще одним примером может быть заказ инспектора военной промышленности Донской области одной из ростовских мастерских, состоящей в Донском кооперативном товариществе кустарей и ремесленников, на производство 500 пудов дратвы [17, л.12].

Кроме получения заказов, производственные объединения кустарей сами проявляли инициативу в этом направлении. Например, в начале 1922 г. со стороны Кубано-Черноморского союза производственных кооперативов поступило предложение к отделу кожевенных изделий Главкустпрома на оформление заказа по производству 4 тыс. комплектов упряжи, 20 тыс. пар сандалий и 5 тыс. пар дамских боксовых штиблет [18, л.1].

Помимо обеспечения потребностей населения в товарах широкого потребления, промысловая кооперация способствовала восстановлению и развитию крупной промышленности, выполняя различного рода заказы фабрик и заводов по изготовлению оборудования, полуфабрикатов и т.д. Особенно большое значение имело кустарное производство для сельского хозяйства. С одной стороны, артели промкооперации поставляли сельхозкооперации и индивидуальным крестьянам инвентарь, тару, упряжь и многие другие необходимые в хозяйстве изделия, с другой стороны, многие из них были заняты в переработке сельхозпродукции. По балансу ЦСУ за 1923/24 хозяйственный год на долю кустарной промышленности в стране приходилось более 70% всего перерабатываемого промышленностью сельскохозяйственного сырья [13, с.6]. Для Северного Кавказа, который являлся крупнейшей житницей России, это направление кустарного производства имело особенно важное значение.

Несмотря на определенные успехи, в первой половине 1920-х гг. развитие артелей кустарно-промысловой кооперации проходило неустойчиво с частыми распадами коллективов и возобновлением индивидуальной деятельности, вышедших из них кустарей и ремесленников. Этот процесс усиливался по мере утверждения принципов НЭПа, в том числе введению порядка

хозрасчетной деятельности, в соответствие с которым кооперативные объединения не могли рассчитывать на получение безвозмездной государственной помощи и должны были рассчитывать на свои силы. В результате к 1924 г. в составе кустарно-промысловой кооперации в основном были артели, отличавшиеся внутренней устойчивостью и стабильностью в работе.

С целью укрепления позиций кустарно-промысловой кооперации, в соответствие с постановлением ЦК ВКП(б) от 10 августа 1925 г., она были включена в общие планы сырьевого снабжения промышленности. Кроме того, органы и учреждения государственной торговли должны были помогать в реализации кустарных изделий путем заключения генеральных договоров с кооперацией. Принятые меры способствовали повышению авторитета кооперации и увеличению числа производственных объединений, а также состоящих в них членов. За год, с октября 1924 г. по октябрь 1925 г., на территории Северного Кавказа количество промысловых кооперативов выросло с 285 до 555, а количество членов с 5026 до 10050 человек [9, с.38-45].

В 1926 г. в стране в основном завершился процесс восстановления мелкой промышленности. По сравнению с 1913 г. общая численность занятых в городской мелкой промышленности составляла 91,8%, а в сельской промышленности – 91,9% [20, с.20]. В мелкой и кустарно-ремесленной промышленности СССР в это время было занято более 2,9 млн. человек. Ее удельный вес по всей промышленности составлял 55% по числу рабочих и 30,3% по валовой продукции [10, с.31]. На территории Северо-Кавказского края согласно переписи 1926 г. количество занятых в кустарном и ремесленном производстве по сравнению с 1913 г. возросло с 80 до 160 тыс. чел., т.е. вдвое, а стоимость валовой продукции увеличилась с 200 до 410 млн. руб. [4, л.3].

Вместе с тем, абсолютное большинство кустарей и ремесленников продолжало осуществлять в это время индивидуальную деятельность и не стремилось к вступлению в промысловую кооперацию. В том числе, понижение конъюнктуры рынка на кустарные изделия во второй половине 1925/26 хозяйственного года и обложение кустарных промыслов сельскохозяйственным налогом сказалось на замедлении темпа кооперирования кустарей. К октябрю 1926 г. в РСФСР действовали 4200 артелей, объединявшие 257710 членов [13, с.14].

К этому времени по сравнению с прошлым годом количество союзов кустарно-промысловой кооперации на территории Северо-Кавказского края увеличилось с 4 до 9, количество артелей выросло с 555 до 1110, т.е. ровно вдвое, а количество входящих в их состав членов с 10050 до 23104 человек или в 2,3 раза. Однако в общем составе кустарно-ремесленной промышленности Северного Кавказа кооперированные кустари занимали лишь 5 % от общего числа работников [15, с.175].

Главной причиной такой ситуации являлось отсутствие у кооперативных союзов организационных и материальных возможностей по охвату разбросанных по различным населенным пунктам кустарей. Со стороны большинства кустарей также не проявлялось желания вступать в союзы, ввиду опасения потери хозяйственной самостоятельности и коммерческой выгоды.

В качестве примера можно привести попытки Терского кустарно-промыслового союза повысить эффективность воздействия на кустарей-одиночек. На своем учредительном съезде в октябре 1925 г. руководство союза поставило задачи укрепления единства кустарного движения, увеличения количества членов кооперации путем предоставления им различных льгот, а также возможностей использования принадлежащих союзу промышленных предприятий и торговых помещений [3, л.10-11].

Однако практическая реализация этих задач дала небольшой результат и Теркустпромсоюз по-прежнему уступал индивидуальному сектору кустарной промышленности в производстве продукции, которая составляла 15 % в общем объеме поступающих товаров [5, л.84]. Примерно такая же ситуация в деятельности союзов кустарно-промысловой кооперации складывалась и в других округах Северо-Кавказского края. Что касается автономных областей, то здесь подобные союзы отсутствовали и кустарное производство развивалось исключительно на индивидуальной основе.

В конце 1920-х гг. развитие кустарного производства все в большей степени начинает подчиняться задачам индустриализации и форсирования темпов социалистического строительства. Это влечет за собой окончательное включение кустарно-промысловой кооперации в структуру планового хозяйства. Анализируя процесс превращения советской кооперации из компонента рыночного хозяйства в одно из звеньев плановой экономики, Л.Е. Файн отмечает: «Плановое воздействие на кооперацию приобретает особенно жесткие формы ко времени разработки первого пятилетнего плана. Путь, согласно которому кооперация попыталась бы самостоятельно наметить главные вехи своего развития исходя из реальных возможностей и потребностей, был с самого начала отброшен самым категорическим образом. В основу составления пятилетнего плана развития кооперации были положены лимиты Государственной плановой комиссии и смежных с кооперацией госорганов – Наркомзема, Наркомторга и др.» [23, с.236].

Еще одной характерной чертой, происходящих в системе промысловой кооперации процессов являлось поголовное вовлечение в ее состав индивидуальных кустарей и ремесленников. В 1927 г. были изданы постановления, целью которых являлось стимулирование процесса объединения кустарей-одиночек. Так, в соответствие с положением о кооперативном кредите, утвержденном ЦИК СССР 18 января 1927 г., кредитные кооперативы, обслуживающие кустарей, включались в состав кустарно-промысловой кооперации и теперь могли предоставлять кредиты только кооперированным кустарям. Серьезным стимулом к вступлению в кустарно-промысловую кооперацию стало ее освобождение от промыслового и подоходного налогов, а также от гербового сбора и налога с обращаемых ценностей.

Согласно постановлениям СНК СССР от 3 и 31 мая 1927 г. кустарно-промысловая кооперация становилась организационным центром кустарной промышленности, что также повышало ее авторитет и полномочия. Этой же цели служило и новое положение о промысловой кооперации, утвержденное постановлением ЦИК СССР от 11 мая 1927 г., в котором более четко были выражены основные принципы ее деятельности [13, с.9-10].

В целом, внимание к развитию производственной кооперации начинает доминировать в теории и практике кооперативного строительства. Со стороны большевистской партии осуществлялись целенаправленные меры по поддержке и развитию различных видов производственных объединений, и в то же время ограничивались возможности индивидуальной деятельности. Это способствовало дальнейшему росту кооперированных кустарей. Например, в Ставрополе в 1927 г. действовали 17 артелей и одно кредитное товарищество, в которых работало 459 человек, что составляло 26 % общего состава кустарей. В этом году они изготовили и продали потребителям различных изделий на 557 тыс. руб. [19, с.154].

Происходящее в конце 1920-х гг. усиление административного давления в отношении кустарей-одиночек позволило увеличить количество членов промысловой кооперации. В 1928 г. промысловая кооперация СССР охватывала до 20 % всех занятых в кустарно-ремесленной промышленности [10, с.31]. В различных округах Северного Кавказа этот показатель составлял от 15 до 22 %.

Характерной чертой кооперативного строительства в это время становиться классовый подход, предусматривающий вовлечение в кооперацию бедняцко-середняцких слоев, при одновременном недопущении в ее состав зажиточных элементов. 3 сентября 1928 г. ЦК ВКП(б) издал постановление «О мерах по усилению кооперирования кустарей и о массовой работе кустпромкооперации», которое нацеливало местные органы на ускорение процесса кооперирования кустарей из числа бедняцко-середняцких слоев населения.

В ноябре 1928 г. от председателя правления Всекопромсоюза было направлено письмо правлениям кустарно-промысловых союзов и низовых кооперативов, в котором отмечалась недостаточная работа по кооперированию бедноты. Было также отмечено, что отчетно-перевыборная кампания 1928–1929 гг. должна быть использована для привлечения новых членов из бедноты, вовлечения бедноты на руководящую работу в промкооперативы. Особое значение придавалось предвыборным собраниям бедноты под руководством местных парторганизаций и инструкторов кустарно-промысловых союзов [6, л.53].

В результате применения этих мер удельный вес бедноты в кустарно-промысловой кооперации стал повышаться. Например, по сообщению Терпромкредсоюза, к началу апреля 1929 г. из 4496 членов артелей бедняки составляли 1166 человек, или около 26%. С учетом этих показателей явно непропорциональным было представительство бедноты в выборных органах артелей, которое составляло 62 %. С целью дальнейшего расширения участия бедноты в кустарно-промысловой кооперации на основе директив Всекопромсоюза была установлена рассрочка по выплатам задолженностей сроком до двух лет [6, л.15–16].

Одновременно были приняты меры по включению кустарей-одиночек и незарегистрированных артелей в состав союзов. Так, в Терском округе к маю 1929 г. обобществленный сектор кустарно-промысловой кооперации вырос с 32 % до 67 %, т.е. более чем вдвое. При этом доля кооперированных кустарей и ремесленников увеличилась с 23,8 % до 26,8 % [5, л.1].

Однако в короткий срок поставленную задачу по поголовному вовлечению в кооперацию кустарей-одиночек из числа бедноты и середняков реализовать не удалось и часть из них некоторое время продолжали осуществлять свою индивидуальную деятельность. Лишь к 1937 г. абсолютное большинство из кустарей-одиночек было вовлечено в кустарно-промысловые артели или было подвергнуто репрессиям, потеряв возможность самостоятельного хозяйствования.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг., в условиях утверждения административно-командной системы кооперация была полностью подчинена партийно-государственному аппарату. В связи с этим, были потеряны существовавшие в годы НЭПа элементы самостоятельности и самодеятельности коллективов артелей. Все они включались в плановую систему хозяйства и должны были выполнять установленные правительством и местными органами задания. Сохранение промысловой кооперации в качестве организационной структуры, объединяющей мелких производителей, было обусловлено стремлением советского государства обеспечить потребительский спрос

населения в товарах и услугах первой необходимости, при острой нехватке государственных средств и преимущественного их использования в целях индустриализации.

Вместе с тем, включив промысловую кооперацию в систему планового хозяйства, советское государство выделяло ей из централизованных фондов сырье, материалы, осуществляло финансирование, согласно утверждаемым сметам. Другим источником финансирования производственной деятельности промсоюзов и артелей оставались собственные фонды, формируемые за счет паевых взносов членов кооперации, отчислений от прибыли и других источников.

Упорядочились также взаимоотношения промысловой кооперации с сохранившимися видами кооперации. При этом с кооперацией инвалидов установились отношения сотрудничества при выполнении схожих задач производственного характера. В 1930-е гг. промысловая кооперация, наряду с рядом предприятий легкой промышленности и предприятиями местной промышленности, стала крупнейшим производителем товаров широкого потребления. Не случайно, в довоенный период и впоследствии широко использовался термин «кооперативная промышленность», под которым, прежде всего, подразумевалась деятельность промысловой кооперации, обеспечивающей около 80% всего кооперативного производства.

В такой обстановке система промысловой кооперации окончательно превращалась в подчиненный компонент административно-командной системы. Содержание и формы ее деятельности унифицировались в соответствии с принципами функционирования государственной промышленности. К их числу относились:

- во-первых, использование административных методов управления и централизованного планирования при организации деятельности промсоюзов и артелей;
- во-вторых, установление жестких требований к исполнительской и трудовой дисциплине руководителей и работников промысловой кооперации, соответствующих требованиям, действующих в государственной промышленности;
- в-третьих, широкое использование в кооперативном производстве различных форм организации социалистического соревнования с применением, действующих на промышленных предприятиях материальных и моральных стимулов повышения производительности труда.

Кроме того, в организации кооперативного производства использовались аналогичные промышленной организации принципы и требования в вопросах обеспечения охраны труда, повышения квалификации работников, социального страхования и многих других. Вместе с тем, особенностью промысловой кооперации, в отличии от государственной промышленности, являлось то, что в рамках административно-командной системы она сумела сохранить определенные элементы самостоятельности. Прежде всего это касалось первичного звена – артелей, коллективы которых обладали возможностями оперативной деятельности в вопросах изыскания сырья, использования трудовых ресурсов, привлечения собственных фондов в развитие производства и других. Определенную роль в сохранении относительно демократических отношений в коллективах артелей сыграли прежние традиции кооперативной жизни, а также сформировавшийся в годы НЭПа рыночный менталитет.

Таким образом, развитие кустарно-промысловой кооперации на Северном Кавказе в условиях НЭПа представляло собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, деятельность кустарей и ремесленников в составе кооперации приобрела более организованный характер, были сформированы и реализовывались на практике принципы сотрудничества между советским государством и мелким производителем. Артельное производство стало играть важную роль в хозяйственной жизни Северного Кавказа. С другой стороны, по причинам организационной слабости и ограниченности материальных средств кооперативные союзы не могли оказывать существенной помощи своим членам, что препятствовало расширению состава кооперации. Утверждение административно-командной системы на рубеже 1920-1930 гг. окончательно превратило кустарно-промысловую кооперацию в подчиненный элемент планового хозяйства.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-157. Оп.1. Д.38.
2. ГАКК. Ф. Р-263. Оп.1. Д.406.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1149. Оп.1. Д. 53.
4. ГАСК. Ф. Р-1149. Оп.1. Д.131.
5. ГАСК. Ф. Р-1149. Оп.1. Д.238.
6. ГАСК. Ф. Р-1149. Оп.1. Д.338.
7. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях: Материалы к летописи. Краснодар: Книжное издательство, 1993. 798 с.
8. Карташова М.В. Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. (1872–1917 гг.): статистика, локализация, государственная поддержка. Нижний Новгород: Кварц, 2018. 416 с.
9. Кооперация в 1923/24 году и в 1924/25 году. М.: ЦСУ СССР, 1928. 230 с.
10. Кооперация СССР за 10 лет. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1928. 330 с.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. В 16 т. Т. 2: 1917-1922. М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1983. 606 с.
12. Кустарно-промысловая кооперация в системе народного хозяйства СССР: Сборник материалов к XIV съезду РКП(б). М.: Всероссийский союз промысловой кооперации, 1925. 179 с.

13. Кустарная промышленность накануне XV съезда. М.: Всероссийский союз промысловой кооперации, 1927. 56 с.
14. Невская Т.А., Чекменёв С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. 166 с.
15. Панарин А.А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921-1929 гг.: монография. 2-е изд., испр. и доп. Армавир: РИО АГПУ, 2017. 336 с.
16. Пехтерев Ф. Центросоюз: Двадцать лет работы // Кооперативная жизнь. 1918. №6-7. С.3-10.
17. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.1691. Оп.2. Д.867.
18. РГАЭ. Ф.1691. Оп.2. Д.947.
19. Салфетников Д. А. Особенности промышленности Ставрополья и ее состояние в конце 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. №11. С.152-156.
20. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. М.: Радикс, 1995. 277 с.
21. Трифонович Л. Кустарно-ремесленная промышленность края и кооперация // Северо-Кавказский край. 1925. №2. С.70-81.
22. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р-43. Оп.1. Д.1.
23. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. 275 с.

References

1. State archive of Krasnodar terrotory (GAKK). F. R-157. Inv. 1. D.38. (In Russian).
2. GAKK. F. R-263. Inv. 1. D.406. (In Russian).
3. State archive of Stavropol territory (GASK). F. R-1149. inv. 1. D. 53. (In Russian).
4. GASK. F. R-1149. Inv. 1. D.131. (In Russian).
5. GASK. F. R-1149. Inv. 1. D.238. (In Russian).
6. GASK. F. R-1149. Inv. 1. D.338. (In Russian).
7. Ekaterinodar – Krasnodar. Dva veka goroda v datakh. sobytiyakh. vospominaniyakh: Materialy k letopisi (Ekaterinodar – Krasnodar. Two centuries of the city in dates, events, memories: materials for chronicles). Krasnodar: Knizhnoye izdatelstvo. 1993. 798 p. (In Russian).
8. Kartashova M.V. Kustarnyye promysly Rossiyskoy imperii v posledney treti XIX – nachale XX v. (1872–1917 gg.): statistika. lokalizatsiya. gosudarstvennaya podderzhka (The handicrafts of the Russian Empire in the last third of the XIX - early XX century. (1872-1917): Statistics, Localization, State Support). Nizhniy Novgorod: Kvarts. 2018. 416 p. (In Russian).
9. Kooperatsiya v 1923/24 godu i v 1924/25 godu (Cooperation in 1923/24 and in 1924/25.). Moscow: TsSU SSSR. 1928. 230 p. (In Russian).
10. Kooperatsiya SSSR za 10 let (Cooperation of the USSR for 10 years). Moscow: Publishing house of communist Academy, 1928. 330 p. (In Russian).
11. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov. konferentsiy i Plenumov TsK (1898-1988) (Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee) / ed by A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov. In 16 Vols. Vol. 2: 1917 – 1922. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, 1983. 606 p. (In Russian).
12. Kustarno-promyslovaya kooperatsiya v sisteme narodnogo khozyaystva SSSR: Sbornik materialov k XIV syezdu RKP(b) (Handling cooperation in the system of national economy of the USSR: Collection of materials for the XIV Congress of the RCP (b). Moscow: All-Russian Union of Industrial Cooperation (In Russian).tion, 1925. 179 p.
13. Kustarnaya promyshlennost nakanune XV syezda (Handicraft industry on the eve of the XV Congress). Moscow: All-Russian Union of Industrial Cooperation, 1927. 56 p. (In Russian).
14. Nevskaya T.A, Chekmenev S.A. Stavropolskiye krestiane. Ocherki khozyaystva. kultury i byta (Stavropol peasants. Essays of farm, culture and life). Pyatigorsk: TOO «Kint». 1994. 166 p. (In Russian).
15. Panarin A.A. Evolyutsiya kooperatsii na Donu i Severnom Kavkaze v 1921-1929 gg. (The evolution of cooperation on the Don and the North Caucasus in 1921-1929). Armavir: RIO AGPU. 2017. 336 p. (In Russian).
16. Pekhterev F. Tsentrosoyuz: Dvadtsat let raboty (Centrosoyuz: Twenty years of work) // Kooperativnaya zhizn. 1918. No. 6-7. P.3-10. (In Russian).
17. Russian state archive of economy (RGAE). F.1691. Inv. 2. D.867. (In Russian)..
18. RGAE. F.1691. Inv. 2. D.947. (In Russian).
19. Salfetnikov D.A. Osobennosti promyshlennosti Stavropolia i eye sostoyaniye v ontse 1920-kh gg. (Features of the Stavropol industry and its condition in the late 1920s.) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. No.11. P.152-156. (In Russian).
20. Tarnovskiy K.N. Melkaya promyshlennost dorevolyutsionnoy Rossii. Istoriko-geograficheskiye ocherki (Small industry pre-revolutionary Russia. Historical and geographical essays). Moscow: Radiks. 1995. 277 p. (In Russian).
21. Trifonovich L. Kustarno-remeslennaya promyshlennost kraya i kooperatsiya (Handicraft industry in the krai and cooperation) // Severo-Kavkazskiy kray. 1925. No.2. P.70-81. (In Russian).
22. Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic. F.R-43. Inv.1. D.1.
23. Fayn L.E. Otechestvennaya kooperatsiya: Istoricheskiy opyt (Domestic cooperation: historical experience). Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet. 1994. 275 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир, Россия) / panarin. arm@mail.ru

Information about the author

Panarin Andrey A. – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russia) / panarin.arm@mail.ru

CC BY

УДК 947.8(470.62) (470.63)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.10

Н. В. Романова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАВРОПОЛЬСКОГО И КРАСНОДАРСКОГО ОТДЕЛЕНИЙ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ НОВОЙ ОБЩНОСТИ «СОВЕТСКИЙ НАРОД» В УСЛОВИЯХ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА (1956-1964 гг.)[1]

В данной статье рассматривается деятельность Ставропольского и Краснодарского отделений Союза писателей в контексте нового политического курса 1956-1964 гг. Опираясь на анализ архивных источников и материалы центральной и местной периодики, автор показывает специфику культурной политики партийно-государственного руководства в контексте ее реализации на местах на примере деятельности региональных отделений Союза писателей.

В работе подробно анализируется материал о приближении столичной творческой интеллигенции к нуждам региональных работников культуры. В данном контексте, интересен материал о проведении в июне 1964 г. в Краснодарском крае Пленума Правления Союза писателей РСФСР. Главным в повестке дня Пленума был вопрос «Проблемы современного села в творчестве писателей Российской Федерации». До открытия Пленума, в духе того времени, когда был популярен тезис о сближении деятелей культуры с жизнью тружеников города и села, гости побывали в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях края.

Автор уделил внимание такой проблеме как тематика литературных произведений. В статье показано, что практически вся творческая деятельность была подчинена партийным решениям и указаниям. Непременной партийной обязанностью каждого писателя аграрного региона было непосредственное его участие в претворении в жизнь решений ЦК КПСС, посвящая свое творчество передовым людям сельскохозяйственного производства. Так, партийная аграрная политика легла в основу произведений таких писателей, как М. Усов, А. Исаков, П. Денисенко, И. Чумак.

В статье представлен интересный материал о травле Б. Пастернака в региональных организациях писателей после присвоения ему Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго». К этим кампаниям в обязательном порядке привлекались региональные отделения Союза писателей. Свою лепту внесли и писательские объединения Кубани и Ставрополья. Автор показал, как в конце октября 1958 г. в Ставропольском отделении Союза писателей было организовано собрание писателей и литературного актива. Поводом для этого стали статья Д. Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка», помещенная в газете «Правда» от 26 октября.

В рамках данной статьи поднят вопрос о признании региональной литературы, о чем свидетельствовали дни кубанской культуры в Москве 16–17 апреля 1961 г. О таком признании свидетельствует и публикация Ставропольского литератора С. Бабаевского В журнале «Юность» новой его повести «Сухая буйвола».

Ключевые слова: Союз писателей, художественная интеллигенция, «оттепель», общественная жизнь, культурная политика, южная провинция, марксистско-ленинская идеология.

Для цитирования: Романова Н. В. Деятельность Ставропольского и Краснодарского отделений Союза писателей как средство укрепления новой общности «советский народ» в условиях нового политического курса (1956 – 1964 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 84–92. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.10

Nina V. Romanova

ACTIVITIES OF THE STAVROPOL AND KRASNODAR BRANCHES OF THE UNION OF WRITERS AS A TOOL OF STRENGTHENING THE NEW COMMUNITY «SOVIET PEOPLE» IN THE CONDITIONS OF A NEW POLITICAL COURSE (1956-1964)[2]

The article examines the activities of the Stavropol and Krasnodar branches of the Writers' Union in the context of the new political course of 1956-1964. Based on the analysis of archival sources and materials from central and local periodicals, the author shows the specifics of the cultural policy of the party and state leadership in the context of its implementation on the ground using the example of the activities of the regional branches of the Writers' Union.

The article analyzes in detail the material on the approach of the capital's creative intelligentsia to the needs of regional cultural workers. In this context, the material about the holding in June 1964 in the Krasnodar Territory of the Plenum of the Board of the Writers' Union of the RSFSR is interesting. The main issue on the agenda of the Plenum was "Problems of the modern village in the works of the writers of the Russian Federation". Before the

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От «нового человека» до «советского народа»: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917 – 1985 годы)»

2 The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43048 "From "new man" to "Soviet people": ideology, experience, problems of the Soviet project. 1917–1985".

opening of the Plenum, in the spirit of the time when the thesis about the rapprochement of cultural workers with the life of city and village workers was popular, the guests visited collective and state farms, industrial enterprises of the region.

The author paid attention to such a problem as the subject of literary works. The article shows that practically all creative activity was subordinated to party decisions and instructions. The indispensable party duty of every writer of the agrarian region was his direct participation in the implementation of the decisions of the Central Committee of the CPSU, devoting his work to the progressive people of agricultural production. Thus, the party's agrarian policy formed the basis for the works of such writers as M. Usov, A. Isakov, P. Denisenko, I. Chumak.

The article presents interesting material about the persecution of B. Pasternak in the regional organizations of writers after he was awarded the Nobel Prize for the novel Doctor Zhivago. The regional branches of the Writers' Union were necessarily involved in these campaigns. The writers' associations of the Kuban and Stavropol regions also contributed. The author showed how at the end of October 1958 a meeting of writers and literary activists was organized in the Stavropol branch of the Writers' Union. The reason for this was the article by D. Zaslavsky «The noise of reactionary propaganda around the literary weed», published in the newspaper «Pravda» on October 26.

Within the framework of this article, the issue of the recognition of regional literature was raised, as evidenced by the days of Kuban culture in Moscow on April 16-17, 1961. This recognition is evidenced by the publication of the Stavropol writer S. Babaevsky in the magazine «Yunost» of his new story «Suhaya Buivola».

Key words: Writers' Union, artistic intelligentsia, « Khrushchev thaw», social life, cultural policy, the southern province, Marxist-Leninist ideology.

For citation: Romanova N. V. Activities of the Stavropol and Krasnodar branches of the Union of writers as a tool of strengthening the new community «Soviet people» in the conditions of a new political course (1956-1964) // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 84–92. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.10

Данная тема, на наш взгляд, является весьма актуальной, поскольку в современной исторической науке история советского общества второй половины XX в. находится в стадии активной разработки. Особый интерес представляет сравнительное изучение системы отношений между высшей властью и элитой советской творческой интеллигенции, а также характера взаимодействия региональной власти и местной художественной интеллигенции с точки зрения интеллектуальной и социальной истории.

Изучение этого вопроса в наши дни приобретает практическую актуальность, так как позволяет более взвешенно подходить к выработке региональной культурной политики в современных условиях, учитывая, как позитивный, так и негативный опыт во взаимоотношениях органов власти с представителями художественной культуры.

Цель работы – на основе анализа источников и литературы, показать особенности реализации культурной политики СССР эпохи «оттепели» в Ставропольском и Краснодарском краях, на примере деятельности региональных союзов писателей. Для достижения поставленной цели в статье рассматриваются основные направления работы литературных объединений южной провинции в контексте официальных идеологических установок.

В середине 1950-х гг. начался новый этап в жизни страны, который положил начало периоду духовного развития советского общества, именуемому «оттепелью». С одной стороны, это было время смягчения цензурного контроля, расширение творческих возможностей интеллигенции, открытие новых литературных изданий. С другой стороны, новые идеи, новые методы пробивали дорогу с трудом, моменты послабления постоянно сменялись идеологическим ужесточением.

На Кубани и Ставрополье эта противоречивость проявлялась менее отчетливо, поскольку здесь новые идеи и настроения коснулись литературного процесса гораздо меньше. В местных писательских организациях реакция на решения XX съезда партии была совершенно прогнозируемой и соответствовала традициям сталинского времени. Менялись акценты, общие установки, но терминология осталась прежней: «задачи в свете решений партии», «изучение материалов пленума, съезда». В то же время появилась новая лексика: «культ личности», «коллегиальность», «свобода творчества».

Известная партийная установка на то, что литераторы работают для народа, приобрела новую окраску. Особой популярностью стал пользоваться тезис о сближении деятелей культуры с жизнью тружеников города и села, о приближении столичной интеллигенции к нуждам региональных работников культуры. Так 22 марта 1956 г. в работе заседания Ставропольского отделения Союза писателей, посвященного итогам работы семинаров поэзии и прозы, принимала участие бригада московских коллег во главе с поэтом-песенником М.С. Лисянским [7, л.5]. На семинаре молодых критиков, поэтов и прозаиков 13-15 мая 1958 г. в Ставрополе принял участие председатель Оргкомитета писателей РСФСР писатель Л.С. Соболев [21, с.16].

В 1960-е гг. приветствовались выездные совещания всесоюзных и республиканских творческих союзов. Так, в начале июня 1964 г. в Краснодарском крае состоялся Пленум Правления Союза писателей РСФСР. Для региона это было очень значительным событием. Проведение данного республиканского форума на хлеборобной Кубани было не случайным. На нем обсуждался вопрос «Проблемы современного села в творчестве писателей Российской Федерации». За три дня до

начала для участия в его работе прибыли широко известные читательской аудитории прозаики и поэты: Леонид Соболев, Гумер Баширов, Сергей Викулов, Федор Абрамов, Лидия Фоменко [18, с.1].

До открытия Пленума, в духе того времени, гости побывали в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях, чтобы непосредственно познакомиться с кубанскими тружениками. На открытии Пленума 9 июня с докладом «Проблемы современного села в творчестве писателей Российской Федерации» выступил критик Лев Якименко. В докладе содержались общие фразы о «путах культа личности», о «гигантской работе партии». Интересно, как понимали чиновники от литературы новизну в художественной культуре: «Новое в литературе рождается из ощущения грандиозности и неповторимости того, что происходит в нашей стране» [23, с.1]. Творчество писателей связывалось не с индивидуальным талантом, зоркостью художника, а с социальными и политическими изменениями в обществе.

В то же время о неизменности идеологического надзора над художественным творчеством свидетельствовало участие в работе пленума заместителя заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС по промышленности РСФСР З. П. Тумановой, секретарей Краснодарского промышленного и сельского крайкомов КПСС В. В. Заборского, В. Я. Соловьева, Г. И. Кинелева, А. Н. Дмитрюка, а также первого секретаря Адыгейского обкома КПСС Н. А. Берзегова.

Таких примеров, которые, с одной стороны, демонстрировали оживление литературного процесса на местах, а с другой стороны, свидетельствовали о незыблемости партийного контроля, можно привести множество. В сентябре 1958 г. был проведен семинар детских писателей юга РСФСР, в котором работали авторы Краснодарского и Ставропольского краев, Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Ростовской области, а так же бригада московских и ленинградских писателей. Такое творческое содружество способствовало активизации художественного процесса.

В то же время его работа проводилась в русле партийных решений, под покровительством местных партийных органов. Один из организаторов семинара С. Баруздин в письме одному из руководителей Кубанской писательской организации напоминал: «Пора начать деятельную подготовку к семинару детских писателей юга РСФСР. Мы обратились в Краснодарский Крайком КПСС с письмом, в котором просили оказать помощь в подготовке Вашему отделению» [4, л.4].

На наш взгляд, 1950-е гг. принесли советской литературе вовсе не смену художественной парадигмы, а лишь попытку расширить возможности метода социалистического реализма. Главным предметом размышлений писателей стала «правда жизни», которая разными литераторами понималась по-разному. Для одних этот дискурс предполагал критическое изучение действительности. Для других он означал уже принятую властью истину («наша правда»), с которой сравниваются впечатления художника о действительности, и дается оценка повествования.

Именно этот второй подход был характерен для официальной литературы регионов. Узко понятый поворот к современной жизни приводил к тому, что тематика многих произведений писателей Кубани и Ставрополья сводилась к производственным сюжетам, связанным с сельским хозяйством. Так в статье С. Бабаевского, опубликованной 13 мая 1958 г. в «Ставропольской правде», в качестве главной заслуги писательской организации Ставропольского края отмечался наряду с активизацией молодых литераторов поворот к современной теме, «к теме о чабанах» [25, с.2].

Современник с его трудовыми буднями был в центре повествования Кубанских литераторов. За 1960 и 1961 гг. вышли книги «Твой след на земле» В. Пальмана, «На то она и любовь» В. Логинова, «Ильюшина вода» А. Мищека, «Покоя не ищем» Ю. Абдашева, которые были посвящены труженикам сельского хозяйства. О романтике далеких скитаний геологов, вулканологов, о трудной и опасной работе рыбаков говорилось в произведениях Л. Пасенюка «Семь спичек», «Перламутровая раковина», «Иду по огненному мосту». П. Шурыгин в своей книге «Человек ищет счастье» рассказал о строителях Братской ГЭС.

В контексте такого понимания «правды жизни» следует рассматривать открытое письмо, с которым в 1958 г. писатели Ставрополья и Кубани обратились к общественности. В этом послании с символическим названием «Писатели семилетке!» писательское мастерство рассматривалось как средство служения коммунизму: «Мы взвесили наши возможности и пришли к выводу, что если каждый из нас напишет в ближайшее время очерк, рассказ, то внесет свой скромный вклад в дело строительства коммунизма. Нет благороднее и выше задачи, чем задача, стоящая перед нашим искусством, запечатлеть героический подвиг народа – строителя коммунизма» [3, л.67]. Главный мотив этого официозного текста состоял в том, что каждый литератор «должен подчинить свои планы» всенародным задачам семилетки. Как видим, ни о какой тайне творчества, художественной индивидуальности, критическом анализе бытия речь не шла.

В июле 1957 г. на отчетно-выборном собрании писателей Ставрополья критика недостатков велась с позиций главной задачи, которую выдвинул Союз писателей – борьба за высокую идейность и мастерство в творчестве каждого писателя. Бюро краевого отделения возложило на

себя ответственность за то, что в коллективе литераторов не было необходимой для творческого процесса атмосферы. Речь шла не о свободе творчества, не о возможности художественной реализации писательской индивидуальности, а о возможности добиться «партийной принципиальности, высокой ответственности перед партией и народом за идейно-художественную ценность их произведений» [11, л.21].

В традициях официального стиля работы писательских организаций каждый партийный съезд или пленум сопровождался декларациями о верности художественной интеллигенции партии и народу, благодарностями в адрес власти. В 1959 г., за несколько дней до открытия XXI съезда КПСС на своем собрании писатели Ставрополья приняли резолюцию, в которой прозвучали интонации времен 1930-х гг.: «Мы глубоко понимаем свою великую миссию – помощников партии в деле коммунистического воспитания трудящихся, миссию инженеров человеческих душ. Мы не пожалеем сил для того, чтобы выполнить эту миссию. Порукой этому всегда была и будет забота коммунистической партии о нас писателях» [9, л.23].

Тематика произведений зачастую определялась партийными решениями. Например, указания ЦК по подъему сельского хозяйства легли в основу создания новых художественных произведений ставропольских писателей. Б. Речин, Д. Рельский, И. Чумак работали над книгами о передовых людях сельского хозяйства. Один из документов Ставропольской писательской организации за 1961 г. утверждает, что непременной партийной обязанностью каждого писателя является непосредственное участие в претворении в жизнь решений Пленума ЦК путем создания рассказов, очерков, стихов о передовых людях сельскохозяйственного производства. Дело доходило до прямого планирования писательского труда. Например, было запланировано: «в течение февраля, марта и последующие этапы борьбы за урожай создают очерки М. Усов о людях совхоза «Советское руно», В. Туренская о выпускниках в колхозах, А. Исаков – поэтический репортаж о кукурузоводе П. Денисенко, И. Чумак «Сыновья лауреата», Н. Чудин «Коммунисты колхоза «Октябрь» Курсавского района» [14, л.3]. Вот так в приказной форме, не задумываясь о желании и творческом вдохновении, руководство направляло действия творческой интеллигенции Ставрополья.

Писатели, входившие в состав Союза, ограничивались задачами, которые ставили перед ними местные партийные органы. В решении Бюро Ставропольского краевого комитета партии от 4 сентября 1962 г. [16, л.12] говорилось о том, что писателям необходимо усилить организационно-воспитательную роль своей организации, приблизить ее к жизни, к тем задачам, которые стояли перед краем в осуществлении решений последнего XXII съезда КПСС. Литераторы, по мнению местной партийной власти, должны иметь в виду главное – неустанную плодотворную работу каждого писателя, повышение степени его художественного мастерства, активное участие их в общественной жизни, постоянную связь интеллигенции с людьми производительного труда, глубокое изучение сложных процессов, происходящих в городе и деревне.

Как и в прежние времена, политико-массовая работа писателей оставалась важным показателем успешной работы региональных писательских отделений. Встречи с читателями, конференции, выступления литераторов непосредственно на производстве стали в те годы массовым явлением. Эта работа велась не «по велению сердца», а по приказу сверху. К примеру, после XXI съезда партии Ставропольский крайком КПСС возложил на писателей региона конкретную задачу пропаганды решений партийного форума. По плану краевого комитета партии писатели выехали в сельские районы с чтением лекций, проведением политических бесед среди тружеников села. Так И. Чумак вел такую работу на Черных землях в течение 13 дней. Более того, писатель подготовил информацию о недостатках в обслуживании чабанов, направленную в отдел пропаганды крайкома КПСС. До приезда И. Чумака чабаны ничего не знали о прошедшем съезде: «Местное руководство к чабанам не заглядывает. Они даже не слышали о том, что XXI съезд КПСС уже прошел» [12, л.11].

Таким образом, творческая интеллигенция занималась обычной партийной пропагандой, не имеющей ничего общего с литературным трудом. Безусловно, писатели в этих поездках близко знакомились с советской реальностью, которая лишь в рамках дозволенного могла быть отражена в их произведениях. Такая фиксация действительности была далека от сложности творческого процесса.

Согласно традициям пропагандистских кампаний в районы, хозяйства и на предприятия писатели отправлялись специально сформированными группами. В составе такой группы в Петровский район, например, ездил М. Усов. По мнению Бюро Ставропольского отделения Союза писателей такие поездки литераторов помогали воплощать в жизнь призыв партии «за тесную связь литературы с жизнью». Подобные бригады писателей для проведения бесед о семилетке и попутно для творческих отчетов разъезжали по краю в течение всего 1959 г.

Идея связи творческой интеллигенции с жизнью понималась чиновниками от литературы буквально и сводилась к демонстрационным мероприятиям. К примеру, в конце 1950-х гг. стало модным проводить краевые собрания писателей

в передовых колхозах края [13, л.3]. Любое политическое мероприятие не обходилось без участия писательской организации. Выборы в местные Советы депутатов трудящихся в 1959 г. сопровождались публицистическими, прозаическими и поэтическими выступлениями местных литераторов на страницах прессы, по радио, проводились вечера политической лирики на избирательных участках в Ставрополе, Пятигорске, Невинномысске. В 1961 г., когда была принята III Программа КПСС, членами Ставропольского отделения писательского Союза было организовано 200 встреч на предприятиях, в колхозах, в народных университетах, лекториях, учебных заведениях. В связи с решениями Пленума ЦК КПСС, посвященного идеологическим вопросам, Ставропольское отделение Союза писателей решило организовать коллективные выезды писателей и журналистов в села края, а также провести ряд встреч с читателями Невинномысска, Нефтекумска, Ставрополя.

Такую же картину мы видим и в Краснодарском крае. Встречи кубанских писателей с тружениками сельского хозяйства проводились регулярно. Так в Славянском районе побывали А. Панферов и В. Бакалдин, в Брюховецкий район ездил И. Беляков, В. Монастырев провел встречи в Темрюкском районе [2, с.3]. В 1962 г. писатели Кубани активно участвовали в проведении выборной кампании в Верховный Совет СССР, выступая в печати, на радио, телевидении, в колхозах и совхозах.

С отставкой Н.С. Хрущева осенью 1964 г. мало, что изменилось в этом направлении. Как и прежде, писателям регионов было настойчиво рекомендовано более активно «включаться в оперативную работу по освещению такой важной компании, как жатва хлебов» [17, л.16]. Как и раньше, были организованы бригады для очередных поездок в районы, для написания очерков на темы орошения, лесопосадок в районах Ставрополья и Кубани.

Участие в общегосударственных политических мероприятиях было обязательным для официальных членов Союза. В некоторых случаях именно писательские организации выступали инициаторами таких мероприятий, правда, по подсказке сверху. Например, писатели активно участвовали в создании Фонда защиты мира. В апреле 1959 г. Бюро Ставропольского отделения Союза советских писателей устроило платный литературный вечер, и весь сбор денежных средств был внесен в Фонд защиты мира в госбанк на счет №70021[12, л.34].

Однако было бы опрометчиво сводить массовую работу писательских организаций только к пропаганде политических решений власти. Важным аспектом этой деятельности была и популяризация произведений местных писателей и поэтов среди населения регионов. Так, большой популярностью пользовалось на Кубани проведение «Литературных недель». Такая неделя прошла, например, с 6 по 12 мая 1960 г. Адыгейские писатели встретились с жителями Краснодара, а общество по распространению политических и научных знаний – «Знание» совместно с местным педагогическим институтом организовало чтение лекций о творчестве кубанских писателей.

Еще одним ярким примером может служить проведение недели «Кубань литературная» в июле 1963. В городском парке Краснодара был организован общегородской литературный вечер. Перед собравшимися горожанами и гостями города выступали поэты В. Подкопаев, С. Хохлов, И. Варрава, а также начинающие авторы И. Савченко, В. Щербина. В литературной неделе Кубани также участвовали московские гости писатель А. Ференчук и драматург Д. Девятов. Вместе с местными литераторами они выезжали в сельскохозяйственные районы края для проведения творческих отчетных встреч с тружениками края [22, с.1].

Несмотря на то, что на Ставрополье и Кубани духовная атмосфера отличалась консерватизмом и определялась в значительной мере официальными действиями писательских организаций, интеллектуальные бури столиц затронули и юг России. К сожалению, в архивах отсутствует материал о неформальных литературных течениях в исследуемых регионах, но даже документы региональных отделений Союза писателей дают некоторые свидетельства о дискуссиях и настроениях писателей под воздействием «оттепели».

Любопытно, что некоторыми литераторами критика культа личности не была сразу воспринята как глубокий духовный кризис общества. Они видели в ней очередную политическую кампанию, каких было много на их веку. На собрании, посвященном итогам работы XX съезда партии, один из писателей, подняв вопрос о критике, свел все причины неблагополучия в этом деле к культу личности: «критика впала в положение благополучия, и причина этого в культе личности» [7, л.6]. Слабость работы Ставропольских критиков выступающий увидел не в творческом застое, а в утрате ими черт пропагандиста.

Подобного рода политические кампании нередко использовались в творческой среде для сведения личных счетов. Так по началу случилось и в Ставропольской писательской организации. На упомянутом собрании критике подверглось руководство Ставропольского отделения Союза писателей. В. Туренскую обвинили в создании собственного культа: «Культ личности есть и у нас, проявляется он в самых разных формах. Вот в рецензии т. К. Черного о В. Туренской стоит связь творчества В. Туренской с классиками» [7, л.6].

В целом на собрании Ставропольских писателей было принято решение о необходимости отрезвления признанных литераторов от посто-

янного восхваления. В частности, речь шла о необходимости большей коллегиальности в работе бюро краевого отделения Ставропольского Союза писателей», о привлечении всех членов данного объединения и широкого писательского актива к решению всех вопросов. В то же время обращение к «правде жизни» писательский коллектив понимал, как создание новых произведений о людях колхозного села и рабочем классе.

В иной тональности прошло заседание краснодарских писателей по итогам XX съезда партии. В выступлении председателя Правления Краснодарского отделения Союза писателей А. Панферова прозвучала критика в адрес такого «тематического» понимания приближения писателей к жизни: «при всей актуальности некоторых произведений, все же по-прежнему резко бросается в глаза тематическая узость творчества местных писателей. Объясняется это узостью кругозора, а в известной мере и соображениями конъюнктуры: коль Кубань фабрика молока и мяса, то и книги нужны здесь о сельском хозяйстве» [1, с.3].

Маловероятно, что в литературной среде этих регионов господствовало полное единодушие по поводу проходивших перемен. Ведь эта среда не ограничивалась только членами Союза. В 1959 г. в Краснодарском крае под «присмотром» местного отделения Союза писателей функционировало 14 литературных групп. Кроме того, работали три литературных объединения. В Сочи такое объединение действовало при редакции газеты «Красное знамя» в составе 23 человек. В литературном объединении в Новороссийске при редакции газеты «Новороссийский рабочий» работали 14 человек, а в Краснодаре при редакции «Комсомолец Кубани» - 29 человек [4, л.83]. Именно эта не «охваченная» членством интеллигенция была наиболее восприимчива к новым духовным исканиям, хотя данные об этих литературных группах сохранились в мизерных количествах.

Тем не менее, страсти противостояния консерваторов и сторонников свободного творчества в основном бушевали в столицах, но долетали и до провинции. При этом нетерпимость к нестандартно мыслящим художникам была более яростной со стороны региональных отделений творческих союзов. Примером тому может служить краевое собрание Ставропольской художественной интеллигенции в 1957 г., в котором приняли участие около 200 человек [11, л.12]. С докладами выступили руководители всех творческих организаций Ставрополья. Это и председатель краевого отделения Советских писателей С.П. Бабаевский, и председатель Правления Ставропольского отделения Союза художников СССР И.Ф. Горбунов.

Эти доклады стали сигналом для грубой критики писателей П. Мелибеева и В. Гнеушева. Разносу в духе сталинских времен подверглась повесть П. Мелибеева «Если рядом друзья». Разговоры о «правде жизни» вошли в противоречие даже со слабой попыткой отобразить реальность во всем ее не приглаженном многообразии. Маститые коллеги усмотрели в ней «серьезные недостатки», прежде всего, из-за непривлекательного образа директора школы, который «разговаривая с учениками, допускал ругань и оскорбительные выкрики». По мнению руководителей правления Ставропольского отделения Союза писателей, прозаик, задумав создать художественное произведение о школе, «пошел не от жизни, не от изучения процессов обучения советских детей, а от личного умозрения. В итоге получился искаженный показ жизни советской школы». Приговором стало заявление, что в советской стране не может быть такого директора школы.

В штыки были приняты и стихи молодого поэта В. Гнеушева, который попытался передать сложную атмосферу тех дней. В частности, в стихотворении «У перекрестков» автор попытался возродить мотив извечной поэтической темы «художник и толпа». Используя современные образы уличного движения, В. Гнеушев говорит о состоянии общественной жизни, о сложности положения творческого человека, который не вписывается в общепринятые нормы и догмы:

Перемигнулись красные огни –
И всех людей они остановили.

Герой, посмевший переходить улицу на красный свет, подвергается осуждению толпы. В его строках чувствуется понимание «оттепели» как возможности творческого самовыражения:

Я думаю, что не было у нас
Такого солнца, бьющего в глаза,
Такой любви и ясности огромной
Лишь потому, что не хватало сердца,
Хотя бы раз пойти на красный свет
И нарушенья правил не бояться.

Благородное собрание признанных и обласканных литераторов, которым совсем неплохо жилось в рамках официально отмеченных границ, возмутилось: куда и к чему призывал поэт? Нарушать общепринятые людьми правила жизни, возведя этот факт в героизм. Идеологическое чутье подсказывало, что зарождался пусть робкий, но протест против существовавшей системы.

В печати была развернута кампания по осуждению «срывов» молодого поэта. Новое стихотворение поэта «Не надо стричь деревья», опубликованное в «Молодом ленинце» 13 апреля 1958 г., вызвало новую волну гнева блюстителей идеологической чистоты. Было заявлено, что В. Гнеушев вместо того, чтобы проникнуться «достаточным чувством ответственности за свое творчество», вольно или невольно продолжил линию своих порочных «перекрестков» [11, л.14].

Казалось бы, все вышесказанное демонстрирует неизменность официальной политики в отношении деятелей культуры. На самом же деле

перемены, несомненно, произошли. Как бы ни была болезненна, а порой и несправедлива критика, дело теперь не доходило до репрессий и полного уничтожения художника, хотя его творческая свобода и ограничивалась. Так, в отношении к В. Гнеушеву Правление использовало меры убеждения, стараясь направить его на «верный» путь. В последствии его стихи продолжали публиковаться, в частности, его книга «Синяя птица», а в 1970-е гг. он занял одно из ведущих мест в литературе Ставрополья.

В то же время в отношении неугодных художников официальная власть организовывала широкомасштабные спектакли их всенародного осуждения. К этим кампаниям в обязательном порядке привлекались региональные отделения Союза писателей. Например, всесоюзный размах получила в 1958 г. кампания травли Б. Пастернака, после присвоения ему Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго». Свою лепту внесли и писательские объединения Кубани и Ставрополья.

В конце октября 1958 г. в Ставропольском отделении Союза писателей было организовано собрание писателей и литературного актива. Поводом для этого стали статья Д. Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка», помещенная в газете «Правда» от 26 октября и письмо членов редколлегии журнала «Новый мир», опубликованное в Литературной газете», и обращенное Б. Пастернаку по поводу рукописи его романа «Доктор Живаго» [9, л. 27]. В резолюции собрания в сталинских традициях и в сталинских же выражениях ставропольские писатели выразили глубокое возмущение «враждебной по отношению к советскому народу вылазкой» Б. Пастернака, передавшего рукопись «антисоветского» романа зарубежным издательствам.

Сейчас, когда мы знаем содержание романа, кощунственно звучат обвинения в антисоветизме, клевете на советскую власть. Ничего этого в тексте произведения нет, поэтому становится очевидной конъюнктурность и организованность всех громких обвинений в адрес великого поэта: «В этом, с позволения сказать «произведении» Б. Пастернак злобно клевещет на нашу социалистическую действительность… Мы писатели и литературный актив краевого центра, выражаем свое презрение Иуде-Пастернаку». Основной целью всех этих фальсификаций, санкционированных сверху, было отлучение Б. Пастернака от сообщества литераторов страны. В связи с этим обязательным элементом этих позорных спектаклей было предложение об исключении Б. Пастернака из членов Союза писателей. Такое постановление приняли и писатели Ставропольского края: «Просить правление Союза писателей СССР исключить как опозорившего высокое звание советского писателя. Заклеймить позором злобного врага нашего народа поэта-декадента». Кроме того, местные писатели просто обязаны были заверить власть в своей преданности социалистическому реализму как «испытанному методу» советской литературы [26, с.86].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. произошло кадровое и творческое обновление региональных Союзов писателей. Только за 1956/57 г. в Ставропольскую организацию было принято три человека, переведено из кандидатов в члены – два человека и рекомендовано для приема в члены Союза еще трое [8, л.20]. На начало 1958 г. в крае работали 37 членов Союза писателей СССР [10, л.5]. Кроме того, литературная организация Ставрополья в 1963 г. имела в своем составе еще 12 членов Союза писателей РСФСР [20, с.3].

На июльском 1957 г. собрании краевой организации было обновлено Правление Союза: заместителем председателя был избран поэт А. М. Исаков, ответственным секретарем В. Марьинский. В Правление были введены представители национальной литературы Н. Капиева и А. Охтов. Немаловажным свидетельством обновления работы Союза стало создание осенью того же года секции критики и литературоведения [11, л.19]. Это обстоятельство доказывало наличие профессиональной литературной критики в регионе. Во главе секции стал крупный ставропольский ученый, будущий профессор Ставропольского педагогического института, заведующий кафедрой русской литературы А.В. Попов. На базе этой секции сформировалась целая плеяда местных критиков. Особо надо выделить Н. Капиеву, посвятившую свои книги Э. Капиеву и Г. Цадасы, а также Т. Батурину, которая была хорошо известна высококвалифицированными обзорами творчества современных ей литераторов.

С 10 мая 1959 г. ответственным секретарем Ставропольского Союза писателей стал Карп Григорьевич Черный. Писатель и ученый-литературовед К.Черный вплоть до 1972 г. вел огромную организаторскую работу в Союзе писателей, создавал художественные и научно-исследовательские работы. Он занимался изучением творчества А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого на Кавказе, писал повести, рассказы, стихи.

Крупной писательской организацией было региональное отделение Союза писателей Кубани. В 1961–1962 гг. краснодарская писательская организация насчитывала 26 членов Союза писателей СССР. За это время в члены Союза были приняты Н. Веленгурин, Г. Степанов, Г. Садовников, Ю. Абдашев. Произведения кубанских писателей пользовались популярностью не только в крае, но и далеко за его пределами. Например, с 20 октября по 1 ноября 1960 г. краснодарские литераторы с большим успехом выступали перед шахтерами Луганской области. Более того, заместитель председателя Бюро пропаганды Донецкого отделения Союза писателей Н. Чернявский

предложил прислать некоторые произведения кубанских писателей для опубликования их в местной печати Донбасса [17, л.29].

О признании региональной литературы Краснодарского края свидетельствовало проведение дней кубанской культуры в Москве. Такая неделя кубанской литературы в Москве прошла 16–17 апреля 1961 г. На этих встречах было представлено творчество нового поколения поэтов и прозаиков. Среди ее участников были В. Бакалдин, И. Варавва, В. Гончаров, Г. Соколов, В. Попов, С. Хохлов [19, с.674].

Роль представителей Кубани в многонациональной литературе Юга России всегда признавалась значительной. Например, в мае 1962 г. на выездном заседании секретариата Правления Союза писателей РСФСР в Ростове-на-Дону большое внимание было уделено творчеству кубанских литераторов [6, л.5].

Время 1960-х гг. стало очень плодотворным в творчестве Ставропольских литераторов. В этот период вышли в свет новые книги С. Бабаевского «Ветви старого вяза», И. Чумака «Главные ориентиры», М. Силенко «У нас в станице», В. Туренской «Белая мальва» и «Девятая», А. Бибика «К широкой дороге», В. Гнеушева «Синяя птица», Г. Орловского «На берегах Золки», И. Кожевникова «Казбек», Б. Речина «Две повести о школьной бригаде». В 1963 г. в Ставропольском отделении Союза писателей были обсуждены и рекомендованы в печать такие произведения, как «Каштаны в цвету» В. Туренской, «Красная стройка» В. Петровой, «Только один спектакль» П. Мелибеева, «Побег в жизнь» Л. Бехтерева, «Четверо суток» А. Малинского, «Скрытый талант» И. Романова, «Кавказ подо мною» К. Черного.

Ставропольские литераторы, также, как и их краснодарские коллеги получили широкое признание в стране и в столичных кругах. В журнале «Юность» была опубликована новая повесть С. Бабаевского «Сухая буйвола». В июне 1961 г. в журнале «Октябрь» был опубликован новый роман С. Бабаевского «Сыновий бунт», который был посвящен труженикам ставропольского села. Сам писатель, став московским жителем, не забывал родные края, открывшие ему путь в большую литературу. В том же году он побывал в крае и принял участие в очередной литературной среде «Кавказской здравницы», где поделился своими впечатлениями о поездке в Англию с группой советских писателей [24, с.4].

Ряд произведений ставропольских писателей получили признание в центральной прессе. Об очерках Б. Речина положительно отзывалась «Литературная газета». В московском журнале «Вопросы литературы» были опубликованы критические заметки о языке произведений В. Туренской «Крутая радуга» и К. Пронской «Чужое счастье» [15, л.4].

Успешно развивалась местная драматургия. Пьесы ставропольчан В. Туренской и П. Мелибеева «Своя линия», «На перекрестке дорог» прочно вошла в репертуар краевого драматического театра. С этими постановками была знакома не только ставропольская публика, но и московский зритель. «Своя линия» была показана в Кремлевском театре, а «На перекрестке дорог» – по московскому телевидению.

В итоге можно отметить, что период «оттепели» на Кубани и Ставрополье не имел таких ярких проявлений, как в Центре, но одновременно можно говорить и о начале глубинных процессов в духовной жизни регионов, которые впоследствии привели к качественным сдвигам в общественном сознании. Контроль со стороны местной власти в те годы не только не ослаб, но и в определенные моменты даже усилился. Но, несмотря на видимую неподвижность жизни местной творческой интеллигенции, для 1956-1964 гг. характерны внутренние изменения даже в деятельности официальных творческих организаций. В те годы теснее стала связь творческой интеллигенции с повседневной жизнью масс, что было немаловажным для подъема уровня массовой культуры в стране.

Источники и литература

1. А. Панферов. В новых условиях // Советская Кубань. 1956. 4 октября.
2. Встречи с читателями // Советская Кубань. 1960. 24 июля.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). ФР. 1735. Оп.1. Д. 27.
4. ГАКК. ФР. 1735. Оп.1. Д. 37.
5. ГАКК. ФР. 1735. Оп.1. Д. 56.
6. ГАКК. ФР. 1735. Оп.1. Д.61.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее - ГАСК). ФР.3821. Оп.1. Д. 9.
8. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 12.
9. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д. 17.
10. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д. 19.
11. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д.21.
12. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д.23.
13. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д.26.
14. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д.34.
15. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д. 36.
16. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д.39.
17. ГАСК. ФР. 3821. Оп.1. Д.51.

18. Гости Кубани // Комсомолец Кубани. 1964. 5 июня.
19. Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях… Материалы к Летописи. Краснодар: Кн. Изд-во, 1993. 798 р.
20. К. Черный. Ответственность литератора // Ставропольская правда. 1963. 8 февраля.
21. Литературная жизнь. 1958. №19. 21 мая.
22. Неделя «Кубань литературная» // Комсомолец Кубани. 1963. 3 июля.
23. О хлебе, земле, и нашей литературе // Комсомолец Кубани. 1964. 9 июня.
24. Рассказывает С. Бабаевский // Кавказская здравница. 1961. 10 июня.
25. Семен Бабаевский. Год. Литературный // Ставропольская правда. 1958. 13 мая.
26. Ставрополье. 1958. № 19.

Refences

1. A. Panferov. V novyh uslovijah (In new conditions) // Sovetskaja Kuban'. 1956. October 4. (In Russian).
2. Vstrechi s chitateljami (Meeting wih readers) // Sovetskaja Kuban'. 1960. July 24. (In Russian).
3. State archive of Krasnodar territory (GAKK). FR. 1735. Inv.1. D. 27. (In Russian).
4. GAKK. FR. 1735. Inv.1. D. 37. (In Russian).
5. GAKK. FR. 1735. Inv.1. D. 56. (In Russian).
6. GAKK. FR. 1735. Inv.1. D.61. (In Russian).
7. State archive of Stavropol territory (GASK). FR.3821. Inv.1. D. 9. (In Russian).
8. GASK. FR. 3821. Inv. 1. D. 12. (In Russian).
9. GASK. FR. 3821. Inv.1. D. 17. (In Russian).
10. GASK. FR. 3821. Inv.1. D. 19. (In Russian).
11. GASK. FR. 3821. Inv.1. D.21. (In Russian).
12. GASK. FR. 3821. Inv.1. D.23. (In Russian).
13. GASK. FR. 3821. Inv.1. D.26. (In Russian).
14. GASK. FR. 3821. Inv.1. D.34. (In Russian).
15. GASK. FR. 3821. Inv.1. D. 36. (In Russian).
16. GASK. FR. 3821. Inv.1. D.39. (In Russian).
17. GASK. FR. 3821. Inv.1. D.51. (In Russian).
18. Gosti Kubani (Guests of Kuban) // Komsomolec Kubani. 1964. June 5. (In Russian).
19. Ekaterinodar-Krasnodar: Dva veka goroda v datah, sobytijah, vospominanijah… Materialy k Letopisi (Ekaterinodar-Krasnodar: Two centuries of the city in dates, events, memories ... Materials for the Chronicle). Krasnodar: Book publishing house, 1993. 798 p. (In Russian).
20. K. Chernyj. Otvetstvennost' literatora (Responsibility of a literary man) // Stavropol'skaja pravda. 1963. February 8. (In Russian).
21. Literaturnaja zhizn'. 1958. No. 19. May 21. (In Russian).
22. Nedelja «Kuban' literaturnaja» (A week "Kuban literary") // Komsomolec Kubani. 1963. 3 ijulja. (In Russian).
23. O hlebe, zemle, i nashej literature (About bread, land, and our literature) // Komsomolec Kubani. 1964. June 9. (In Russian).
24. Rasskazyvaet S. Babaevskij (S. Babaevskijis telling) // Kavkazskaja zdravnica. 1961. June 10. (In Russian).
25. Semen Babaevskij. God. Literaturnyj (The year of literature) // Stavropol'skaja pravda. 1958. May 13. (In Russian).
26. Stavropol'e. 1958. No. 19. (In Russian).

Информация об авторе

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / history_d03@mail.ru

Informetion about the author

Romanova Nina V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / history_d03@mail.ru

CC BY

УДК 94(450)06: 82-94

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.11

М.О. Семиков

НАЁМНЫЕ КОМПАНИИ В ВОСПРИЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ГУМАНИСТОВ ИТАЛИИ XIV–XVI ВВ.

Военные компании наемников часто доказывали свою эффективность в бою, позволяли призвавшему их правителю успешно противостоять внешним врагам и справиться с оппозиционными силами внутри города-государства. При этом военное наемничество порождало множество новых проблем: низкая лояльность по отношению к нанимателю по причине слабой личной заинтересованности, угрозы безопасности для земель, в которые они нанимались, наличие политических амбиций предводителей наемных отрядов, которые были способны организовать государственный переворот и захватить власть.

Интенсивное вытеснение городского ополчения отрядами кондотьеров по многим позициям внушало беспокойство государственным деятелям и гуманистам, но главным «обличителем» всех недостатков военного наёмничества стал выдающийся итальянский мыслитель Никколо Макиавелли, озабоченный тем, что наёмники являлись той силой, которая могла уничтожить коммунальное сообщество и республиканские порядки: всякий кондотьер преследовал в первую очередь собственные интересы, в отличие от граждан города-государства, готовых отдать жизнь за свою землю.

В то же время Никколо Макиавелли описал для своего покровителя множество форм, которые могут превратиться наемные отряды. Он вспоминает в виде своеобразных притч, то что происходило в истории Греции и ее отдельных городов, привлекая внимание к настоящему ему времени. Описывая наемные отряды и их вероломство, он приводит примеры не только в родной Флоренции, но и отсылает к опыту всего Апеннинского полуострова. Согласно его мнению все крупные города государства и герцогства в той или иной мере пострадали от действий наемников. И даже самые верные и именитые из них в первую очередь искали доблести для себя, и пытались получить новые привилегии в виде лояльности земель или даже титула. Флоренции повезло с ее наемниками или же их цели временно совпадали с целями города-государства.

Отдельно он выделяет и вовсе необычный момент, как становление кондотьера герцогом за счет удачного брака и военной доблести на примере Франческо Сфорца давшего начало династии Сфоца которая правила Миланом многие поколения, однако предупреждает своего господина об переменчивости фортуны.

Однако точка зрения итальянского гуманиста отражала противоречивость сложившихся реалий, при всех опасностях наемничества государства Италии уже не могли обойтись без него

Ключевые слова: наёмничество, Никколо Макиавелли, город-государство, Флоренция, кондотьеры.

Для цитирования: Семиков М. О. Наёмные компании в восприятии государственных деятелей и гуманистов Италии XIV – XVI вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 93–99. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.11

Maksim O. Semikov

HIRED COMPANIES IN THE PERCEPTION OF GOVERNMENT ACTORS AND HUMANISTS OF ITALY IN XIV-XVI CENTURIES

Military companies of mercenaries often proved their effectiveness in battle, allowing the ruler who called them to successfully resist external enemies and cope with opposition forces within the city-state. At the same time, military mercenarism gave rise to many new problems: low loyalty to the employer due to low personal interest, threats to the security of the lands in which they were hired, the presence of political ambitions of the leaders of mercenary detachments who were able to organize a coup d'etat and seize power.

The intensive displacement of the city militia by detachments of condottieri in many respects instilled anxiety among statesmen and humanists, but the outstanding Italian thinker Niccolo Machiavelli became the main «denouncer» of all the shortcomings of military mercenarism, concerned that mercenaries were the force that could destroy the communal community and the republican order: every condottiere pursued primarily his own interests, in contrast to the citizens of the city-state, who were ready to give their lives for their land.

At the same time, Niccolo Machiavelli described for his patron the many forms that mercenary units can turn into. He recalls in the form of peculiar parables what happened in the history of Greece and its individual cities, drawing attention to the present time. Describing mercenary troops and their treachery, he gives examples not only in his native Florence, but also refers to the experience of the entire Apennine peninsula.

According to him, all major cities of the state and duchies have suffered to some extent from the actions of mercenaries. And even the most loyal and eminent of them first of all looked for valor for themselves, and tried to get new privileges in the form of loyalty to lands or even a title. Florence was lucky with her mercenaries, or their goals temporarily coincided with the goals of the city-state.

Separately, he singles out a completely unusual moment, like the formation of a condottiere a duke due to a successful marriage and military prowess on the example

of Francesco Sforza, who gave rise to the Sfoza dynasty, which ruled Milan for many generations, but warns his master about the changeability of fortune.

However, the point of view of the Italian humanist reflected the inconsistency of the prevailing realities, with all the dangers of mercenaryism, the Italian states could no longer do without it.

Key words: mercenary, Niccolo Machiavelli, city-state, Florence, Condottieri

For citation: Semikov M. O. Hired companies in the perception of government actors and humanists of Italy in XIV-XVI centuries // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 93–99. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.11

Наемники в Италии XV-XVI вв. становятся важным элементом государственного устройства, приобретая все больший вес и влияние в обществе городов-государств Италии и на всей территории Апенинского полуострова.

Их появление на рынке военной силы было оправдано большей эффективностью по сравнению с городским ополчением, которое тоже не всегда получало хвалебные отзывы от государственных деятелей. Так Папа Пий II (понтификат 1458 – 1464) в своем автобиографическом труде «Коментарии» говорил об ополчении городов: «Итальянские ополченцы нашего времени весьма коварны. Они рассматривают плату как прибыль от торговли и, чтобы предотвратить ее прекращение, долго ведут войны. Убийства в бою случаются очень редко, и те, кто попадает в плен, как правило, теряют своих лошадей и оружие. Еще реже в одном бою используются все силы. Если случайно противостоящие отряды встречаются и вступают в бой, бойцы просят друг друга не брать на себя обязательств таким образом, чтобы положить конец дальнейшим поводам для войны. Они публично показывают, что ненавидят врага, но втайне любят его» [6, p. 691]. Тем самым папа выделяет главные проблемы современного ему итальянского наемничества, а именно: недостаточную мотивацию участия в сражениях и часто нелояльность тем силам, которые их наняли, а, следовательно, неспособность воевать в полную силу. В то же время сами военные действия превращались в способ получения прибыли мародёрством и продажей знатных пленников, что, однако мало отличает их от другого войскового подразделения рассматриваемого периода.

Однако, серьезное расширение рынка наемных компаний, готовых сражаться за интересы того, кто в состоянии оплатить их услуги, таило в себе опасность появления у наемников реального влияния и власти в тех местах где они долго оставались по связывающему их контракту или по иному поводу.

Этот факт, а также вопросы лояльности наёмничества по отношению к своим нанимателям, интересовавшие гуманистов XIV – XVI вв., отдающих предпочтение патриотизму и верности идеалам во благо города и республики, превращали в их глазах наемные компании в бич общества.

К 1314 г. масса миланского войска была представлена всадниками и пехотой города и контадо, хорошо экипированными длинными копьями и боевыми топорами. Но уже первые Висконти, в лице Джан Галеаццо Висконти (1395 – 1402) держали на своей службе сильные контингенты немецких, французских и романьольских наемников.

В Вероне Делла Скала доверялись городским войскам в течение всего XIII в.: качественный скачок, знаменующий организацию наемного войска, прежде всего немецкого, произошел только во время долгой войны против Падуи (1312 – 1327) [5, p.163].

Однако в течение долгого времени не умалялось преобладание коммунальных сил; так в начале XIV в. такой теоретик войны, как маркиз Теодоро да Монферрато (период маркизата – 1306 – 1338) в своей работе «Insegnamenti» утверждал решающую роль городских войск, рекрутируемых по локальному принципу [8, p.11], а не тех, которые нанимались за деньги.

Среди главных «обличителей» наёмничества одно из знаковых мест занимает флорентийский государственный деятель и гуманист Никколо Макиавелли (1469 – 1527). В своем труде «Государь» он дает четкие советы для будущего правителя о предотвращении смут в государстве и о мудром правлении. Посвятив наемникам несколько частей своей книги, он примеряет на них разные роли.

Выделяя три вида военных сил, Макиавелли говорил о собственно городских войсках, союзных и наемных, к последним он призывал относиться с наименьшим доверием: «Если кто-то рассчитывает утвердить свою власть с помощью наёмников, то ему не видать покоя и благополучия, ибо они разобщены, тщеславны, недисциплинированны и ненадёжны. Храбрые с друзьями, они робки перед врагами; ни страха Божия, ни верности людям; они служат государю защитой только до первого боя; на войне тебя грабят враги, в мирное время — наёмники» [3, с. 335]. Тем самым он хотел показать, что для государства, которое не ведет войны, на данный момент, содержание отрядов наемников становилось серьезной статьей расходов. Макиавелли писал далее, что причина заключается в следующем: «…в строю их удерживает небольшое жалованье, которого недостаточно, чтобы они пожелали умереть за тебя. Они готовы биться за тебя, пока нет войны, но, когда война начинается, они предпочитают бежать или расторгнуть договор. Доказать всё это нетрудно, потому что теперешние беды Италии происходят именно от того, что вот уже многие годы она до-

вольствуется наёмным оружием. Кое-кто добился с его помощью некоторого успеха, ибо наёмники храбрятся друг перед другом, но когда появился чужой захватчик, выяснилось, чего они стоят. Поэтому французский король Карл VIII (1483 – 1498) получил возможность захватить Италию с помощью одного мела (здесь имеется ввиду аллюзия на то, что белым мелом помечались дворы, в которых была расквартирована французская армия [2, с. 222]) и прав был тот (вероятно следует указание на одну из проповедей Джироламо Саванаролы – М.С.), кто указывал в наемничество в качестве причины наши грехов…» [3, с. 336].

Эти трудности с наемными армиями обусловливались тем, что небольшая оплата, получаемая этими людьми, не побуждала их «отдавать жизнь» за государство, у которого они состояли на службе, а средства к существованию можно было гарантировать лишь продолжающейся угрозой войны, без которой наемные капитаны и их солдаты не могли существовать.

Далее, логика их войны для наемников подразумевала, что поражение в решающем сражении могло означать потерю работодателя, который позволял им постоянно поддерживать одинаковый количественный состав, не имея лишений. Однако, и победа над противником ставила под угрозу следующий платежный чек, так как являлась удобной возможностью для нанимателя расторгнуть договор с кондотьерами до того момента, когда они вновь понадобятся.

С точки зрения американского профессора Шона Эрвина, описанием подобных практик Макиавелли хотел показать, «что все вышесказанное являлось аксиомой для взаимоотношения кондотьеров с их покровителями. Он имел в виду такие факторы, как важность предотвращения гибели отдельных солдат, но также поддержания полуострова в условиях, когда постоянная угроза конфликта, вынудила бы правителей увеличивать продолжительность контрактов [7, p. 561].

Таким образом, солдаты союзных войск и наёмные армии продолжали сражаться между собой согласно контрактам, но также стремились выжить во время военных действий, чтобы заключить последующие договоры. В «Истории Флоренции» Макиавелли резюмировал: «Эти состоявшие на оплате войска довели военное дело до положения, при котором и победители и побежденные, чтобы добиться повиновения от своих войск, должны были добывать все новые и новые средства, ибо одним надо было заново снаряжать эти войска, а другим награждать их. Одни наемники без оружия и коней воевать не могли, другие без новых наград не хотели. Так победитель не слишком наслаждался победой, а побежденный не слишком терпел от поражения, ибо первый лишен был возможности полностью использовать победу, а второй всегда имел возможность готовиться к новой схватке» [4, с. 226].

Это успешно превращало военное искусство в «индустрию», основанную на контрактах. Макиавелли объясняет динамику этого процесса, проследив его развитие в конце XII-й главы «Государя» и обосновывая пользу данной системы для потенциального государя, но при этом он критиковал эту «военную машину» (наемные войска), подчеркивая ее сильные и слабые стороны. К последним он относил отсутствие в наемниках доблести и излишнюю, по его мнению, тягу к жизни, которая мешала им проявлять личную инициативу и героизм при неблагоприятных условиях, «Они (наемники – М. С.) не устраивали ночных штурмов, а защитники крепостей не устраивали вылазок; лагеря не обносили ни рвом, ни забором; осаду городов в зимнее время не вели. Всё это дозволялось их воинскими правилами, выработанными, как уже говорилось, во избежание тягот и опасностей» [3, с. 339].

Другим «бичем» для государства были наёмные командиры-кондотьеры, которые имели немалый вес на политической арене. Завоевав авторитет в битвах и обладая армиями, эти люди, в случаи удачного для них стечения обстоятельств могли навязывать свою волю правителю, который не заботился о собственных войсках. Никколо Макиавелли приводил пример из истории других земель Италии: «Муцио Аттендоло Сфорца (1369 – 1424) был кондотьером и стал основателем династии Сфорца, он служил у королевы Джованны Неаполитанской, но в один прекрасный день оставил её безоружной, в связи с чем, чтобы не лишиться власти, та была вынуждена отдаться на милость короля Арагона. После смерти герцога Филиппо Мария Висконти (герцог Милана 1392 – 1447) миланцы наняли для войны с Венецией кондотьера Франческо Сфорца, который одержал победу над врагом при Караваджо, но объединился с ним ради борьбы против миланцев, своих хозяев» [3, с. 337].

Таким образом, примеры Милана и Неаполя можно рассматривать как предупреждение городам и, возможно, новым государям, чтобы они помнили на примере представителей дома Сфорца, что капитаны кондотьеров могут стать причиной изменения политического режима.

На предполагаемый вопрос, почему некоторые из республик и земель Италии смогли избежать бесчинств наёмников, Макиавелли отвечал: «И если венецианцы и флорентийцы в своё время расширили собственные владения с помощью наёмников, но начальники последних не узурпировали у них власть, а всегда обороняли их, то я скажу, что флорентийцам в этом случае благоприятствовала судьба, потому что из тех доблестных военачальников, которых следовало опасаться, одни не одержали побед, другие имели соперников, а третьи дали выход своему честолюбию в другом месте» [3, с. 337].

Однако, ближе других, сумевших подойти к контролю над Флоренцией сам Макиавелли считает английского кондотьера Джона Хоквуда (Джованни Акуто – ит.) и командующего Паоло Вителли (1461 – 1499). Но он не ставил между ними знак равенства. Джон Хоквуд оставался для него лишь весьма удачливым наемником, долгое время остававшимся на службе Флоренции, но не желавшей её (Флоренцию для себя) в отличии от Вителли, у которого за плечами была репутация не только наемника, но и вес на политической арене, так как вся его семья, включая брата и отца, прославились во многих войнах, как капитаны кондотьеров.

Поэтому с точки зрения самого Макиавелли единственный способ не попасть под влияние подобного человека – это его своевременное устранение (сам Паоло Вителли был казнен по подозрению в измене в 1499 г.), о чем он косвенно и говорит в XII принципе трактата «Государь»: «Никто не станет отрицать, что если бы Вителли взял Пизу, то флорентийцы оказались бы беззащитными перед ним; если бы он перешёл на сторону противника, они не смогли бы с ним справиться, а удержав его на своей стороне, они должны были бы ему повиноваться» [3, с. 337]. Поэтому с точки зрения Макиавелли, у Чезаре Борджиа (1475 – 1507) (который обвинил и судил Паоло Вителли за измену) не было иного выхода, иначе он бы потерял государство: Далее Макиавелли писал: «Он обратился к наёмникам, полагая, что они представляют меньшую опасность; он взял к себе на службу кондотьера Паоло Орсини (1450 – 1503) и Паоло Вителли. В дальнейшем, убедившись по действиям этих войск, что они ненадёжны, вероломны и опасны, он покончил и с ними и стал набирать собственные отряды, (отряды, которые он бы возглавил сам, в качестве капитана, не пользуясь услугами авторитетных командиров – М.С.)» [3, с. 337]. Макиавелли описывал, как флорентийцы и венецианцы прибегали к искусству заговора, чтобы обезопасить себя от потенциально негативных последствий использования наемного оружия.

Кондотьер Франческо Буссоне да Карманьола (1390 – 1432), капитан наемников, победил Милан, сражаясь на стороне Венеции в 1432 г. Однако, как далее пишет Макиавелли: «затем он охладел к войне, и венецианцам ничего не оставалось, как казнить его, ибо новых побед он им принести не мог, так как не хотел воевать, а уволить его было нельзя, чтобы не потерять уже приобретённого» [3, с. 337]. То есть, после своей последней победы Карманьола снискал не только популярность и славу, но и власть над людьми, после чего война перестала быть для него первичной целью.

Венецианские правители поняли, что с этого момента он сам сможет влиять на политическую жизнь Венеции. Однако, уволив его, они получали могущественного наемника в качестве врага, который точно знал слабые стороны Венеции и мог их использовать, нанявшись на службу противников республики. Поэтому они обманули и убили его, однако сделали это официально в открытом публичном виде (его подозревали в связях с противником Венеции Филиппо Мария Висконти), и факт его промедления в войне тоже играл против него. Он был отозван в Венецию, где был арестован, обвинен в измене, в которой предположительно сознался и казнен через обезглавливание перед дворцом Дожей (Palazzo Ducale). Для Макиавелли установленная легитимность покровителя, в данном случае Чезаре Борджа, делает подобное действие не предательством со стороны Венеции, а напротив, ликвидацией угрозы смены законной власти и законов, установленных республикой и ее правителями, что позволяет им ради блага государства идти на столь вероломные шаги в борьбе с капитанами наёмников [7, л. 568]. В данном случае мы видим, что убийство кондотьера является единственной возможностью для «хорошего правителя не попасть под его влияние и не потерять власть и государство. Таким образом мы видим, что Макиавелли оправдывает убийство кондотьера, если он исчерпал свою полезность для государства и стал потенциально опасным.

Таким образом, эффективно действующие капитаны наемников в подобных ситуациях больше всего опасались своих собственных работодателей, которым явно могли угрожать последствия успехи военного предводителя. Макиавелли сравнивал наемников с союзными войсками: «Итак, кто не желает победить, может воспользоваться услугами этих войск (союзников), ибо они гораздо опаснее наёмников; с ними твоё падение обеспечено, ибо они едины и подчиняются другим командирам. Наёмникам, чтобы выступить против тебя в случае победы, потребуется большее время и благоприятное стечение обстоятельств, так как они не образуют единого целого и к тому же наняты и оплачены тобой. Назначенный над ними командир не сможет сразу приобрести такую власть, чтобы выступить против тебя. В общем, в наёмных отрядах следует больше опасаться трусости, а в союзниках доблести» [3, с. 340].

Другим пороком наемных войск, Макиавелли называл их деморализующее влияние на собственные войска, которые становятся зависимыми от наемников, что вынуждало правителей постоянно прибегать к их услугам: «Карл VII (1403 – 1461), отец короля Людовика XI (1461 – 1463), благодаря фортуне и доблести освободивший Францию от англичан, понял, как необходимо быть вооруженным своим оружием, и приказал образовать постоянную конницу и пехоту (имеются в виду военные реформы Карла VII – М.С.) с целью создания единой армии, которые приве-

ли к созданию ордонансных рот[1] в 1445 г., которые создавались исключительно по воле короля и управлялись им, однако имели возможность откупа, а так же четкий порядок и структуру [1, с. 140]. Также продолжался набор постоянной конницы, которая называлась «жандармерией», вместе с этим, король начал нанимать швейцарцев). Позже король Людовик XI, его сын, распустил пехоту и стал брать на службу швейцарцев; (имеется ввиду договора 1474 г., согласно которому, король платил землям Швейцарии 20 000 франков в год за предоставление наемников) эту ошибку еще усугубили его преемники, и теперь она дорого обходилась Французскому королевству. Ибо, предпочтя швейцарцев, Франция подорвала дух своего войска: после упразднения пехоты кавалерия, приданная наемному войску, уже не надеялась выиграть сражение своими силами. Так и получается, что воевать против швейцарцев французы не могли, а без швейцарцев против других – не смели. Войско Франции, стало быть, смешанное: частью собственное, частью наемное и в таком виде намного превосходит целиком союзническое или целиком наемное войско, но намного уступает войску, целиком составленному из своих солдат [3, с. 341]. Таким образом Макиавелли указывает на то, что действия французских королей по реорганизации собственных войск в угоду более эффективным швейцарским пехотинцам подорвали самостоятельность французской армии и поставили ее в зависимость от контрактов со швейцарцами. Хотя такая армия, по его словам, является достаточно эффективной, однако менее эффективной чем «национальная армия».

Еще одним недостатком, по мнению Макиавелли, являлось то, что отряды наемников во многом состояли из небольших конных подразделений, что шло вразрез с понятиями ряда деятелей Ренессанса о ценности пехоты и войск ополчения. Они считали пехоту ополченцев более эффективной и доблестной, чем конные войска наемников. По словам Макиавелли: «Капитанам наемников чуждо воевать в пешем строю, и они не могут себе этого позволить: «Обычай, которого придерживались все наёмники, желая придать себе больший вес, состоял в том, чтобы принизить роль пехоты…» [3, с. 338], то есть показать себя эффективнее, чем любое городское ополчение. «Наемники нуждались в придании себе большей ценности, ибо, не обладая большими состояниями и живя своим ремеслом, не могли прокормить значительное число пехотинцев, немногие же не обеспечивали требуемого эффекта. Зато количество всадников, дававшее пропитание и уважение, было приемлемым…» [3, с. 338], то есть выгода в том, чтобы сражаться конными для наемников была очевидна, это позволяло им при небольшой численности отряда иметь достаточную боевую мощь и эффективность. Далее Макиавелли резюмировал: «Дело дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пеших солдат» [3, с. 338]. Данное мнение характеризует наёмников, как силу, стремящуюся претендовать на статус рыцарского войска, которое, несмотря на высмеивание в новеллах и некоторую девальвацию городских рыцарей во мнении современников[2], все еще имело значительный вес в обществе.

В то же время данное условие было связано с представлениями самого Макиавелли о важности народного ополчения, ценность которого превозносилась гуманистами его периода в связи с их органической связью с городом и тем, что они стояли непосредственно на страже своей свободы.

Макиавелли сообщал, что в Италии XIV–XV вв. война превратилась в «индустрию наемников», потому что те, кто занимал руководящие посты, больше не владели военным искусством и не практиковали его. Он подтверждал эту мысль, описывая процесс свержения итальянских благородных семей, управляющих городами, их гражданами при поддержке церкви, антипап или других влиятельных фигур. Одним из таких событий стал захват Романьи и Умбрии папой Григорием XI (1370–1378) пытавшимся вернуть резиденцию пап в Италию и возродить папское государство. Данное решение и последующее нагнетание обстановки привело к войне Флорентийской республики, временно возглавляемой чрезвычайной коллегией «Восьми святых» против папского престола (1375–1378). В других городах Италии республиканская форма правления была свергнута частными лицами, ставшими князьями. Причину политических переворотов мыслитель видел в том, что простое владение военным искусством само по себе не является достаточным условием для сохранения режима [7, p. 569].

Он показывал, как благодаря церкви и влиятельным лицам из доминирующих торговых семей в Италии развивалась конфликтная среда, в которой не было однозначного победителя, однако был очень сильный и могущественный игрок – церковь: «Таким образом, не будучи в силах овладеть всей Италией и не позволяя, чтобы ею овладел кто-нибудь другой, Церковь была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игом множества господ и государей. Это породило столь великую ее, Италии, раздробленность и

1 Имеются ввиду роты пеших солдат, состоявшие из «копей», в основании которых находились рыцари. Название данные роты получили от документа, их создавшего, т.к. были сформированы на основании ордонансов французского короля Карла VI от 1439, 1445 гг. в которых король установил свою монополию на военные действия, признав за собой право на сбор солдат.

2 Так, например, Франко Сакетти подробно писал об этом в своих новеллах 30, 43, 145, 150, 153

такую ее слабость, что она делалась добычей не только могущественных варваров, но всякого, кто только ни желал на нее напасть» [3, с. 410].

Этими заявлениями Макиавелли подтверждал важность военного искусства, хотя и предполагал, что у него есть свои пределы. Критика Макиавелли направлена скорее на зависимость всех итальянских государей и республик от наемных войск, что делало строй этих государств более уязвимым, чем если бы они использовали собственные силы.

Однако, вместе с этим, сам Макиавелли задает себе вопрос: почему, если итальянские наемники так слабы и не уверены в своем деле, какой-либо монарх или республика серьезно зависят от них, в чем же заключается эта их сила и опасность. В первую очередь их главной опасностью, на его взгляд, являлось то, что на время жизни Макиавелли приходился расцвет наемных компаний, сила которых превосходила силу любой армии в Италии, которую мог бы собрать город, а их лояльность целиком зависела от платежеспособности нанимателя. Однако, эти же факторы могли сыграть против наёмников, если они не могли найти работодателя, чтобы поддерживать тот образ существования, к которому они привыкли.

Ясно, что критика Макиавелли кондотьеров в трактате «Государь» сознательно преувеличена. Жесткое различие, обычно проводимое в учении Макиавелли между владением «своими руками» и использованием «чужих рук», приводится для того, чтобы показать опасность для любого государя военного наемничества. В то же время, он не единожды ссылался на честь и доблесть самого правителя, который может удержать власть над наемниками, однако должен делать это с великой осторожностью, в чем также можно усмотреть двойственность отношения к наемным силам и союзникам: «Какова разница между всеми этими видами войск, нетрудно понять, если посмотреть, как изменялось отношение к герцогу, (Чезаре Борджиа) когда у него были только французы, потом наемное войско Орсини и Вителли и, наконец собственное войско (которым Чезаре командовал лично – М. С.). Мы заметим, что, хотя уважение к герцогу постоянно росло, в полной мере с ним стали считаться только после того, как все увидели, что он располагает собственными солдатами» [3, с. 340]. Таким образом, сильный правитель может добиться успеха и с наемными войсками, однако величие и народную поддержку по мнению Макиавелли могли обеспечить только собственные войска.

Таким образом, его критика наемных войск является в то же время критикой тех институциональных союзов и политических тенденций, благодаря которым виды ведения войн посредством отрядов кондотьеров, могли считаться наиболее приемлемыми.

Тот факт, что Макиавелли подробно останавливается на том, что эти кондотьеры не были эффективны для отражения французской и испанской армий, вторгающихся на Итальянский полуостров после 1494 г., не следует рассматривать как их дискриминацию, поскольку Макиавелли указывал на ограничения и недостатки французского, испанского и даже швейцарского оружия.

Каждая из этих по-разному организованных и оснащенных армий оказалась полезной и эффективной в определенных условиях, в то время как в других случаях они же оказывались легко подавленными и побежденными. Таким образом, у Макиавелли явно заметны определенные контексты, в которых использование condottieri корыстными правителями делало те цели, которые перед ними ставились, предсказуемыми, а само применение отрядов эффективным. В своей противоречивой критике использования наёмных компаний Макиавелли в то же время утверждал подлинный, хотя и ограниченный, потенциал, которым наемные силы обладали в определенных случаях.

Так, в случае с Франческо Сфорца, наемные силы явно могли выполнять ключевую функцию в процессе превращении потенциального правителя в настоящего тирана, преодолевая границу незаконности. Кондотьеры могли быть полезны для тех, кто хотел преобразовать республику в княжество, для дестабилизации провинции, когда иностранный монарх или республика хотели нарушить или сохранить статус кво с соседями без прямого участия сил союзников или городского ополчения. Использование наемных солдат часто было способом государственного переворота благодаря их полной отчужденности от жизни той территории, куда их нанимали. Так как наемники не являлись гражданами республики или герцогства, они не имели непосредственной связи с местными элитами и влиятельными домами местности, поэтому в их действиях преобладала финансовая заинтересованность. Данный фактор полностью устраивал тиранов, которые зачастую боялись свободных горожан и представителей влиятельных семей больше, чем наёмников. Вместе с тем более совершенное вооружение, отточенные навыки и опыт войны часто делали наёмников грозными противниками.

Источники и литература

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории Т.3, Ч. 4 Позднее средневековье. СПб: Наука, 2001. 448 с.
2. Джироламо Савонарола. Проповеди на книгу пророка Аггея // Джироламо Савонарола; изд. подгот. А.В. Топорова. М: Наука, 2014. С 215-247.

3. Никколо Макиавелли. Избранные сочинения // Государь. М: Художественная литература. 1982. 503 с.
4. Никколо Макиавелли. История Флоренции. Л.: Памятники исторической мысли, 1973. 440 с.
5. Bianchi S. A. Gli eserciti delle signorie venete del Trecento fra continuità e trasformazione // Il Veneto nel Medioevo: le signorie trecentesche. A cura di A. Castagnetti, G. M. Varanini. Verona, 1995. P. 163 – 200.
6. Enea Silvio Piccolomini. I Commentarii. A cura di L.Totaro. Milano Adelphi, 1984. 2725 p.
7. Sean Erwin. A war of one's own: mercenaries and the theme of arma aliena in Machiavell's Il Principe // British Journal for the History of Philosophy. 2010. 18(4). P.547 – 574.
8. Settia A. A. Gli "Insegnamenti" di Teodoro di Monferrato e la prassi bellica in Italia all' inizio del Trecento // Condottieri e uomini d'arme nell'Italia del Rinascimento. A cura di M. Del Treppo. Napoli, 2001. P. 11 – 24.

Reference

1. Del'bryuk G. Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politicheskoj istorii (History of military art in the context of political history). Vol.3. Part 4. Pozdnee srednevekov'e (Late middle ages). St.Peterburg: Nauka, 2001. 448 p. (In Russian).
2. Dzhirolamo Savonarola. Propovedi na knigu proroka Aggeya (Girolamo Savonarola. Sermons on the book of the prophet Haggai) // Dzhirolamo Savonarola; A.V. Toporova. Moscow: Nauka, 2014. P.215 – 247. (In Russian).
3. Nikkolo Makiavelli. Izbrannye sochineniya (Selected works) // Gosudar'. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. 1982. 503 p. (In Russian).
4. Nikkolo Makiavelli. Istoriya Florencii (Florence history). Leningrad: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 1973. 440 p. (In Russian).
5. Bianchi S. A. Gli eserciti delle signorie venete del Trecento fra continuità e trasformazione // Il Veneto nel Medioevo: le signorie trecentesche. A cura di A. Castagnetti, G. M. Varanini. Verona, 1995. P.163-200.
6. Enea Silvio Piccolomini. I Commentarii. A cura di L.Totaro. Milano Adelphi, 1984. 2725 p.
7. Sean Erwin. A war of one's own: mercenaries and the theme of arma aliena in Machiavell's Il Principe//British Journal for the History of Philosophy 18(4) London: 2010. P.547-574.
8. Settia A. A. Gli "Insegnamenti" di Teodoro di Monferrato e la prassi bellica in Italia all' inizio del Trecento// Condottieri e uomini d'arme nell'Italia del Rinascimento. A cura di M. Del Treppo. Napoli, 2001. P.11-24.

Сведения об авторе

Семиков Максим Олегович – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / Makssemik@mail.ru

Information about the author

Semikov Maksim O. – postgraduate student, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / Makssemik@mail.ru

CC BY

УДК 94(47).084.5: 323.2

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.12

С. М. Смагина

РОССИЙСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ В ЭМИГРАЦИИ: ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ И РЕАЛИИ

В статье исследуется недостаточно изученный аспект истории российских социал-демократов (меньшевиков) – их деятельность в эмиграции. Они представляли собой за рубежом весьма «рассеянное сообщество», и, как правило, концентрировались вокруг известных партийных лидеров и их периодических изданий. Важную роль играла Заграничная Делегация РСДРП (ЗД) – официальный руководящий орган партии за границей (1921 – 1951 гг.). Признав переходный характер эпохи, российские социал-демократы провели коррекцию теоретической программы и тактики, и, тем самым, внесли свой вклад в формирование концепции демократического социализма в меньшевистской интерпретации. В этой связи наиболее значимой представляется их деятельность, начиная с рубежа 1920 – 1930-х гг. и заканчивая кануном войны. Именно в этот период российские социал-демократы провели интенсивную работу по уточнению партийной платформы, решив ряд спорных вопросов и впервые приняв [октябрь 1933] итоговые документ обеспечивший компромисс между различными партийными течениями в их среде. Разразившийся в 1929 – 1933 гг. мировой экономический кризис поставил вопрос не только о его причинах, сути, последствиях, но и о задачах социал-демократии в условиях появления новых ориентиров «международного социализма», в выработке которых приняли участие и российские меньшевики. Подвергся их анализу и характер проведения «сталинской генеральной линии» индустриализации, коллективизации и первых пятилеток с полным неприятием «кровавых… и хищнических форм» режима диктатуры, но одновременным выделением «исторически-положительных сторон» проходивших процессов.

Ключевые слова: демократический социализм, «внепартийные правые», Заграничная Делегация РСДРП, «мартовская линия», партийная платформа, Меморандум ЗД, Социалистический Вестник.

Для цитирования: Смагина С.М. Российские меньшевики в эмиграции: оценки, прогнозы и реалии // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 100–107. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.12

Svetlana Smagina M.

RUSSIAN MENSHEVIKS IN EMIGRATION: ESTIMATES, FORECASTS AND REALITIES

The article considers the insufficiently studied aspect of the Russian Social Democrats' (Mensheviks) history – their activities in emigration. They represented as a very “scattered” community abroad, and, as a rule, concentrated around well-known party leaders and their periodicals. A special role was played by the Foreign Delegation of the Russian Social Democratic Workers' Party (the Foreign Delegation) – the official governing body of the party abroad (1921-1951). Having admitted the transitional nature of the epoch, the Russian Social Democrats corrected the theoretical platform and tactics, and thereby contributed to the formation of the concept of democratic socialism in the Menshevik interpretation. In this connection, their activities seem to be the most significant, starting from the 1920s – 1930s and ending on the eve of the war. That's when the Russian Social Democrats carried out intensive work to define the party platform, resolving a number of controversial issues and for the first time adopting [October 1933] the final document that provided a compromise between the various party currents among them. The world economic crisis that broke out in 1929-1933 raised the question not only about its causes, essence, consequences, but also about the tasks of social democracy in the conditions of the “international socialism” new guidelines appearance, in the development of which the Russian Mensheviks also took part. They also analyzed the nature of the “Stalinist general line” of industrialization, collectivization and the first five-year plans with a complete rejection of the “bloody ... and predatory forms” of the dictatorship regime, but at the same time highlighting the “historically positive sides” of the ongoing processes that took place.

Key words: democratic socialism, “non-partisan rightists”, RSDLP Foreign Delegation, “martovskaya liniya”, party platform, the Foreign Delegation Memorandum, Socialistic Bulletin.

For citation: Smagina S. M. Russian mensheviks in emigration: estimates, forecasts and realities // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 100–107. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.12

Актуальность темы связана, прежде всего, с тем, что в современной России усилилось целенаправленное обращение к идеологическому наследию российских партий начала XX в., в значительной степени откорректированному во время их пребывания в эмиграции. Это относится и к российским социал-демократам (меньшевикам), представлявшим собой в эмиграции довольно-таки «рассеянное сообщество» [8, с.51], сконцентрированное, как правило, вокруг известных изданий и их идеологов.Приобретенный ими опыт и сегодня актуален в силу того, что в обществе

не исчезает интерес к левой системе ценностей, к социально окрашенным идеям с их мощным гуманистическим потенциалом; усиливается внимание к универсальным образам человеческих представлений о таком государственном устройстве, которое бы гарантировало возможность «лучшей жизни», а не просто организации общества, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех [2, с. 5–6]. Поражение «ортодоксального социализма» в его большевистском варианте, по мнению какой-то части научного сообщества, не доказывает несостоятельность социал-демократической идеи в целом, что демонстрирует практика модели «социально государства» скандинавских стран, особенно Швеции и др. [13, с. 533].

Вот почему не иссякает исследовательский интерес к обозначенной теме, растет число научных статей и монографий, отражающих сложный процесс идейных подвижек во взглядах отдельных направлений российского социал-демократии за рубежом, попыток их самоидентификации и соответствующего «прозрения» по многим аспектам теории и практики. Произошло становление единого историографического пространства отечественных и зарубежных ученых в связи с реализацией международного университетского проекта по истории меньшевизма (Inter-University Project of the history of the Menshevik movement). В 2010 г. был опубликован последний том по документальной истории, посвященный деятельности Заграничной Делегации РСДРП (1922 – 1951 гг.)

Известный научный интерес вызвала монография А.П. Ненарокова «Правый меньшевизм. Прозрения российской социал-демократии», вышедшая в 2012 г., автор которой представил достаточно полную картину деятельности этой части меньшевиков во главе с А.Н. Потресовым, в известной степени – и с П.Б. Аксельродом в России и за рубежом, придя к выводу о том, что данная часть меньшевиков оказалась большими прагматиками, чем приверженцы «мартовской линии», сохранившими определенные иллюзии вплоть до самоликвидации организации в 1951 г. [10, с.10 – 11]. И все-таки проблема изучения отдельных периодов пребывания российских социал-демократов в эмиграции, выявления их реакции на события, происходившие в России и Европе, и их соотнесения с раннее наработанными доктринальными установками, остается актуальной и значимой.

Целью данной статьи является анализ деятельности социал-демократов в период, начало которого связано с рубежом 1920 – 1930-х гг., затем охватывает предвоенные годы. Такой хронологический выбор обусловлен рядом причин. Прежде всего, именно в эти годы российские социал-демократы провели интенсивную работу по уточнению партийной платформы, решив некоторые спорные вопросы и впервые приняв (октябрь 1933) итоговый документ, обеспечивший компромисс между различными партийными течениями в их среде. Сыграло роль и то обстоятельство, что постепенное преодоление мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг. поставило вопрос не только о его причинах, сути, особенностях, но и о задачах социал-демократии в условиях появления новых ориентиров «международного социализма», в выработке которых приняли участие и российские меньшевики. Также, на первую половину 1930-х годов пришлось проведение «сталинской генеральной линии» индустриализации, коллективизации и первых пятилеток, вызвавшей у меньшевиков, по крайней мере, у их части ответную реакцию бережного отношения к «исторически-положительным сторонам» этого процесса. Признав «переходный характер эпохи» и необходимость решения трех наиболее важных вопросов: о формах противостояния фашизму, перспективах войны и мира, социализма и демократии, - российские социал-демократы, прежде всего, члены Заграничной Делегации, включившись в дебаты на съездах и конференциях Рабочего Социалистического Интернационала (1923–1940 гг.), сыграли определенную роль в политической жизни Европы и разработке «политики мирового пролетариата» с надеждой привлечения к движению СССР и его победы в случае войны с гитлеровской Германией.

К концу 1920-х гг. за рубежом существовало немало социал-демократических групп, как правило, сформировавшихся вокруг известных партийных лидеров и соответствующих изданий. Так, Александр Николаевич Потресов, в свое время, лидер меньшевиков-оборонцев и один из трех основных докладчиков на последнем Чрезвычайном съезде РСДРП (декабрь 1917 г.), но, в отличие от двух других: М.И. Либера и Ю.О. Мартова, признавшего «катастрофическое состояние» социал-демократической партии и закончившего доклад словами о необходимости проведения тактики «национального единства» [5, с.390 – 391], опосредованно вернулся к этой проблеме, уже находясь, после пребывания в советской тюрьме, с 1924 г. в эмиграции. В изданной в 1927 г. в Париже работе «В плену иллюзий (мой спор с официальным меньшевизмом)» он предрек, что изначально обреченный социальный эксперимент большевиков сделает «без вины виноватым… и социализм (за компанию с, действительно, виновным коммунизмом большевиков), и пролетариат, и даже Карла Маркса» [1, с.321 – 322]. Будущее, гармонично развивающееся и дающее счастье индивидам человеческого общества, он связывал с идеями свободы и демократии как ценностями, созданными историческим процессом и общественной мыслью. В издаваемых им «Записках социал-демократа» (1931 – 1934 гг.)

и редактируемой «Библиотеке демократического социализма» развивались эти идеи. Последняя признавалась как «внепартийное социал-демократическое издание» официальным органом РСДРП в эмиграции – Заграничной Делегацией, не воспрепятствовавшей в конечном итоге участию в нем семи своих членов, хотя это и стало предметом специальной дискуссии на одном из ее заседаний [8, с.316 – 317]. Но все-таки полностью связи не прерывались вплоть до смерти А.Н. Потресова в 1934 г.

Менее лояльной оказалась позиция данной организации по отношению к «Запискам социал-демократа» А.Н. Потресова, которая проявилась в связи с публикацией на страницах издания статьи члена Заграничной Делегации Г.О. Биштока и была квалифицирована как «дезорганизаторский акт» со стороны последнего [8, с.521]. Взаимоотношения складывались трудно, понимание достигалось далеко не всегда.

Это же касалось еще одного издания, привлекавшего внимание социалистической эмиграции – журнала «Заря», организованного и редактируемого бывшим на родине меньшевиком-оборонцем Ст. Ивановичем (С. О. Португейсом) в Берлине как «органа социал-демократической мысли» (1922–1925 гг.). Однако официальный партийный орган меньшевиков – Заграничная Делегация – не рекомендовал своим членам публиковаться на его страницах как издании группы «внепартийных правых», пользовавшимся «дружеским расположением» А. Н. Потресова. Кстати, одна из лучших работ Ст. Ивановича (Португейса), изданная в 1938 г. была посвящена Потресову, точнее, воссозданию его культурно-психологического портрета [1]. На значимость этой и других работ С. О. Португейса для идейного багажа российских социал-демократов обратил внимание член Заграничной Делегации Б.И. Николаевский в специальной статье, посвященной его памяти [12, 1944, №4-5]. С ноября 1941 г., Ст. Иванович стал сотрудником «Социалистического вестника».

Но наибольшее число социал-демократов сконцентрировалось вокруг Заграничной Делегации РСДРП, созданной Ю. О. Мартовым и Р. А. Абрамовичем, прибывшими за границу во второй половине 1920 г. В феврале 1922 г. к ним присоединились и другие, высланные из России члены ЦК РСДРП.Заграничная Делегация (ЗД) РСДРП после массовых арестов 1923 – 1924 гг. в России, фактически положивших конец регулярному функционированию полулегального русского Бюро ЦК, стала единственным легитимным руководящим органом партии с печатным изданием «Социалистический Вестник», выходившим в течение 1920–1966 гг. сначала в Берлине (1921–1933 гг.), Париже (1933–1940 гг.), затем (с перерывами) в Нью-Йорке.

Согласно первому протоколу ЗД от 9 сентября 1922 г., в ее состав входили Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, Р. А. Абрамович, Д. Ю. Далин, А. А. Югов, Е. Л. Бройдо, Б. И. Николаевский, Г. Я. Аронсон (с совещательным голосом) и П. Б. Аксельрод (позднее вышедший из нее). В последующие годы был введен еще ряд социал-демократов: И. Л. Юдин, Б. Л. Гуревич (Двинов), С. М. Шварц, М. С. Кефали (Камермахер) [8, с.182], впоследствии в нее были кооптированы П. А. Гарви, Ю. П. Денике и самый молодой из них Б. М. Сапир, представлявший до войны русский социал-демократический союз молодежи в Социалистическом Интернационале молодежи. Председателем ЗД с 1923 г. (после смерти Ю. О. Мартова) по 1940 г. был Федор Ильич Дан, защищавший на протяжении всех этих лет «мартовскую линию». В 1940 г. его на посту председателя ЗД сменил Р. А. Абрамович, который постепенно переместился к центристской позиции, хотя продолжал защищать сложившиеся партийные постулаты.

За пределами партийной верхушки, сосредоточившейся в ЗД, находилось значительное число меньшевиков. Концентрация членов партии, подобная ЗД, имела место в Берлине, Париже и Нью-Йорке. Меньшие по числу и времени существования группы были в Риге, Женеве, Льеже, Праге, Харбине [8, с.218]. При меньшевистских организациях создавались партийные клубы и группы содействия для сочувствовавших меньшевикам (за границей в организацию зачислялись только те, кто был членом партии на родине – из-за боязни проникновения в нее советских агентов). Не допускались не только в группу, но и в клубы лица, принадлежавшие к другим партиям, или «внепартийные» лица, задействованные в органах печати, ведущих борьбу с РСДРП. Исключения допускались редко. Так, в протоколе заседания ЗД от 4 февраля 1927 г. была допущена (по предложению Ф. Дана) такая возможность по отношению к А.Н. Потресову, в случае его инициативы, но именно, «в виде исключения» [1, с.254]. Одновременно, правая группа в ЗД (Г. Я. Аронсон, Г. О. Бинштоk, В. С. Войтинский, П. А. Гарви, М. С. Кефали) выступила со специальным заявлением об обращении к А. Н. Потресову о сотрудничестве в партийной прессе [«Социалистическом Вестнике»] с целью «консолидации социал-демократических сил»; была допущена возможность помещения его статей в дискуссионных сборниках, издаваемых на основании постановления партийного совещания членов ЗД [8, с.258].

Но, в целом, большинство ЗД во главе с Ф. И. Даном на компромиссы шло неохотно. Более лояльной была обстановка в партийных клубах и группах содействия.

Многие клубы были весьма многочисленными. Например, Берлинский партийный клуб имени Мартова к 1932 г. насчитывал около 70 членов и

был особенно активен. Там постоянно заслушивались и активно обсуждались доклады членов ЗД на актуальные темы: Дан Ф. И. «Два пути»; Абрамович Р. А. «Перспективы большевизма и наши задачи»; Николаевский Б. И. «Алгебра и арифметика» и т. д. [8, с.48-49]

Достаточно активно действовали члены Парижского меньшевистского клуба, руководитель которого М. С. Зборовский в 1927 г. выступил с инициативой празднования 10-летия Февральской революции, предложив привлечь к этому членов образовавшегося в Париже Международного социалистического клуба эмигрантов [8, с. 255], имевшего традиционные для парижской группы связи с прибалтийскими социал-демократическими партиями и партией Грузии.

Тем самым расширялись границы обсуждения актуальных вопросов, апробировались подходы и аргументы, вырабатывались оценки. Особые отношения связывали ЗД РСДРП с интернационалистским крылом Грузинской социал-демократии в лице И.Г. Церетели – члена Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала, признанного многими членами ЗД «заслуженным членом РСДРП» [8, с.447]. Однако отношения И. Г. Церетели с председателем ЗД Ф. И. Даном складывались непросто, в частности, он довольно резко выступал против курса последнего на самоизоляцию РСДРП, отказа от контактов с другими эмигрантами, особенно с социалистическими партиями, а также по отдельным теоретическим вопросам. В отношении к советскому режиму занимал более непримиримую позицию, также, как и по вопросу национальной политики в СССР. В полемике Ф. И. Дана и И. Г. Церетели последнего активно поддерживал член ЗД Б. И. Николаевский, в специальном проекте резолюции (июнь 1930 г.), напомнивший о совместной работе с ним «рука об руку» в Интернационале и других организациях социал-демократов [8, с. 446–447]. И неслучайно ставший впоследствии членом ЗД Б. М. Сапир считал, что отказ ее большинства, во главе с Ф.И. Даном, от усиления контактов с И. Г. Церетели и в его лице с интернационалистским крылом грузинской социал-демократии со временем явилось одним из факторов, способствовавших утрате Даном авторитета в организации [8, с.448].

Вообще, составители сборника документов «Меньшевики в эмиграции» называют Бориса Ивановича Николаевского «ключевой фигурой ЗД» на все время ее существования [8, с.42]. На наш взгляд, применительно к 30-м годам ее функционирования об этом можно писать только с известной долей условности. Как свидетельствуют документы, все-таки в данный период во главе сложившегося «большинства ЗД» стоял Ф. И. Дан и авторитет его был достаточно высок [8, с.449, 632, 659; и т. д.].

Общим в зачастую разных позициях споривших между собой российских социал-демократов, в том числе и в рамках ЗД, оставалось главное – учесть потребности дня в расчете на будущее. Даже такие порой несхожие в своих взглядах лица, как Дан и Николаевский, все же сходились в одном: оба считали, что грядущие изменения отметят новую эпоху и определят новые задачи и русского, и международного социализма.

Все это особенно проявилось на рубеже 1920-1930-х гг. в разработке и принятии новых программных документов РСДРП, в связи с развитием партийной платформы 1924 г., принятой, в свое время, на расширенном пленуме ЦК РСДРП в Берлине [7, с. 558–577]. Основой этой платформы была «мартовская линия», сформулированная еще раннее на двух всероссийских совещаниях, проходивших в Москве в марте и апреле 1920 г., и призванная обосновать сложные вопросы стратегии и тактики социал-демократии в новых условиях [6, с. 368–370, 424–432].

Характерно, что РСДРП и возникла, и всегда позиционировала себя как марксистская партия. Это означало, что исторический процесс был для нее главной политической школой, отсюда характерным для ее стратегии и тактики было не только постоянное возвращение к анализу прошлого опыта, но главное – прогнозирование будущего на основе овладения ситуационным явлениями в сочетании с обобщением пройденного пути.

Сущность происходивших в СССР потрясений в начале 1930-х гг. была такова, что она не могла не вызвать соответствующей реакции российских социал-демократов и повлиять на коррекцию программных положений. Оказывал на низ влияние, как, впрочем, и на все европейское социалистическое движение и мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., а также возросшая угроза фашизации режимов.

Проблема уточнения стратегической линии и тактики стала особенно актуальна для российских социал-демократов после того, как в России был свернут НЭП. Коллективизация, эта масштабная по своим последствиям акция, стала также основой многих предсказаний меньшевиков о грядущей судьбе советского режима. Настойчиво, и не только внутрипартийными правыми, но и большинством во главе с Даном, стало подчеркивание кризисного положения в СССР. Как свидетельствуют протоколы ЗД, постоянное заслушивание писем и другой информации, поступавших в организацию из России, стало системой ее работы, как и отправление «извлечений» из этой корреспонденции в партийные группы и клубы [8, с.234, 323–324, 405; и д.р.]. В «Социалистическом Вестнике» была открыта партийная дискуссия по вопросам тактики после публикации статьи П. А. Гарви «Новый этап диктатуры и наша тактика» [12, 1930 г., №3 (217)]. В связи с тем,

что члены ЗД были не удовлетворены разделом, посвященным России в первомайском воззвании Рабочего социалистического интернационала, 30 апреля 1930 г. ЗД РСДРП был принят специальный документ – Меморандум «О современном политическом положении в Советском Союзе». Его положения во многом определили изменения, внесенные позднее в программный документ РСДРП; они базировались на скрупулезном изучении сведений, поступивших с Родины.

Основным фактором, определявшим современное политическое положение в советской России, был назван обострившийся «конфликт между коммунистической диктатурой и крестьянством» [здесь и далее выд. в тексте – С.С.]. Однако инновационной для российских социал-демократов стала попытка напрямую связать этот конфликт с особенностями русской революции и характером социальных сил, свершивших ее. Доминировала мысль о том, что «радикальная победа революции» над старым режимом была обусловлена совместной борьбой двух классов – пролетариата и крестьянства и что «исторически достижимые социально-политические результаты революционного процесса» были связаны с интересами крестьянства как основной социальной и хозяйственной силой русского общества. Политика же «раскулачивания» и коллективизация крестьянства оценивалась как политика его хозяйственной экспроприации и введения государственной барщины. Был сделан важнейший вывод о том, что главным экономическим следствием «новой аграрной политики» явилось катастрофическое обострение всех хозяйственных трудностей диктатуры; политическим же последствием, выглядевшим еще более опасным, стал разгоравшийся конфликт между крестьянством и большевистским правительством, который оценивался меньшевиками «как переломный момент не только в истории коммунистической диктатуры, но и развитии русской революции вообще» [8, с. 416–417]. Аргументы в пользу данного вывода приводились весомые: усиление и обострение «сепаратистских движений… в национально-компактных, преимущественно крестьянских областях Советского Союза», переходивших в открытые восстания;расшатывание «государственного и хозяйственногоаппарата диктатуры»; рост настроений неверия и среди «самих коммунистов»; усиление борьбы фракции и уклонов в коммунистической партии и «внутри ее», окончательное подавление свободы всех общественных организаций от профсоюзов до советов, усиление борьбы с церковью, а главное - «возрождение террора», обращавшегося острием своим уже не против классов, побежденных в революции, а против классов, ее совершивших [8, с. 418–419]. В итоге, констатируя назревание «кризиса пережившей себя коммунистической диктатуры» [выд. в тексте – С.С.], социал-демократы сформулировали возможные пути изменения ситуации: осуществление программы «политического и хозяйственного раскрепощения», отказ от социальных утопий; демократизация советского режима; смена коммунистической диктатуры «сильной демократической властью» [8, с. 420–421].

При этом, российские социал-демократы, оставаясь принципиальными противниками теории «социализма в одной стране» и по-прежнему оперируя термином об отсталости России, связывали перспективу ее социалистического преобразования с назреванием революционного процесса в передовых промышленных странах, которые не могут не быть его «исторической колыбелью» [8, с. 422].

Таким образом, большинство российских социал-демократов, входивших в ЗД, в начале 1930-х гг. по-прежнему разделяли теорию мировой социалистической революции, возводя ее в ранг концепции, хотя и обращали внимание на усложнение процесса ее реализации.

Более жестко оценила ситуацию в России правая партийная оппозиция ЗД, представившая одновременно свой проект доклада Исполкому Рабочего Социалистического Интернационала (А. Кефали, П. Гарви, Вл. Войтинский и др. – в итоге 12 человек). В документе был не просто выражен протест против террора в СССР, но и подчеркивалась необходимость «более углубленной и широкой постановке проблемы большевизма… в целом» [подч. в тексте - С.С.] гибельного эксперимента над русским крестьянством, что связывалось с необходимостью «более углубленной и широкой постановки проблемы большевизма… в целом». Целью такой постановки должно было стать скорейшее изживание вредных иллюзий в отношении большевизма и создание прочной теоретической базы для той «социалистической интервенции международного пролетариата, которая является долгом его перед русской революцией и рабочим классом…». В заключение подчеркивалось, что изживание большевизма возможно путем демократического преодоления большевистской диктатуры» [8, с.424 – 425].

Также более трезвую оценку давали представители правой партийной оппозиции в ЗД, в частности, В. С. Войтинский, ситуации, связанной с мировым экономическим кризисом, который он, выступая в Берлинском клубе, назвал экзаменом на зрелость мирового рабочего движения. Основная задача данного движения, по его мнению, отныне сводилась к овладению рычагами для управления хозяйственной стихией, т.е. выработке активной хозяйственной политики во имя спасения положения; тезис о мировой революции в прежней редакции не упоминался, речь же шла о необходимости соответствующих экономических реформ и деструктуризаций, т. е. предлагалось

готовиться к социализму «не в виде резолюций, а в виде индустриальной промышленной демократии» [11]. Тем самым, российские социал-демократы, во многом еще интуитивно, закладывали контуры концепции демократического социализма не только в виде ее политической составляющей, но и возможной экономической платформы.

Необходимость уточнения программных положений, в свое время, сформулированных в партийной платформе РСДРП, в первой половине 30-х годов ощущалась всеми находившимся в эмиграции социал-демократами, в том числе и членами Заграничной Делегации РСДРП. Поэтому неслучайно председателем Ф.И. Даном было предложено составить «новые тезисы к платформе», учитывая новые условия в борьбе «за старые цели» [8, с.563, 567]. В начале октября 1933 г. состоялось расширенное совещание Заграничной Делегации РСДРП, названное в Информации «Социалистического Вестника» [12, 1933 г., 10 октр. №19 (304)], рядом пленарных заседаний. Тем самым, был подчеркнут особый статус проходившего совещания. Главным его «предметом» было названо обсуждение вопросов платформенного характера, подготовленное обширной дискуссией, проходившей по этим вопросам в клубах, на страницах партийного издания, среди членов ЗД. Было предоставлено четыре проекта; по крайней мере, два из которых во многом были близкими по подходам; несколько более резкие оценки содержал проект правой оппозиции.

В центре внимания уже в силу того, что их поддержало большинство членов ЗД, оказались тезисы Ф.И. Дана, содержавшие анализ изменений, происходивших в советской России, «особо тщательный учет тех хозяйственных, социальных и политических сдвигов» [выд. в тексте – С.С.], которые являются исторически уже неустранимыми» [8, с.571]. Важным тезисом было признание того, что революционные процессы еще не закончили своего цикла, поэтому большевистская диктатура, «при всех своих ошибках и преступлениях, еще отмечена печатью революции» [8, с.568]. Это положение, в конечном итоге, было поддержано участниками совещания и вошло в окончательный текст постановления ЗД «К партийной платформе», специально опубликованного в «Социалистическом Вестнике» [12, 1933, 10 окт. №19 (304)]. В этой связи в тезисах «большинства» (Ф.И. Дана и др.) было предложено РСДРП ставить во главу угла своей политики «бережное отношение к тем исторически-положительным сторонам [выд. в тексте – С.С.], какие имел процесс индустриализации страны и подъема ее «полуварварского» сельского хозяйства на высшую техническую ступень, хотя и в кровавых, хищнических и насильнических формах [8, с.571].

Характерно, что крестьянский вопрос особенно остро дискутировался на Совещании, и во всех четырех проектах тезисов он занимал немаловажное место. В проекте Ф.И. Дана обоснование его важности связывалось непосредственно с судьбой российской революции, «ключ» к которой лежал в конечном счете в складывающихся в крестьянстве настроенияхв условиях проведения политики «генеральной линии» в СССР [8, с.570]. Необходимость установления «модуса сожительства с крестьянством», социального и политического примирения с ним как с классом в целях не только роста производительных сил страны, но и предотвращения контрреволюционного срыва революции [8, с.581], доказывали и авторы другого проекта (Р.А. Абрамович, Д.Ю. Далин, Б.И. Николаевский).

Поэтому этот раздел постановления ЗД оказался наиболее обширным и аргументированным. Главным тезисом обновленной платформы РСДРП стало отстаивание полной свободы индивидуального крестьянского хозяйства [выд. в тексте – С.С.], неразрывно связанную с допущением свободы частной торговли и промышленной деятельности». Было выдвинуто требование для насильственно коллективизированных крестьян «свободы выхода из колхозов», возвращения всех высланных и сосланных «разоренных и экспроприированных крестьян-единоличников», в том числе и «раскулаченных». Оно вошло в постановление ЗД «К партийной платформе» [8, с.624 – 625].

Однако, отдельные положения, сформулированные в проекте большинства ЗД (Ф.И. Дан и др.) и декларировавшие приверженность «мартовской линии», не были после обсуждения включены в новую партийную платформу. Прежде всего, не было сохранено в новых поправках положение из проекта Дана о том, что кризис 1929 – 1933 гг. прервал начавшийся процесс относительной стабилизации капиталистического хозяйства и международного умиротворения и, тем самым, поставил «низвержение капиталистического строя и замену его социалистическими в порядок исторического дня» [8, с.568], т.е., по существу, был снят тезис о мировой революции. Характерно, что к подобному выводу, правда, с несколько иной аргументацией пришла и правая оппозиция ЗД (Г.Я. Аронсон, М.С. Кефали, П.А. Гарви и др.), представившие в своем проекте обширный раздел, характеризовавший международное положение (кстати, в других проектах эта характеристика была сведена к минимуму). Подчеркивалось, что сложившаяся в результате мирового кризиса обстановка, характеризуемая ростом реакции, фашизма, военной опасности, а также разгромом социал-демократии и пролетариата в Германии, отнюдь не революционизировала рабочих, как это бывало при прежних кризисах. Наоборот, она

создала новые трудности для реализации концепции «демократического социализма» в мировом масштабе и тем более в советской России, где теория и практика «построения социализма в одной стране» выродилась «в утопию мнимо социалистической автократии» [8, с.584 – 585]. В такой редакции тезис правой оппозиции не был включен в программу, но ход обсуждения этого пункта заставил группу Ф.И. Дана отказаться от принципиального положения о неизбежности мировой революции, поставив вопрос о пересмотре сроков и, главное, условий ее совершения.

В итоге, по словам Дана, этого «столкования» был выработан компромиссный вариант [9, 1933, 10 ноябр., №22 (307)], принятый большинством. Р. А. Абрамович, бывший в течение многих лет представителем Заграничной Делегации в РСИ, сменивший позднее Ф.И. Дана на посту ее председателяи не раз критиковавший его проект, тем не менее, признал: «выработанный документ есть единственно возможная платформа» [8, с.619].

Таким образом, в 1933 г., после уточнения ряда спорных положений (об отношении к Советской России, о мировой революции, о соотнесении борьбы за демократию и социализм), впервые удалось принять итоговый документ, обеспечивший компромисс между различными партийными течениями (правыми, левыми и центристами) в среде меньшевиков. Это дало им возможность в последующие несколько лет достаточно четко проводить свою тактическую линию.

В условиях усилившейся угрозы войны, кризиса политической демократии в Европе, возросшей агрессии фашизма российским социал-демократам удалось связать проблемы войны и мира с темой «социализм и демократия», переведя ее в разряд глобальных в новых условиях. Им также удалось сыграть определенную публичную роль, включившись в международную дискуссию по обсуждению проблемы борьбы за демократию в новых условиях, открытую председателем Исполкома РСИ Фридрихом Адлером специальным письмом (май 1938 г.) ко всем партиям, входившим в Интернационал. В свою очередь, с письмом к членам Заграничной Делегации РСДРП обратился Ф.И. Дан, сопроводив его тезисами «О борьбе за демократию» (не сохранились) и предложив прислать материалы к готовившемуся партийному совещанию. Был обрисован ракурс обсуждения: данная тема – это «не русская проблема» и даже не борьба за демократию в Советском Союзе, а борьба за демократию как «общая интернациональная проблема» [8, с. 788 – 789].

Таким образом, был определен достаточно высокий теоретический уровень обсуждения – обобщить опыт более чем за двадцать послевоенных лет и выявить его значимость «для всего демократического социализма». По мнению Дана, это не означало выработку «тактической рецептуры», обязательной для всего Интернационала или отдельных его партий, а определение «общего русла» борьбы, ее «принципиальных вех» [8, с.791]. В качестве этих вех им назывались и «великая русская революция, и опыт борьбы за мир», все теснее сплетавшийся с борьбой против фашизма, за демократию. Отсюда следовал характерный для меньшевиков стратегический вывод: «без демократии нет, и не может быть социализма», трансформированный Даном в «двуединый» лозунг – «демократический социализм и социалистическая демократия» [8, с.793 – 794].

Выводы концептуального порядка были сделаны участником дискуссии П. А. Гарви, входившим в делегацию РСДРП на всех социалистических конгрессах, позднее – членом ЗД. Его тезис был лаконичен: демократия – это не только средство к достижению социалистической цели, но и «необходимый ингредиент» этой цели, немыслимой вне демократии. Утверждение же о невозможности демократии без социализма, по его мнению, опровергалось существованием буржуазных демократий достаточно «еще полнокровных», в Европе и Америке. В тактическом плане противоположное утверждение создавало опасность сужения антифашистского фронта, делало невозможной «мобилизацию» средних классов и крестьянства. Еще большей ошибкой Гарви посчитал ведение борьбы за мир под знаменем развязывания социальной революции и «перспективы прорыва социализма» в случае новой мировой войны, на самом деле создававшей опасность гибели всей цивилизации [8, с.802]. Тем самым, корректировались общие представления, сложившиеся у многих социал-демократов, и не только российских, в начале века о возможности превращения любых мировых катаклизмов в социальную революцию.

Своего рода подведением итогов проходившей дискуссии и участия в ней российских социал-демократов стало единогласнопринятое Заграничной Делегацией РСДРП 27 сентября 1938 г. «Обращение ко всем членам партии» [выд. в тексте – С.С.] с перечнем задач тактического и стратегического плана. Также было утверждено «письмо к эмигрантским организациям других социалистических партий» с предложением об образовании координационного комитета для разрешения общих практических вопросов [8, с. 831–834]. Вопрос об итогах дискуссии, о борьбе за демократию еще раз стал предметом обсуждения на партийном совещании при Заграничной Делегации РСДРП 5-9 января 1939 г., где было провозглашено, что борьба за «дело мира, дело демократии и социализма» должна рассматриваться как «общая принципиальная основа» политической работы социалистических партий [выд. в тексте – С.С.] [9, с.20 – 28]. Они еще верили, что мир можно спасти, и старались сделать все возможное, что было в их силах, как

политиков и интеллектуалов. Правда, наиболее дальновидный Б. И. Николаевский, державшийся на совещании «пассивно», кратко заметил: «Как вы не понимаете, что речь идет не о демократии, а о выживании вообще…» [9, с.30].

И они, как могли, выживали в тяжелейших политических и материальных условиях, при постоянной нехватке средств, зачастую проводя сборы, даже «чрезвычайный взнос» в фонд партийного издания – «Социалистического Вестника», но выпуская его неукоснительно (безработным посылали его «за половину платы»). Его последний парижский номер вышел 1 июня 1940 г., а следующий уже в Нью-Йорке 15 ноября 1940 г. [12, 1940, 15 нояб. №11 (463)]

Таким образом, российские социал-демократы, обосновав понимание демократии не только как средства, но и как неотъемлемой цели массового движения, пытались спроецировать возможные практические пути ее достижения, внося свою лепту в разработку концепции демократического социализма.

Хочется в заключение привести оценку Уолтера Лакера, который еще в начале 1990-х в статье «Похвальное слово меньшевикам» утверждал, что «там, где многие сбились с пути», их убеждения делали невозможным компромисс ни с большевиками, ни с фашистами, и в этом им помогал немалый политический опыт и просто здравый смысл [4]. Остается только сожалеть, что подобные качества стали большим дефицитом у многих современных политиков.

Источники и литература

1. Александр Николаевич Потресов. Избранное / сост. Д.Б. Павлов. М: Мосгорархив, 2002. 488 с.
2. Власть и общество в представлениях левых общественно-политических движений. М: ИВИ РАН. 2005. 297 с.
3. Иванович Ст. [Португейс] А.Н. Потресов. Опыт культурно-психологического портрета. Париж: La Russie nouvelle (Maison du livre étranger), 1938. 222 с.
4. Лакер У. Похвальное слово меньшевикам // Новое время. 1992. №45. С.38 – 41.
5. Меньшевики в 1917 году. Т.3. Часть вторая. М: РОССПЭН, 1997. 712 с.
6. Меньшевики в 1919-1920 гг. М: РОССПЭН, 2000. 936 с.
7. Меньшевики в 1922-1924 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 728 с.
8. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП, 1922 – 1951 гг.: в 2 ч. Ч.1. М.: РОССПЭН, 2010. 526 с.
9. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП: в 2 ч. Ч.2. М.: РОССПЭН, 2010. 835 с.
10. Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российских социал-демократов. М.: Новый хронограф, 2012. 600 с.
11. Ненароков А.П. Экономические взгляды В.С. Войтинского // Россия.XXI. 2005. №6. С.160 — 177.
12. Социалистический Вестник. Орган Заграничной Делегации РСДРП. 1933 – 1944.
13. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

References

1. Aleksandr Nikolaevich Potresov. Izbrannoe (Alexander Nikolaevich Potresov. Selected Works) / D.B. Pavlov. Moscow: Mosgorarkhiv, 2002. 488 p.
2. Vlast' i obshchestvo v predstavleniyakh levykh obshchestvenno-politicheskikh dvizheniy (Power and Society in the Ideas of Left-Wing Socio-Political Movements). Moscow: IWH RAS publ., 2005. 297 p.
3. Ivanovich St. [Portugeys] A.N. Potresov. Opyt kul'turno-psikhologicheskogo portreta (Experience of Cultural and Psychological Portrait). Paris: La Russie nouvelle (Maison du livre étranger), 1938. 222 p.
4. Laker U. Pokhval'noe slovo men'shevikam (Word of Praise to the Mensheviks) // Novoe vremya. 1992. No. 45. P.38 – 41.
5. Men'sheviki v 1917 godu (Mensheviks in 1917). Vol.3. Part 2. Moscow: ROSSPEN, 1997. 712 p.
6. Men'sheviki v 1919-1920 gg. (Mensheviks in 1919 – 1920). Moscow: ROSSPEN, 2000. 936 p.
7. Men'sheviki v 1922-1924 gg. (Mensheviks in 1922 – 1924). Moscow: ROSSPEN, 2004. 728 p.
8. Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoy Delegatsii RSDRP, 1922 – 1951 gg. (Mensheviks in Emigration Protocols of Foreign Delegation of the Russian Social Democratic Workers' Party) in 2 p. Part.1. Moscow: ROSSPEN, 2010. 526 p.
9. Men'sheviki v emigratsii. Protokoly Zagranichnoy Delegatsii RSDRP (Mensheviks in Emigration Protocols of Foreign Delegation of the Russian Social Democratic Workers' Party): In 2 Part. Part.2. Moscow: ROSSPEN, 2010. 835 p.
10. Nenarokov A.P. Pravyy men'shevizm: prozreniya rossiyskikh sotsial-demokratov (The Right Menshevism: Epiphany of the Russian Social Democrats). Moscow: Novyy khronograf, 2012. 600 p.
11. Nenarokov A.P. Ekonomicheskie vzglyady V.S. Voytinskogo (Economic Views of V.S. Voitinsky) // Rossiya.XXI. 2005. No.6. P.160 — 177.
12. Sotsialisticheskiy Vestnik. Organ Zagranichnoy Delegatsii RSDRP. 1933 – 1944.
13. Tyutyukin S.V. Men'shevizm: stranitsy istorii (Menshevism: Pages of History). Moscow: ROSSPEN, 2002. 560 p.

Сведения об авторе

Смагина Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории XX – XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) / smagi.svetlana@yandex.ru

Information about the author

Smagina Svetlana M. – PhD in Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History of XX – XXI, Institute of History and Foreign Relations, South Federal University (Rostov-on-Don, Russia) / smagi.svetlana@yandex.ru

CC BY

УДК 94(4)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.13

Н. Б. Срединская

ВЕНЕЦИЯ И ФЕРРАРА: ГРАЖДАНЕ, ПОДДАННЫЕ И… ПО МАТЕРИАЛАМ ДОЖЕСКИХ ПОСЛАНИЙ ИЗ СОБРАНИЯ Н. П. ЛИХАЧЕВА[1]

Основанием этой работы служат 12 посланий венецианских дожей (lettere ducali) XIV – XV вв. в Феррару из собрания Н.П. Лихачева (1862–1936), хранящиеся в Западноевропейской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. До последних десятилетий прошлого века они оставались практически не затронутыми исследователями. Статья предполагает выявление терминологии, которая используется в посланиях для обозначения места в обществе каждого, кто был в них упомянут, например: civis – гражданин; subditus – подданный; colonus – колон и др. Такая терминология является для lettere ducali, как документов, носящих публичный характер, ключевой, в отличие от частных актов этого времени, где она почти не встречается. Исследование дожеских посланий 1375–1437 гг., направленных в Феррару дает яркую иллюстрацию зарождения традиций международных отношений в защите интересов своих граждан. В конце XIII в. большинство граждан, не принадлежавших к нобилитету, утратило политические права, но за пределами Венеции венецианское гражданство не утратило своего статуса и престижа. Следует отметить, однако, что забота венецианского правительства распространялась не только на граждан, чьи интересы оказывались ущемленными за пределами владений Венеции, но и на тех представителей ее населения, кто к составу ее гражданства не принадлежал.

Анализ социальных и правовых реалий, выявленных в результате изучения lettere ducali, может обеспечить новый материал для изучения правового статуса различных слоев общества Северной Италии XIV – XV вв. – той темы, которую нельзя считать полностью изученной.

Ключевые слова: послания венецианских дожей, граждане и подданные; Венеция, Феррара, XIV – XV вв.

Для цитирования: Срединская Н.Б. Венеция и Феррара: граждане, подданные и… По материалам дожеских посланий из собрания Н.П. Лихачева // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.108–116. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.13

Natalia B. Sredinskaia

VENICE AND FERRARA: CITIZENS, SUBJECTS AND... BASED ON THE MATERIALS OF THE DOGE'S EPISTLES FROM THE COLLECTION OF N.P. LIKHACHEV

The basis of this work is 12 letters of the Venetian Doges (lettere ducali) of the XIV-XV centuries to Ferrara from the collection of N. P. Likhachev (1862-1936), stored in the Western European Section of the Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Until the last decades of the last century, they remained practically untouched by researchers. The article involves identifying the terminology that is used in the messages to indicate the place in society of everyone who was mentioned in them, for example: civis-citizen; subditus-subject; colonus-colon, etc. Such terminology is key for lettere ducali, as documents of public nature, in contrast to private acts of this time, where it is almost not found. The study of the Doge's letters of 1375–1437 sent to Ferrara provides a vivid illustration of the emergence of traditions of international relations in protecting the interests of their citizens. At the end of the XIII century, most citizens who did not belong to the nobility lost their political rights, but outside of Venice, Venetian citizenship did not lose its status and prestige. It should be noted, however, that the concern of the Venetian government extended not only to citizens whose interests were infringed outside the possessions of Venice, but also to those representatives of its population who did not belong to the composition of its citizenship.

The analysis of the social and legal realities revealed as a result of the study of lettere ducali can provide new material for studying the legal status of various strata of society in Northern Italy of the XIV – XV centuries – a topic that cannot be considered fully studied.

Key words: Doge's epistles (lettere ducali), citizens and subjects; Venice, Ferrara, XIV – XV centuries.

For citation: Sredinskaia N. B. Venice and Ferrara: citizens, subjects and... based on the materials of the doge's epistles from the collection of N.P. Likhachev // Humanities and law research. 2021. No.4. P.108–116. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.13

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-00326 «Древнейшие послания венецианских дожей в рукописном собрании академика Н.П. Лихачева (XIV – первая половина XVI вв.)»

2 The research was funded by RFBR according to the project №19-09-00326 «The oldest messages of the Venetian Doges in the manuscript collection of academician N. P. Likhachev (XIV-the first half of the XVI centuries)»

Дожеские послания (lettere ducali) из знаменитого собрания академика Н.П. Лихачева (1862– 1936), которые ныне хранятся в Западноевропейской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН [9], до последних десятилетий прошлого века оставались практически не затронутыми исследователями. Честь первого обращения к подлинным, в большинстве своем ранее не публиковавшимся документам Венеции из коллекции Н.П. Лихачева принадлежит Л. Г. Климанову (1941–2015) [5; 4; 6; 7]. В последнее время венецианские документы, и прежде всего lettere ducali, стали основой исследований, посвященных самой разнообразной тематике: источниковедению, экологии, истории дипломатии и дипломатических отношений [1; 11; 14; 15].

Одна из обстоятельных и серьезных статей Л. Г. Климанова, посвященная изучению вопросов венецианского гражданства [7, с.28 – 38], основана на анализе послания дожа Антонио Веньера к правителю Феррары, маркизу д'Эсте [9, Картон 186, № 15, 15][1] .

Повод обращения дожа к феррарскому синьору был следующим: венецианцу Дионисио де Ребуфатис в Ферраре было отказано в неких привилегиях, которые там причитались купцам при наличии у них венецианского гражданства. Документ о гражданстве Венеции был предъявлен, но это не возымело действия, поскольку власти Феррары сочли, что привилегии касаются только урожденных (originarii) граждан, а гражданство Дионисио, судя по всему, относилось к разряду пожалованных (privilegiati). Послание Антонио Веньера из собрания Н.П. Лихачева содержит требование, чтобы впредь все венецианцы, предъявляющие свидетельство о венецианском гражданстве, рассматривались как венецианские граждане, будь они урожденными или же пожалованными. Послание заканчивается уверением в том, что венецианские власти не снимают с себя подобного обязательства по отношению к гражданам Феррары [7, с. 28 – 29].

Далее Л.Г. Климанов на материале статутов и на основании трудов предшественников [18; 19] обращается к проблеме эволюции венецианского гражданства. Послание Антонио Веньера уже дает нам представление о разделении венецианских граждан на две категории: «урожденных» и «пожалованных». Урожденными по статуту 1242 г. считались жители Риальто, Градо, Кьоджи и Каварцере [7, с. 29, 23]. «Иностранцы», желавшие приобрести венецианское гражданство, прибывали из Венето (Падуя, Верона), Тосканы (Флоренция, Лукка), Ломбардии (Бергамо, Кремона, Милан, Мантуя), Эмилии (Болонья, Феррара) и других, но также и из заальпийских городов, по большей части германских. Как указывает Л. Г. Климанов, в отличие от других итальянских городов-государств, «пожалованные» граждане Венеции в свою очередь, разделялись на два вида, отличавшиеся обеспеченностью правами [7. с. 30–31][2].

С середины XIII в. из среды урожденных граждан выделяется городской нобилитет, это проявляется в преобладании определенных семей в политической жизни Венеции. Так, например, к концу XIII в. Большой Совет Венеции, стал сословным собранием наследственных нобилей, тогда как прежде его состав формировался на народном собрании из числа всех урожденных граждан. Таким образом, как подчеркивает в своей работе Л.Г. Климанов, было создано правящее сословие, при этом от политической жизни была отстранена значительная группа прежних членов Большого Совета [7, с. 32–33][3].

Таким образом, в рассмотренной работе обрисованы основные слои венецианского гражданства: нобилитет, который сосредоточил в своих руках политические права (что дает Л.Г. Климанову основание называть его «сословием»), входивший одновременно в состав гражданства урожденного; и другое «сословие» – гражданство, пожалованное и урожденное. Следует согласиться с основным выводом работы: если граждане были обречены на второстепенную роль в нобильской республике венецианцев, то за пределами Венеции в равной степени были защищены они все, и город решительно выступал против ущемлений прав всех своих граждан, будь-то нобили, «урожденные граждане» или «граждане пожалованные» [7, с. 37].

1 Послание было ошибочно датировано 1385 г., уточнение даты принадлежит А.В. Чирковой. Она отмечает, что lettere ducali до начала XV в. не содержали указания на год от Рождества Христова, и в данном послании также обозначен только день месяца и год индикта. Дата послания – 23 сентября и седьмой год индикта – в связи с долгим правлением дожа Антонио Веньера, позволяет отнести послание либо к 1383, либо к 1398 году. Таким образом, адресатом послания мог оказаться как Никколо II (1361–1388), так и Никколо III д'Эсте (1393–1441).

2 Прожившим в городе 15 лет и соблюдавшим гражданские обязанности предоставлялось гражданство de intus. Это обеспечивало право торговать как венецианцам в городе. Более широкие правомочия – торговать не только в городе, но и за пределами Венеции как венецианцам, предоставляло гражданство de intus et extra. Его получали прожившие в городе 25 лет и соблюдавшие гражданские обязанности; это означало и защиту государством их интересов, и перспективу перехода потомков в одном из следующих поколений в высшую категорию «урожденных» граждан, что давало бы полноту гражданских привилегий.

3 Оттесненная от власти группа полноправных венецианских граждан оказалась ущемлена в правовом отношении. Все же эта группа удержала в своих руках значительные, хотя и меньшие, чем у нобилитета, позиции во внутренней и внешней торговле и мало уступала нобилитету в имущественном отношении. Однако лишь немногие представители этой группы смогли сохранить за собой право владеть земельной собственностью на терраферме и в заморских владениях Венеции, которым обладали все нобильские семьи.

Основные выводы работы Л. Г. Климанова подтверждаются на материале других посланий, хранящихся в Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН. Несмотря на все достоинства этой статьи (построенной, в основном, на одном из lettere ducali из собрания Н. П. Лихачева), такой фонд источников, как дожеские послания, в том числе для изучения правового статуса различных слоев общества Северной Италии, никак нельзя считать исчерпанным. В данной работе предполагается на этом же материале продолжить разработку тематики, которой посвящена статья Л. Г. Климанова, обратив особое внимание на социальные и правовые реалии, на терминологию посланий, определявшую место в обществе каждого, кто был в них упомянут.

Основой для этой работы избраны дожеские послания, направленные в Феррару. Число этих документов относительно невелико – их всего двенадцать [9, Картон 186, № 10, 12, 13, 15, 20, 25-31], с 1375 по 1437 г., и из их содержания становится ясным, что lettere ducali такого рода сохранились далеко не все. В венецианских архивах не удалось найти ответных посланий правителей Феррары, и зачастую остается неизвестным, каков был исход дела, как решился тот или иной конфликт. Тем не менее, на этом основании мы можем несколько расширить представления не только о венецианском, но и о феррарском гражданстве, а также о представителях других социальных слоев двух соседних городов-государств.

Здесь следует отметить, что для исследования этой темы lettere ducali дают особенно ценный материал, поскольку в частных актах, и венецианских, и феррарских редко упоминание о гражданах и негражданах. Частные акты при поименовании сторон в договоре, свидетелей сделки или иной процедуры, нотариев и других участников правоотношений указывают гражданство только в том случае, когда речь идет об «иностранце»: гражданине другого города-государства [8; 11, с. 178–179][1], а на основании рассмотрения дожеских посланий – документов, носящих публичный характер, яснее выступает социальный статус обозначенных в них лиц.

Приступая к изучению lettere ducali в этом ключе, возвратимся к указанному посланию Антонио Веньера, и отметим, что в распоряжении исследователей осталось лишь одно из по крайней мере трех обращений венецианских властей в Феррару, вызванных казусом Дионисио де Ребуфатис. Их содержание можно реконструировать из сохранившегося послания более подробно, чем это сделано в работе Л.Г. Климанова, ограничившегося упоминанием о наличии «официальной переписки» властей Венеции и Феррары по этому поводу.

Исходя из содержания сохранившегося послания, можно заметить, что вначале со стороны венецианцев последовал запрос о причинах отказа в предоставлении привилегий и получен ответ [9, Картон 186, № 15][2]. Подготовка ответа, суть которого также может быть реконструирована из содержания последнего сохранившегося послания, была доверена Совету феррарской коммуны (в состав полномочий Совета среди прочих дел входило утверждение и внесение в список новых граждан Феррары). Совет феррарской коммуны, называемый также Советом двенадцати Мудрых – Consiglio dei dodici Savi (Savi; лат. Sapientes), сократив свои полномочия, продолжал собираться также и после укрепления власти династии д'Эсте.

Совет объяснил отказ тем, что привилегии, как сочли члены Совета, касались только урожденных (originarii) венецианских граждан, а гражданство Дионисио, как уже было упомянуто, относилось к разряду пожалованных (privilegiati) [9, Картон 186, № 15][3]. На это и последовала отповедь венецианских властей, ссылавшихся на ранее заключенные договоры о равенстве в праве на привилегии для всех венецианских граждан [9, Картон 186, № 15][4], предъявляющих документы о гражданстве [9, Картон 186, № 15]. В заключение удостоверяется, что в Венеции предоставляли и предоставляют подобные привилегии феррарским гражданам, урожденным или пожалованным [9, Картон 186, № 15][5].

Таким образом, в рассмотренном послании Антонио Веньера упоминаются венецианские граждане (cives), урожденные (originarii) и пожалованные (privilegiati). Следует обратить внимание на то, что в пассаже, определяющем позицию феррарских властей, считавших, что упомянутые привилегии причитаются только урожденным, и в опровергающем эту позицию утверждении, что привилегии предназначаются для всех, употребляется выражение omnes homines Veneciarum. Поскольку в документе так изложена ошибочная мысль феррарских Sapientes, остается не совсем ясным, подразумеваются ли под этим выражением граждане Венеции [9, Картон 186, № 15][6].

1 Упоминания о гражданстве в частных актах представляют собой единичные случаи. Например, в публикации Н.Д. Прокофьевой, включающей 132 акта, гражданство (Генуи) указано только в одном из них. Те же выводы, как заключает Н.Б. Срединская, следуют на основании рассмотрения 325 феррарских актов из архивов Санкт-Петербурга и Модены.

2 «Magnificentie Vostre literas recepimus responsales ad nostras super facto Dionisii de Rebufatis...». Здесь и далее тексты цитируемых документов приводятся в орфографии подлинника.

3 «Magnificentia Vostra fecit examinari per sapientes suos pacta qui referunt quod verba pactorum in eo quod dicunt omnes homines Veneciarum solum concernunt originarios cives Veneciarum et cetera».

4 «...miramur de responsione predicta et de dificultate que sit in expeditione dicti civis nostri quia pacta clarissime loquuntur et absque exceptione non distinguendo cives originarios a civibus privilegiatis».

5 «officiales nostri expediverunt et expediunt cives ferrarienses habentes solum literas Magnificentie Vostre et non queritur utrum sint cives originarii vel privilegiati».

6 «Magnificentia Vostra fecit examinari per sapientes suos pacta qui referunt quod verba pactorum in eo quod dicunt omnes homines Veneciarum solum concernunt originarios cives Veneciarum et cetera».

Следует отметить, что обращения дожей к правителям Феррары составлялись не только тогда, когда требовалось отстоять интересы венецианских граждан. Так например, послание дожа Андреа Контарини от 1 августа 1375 г. к Никколо II д'Эсте направлено на защиту Доменико Мадзаголло из Кьоджи, обвиненного феррарскими властями в контрабандном провозе продуктов питания – хлеба, яиц и сыров на сумму 10 болонских лир [9, Картон 186, № 10]. Доменико назван «fidelis noster – верноподданный наш», но не гражданин – civis, каковым он, со всей вероятностью, не являлся. Примечательно, что феррарские продавцы продовольствия названы subditi (подданные), а по отношению к венецианцу Доменико применен имеющий то же значение, но другой термин – fidelis [9, Картон 186, № 10][1].

Подобным образом «fidelis noster – верноподданный наш», обозначен в послании дожа Франческо Фоскари от 8 декабря 1433 г. статус Мартино де ла Дзонка, оказавшегося в заключении в Павии. Послание направлено в Феррару, но адресовано не синьорам д'Эсте, а пребывающему там послу Венеции Франческо Барбаро. В заботе об освобождении Мартино венецианскому представителю поручено связаться с миланским послом в Ферраре и действовать через него. Несмотря на то, что павийский узник поименован не просто fidelis, а egregius fidelis – высокочтимый верноподданный наш, но венецианским гражданином (civis) он не назван, и судя по всему, не был [9, Картон 186, № 29].

В отличие от предыдущих двух, послание Андреа Контарини к Никколо II д'Эсте от 18 апреля 1379 г., касается венецианского гражданина (civis noster). Так был обозначен в этом документе Джоаккино из Кьоджи, которого в Ферраре обвинили в контрабандной перевозке некоторого количества яиц и солонины. Он был оправдан и освобожден. Послание содержит просьбу распорядиться о возвращении суммы залога ввиду оправдания Джоаккино [9, Картон 186, № 12].

Следующее послание также касается защиты интересов венецианских граждан. Обращению дожа Франческо Фоскари к Никколо III от 25 ноября 1436 г., также как и в других посланиях, предшествовала не дошедшая до нас официальная переписка сторон. Она была вызвана претензиями венецианских купцов (pro favore civium et mercatorum nostrorum) к рыбоводам феррарского Комаккьо, подданным маркиза д'Эсте (subditi vestri de Comaclo) о недопоставке рыбы по заключенным контрактам. В этом дожеском послании отвергнута попытка Никколо III защитить своих подданных предложением вернуть венецианцам деньги за недопоставленный товар, и выражено требование об исполнении контрактов в полном объеме [9, Картон 186, № 30; 2, с. 50][2]. Отметим, что здесь, как и в упомянутом выше послании Андреа Контарини от 1 августа 1375 г., венецианцы последовательно поименованы cives (лишь однажды cives et fideles nostri – граждане и верноподданные наши), а феррарская сторона обозначена, как subditi – подданные.

Еще одно послание Франческо Фоскари к Никколо III д'Эсте от 31 мая 1437 г. содержит просьбу содействовать освобождению арестованного феррарской таможенной службой груза мальвазии, отправленного венецианскими гражданами (nostri cives) и следовавшего в Болонью. Конфликт не находил разрешения, и это обращение, как мы узнаем из текста самого послания, не было первым: ему предшествовали еще два, первое из них в 1434 г, но ответ из Феррары не последовал [9, Картон 186, № 31][3]. Для решения дела в послании предлагается назначить представителей с каждой стороны, к которым, в случае их несогласия, должен был присоединиться еще один человек, избранный из числа либо подданных Венеции, либо Феррары (nec nobis, nec vobis subditis), при этом пользующийся доверием обеих сторон [9, Картон 186, № 31][4].

Краткое послание Андреа Контарини к Никколо II от 7 января 1382 г. [9, Картон 186, № 13] захватывает иные сферы межгосударственных отношений: речь идет о времени завершения венециано-генуэзской войны из-за Кьоджи 1378 – 1381 гг. Никколо II д'Эсте был избран посредником в установлении новых границ между Падуей и Венецией, и данная «верительная грамота» называет представителей венецианской стороны, направленных в Феррару в качестве синдиков и прокураторов для выполнения этой задачи[5]. Это

1 Fidelis – верный; в средневековой латыни может означать подданный, верноподданный. Niermeyer J.F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Brill, 1976. В попытке оправдать его правонарушение Доменико Мадзаголло характеризуется как бедняк – pauper homo est, а контрабандные товары имеющими цену невеликую – modici valoris.

2 Д. А. Агеева, на основании анализа содержания документа, уточняет суть конфликта: «Видимо, жители Комаккьо находились в прямой юрисдикции маркиза д'Эсте, так как без его приказа они не могли продать дополнительное количество рыбы – правило, которое они нарушили, заключив контракты с венецианцами на большие, чем обычно, поставки». К этому необходимо добавить, что и ссылки на нарушение приказов феррарских властей, и ссылки на меньший, чем обычно, улов, как причины ненадлежащего исполнения обязательств рыбаками Комаккьо, не были приняты. В послании указано, что в результате этих нарушений должны быть наказаны виновные, но не должны пострадать купцы, венецианские граждане.

3 «Recolumus Illustrissime Magnificentie vestre scripsisse per duas litteras, alteram sub die tertio, alteram sub XXII ianuarii 1434».

4 «Et ubi concordes esse non possent, tunc eligatur tertius, nec nobis, nec vobis subditis, sed confidens utriusque partis, sicut est iustum».

5 Агеева Д. А. в своей ВКР «Институты и административные практики Венецианской республики по управлению природными ресурсами Терраферми, вторая половина XIV в. – XV в. (по материалам Архива Санкт-Петербургского института истории РАН)» определила место данного послания в контексте итальянской истории на основании изучения Регистров актов венецианского Сената.

три представителя нобилитета (nobiles), одновременно являющиеся венецианскими гражданами (cives), Паоло Морозини, Никколо Дзено и Бертуччо Контарини, которые, как указано в послании, полностью осведомлены о правах и намерениях венецианской стороны [9, Картон 186, № 13][1].

Послание дожа Микеле Стено от 31 марта 1408 г., направленное Никколо III [9, Картон 186, № 20], затрагивает как важнейшие, так и «бытовые», обычные проблемы отношений между Венецией и Феррарой. Первая часть послания содержит ответ на запрос феррарских властей о пшенице, которая перевозится по реке По через владения Феррары [9, Картон 186, № 20][2]. Больший интерес для рассматриваемой темы представляет другая часть этого документа, где дан ответ на претензии феррарских властей о правонарушениях, совершаемых подданными Венеции (per subditos nostros). Это контрабандная торговля вином с венецианских судов (виновные определены как homines lignorum nostrorum – люди с наших кораблей) около местечка Спина и незаконная ловля рыбы в феррарских водах рыбаками Кьоджи (piscatores Clugie). Послание содержит обещания отдать приказ должностным лицам Венеции о прекращении подобных нарушений. Отметим употребление термина «subditi – подданные» по отношению к представителям венецианского населения.

Отдельную группу lettere ducali из собрания Н.П. Лихачева составляют четыре послания дожа Франческо Фоскари 1431 – 1432 гг., обращенные к Никколо III. Эти послания объединены одной темой – попытками решения проблем венецианцев, живших в местечке Папоцце феррарского дистретто, в непосредственной близости от границы с Венецией [9, Картон 186, № 25 от 4 апреля 1431 г.; № 26 от 18 мая 1431 г.; № 27 от 12 ноября 1431 г. и № 28 от 26 апреля 1432 г.]. Усилия венецианских властей направлены на освобождение соотечественников, жителей Папоцце, от тягот и повинностей, установленных властями Феррары для своих подданных. Как и в рассмотренных выше случаях, сохранились не все послания о Папоцце, хотя по тексту дошедших до нас посланий часть информации удается реконструировать. Не найдены, как уже упоминалось, ответные послания, и реакция феррарских властей на многократные обращения венецианцев остается неизвестной. Тем не менее, для исследования избранной темы эти четыре послания представляют не меньший интерес, чем расмотренное выше послание Антонио Веньера.

Первое из посланий, от 4 апреля 1431 г. обращено на защиту «немалого числа» венецианцев, обладателей недвижимого имущества в Папоцце (non nullos Venetos nostros habentes possessiones in loco Papociarum), принуждаемых войти в расходы на ремонт дамб (aggerum) [24, p. 18; 10, с. 24][3], что противоречило нормам ферраро-венецианских соглашений [9, Картон 186, № 25][4]. Там же, со ссылкой на заключенные ранее договоры, говорится о том, что венецианцы на феррарской территории всегда были свободны от тягот и повинностей, налагавшихся на подданных правителя Феррары [9, Картон 186, № 25][5]. «Veneti nostri – наши венецианцы» (но не «cives – граждане»): так в послании обозначены те, чьи интересы отстаиваются властями Венеции. Очевидно, здесь имеются в виду также и те венецианцы, кто статусом гражданства не обладал.

В отличие от рассмотренного выше, послание от 18 мая 1431 г., также направленное на защиту прав венецианцев, жителей Папоцце, разделяет тех, кто должен быть освобожден от тягот, на граждан и [других] венецианцев (nostri cives et Veneti). То, что речь идет именно о разделении венецианцев, обитателей Папоцце, на обладавших, и с другой стороны, не обладавших гражданством Венеции, подтверждается тем, что послание требует прекратить притеснения и тех, и других (civibus et subditis utriusque partis), причем на этот раз «другие», в отличие от граждан, названы подданными (subditi) [9, Картон 186, № 26]. К посланию прилагалась не дошедшая до нас копия привилегии (littera sive privilegium) с указанием всех льгот и иммунитетов, предо-

1 «…transmittimus nobiles et sapientes viros Paulum Maurecenum, Nicolaum Geno et Bertucium Contarenum, dilectos et honorabiles cives nostros sindicos et procuratores super facto confinium ac de iuribus et intentionibus nostris plenius informatos».

2 В этой части послания указано, что пшеница и мука в количестве 3000 стайо, приобретены в Равенне для Венецианской Республики; их учет и транспортировка производится венецианским ведомством provisores bladorum. Здесь говорится также о сложной системе расчетов за приобретенный для Венеции хлеб, в которую включен и синьор Феррары: по кредитам, уже давно (iam diu) оказанным феррарским властям, в размере тех самых 3000 стайо муки и пшеницы, с кредиторами пришлось расплачиваться правительству Венеции, как поручителю за долги Феррары «…in solutione certe quantitatis pecunie, partim iam diu sue Magnitudini mutuate et partim solute per nostrum dominium pro fideiussionibus factis pro Magnificentia sua, que dictam quantitatem pecunie nobis solvere promisit in frumento et farina usque quantitatem stariorum trium millium pretaxatam».

3 В словаре средневековой латыни области Эмилия Пьетро Селлы argere переводится как argine (ит.), то есть плотина, дамба, запруда. Термин aggere или argere (насыпь, дамба) нередко встречается в документах Феррары, Кремоны и других областей Северо-Востока Италии, где возведение защитных сооружений и забота об их содержании ввиду постоянных и опасных наводнений в этих низменных и болотистых местностях были насущной необходимостью.

4 «…occasione reparationis certorum aggerum non nullos Venetos nostros habentes possessiones in loco Papociarum ad expensas impartiendas coartari velle contra formam pactorum».

5 «Nec nunquam audivimus ipsos superioribus temporibus angariatos ymmo semper exemptos fuisse et iuxta ipsorum pactorum continentiam in suis libertatibus et immunitatibus conseruatos».

ставленных венецианцам, жившим в Ферраре и ее округе – а именно освобождение от всех поборов, тягот, ангарий[1], работ и прочих [повинностей], имущественных и личных[2] .

Проблема, обозначенная в послании от 18 мая 1431 г., не была разрешена, и за ним следует еще одно обращение дожа Франческо Фоскари к Никколо III от 12 ноября того же 1431 года [9, Картон 186, № 26]. В нем основное внимание посвящено принадлежащему к нобилитету и одновременно гражданам Венеции семейству Кверини [21, p. 65; 1, p. 15-16][3], (nobilium civium nostrorum de prole Quirina), но упомянуты также те же самые нужды и других венецианцев из Папоцце (et aliorum ius habentium in villa Papociarum). Здесь повторяются требования о предоставлении венецианцам в Папоцце причитающихся им иммунитетов и привилегий, и снова дана ссылка на текст договора, который был присоединен к предыдущему посланию, поскольку ответ на это послание получен не был [9, Картон 186, № 27][4].

Судя по обращению дожа от 26 апреля 1432 г. [9, Картон 186, № 28], за время, минувшее от предыдущего, ноябрьского послания, для Папоцце должно было многое измениться. В Венеции, куда прибыл с визитом синьор Феррары Никколо III д'Эсте, обсуждались жалобы венецианских граждан, обладателей недвижимости в Папоцце (civium nostrorum habentium possessiones in Papociis districtus Ferrariensis) [9, Картон 186, № 28][5]. Как указано в послании, для наилучшего решения вопроса из Феррары в качестве посла был направлен господин Джованни а Форфичи (Iohannes a Forficibus), и по согласованию с ним был решен вопрос о колонах венецианских граждан из Папоцце.

Здесь можно предположить, что если в последнем послании речь зашла о колонах (coloni), то вопросы о самих венецианских гражданах, очевидно, были уже решены, но документы об этом до нас не дошли. Суть этого послания в том, что в нарушение установленных договоренностей и соглашений с венецианских граждан и их колонов были взяты некие залоги (pignera), и власти Венеции требуют эти залоги вернуть и прекратить злоупотребления.

Послание сообщает, каким образом, к удовлетворению венецианцев из Папоцце, был решен вопрос о колонах: речь шла об ангариях. На феррарских колонов венецианских граждан ангарии не должны были налагаться, кроме как только для возведения и восстановления дамб; а от ангарий другого рода (в виде других работ) они должны быть освобождены. Другие же колоны, венецианцы, этих самых венецианских граждан никаким образом ничем не должны быть обременяемы [9, Картон 186, № 28][6].

Венецианские граждане определены в этом послании, как и в других, «nostri cives», но в нем появляется еще один термин, относящийся к обозначению социального положения определенных слоев населения Папоцце – колоны (coloni). Этот термин чрезвычайно редко встречается в феррарских документах XIV – XV вв., очевидно, потому, что XIII в. стал заметным рубежом в правовом статусе колонов и сервов, которые в это время во многих центрах Северной и Средней Италии, как и в Ферраре, освобождались от прикрепления к земле и личной зависимости и, меняя свой статус, пополняли ряды свободных арендаторов и наемных работников [16, с. 733]. Исследователи отмечают, однако, что колоны даже в XIV – XV вв. не исчезают окончательно; немалое их число сохраняется в отсталых окраинных районах [3, с. 451-452; 18; 3][7], к каким можно отнести и Папоцце.

Какой социальный слой представляли колоны из Папоцце? Переводить «coloni» как «крестьяне» (как это встречается в ряде исследований)

1 Ангарии – трудовые повинности, общественные работы. В Северной Италии на сельских тружеников властями (или сеньором на зависимое крестьянство) налагались следующие обязанности: рубка леса, восстановление береговых насыпей, рытье каналов и дренаж почв. Appuhn K. A Forest on the Sea: Environmental Expertise in Renaissance Venice. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009. P. 46, 79. (Цит. по: Агеева Д.А. ВКР).

2 Там же: «Est littera sive privilegium, quoddam patens vestre Magnificentie, cuius copiam mittimus his inclusam, per quod ipsi nostri cives redduntur liberi et immunes ab omnibus oneribus, gravaminibus, angariis, factionibus et cetera, realibus et personalibus, sicut in ipso privilegio plenius legitur».

3 Влиятельное венецианское семейство Кверини и держатели их обширных земель в округе Феррары были освобождены от налогов и сборов, которыми облагалось население Феррарезе. Т. Дин указывает на диплом 1401 г., подтверждающий этот иммунитет, который хранится в Феррарском Archivio Comunale. См. также: Агеева Д.А. Litterae clausae 1431–1432 гг.

4 «Scripsimus Magnificentie vestre sub die XVIII Maii nuper elapsi litteras nostras pro favore nobilium civium nostrorum de prole Quirina et aliorum ius habentium in villa Papociarum eandem rogantes, ut placeret Magnificentie vestre ordinare ac cum effectu providere, quod prefati cives nostri in eorum exemptionibus, franchisiis et immunitatibus secundum formam privilegii Magnificentie vestre, cuius copiam tunc misimus illis nostris litteras introclusam, integre et inviolabiliter conservarentur».

5 Там же: «Alias dum Excellentia vestra ad nos fuisset, illam rogavimus, ut a nobis molestiam et onus quotidianarum querellarum civium nostrorum habentium possessiones in Papociis districtus Ferrariensis adimeret».

6 «Ea quidem Excellentia id onus non minus grave sibi putabat, cupiens summopere huiusmodi querellas tolli et abiici et tunc ad hanc rem optime aptandam instituit quendam dominum Iohannem a Forficibus suum ambassiatorem huc mittere, quem denique audivimus, et visum est ei et ita nobis iustum et coveniens apparuit, quod coloni Ferrarienses ipsorum nostrorum civium non angariarentur, nisi in conficiendis et aptandis aggeribus dumtaxat et in aliis rebus angariari non deberent. Ceteri vero coloni Veneti ipsorum civium nullo modo in aliquo deberent aggravari».

7 В работах Е.В. Бернадской также находит место тема сохранения даже в XIV-XV вв. в отдаленных от центра местах феррарской округи прежних отношений подчинения сельского населения их феодальным сеньорам. Это показано автором на примере исследования протестов крестьян Гомболы, Сан Мартино, Кассани и Палаведжо против притязаний их сеньоров, графов Чези, на увеличение барщины и иных тягот.

представляется некорректным, прежде всего потому, что такое употребление понятия «крестьянство» объединяет в одну категорию самые разные типы сельских тружеников (сервы, колоны, либеллярии и др.), правовой статус которых порой значительно отличался один от другого. Наш документ дает возможность немного более точно определить правовое положение колонов в это время и в этом месте.

Решить эту задачу поможет обращение к основанному на обширном круге источников, в том числе на актовом материале, исследованию А. Б. Целунова «Равенна и Романья в темные века». Несмотря на то, что автор рассматривает период более ранний, то есть VII – XI вв., это обращение оправданно, поскольку его исследование посвящено региону, находящемуся в непосредственной близости к Папоцце. Анализируя либеллярные контракты, автор отмечает, что в их текстах наиболее частым обозначением, а, вероятно и самообозначением либеллярных съемщиков служит термин «колон». Эта социальная категория употребляется в отношении свыше 80% арендаторов-либеллярiев в IX–X вв. Разделяя мнение А. Кастаньетти о том, что термин «колон», сам по себе еще не предполагавший несвободного состояния, все же скрывал особое правовое положение, отличное от полной свободы [20, p. 32], А.Б. Целунов подкрепляет его тем, что на протяжении IX-X вв. составители изученных им грамот различали колонов как особую социальную группу, отличную от других категорий сельских жителей, в том числе пенсионариев и рабов [13, с. 384–385].

На этом основании следует предположить, что, несмотря на изменения, внесенные временем, колоны Папоцце, как и сельское население Романьи IX–X вв., о котором пишет А.Б. Целунов, как и жители некоторых других окраинных территорий Северной Италии в XIV–XV вв., не стали полностью свободными, но сохранили свой особый статус. Трудно на основании одного документа судить о том, были ли они прикреплены к земле, но они, в отличие от других «простых» венецианцев (рыбаков, торговцев и др.), «неграждан», или «подданных», но людей свободных, составителями посланий выделены в отдельную группу. Это дает основания предполагать, что они находились в определенной степени зависимости от собственников земли, держателями которой являлись. Это предположение может быть подкреплено тем, что в послании названы колоны-феррарцы и колоны-венецианцы, но именно их связь с венецианскими гражданами, обладателями недвижимости в Папоцце (если не их принадлежность последним) обеспечивает этим колонам, в отличие от других, иммунитеты и льготы.

В заключение следует, перечислив социальные и правовые реалии, выявленные в результате анализа lettere ducali из собрания Н. П. Лихачева, оценить информативность полученных сведений.

Как можно было видеть, большинство дожеских посланий касается венецианских граждан, обозначавшихся «cives nostri». Необходимо отметить, что только в послании Антонио Веньера упоминается разделение граждан на «originarii» – урожденных и «privilegiati» – пожалованных, причем для того, чтобы утвердить отсутствие правовых различий тех и других за пределами Венеции. Lettere ducali выделяют патрициат – «nobiles», но вместе с этим они обязательно фиксируют и то, что указанные лица являются также и венецианскими гражданами – «cives».

Не меньший интерес представляет терминология, которая используется в посланиях для обозначения представителей венецианского населения, не обладавших правами гражданства. «Fidelis noster – верноподданный наш» (по отношению к обвиненному в контрабанде), или даже «egregius fidelis – высокочтимый верноподданный наш» (в отношении арестованного в Павии), но если при этом указанное лицо не названо «civis», несомненно, венецианским гражданином оно не является. Венецианские купцы, подавшие жалобу на невыполнение договора рыбоводами феррарского Комаккьо, поименованы «cives et fideles nostri – граждане и верноподданные наши». Здесь можно сомневаться, обозначены ли здесь граждане и одновременно верноподданные, или речь идет о том, что в состав подавших жалобу вошли и граждане, и неграждане.

В этом ряду следует назвать послание, направленное на защиту венецианцев, обладателей недвижимого имущества в Папоцце: «Venetos nostros habentes possessiones in loco Papociarum». Они обозначены «Veneti nostri – наши венецианцы»; «cives – граждане» при этом отсутствует. Здесь имеются в виду и граждане, но также и те венецианцы, кто статусом гражданства не обладал. Это подтверждается следующим посланием о Папоцце, где обитатели этого местечка названы «nostri cives et Veneti – наши граждане и венецианцы», и речь идет о защите интересов «civibus et subditis utriusque partis – граждан и подданных; и тех, и других». Следует подчеркнуть здесь употребление термина «subditi – подданные» в отношении венецианцев-неграждан. Это же мы находим в другом послании, где венецианские корабельщики и рыбаки, не граждане, обвиненные в контрабанде и других нарушениях, определены не как «fideles –верноподданные», а «subditi nostri – подданные наши».

Так (subditi vestri – Ваши подданные) в посланиях обозначаются представители феррарской стороны, то есть чужаки, иностранцы. Лишь в послании Антонио Веньера, где говорится о предоставлении тех же привилегий для граждан Феррары в Венеции, что и венецианским гражданам в Ферраре, феррарцы названы «cives».

Наибольший интерес представляет собой упоминание о колонах. Несмотря на то, что сведения о них сохранились только в одном из посланий, посвященных Папоцце, на этом основании все же можно прийти к некоторым выводам. Термин «coloni» для обозначения определенной социальной группы не полностью ушел из словоупотребления в Ферраре XIV – XV вв., поскольку, очевидно, в удаленных от центра местах эта группа сохранила свое зависимое положение. На основании только одного послания трудно судить о степени этой зависимости, например о том, были ли колоны Папоцце прикреплены к земле, но то, что составители документа выделяют их в отдельную группу, дает возможность говорить о том, что их свобода была неполной.

Исследование дожеских посланий 1375 – 1437, направленных в Феррару дает яркую иллюстрацию зарождения традиций международных отношений в защите интересов своих граждан, и этим рассмотрение представленного материала подтверждает выводы, сделанные Л.Г. Климановым на основании послания Антонио Веньера. Из всех терминов, обозначающих социальный статус лиц, lettere ducali наиболее часто употребляют термин «civis», и их содержание в наибольшей степени посвящено гражданам. Это означает, что с утратой большинством граждан, не принадлежавших к нобилитету, политических прав в конце XIII в., венецианское гражданство не утратило своего статуса и престижа по крайней мере за пределами Венеции. Необходимо отметить, однако, что забота венецианского правительства распространялась не только на граждан, чьи интересы оказывались ущемленными за пределами владений Венеции, но и на тех представителей ее населения, кто к составу ее гражданства не принадлежал.

Здесь следует еще раз подчеркнуть важность всестороннего изучения lettere ducali как разновидности актового материала. Это дает возможность выявить социальные и правовые реалии, в том числе анахроничные и не вполне адекватные эпохе, как, например, колонат в Папоцце.

Источники и литература

1. Агеева Д.А. Litterae clausae 1431–1432 гг. дожа Венеции Франческо Фоскари к маркизу Феррары Никколо III д'Эсте из собрания Н.П. Лихачева как источник по истории венецианской террафермы // Источниковедение в современной медиевистике. Всероссийская научная конференция. Москва 2020 – 2021. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 13-16.
2. Бернадская Е.В. Из истории итальянского крестьянства XIV-XVI вв. (по материалам Архива ЛОИИ АН СССР) // Средние века. 1958. Вып.11. С.109-114.
3. Брагина Л.М. Италия в XIII-XV вв. // История Средних веков: В 2 т.: учебник Том 1 / под ред. С.П. Карпова. М: Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 450-474.
4. Климанов Л.Г. Венецианские «секретари»: о политической культуре итальянского города // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени. Л.: Наука 1986. С.98 – 126.
5. Климанов Л.Г. Венеция: социально-пространственная структура островного города и его опорные (базовые) магистратуры // Античная древность и Средние века. 2008. Выпуск 38. С. 196-217.
6. Климанов Л.Г. Cor nostri status: историческое место канцелярии в венецианском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI – XVII вв.). Л.: Наука 1990. С. 80 – 105.
7. Климанов Л.Г. Quod sunt cives nostri: статус венецианского гражданства в XIV в. // Культура и общество Италии накануне нового времени. М.: Наука 1993. С. 28-38.
8. Прокофьева Н.Д. Акты венецианского нотария в Тане Донато а Мано (1413-1419) // Причерноморье в Средние века. 2000. Вып. 4. С. 36-174.
9. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Западноевропейская секция (ЗЕС). Коллекция 6 – Венеция и ее владения.
10. Скржинская Е.Ч. Очерк из истории Кремоны (в связи с публикуемыми документами // Акты Кремоны XIII-XVI веков в собрании Академии наук СССР / под ред. В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 5 – 38.
11. Срединская Н.Б. Венеция и Феррара XIV-XV вв. По материалам дожеских посланий из собрания Н.П. Лихачева // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. URL: https://history.jes.su/s207987840012759-3-1/ (Дата обращения: 21.09.2021). DOI 10.18254/S207987840012759-3.
12. Срединская Н.Б. Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М.: Индрик, 2017. 246 с.
13. Целунов А.Б. Равенна и Романья в темные века. М.: Индрик, 2021. 696 с.
14. Чиркова А.В. Грамота Марино Фальера из собрания Н. П. Лихачева. К вопросу о дипломатике венецианских lettere ducali // Средние века. 2019. Т. 80. Вып.3. С. 90-113.
15. Чиркова А.В. Древнейшие регистры дожеских посланий как источник по делопроизводству Венецианской республики XIV века // Источниковедение в современной медиевистике. Всероссийская научная конференция. Москва 2020-2021. М.: ИВИ РАН, 2020. С.398 – 402.
16. Юсим М.А. «Ренессансное государство» и социальные процессы // Всемирная история. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука, 2012. С. 722-763.
17. Bernadskaia E. L'impositione di tributi ai contadini dell'Italia settentrionale nei secoli XV e XVI // Studi in onore di Armando Sapori. Milano, 1957. P.791-805.
18. Bizzari D. Ricerche sul diritto di cittadinanza nella costituzione comunale // Bizzari D. Studi di Storia del diritto italiano. Torino, 1937. P. 61-158
19. Bowsky W.M. Medieval Citizenship: The Individual and the State in the Commune of Siena 1287-1355 // Studies in Medieval and Renaissance History, 1967. Vol. IV. P. 193-243.
20. Castagnetti A. Arimanni in "Romania" fra conti e signori. Verona, 1988.
21. Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara. The Rule of the Este, 1350-1450. Cambridge, 2002.

22. Gli Statuti Veneti / A cura di R. Cessi. Venezia, 1938.
23. Niermeyer J.F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Brill, 1976.
24. Sella P. Glossario latino-emiliano a cura di Pietro Sella. Roma, 1937.

References

1. Ageeva D.A. Litterae clausae 1431–1432 gg. dozha Venecii Franchesko Foskari k markizu Ferrary Nikkolo III d'Este iz sobraniya N.P. Lihacheva kak istochnik po istorii venecianskoj terrafermy (Litterae clausae 1431-1432 the Doge of Venice Francesco Foscari to the Marquis of Ferrara Niccolo III d'Este from the collection of N. P. Likhachev as a source on the history of the Venetian terraferma) // Istochnikovedenie v sovremennoj medievistike. Vserossijskaya nauchnaya konferenciya. Moskva 2020-2021. Moscow: IWH RAS, 2020. P. 13 – 16. (In Russian).
2. Bernadskaya E.V. Iz istorii ital'yanskogo krest'yanstva XIV-XVI vv. (po materialam Arhiva LOII AN SSSR) (From the history of the Italian peasantry of the XIV-XVI centuries (based on the materials of the Archive of the LOII of the USSR Academy of Sciences) // Srednie veka. 1958. Issue.11. P.109-114. (In Russian).
3. Bragina L. M. Italiya v XIII-XV vv. (Italy in the XIII-XV centuries) // Istoriya Srednih vekov: in 2 Vols: textbook / ed by S. P. Karpov. Moscow: MSU publ., 2008. Vol 1. P. 450-474. (In Russian).
4. Klimanov L.G. Venecianskie «sekretari»: o politicheskoj kul'ture ital'yanskogo goroda (Venetian «secretaries»: about the political culture of the Italian city) // Gorodskaya kul'tura: Srednevekov'e i nachalo Novogo vremeni. Leningrad: Nauka 1986. P. 98-126. (In Russian).
5. Klimanov L.G. Veneciya: social'no-prostranstvennaya struktura ostrovnogo goroda i ego opornye (bazovye) magistratury (Venice: the socio-spatial structure of the island city and its supporting (basic) magistracies) // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. Ekaterinburg. 2008. Issue 38. P. 196-217. (In Russian).
6. Klimanov L.G. Cor nostri status: istoricheskoe mesto kancelyarii v venecianskom gosudarstve (Cor nostri status: the historical place of the Chancery in the Venetian state) // Politicheskie struktury epohi feodalizma v Zapadnoj Evrope (VI – XVII vv.). Leningrad: Nauka 1990. P. 80-105. (In Russian).
7. Klimanov L.G. Quod sunt cives nostri: status venecianskogo grazhdanstva v XIV v. (Quod sunt cives nostri: the status of Venetian citizenship in the XIV century) // Kul'tura i obshchestvo Italii nakanune novogo vremeni. Moscow: Nauka 1993. P. 28-38.
8. Prokof'eva N.D. Akty venecianskogo notariya v Tane Donato a Mano (1413-1419) (Acts of the Venetian Notary in Tana Donato a Mano (1413-1419) // Prichernomor'e v Srednie veka. 2000. Issue. 4. P. 36-174. (In Russian).
9. Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Western European Section (WES). Collection 6 – Venice and its possessions. (In Italian).
10. Skrzhinskaya E.CH. Ocherk iz istorii Kremony (v svyazi s publikuemymi dokumentami (An essay from the history of Cremona (in connection with the published documents) // Akty Kremony XIII-XVI vekov v sobranii Akademii nauk SSSR / ed by V.I. Rutenburg, E.CH. Skrzhinskaya. Moscow; Leningrad, 1961. P. 5-38. (In Russian).
11. Sredinskaya N.B. Veneciya i Ferrara XIV-XV vv. Po materialam dozheskih poslanij iz sobraniya N.P. Lihacheva (Venice and Ferrara of the XIV-XV centuries. Based on the materials of the Doge's epistles from the collection of N. P. Likhachev) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2020. Vol. 11. URL: https://history.jes.su/s207987840012759-3-1/ DOI 10.18254/S207987840012759-3. (In Russian).
12. Sredinskaya N.B. Ferrara XIV veka v otrazhenii aktov rodovogo arhiva Sakrati (Ferrara of the XIV century in the reflection of the acts of the ancestral archive of the Sacrati). Moscow: Indrik, 2017. 246 p. (In Russian).
13. Celunov A.B. Ravenna i Roman'ya v temnye veka (Ravenna and Romagna in the Dark Ages). Moscow: Indrik, 2021. 696 p. (In Russian).
14. CHirkova A.V. Gramota Marino Fal'era iz sobraniya N. P. Lihacheva. K voprosu o diplomatike venecianskih lettere ducali (The diploma of Marino Falier from the collection of N. P. Likhachev. On the question of the diplomatics of the Venetian lettere ducali) // Srednie veka. 2019. Vol. 80. Issue.3. P. 90-113. (In Russian).
15. CHirkova A.V. Drevnejshie registry dozheskih poslanij kak istochnik po deloproizvodstvu Venecianskoj respubliki XIV veka (The oldest registers of the Doge's epistles as a source for the records management of the Republic of Venice of the XIV century) // Istochnikovedenie v sovremennoj medievistike. Vserossijskaya nauchnaya konferenciya. Moskva 2020-2021. Moscow: IWH RAS, 2020. P.398 – 402. (In Russian).
16. YUsim M.A. «Renessansnoe gosudarstvo» i social'nye processy (The «Renaissance State» and social processes) // Vsemirnaya istoriya. Vol 2. Srednevekovye civilizacii Zapada i Vostoka. Moscow: IWH RAS, 2012. P.722-763. (In Russian).
17. Bernadskaia E. L'impositione di tributi ai contadini dell'Italia settentrionale nei secoli XV e XVI // Studi in onore di Armando Sapori. Milano, 1957. P.791-805. (In Italian).
18. Bizzari D. Ricerche sul diritto di cittadinanza nella costituzione comunale // Bizzari D. Studi di Storia del diritto italiano. Torino, 1937. P. 61-158. (In Italian).
19. Bowsky W.M. Medieval Citizenship: The Individual and the State in the Commune of Siena 1287-1355 // Studies in Medieval and Renaissance History, 1967. Vol. IV. P. 193-243. (In Italian).
20. Castagnetti A. Arimanni in "Romania" fra conti e signori. Verona, 1988. (In Italian).
21. Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara. The Rule of the Este, 1350-1450. Cambridge, 2002. (In Italian).
22. Gli Statuti Veneti / A cura di R. Cessi. Venezia, 1938. (In Italian).
23. Niermeyer J.F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Brill, 1976. (In Italian).
24. Sella P. Glossario latino-emiliano a cura di Pietro Sella. Roma, 1937. (In Italian).

Сведения об авторе

Срединская Наталия Брониславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия) / sredinska@yandex.ru

Information about the author

Sredinskaya Natalia B. – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia) / sredinska@yandex.ru

CC BY

УДК 94 (47)

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.14

А. В. Танцевова

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖУРГАЗ (1931-1938 ГГ.) К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Целью статьи являлось воссоздание на основе разнообразных источников истории становления и функционирования одного из самых крупных издательств газетно-журнальной периодики в СССР – Государственного журнально-газетного объединения (Жургаз) в 1931-1938 гг. Государственное журнально-газетное объединение возникло в период реорганизации издательского дела в СССР в 1931 г. на базе Смешанного Акционерного издательского общества «Огонек». В состав Жургаза вошли все печатные издания издательского общества «Огонек», а также издания добровольных обществ и литературно-политических организаций. Дифференцированный подход издательства выразился в выпуске доступных, массовых изданий для различных категорий читателей, что отвечало общим агитационно-пропагандистским задачам, стоящим перед печатью в рассматриваемый исторический период. Проведенное исследование позволило выявить группы периодических изданий Жургаза: техническая группа изданий, общая (политическая) группа, книжная группа и иностранная группа. К 1938 г. Жургаз выпускал 33 журнала, газеты и библиотечки общим годовым тиражом около 45.000.000 экз. Многие издания продолжили свою существование и после расформирования Жургаза в 1938 г., выходили в других издательствах, став брендом отечественной журналистики. Особое место в организационной структуре Жургаза занимал Иностранный сектор, в функции которого входило: привлечение для работы с издательством новых периодических изданий на иностранных языках; установление тесной связи с зарубежными организациями и отдельными работниками революционной печати. В статье затрагивается и процесс формирования единой системы советской периодики, который шел от многообразия видов изданий к их постепенной унификации. Система издательств постепенно, в ходе огосударствления печати, становилась составной частью партийно-государственного аппарата, а пресса приобретала агитационно-пропагандистское значение.

Ключевые слова: периодическая печать, издательство, Жургаз, пропаганда, идеология, М.Е. Кольцов.

Для цитирования: Танцевова А. В. Журнально-газетное объединение Жургаз (1931–1938 гг.): к истории создания и функционирования // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 117–123. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.14

Anastasia V. Tantsevova

JOURNAL AND NEWSPAPER PUBLISHING ZHURGAZ (1931-1938) TO THE HISTORY OF CREATION AND FUNCTIONING

The purpose of the article was to recreate, on the basis of various sources, the history of the formation and functioning of one of the largest publishing houses of newspaper and magazine periodicals in the USSR - the State Journal and Newspaper Association (Zhurgaz) in 1931-1938. The state journal and newspaper association arose during the reorganization of the publishing business in the USSR in 1931 on the basis of the Ogonyok Mixed Joint Stock Publishing Company. The structure of Zhurgaz included all the printed editions of the Ogonyok Publishing Society, as well as publications of voluntary societies and literary and political organizations. The differentiated approach of the publishing house was expressed in the release of accessible, mass publications for various categories of readers, which corresponded to the general propaganda tasks facing the press in the historical period under consideration. The study made it possible to identify the groups of periodicals of Zhurgaz: a technical group of publications, a general (political) group, a book group and a foreign group. By 1938 Zhurgaz published 33 magazines, newspapers and libraries with a total annual circulation of about 45,000,000 copies. Many publications continued to exist, and after the dissolution of Zhurgaz in 1938, they appeared in other publishing houses, becoming a brand of domestic journalism. A special place in the organizational structure of Zhurgaz was occupied by the Foreign Sector, whose functions included: attracting new periodicals in foreign languages to work with the publishing house; establishing close ties with foreign organizations and individual workers of the revolutionary press. The article also touches on the process of forming a unified system of Soviet periodicals, which went from a variety of types of publications to their gradual unification. The system of publishing houses gradually, in the course of the stateization of the press, became an integral part of the party-state apparatus, and the press acquired agitation and propaganda significance.

Key words: periodicals, publishing house, Zhurgaz, propaganda, ideology, M.E. Koltsov.

For citation: Tantsevova A. V. Journal and newspaper publishing zhurgaz (1931-1938) to the history of creation and functioning // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 117–123. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.14

Период 1930-х гг. характеризуется процессом формирования единой системы советской печати. Постепенно осуществлялся переход от многообразия видов, идей и финансовых возможностей изданий к их унификации. Параллельно шел процесс огосударствления печати как сферы партийно-государственной деятельности, пресса все больше приобретала агитационно-пропагандистское и управленческое значение. Система издательств стала важной частью партийно-государственного аппарата.

Процесс формирования и функционирования системы партийно-советской печати в 1930-е гг., вопросы управления средствами массовой информации, цензуры неоднократно становились предметом научного рассмотрения, в том числе и таких известных исследователей как А. В. Блюм [1], А. А. Грабельников [12] , О. Д. Минаева [21] и др. Отдельные аспекты истории журналистики в первые десятилетия советской власти затрагивались в исследованиях по теории и истории отечественной журналистики Я. Н. Засурского [18], Б. И. Есина [14], Г.В. Жиркова [15], И. В. Кузнецова [20], Р.П. Овсепяна [23] и др. Однако история создания и деятельности Жургаза практически выпала из поля зрения историков журналистки. Среди работ, в которых в том или ином аспекте рассматривалась его деятельность можно назвать диссертационное исследование М.А. Бочининой, посвященное истории советских массовых журналов «Красная нива», «Прожектор» и «Огонек» [2]. Автор анализировал деятельность издательства в контексте идейного воспитания и просвещения народа, подробно остановился на деятельности М. Кольцова, как руководителя Жургаза. Недостаточная разработанность проблемы в отечественной историографии определила выбор темы статьи и ее научную актуальность. Интерес представляет и изучение роли периодической печати в переходный период состояния общества, в 1930-е гг., когда шла трансформация общественного сознания в условиях становления советской политической системы. Целью исследования являлось воссоздание на основе различных источников истории становления и функционирования в 1931 – 1938 гг. одного из самых крупных издательств периодики в СССР – Государственного журнально-газетного объединения (Жургаз).

В основу исследования был положен источниковедческий анализ разных по видовому составу источников (нормативные, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическая печать, источники личного происхождения), часть из них представлена архивными материалами, выявленными в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Среди них документы, отложившиеся в фонде Акционерного издательского общества «Огонек» 1926–1931 гг. Государственного журнально-газетного объединения Жургаз НКП РСФСР 1931-1938 гг. (Объединенный фонд) (Ф. А-299) ГАРФ. Они позволили охарактеризовать издательскую деятельность Жургаза с 1931 по 1938 гг., совершенствование структуры периодических изданий, которые издавались, проследить распространение массовой газетно-журнальной периодики в СССР. Использовались документы из фонда Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса, НКП (1917–1945 гг., с 1946 г. Министерство Просвещения РСФСР) (Ф. А-2306). Выявленные в нем источники позволили проанализировать процесс создания издательских обществ в СССР в 1930-е гг., задачи и направления их деятельности. Архивные документы, извлеченные из личных фонда Е.Д. Зозули (Ф. 216), Н.Н. Боброва (Ф.2263) РГАЛИ, позволили проследить подготовку и выпуск отдельных изданий Жургаза. В качестве источника рассматривались бюллетени Журнально-газетного объединения РСФСР за 1931 г. Представленные в них материалы позволили обобщить опыт деятельности Жургаза на этапе его создания (создание материально-технической базы, хозяйственная деятельность, работа иностранного, производственного сектора издательства и др.).

Утверждение административно-командной модели управления в СССР в 1930-е гг. прямым образом отразилось на системе периодической печати. Началась реорганизация издательского дела в стране в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) партии от 15 августа 1931 г. «Об издательской работе» [22, с. 403–410]. Она выразилась в пересмотре сети журналов, их унификации, укреплении редакторских коллективов идейными кадрами. Реорганизация затронула и Смешанное Акционерное издательское общество «Огонек», которое было создано в феврале 1926 г. В свое время акционерное общество выросло из массового еженедельника «Огонек», выходившего с апреля 1923 г. по инициативе М. Е. Кольцова [29]. Как отмечали сами современники «на «Огонек» постепенно собралось огромное издательство, играющее в культурной жизни нашей страны выдающуюся роль…» [13, с. 12].

Акционерное общество «Огонек» выпускало газеты, журналы и серийные книжные библиотеки и быстро достигло образцовой системы выпуска массовых периодических изданий, в обществе была налажена гибкая и всеохватывающая система продвижения печати в массы. Планомерное развитие Смешанного акционерного издательского общества «Огонек» привело к созданию в 1931 г. специализированного издательства массовой периодики в СССР – Жургаза. Специфику работы крупнейшего издательства страны отмечал М. Горький, писавший об «энергии и быстроте» работников Жургаза, их «умении осуществлять производственный процессы быстро и распространять книгу молниеносно» [17 с. 1].

Государственное журнально-газетное объединение («Жургаз») было создано в результате реорганизации Смешанного акционерного издательского общества «Огонек» на основании Постановления Комитета по делам печати от 28 июня 1931 г. и Постановления СНК СССР от 16 августа 1931 г., с переходом к нему всего актива и пассива акционерного общества «Огонек» [11, л. 125]. Как отмечала сама редакция журнала «Огонек», переименование акционерного издательского общества «Огонек» в Государственное журнально-газетное объедение «завершило собой уже давно происходивший процесс расширения издательской деятельности «Огонька», ставшего уже к тому времени «типизированным издательством массовой периодики» [16, с. 15]. И это действительно было большое издательство, выпускавшее около 30 журналов и газет. Пришедшее ему на смену типизированное издательство (Жургаз) выпускало 38 журналов и газет по всему Советскому Союзу, «по всем вопросам, интересующим советские общественные круги» [17, с. 1].

В Уставе Жургаза определялась цель его создания - для «планомерного развития деятельности по изданию и распространению массовых журнально-газетных периодических изданий, политического, культурного и художественного содержания, органов государственных профсоюзных и общественных организаций и добровольных обществ» [11, л. 127]. Размер уставного капитала «Жургаза» был определен в сумме 1.852.654.51 руб. и согласован с Наркомфином РСФСР [11, л. 126; 19, с. 49]. Председателем правления нового объединения стал М. Е. Кольцов, известный журналист, который в свое время инициировал издание журнала «Огонек», возглавлял его редакцию и Смешанное акционерное издательское общество «Огонек». По воспоминаниям современников, в частности, журналиста Е. Д. Зозули, именно М. Е. Кольцов являлся основателем Жургаза, объединения, которое выпускало «массовые издания по различным вопросам техники, изобретательства, культуры» [28, л.1].

Жургаз находился в ведении Наркомпроса РСФСР. Со всеми своими производственными предприятиями объединение составляло самостоятельную хозяйственную единицу, действующую на началах хозрасчета. Устав Жургаза был утвержден Комитетом по делам печати при СНК РСФСР и Коллегией Наркомпроса 21 декабря 1931 г. В нем определялись задачи нового государственного журнально-газетного объединения: издание журнально-газетных и иных периодических изданий на русском и других языках; планирование управления и техническое руководство предприятиями, занимающимися издательской деятельностью; организация публикации и рекламы своих изданий; осуществление капитального строительства. Жургаз занимался организацией снабжения и распространения своей продукции; финансированием и кредитованием предприятий, входящих в объединение; подготовкой кадров; созданием новых советских периодических изданий. Велась большая работа по изучению читательского спроса, отслеживались интересы разных возрастных групп читателей; проводилась планомерная работа по повышению тиража и качества выпускаемых изданий. Стояла задача вовлечения трудящихся средствами печати в социалистическое строительство [11, л. 127].

Журнально-газетному объединению разрешалось издавать журналы, газеты, книги и другие периодические и непериодические издания; приобретать, арендовать, устраивать и содержать типолитографии, цинкографии и другие предприятия и учреждения, отвечающие целям объединения; открывать конторы и отделения во всех населенных пунктах СССР по согласованию с регулирующими органами; открывать фото-бюро и лаборатории и учреждать фото-архивы. Жургаз мог приобретать и переуступать авторские права. Объединение занималось рекламой, размещая ее на страницах своих периодических изданий. Допускалась рекламная деятельность, с разрешения регулирующих органов, и в других изданиях. В рамках действующего законодательства Жургаз мог приобретать и отчуждать всякого рода договоры и обязательства, в том числе и заключать договоры на приобретение и перестройку строений и права застройки. Так же, с разрешения Наркомпроса Жургаз мог заниматься строительством, учреждать научно-исследовательские и учебные заведения, созывать конференции, съезды, связанные с деятельностью и задачами объединения [11, л. 128].

Издания государственного Журнально-газетного объединения входили в состав массово-тиражного сектора, подразделялись на самостоятельные группы, которые находились в ведение отдельных ответственных исполнителей. Ответственные исполнители подчинялись заведующему сектором, отвечали за всю массово-тиражную работу, реализацию тиражей, которые устанавливались в отдельности по каждому изданию. Издания Жургаза подразделялись на ряд групп: техническая – «Изобретатель», «За рулем», «Автодор», «Заочные курсы Автодора, газ», «Овладеем техникой», «Радио-фронт», «Кино-газета», «Картотека кинофильм»; литературно-художественная – «Литературная газета», «Литературное наследство», «Журналист», «За материальную базу печати», «Рост», «Пролетарское фото», «Фотокор», «Архитектура СССР»; общая (политическая) – «Огонек», «Борьба классов», «Друг детей», «Социалистический город»; книжная – «Библиотека всех журналов», «История молодого человека XIX столетия», «Всемирная история», «Советское искусство», «Моды сезонов»;

иностранная – «Московские Новости (англ. яз.); «Московское обозрение» (немец); «Рабочие Новости» (англ. яз.), «Изобретательство в СССР» (немц. яз. и англ. яз.) [7, л. 64] , «Soviet travel», «Красная Бессарабия», «За рубежом» [17, с. 2-6].

Развивая иностранный сектор изданий Жургаз сохранил преемственность и традиции, которые были заложены Смешанным акционерным издательским обществом «Огонек», в части работы по распространению за границей советских периодических изданий на иностранном языке. Первоначально был выявлен контингент возможных подписчиков, использован уже апробированный способ экспедирования по железной дороге. Все это позволило быстро достичь определенных успехов. Так, например, газета для иностранных читателей «Москауер Рундшау» («Московское обозрение») выходила первоначально тиражом в 7000 экз., быстро нашла своих читателей не только в СССР, но и за рубежом, к 1931 г. ее тираж составил уже 17 000 экз., из них 10 000 распространились за границей [5, с. 10].

В Жургазе выходил ряд печатных изданий на иностранном языке. «MOSCOW NEWS» – ежедневная газета на английском языке под редакцией В. Межлаука, Анны Луизы Стронг, М. Бородина. Она выходила с 1930 г. и служила важным источником информации о жизни в СССР для формирования общественного мнения в США, Англии и других англоязычных странах [17, с. 8]. «MOSCOW DAILY NEWS» – ежедневная газета, призванная информировать американских и английских специалистов, работающих в СССР, о жизни в СССР и зарубежных странах. Газета стала своеобразной трибуной для обмена опытом иностранных специалистов. Главным редактором был М. Бородин. В конце апреля 1934 г. Жургаз начал издавать еженедельную газету на французском языке «JOURNAL DE MOSCOU», ставшую первоисточником наиболее полной информации о Советском Союзе для общественных кругов Франции [17, с. 9]. Выпуск изданий для иностранного читателя был важным направлением работы Жургаза, призванным решить ряд задач по интернациональному воспитанию трудящихся и пропаганде достижений СССР за рубежом.

Помимо газет Жургаз выпускал и журналы на иностранных языках: на немецком и частично на английском языках «Эрфиндунгсвезен» («Изобретательство в СССР»)»; на английском языке – «SOVIET TRAVEL» (ред. Л. Блок), двухмесячный литературно-художественный журнал, знакомящий читателей с путешествиями по СССР, строительством, культурой, политикой, бытом и искусством, распространялся в 39 странах мира.

Для знакомства советского читателя с заграничной жизнью выпускался политико-литературный десятидневный журнал-газета «ЗА рубежом» (ред. М. Горький и М. Кольцов). Он освещал все стороны жизни в зарубежных странах в форме обширных выдержек из иностранных газет, журналов и книг, а также в оригинальных статьях лучших иностранных и советских литераторов. Тираж его составлял 50.000 экз. Выпускал Жургаз и ежемесячный иллюстрированный журнал «Красная Бессарабия», орган Общества Бессарабцев (эмигрантов) проживающих в СССР. Журнал знакомил читателей с жизнью в Бессарабии и Румынии, с Автономной Молдавской советской социалистической республикой. Использовался традиционный подход советской периодики – противопоставление капиталистической и социалистической систем.

Издания, выходившие на иностранном языке, распространялись через иностранный сектор Жургаза, в функции которого входило также установление тесной связи с зарубежными организациями и отдельными работниками революционной и философской печати. Сектор занимался расширением контактов за границей с издательствами новых периодических изданий на иностранных языках. Постепенно увеличилось количество зарубежных корреспондентов, были открыты представительства Жургаза в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, Париже [5, с. 10]. К 1934 г. выпускаемые Журнально-газетным объединением периодические издания распространялись в 54 странах мира. Для обслуживания зарубежной прессы оригинальными литературными (иллюстрированными) материалами было организовано специальное «Литературное агентство», в котором работали лучшие советские писатели.

Частью культурно-просветительской работы Жургаза был выпуск книжных приложений к журналу «Огонек», который был начат еще Акционерным издательским обществом «Огонек» в 1925 г. «Библиотека «Огонек»» была ориентирована на массового читателя, ее главной целью было культурное просвещение народных масс. Она представляла первый удачный опыт продвижения книги по линии газетно-журнального распространения. В 1931 г. была издана серия из 24 книг «Всемирной истории», которая вышла под редакцией известного историка М.Н. Покровского. В 1932 г. в качестве приложений к журналам «Огонек» и «Рост» Жургаз издал серию романов. Они вышли под редакцией М. Горького и были объединены одной темой – «История молодого человека XIX столетия». В 1933 г. начался выпуск знаменитой серии книг «Жизнь замечательных людей», посвященных биографиям выдающихся исторических деятелей, ученых, писателей, художников, политиков. В редакторский коллектив вошли М. Горький, М. Е. Кольцов, А. Н. Тихонов. В 1933 г. вышли первые 24 книги серии. В 1936 г. Жургаз приступил к изданию серии книг «Исторические романы».

Редакционный коллектив Жургаза постоянно осуществлял поиск оперативных форм и методов работы, совершенствовал систему распространения изданий (книжные приложения, библиотеки, контрагенты и распространители, связь с редакциями местных газет и т.д.), организовал агитационную воздушную эскадрилью (агитэскадрилья), возглавляемую 70-местным самолетом-гигантом «Максим Горький» [17, с.11]. Хорошо была поставлена и работа с читателем. Регулярно проводились читательские конференции, ежедневно в адрес Журнально-газетного объединения поступало около 500 писем от читателей (по данным 1934 г.), что позволяло журналам быстро реагировать на запросы читателей и освещать актуальные темы.

Одной из практик Жургаза был выпуск специальных номеров журнала «Огонек», посвященных советским республикам, достижениям в различных отраслях народного хозяйства и т. д. В 1934 г. было выпущено три специальных номера «Огонька»: «Советские субтропики» – иллюстрированное издание, тиражом 20.000 экз.; специальный авиационный номер «Воздушный флот Великой Родины», тиражом 30.000 экз.; специальный номер, посвященный десятилетию национально-территориального размежевания в Средней Азии, тиражом 25.000 экз.

Для успешного функционирования издательства важную роль играла организационная структура, которая в 1932 г. подверглась серьезной реорганизации. Административно-финансовый сектор Жургаза состоял из 9 служб: финансовая группа и бухгалтерия, служба кадров, служба связи, секретариат, служба столовой, служба здания, служба транспорта, служба ремонта, кладовая и архив [25, с. 24]. В целях улучшения оформления изданий с 1 декабря 1932 г. в составе редакционного сектора было создано Бюро оформления. Оно оказывало помощь изданиям при переходе на конвейерную систему (составление макета) [7, л. 67]. Библиотека и фотоархив издательства были реорганизованы в «Службу справок», созданную для обслуживания изданий объединения справочными и газетно-журнальными фотоматериалами. «Служба справок» также занималась сбором отзывов читателей об изданиях Жургаза. При ней была создана читальня, где каждый работник мог ознакомиться с разнообразной справочной литературой [26, с. 22].

Большую роль руководство издательства уделяло материально-бытовому обслуживанию сотрудников. В отчете о деятельности Журнально-газетного объединения за 1934 г., указывалось число работников объединения 537 чел., из них непосредственно в редакции работало 300 чел., остальные были заняты в обслуживающих отделах [17, с. 12]. Издательство располагало специальной столовой, где сотрудники получали питание по сниженным ценам. Для обслуживания столовой имелся свой совхоз. При издательстве функционировало кафе, в котором в вечернее время любили собираться советские и иностранные журналисты. Для сотрудников имеющих малолетних детей Жургаз располагал детским садом. Был построен жилой многоэтажный дом, в котором членам коллектива выделялись квартиры и комнаты. В Подмосковье имелся благоустроенный Дом отдыха. Специально для редакций, выезжающих в провинцию для подготовки материалов, Жургазом был приобретён оборудованный вагон-редакция и самолет.

На основании Постановления ЦИК и Совнаркома СССР от 5 февраля 1936 г. «Об упорядочении архивного дела» в Журнально-газетном объединении был организован Музей-Архив, которым руководил заведующий библиотекой тов. Шнейдер [8, л. 118]. С февраля 1937 г. была организована объединенная журнальная корректорская. Издания Жургаза были распределены на 3 группы: 1) наиболее сложный текст; 2) текст средней сложности; 3) наиболее легкий текст [9, л. 13].

Большие трудности для работы издательства представляла полиграфическая база, мощностей арендованной одной из крупнейших в Москве типографий «Искра революции», не хватало. Быстрый рост объемов издательской деятельности требовал создания собственной производственно-технической базы. Специально для Жургаза была построена журнальная фабрика, оборудованная новейшими ротационными машинами. В типографии Жургаза имелись следующие отделы: а) высокой печати; б) офсетной печати; в) брошировочное отделение; г) подсобные цеха. Специально для журнальной фабрики Жургаз начал подготовку собственных кадров, общее количество производственных рабочих составило 477 чел. [4, с. 5]

Жургаз специализировался на выпуске массовой тиражной периодики для различных читательских групп. Для более эффективной постановки редакционной работы была организована сеть объединенных корреспондентских пунктов по всей стране, а также фотокоров и спецкоров. Редакции журналов вели специальную работу по вовлечению молодых авторов, уделяя особое внимание созданию собственных кадров рабочекрестьянских корреспондентов.

Руководство Жургазобъединения использовало различные методы организационно-массовой работы, организовывая шефства над низовой печатью, выезды редакций журналов на стройки Советской страны для освещения идущей индустриализации. Так, для подготовки спецномера о Магнитострое, на стройку была оправлена выездная редакция «Огонька» в составе Е. Зозули, С. Прокофьевой, Л. Элиасберг [3, с. 5]. В 1932 г. тиражом 5.000 экз. вышел специальный номер «На Магнитострое», позже собрав отзывы о спецномере, редакция «Огонька» расширила и дополнила его, издав уже тиражом 200.000 экз. [24].

В 1933 г. Жургаз начал выпускать журналы органов Центрального совета союза Осоавиахим, направленные на политическую и техническую подготовку служащих Осоавиахима и Красной армии. Это была техническая группа изданий: «Осоавиахим», «Ворошиловский стрелок», «Самолет», «Химия и оборона». Позже стал выходить журнал «За санитарную оборону», также относящийся к данной группе. В 1937 г. издавался журнал «Наша страна», знакомящий читателя с жизнью в СССР. Это был ежемесячник, относящийся к общей группе изданий Жургаза. Ответственным редактором был Ф. Я. Кон [6, л. 6].

К концу 1930-х гг. Жургаз являлся самым крупным издательством по выпуску массовой периодики в СССР и было единственным в стране типизированным издательством смешанного типа. В издательстве выходило 33 журнала, газеты и библиотечки общим годовым тиражом около 45.000.000 экземпляров [26, л. 10, 17]. В ходе очередной реорганизации, в соответствии с решением директивных органов печати 14 мая 1938 г. Государственное журнально-газетное объединение было расформировано. Редакции отдельных изданий были переданы в разные издательства страны: в издательство «Правда» – журнал «Огонек», «Библиотека «Огонек»», «Наша страна»; в издательство Иностранных рабочих – газеты: польская «Трибуна Радзецка», немецкая «Дейчше Централь Цайтунг», французская «Журналь де Моску», английская «Москау Ньюз», журналы: немецкий «Дас Ворт», французский «Ревю де Моску», английский «Советланд»; в издательство Гизлегпром – «Модели Сезона»; в Детиздат – «Игрушка»; в издательство Академии наук – «Литературное Наследство»; в издательство Советского писателя – «Литературная газета»; в издательство Академии архитектуры – «Архитектурная газета», журнал «Архитектура СССР»; в издательство «Искусство» – газета «Советское искусство»; в Гослитиздат – «Всемирная Библиотека», «Исторические романы»; в издательство Молодая Гвардия – «Жизнь Замечательных Людей»; в Сельхозгиз – «Советские Субтропики»; в издательство Осоавиахим – «За санитарную оборону» [10, л. 82].

Таким образом, на протяжении целого десятилетия Жургаз занимал важное место в системе печати, которая рассматривалась советской властью как важнейший инструмент в процессе формирования новой идеологии, в силу чего ее агитационно-пропагандистская функция была признана ведущей в отражении представлений и ценностей нового общества. Дифференцированный подход Журнально-газетного объединения способствовал выпуску доступных, интересных массовых изданий для различных читательских групп. Характерным признаком ряда изданий была иллюстративность, что делало их доступными для широкого круга читателей, легкими для восприятия. Все издания Жургаза целенаправленно были подчинены задачам пропаганды нового советского строя, направлены на разъяснение социалистического строительства, оперативное освещение событий общественно-политической и культурной жизни страны. Многие издания Жургаза продолжили свою существование и выходили в других издательствах, став брендом отечественной журналистики.

Источники и литература

1. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора: 1929–1953. СПб.: Акад. проект, 2000. 311 с.
2. Бочинина М. А. Советские массовые журналы двадцатых-тридцатых годов: (на опыте «Красной нови», «Прожектора», «Огонька»): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1985. 25 с.
3. Бродский. «Огонек» на Магнитострое // Огонек. 1932. № 17. С. 5.
4. Вайс Л. Журнальная фабрика объединения – усовершенствованная техническая база // ЖУРГАЗ. Бюллетень журнально-газетного объединения РСФСР. 1931. № 1. Декабрь. С. 5.
5. Голомб Э. Опыт, увенчавшийся успех // ЖУРГАЗ. Бюллетень журнально-газетного объединения РСФСР. 1931. № 1. Декабрь. С. 10.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-299. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАРФ. Ф. А-299. Оп. 1. Д. 13.
8. ГАРФ. Ф. А-299. Оп. 1. Д. 29.
9. ГАРФ. Ф. А-299. Оп. 1. Д. 34.
10. ГАРФ. Ф. А-299. Оп. 1. Д. 35.
11. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2124.
12. Грабельников А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. М.: Изд-во Российского ун-та Дружбы народов, 2001. 330 с.
13. Десять лет Огонька // Огонек. 1933. № 8-9. С.11-13.
14. Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. М.: Изд-во МГУ, 2008. 303 с.
15. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 367 с.
16. Журнально-газетное объединение // Огонек. 1931. № 25. С. 15-16.
17. Журнально-газетное объединение. Обзор деятельности. М.: б.м., 1934. 16 с.
18. Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика 1999-2004. М.: МГУ, 2004. 464 с.
19. Колесникова А.В. (Танцевова) К истории массовых типизированных издательств в СССР: Акционерное издательское общество «Огонек» (1926-1931 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3 (83). С. 47-52.
20. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917–2000). М.: Флинта, 2002. 638 с.
21. Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920-1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М.: МедиаМир, 2015. 230 с.
22. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М.: Мысль, 1972. 635 с.
23. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в. 3-е изд. доп. / под ред. Я. Н. Засурского. М.: МГУ ,2005. 349 с.

24. «Огонек» на Магнитострое. Специальный номер. Огонек.1932. №18.
25. Перестройка административно-финансового сектора // ЖУРГАЗ. Бюллетень журнально-газетного объединения РСФСР. 1932. № 3 Март. С. 24.
26. Редакцию интересует. Служба справок объединения // ЖУРГАЗ, Бюллетень журнально-газетного объединения РСФСР. 1932. № 3 Март. С. 22.
27. Российский государственный архив литературы и искусства (далее - РГАЛИ). Ф. 216. Оп.1. Д. 9.
28. РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 61.
29. Танцевова А.В. Записная книжка» Страны Советов: страницы истории журнала «Огонек» в 1920-е годы. М.; СПб.: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2020. 198 с.

References

1. Blum A.V. Sovetskaya cenzura v epohu total'nogo terrora: 1929–1953. (Soviet censorship in the era of total terror: 1929-1953). St. Petersburg: Acad. project, 2000. 311 p. (In Russian).
2. Bochinina M.A. Sovetskie massovye zhurnaly dvadcatyh-tridcatyh godov: (na opyte «Krasnoj novi», «Prozhektora», «Ogon'ka») (Soviet mass magazines of the twenties and thirties: (based on the experience of Krasnaya Novi, Prozhektor, Ogonyok): abstract of thesis. Moscow, 1985.25 p. (In Russian).
3. Brodsky. «Ogonek» na Magnitostroe («Ogonyok» at Magnetostroy) // Ogonek. 1932. No. 17. P.5. (In Russian).
4. Wais L. ZHurnal'naya fabrika ob»edineniya – usovershenstvovannaya tekhnicheskaya baza (Journal factory of the association - an improved technical base) // ZHURGAZ. Byulleten' zhurnal'no-gazetnogo ob»edineniya RSFSR. 1931. No. 1. December. P.5. (In Russian).
5. Golomb E. Opyt, uvenchavshijsya uspekh (Experience, crowned with success) // ZhURGAZ. Bulletin of the journal and newspaper association of the RSFSR. 1931. No. 1. December. P. 10. (In Russian).
6. State Archives of the Russian Federation (GARF). F. A-299. Inv. 1.D. 3. (In Russian).
7. GARF. F. A-299. Inv. 1.D. 13. (In Russian).
8. GARF. F. A-299. Inv. 1.D. 29. (In Russian).
9. GARF. F. A-299. Inv. 1.D. 34. (In Russian).
10. GARF. F. A-299. Inv. 1.D. 35. (In Russian).
11. GARF. F. 2306. Inv. 69.D. 2124. (In Russian).
12. Grabelnikov A.A. Massovaya informaciya v Rossii: ot pervoj gazety do informacionnogo obshchestva (Mass information in Russia: from the first newspaper to the information society). Moscow: Publishing house of the Russian University of Friendship of peoples, 2001. 330 p. (In Russian).
13. Desyat' let Ogon'ka (Ten years of the Ogonyok) // Ogonyok. 1933. No. 8-9. P. 11-13. (In Russian).
14. Esin B.I. Istoriya russkoj zhurnalistiki XIX veka. (History of Russian journalism of the XIX century). Moscow: Publishing house of Moscow State University, 2008. 303 p. (In Russian).
15. Zhirkov G.V. storiya cenzury v Rossii XIX–XX vv. (The history of censorship in Russia in the 19th – 20th centuries). Moscow: Aspect Press, 2001.367 p. (In Russian).
16. ZHurnal'no-gazetnoe ob»edinenie (Journal and newspaper association) // Ogonyok. 1931. No. 25. P. 15-16. (In Russian).
17. ZHurnal'no-gazetnoe ob»edinenie. Obzor deyatel'nosti (Journal and newspaper association. Business Overview). Moscow. 1934.16 p. (In Russian).
18. Zasursky Ya.N. Iskushenie svobodoj. Rossijskaya zhurnalistika 1999-2004. (Temptation by freedom. Russian journalism 1999-2004). Moscow: Publishing house of Moscow State University, 2004. 464 p. (In Russian).
19. Kolesnikova (Tantsevova) A.V. On the history of mass typed publishing houses in the USSR: Joint Stock Publishing Company «Ogonyok» (1926-1931) // Scientific Thought of the Caucasus. 2015. No. 3(83). P.47-52. (In Russian).
20. Kuznetsov I.V. Istoriya otechestvennoj zhurnalistiki (1917–2000) (History of Russian journalism (1917-2000)). Moscow: Flinta, 2002.638 p. (In Russian).
21. Minaeva O.D. ZHurnaly «Rabotnica» i «Krest'yanka» v reshenii «zhenskogo voprosa» v SSSR v 1920-1930-e gg.: model' propagandistskogo obespecheniya social'nyh reform (The magazines «Rabotnitsa» and «Krestyanka» in the solution of the «women's question» in the USSR in the 1920s-1930s: a model of propaganda support of social reforms). Moscow: MediaMir, 2015. 230 p. (In Russian).
22. On the party and Soviet press, radio broadcasting and television. Moscow, 1972. 635 p. (In Russian).
23. Ovsepyan R.P. Istoriya novejshej otechestvennoj zhurnalistiki: fevral' 1917 – nachalo XXI v. 3-e izd. dop. (The history of the latest Russian journalism: February 1917 - the beginning of the XXI century). / ed. Ya.N. Zasursky. Moscow: Publishing house of Moscow State University, 2005. 349 p. (In Russian).
24. Ogonek» na Magnitostroe. Special'nyj nomer» («Ogonyok» at Magnitostroy. Special number). 1932. No. 18. (In Russian).
25. Perestrojka administrativno-finansovogo sektora (Restructuring the administrative and financial sector) // ZhURGAZ. Bulletin of the journal and newspaper association of the RSFSR. 1932. No. 3 March. P. 24. (In Russian).
26. Redakciyu interesuet. Sluzhba spravok ob»edineniya (The editors are interested. Information service of the association) // ZhURGAZ, Byulleten' zhurnal'no-gazetnogo ob»edineniya RSFSR. 1932. No. 3 March. P. 22. (In Russian).
27. Russian State Archives of Literature and Art(RGALI). F. 216. Inv. 1.D. 9. (In Russian).
28. RGALI. F. 2263. Inv. 1.D. 61. (In Russian).
29. Tantsevova A.V. Zapisnaya knizhka» Strany Sovetov: stranicy istorii zhurnala «Ogonek» v 1920-e gody (Notebook «Land of the Soviets: pages of the history of the magazine» Ogonyok «in the 1920s). Moscow; Saint Petersburg: Petroglyph, Center for Humanitarian Initiatives, 2020.198 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Танцевова Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Политология, история и социальные технологии» Российского университета транспорта (РУТ, МИИТ) (Москва, Россия) / tantsevova@mail.ru

Information about the author

Tantsevova Anastasiya V. – PhD in History, Associate professor, Chair of Political Sciences, History and Social Technologies, Russian University of Transport (MIIT) (Moscow, Russia) / tantsevova@mail.ru

CC BY

УДК 94(47).081

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.15

Н. А. Трапш
В. Н. Кальниченко
Н. С. Германовская

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В 1870-Е ГГ.: ОТ КОНТЕКСТА К ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Представленная статья характеризует сложный процесс конфессионального взаимодействия в Области Войска Донского, которая традиционно являлась контактной зоной дифференцированных религиозных групп, в том числе представлявших отдельные направления христианского вероучения. Комплексное изучение широкого круга региональных источников и предшествующей историографической традиции позволило установить, что длительные коммуникационные практики местных конфессий способствовали последовательному формированию общественной толерантности и осознанной веротерпимости, опиравшихся на длительные традиции внутреннего демократизма казачьих сообществ. Толерантная среда детерминировала системное развитие миссионерской деятельности, осуществлявшейся в различных интеллектуальных и организационных формах и вовлекавшей широкий круг заинтересованных лиц различного вероисповедания. Вместе с тем, несмотря на религиозно-конфессиональное разнообразие, официальным статусом обладало только православие, определявшее в большинстве случаев эталонные образцы поведенческих и мировоззренческих стереотипов. Православные иереи активно использовали административный ресурс и общественное воздействие для комплексного достижения миссионерских целей. Значительный интерес представляет и альтернативная интерпретация практической деятельности донских миссионеров, представленная в эпистолярном наследии местных старообрядцев. Отдельное внимание было уделено эпистемологическим особенностям документальных и нарративных источников, отражающих конфессиональное взаимодействие в социальной реальности и второй половины XIX столетия. Структурный анализ рассматриваемых исторических свидетельств, дополненный компаративистскими практиками, позволил установить осознанное исключение аутентичного эмпирического материала, осуществлявшееся в рамках авторской редакции и направленное на искусственное формирование положительного образа православного миссионера. Значительный интерес представляют и представленные результаты текстологического анализа, позволившие отчетливо верифицировать структурные и содержательные особенности миссионерских собеседований, включающие дифференцированные богословские и социальные аспекты.

Ключевые слова: Епархия, старообрядчество, Земля Войска Донского, миссионерская деятельность, раскольники, казачество, православие, безпоповцы.

Для цитирования: Трапш Н. А., Кальниченко В. Н., Германовская Н. С. Миссионерская деятельность на территории области Войска Донского в 1870-е гг.: от контекста к источниковедческому анализу // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.124–130. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.15

Nikolai A. Trapsh
Vladislav N. Kal'nichenko
Natalia S. Germanovskaya

MISSIONARY ACTIVITIES IN THE TERRITORY OF THE DON TROOPS IN THE 1870s: FROM CONTEXT TO SOURCE ANALYSIS

The presented article characterizes the complex process of confessional interaction in the Don Cossack Region, which has traditionally been a contact zone for differentiated religious groups, including those representing certain areas of Christian doctrine. A comprehensive study of a wide range of regional sources and the previous historiographic tradition made it possible to establish that the long-term communication practices of local confessions contributed to the consistent formation of social tolerance and conscious religious tolerance, based on the long traditions of internal democracy of the Cossack communities. The tolerant environment determined the systemic development of missionary activity, carried out in various intellectual and organizational forms and involving a wide range of interested persons of various faiths. At the same time, despite the religious and confessional diversity, only Orthodoxy had an official status, which in most cases determined the standard samples of behavioral and ideological stereotypes. Orthodox priests actively used the administrative resource and social influence for the comprehensive achievement of missionary goals. An alternative interpretation of the practical activities of the Don missionaries, presented in the epistolary heritage of local Old Believers, is also of considerable interest. Special attention was paid to the epistemological features of documentary and narrative sources reflecting confessional interaction in social reality in the second half of the 19th

century. A structural analysis of the historical evidence under consideration, supplemented by comparative practices, made it possible to establish a deliberate exclusion of authentic empirical material, carried out within the framework of the author's edition and aimed at artificially forming a positive image of an Orthodox missionary. The presented results of textual analysis, which made it possible to clearly verify the structural and content features of missionary interviews, including differentiated theological and social aspects, are also of considerable interest.

Key words: Diocese, Old Believers, Land of the Don Army, missionary activity, schismatics, Cossacks, Orthodoxy, bezpopovtsy.

For citation: Trapsh N. A., Kal'nichenko V. N., Germanovskaya N. S. Missionary activities in the territory of the don troops in the 1870s: from context to source analysis // Humanities and law research. 2021. No.4. P.124 –130. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.15

Исследовательская актуальность избранного периода определяется системным расширением миссионерской деятельности «греко-российской церкви» в отношении «глаголемых раскольников». Важно понимать, что объективное наличие значительного числа старообрядцев и других религиозно-конфессиональных групп, значившихся как «раскольники и уклонившиеся от православия», предопределило активную деятельность по целенаправленному преодолению «раскола». Известно, что на территории Земли (Область – с 1870 г.) Войска Донского не существовало отдельной епископской кафедры, соответственно профильные запросы об открытии церквей и сопутствующих духовных задачах осуществлялись через Воронежского и Елецкого/Черкасского архиерея (1718 – 1829 гг.). Помимо реальной удаленности от вышестоящих церковных властей основной причиной последовательной организации самостоятельной епархии стал «… раскол распространялся невероятной быстротой» [6].

5 апреля 1829 г. открывается Новочеркасская и Георгиевская епархия, первоначально, в состав которой вошла Земля Войска Донского, Черноморская и Кавказскую области. Но «… после нескольких административно-территориальных корректировок Донская и Новочеркасская епархия с 1842 г. стала локально охватывать всю Донскую территорию» [5, с. 72–77]. В контексте указанного обстоятельства необходимо продемонстрировать реальную численную составляющую «раскольников». Как представляется, нельзя абсолютизировать статистические данные, вводимые в оборот в Донском регионе. По справедливому замечанию члена известной комиссии Н.А. Маслаковца К.А. Картушин «всякого рода цифровые, собираемыми станичными и хуторскими правлениями по приказанию начальства … не имеет статистической ценности» [9, с. 22]. Но в данном контексте критические ремарки К.А. Картушина нацелены на статистические данные социально-экономического характера, представляющие значительный интерес. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что известная проблема, связанная с последовательным определением реальной численности старообрядческого контингента, в настоящее время не решена региональными исследователями с достаточной точностью.

Согласно сведениям 1863 г. «раскольников разных сект» во всем Войске Донском начитывалось 71 684 чел. обоего пола [111]. В статистическом описании С. Ф. Номикосова в 1882 г. «Раскольники составляют свыше 7 % населения области. А население области составляло 1 424 779 чел. (свыше 90 % православных), а «раскольников и сектаторов» 100 676 чел. Однако, в данное число включены иные религиозно-конфессиональные группы: молокане численностью 924 чел., духоборцев 18, иудействующих 5 и 112 чел., коих исповедание не определяется [14, с. 283]. Значит, старообрядцев «приемлющих священство» – 79 115 и «не приемлющих» – 20 502 чел. (99 617), что показывает увеличение числа «раскольников». Если следовать данным за период 1867–1880 гг. мы можем сказать, что это вызвано естественным приростом населения, который составил 426 008 чел, а это 47,2 %. С учетом погрешности в 5% [14, с. 271].

Применительно к рассматриваемой проблематике следует обратить особое внимание на отдельные статистические материалы, характеризующие реальное состояние «раскола» и миссионерской деятельности в соседнем Кубанском казачьем войске. В 1869 г. «раскольники проживают в 6-ти бригадах, 6-ти полках и 1-м пешем батальоне, между 125,261 человеком, не содержащими раскол. Общее число раскольников … мужскаго пола 4221, женскаго 4365, – всего 8586 человек» [12, л.2].

В отчете 1870 г. представлена следующая картина состояния «раскола»: «в числе сих раскольников мужскаго пола 4367, женскаго 4462». «Обращено из раскола в православие» – 19. Из них: 12 чел. представители «приемлющих священства», 3 чел. «не приемлющих священства» и др. Данный документ интересен тем, что в табличном виде представлены основания перехода в «раскол» и обратно. Например, «переходом из других станиц через свадьбу или замужество» – 20 чел., совращение в раскол – 0, переселение к односектатором – 10 и др. [12, л. 2 об.].

В 1868 г. в г. Новочеркасске открывается первое учебное заведение для подготовки священнослужителей – Донская духовная семинария [1, с. 38]. Именно с этого времени начинается профессиональная подготовка духовенства в регионе с целью противопоставить образованность «невежеству и суеверию раскольников». Миссионерская

практика требовала глубокой и всесторонней интеллектуальной подготовки, предполагающей и общую эрудицию, и объективную необходимость постоянных дискурсивных практик богословского характера. Учебный план, равно как и кадровая политика нового учебного заведения учитывали главную целевую задачу – последовательное расширение пастырского противодействия раскольничьей деятельности, осуществляемое разумным сочетанием духовного и административного давления.

В 1871 г. создается миссионерский комитет, в рамках которого осуществляется «просвещение язычников светом христианского учения». Известно, что в 1872 г. в калмыцкие кочевья отправляется преподаватель Донской духовной семинарии для изучения их языка и верований. Митрополит Платон (Городецкий) имея опыт в миссионерской деятельности в 1875 г. «посетил кочевья Донских калмыков и вошел в тесные сношения … с главою калмыцкого духовенства…» [14, с. 572]. Очевидно, что донские священнослужители активно взаимодействовали с духовными лицами других конфессий, рассматривая прямой диалог как своеобразный инструмент общественной легитимации миссионерской работы. Инородческие сообщества находились в центре внимания официальной церкви, периодически пополняя региональную паству новообращёнными прихожанами.

Необходимо отметить и то существенное обстоятельство, что составной частью миссионерской деятельности является возведение церковных зданий и именно в 1870-е гг. наблюдается заметный скачок. «В 1871 г. – 329, в 1876 г. – 374 и в 1881 г. – 430». [14, с. 568]. Включая, 3 единоверческие церкви и 1 молитвенный дом [17, с. 75; 171; 260; 292; 315]. Здесь необходимо сделать некоторое пояснение. Известно, что в ст. Верхне-Каргальской вместо ранее сгоревшей единоверческой церкви была «... в 1877 году построена новая деревянная же за 1000 рублей», но уточнений, что она получила статус «единоверческой» нет [15, с. 304].

Отдельное внимание следует уделить качественному анализу оригинальной источниковой базы, в рамках которой выделяется целый ряд синхронных и аутентичных свидетельств: вышедшее в свет в 1897 г. «Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря архимандрита Павла», периодическую печать «Донские епархиальные ведомости» и письма старообрядческого духовенства, начётчиков. Содержательные фрагменты рассматриваемых нарративов позволяют реконструировать сложный комплекс исторических явлений, связанных с миссионерской деятельностью епархиальных властей. В частности, опубликованная работа архимандрита Павла (Прусского) сообщает о специальных поездках в разные губернии Российской империи, в том числе и на территорию Области Войска Донского с целью систематического проведения миссионерских бесед с местными «раскольниками». Подобная деятельность имела циклический характер, вовлекая в проповедническую и коммуникационную активность православных служителей из Казани, Москвы и других имперских центров. Новые участники миссионерской деятельностью обладали высокой образованностью, значительным опытом индивидуальных и групповых проповедей, психологической устойчивостью, необходимой для успешной работы в не всегда дружественной среде. Однако следует выделить и то существенное обстоятельство, что значительную роль в системном продвижении православного миссионерства играли административные практики, определяемые комплексной поддержкой местных властей. По справедливому замечанию информированного современника, «обращением староверов занималось не столько духовенство … сколько исправники и администрация заводов и селений» [7, с. 159]. А.С. Палкин отмечает и тот важный момент, что «в первые годы правления Александра II единоверие развивалось по инерции, приданной ему в николаевский период», добавим, что аналогичным образом происходили присоединения по новому обряду [7, с. 128–129].

В 1873 г. осуществляется первая поездка на Дон по благословению «…высокопреосвященнейшаго Платона, архиепископа Донского и Новочеркасского» [8, с. 369]. 21 января архимандрит Павел (Прусский) отправился из столицы донского казачества в верховья Дона. Павел направился в Новочеркасск потому, что в казачьей столице уже имелась единоверческая церковь. «В 1870 г. по распоряжению епархиального начальства была передана единоверцам» [17, с. 291]. Следует отметить, что в исследуемый период о. Павел на Дон приезжал несколько раз, причем пастырские визиты требуют специальной целевой классификации. Первая носит разведывательный характер, локализованы места расположения «раскольников», а также уточнены своеобразные конфессиональные направления. Например, «В станице Богоявленской… здешние раскольники толкуют все в Писании иносказательно, или по их выражению, духовно. Как безпоповцы толкуют об антихристе, так они толкуют даже и о Христе, отрицают Христово воплощение, чудеса Его, бытие Пресвятыя Богородицы и Апостолов» [7, с. 378]. Второй – закрепление результатов его деятельности, в рамках которых наблюдаются определенные противоречия, о них пойдет речь в рассмотрении третьего вида источника.

Основные инструменты своеобразной миссионерской активности заключались в оправлении торжественных богослужений по «обряду еди-

новерия» и индивидуальных собеседованиях с «уклонившимися». Благодаря частным и публичным собеседованиям выявлялись причины отсутствия желания некоторых старообрядцев участвовать в дискуссиях о предметах веры. Первой причиной являлась богословская безграмотность. Например, «о. Иоанн (Севастьянов – В.К.) принял нас ласково, но вести с нами беседу о причинах отделения от церкви отказался, извиняясь недостатком сведений в Писании» [7, с. 370]. Действенными были просьбы старообрядческого священства не ходить на них (беседы) «запрещает старообрядцам вступать в беседы о предметах веры…» [3, л. 1–1об.]. В результате миссионерской деятельности архимандрит Павел (Прусский) провел последовательные собеседования со старообрядцами в 28 станицах и хуторах. «Число воссоединившихся с православием благодаря таким поездкам в 1873, 1874 и 1878 гг. составило 150 чел. [7, с. 375; 419]. К указанному числу можно отнести и бывшего старообрядческого священноиерея Иоанна (Севастьянова), активно участвовавшего в дальнейшей просветительской работе отдельных православных приходов. Следует также обратить особое внимание на известных миссионеров, повлиявших на рассматриваемый переход старообрядческого священнослужителя в «господствующее исповедание». Вместе с упомянутым о. Павлом целенаправленно действовал собрат по «противо раскольнической деятельности» иеромонах Пафнутий, который и подготовил почву для большей результативности исследуемой миссии. Опережая события, отметим, что в 1890-е гг. иеромонах Пафнутий будет долго раздумывать о возможном возвращении в «раскол», в конечном итоге состоится обратный переход в старообрядчество, после чего выйдет в свет немало брошюр, в которых подробным образом будут описаны изначально «корыстные цели» и охарактеризована «неискренность побуждений» непоследовательного церковного служителя. Привлекательный образ православного священника обретет негативный оттенок, а личные качества и просветительская деятельность будут сопряжены с исключительно отрицательными оценками. Он станет своеобразным «католическим иезуитом», отвергшим раскрытые объятия истинной церкви. Однако, в контексте представленного исследования необходимо вернуться к благоприятному оценочному периоду, когда иеромонах Пафнутий является ревнивым тружеником на традиционной ниве «господствующего исповедания».

В 1869–1870-е гг. на Нижнем Дону о. Пафнутий проводил активные собеседования, чем подорвал сложившийся авторитет местных старообрядцев. После миссионерского дискурса они обратились к о. Иоанну со словами «мы вас просим, батюшка, ради Бога не ходить на эти беседы…» [16, с. 32–45]. Следует обратить внимание на достаточно любопытную социальную и теологическую ситуацию, когда старообрядческая община просит собственного иерея не участвовать в богословских диспутах. Однако, непослушный священнослужитель поступал по собственному разумению, а потому неоднократно участвовал в текущих собеседованиях православных миссионеров. Вскоре, он переходит в «единоверческое исповедание» и уже в 2-3 февраля 1879 г. рукополагается в священную степень, а в 1889 г. становится настоятелем крупнейшей по масштабам Успенской единоверческой церкви в г. Новочеркасске.

Следующим видом миссионерской деятельности было учреждение по благословению Святейшего Синода в 1869 г. церковного периодического издания – «Донских епархиальных ведомостей», одна из основных целей которого заключалась в последовательной публикации пастырских поучений донского духовенства «…преимущественно бесед, направленных к ослаблению суемудрых толков, суеверий …» [4, с. 691]. Кроме того, на доступных страницах рассматриваемой периодики в 1870-х гг. имеются разнообразные публикации о продолжающейся борьбе с «расколом», которые можно условно разделить на три тематические группы: 1) локальные центры старообрядчества в области; 2) исторические материалы Великого Московского собора 1666–1667 гг.; 3) религиозная полемика на местах духовенства и мирян со старообрядцами. Традиционно, в периодических изданиях рассматриваемого периода можно увидеть географическую локализацию своеобразных центров конфессионального дискурса – Второй Донской, Первый Донской и Усть-Медведицкий округа. Однако, указанные фактические данные не соответствуют исторической действительности, отраженной в эмпирическом содержании синхронных и типологически дифференцированных источников. «Ведущим в 1863 г. был Второй Донской округ – 35,3 %, а Первый Донской – 12,6 % занимал вторую позицию» [6, с. 211–216]. Но к 1873 г. как фактическая, так и формальная ситуация существенно изменилась, так как «раскольников разных сект» насчитывалось 38 801 мужского пола и 41 460 женского пола (80 261. – В. К.)» [8, с. 442]. В динамично развивающейся обстановке Первый Донской округ выходил на первое место. Второй пункт или тематическая группа характеризовалась системной подборкой профильных публикаций, характеризующих общую справедливость проводимой реформы, догматическую, каноническую и историко-культурную необходимость пастырской и миссионерской деятельности.

В третьем пункте приводятся различные примеры практического использования универсальных «противораскольнических» практик – масштабная раздача специальных брошюр, коллективные беседы с «раскольниками», а также

актуализируется важность церковной проповеди. Причем, на общеимперском пространстве доминировал дихотомический подход, имевший в качестве естественных целей комплексную передачу базовых знаний и религиозную мобилизацию против «раскольничества». Следует отметить, что целенаправленное проведение индивидуальных собеседований сводилось к двум случаям: семейный или индивидуальный переход в «раскол» и осознанная попытка системного возвращения священника в официальную институцию. Применительно ко второй ситуации особую роль играла корпоративная заинтересованность духовного лица в интеллектуальном взаимообмене, осуществлявшемся в межконфессиональном пространстве.

Следующим видом рассматриваемых источников являются особые письма старообрядческих начетчиков и духовенства, содержащие значительный массив интересных сведений. В данном контексте следует выделить эпистолярные объекты, которые касаются как личных диалогов между священством и мирянами, так и коммуникационного взаимодействия главных борцов за духовную истину – единоверческого архимандрита Павла (Прусский) и старообрядческого богослова Иустина Картушина. О последнем неоднократно велась оживленная переписка между московским старообрядческим архиепископом Антонием (Шутовым) и донскими священством, в которой отмечалось: «данный ему дар от Бога словесности … может запинать всем хитрым Павловым обольщениям» [12, л. 11–12 об.]. В 1873 г. в хут. Попкове состоялась значимая встреча двух лидеров, являвшихся эрудированными богословами и опытными полемистами. Православный иерей не зафиксировал в собственном сочинении важные впечатления от состоявшейся беседы, однако сохранилось интересное письмо И. Картушина с интересными оценками пространного диалога: «Беседа Ваша со мною в начале, так и пятичасовое продолжение по причине противоположных убеждений представляла посорище соперников». Не все книги, на которые старообрядческий начетчик ссылался, были при нем: «после встречи я выписал из многих малыя, представляю Вам сию рукопись, содержащую тексты полемических книг» [11, л. 189–189 об.]. Следует отметить то существенное обстоятельство, что архимандрит не отправил ответное послание. Дополнительным испытанием для старообрядческих интеллектуалов являлись профильные беседы с православными миссионерами без братьев по вере. Согласно интересному описанию о. Симеон (Архипов): «…победы надо мной я не чувствую … только сражаться одному неудобно, а нужно товарищество, без которого и не был Павел» [13, л. 145–146 об.]. Примечательно, что о. Павел не включил приведенный любопытный в собственное подробное сочинение. Осторожный архимандрит не отразил в рассматриваемом тексте и личные эмоциональные переживания, о которой также сообщает о. Симеон «… до трех раз допущал он на меня кричать по-ямщицки своих односторонников…» [10, с.17]. Подобные «аргументы» описывает и о. Павел, для которого интеллектуальные оппоненты «вознамерились пополнить свои доказательства шумом…» [10, с. 21]. При внимательном обращении к данным текстам можно отметить принципиальную схожесть поведенческих моделей противоположных сторон, обращенных к разным теологическим парадигмам. С одной стороны, авторская интерпретация рассматриваемых событий отличается значительной субъективностью, определяемой как личными качествами, так и конфессиональной принадлежностью. Исследуемые авторы осуществляют своеобразную информационную цензуру, связанную с последовательной передачей эмпирического материала вторым и третьим лицам. Как представляется, можно согласиться с оригинальным мнением о. Павла (Прусского) о том, что не имеет особого смысла повторять «предмет собеседования». С другой стороны, православные иерей и миссионер тщательно скрывал или видоизменял упоминаемые неудачные беседы. Аутентичным примером подобного игнорирования неудобных сюжетов служат опубликованные «Письма Павла Прусского», изданные в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университет в 1904 г. (хронологических ракурс эпистолярных фрагментов сосредоточен на 1868, 1876, 1878 гг.) [9]. Что же касается старообрядческого подхода к комплексному освещению рассматриваемого теологического дискурса, то он предполагал последовательное освещение дискурсивной практики с естественным акцентом на ангажированное описание официальных представителей православной церкви. С другой стороны, они также склонны сводить описание собственных неудач к малозначительным оговоркам и словесным кружевам: «…защитит свое священство был вполне способен …» [12, с. 21].

Таким образом, проведенное исследование позволило рассмотреть сложный процесс комплексной активизации миссионерской деятельности в контексте стабильно-пассивного состояния регионального «раскола», связанного с системным поиском новых подходов к своеобразному «уврачеванию» давнего заблуждения. Осуществленный анализ аутентичного источникового комплекса позволил сформировать целый ряд интересных наблюдений, имеющих прикладной характер. С одной стороны, в рассмотренном сочинении архимандрит Павел (Прусский) представляет своеобразную локализацию донских старообрядцев, вносит необходимые уточнения о реальном характере официальных и неформальных взаи-

моотношений отдельных представителей официального православия и местных «раскольников», а также конкретизирует дифференцированную интеллектуальную картину старообрядческого вероучения, что позволяет адекватно понять распространенную формулировку официальных делопроизводственных материалов - «учение которых неопределенно». С другой стороны, опытный миссионер редко упоминает о проведенных собеседованиях, в которых было зафиксировано дискуссионное равенство участвующих сторон. Он предпочитает не сообщать потенциальной аудитории о проигранных диспутах, иногда ограничиваясь малозначительной фразой «мирно разошлись». Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что профильные сообщения в донской церковной периодике отражают разные варианты перманентной борьбы с «расколом», не скупясь на оскорбительные выражения – «раскольники», «секта», «лже-иерархия». Наконец, эпистолярное наследие старообрядческого духовенства, начетчиков и мирян помогают сформировать альтернативный взгляд на миссионерские материалы, отражают системную актуальность поднимаемых вопросов, позволяют адекватно понять логические методы внутренней структуризации проводимых собеседований, увидеть верифицированную реакцию на неудобные вопросы со стороны донских старообрядцев.

Источники и литература

1. Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах … Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества XVI – начало XX вв. Ростов н/Д.: Омега Паблишер. 2012. 461 с/
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 9278.
4. Донские епархиальные ведомости. 1869. №42.
5. Кальниченко В.Н. Миссионерская работа по преодолению раскола на территории Донской епархии в 1890–1900 гг. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России Юга России (VIII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17–18 мая 2019 г.) / отв. ред. к.и.н. А. Л. Бойко, д.ф.н. А. В. Яровой. Ростов н/Д.: Изд-во «Альтаир», 2019. С.72 – 77.
6. Кальниченко В.Н. Единоверие на территории Области Войска Донского в 1840–1905 гг.: от образования к функционированию в регионе // XXVII Сретенские чтения: Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием (Москва, 19–20 февраля 2021 г.) / сост. З. М. Дашевская. М.: Свято Филаретовский православно-христианский институт, 2021. С.211 – 216.
7. Комолова Е.В. Воронежская епархия в конце XVII–XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения. – Воронеж. – 2007. URL: https://www.prlib.ru/item/327629 (дата обращения 11.01.2021).
8. Область Войска Донского по переписи 1873 года. Книга 5. Новочеркасск, б.м., 1879. б.п.
9. Оглобин Н. Н. Письма Павла Прусскаго (опубликованные и неопубликованные). М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1904. 12 с.
10. Палкин А.С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.
11. Полное собрание сочинений Никольского единоверческаго монастыря настоятеля Архимандрита Павла. Первое посмертное издание Братства св. Петра митрополита. Т. 2. М.: Братство св. Петра митрополита, 1897. 576 с.
12. Перетятько А.Ю. Цена крови: документы 1860–1890 гг. о эффективности казачества как экономического института: документальное исследование / А.Ю. Перетятько: в 3 т.; Т. 1. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 530 с.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 14. Д. 66.
14. РГИА. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 150.
15. Сочинения / Иоанн (Картушин), архиепископ Московский; Архивно-библиотечный отдел Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Подгот. текстов к изд., научн. ред., сост., прим. В.В. Боченкова. М.: Маргарит, 2012. 559 с.
16. Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Ф. 246. Карт. 209. Ед. хр. 4.
17. РГБ. Ф. 246. Карт. 177. Ед. хр. 1.
18. РГБ. Ф. 246. Карт. 179. Ед. хр. 2.
19. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. 762 с.
20. Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1893. 15 апреля. № 7-8.
21. Халдаев Е.А. Три поколения Севастьяновых. Неизбежность выбора // Донской временник. Год 2021-й / Дон. гос. публ. б-ка. . Вып. 29. Ростов н/Д.: 2021. С. 34–54.
22. Шадрина А.В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века – 1920 г. Справочник / отв. редактор А.В. Венков. Ростов н/Д: Антей, 2014. 440 с.

References

1. Agafonov A.I. Donskie kazaki. Grud’ v krestah … Iz istorii pozhalovanij, nagrad i znakov otlichija donskogo kazachestva XVI – nachalo XX vv. (Don Cossacks. Chest in crosses ... From the history of awards, awards and insignia of the Don Cossacks of the 16th - early 20th centuries). Rostov-on-Don: Omega Pablisher. 2012. 461 p. (In Russian).
2. State Archives of the Rostov Region (GARO). F. 353. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
3. GARO. F. 226. Inv. 3. D. 9278. (In Russian).
4. Donskie eparhial’nye vedomosti. 1869. No.42. (In Russian).

5. Kal'nichenko V. N. Missionerskaja rabota po preodoleniju raskola na territorii Donskoj eparhii v 1890–1900 gg. (Missionary work to overcome the schism in the territory of the Don diocese in 1890-1900) // Vojna i voinskie tradicii v kul'turah narodov Juga Rossii Juga Rossii (VIII Tokarevskie chtenija): Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 17–18 maja 2019 g.) / ed by A.L. Bojko, A.V. Jarovoj. Rostov-on-Don: Al'tair, 2019. P.72 – 77. (In Russian).
6. Kal'nichenko V. N. Edinoverie na territorii Oblasti Vojska Donskogo v 1840–1905 gg.: ot obrazovanija k funkcionirovaniju v regione (Unity on the territory of the Don Cossack Region in 1840-1905: from education to functioning in the region) // XXVII Sretenskie chtenija: Materialy Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-bogoslovskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 19–20 fevralja 2021 g.). Moscow: Svjato Filaretovskij pravoslavno-hristianskij institut, 2021. P.211 – 216. (In Russian).
7. Komolova E. V. Voronezhskaja eparhija v konce XVII–XVIII vv.: obrazovanie, cerkovnaja organizacija, social'no-politicheskie otnoshenija (Voronezh diocese at the end of the 17th – 18th centuries: education, church organization, socio-political relations). – Voronezh. – 2007. URL: https://www.prlib.ru/item/327629 (Accessed: 11.01.2021). (In Russian).
8. Oblast' Vojska Donskogo po perepisi 1873 goda (Region of the Don Cossacks according to the 1873 census). Book 5. Novocherkassk, b.m., 1879. b.p. (In Russian).
9. Oglobin N. N. Pis'ma Pavla Prusskago (opublikovannye i neopublikovannye) (Letters from Paul of Prussia (published and unpublished)). Moscow, 1904. 12 p.
10. Palkin A. S. Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshherossijskij kontekst i regional'naja specifika (Unity in the middle of the 18th - early 20th centuries: the all-Russian context and regional specificity). Ekaterinburg: USU publ., 2016. 338 p. (In Russian).
11. Polnoe sobranie sochinenij Nikol'skogo edinovercheskago monastyrja nastojatelja Arhimandrita Pavla. Pervoe posmertnoe izdanie Bratstva sv. Petra mitropolita (Complete Works of the Nikolsky Monastery of the Same Belief, Rector Archimandrite Paul. The first posthumous edition of the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan). Vol. 2. Moscow: Bratstvo sv. Petra mitropolita, 1897. 576 p. (In Russian).
12. Peretjat'ko A.Ju. Cena krovi: dokumenty 1860–1890 gg. o jeffektivnosti kazachestva kak jekonomicheskogo instituta: dokumental'noe issledovanie (The price of blood: documents from 1860-1890. on the effectiveness of the Cossacks as an economic institution: documentary research) / A.Ju. Peretjat'ko: In 2 Vols; Vol. 1. Rostov-on-Don; Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 530 p. (In Russian).
13. Russian State Historical Archives (RGIA). F. 1268. Inv. 14. D. 66. (In Russian).
14. RGIA. F. 1268. Inv. 16. D. 150. (In Russian).
15. Sochinenija / Ioann (Kartushin), arhiepiskop Moskovskij; Arhivno-bibliotechnyj otdel Mitropolii Moskovskoj i vseja Rusi RPSC (Works / John (Kartushin), Archbishop of Moscow; Archive and library department of the Metropolitanate of Moscow and All Russia RPSTs). Moscow: Margarit, 2012. 559 p. (In Russian).
16. Russian State Library (RGB). F. 246. Box. 209. D. 4. (In Russian).
17. RGB. F. 246. Box. 177. D. 1. (In Russian).
18. RGB. F. 246. Box. 179. D. 2. (In Russian).
19. Statisticheskoe opisanie Oblasti vojska Donskogo (Statistical description of the region of the Don army). Novocherkassk: Obl. pravl. Vojska Donskogo, 1884. 762 p. (In Russian).
20. Sulin I. Kratkoe opisanie stanic Oblasti Vojska Donskogo (Brief description of the villages of the Oblast of the Don Troops) // Donskie eparhial'nye vedomosti. 1893. April 15. No. 7-8. (In Russian).
21. Haldaev E. A. Tri pokolenija Sevast'janovyh. Neizbezhnost' vybora (Three generations of the Sevastyanovs. The inevitability of choice) // Donskoj vremennik. 2021. Issue. 29. Rostov-on-Don: 2021. P. 34–54. (In Russian).
22. Shadrina A.V. Hramy Donskoj i Novocherkasskoj eparhii konec XVII veka – 1920 g. (Temples of the Donskoy and Novocherkassk dioceses late 17th century - 1920) Handbook / ed by A.V. Venkov. Rostov-on-Don: Antej, 2014. 440 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности, руководитель центра исследований Большого Кавказа института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) / tirpizn@sfedu.ru

Кальниченко Владислав Николаевич – магистрант института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия) /kalnichenko_97@mail.ru

Германовская Наталья Сергеевна – главный архивист отдела формирования архивного фонда Государственного архива Ростовской области (Ростов-на-Дону, Россия) / n.germanovskaya@yandex.ru

Information about the authors

Trapsh Nikolay A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Conflictology and National Security, Head of the Center for Studies of the Greater Caucasus, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia) /tirpizn@sfedu.ru

Kalnichenko Vladislav N. – Master student, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia) / kalnichenko_97@mail.ru

Germanovskaya Natalya S. – Chief Archivist, State Archives of the Rostov Region (Rostov-on-Don, Russia) / n.germanovskaya@yandex.ru

CC BY

УДК 9.93

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.16

Е. В. Туфанов

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОМЕНКЛАТУРА И ПРОМЫШЛЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В представленной статье исследуется процесс функционирования партийно-государственной номенклатуры советского аппарата управления в период модернизации народного хозяйства. В данной работе на основе решений партийных съездов и деятельности Центрального Комитета ВКП (б) анализируется процесс формирования законодательной базы для проведения успешной индустриализации народного хозяйства СССР. На основе изучения партийных документов в исследуемый период мы наблюдаем противостояние генеральной политики ВКП (б) с оппозицией на всех уровнях партийно-государственного аппарата управления как в центре, так и на местах. На основе архивных документов представлены механизмы и инструменты реализации партийно-государственной номенклатурой промышленной модернизации Северокавказского края. Регион Северного Кавказа являлся составной частью большого Советского государства и все процессы которые проходили в стране нашли отражение и на Юге страны. Однако Северокавказский край имел ряд специфических особенностей связных с модернизацией региона. Как правило, эти районы были преимущественно аграрными, со слабо развитой промышленностью, малочисленным рабочим классом, низким культурным уровне населения.

Выявлена специфика функционирования местного партийно-государственного аппарата управления. Исследована система подготовки управленческого аппарата в рамках Советской политической системы, где органы контроля КК и РКИ (Контрольной комиссии и рабоче-крестьянкой инспекции) проводили чистки государственного аппарата от антисоветских элементов, однако партийный съезд указывает на участие органов РКИ в регулировании вопроса о выдвиженстве – выполнении задачи подбора работников в партийно-государственную систему управления. Так как именно представители партийно-государственного аппарата будут претворять решения центральной власти на местах, поэтому кадровый вопрос имел одно из самых приоритетных значений. Именно такие инструменты по подбору управленческих кадров как назначенство и выдвиженчество позволили советской политической системе привлекать свежие кадровые силы из низов и формировать партийно-государственную номенклатуру на местах. Именно кадровая политика ВКП (б) по формированию нового партийно-государственного актива и деятельность партийно-государственной номенклатуры стала залогом успешной индустриализации Северо-Кавказского края.

Ключевые слова: партийно-государственная номенклатура, индустриализация, Северный Кавказ, Советская политическая система, партийные чистки, оппозиция, партийный съезд, коренизация, выдвиженчество, назначенство.

Для цитирования: Туфанов Е. В. Партийно-государственная номенклатура и промышленная модернизации народного хозяйства во второй половине 1920-х гг. (на материалах Северного Кавказа) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.131–137. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.16

Evgenii V. Tufanov

PARTY-STATE NOMENCLATURE AND INDUSTRIAL MODERNIZATION OF THE NATIONAL ECONOMY IN THE SECOND HALF OF THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

The article examines the process of functioning of the party-state nomenclature of the Soviet administrative apparatus during the modernization of the national economy. In this paper, based on the decisions of party congresses and the activities of the Central Committee of the CPSU (b), the process of forming the legislative framework for the successful industrialization of the national economy of the USSR is analyzed. Based on the study of party documents in the period under study, we observe the confrontation of the general policy of the CPSU (b) with the opposition at all levels of the party-state administrative apparatus, both in the center and on the ground. On the basis of archival documents, mechanisms and tools for the implementation of industrial modernization of the North Caucasus Region by the party-state nomenclature are presented. The North Caucasus region was an integral part of a large Soviet state and all the processes that took place in the country were reflected in the South of the country. However, the North Caucasus Region had a number of specific features connected with the modernization of the region. As a rule, these areas were predominantly agrarian, with poorly developed industry, a small working class, and a low cultural level of the population.

The specifics of the functioning of the local party-state administrative apparatus are revealed. The system of training the administrative apparatus within the framework of the Soviet political system has been studied, where the control bodies of the CC and RC (Control Commission

and Workers' and Peasants' Inspection) purged the state apparatus of anti-Soviet elements, but the party congress indicates the participation of RC bodies in regulating the issue of promotion - the task of selecting employees in the party-state management system. Since it is the representatives of the party-state apparatus who will implement the decisions of the central government on the ground, therefore, the personnel issue had one of the highest priority values. It was precisely such tools for the selection of managerial personnel as appointment and promotion that allowed the Soviet political system to attract fresh personnel forces from the grassroots and form the party-state nomenclature on the ground. It was the personnel policy of the CPSU (b) on the formation of a new party-state asset and the activities of the party-state nomenclature that became the key to the successful industrialization of the North Caucasus Region.

Key words: party-state nomenclature, industrialization, North Caucasus, Soviet political system, party purges, opposition, party congress, rooting, promotion, appointment

For citation: Tufanov E. V. Party-state nomenclature and industrial modernization of the national economy in the second half of the 1920s (based on the materials of the North Caucasus) // Humanities and law research. 2021. No.4. P.131–137. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.16

Функционирование системы партийно-государственного управления в период серьезных промышленных преобразований является одним из важнейших вопросов в отечественной исторической науке. Актуальным является не только процесс становления системы управления, но и структура, функции партийно-государственного аппарата управления Советского государства в период промышленной модернизации народного хозяйства. Особый интерес представляет алгоритм функционирования системы партийно-государственного управления и реализации законодательных инициатив центральной власти на местах. Северокавказский регион в силу географических и исторических традиций является аграрным краем и деятельность аппарата управления в период индустриализации промышленности и перестройки народного хозяйства на промышленные рельсы, а также функционирование партийно-государственной номенклатуры, как основного инструмента Советской политической системы является востребованной и актуальной на сегодняшний день.

Проблема функционирования системы партийно-государственного управления и кадровой политики правящей партии в исследуемый период нашла отражение в ряде исследованиях. Анализ Советской политической системы и кадровой политики в период модернизации народного хозяйства нашел отражение в работах Е.Г. Гимпельсона [2; 3; 4]. Следует отметить, что в данных исследованиях сделан акцент на центральные органы управления, а деятельность местного аппарата управления не получило серьезного освещения. Необходимо отметить диссертационные исследования В.А. Бондарева [1], Д.А. Салфетникова [16], А.А. Меняйлова [13]. В данных работах на широкой источниковой базе проведен анализ процесса коллективизации и индустриализации регионов Северного Кавказа, однако специфика системы управления и деятельность партийно-государственной номенклатуры в исследуемый период не получила серьезного освещения. Также необходимо отметить исследования М.А. Гутиевой [10], Е. В. Туфанова [17; 18], в представленных работах проведен анализ процесса национально-государственного строительства и функционирования партийно-государственной номенклатуры в исследуемый период на Северном Кавказе.

Таким образом, целью данного исследования является анализ системы партийно-государственного управления и кадровой политики в период индустриализации Северокавказского региона. Исследование базируется на принципах историзма и объективности опирается на сравнительный анализ архивных документов. Проблемно-хронологический принцип с опорой на широкий круг источниковой базы и историографии по заявленной теме является основой для исследования данной исторической проблемы.

Конец 1925 г. в истории молодого Советского государства ознаменовался эпохальным событием, которое оказало серьезное влияние на дальнейший ход развития СССР. С 18 по 31 декабря 1925 г. в Москве работал XIV съезда ВКП (б). В резолюции принятой по отчету центрального комитета указывалось: «…обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образования резервов для экономического маневрирования…» [12, с.196 – 197]. Таким образом партийный съезд принимает решения и берет курс на индустриализацию народного хозяйства. Конечная цель которого преобразовать аграрное государство в развитую промышленную державу. Следует отметить, что в принятой резолюции указывалось «…всемерно содействовать развитию советской местной промышленности (район, округ, губерния, область, республика) всячески стимулируя местную инициативу в деле организации этой промышленности, рассчитанной на удовлетворение разнообразнейших потребностей населения вообще, крестьянства в особенности…» [12, с.197]. Таким образом развитие промышленности поощрялась на местах, а не только в крупных промышленных центрах государства. Создавались промышленные предприятия в исторически сложившихся аграрных регионах. В резолюции также отмечалось, что государство будет поддерживать развитие сельского хозяй-

ства, путем индустриализации (тракторизация, развития технических культур). Государство в соответствии с решениями съезда встает на рельсы модернизации во всех сферах народного хозяйства. Однако решения партийного съезда затронули не только хозяйственную жизнь страны, вопрос по подбору управленческого персонала являлся очень актуальным в системе партийно-государственного управления. Органы контроля КК и РКИ (Контрольной комиссии и рабоче-крестьянкой инспекции) проводили чистки государственного аппарата от антисоветских элементов, однако съезд указывает на участие органов РКИ в регулировании вопроса о выдвиженстве – выполнении задачи подбора работников в партийно-государственную систему управления. Так как именно представители партийно-государственного аппарата будут претворять решения центральной власти на местах, поэтому кадровый вопрос имел одно из самых приоритетных значений. Именно такие инструменты по подбору управленческих кадров как назначенство и выдвиженчество позволили советской политической системе привлекать свежие кадровые силы из низов и формировать партийно-государственную номенклатуру на местах. Также следует отметить, что на партийном съезде был принят новый Устав Всесоюзной Коммунистической партии большевиков [12, с. 242-257], который регламентировал жизнь и деятельность партии во всех аспектах своей деятельности. Необходимо отметить, что на XIV партийном съезде продолжалась борьба за лидерство в партии и государстве. В ходе этого противостояния была разгромлена «новая оппозиция» в лице Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Таким образом партийно-государственная номенклатура в лице лидера И.В. Сталина устранила представителей старой ленинской гвардии и шла по пути полного контроля партии и государства. Именно опираясь на созданный партийно-государственный аппарат лидер государства и партии мог использовать его в борьбе за личное доминирование в Советской политической системе.

Регион Северного Кавказа являлся составной частью большого Советского государства и все процессы которые проходили в стране нашли отражение и на Юге страны. Решения XIV съезда ВКП (б) были естественно изучены всеми партийными организациями в том числе и на Северном Кавказе. Терский окружком докладывал Центральному Комитету партии, что материалы съезда нашли большой отклик среди трудящихся масс и коммунисты сознательно осудили антимарксистскую платформу, на которой сформировалась оппозиция [14, л.79]. Промышленность в крае благодаря усилиям трудового народа достигла к концу восстановительного периода довоенного уровня. В Терском округе насчитывалось 681 предприятие. На которых трудилось 3368 человек. А в Ставропольском округе на 181 промышленном предприятии было занято 4298 рабочих [8, л.1]. В Карачае и Черкесии действовало 38 промышленных предприятий полукустарного типа, которые за год выпускали продукции на 350 тыс. руб. [7, л.98]. Следует отметить, как показывают архивные документы после съезда местная промышленность заметно активизируется. В Ставропольском округе в 1925-1926 гг. было израсходовано на ремонт и реконструкцию предприятий 500 тыс. руб. в том числе 200 тыс. руб. на строительство нового завода «Красный металлист». В результате через год прибыль предприятий государственной промышленности возросла на 25 %, производительность – на 38 %, а объем промышленной продукции – на 47 % и составил около 20 млн руб. [9, л.14-17]. На территории Терского округа в 1925-1926 гг. на капитальный ремонт и новое строительство было израсходовано около 1,5 млн. руб. Георгиевский завод расширился – здесь построили новые корпуса механического и кузнечных цехов. На Пятигорском механическом заводе вступил в новый строй двухэтажный корпус и был заново оборудован литейный цех. Три завода – универсально-механический в Пятигорске, механический в г. Георгиевске и металлообрабатывающий завод «Дарьял» в станице Незлобной в течении года повысили производительность труда на 75 %. В национальных областях в Карачае и Черкесии в первые годы индустриализации началось строительство 11 новых промышленных предприятий: кирпичные заводы, лесопильные, кожевенные и ткацкие фабрики. Капиталовложения составили 437 тыс. руб. [7, л. 102,103]. Индустриализация Северного Кавказа была связана с дополнительными трудностями. Как правило, эти районы были преимущественно аграрными, со слабо развитой промышленностью, малочисленным рабочим классом, низким культурным уровне населения. Пленум Владикавказского окружного комитета партии 22-23 июня 1926 г. обсудил работу крупнейшего в городе промышленного предприятия – железнодорожных мастерских, где к тому времени трудилось 1070 человек. Пленум отметил, что коллектив рабочих и служащих мастерских большое внимание уделяет повышению производительности труда, снижению себестоимости продукции и укреплению трудовой дисциплины; производственные задания предприятием выполняются успешно – восьмимесячный план по капитальному ремонту товарных вагонов выполнен на 105 %, а пассажирских – 113 % [5, л. 10,11]. Следует отметить, что партийные органы держали под своим контролем процесс индустриализации, вопросы технической модернизации систематически рассматривались на заседании партийных органов. Так, например, в Северной Осетии в первой половине 1926 г. бюро областного комитета партии трижды обсуждало производственную деятельность крупнейших предприятий

области _ Садонских рудников, Мизурской обогатительной фабрики, завода «Кавцинк», станции Беслан. Партийное руководство обсуждало не только производственные вопросы, но и уделяло внимание улучшению бытовых условий рабочих и служащих, снабжению их промышленными и продовольственными товарами. Северо-Кавказский краевой комитет партии и крайКК-РКИ при широком участии рабочих организовали 1926/27 г. пересмотр штатов по округам и областям. В результате было сокращенно до 4 тыс. штатных единиц, что вместе со снижением управленческих расходов по учреждениям дало экономию – 12275500 руб. в год. Улучшая работу госаппарата, партия привлекала к государственному управлению рабочих и старых специалистов. Но и это не могло решить проблему нехватки кадров. В столице Северо-Кавказского края в мае 1926 г. было принято постановление «О теоретической подготовке партактива». В документе делался акцент на том что партийный руководитель должен был быть идеологически подкованным и разбираться в теории Маркса-Ленина. В связи с этим была расширена сеть партийного просвещения, которая в 1926/1927 учебных году охватила около половины состава окружных организаций (в Шахтинском – 53%, в Донском -40%, Таганрогском – 47%). На Северном Кавказе в 1926 г. один слушатель совпартшколы приходился на 280 членов партии, тогда как по СССР в целом на 443 [19. л.198]. Кроме того, для подготовки руководящего состава был открыт коммунистический университет (комвуз). Таким образом партийно-государственная номенклатура возглавила процесс модернизации народного хозяйства на Северном Кавказе не только модернизируя промышленные предприятия, но и расширяла систему партийного образования, формируя в рядах слушателей будущих управленцев, идеологически подкованных и разделяющих политику Советской власти, готовых реализовывать директивы и постановления центра на местах. Следует отметить, что наряду с развертыванием хозяйственного строительства решались задачи культурной революции. Партийные организации вели большую работу, направленную на ликвидацию неграмотности, заботились о возможно более полном охвате обучением детей школьного возраста. В Ставропольском округе в общеобразовательных школах училось 48 тыс. детей. Кроме того, в школах крестьянской молодежи, которые содержались за счёт районных бюджетов, обучалось несколько тысяч детей бедняков и батраков. Расширялась сеть детских домов для сирот, дошкольных учреждений и школ профессионально-технического образования. В национальных областях также повышался общеобразовательный и культурный уровень горских народов. Уже в 1927 г. в школах Черкесии обучалось 50% детей, то есть в два раза больше, чем в 1924-1925 учебном году. Повсеместно работали пункты по ликвидации неграмотности среди взрослого населения [15, л.64].

В ноябре 1927 г. ЦК ВКП (б) в связи с X годовщиной Великого Октября принял постановление о вовлечении в партию передовых рабочих и работниц. К 1 декабря 1927 г. в Ростове вступило в партию 1163 человека, в Шахтах-171, в Таганроге-134 и Донецком округе-85 человек. Все во время призыва на Дону было принято кандидатами в партию свыше 3 тыс. человек. Большое количество активных коммунистов производственников было выдвинуто на руководящую работу. В 1927 г. партийные ячейки Таганрогского округа выдвинули на ответственную работу 78 человек, Донского-368 коммунистов и 29 беспартийных, из них 60% рабочих от станка с десятилетним производственным стажем [11, с.31]. Большая работа велась по выдвижению активистов и в остальных организациях Северного Кавказа. В Северной Осетии также наблюдался количественный рост партийной организации если в 1926 г. в партию вступило 415 членов и 300 кандидатов, то в 1927 году – 446 членов и 374 кандидатов в члены партии [6, л.13]. Следует отметить, что многие члены партии были малограмотны. В качестве примера можно привести архивные данные, что из 108 коммунистов завода «Кавцинк» к концу 1926 г. малограмотных было 98 человек [6, л.10]. Бюро областного комитета партии обязало партийные организации ликвидировать неграмотность. Была проведена большая работа В 1927 г. в областной партийной организации имелось 22 стационарных и 12 передвижных школ. В течении 1926-1927 гг. политкружки и политшколы разных типов окончило 2500 человек. Также в этот хронологический период партийные организации Северной Осетии послали на учебу в областную партийную школу, на краевые курсы партработников, в комвузы Москвы, Ростова, Тбилиси и других городов до 200 человек. Работники низового партийного и советского аппарата проходили подготовку, главным образом, в областной советско-партийной школе, которая готовила кадры и для Южной Осетии. Данная тенденция повышения уровня грамотности представителей местной партийно-государственной номенклатуры характерна для всего региона Северного Кавказа.

В конце 1927 г. в Москве работал XV съезд ВКП(б), партийные организации Ставрополья на съезде представляли: секретари Ставропольского окружкома – М. И. Стакун, Терского окружкома – И. Н. Крайнев, Черкесского обкома – А. Е. Киселев, Карачаевского обкома – П.И. Макаров. Съезд поручает ЦК продолжать неослабным темпом политику индустриализации. Всемерно укрепляя индустриальную мощь СССР, партия должна продолжать развертывать, используя наличные финансово-экономические средства,

производство средств производства, в частности металлургию и машиностроение, продолжать политику снижения себестоимости и неуклонно проводить политику снижения себестоимости и неуклонно проводить политику снижения цен на промышленные изделия. Съезд акцентирует внимание, что установка на индустриализацию должна сопровождаться курсом на рационализацию производства и управления [12, с.438]. Следует отметить что XV съезд ВКП (б) был съездом на котором была поставлена задача модернизация сельского хозяйства – переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия) всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществлённого сельскохозяйственного труда [12, с.437]. В отчете о работе ЦКК – РКИ отмечалось, что съезд одобряет работу контролирующих органов, направленных на охрану единства и дисциплины партии, так и в области улучшения государственного аппарата и борьбы с бюрократизмом. В резолюции также отмечалось, что одно только создание дешевого и четко работающего аппарата для нас недостаточно. Нужно строить технику управления так, чтобы улучшение этой техники способствовало разрешению основных, стоящих перед нами задач социалистического строительства [12, с.446]. Съезд акцентирует внимание на вопросах улучшения функционирования государственного аппарата управления, укрепления новыми партийными силами кооперативные и советские органы для обеспечения правильного проведения линии партии в их работе в деревне, вовлекать в партийное управление батрацко-бедняцкого актива, который впоследствии и сформирует слой региональных управленцев. XV съезд ВКП (б) поручает Центральному Комитету обеспечить разработку пятилетнего плана с таким расчетом, чтобы он был поставлен на рассмотрение ближайшего съезда Советов, и обеспечить привлечение к тщательному и всестороннему обсуждению проекта плана всех местных советских, профессиональных, партийных и других организаций. Таким образом советская экономика трансформировалась в планово-директивную. На съезде продолжалась борьба за лидерство в партии в резолюции об оппозиции съезд поддерживает решение ЦК и ЦКК об исключении Л. Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева из рядов ВКП (б). Также съезд исключает из рядов партии активных деятелей троцкистской оппозиции в количестве 75 человек и группу Сапронова как антиреволюционную в количестве 23 человек. Поручить ЦК и ЦКК принять все меры идейного воздействия на рядовых членов оппозиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции [12, с. 490]. Таким образом на XV съезде противники партийно-государственного аппарата, возглавляемого И.В. Сталиным потерпели поражение, открывая путь лидеру партии большевиков к формированию личной диктатуры.

Руководствуясь решениями XV съезда ВКП (б), давшего директиву продолжать политику индустриализации, партийный актив Северо-Кавказского края добивался улучшения дел в промышленности. Ставропольском округе на долю государственных и кооперативных предприятий в 1929 г. приходилось 98,5 % валовой продукции всей промышленности. Промышленность Терского округа производила в 1928 г. изделий на 66 млн руб., что составляло 46,3 % валовой продукции всего хозяйства. В Северной Осетии число крупных промышленных предприятий за 1927 и 1928 годы увеличилось с 8 до 15, количество рабочих и служащих в них возросло соответственно с 1736 до 2254 человек. Доля промышленной продукции в народном хозяйстве увеличилась с 22 до 35,7 процентов. Продукция тяжелой промышленности Кубанского округа выросла в 1928/29 хозяйственном году на 38,8% по отношению к предыдущему году, в то время как продукция легкой промышленности увеличилась на 14,4 %. Изменилось и распределение рабочей силы в пользу тяжелой индустрии. Если в 1927/28 гг. в тяжелой промышленности Кубанского округа было занято 34,6 % всех рабочих, то в 1928-1929 гг. эта цифра выросла до 39%. Данные показатели характеризуют, что регион Северного Кавказа благодаря промышленным преобразованиям стал индустриально-аграрным. Промышленность росла быстрыми темпами. Значительно выросла численность рабочих. Только в Кубанском округе число рабочих увеличилось более чем на 10 тыс. человек. Профсоюзы становились действительно массовыми организациями рабочих. Улучшилась работа производственных совещаний, число участвующих в них рабочих увеличилось. 14 июня 1929 г. решением Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) 20 % рабочих были переведены на 7-часовой рабочий день. Следует отметить, что в течении 1928 – 1929 гг. Кубанская окружная партийная организация выросла на 17%, рабочая прослойка увеличилась с 53 до 61%. Необходимо обратить внимание на то что партийные организации региона проводили большую работу по количественному и качественному укреплению комсомольских организаций и профсоюзов, так как именно в недрах этих организаций находился кадровый потенциал партийно-государственного актива, формировался будущий слой партийно-государственных управленцев регионального уровня.

После разгрома в 1928 – 1929 гг. правой оппозиции и по решению XVI Всесоюзной конференции ВКП (б) была проведена генеральная чистка партии. Всего за период с сентября 1929 г.

по март 1930 г. было исключено из партии 2655 человек, или около 7 % численности окружных организаций, однако партия укрепила свои ряды за счет рабочих. Среди принятых в партию рабочие от станка составляли 59,2 % (12213 человек). Конференция утвердила первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Именно данный документ стал программой создания фундамента социалистической экономики, построения материально-технической базы. В соответствии с пятилетним планом Северо-Кавказский краевой комитет ВКП (б) и крайисполком определили контрольные цифры развития народного хозяйства и культуры для всех районов Северного Кавказа. Например, на Ставрополье планировалось усиление темпов индустриализации за счет завершения начатых строек и создания новых предприятий тяжелой и легкой промышленности, предусматривалось строительство нескольких электростанций. В национальных областях планом намечалось на территории Карачая построить промкобинат «Карачайлес», завод химической обработки древесины и начать разработку каменного угля в Хумаринском районе. В Черкесии – построить две мельницы, типографию, механический и чугунолитейный заводы. Было запроектировано строительство гидроэлектростанции на реке Кубань мощностью 15 тыс квт. Серьезные задачи поставил пятилетний план перед трудящимися Кубани. Планировалась усиление темпов индустриализации путем окончания строек и создания новых предприятий. За годы пятилетки должны были вступить в строй Анапская, Краснодарская, Новороссийская и другие электростанции, Адыгейский и Крымский консервные комбинаты, Кореновский сахарный завод, Туапсинский нефтеперегонный завод, Черноморская железная дорога Туапсе-Сочи. Намечалось повышение нефтедобычи на Апшеронских и Калужских нефтепромыслах.

В целях приближения государственного аппарата к массам ЦК ВКП (б) потребовал перевести делопроизводство всех государственных учреждений, прежде всего, судебно-административных органов на национальные языки, смелее выдвигать на руководящую работу представителей коренного населения. Партийным руководством была поставлена задача расширить и улучшить работу сети партийного просвещения издать на языках народов СССР Программу и Устав партии, важнейшие партийные решения, политическую литературу. На основе решений ЦК ВКП (б) и бюро Северо-Кавказского крайкома партии партийные организации Северной Осетии стали акцентировать внимание не только на численном росте членов партии, но и на качественный состав. Северо-Осетинский обком партии своим постановлением от 26 февраля 1929 г. обязал первичные партийные организации промышленных предприятий добиваться того, чтобы 90 % принятых в партию были рабочие от станка. Низовые партийные организации развернули большую работу с беспартийным активом и как итог число вступивших в партию рабочих и батраков резко возросло. В целом по всей областной партийной организации 92,2 % принятых за первое полугодие 1929 г. в партию составляли рабочие и батраки. Руководство Северо-Кавказского края продолжало осуществлять политику коренизации национальных районов. Проводя политику коренизации, то есть выдвигая из местного социума национальный актив, руководство надеялось найти больше понимания со стороны национальных меньшинств в области управления. Так как Северный Кавказа очень специфичен учитывая своеобразие местных условий (пережитки родового стоя, родственные связи), и многонационален, а выдвижение местного активиста на руководящие позиции изначально имело выигрышную позицию. Однако, процесс коренизации шел очень медленно в силу многих причин. Перевод делопроизводства на национальные языки искусственно замедлялся местным населением, так как при полиэтничности региона универсальным языком делопроизводства и общения являлся русский язык. Следует отметить, что и в некоторых национальных языках отсутствовала своя письменность, или не было в лексиконе языка необходимой деловой терминологии. Однако процесс коренизации не смотря на трудности имел место так из 200 человек, выдвинутых в 1929 г. на партийную, советскую и хозяйственную работу в Северной Осетии, 170 человек (85 %) были представителями коренного населения.

Таким образом, местный партийно-государственный аппарат находился во главе региона в период промышленной модернизации народного хозяйства. Однако преобразования коснулись не только народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство) претерпела изменения и система партийно-государственного управления. Партийные чистки, связанные с борьбой с оппозицией в центре и на местах, повышения не только количественного, но и качественного уровня членов партийно-государственной номенклатуры в регионе Северного Кавказа. Именно актив – партийно-государственная номенклатура возглавила процесс модернизации на местах, проводя кадровую политику в национальных районах выдвигая на руководящие позиции местных лидеров, что способствовало укреплению авторитета советского партийно-государственного аппарата.

Источники и литература

1. Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев: диссертация ... доктора исторических наук. Новочеркасск, 2007. 789 с.
2. Гимпельсон Е.Г. НЭП и Советская политическая система 20-е годы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 437 с.
3. Гимпельсон Е.Г. НЭП Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М.: Собрание, 2004. 303 с.

4. Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция Советского государственного аппарата управления 1917-1930 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН. 2003. 224 с.
5. Государственный архив новейшей истории республики Северная Осетия – Алания. (далее - ГАНИ РСО-Алания.) Ф. 1. Оп. 1. Д.13.
6. ГАНИ РСО-Алания Ф.1. Оп. 1. Д.10.
7. Государственный архив Ростовской области. Ф. 2443. Оп.1. Д. 318.
8. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 590. Оп. 1. Д. 54.
9. ГАСК. Ф.299. Оп. 1. Д. 808.
10. Гутиева М.А. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе 1921-1939 гг. диссертация ... доктора исторических наук. Астрахань, 2011. 480 с.
11. Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП (б). 1927 год. №15/25.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1924 - 1930. М.: Госполитиздат, 1954. 676 с.
13. Меняйлов А. А. Индустриализация аграрных регионов Северного Кавказа в 1900-1930-е гг. диссертация … кандидата исторических наук. Пятигорск, 2013. 212 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.21. Д.3257.
15. РГАСПИ. Ф.17. Оп.67. Д. 172.
16. Салфетников Д.А. Индустриальное развитие Кубани в 1928-1937 гг.: диссертация … кандидата исторических наук. Краснодар, 2004. 206 с.
17. Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920-1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: Тэсэра, 2018. 206 с.
18. Туфанов Е.В. Советская региональная партийно-государственная номенклатура в 1920-1930-е гг.: формирование и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: АРГУС, 2019. 496 с.
19. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф.7. Оп.1. Д.102.

References

1. Bondarev V. A. Rossiiskoe krest'yanstvo v usloviyakh agrarnykh preobrazovanii v kontse 20 – nachale 40-kh godov XX veka na materialakh Rostovskoi oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev (Russian peasantry in the conditions of agrarian transformations in the late 20-early 40s of the XX century on the materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories): thesis. Novocherkassk, 2007. 789 p. (In Russian).
2. Gimpel'son E.G. NEP i Sovetskaya politicheskaya sistema 20-e gody (NEP and the Soviet political system of the 20s). Moscow: IRH of RAS, 2000. 437 p. (In Russian).
3. Gimpel'son E.G. NEP Novaya ekonomicheskaya politika Lenina-Stalina. Problemy i uroki (20-e gody XX veka) (NEP New economic policy of Lenin-Stalin. Problems and lessons (20-ies of the XX century). Moscow: Sobranie, 2004. 303 p. (In Russian).
4. Gimpel'son E.G. Stanovlenie i evolyutsiya Sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya 1917-1930 gg. (Formation and evolution of the Soviet State apparatus of Management 1917-1930). Moscow: IRH of RAS, 2003. 224 p. (In Russian).
5. State Archive of the Modern History of the Republic of North Ossetia-Alania. (GANI RSO-Alaniya.) F. 1. Inv. 1. D.13. (In Russian).
6. GANI RSO-Alaniya F.1. Inv. 1. D.10. (In Russian).
7. State archive of the Rostov region. F. 2443. Inv.1. D. 318. (In Russian).
8. State archive of the Stavropol region (GASK). F. 590. Inv. 1. D. 54. (In Russian).
9. GASK. F.299. Inv. 1. D.808. (In Russian).
10. Gutieva M.A. Istoricheskii opyt natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze 1921-1939 gg. (Historical experience of national-state construction in the North Caucasus 1921 – 1939): thesis. Astrakhan', 2011. 480 p. (In Russian).
11. Izvestiya Severo-Kavkazskogo kraikoma VKP (b). 1927. №15/25. (In Russian).
12. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s»ezdov konferentsii i plenumov TsK (CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee). Part II. 1924–1930. Moscow: Gospolitizdat, 1954. 676 p. (In Russian).
13. Menyailov A.A. Industrializatsiya agrarnykh regionov Severnogo Kavkaza v 1900-1930-e gg (Industrialization of the agricultural regions of the North Caucasus in the 1900-1930-ie): thesis. Pyatigorsk, 2013. 212 p. (In Russian).
14. Russian State Archive of Socio-political History (RGASPI). F.17. Inv.21. D.3257. (In Russian).
15. RGASPI. F.17. Inv.67. D. 172. (In Russian).
16. Salfetnikov D.A. Industrial'noe razvitie Kubani v 1928-1937 gg. (Industrial development of the Kuban in 1928-1937 years): thesis. Krasnodar, 2004. 206 p. (In Russian).
17. Tufanov E.V. Kadry regional'nykh upravlentsev v 1920-1930-e gody: stanovlenie i funktsionirovanie (na materialakh Severnogo Kavkaza) (Staff of regional managers in the 1920s-1930s: formation and functioning (based on the materials of the North Caucasus). Stavropol': Tesera, 2018. 206 p. (In Russian).
18. Tufanov E.V. Sovetskaya regional'naya partiino-gosudarstvennaya nomenklatura v 1920-1930-e gg.: formirovanie i funktsionirovanie (na materialakh Severnogo Kavkaza) (Regional Soviet party and state functionaries in the 1920-1930s: the formation and functioning (on the materials of the North Caucasus). Stavropol': ARGUS, 2019. 496 p. (In Russian).
19. Center for documentation of the Modern history of the Rostov regio (TsDNIRO) F.7. Inv.1. D.102. (In Russian).

Сведения об авторе

Туфанов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь, Россия) / e.vt@mail.ru

Information about the author

Tufanov Yevgeny V. – Doctor of historical sciences, associate professor, head of the Chair of philosophy and history, Stavropol state agrarian university (Stavropol, Russia) / e.vt@mail.ru

CC BY

УДК 94(411).08

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.17

И. М. Узнародов

ДЖОРДЖ ХАУЭЛЛ И НАЧАЛО ЛИБ-ЛЕЙБИЗМА

В статье рассматривается начальный период политики либ-лейбизма после принятия в Великобритании новых избирательных законов 1867 – 1868 годов, которые способствовали значительному увеличению электората. Поскольку избиратели-рабочие составили большинство в городских избирательных округах, борьба за их голоса превратилась в неотъемлемую составляющую избирательной тактики политических партий, а рабочий вопрос – в постоянный фактор британской политической жизни. Новые идеи либералов о возможности гармоничных отношений между предпринимателями и рабочими в обобщённом виде стали называть политикой либ-лейбизма

Автор анализирует вклад в становление и развитие политики либ-лейбизма активного деятеля рабочего движения Джорджа Хауэлла, получившего известность в связи с выступлениями за реформу избирательного права. С 1865 г. он являлся штатным секретарём Лиги реформы, которая превратилась в очень влиятельную организацию, имевшую отделения по всей стране. Последнее обстоятельство способствовало участию представителей Лиги реформы в избирательной кампании 1868 г., которую вели либералы в округах, где преобладали избиратели-рабочие.

В статье на основе материалов Хауэлла из архива Института Бишопсгейт в Лондоне, показано, что он умело руководил своими коллегами, агитировавшими за поддержку либеральных кандидатов. Успех последних на выборах подтвердил перспективность либ-лейбизма, а сами идеи классового сотрудничества получили распространение в Конгрессе тред-юнионов, освобождённым секретарём которого стал Хауэлл. Обращено внимание и на то, что он регулярно печатался в профсоюзных изданиях и зарекомендовал себя последовательным сторонником политики либ-лейбизма. Благодаря ему, на раннем этапе либ-лейбистской политики либералы получали поддержку рабочих.

В результате рассмотрения деятельности Хауэлла в качестве практического работника и организатора автор статьи приходит к выводу о его значительном вкладе в становление политики либ-лейбизма.

Ключевые слова: Великобритания, либеральная партия, либ-лейбизм, рабочее движение, тред-юнионы, Дордж Хауэлл.

Для цитирования: Узнародов И.М. Джордж Хауэлл и начало либ-лейбизма // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.138–144. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.17

Igor M. Uznarodov

GEORGE HOWELL AND THE BEGINNING OF LIB-LABISM

The article examines the initial period of the Lib-Labism policy after the adoption in the UK of the new electoral laws of 1867-1868, which contributed to a significant increase in the electorate. Since working-class voters made up the majority in urban constituencies, the struggle for their votes has become an integral part of the electoral tactics of political parties, and the labor issue has become a permanent factor in British political life. The Liberals' new ideas about the possibility of harmonious relations between entrepreneurs and workers in a generalized form began to be called the policy of Lib-Labism.

The author analyzes the contribution to the formation and development of the policy of Lib-Labism of the active worker of the labor movement, George Howell, who became famous in connection with the speeches for the reform of the electoral law. Since 1865, he was the full-time secretary of the Reform League, which turned into a very influential organization with branches throughout the country. The latter circumstance contributed to the participation of representatives of the Reform League in the election campaign of 1868, which was conducted by liberals in districts where working-class voters prevailed.

The article, based on Howell's materials from the archive of the Bishopsgate Institute in London, shows that he skillfully led his colleagues who campaigned for the support of liberal candidates. The success of the latter in the elections confirmed the prospects of Lib-Labism, and the ideas of class cooperation themselves were spread in the Congress of Trade Unions, of which Howell became the released secretary. Attention is also drawn to the fact that he was regularly published in trade union publications and proved to be a consistent supporter of the policy of Lib-Labism. Thanks to him, at an early stage of the Lib-Labor policy, the liberals received the support of the workers.

As a result of Howell's activity as a practical worker and organizer, the author of the article comes to the conclusion about his significant contribution to the formation of the policy of Lib-Labism.

Key words: Great Britain, Liberal Party, Lib-Labism, labour movement, trade unions, George Howell.

For citation: Uznarodov I. M. George Howell and the beginning of lib-labism // Humanities and law research. 2021. No.4. P.138–144. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.17

В 1867 – 1868 гг. в Великобритании были приняты новые избирательные законы. В результате электорат значительно вырос, а избиратели-рабочие составили большинство в городских избирательных округах. Поэтому борьба за их голоса превратилась в неотъемлемую составляющую избирательной тактики политических партий, а рабочий вопрос – в постоянный фактор британской политической жизни.

Произошедшие изменения вызвали появление у либералов новых идей, которые в обобщённом виде стали называть политикой либ-лейбизма[1]. Она основывалась на идее о возможности гармоничных отношений между предпринимателями и рабочими, предполагала сотрудничество между ними в политических вопросах.

Либеральная партия в 1860-е годы состояла из нескольких политических группировок, которые по-разному относились к рабочему вопросу. В отличие от правых и центристов реальные контакты с рабочими имели радикалы, составлявшие левое крыло в партии и успешно сотрудничавшие с трудящимися в рамках движения за реформу избирательного права. Именно радикалы приобрели определенную поддержку рабочих и могли побороться за их голоса на предстоявших в ноябре 1868 г. всеобщих выборах [1].

Однако уже за полгода до голосования руководство либералов начало испытывать серьёзное беспокойство относительно результатов, поскольку сторонники либ-лейбизма не выдвинули цельной политической программы, да и в плане организационном партия не очень была готова к работе с массовым избирателем. Поэтому в данной ситуации вполне логичным выглядит обращение к помощи профсоюзных деятелей типа Джорджа Хауэлла, которому и посвящена статья. Её цель – дать анализ роли Хауэлла в становлении и развитии политики либ-лейбизма.

Дж. Хауэлл родился в 1833 г. местечке Рингтон в Северном Сомерсете в многодетной семье мелкого строителя и подрядчика. После обучения в начальной школе с 12 лет он начал работать вместе со своим отцом, посвящая всё свободное время чтению. Через некоторое время юноша поступил учеником к сапожнику, где познакомился с чартистами и затем присоединился к чартистскому движению. В 1854 г. Хауэлл переехал в Лондон, где снова стал работать каменщиком. В столице он активно посещал различные политические собрания и познакомился с известными радикальными политиками своего времени – Ч. Брэдлоу, К. Марксом, Ф. Харрисоном. Тогда же он вступил в профсоюз каменщиков и достаточно быстро стал одним из его лидеров. В начале 1860-х гг. его избрали исполнительным директором и секретарём Лондонского торгового совета, который координировал действия столичных профсоюзных организаций [2].

Хауэлл также получил известность в связи с активными выступлениями за реформу избирательного права. В 1865 г. его избрали штатным секретарём Лиги реформы, добивавшейся избирательного права для мужчин в Великобритании. При его активном участии Лига реформы превратилась в очень влиятельную организацию, имевшую отделения по всей стране и организовывавшую выступления в разных частях страны. Сам Хауэлл организовывал демонстрации в Лондоне и заслужил уважение рабочих. Считалось, что в принятии новых избирательных законов есть и его существенный вклад [3].

Вряд ли в начале 1868 г. руководство Лиги реформы предполагало, что либеральные политики окажутся сильно заинтересованными в её помощи. Будущее Лиги в тот момент представлялось весьма туманным. Если в период активной агитации за избирательную реформу радикалы снабжали её деньгами, то теперь у них исчезло желание финансировать самостоятельную политическую организацию рабочего класса. Это означало, что без собственных средств Лига должна прекратить своё существование.

Либералы начали налаживать контакты с руководителями Лиги реформы в июне. В переговорах участвовали специальный представитель организаторов либеральной партии Г. Стенхоуп, а также известные радикалы С. Морли, А. Манделла, Дж. Стенсфелд, использовавшие свои связи в Лиге, которые они приобрели в период борьбы за избирательную реформу. Они предлагали финансовую помощь в обмен на информацию о ситуации в избирательных округах, где появилось много избирателей-рабочих. Также радикалы рассчитывали и на поддержку либеральных кандидатов в депутаты со стороны активистов Лиги [4, p. 440].

Следует отметить, что начавшиеся переговоры не были простыми, поскольку в позициях сторон имелись различия, касавшиеся политических предпочтений и планов на будущее. Радикалы не считали обязательным классовое представительство в парламенте и не обращали особого внимания на желание рабочих иметь там своих собственных депутатов. Хотя радикалы и обещали улучшить материальное положение рабочих и условия их труда, это направление не являлось приоритетным и не вызывало у них большого энтузиазма. Со своей стороны, представители рабочих не проявляли большого интереса к таким важным для радикалов вопросам, как религиозная терпимость и отделение церкви от государства [5, p. 34]. При этом либералы делали акцент на партнёрских отношениях и совместной борьбе против аристократов-землевладельцев, чья политика вступала в конфликт с интересами как

1 Название политики получилось от сочетания слов «либеральный» и «лейбористский» (рабочий).

капитала, так и труда. Но в реальности рабочим всё же отводилась роль младших коллег своих искушенных в политике друзей.

Тем не менее, Дж. Хауэлл и ещё один освобожденный функционер Лиги реформы Р. Кример определённо склонялись к сотрудничеству с либералами. Их взгляды разделяли и члены исполкома организации. Они полагали, что союз с либеральной партией необходим для дальнейших социальных и политических реформ. К тому же заработанные деньги могли помочь выставить представителей рабочих в качестве кандидатов на место в палате общин [2, p. 94-95, 103]. В результате руководители Лиги создали специальную комиссию для изучения её возможного участия в регистрации избирателей, агитационной работе и подборе кандидатов в члены парламента для либералов. Главным аргументом в пользу сотрудничества была финансовая помощь, необходимая как для участия рабочих в избирательной кампании, так и для сохранения Лиги в качестве постоянной политической организации трудящихся. В июле представители либеральной партии и Лиги реформы подписали соглашение, факт существования которого скрывался так же, как и последующее сотрудничество обеих сторон в ходе избирательной кампании.

В начале августа 15 опытных рабочих организаторов под руководством Хауэлла, получив на свои нужды 1 тыс. ф. ст., начали изучать избирательные округа. Через некоторое время число исполнителей увеличили до 27. [2, p. 106; 4, p. 444]. Агенты присылали свои отчёты Хауэллу, который на их основе составлял доклады для либеральной штаб-квартиры. В настоящий момент в его архиве в Институте Бишопсгейт в Лондоне хранятся 66 отчётов с мест, а всего изучению подверглись 85 округов. Помимо отчётов там имеется много других материалов, относящихся к деятельности этого видного представителя профсоюзного движения.

Сотрудники Хауэлла прежде всего должны были собрать данные о возможных кандидатах на выборах, их политических симпатиях и программах. Выяснению подлежали и вопросы, касавшиеся либеральных ассоциаций на местах: реальное политическое значение либералов, возможности местных руководителей успешно организовать избирательную кампанию. Во многих отчётах специально выделялась численность и организованность рабочего класса в посещённых округах, давалась оценка его возможного влияния на исход выборов [6]. Давая указания своим корреспондентам, Хауэлл подчеркивал, что желательно было бы «оказать некоторую помощь местным либеральным функционерам путем организации рабочих избирателей через профсоюзы или другие ассоциации» [7].

Изучение донесений агентов Лиги реформы показывает неоднозначную картину, сложившуюся в избирательных округах. Достаточно благополучно обстояло дело в Бате, Бостоне, Кокермауке, Лидсе, Дерби. Здесь и влияние либеральных ассоциаций оказалось значительным, и новые избиратели-рабочие явно им симпатизировали. В Бёркенхеде, Бридпорте, Монмаутшире, Мэклсфилде шансы либералов были хуже, так как консерваторы имели там довольно сильные позиции. В целом, большинство рабочих в посещённых округах склонялось в сторону либеральной партии, но корреспонденты Хауэлла привели также немало примеров, когда симпатии рабочих с трудом поддавались определению. Они объясняли это аполитичностью рабочих, поскольку многие из них выражали готовность голосовать за того кандидата, который больше потратится на угощения (подобная «агитация» среди избирателей была запрещена только в начале 1870-х годов). Кроме того, часть рабочих находилась под сильным воздействием своих хозяев или просто боялась их. Это означало, что свои голоса они будут отдавать, ориентируясь на приверженность хозяев той или иной партии [6].

Помимо предоставления ценной информации, сотрудники Хауэлла также немало сделали для организации трудящихся, создавая там, где это диктовалось необходимостью, либеральные рабочие ассоциации. В штаб-квартире либералов высоко оценили работу своих помощников из Лиги реформы, отметив их благоразумие, стремление объединить разные фракции партии и нежелание выдвигать своего собственного кандидата в ущерб либеральному [2, p. 107].

С середины сентября представители Лиги также использовались в качестве помощников либеральных кандидатов в некоторых округах. За Кримером и Хауэллом даже специально закрепили считавшиеся ненадёжными и требовавшими особого внимания округа в Блэкберне, Брайтоне, Шеффилде, Шореме, Стеффорде и Стоуке. Агенты из Лиги организовали 240 митингов, разослали большое количество печатных агитационных материалов. Проделанная ими работа не могла не отразиться на итогах выборов. Благодаря их усилиям либералы завоевали 49 мест в палате общин, о чем Хауэлл не без гордости сообщал в одном из писем [8].

В то же время Лига реформы не много выиграла от союза с либералами. Она получила за свои услуги сумму, недостаточную, чтобы по-настоящему поддержать собственных кандидатов. Кроме того, получение этой «помощи» либеральные политики сопроводили условием, согласно которому она не могла использоваться в борьбе против либеральных кандидатов [4, p. 441]. Такое условие резко ограничивало избирательные возможности Лиги и ставило её кандидатов в невыгодные условия.

В результате Лига реформы смогла выставить лишь 6 кандидатов, причем трое из них сняли свои кандидатуры ещё до выборов, чтобы не раскалывать сторонников либеральной партии. Остальные кандидаты Лиги набрали слишком мало голосов, чтобы одержать победу. Сам Хауэлл баллотировался по округу в Эйлсбери, но успеха не имел. При этом рабочие кандидаты не только не получили помощи на местах от либералов, но даже испытали на себе их враждебное отношение. Таким образом, сотрудничество с либералами принесло пользу исключительно либеральному партнёру. По сути дела, Лига реформы выполнила роль недорогого, но достаточно эффективного избирательного агентства.

Несмотря на отмеченные особенности, рабочие лидеры упорно создавали либеральным партнёрам режим наибольшего благоприятствования. В качестве примера можно привести одно из выступлений вице-президента Лиги Дж. Гедаллы, изданное либералами отдельной брошюрой. Он называл Гладстона вождём рабочих и всячески предостерегал от нанесения либеральным кандидатам хотя бы малейшего ущерба [9, p. 19-20].

Победа либеральной партии на выборах 1868 г. и положительный опыт проведения политики либ-лейбизма казалось дали партийным организаторам либералов возможность укрепить связи с Лигой реформы, использовать её влияние среди рабочих. Конечно, вряд ли можно было ожидать интеграции всей Лиги в либеральную партию в будущем, но за её руководством, которое не скрывало своих пролиберальных симпатий, пошли бы многие. Этому способствовала бы и поддержка кандидатов в парламент от рабочих. Однако либеральные организаторы не предприняли ничего на данном этапе для сохранения союза с Лигой и упустили хорошие перспективы для вовлечения рабочих в сферу влияния либерализма.

Следует отметить, что многочисленные отделения Лиги реформы вполне могли бы стать основой и для создания массовой либеральной партийной организации. Но либеральное руководство не воспользовалось такой возможностью, что отразило господствовавшие тогда среди его членов настроения. Парламентские лидеры партии не занимались организационными вопросами вообще, доверив всё парламентским организаторам – так называемым «кнутам». Те же, в свою очередь, имели слишком много обязанностей, чтобы выполнять их все одинаково хорошо. Приходилось выбирать между парламентской и непарламентской деятельностью. Конечно, предпочтение отдавалось первой.

Что касается Лиги реформы, то неудача на выборах кандидатов от рабочих положила конец единству среди её руководителей. Начало 1869 г. прошло во взаимных обвинениях и выяснении условий либеральной помощи Лиге. Закончилось всё отставкой освобожденных работников и вслед за этим роспуском самой организации в марте [10, p. 23-24].

Через некоторое время – летом – было объявлено о создании Лиги рабочего представительства (ЛРП), чьей целью стало избрание рабочих депутатов в парламент. Её создание поддержали многие рабочие лидеры, разуверившиеся в союзе с либералами и считавшие необходимым полагаться на свои силы. На следующих выборах ЛРП смогла провести в палату общин двоих кандидатов, положив начало деятельности рабочих в парламенте. Однако полноценной политической партией ЛРП так и не стала, хотя и сыграла определённую роль как предшественница лейбористской партии.

После роспуска Лиги реформы Хауэлл сосредоточился на профсоюзной работе и в 1871 г. стал секретарём Конгреса тред-юнионов, объединявшего большинство профсоюзных организаций Англии и Уэльса. Он регулярно печатался в профсоюзном журнале «Пчелиный улей» и зарекомендовал себя последовательным сторонником политики либ-лейбизма.

В 1870-е годы в либеральной партии так и не создали настоящую партийную структуру, что явилось результатом недооценки организационной работы. Во многих избирательных округах отсутствовали постоянные отделения партии, не было института членства, дисциплина в существовавших либеральных ассоциациях отличалась крайней слабостью, руководство из центра практически не велось. Только после поражения на очередных всеобщих выборах в 1874 г. лидеры либералов начали всерьез задумываться о создании современной, единой партийной организации, которая соответствовала бы политическим условиям страны [11, p. XXX, XCI].

В то время существовали низовые либеральные организации нескольких типов: обычные и рабочие клубы, провигские, прорадикальные и рабочие ассоциации. В организациях, где тон задавали рабочие и радикалы, получили распространение идеи в духе либ-лейбизма, в обычных либеральных – придерживались традиционных для либералов идей, а правые провигские ассоциации, сохраняя лояльность центру, относились к идеям либ-лейбизма с подозрением. Различия в политических ориентирах серьёзно затрудняли создание общенациональной организации, но, поскольку одной из главных задач любой организации становилась поддержка либеральных кандидатов на парламентских выборах и умение работать с массовым избирателем, объединение низовых структур не выглядело безнадёжным.

В наибольшей степени для роли основы общенациональной организации подходили радикальные ассоциации и клубы. Они были достаточно многочисленными и имели в своих рядах энергичных

и хорошо подготовленных к политической деятельности лидеров. К тому же после 1867 г. они развивались как организации, ориентированные на массового избирателя. Многие профсоюзные лидеры были членами таких ассоциаций и поддерживали политическую линию радикалов, чем способствовали привлечению в них своих коллег [12, p. 385 – 387]. Именно радикальные организации и составили основу общенациональной структуры либеральной партии. А образцом для многих тогда являлась радикальная ассоциация Бирмингема, которую часто называют также бирмингемской моделью, или бирмингемским кокусом. Характерной чертой бирмингемской модели стала тактика голосования ее сторонников. Строгая дисциплина позволила так отработать порядок подачи голосов, что при выборах в палату общин или органы местного самоуправления все места доставались либералам.

Особую роль в становлении и развитии бирмингемской модели сыграл предприниматель и политик Джозеф Чемберлен, входивший в муниципальный совет Бирмингема. Выдвинутая Чемберленом программа существенно отличалась от традиционных постулатов либералов (мир, дешевое государство, реформы) и имела практическую направленность. Главное отличие заключалось в обращении к социальным вопросам, в частности к рабочему вопросу, которому придавалось большое значение. Он полагал, что нельзя допускать обострения отношений между трудом и капиталом, что необходимо регулировать возникающие производственные конфликты [13].

Как опытный организатор и деятель профсоюзного движения, Хауэлл видел плюсы и минусы бирмингемской модели, хотел правильно расставить приоритеты с позиций либ-лейбизма. Отдавая должное позиции Чемберлена в рабочем вопросе, в своей статье в «Нью куотерли мэгэзин» он выразил и критическое отношение к бирмингемской модели. Организация представлялась ему недемократичной и ущемлявшей права избирателей. Он указывал на то, что строгая дисциплина лишала рядовых членов организации собственного мнения, а лидеры кокуса использовали диктаторские методы в своих личных политических интересах. Хауэлл считал, что политическая организация не должна становиться простой машиной для получения голосов избирателей, что ей следует распространять информацию по политическим вопросам, давая возможность своим сторонникам и избирателям сделать осознанный выбор [14].

Недостаточное внимание либерального руководства к рабочему вопросу, отставка Гладстона с поста лидера партии после поражения на выборах 1874 г., неудачи Лиги рабочего представительства побудили Хауэлла и других рабочих лидеров, сотрудничавших с либералами, предпринять попытку создания новой организации, которая основывалась бы на принципах либ-лейбизма.

Основная тяжесть подготовительной работы легла на Хауэлла, который вел обширную переписку, встречался с нужными людьми. Большое значение он придавал советам радикалов, чья поддержка считалась необходимой для создания жизнеспособной организации. По его мнению, радикалов должна была заинтересовать главная идея, для реализации которой и создавалась новая организация. Эту идею он сформулировал в письме известному радикальному политику С. Морли, в котором утверждал, что организация постарается «привлечь рабочих» и помочь им избежать сетей консерватизма [2, p. 199].

План Хауэлла получил поддержку среди радикалов. С особым энтузиазмом его воспринял известный политик Дж. Брайс, считавший, что подобная организация окажется весьма полезной на следующих всеобщих выборах. В августе 1879 г. организация объявила о начале своей деятельности под названием Национальной либеральной лиги. Принятые программные документы показали, что под влиянием радикалов ее организаторы несколько отошли от первоначального замысла. Программа оказалась чисто радикальной, а требования, касавшиеся непосредственно рабочих, отсутствовали.

Лига провозглашала приверженность традиционным либеральным принципам и указывала на первоочередные задачи своей деятельности, среди которых были расширение избирательного права за счет сельских округов, пересмотр земельного законодательства в пользу непосредственных производителей, принятие справедливых принципов налогообложения, развитие местного самоуправления, утверждение религиозного равенства. В программном документе отмечалось также, что Лига предполагала добиваться своих целей с помощью разного рода изданий и публичных лекций, путем открытия на местах своих отделений. Председателем исполнительного комитета Лиги стал Хауэлл, секретарем – Г. Бродгерст, казначеем – У. Моррис [15].

Национальная либеральная лига (НЛЛ) очень походила своими идеями и сформулированными задачами на созданную по инициативе Чемберлена Национальную либеральную федерацию (НЛФ) и отличалась от нее только явно выраженным пролетарским составом, поскольку рабочими были не только рядовые члены, но и её руководители. Это позволяло предполагать в перспективе сближение НЛЛ и НЛФ, координацию их действий и, возможно, объединение в будущем. Однако на практике ничего подобного не случилось. НЛЛ предпочитала самостоятельные действия, но как вскоре выяснилось, успеха среди масс рабочих она не имела. Оставаясь малочисленной орга-

низацией, она постоянно испытывала и финансовые трудности. На выборах 1880 г. Лига не играла сколько-нибудь заметной роли и прекратила свое существование в конце 1881 г., а основой настоящей партийной организации либералов стала НЛФ.

Хауэлл продолжил свою работу в профсоюзах и никогда не изменял политике либ-лейбизма. Он также продолжал участвовать в выборах в палату общин. После нескольких неудачных попыток в 1885 г. ему, наконец, удалось победить на выборах в парламент в округе Бетнал Грин на северо-востоке Лондона, представляя либеральную партию в качестве либ-лейбистского политика. Так в конечном итоге был отмечен его вклад в дело сотрудничества предпринимателей и рабочих.

Хауэлл оставался членом либеральной фракции в палате общин британского парламента до 1895 г., и внёс заметный вклад в разработку законов, имевших отношение к рабочим и их профессиональным организациям.

Следует также обратить внимание на то, что помимо многочисленных политических статей Хауэлл оставил после себя три серьёзных исторических сочинения: «Конфликты капитала и труда, исторически и экономически рассмотренные» (1878), «Новый и старый тред-юнионизм» (1891) и «Трудовое законодательство, рабочее движение и лидеры рабочих» (1902). В первом из них основательно рассматривается как появились и развивались британские профсоюзы, показаны их структурные особенности, анализируются политические и социально-экономические цели. Во втором рассматриваются различия между новым и старым вариантами профсоюзного движения в плане организации и идейно-политической составляющей. Третий – фундаментальный, обобщающий труд в двух томах – позволяет не только представить особенности британского рабочего движения, оценить деятельность лидеров рабочих, но и составить мнение о том, насколько эффективной была борьба трудящихся за свои права в свете изменений в трудовом законодательстве. Исторические труды Хауэлла также содержат ценную информацию о политике либ-лейбизма, которая занимала центральное место в отношениях между трудом и капиталом вплоть до начала I мировой войны [16, p. 13-30].

Итак, концепция либ-лейбизма до середины 70-х годов оставалась скорее набором идей, чем реальной политической программой. Стержнем либ-лейбизма была идея гармоничных отношений между основными классами британского общества. А объединяющим началом для предпринимателей и рабочих служила борьба против привилегий класса землевладельцев, выраженная в требованиях проведения политических и социальных реформ. Осуществление либ-лейбистских идей должно было расширить и укрепить социальную базу либеральной партии, обеспечить ей подавляющую часть голосов новых, рабочих избирателей.

Реализация политики либ-лейбизма предполагала сотрудничество с руководителями тред-юнионов и других рабочих организаций. Именно с их помощью на раннем этапе либ-лейбистской политики либералам удавалось получать поддержку рабочих. Среди таких деятелей не последнее место занимал Джордж Хауэлл, пользовавшийся заслуженным уважением своих коллег. Он не был теоретиком, но в качестве практического работника и профсоюзного организатора сделал очень много для становления политики либ-лейбизма.

Источники и литература / References

1. Узнародов И. М. Новые политические идеи английских либералов. Начало либ-лейбизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2020. № 4. С. 89-93.
   Uznarodov I. M. Novye politicheskie idei angliiskikh liberalov. Nachalo lib-leibizma (New political ideas of the British liberals. The beginning of lib-labism) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya». 2020. No. 4. P. 89-93. (In Russian).
2. Leventhal F. M. Respectable Radical: George Howell and Victorian Working Class Politics. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 276 p.
3. Harrison R. Before the Socialists: Studies in Labour and Politics, 1861-1881. L.: Routledge & K. Paul, 1965. 369 p.
4. Harrison R. The British Working Class and the General Election of 1868 // International Review of Social History. 1960. Vol. 5. Part. 3. P. 424-455.
5. Ball A.R. British Political Parties: The Emergence of a Modern Party System / A.R. Ball. London and Basingstoke, 1981. 246 p.
6. Howell Collection in Bishopsgate Institute. London. Box “Reform League Manuscripts, Testimonials, Library Fund”. File “Election Reports”.
7. Хауэлл – У. Брамфиту, 26 августа 1868 г. Цит. по: Harrison R. The British Working Class and the General Election of 1868 // International Review of Social History. 1961. Vol. 6. Part 1. P. 89.
8. Хауэлл – Стенсфелду, 6 января 1869 г. // Howell Collection. Box “Letters”.
9. Howell Collection. Pamphlets. Box 24. No. 25.
10. Finch H. George Howell - Trade Unionist and Reformer. 1833-1910. Extended Essay presented for the University of London Diploma in History. 1983. 251 p.
11. The Gladstone Diaries / Ed. by M.R.D. Foot and H.G.G. Mathew. Oxford: Clarendon Press, 1982. Vol. 7. 528 p.
12. Fraser W. H. Trades Councils in England and Scotland. 1858-1897. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Sussex. 1967. 792 p.
13. Chamberlain J. The Next Page of the Liberal Programme // The Fortnightly Review. 1874. Vol. 16. P. 405-429.
14. Howell G. The Caucas System and the Liberal Party // New Quarterly Magazine. 1878. Vol. 10. P. 580-590.

15. Principles and Objects of the National Liberal League // Howell Collection. Box «Reform League Papers, Manuscripts». File «Political Parties».
16. Chase M. George Howell, the Webbs and the Political Culture of Early Labour History. In: Laybourn K. and Shepherd J. (eds.) Labour and Working-Class Lives: Essays to Celebrate the Life and Work of Chris Wrigley. Manchester: Manchester University Press, 2017. 266 p.

Сведения об авторе

Узнародов Игорь Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики и глобализации Ростовского государственного экономического университета (Ростов-на-Дону, Россия) / iguz2010@yandex.ru

Information about the author

Uznarodov Igor' M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of World Policy anf Globalization, Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russia) / iguz2010@yandex.ru

CC BY

УДК 94(55): 327.5

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.18

С. Р. Мусавиния
А. А. Дарейни

«ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО» ИЛИ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»: ПЕРСПЕКТИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА

Авторы данной статьи полагают, что изучение внешнеполитического поведения Исламской Республики Иран следует проводить скорее с использованием конструкции «цивилизационного государства» и ее правильной трактовки, нежели через призму теории «национального государства».

Концепция «национального государства» предполагает международную систему, обусловленную и сформированную поведением государства. Поскольку природа международной системы определяется анархией, неореализм требует накопления власти для обеспечения выживания государства. А наступательный неореализм определяет «максимизацию власти» и «гегемонию» как конечную цель входящих в систему государств.

В своей внешней политике Иран не ставит целью достижение гегемонии. Имея древнюю историю, богатую культуру и самобытную цивилизацию, Иран позиционирует себя как «цивилизационное государство», а не «национальное». В этой связи влияние выходит за пределы национального государства, и пытается охватить цивилизационный ареал и использовать культурное наследие и общность исторических судеб с народами Западной Азии, Кавказа и Центральной Азии. Иран имеет древнюю историю, богатую культуру и самобытную цивилизацию. В отличие от модели гегемонии «национального государства», «цивилизационное государство» в первую очередь уделяет внимание культурным и человеческим факторам. Речь скорее идет о потоке «мягкой силы». Авторы полагают, что такой подход способствует лучшему пониманию внешнеполитического поведения Ирана.

Ключевые слова: цивилизационное государство, национальное государство, гегемония, Иран, внешняя политика.

Для цитирования: Мусавиния С.Р., Дарейни А.А. «Цивилизационное государство» или «национальное государство»: перспектива внешней политики Ирана // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.145–153. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.18

Seyed Reza Mousavinia
Ali Akbar Dareini

“CIVILIZATION STATE” OR “NATION STATE”: A PERSPECTIVE ON IRAN’S FOREIGN POLICY

The authors of the present paper argue that Iran’s foreign policy behavior has to be analyzed, not through the prism of “nation state” but “civilization state” if one is seeking to get it right.

Under the idea of “nation state”, the structure of the international system determines the behavior of a state. Since the nature of the international system is defined by anarchy, the neorealism mindset prescribes power accumulation to ensure survival. And offensive neorealism defines “maximization of power” and “hegemony” as the end goal of states.

But the purpose of Iran’s foreign policy is not to seek hegemony. Iran has an ancient history, a rich culture and a distinct civilization. It behaves within the framework of a “civilization state”, not a “nation state”. Iran’s influence goes beyond the border of a “nation state” because of its civilizational reach, its cultural heritage, and its historical links with modern nations in Western Asia, Caucasia and Central Asia. Contrary to the pattern of hegemony pursued by a “nation state”, a “civilization state” focuses on cultural and human factors first. It is the flow of ‘soft power’. That’s a true way to understand Iran’s foreign policy practices.

Key words: Civilization State, Nation State, Hegemony, Iran, Foreign Policy.

For citation: Mousavinia Seyed Reza, Dareini Ali Akbar. “Civilization state” or “nation state”: a perspective on Iran’s foreign policy // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 145–153. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.18

The Realism School of Thought argues that 1. States are central actors in international politics 2. The international political system is anarchic, meaning there is no global government or anyone being in charge internationally 3. States are rational actors and behave in their rational self-interest, and 4. States desire power to survive. They build militaries to ensure self-preservation. Survival is their primary concern and their highest goal.

The focus of Neorealism is on the anarchic structure of the international system. There is no equal distribution of power and there is no central global authority. “Nation states” have an appetite for power. That’s why they resort to “self-help” to survive as this is a pre-condition to pursue all other goals. States have no choice but to rely on themselves as they seek to increase their own capabilities and

undermine the power of others. This generates "balance of power" as states pursue their own interests. It is the anarchic structure that causes states to compete [3].

While Defensive Neorealism emphasizes on "security", Offensive Neorealism insists on "accumulation of more power" since states cannot trust the intentions of other states. Because of lack of trust, they develop offensive military capabilities to increase their power as much as possible in order to ensure their survival. So, Neorealism explains international relations in terms of power. That's why realists judge the actions of a "nation state" on the basis of power and competition, not moral or cultural principles.

The West insists on watching the world through "nation state" prism. It considers itself and its values superior to all others. It largely sees Iran in this context. The inconsistency of Iran's ruling system and its actions with Western values are interpreted and judged according to those values.

The Western world in general, the United States in particular, has not tried to understand Iran in its own terms. That's why their predictions _ from the imminent fall of the Islamic Republic after the 1979 Islamic Revolution to the break-up of the country _ have all gone wrong. And they will continue to get it wrong as long as they don't understand Iran in its own terms.

Iran is very much different from the West. The most fundamental difference is that Iran doesn't behave merely as a "nation state" but as a "civilization state". Iran has been a "nation state" in the Western sense of the term since 1925 but the fact of the matter is that it is several millennia years older than that. Iran is one of the oldest civilizations on Earth, with historical and urban settlements dating back to 7000 BC or earlier.

So, Iranians think of themselves as a civilization rather than a nation. Iran's identity goes beyond its modern borders of a "nation state". Iran's sense of identity has predominantly been shaped by its history as a "civilization state" embracing different nations and cultures. That has greatly influenced its way of thinking. "Nation state" accounts for a very short period of its very long history.

Looking at Iran's foreign policy from Neorealism perspective, the Islamic Republic has security fears in the anarchic structure of the international system. Given the ideology of Iran's ruling system and the history of its relations with global powers, serious security concern is evident.

Based on this perspective, Iran seeks to accumulate as much power as possible to its own benefit and to the detriment of its rivals. This approach doesn't bring into account Iran's internal considerations and civilizational reach. It defines Iran's survival, whether it's a monarchy or a clerical-led Islamic Republic, in terms of the three following steps:

1. Reducing threats to its survival
2. Employing "balance of power" strategy to balance regional and extraterritorial powers
3. Upgrading Iran's might and turning itself into a regional hegemon

This approach attributes foreign policy actions of the Pahlavi dynasty and the Islamic Republic to Iran's hegemonic intentions. Shah Mohammad Reza Pahlavi's desire to turn Iran into a major power and his power projection in the 1970s after Britain left the Persian Gulf and his rejection of Western demands to curtail oil prices are seen as examples of that.

It views the Islamic Republic's competition with regional rivals, its attempts to spread the values of its 1979 Islamic Revolution abroad, or its nuclear and missile programs as evidence of Iran's hegemonic intentions.

Authors of this study, while challenging the Neorealist view, argue that although the structure of the international system prescribes a pattern of regional competition and, at a higher stage, hegemony to Iranian strategists, the purpose of Iran's foreign policy is not to become a regional hegemon. Instead, Iran's civilizational and cultural reach and its historical experiences require it to act as a "civilization state". That's profoundly different from hegemony pattern.

Based on this introduction, we put forward the two main questions of this research:

1. Is the Islamic Republic of Iran seeking to become a regional hegemonic power?
2. What is the ideal and achievable pattern for Iranian foreign policy with regard to Iranian history, civilization and culture?

In response, two theories are put to test:

1. Iran has not sought to become a regional hegemon although the anarchic structure of the international system prescribes competition and hegemony.
2. A hegemonic pattern for Iranian foreign policy is in conflict with its cultural heritage, its history and the nature of its government. Instead, the model consistent with its culture, civilization and history is to act as a "civilization state", which is fundamentally different from hegemony.

This research has employed analytical and explanatory method. In the first part, three patterns of power balancing, hegemony and civilizational state are described. The second part explains the Islamic Republic of Iran's behavior in foreign policy with regard to these three models.

Positive and negative balance-making pattern

From the structural realism's point of view, anarchy in the structure of the international system compels states to balance their rivals. States work to increase their own power and undermine the capabilities of their rivals. Balance-making is considered the most optimal and rational foreign policy choice that can, without engaging in a military conflict, alter the balance of regional or international power to the benefit of some states and to the detriment of others.

At the same time, balance-making is a dominant strategy that reproduces anarchy [14]. The international system favors balancing and digests balance-making behaviors but resists revolutionary ones [20, p.11].

Balance-making, which is subdivided into positive and negative balance-making in this paper, differs from the concept of balance of power. Balance of power refers to a particular combination of power distribution in the international system that has emerged under multipolar, bipolar, and uni-multipolar systems [4, p.324]. The structure of the international system is shaped and developed by the balance of power.

From the perspective of realists, balance of power is a situation that provides relative political stability in the anarchic structure of the international system and prevents permanent wars in the international arena. Balance of power always exists. It may change in favor of one actor and to the detriment of another actor [20, p.10]. From Neorealism perspective, the goal of all international actors is to change the balance of power to their own benefit. This goal is sometimes achieved by war and sometimes by diplomacy.

But positive and negative balance-making, first of all, is one of the essential tools to change the balance of power in the international system. Second, balance-making is not a reactive behavior. It is a dynamic process in foreign policy while, in contrast, balance of power is relatively a static condition, and it is the output or product of balance-making by states.

In the last five centuries, Iranian governments have employed balance-making strategy as a means to ensure their security and simultaneously confront foreign enmity effectively. Balance-making in this sense means creating alliance and coalition with my enemy's rival or my enemy's enemy. That is intended to confront the enemy in a more effective and economical manner.

The strategy of balance-making actually prescribes alliance or coalition with one or more states which share common goal(s) with Iran. Entering into permanent or temporary alliance with a third force has been one of strategies employed in the history of Iran's foreign relations in order to create balance-making. The third force was a newly-emerged global power meant to contain the first and second powers whose practices were a constant threat to Iran.

Britain during the reign of Shah Abbas Safavid[1] in 1622, France during the first period of Iran-Russia wars in 1807, Austria and the United States of America during the reign of Amir Kabir[2] in 1851; Germany during World War I and II, and finally the U.S. after World War II, were all examples of a third force that Iranian governments attempted to use within the framework of the strategy of balance-making.

Subdividing balance-making into positive and negative types is based on the security results of this strategy in Iran's foreign relations over the past five centuries. The strategy of balance-making has been effective and useful whenever Iran enjoyed a solid and balanced internal power structure. It did reduce threats to Iran's security with minimum of cost. We call these historical junctures "positive balance-making".

But in most periods, the strategy of balance-making adopted by Iranian governments, whether being a temporary or permanent alliance with a powerful state, or the use of a third force against the first and second forces, due to the shaky and uneven structure of internal power, not only failed to diminish security threats, but it also paved the way for direct or indirect interference of those powers in Iran's internal affairs.

For instance, Iran's alliance with Britain during Iran-Russia wars or the siege of Herat eventually led to the extensive loss of Iranian land in the north and the east in the 19th century. Another example is the experience of Iran relying on a third force. Relying on Germany provided an excuse for Iran's occupation during the two World Wars. Or relying on the United States to marginalize Britain and Russia, led Washington to being an influential power in Iran itself. We call this type "negative balance-making".

Strong and balanced construction of power within the country depends on high military, economic, political, social and cultural capabilities and capacities. That includes government's legitimacy and popularity, which is one of the most essential components of a state's power. A government enjoying solid social base and relatively supported by masses, even if it is weak in terms of material elements of power, possesses a potent bargaining chip when confronting other states. Consequently, balance-making by such a state will be largely beneficial and, at least in the short term, "positive balance-making" [10, p.34].

Many experts around the globe analyze Iran's behavior at both regional and international levels on the basis of the concept of "positive balance making". To them, the Islamic Republic, learning from the bitter experiences of "negative balance-making" of the Qajar[3] and Pahlavi[4] dynasties in the 19th and 20th centuries, which led to Iran's insecurity and loss of many lands, seeks "positive balance-making" at regional and international levels. It relies

1 Shah Abbas, or Abbas the Great, was the 5th king of the Safavid Dynasty in Iran. He governed from 1588 to 1629. Shah Abbas is regarded as one of the greatest rulers in Iranian history.
The Safavid Dynasty was one of the greatest ruling dynasties in Iran from 1501 to 1736. At their height, they established control over what is now Iran, Azerbaijan Republic, Armenia, Georgia, Bahrain, parts of the North Caucasus, Iraq, Kuwait, Afghanistan as well as parts of Turkey, Syria, Pakistan, Turkmenistan and Uzbekistan. It was the Safavids who introduced Shia Islam as the state religion of Iran.

2 Mirza Taghi Khan Farahani, better known as Amir Kabir, was chief minister to Naser al-Din Shah Qajar. He served just for three years from 1848 to 1851. He was murdered in 1852. Amir Kabir is widely considered as "Iran's first reformer". He sought to bring gradual reform to Iran and modernize the country.

3 The Qajar Dynasty ruled Iran from 1789 to 1925. It had succeeded the Afsharid Dynasty. Under weak Qajar family, Iran lost many lands to the Russians in the 19th century.

4 The Pahlavi Dynasty ruled Iran from 1925 to 1979.

on its endogenous power to reduce regional and international threats through engaging in coalitions and alliances; thus changing the regional balance of power to its own benefit and to the detriment of its rivals, specifically Israel, Saudi Arabia and Turkey.

From this perspective, the Islamic Republic took advantage of the U.S.-Soviet rivalry during the Iran-Iraq war through balance-making tactics. Iran's policy of détente with its Arab neighbors following the disintegration of the Soviet Union and in the wake of the 1990 Iraqi invasion of Kuwait and the subsequent expulsion of Iraqi troops in 1991 by a U.S.-led coalition was aimed at altering the balance of power in Iran's favor and to the detriment of Saddam Hussein. Critical dialogue between Iran and the European Union in the 1990s was also intended to balance the U.S. and reduce security threats against Iran.

Under this approach, Iran's policy of appeasement towards Russia and China over Iran's nuclear dispute with the 5+1 group is analyzed within the framework of "positive balance-making".

With the outbreak of Arab Spring in 2011, balance of power at the regional level was disrupted. Regional powers including Turkey, Iran, Israel and Saudi Arabia employed all their strategic and diplomatic capacities to alter the balance of power in their own favor and against their rivals. Rivalry between Iran, Saudi Arabia and Turkey in Syria was a struggle for power under a zero-sum approach. The conflict between Iran and Saudi Arabia in the internal crises of Lebanon, Iraq, Bahrain and Yemen is analyzed in this context.

From structural realism perspective, Iran's behavior indicates that it pursues "positive balance-making" with the aim of changing the balance of power to its own benefit and to the detriment of its regional rivals. From this perspective, Iran, Turkey, Israel and Saudi Arabia, foremost, want to maintain the regional balance of power. But as soon as a power vacuum is created, struggle for a new power balance to the benefit of oneself and to the detriment of regional rivals starts.

Pattern of regional hegemony

The strategy of balance-making is conservative. It's opposite of hegemony model, which is revisionist. A country that tends to be a hegemonic power does not want to maintain the balance of power but seeks to permanently disrupt it by resorting to its ideological and material capacities in order to achieve the status of a regional or global hegemon.

Once a regional or global power achieves hegemony, it attempts to create a set of powerful rules and regimes by using its superiority in various military, political, economic and cultural areas to maintain its hegemonic status, regional stability and order.

The important question is: What are the characteristics of a hegemonic power and what challenges a hegemon is faced with? Robert Gilpin[1] believes that for a regional power to become a hegemonic power, it must meet the following four criteria [17, p.142 - 145]:

1. Unrivaled military power at the regional level,
2. Ability to create a political system in the region (forming alliances or coalitions and leading them),
3. Enjoying commercial and economic advantages so as to be able to pay the costs of hegemonic order in the region and to digest free riders with its economic power,
4. Being an ideological power in such a way that its values are acceptable to other countries in the region and include a lifestyle for peripheral countries.

Some structural realists consider the Islamic Republic's behavior in the region to be consistent with a hegemonic pattern. They explain Iran's hegemony with the concept of "Safavidism".

During Safavid era in the 17th century, especially under Shah Abbas, Iran was an unrivaled political-military power. It was one of the international trading poles through its monopoly of silk production and its possession of the ideological power of Shiism.

According to this group of experts, the realization of the Islamic Republic of Iran's hegemony in the region rests on Tehran's negative behavior with the goal of disrupting a Middle East order sought by the United States and its Western allies. The Islamic Republic, by resorting to military and political means as well as engaging in a confrontational discourse with liberal democracy values, has adopted an anti-U.S. hegemony stance in order to create proper conditions for its own hegemony in the region.

From this perspective, Iran's 1979 Islamic Revolution was not confined to its national borders. It was a revolution with an international message aimed at the global audience. Its international overflow resulted from its discourse that confronted the liberal democracy order. The radius of the Islamic Revolution discourse was defined to cover all continents of the world [7, p.2-3].

This discourse confrontation has emerged in regional security equations. Therefore, Iran rejects regional engineering of great powers, especially that of the United States. The Islamic Republic's opposition to the Camp David Accords[2] of 1978 was the starting point for this discourse conflict. Iran's support of resistance groups in Lebanon and Palestinian territories fighting Israel is an important feature of the Islamic Revolution's conflict with the liberal discourse. Liberal discourse describes Iran's behavior as "Iran's opposition to the Middle East peace process [2, p.34]."

1 Robert Gilpin was an American political scientist and an influential figure in the field of international political economy. He was a "realist" who promoted "hegemonic stability theory". The theory holds that the international system is more likely to remain stable when a single nation-state has political, economic or military dominance over others.

2 The Camp David Accords were two political agreements signed in 1978 between Egypt and Israel at the White House following secret negotiations at Camp David in Maryland, U.S. The agreements, mediated by U.S. President Jimmy Carter, led to the 1979 peace treaty between Egypt and Israel.

Within the framework of this discourse conflict, Iran opposed the 1991 U.S. invasion of Iraq and declared neutrality despite being able to annihilate its avowed enemy, the Saddam regime, by entering into an undeclared coalition with the United States. Theoretically and practically, Iran opposed the "New World Order" and the "Greater Middle East" approaches put forward by George H. W. Bush, the 41st U.S. president. The Iranian government formally opposed the 2001 U.S. invasion of Afghanistan, although it adopted positive neutrality in practice. It also opposed the 2003 U.S. invasion of Iraq but, this time, practiced negative neutrality.

The U.S. administration sought to establish a secular government in Iraq that would be loyal to Washington, but elections proved that power would be in the hands of Iraqi Shiites, who make up a majority of the population, also indicating Iran's vast spiritual influence among Iraqi Shiites [12, p.12].

With the elimination of Saddam, Iran and Iraq became natural allies. Iran supported the government elected by the Iraqi people and opposed the breakup of Iraq and the weakening of its central government. Iran's most outstanding hegemonic behavior, explained by liberal democracy discourse in the form of negative behavior and opposition to the "Middle East peace process", was Iran's support for Hezbollah in the 33-day Lebanon War of 2006 and Hamas in the 22-day Gaza War of 2008-2009, two wars that led to Israel's first historic defeat against the Arabs [1].

Iran's support of the Syrian government of President Bashar Assad, Ansar Allah movement[1] in Yemen, and Shiite parties opposing the Bahraini government are explained and analyzed in this context. Iran's security behavior in these cases was based on opposition to U.S. intervention in the region and rejection of the regional "order" designed by Washington. The U.S. and its regional as well as European allies have labeled Iran's security behaviors in the Middle East as "disruptive to regional order" with the aim of achieving its own hegemonic intentions.

Civilizationism Pattern

The pattern of civilizationism is fundamentally different from the pattern of hegemony. There are few states that have the potential to become a "civilization state" in their region. The main prerequisites for being a "civilization state" are cultural and civilizational capacity, a long history of influencing peripheral societies, a rich cultural heritage and civilizational attractions [4, p.54].

A "civilization state" derives its legitimacy from its distinct civilization while a "nation state" seeks its legitimacy in the concept of territorial integrity, language and citizenry.

1 Ansar Allah movement, also known as the Houthi movement, is a predominately Zeidi Shia force. It took over Sanaa, the capital, in 2014. Since March 2015, they've been resisting a Saudi-led military invasion of Yemen. The Houthis are supported by Iran.

Under this definition, China, Russia, India, Iran, Egypt and Italy are among countries possessing the potential to become civilizational states in their regions and justify their behavior in civilizational terms.

On the contrary, states such as Iraq or Lebanon, which lack ethnic or historical unity or have experienced a long history of violence and militarism cannot fundamentally play the role of a "civilization state" in their respective regions. Regional civilizationism has a lot in common with the concept of "eldership", or the white-bearded old man in Iranian culture. A white-bearded man is nickname for someone who is trusted by the community because of his human dignity, justifiable behavior, and altruism. He is a wise elder whom people refer to for guidance in order to resolve their disputes.

In contrast to hegemonic strategy, which is primarily based on material components (military, political, economic), and only later attends to cultural dimensions, civilizationism begins with cultural and human components and then becomes a material and objective product. It has a humane approach to overcome global challenges, specifically now that the world is witnessing ever intensifying strategic competition. Civilizationism is already laying the ground for a new world order. It's the inevitable flow of "soft power". The more a country shows vigilance, influence and creativity, the more it owns the future [11, p.107 - 123].

Civilizationism originates from a government that has a stronger sense of civilizational and cultural greatness. Political elite in a "civilization state" have a high sense of confidence in their legitimacy to play such a role. A "civilization state" does not consider itself a "nation state" and disregards the requirements resulting from the anarchic structure of the international system. Rather, it considers itself a "civilization state" by relying on its civilizational background and cultural capacities.

The key condition to achieve the status of a "civilization state" is to avoid adopting a policy of intervention. Intervention is the main instrument of a hegemon to achieve hegemony through military, economic, political, and ideological means.

Weak governments engage in covert and overt contacts with powers outside their region to balance the regional hegemon and gain a higher level of security. This is why a "civilization state" must not pursue a policy of intervention and hegemony [6].

Civilizationism pattern can be achieved when regional states indirectly acknowledge the spiritual leadership of that country and don't consider it a threat. They trust it and grant it legitimacy to mediate in regional disputes and even in their internal affairs.

In other words, a "civilization state" influences the peripheral countries and, through its fatherly policies, prevents foreign reaction to its influence at the regional level. Maintaining this balance is the biggest challenge for a "civilization state".

To better understand civilizationism pattern, we present five prerequisites and five strategic policies for a "civilization state" to differentiate it from hegemony pattern:

Requirements for becoming a "civilization state" include:

1. A donor culture as well as an ancient and absorbing civilization.
2. Considering itself a "civilization state" rather than a "nation state".
3. Enjoying the enduring idea of independence among its political elite, and more importantly, their belief, confidence and consensus to play the role of a "civilization state".
4. Lacking a history of invasion of peripheral countries.
5. A quiet and minimum-tension environment.

Policies required to become a "civilization state" include:

1. Not adopting policy of intervention (not acting as a regional power for the purpose of becoming a mighty regional power).
2. Eliminating the perception of threat on the part of peripheral states from itself.
3. Trusting the peripheral states in order to gain their trust.
4. Seeking participation not as a tool but as a goal.
5. Enjoying the necessary material capacity to transfer regional roles to peripheral countries.

Unlike hegemony pattern, which is predominantly based on material components, civilizationism pattern primarily focuses on spiritual and cultural elements. Obviously, material components also play an important role in the civilizationism pattern.

A "civilization state" must possess all the necessary economic and military capacities to delegate its regional roles to the peripheral countries, to trust them without any security fear in order to gain their trust in the long run and consequently, release its cultural and civilizational capacities to perform its role in the region. Furthermore, advancing "civilization state" pattern requires a calm regional environment with a high sense of cooperation and minimal tensions.

Iran and Regional Civilizationism

Cultural attractions, ancient civilization and, most importantly, behavior of Iranian governments in the past five centuries represent Iran's aptitude to play the role of a "civilization state". A state manifests its historical integrity in foreign behaviors, especially at the time of war. The history of Iran's practices in foreign policy in the past five centuries shows that Iranians, while always being attacked by neighbors and world powers, have never initiated a war.

After the establishment of Safavid rule in 1501, the Ottoman Empire launched constant attacks against Iran. The Ottomans from the west and the Uzbeks from the northeast were always eager to exploit any internal weakness of Iran _ either as a result of the death of a king or internal power struggle _ to invade Iran. Interestingly, Iran at the peak of its military and political might in the 17th century, during the reign of Shah Abbas, could have seized parts of Ottoman territory to compensate previous Ottoman invasions but did not do so.

During the reign of Shah Abbas, Iran emerged as a world power. European states were eager to establish relations with Iran. Shah Abbas preferred to settle his differences with neighboring countries, especially the Ottomans, through dialogue and diplomacy [18, p.99]. Having pushed back the Ottomans and liberating Tabriz, which had been invaded and briefly occupied by the Ottomans, Shah Abbas wrote a letter to the Ottoman king at the height of his power in 1608, showing the peaceful nature of Iranians. While the Iranian army, in terms of international norms, could cross the Iranian border and conquer parts of Ottoman territory and boast victory, he didn't retaliate. Shah Abbas wrote in his letter [15, p.61]:

"... I have no intention to occupy your territory. Give up claims against Iran so that I can make peace with you ..."

Among Iranian kings, Nader Shah[1] is referred to as a warmonger. Some historians liken him to Tamerlane. A glance at the history of the Nader period reveals that only after the Iranians were severely humiliated at the end of the Safavid era by the Afghan invasion of Isfahan and the advance of Ottomans and Russians inside Iran did he expel the invaders. Even after he invaded India and defeated its Gurkani king, he gave up the occupation of Indian lands and restored Iran's borders at the same previous geographical location [19, p.523].

In the 19th century, Iran became a scapegoat of great powers. Disloyalty of Britain and France and the destructive role these two powers played during the two periods of Iranian defeat by Russia at the beginning of 19th century were the starting point of anti-colonialist sentiments among Iranians. Britain's devastating role in drafting Golestan and Turkmenchay treaties _ which led to ceding many lands including what is now Daghestan and large parts of Georgia, Republic of Azerbaijan and Armenia to the Russian Empire _ greatly increased anti-British sentiments in Iran. The end of 19th century coincided with Russia suppressing the constitutional movement in Iran in support of the tyranny of Mohammad Ali Shah. Despite Iran's declaration of neutrality in World

1 Nader Shah Afshar was king of Iran from 1736 to 1747. He founded the Afsharid Dynasty. He came to prominence during chaotic days during the final years of the Safavid Dynasty. Nader Shah reunited Iran, after Ottomans and Russians had seized Iranian territory in the final years of the Safavid era, and removed the invaders. However, the Afsharid Dynasty he had founded disintegrated quickly after his assassination in 1747 during a rebellion.

War I, the Allies occupied Iranian territory. Iran was also occupied in 1941 during World War II by Allies Powers despite Iran's declaration of neutrality.

Britain and the U.S. overthrew the popularly-elected government of Prime Minister Mohammad Mossadegh in 1953 after hatching a military coup, an outright act of interference in Iran's internal affairs. The coup against Mossadegh's legitimate government set the stage for the 25-year tyranny of Mohammad Reza Shah. Foreign interference and internal tyranny in the 19th and 20th centuries had a direct and effective impact on shaping the 1979 Islamic Revolution that toppled the Pahlavi Dynasty, abolished monarchy and established the Islamic Republic.

The central motto of revolutionaries in 1979 was "independence" (from foreign interference), "freedom" (from internal tyranny) and "Islamic Republic" (future political system).

In 1980, the newly-established Islamic Republic was subject to Saddam Hussein's territorial invasion, but even after the start of the war, the Iranian leader was reluctant to fight, and was keen to end the bloody war in return for Iraq's apology.

Founder of the Islamic Republic, Ayatollah Ruhollah Khomeini, shortly after Saddam's invasion of Iran, said: "… A thief came and threw a stone and fled. He does not have the power to repeat it. God willing, once it becomes a serious issue, I would order all (the Iraqi nation and army) to act seriously and place Iraq in its place. God willing, such a day won't come" [13].

And, during the war, although Saddam's regime repeatedly resorted to chemical weapons against Iranian and Iraqi civilians, Iran never retaliated in kind despite having the knowledge to produce them. Retaliation would have killed many innocent Iraqi people, many of whom considered Iran their mother country.

Iran declared neutrality during the U.S.-led invasion of Iraq in 1991 while it could have joined the coalition to avenge the 1980-88 war. In 1997, after the Afghan Taliban killed members of the Iranian consulate in Mazar-i-Sharif, Iran's Supreme National Security Council, led by reformist President Mohammad Khatami, voted to invade Afghanistan. But Supreme Leader Ayatollah Ali Khamenei, who has the final power to declare war or peace under Article 110 of the Constitution, prevented Iran from attacking the Taliban regime. Iran adopted a position of "positive neutrality" in 2001 after the U.S. invasion of Afghanistan. And Iran strongly opposed the 2003 U.S. invasion of Iraq and adopted a policy of "negative neutrality".

Thus, Iran's political history in the last five centuries proves that Iranians are peace-loving and never initiated a war. They always preferred peace and dialogue to war even when they had the legitimate right to take retaliatory military action.

The historical experience and political culture of Iranians shows that the Iranian state does not enjoy sufficient power to engage in unilateral intervention since intervention is the product of effective control over other governments. Such a policy is in conflict with the nature of Iranian governments. Iran's history supports the assumption that its security is not separate from that of its neighbors. Enhancement of security for neighbors equals security for Iran. This assumption is the exact opposite of security dilemma under the notion of "nation state" that gives priority to accumulation of power and dictates a zero-sum approach.

The historical characteristic of Iran is not defined by political or military intervention but cultural influence. The spread of Iranian culture in the past did not occur because of border demarcations and antagonism but because of cultural absorption. Iranian culture, as its literature and mysticism shows, has a donor culture while admiring the cultural values of others.

Being a donor culture means being a source of inspiration and having a capability to transfer values to other nations. It has no sign of seeking to dominate neighboring nations. Iranian culture has also absorbed the cultural elements of others.

Enjoying a donor culture, while welcoming, praising, and recognizing the values of a neighbor, is a prerequisite for a "civilization state". The Iranian culture attests that it does possess this characteristic.

The context of cultural development, which provides conditions for Iran being a "civilization state", requires a calm environment with minimal tensions and maximum friendships. But is the Middle East a calm region? History shows that, since the 18th century, the peripheral region of Iran, including the Persian Gulf and the entire Middle East, has experienced tensions, wars, and instability due to structural conflicts and intervention of big powers. Therefore, Iran's tendency to play its role as a "civilization state" has faced obstacles: Structural conflicts in the peripheral environment of Iran and the interference of extraterritorial powers. What is the Islamic Republic's solution to advance its role as a "civilization state"? We will answer this question in the following section.

"Civilizationism", an ideal strategy for Iran

The profound influences of Shiite thinking, 150 years of humiliation resulting from foreign interference and internal despotism during the Qajar and Pahlavi periods, and 38 years of Khomeinism, prescribe the great and ideal goal of "civilizationism" for the Islamic Republic of Iran's foreign policy.

This goal has two pillars: 1. Regional independence 2. Intellectual and cultural heritage

Realization of these two could be achieved through a multi-layered strategy of employing an anti-hegemony direction, eliminating the notion that Iran is a threat, maintaining a peaceful and stable regional environment, and following fraternal neighborly

policy with Islamic countries. Like a captain who only likes calm seas for the speedy journey of his ship, the Islamic Republic seeks a peaceful and secure regional environment to accomplish its lofty foreign policy goals. This is contrary to Western propaganda accusing Iran of disturbing regional order. As is evident in the ideas of Iranian leaders and their foreign policy in the past four decades, the materialistic profit-seeking approach, geographical expansion, and political or economic interventions are not the dominant aspects of Iranian foreign policy.

The Islamic Republic considers its prosperity dependent on the existence of a peaceful and stable region free from interference of foreign powers. It defines the realization of this peaceful environment in terms of a struggle against the Israeli regime.

From the Iranian perspective, Israel is the source of instability in the Middle East and the main cause of interference of major powers in regional conflicts. Therefore, fighting Israel is Iran's operational strategy to achieve a secure and stable Middle East. Such a stable environment will pave the way for Iran to successfully perform its role as a "civilization state".

Civilizationism prescribes opposition to the intervention of major powers in the Middle East and hostility towards Israel for Iranian leaders, but it rejects conflict and hostility towards Islamic countries and neighbors. In order to act as a "civilization state", it is not only necessary for Iran to refrain from pursuing hostile policies in the region but also avoid a policy of competition. Competition is an attempt to take something from someone and add it to your pocket [8, p.2 – 3].

Iranian religious teachings dictate that, to achieve material resources, not only is there no need for hostility, but also competition is not necessary. Vital and material resources for human survival are not reducible resources. The Earth holds enough resources for all nations under just conditions. Therefore, competition is not necessary. A participation spirit is essential instead. And maintaining a sense of participation is even more essential for a country that wants to be a "civilization state". This is where inviting participation becomes a goal itself, contrary to the knowledge of international relations that defines participation as a means of achieving material goals.

The big goal of Iran's foreign policy is to facilitate conditions for the expansion of Iran's progressive cultural capacities at the regional level. The calmer and more stable the environment, the more Iran's cultural capacities expand and the more it engages in effective dialogue with the peripheral cultures and communities.

For the Iranian government, good neighbor policy, peaceful coexistence and living in tranquility are more beneficial because spread of Iran's historical content requires a secure and stable environment. In other words, a sense of satisfaction and trust in Iran's peripheral environment is Iran's inherent need in order to release its progressive culture. Therefore, the stronger and more influential Iran is, the greater its need to obtain the satisfaction of its neighbors. The prevailing mentality in Beijing echoes a similar sentiment that China's rise will not threaten peace, regional order and the national interests of neighboring states [5].

Gaining the trust of neighbors is the key in civilizationism. Obtaining the confidence of neighbors requires putting trust in them, in-depth understanding of their language and sentiments, and expansion of informal relationships with them, both at governmental and non-governmental level [16, p.5].

These relationships go beyond formality and the conservative give and take patterns. They get ethical and spiritual dimensions. This policy is the same foreign policy Khomeini called "Islamic brotherhood".

The policy of brotherhood does not eliminate borders but diminishes their relevance. The nature of the Iranian government is based on the idea of brotherhood in foreign policy. The Islamic Republic has been more committed to this doctrine than any other Iranian government in various periods, as the doctrine promoted by Khomeini and the current Supreme Leader suggests. In the foreign policy doctrine of Iran, Islamic governments, even non-elected governments, are called brothers of the Islamic Republic, but when hostile confrontation arises between Islamic governments and their people, civilizationism pattern supports the people.

The Islamic Republic supports the Assad government because it believes that Syria's civil war is not a war between the Syrian people and its government but a war between paid foreign mercenaries and the Syrian government. Therefore, Iran's strategy in Syria supports Syrian-Syrian dialogue to determine an elected government. Iran's support of freedom movements in Bahrain and Yemen came to light when the governments of Bahrain and Yemen clashed with their own people. Thus, pattern of civilizationism in Iran's foreign policy has made anti-hegemonic policy, confrontation with foreign interference, conflict with Israel, brotherhood with Islamic states, and support for oppressed nations its priorities.

There is a general rule saying the more developed a state is, the more it needs to have calm and extensive relations with its weaker neighbors. This view does not lead to imperialism and hegemony because expansionist practices of a regional hegemonic government will activate the link between its neighbors and extraterritorial powers. Therefore, regional hegemony will be practically in favor of weak neighbors and extraterritorial powers. That is why the U.S. portrays Iran's missile program as a threat to its neighbors and the entire Middle East.

Iran enjoys influence in its own periphery because of its historical and civilizational reach in Iraq, Syria, Lebanon, Afghanistan, Caucasus and Central Asia. Many people in different parts of the Middle East consider Iran as their "mother country". Iran captures hearts, not territories. But the West misinterprets _ or deliberately

misrepresents _ Iran's "influence" as "interference". The idea of Iran acting as a "civilization state" is the foundation for understanding Iran in its own terms.

Because of its distinct civilization, rich culture and ancient history, Iran's power is not dependent on competition with regional powers or hegemony. The Iranian government does not possess the necessary power to unilaterally engage in political, economic, and military intervention. The nature of the Iranian government lies in its "soft power", which has made it a "civilization state". Iran's power flourishes in the region when life for all nations in the region is humanized. But this approach faces structural barriers.

Civilizationism is a new political discourse that questions the Western liberal order. The cultural homogeneity a "civilization state" promotes stands in direct contradiction to the Western liberal secular values.

Iran's policy of confronting extraterritorial powers, strengthening its defensive capabilities, confronting Israel, and supporting oppressed nations in the region are intended to prepare a favorable environment for the realization of its role as a "civilization state" in the Middle East. The doctrinal strategy of the Islamic Republic at regional level is to dispel the idea of "Iran as a threat". Simultaneously, Iran's security and defense strategy is to strengthen its missile capability in order to deter extraterritorial powers from invading its territory.

But the U.S. government portrays Iran's enhanced missile capability as a threat to countries in the region and works hard to make them fear Iran. Security fear of the peripheral states of Iran paves the way for the expansion of American hegemony in the Middle East. At the same time, it delays the supreme goal of Iran's foreign policy: Performing as a "civilization state".

Источники и литература / References

1. Adebahr C. Tehran Calling: Understanding a New Iranian Leadership URL: https://carnegieendowment.org/files/tehran_calling.pdf (Accessed: 21.09.2021).
2. Ansari A. Politics of Modern Iran. IV, Rutledge, London & New York, 2011.
3. Antunes S., Camisao I. Introducing Realism in International Relations Theory // E-International Relations. 2018. 27 February. URL: https://www.e-ir.info/2018/02/27/introducing-realism-in-international-relations-theory/
4. Barry T., Booker S, Carlsen L., M. Dennis, Gershman J. A Global Good Neighbor Ethic for International Relations // Foreign Policy in Focus. Special Report, May 2005.
5. Chung C.P. China's Multilateral Cooperation in Asia and the Pacific: Institutionalizing Beijing's Good Neighbor Policy. Hong Kong: Lingnan University, Routledge, 2011.
6. Dalton L. Good Neighbor or Bad Neighbor? Explaining Powers' Neighborhood Policies // Prepared for the 16th Annual North America Taiwan Studies Conference. 2010.
7. Ehteshami A. Iran and the International Community. London & NewYork: Rutledge, 1991.
8. Fidler D. Competition Law and International Relations // 41 International and Comparative Law Quarterly 563, Indiana University, Maurer School of Law. 1992.
9. Griffiths M. Encyclopedia of International Relations and World Politics / translated by Ali Reza Tayeb. Tehran: Ney Publication, 2009.
10. Hall J., Ikenberry J. The State. University of Minnesota Press, 1989.
11. Jackson S. China's Good Neighbor Policy: Relations with Vietnam and Indonesia in Comparative Context // China An International Journal. 2009. March. P.107 – 123
12. Kazemi A. The Dilemma of Nation-Building and State Formation in the Post-Saddam Iraq // Journal of Law and Politics. 2005. 17 November.
13. Khomeini, Imam. Sahifah Noor. Volume 13. 31 June 1980. P. 90. (In Farsi).
14. Little R. A Theoretical Reassessment of the Balance of Power URL: www.allecademic.com. Edited 2007.23.05. (Accessed: 21.09.2021).
15. Mousavinia S.R. Iranian Realism. Tehran: Mokhatab Publication, 1994. (In Farsi)
16. Norkus Z. Max Weber on Nations and Nationalism: Political Economy before Political Sociology // Canadian Journal of Sociology. Summer 2004. Vol. 29. No. 3.
17. Salimi H. Various Theories on Globalization. Tehran: SAMT Publications, 2005. P.142-145. (In Farsi).
18. Savory R. Iran Under the Safavids / translation by Kambiz Azizi. Tehran: Nashr Publication, 1993. (In Farsi)
19. Shabani R. A Brief History of Iran in the Afshariyeh and Zandieh Periods. Tehran: Sokhan Publication, 2008. P.523. (In Farsi)
20. Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. Quarterly Journal. Summer 1999. Vol. 24. No.1.

Сведения об авторах

Мусавиния Сейед Реза – кандидат наук, доцент факультета права и политических исследований Университета имени Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран) / Seyedreza_mousavi54@yahoo.com

Дарейни Али Акбар – исследователь центра стратегических исследований (Тегеран, Иран) / aadareini@yahoo.com

Information about the authors

Mousavinia Seyed Reza – PhD in international relations, Assistant Professor, Faculty of Law and Political Sciences, Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran) / Seyedreza_mousavi54@yahoo.com

Dareini Ali Akbar – researcher and writer at the journal, Center for Strategic Studies (Tehran, Iran) / aadareini@yahoo.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
LEGAL SCIENCES

CC BY

УДК 342.951:351.82

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.19

С. Н. Зайкова

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Административная ответственность как составляющая часть механизма обеспечения транспортной безопасности продолжает оставаться актуальной темой для научных исследований, поскольку транспортный комплекс по-прежнему привлекателен для совершения противоправных деяний. Данная статья посвящена рассмотрению исторического становления института административной ответственности за нарушения в области обеспечения транспортной безопасности. Целью исследования стало формирование предложений по дальнейшему развитию указанного института. Проведенный анализ позволил выделить исторические периоды формирования отечественного законодательства по вопросам обеспечения транспортной безопасности: 1809 – 1917 гг. - зарождение административного законодательства, несистемное регулирование вопросов административной ответственности наряду с дисциплинарной и уголовной; 1917 – 1990 г.г. - период планомерного развития управления транспортным комплексом, характеризующийся кодификацией актов административного принуждения и значительным количеством исполнительных органов, имеющих право привлекать к административной ответственности за правонарушения в области транспорта; с 1991 г. по настоящее время - формирование специализированного законодательства по обеспечению транспортной безопасности, создание специальных органов управления в области транспортной безопасности, выделение отдельных административных составов. Автором определены цели и задачи законодательства об административных правонарушениях, выявлены недостатки научных взглядов по «новым» видам юридической ответственности. Предложено при реформировании законодательства об административных правонарушениях создать комплексный и системный кодифицированный акт, содержащий все необходимые меры административно-правового принуждения, исключающие квазиадминистративную и иные дублирующие виды ответственности. Настоящее исследование имеет возможность практического применения при внесении изменений в законодательство, регулирующее рассматриваемую область правоотношений.

Ключевые слова: административная ответственность, транспортная безопасность, система транспортной безопасности, национальная безопасность, безопасность на транспорте.

Для цитирования: Зайкова С. Н. Административная ответственность за нарушения в области обеспечения транспортной безопасности: историко-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 154–161. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.19

Svetlana N. Zajkova

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR INFRINGEMENTS IN TRANSPORT SECURITY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Administrative liability as an integral part of the transport security mechanism has been an urgent topic for scientific research as the transport complex is still attractive for committing illegal acts. The present article considers the historical formation of the institution of administrative responsibility for violation of transport security. The aim of the study was to formulate proposals for the further development of this institution. The present analysis made it possible to single out the historical formation periods of the Russian legislation on transport security: 1809–1917 - the emergence of administrative legislation, non-systemic regulation of administrative, disciplinary and criminal responsibilities; 1917-1990 - the period of systematic development of the transport complex management, characterized by the administrative coercion acts codification and a significant number of executive bodies entitled to bring to administrative responsibility for offenses in the field of transport; from 1991 to the present - the formation of specialized legislation to ensure transport security, the creation of special management bodies in the field of transport security, the allocation of separate administrative structures. The author defines the goals and objectives of the legislation on administrative violations, reveals the shortcomings of scientific views on «new» types of legal liability. The author proposes creation

of a comprehensive and systemic codified act provided that the legislation on administrative violations is reformed. Such a codified act would contain all the necessary measures of administrative and legal coercion, excluding quasi-administrative and other duplicate types of responsibility. This study has the possibility of practical application when making changes to the legislation on considered area of legal relations.

Key words: administrative responsibility, transportation security, transportation security system, national security, security on transport.

For citation: Zajkova S. N. Administrative liability for infringements in transport security: historical and legal aspect // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 154–161. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.19

В результате поведенного анализа истории развития управления транспортной отраслью в России можно выделить следующие исторические периоды формирования отечественного законодательства по вопросам обеспечения транспортной безопасности, как составной части государственного управления транспортной отраслью:

- зарождение административного законодательства и государственного управления транспортом, несистемное регулирование вопросов безопасности на транспорте (1809–1917 гг.);
- период планомерного развития управления транспортным комплексом, характеризующийся учреждением органов управления по отдельным видам транспорта и многочисленными структурными изменениями (1917–1990 г.г.);
- формирование специализированного законодательства по обеспечению транспортной безопасности, создание специальных органов управления в области транспортной безопасности (с 1991 г.).

Каждый из перечисленных периодов интересен становлением законодательства об административной ответственности за нарушения в области обеспечения транспортной безопасности.

Первый период характеризуется отсутствием единого нормативного акта, регламентирующего административную ответственность в рассматриваемой области. При этом следует отметить, что в транспортной отрасли широко использовалась дисциплинарная ответственность. Так, кодифицированный акт, носящий комплексный характер [1, с. 46], - общий устав железных дорог [13] устанавливал дисциплинарную ответственность железнодорожных служащих за нарушение или несоблюдение специальных, технических правил, «ограждающих безопасность на железных дорогах» [24, с. 28-29]. Дисциплинарные наказания были сопоставимы с уголовными, например, за самовольный уход железнодорожного служащего с работы следовало тюремное заключение на срок от 4 до 8 месяцев.

С 1903 г. действовали правовые нормы об уголовной ответственности [21] за повреждение путей общего пользования, за нарушение правил безопасности, вызвавшее крушение транспортного средства (железнодорожного, речного или морского).

В послереволюционный период, на втором этапе исторического развития законодательства по вопросам обеспечения транспортной безопасности отдельного кодифицированного акта об административной ответственности также не существовало. Меры административного принуждения устанавливались различными правовыми актами: отдельным декретом [5] был определен порядок наложения административных взысканий, другими - устанавливались виды наказания, например, административная высылка [6].

В области транспорта административный надзор был установлен декретом СНК в 1921 году [7], и в это же году введена административная ответственность за провоз пассажирами легко воспламеняющихся и взрывчатых веществ [8].

Содержались нормы об административной ответственности и в отдельных кодифицированных актах. Так, например, в Кодексе торгового мореплавания СССР [17] впервые были закреплены нормы, направленные на обеспечение безопасности плавания:

- предусмотрено снабжение большинства морских судов, плавающих под флагом СССР, радиотелеграфными приемно-передающими аппаратами (радиоустановками);
- установлены требования к составу судового экипажа и к лоцманам;
- прописаны обязанности и права капитана судна. С одной стороны, на капитана возлагалась обязанность по принятию необходимых мер по обеспечению защищенности судна, пассажиров и других лиц, с другой стороны, он наделялся правом административного задержания лица, действия которого угрожают безопасности, а также правом содержания указанного лица в закрытом помещении (ст. 57).

Аналогичные права и обязанности были закреплены и в Воздушном кодексе СССР. В статье 23 указывалось, что командир находящегося в полете судна имеет право применить к лицам, не выполняющим его требования и угрожающим безопасности полета все необходимые меры. Такие лица привлекались к ответственности, статьей 93 Воздушного кодекса СССР [18] был установлен предельный размер штрафа за нарушение правил безопасности - 500 рублей.

С 1961 г. [22] происходит частичное разграничение полномочий между исполнительными органами, имеющими право привлекать к ответственности за административные правонарушения в области транспорта. Органы внутренних

дел были наделены правом наложения административных штрафов за нарушение правил, обеспечивающих безопасность движения транспорта. Аналогичным правом были наделены органы железнодорожного, воздушного, морского и речного транспорта. Органы воздушного транспорта привлекали к ответственности за нарушение международных правил полетов, а органы пассажирского городского и междугородного авто-, электротранспорта - за нарушения правил пользования транспортом. Проблема «компетенционных» наложений сохранилась и после принятия в 1980 году основ законодательства СССР об административных правонарушениях.

Только в 1984 г. появилась единая правовая база для применения государственных мер принуждения в области обеспечения транспортной безопасности. Принятый в указанном году Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [11] объединил разрозненные правовые акты, упорядочил материальные и процессуальные составляющие административной ответственности.

Отдельная глава была посвящена транспортным правонарушениям. Анализ составов, включенных в главу 10 указанного кодекса на момент его принятия, позволяет прийти к выводу о том, что ответственность за перечисленные нарушения правил, обеспечивающих безопасность на морском и железнодорожном транспорте, правил полетов и поведения на воздушном судне, косвенно направлена на обеспечение транспортной безопасности. В отдельных случаях формулировки составов отражают незаконные акты вмешательства в работу транспортной отрасли: подкладывание на железнодорожные пути предметов, которые могут вызвать нарушение движения поездов (ст. 103), повреждение аэродромного оборудования, аэродромных знаков, воздушных судов и их оборудования (ст. 105), невыполнение лицами, находящимися на воздушном судне, распоряжений командира судна (ст. 107) и др.

Вплоть до 2002 г. в главу 10 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях вносились изменения и дополнения по конкретизации отдельных квалифицирующих признаков вышеуказанных составов.

Административная ответственность за правонарушения на транспорте вместо разрозненных правовых актов стала регулироваться единым кодифицированным актом – Кодексом РСФСР об административных правонарушениях.

Третий рассматриваемый исторический период характеризуется установлением административно-правовых гарантий реализации установленных обязательных требований в области обеспечения транспортной безопасности. Были систематизированы меры административного принуждения и меры административной ответственности в рассматриваемой области.

В декабре 2001 г. был принят КоАП РФ [12]. Его принятие совпало с трагедией на авиационном транспорте в США 11 сентября 2001 г. Общество ожидало усиление ответственности за незаконные акты внедрения в деятельность транспорта, особенно авиационного. Однако глава 11 кодекса, объединившая множество составов административных правонарушений на транспорте, не установила ответственности за нарушение требований, например, предъявляемых к экипажам судов, к техническим средствам безопасности. Среди составов, перечисленных в главе 10 можно выделить три группы:

- связанные с безопасностью движения на транспорте (например, ст. 11.1, 11.6, 11.7);
- отражающие безопасную эксплуатацию транспортных средств (например, ст. 11.2, 11.5, 11.8);
- предусматривающие безопасность пассажиров (например, ст. 11.10 и 11.17).

Однако формулировка составов и квалифицирующих признаков не отражала всех обязательных требований по защищенности транспортного комплекса. Перечисленные составы, особенно по авиационной безопасности, подверглись обоснованной критике [20, с. 2].

Несмотря на вступление в силу в 2007 г. российского федерального закона о транспортной безопасности, ответственность за его неисполнение была установлена спустя 3 года.

В 2010 г. были внесены изменения в КоАП РФ [23], определившие границы ответственности за нарушения обязательных требований в области обеспечения транспортной безопасности.

В Кодекс была включена статья 11.15.1, вводившая административную ответственность за неисполнение обязательных требований по обеспечению транспортной безопасности. Статья содержала две части, вторая из которых имела квалифицирующий признак повторности и расширенный состав субъектов правонарушения, помимо граждан, должностных и юридических лиц, отдельно были выделены индивидуальные предприниматели. Основными видами наказания стали административный штраф и приостановление деятельности.

Одновременно были внесены дополнения в ст. 19.5 КоАП РФ и установлена ответственность за невыполнение в установленный срок требований, предписаний уполномоченного органа исполнительной власти - органа контроля (надзора) в области транспортной безопасности.

В отдельный состав (ст. 19.7.5 КоАП РФ) были вынесены действия (бездействия) обязанных перевозчиков и субъектов транспортной инфраструктуры по сокрытию информации о совершении (или об угрозах совершения) актов незаконного вмешательства на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах от компетентных органов.

Ряд ученых [2, 16] принятие указанных дополнений назвали новым уровнем в истории формирования российского законодательства в области транспортной безопасности и с этим мнением, действительно, можно согласиться, поскольку появилась административно-правовая гарантия реализации установленных обязательных требований.

Следует отметить наличие в действующем КоАП РФ наряду с составами административных правонарушений в области транспортной безопасности составов правонарушений в области авиационной безопасности (ст. 11.3.1 КоАП РФ). Выделение отдельного состава вызвано несколькими причинами.

Прежде всего, авиационный транспорт подвержен большему числу актов незаконного вмешательства. Как показывает история, в период с 1933 г. от взрывчатки, пронесенной на борт, подверглись атакам авиалайнеры в Бельгии, Филиппинах, США, Ирландии, Шотландии, Нигерии, Египте, Великобритании и России. Основными способами доставления взрывных устройств на борт стали: закладка взрывчатых веществ в обувь; передача заминированного багажа пассажирам, не подозревавшим об истинном содержании груза; использование взрывчатой жидкости. Значительное количество актов вмешательства в работу авиатранспорта привело к созданию и развитию международно-правового регулирования авиационной безопасности. В настоящее время продолжается интеграция международного права в национальное транспортное право. Международные конвенции предписывают договаривающимся государствам обязанность по созданию правовой базы для привлечения к ответственности лиц (независимо от их административно-правового статуса), нарушающих установленные правила безопасности полетов и авиационной безопасности.

Специфика административно-правового регулирования правоотношений по защищенности в области авиации также связана с формированием отдельной отрасли законодательства по регулированию работы авиационного транспорта, кодификацией норм по авиационной безопасности наряду с ее регулированием специализированным законом о транспортной безопасности.

Рассматривая перспективы развития административной ответственности за нарушения в области обеспечения транспортной безопасности, отметим следующее.

В настоящее время осуществляется активный процесс реформирования российского законодательства об административных правонарушениях, обсуждаются различные концепции нового кодифицированного правового акта, позволяющие выстроить системно и детально многоцелевой правовой институт административной ответственности.

Все чаще юридическая ответственность, ее содержание, регулирование и виды становятся предметом научных исследований современных ученых, как административистов, так и специалистов в сфере конституционного, муниципального, экологического, гражданского, финансового, бюджетного и налогового права.

Прослеживается наличие двух различных концептуальных взглядов на дальнейшее развитие правового института юридической ответственности. Ряд ученых [3, 9, 14, 19, 25] придерживаются классической характеристики и видов ответственности, выделяя конституционную, уголовную, дисциплинарную, гражданско-правовую, материальную и административную ответственность. Они обосновывают свою позицию отсутствием в настоящее время научных исследований и доказательств различного материально-процессуального регулирования схожих по объектам и субъектам правоотношений, по степени противоправности действий (бездействий), например, в административном и налоговом праве или в административном и таможенном праве.

Другие ученые [4, 10, 15, 16, 26] заявляют о появлении и развитии «особых», «новых» видов ответственности в зависимости от правоотношений, на защиту которых направлены меры государственного принуждения. К «новым» видам ответственности относят корпоративную, финансовую, налоговую, предпринимательскую, таможенную, муниципальную, экологическую, семейно-правовую ответственность и др. Мнение о существования таких видов юридической ответственности основано на полной сформированности отдельных отраслей права и действующем законодательстве, например юридическая ответственность в финансовом праве, как в сформировавшейся отрасли права, устанавливается и в КоАП РФ, и в Налоговом кодексе РФ, и в Бюджетном кодексе РФ.

Приведенная выше видовая классификации применительно к административной ответственности основана на двух противоположных формулах:

- «отрасль права = отраслевой вид ответственности». Например, финансовое право обеспечивается финансовой ответственностью, закрепленной в бюджетном и налоговом кодексах, КоАП РФ, федеральном законе о Центробанке России и других правовых актах;
- «отрасль права = административная ответственность». Например, финансовое право обеспечивается административной ответственностью, закрепленной в КоАП РФ с едиными подходами к процедуре привлечения к ответственности, к определению вины юридического лица, к исчерпывающему перечню административных наказаний и т. д. При этом в целях исключения дублирования

ответственности при реализации второй формулы требуется исключить правовые нормы, регулирующие ответственность за нарушения в финансовой сфере, из бюджетного и налогового кодексов и других федеральных законов.

На наш взгляд, предложенные формулы требуют детальной проработки. По нашему мнению, следует начать с определения задач, на решение которых направлено законодательство об административных правонарушениях.

К таким задачам можно отнести:

- защиту личности, законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и общественной нравственности, государства;
- охрану прав и свобод человека и гражданина, санитарно-эпидемиологического благополучия, окружающей среды,
- охрану установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности от административных правонарушений,
- профилактику административных правонарушений.

Все перечисленные задачи по функциональному признаку свидетельствуют о трех основных предназначениях административной ответственности: защищать, охранять и предупреждать.

Защищать означает ограждать от посягательства, нападения и иных вредоносных действий. В данном случае рассматриваемое законодательство является составной частью законодательства в области обеспечения безопасности Российской Федерации, и основная задача административной ответственности – оградить, обезопасить личность, экономические интересы частных лиц, общества и государства от противоправных посягательств.

Охрана и профилактика (предупреждение) являются составной частью защиты. Охранять значит принимать необходимые меры по предупреждению нарушения установленных запретов, и в случае с административной ответственностью, по сохранению прав и свобод человека и гражданина, здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия населения, окружающей среды, общественного порядка и общественной безопасности, установленного порядка осуществления государственной власти.

Значительный охват общественных отношений, возникающих в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, защита и охрана которых осуществляется с применением мер административно-правового принуждения, свидетельствует об универсальности правового института административной ответственности. Представляя собой совокупность правовых норм, имеющих защитный и охранительный характер, он призван обеспечить эффективное, устойчивое, непрерывное и последовательное государственное управление. Именно поэтому, на наш взгляд, следует сохранить комплексность и системность административной ответственности, объединив в едином кодифицированном правовом акте все множество разрозненных правовых норм, регулирующих ответственность за нарушения в сфере государственного управления.

Предлагаемая комплексность административной ответственности, в отличие от множества «новых» видов юридической ответственности, позволит исключить существующую противоречивость правового регулирования значимых общественных отношений.

Во-первых, исключить различные государственные подходы к производству по делам о правонарушениях в сфере государственного управления, составу участников, предмету доказывания, применению обеспечительных мер, а также к обстоятельствам, исключающим вину лица, и порядку обжалования. В настоящее время производства по делам о правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, бюджетным и налоговым кодексами, существенно отличаются. Например, за нарушения законодательства о налогах и сборах срок давности привлечения к административной ответственности составляет один год, а по Налоговому кодексу РФ - три года; за нарушение бюджетного законодательства РФ срок давности привлечения к ответственности по КоАП РФ составляет два года, а по Бюджетному кодексу РФ срок применения бюджетной меры принуждения не установлен.

Во-вторых, исключить случаи привлечения к ответственности за правонарушения, которые в настоящее время именуются как квазиадминистративные. Это нарушения в сфере государственного управления, которые КоАП РФ не относит к категории административных.

В соответствии с ч. 1 ст. 2.1. КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Следовательно, если ответственность установлена иными федеральными законами или нормативными правовыми актами, например, федеральным законом о Центробанке России, о средствах массовой информации, об исполнительном производстве», Указом Президента РФ о мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов) и др., то такие правонарушения не относятся к административным, несмотря на то, что защищают и охраняют порядок государственного управления в различных сферах жизнедеятельности.

Также следует отметить, что производство по делам о квазиадминистративных правонарушениях не регламентировано и в отдельных случаях носит условный, примерный порядок (например, порядок лишения аккредитации журналиста устанавливается органами и учреждениями по собственному усмотрению).

В-третьих, комплексное регулирование административной ответственности в едином кодифицированном акте позволит исключить параллельное привлечение к разным видам ответственности за одно правонарушение. Приведем пример по налоговому праву, сопоставив ответственность, предусмотренную ст. 119 Налогового кодекса РФ и ст. 15.5. КоАП РФ.

Обе статьи предусматривают ответственность за невыполнение в установленные сроки обязанным лицом - налогоплательщиком обязанности по предоставлению налоговой декларации в налоговый орган по месту учета.

В первом случае указанное правонарушение считается административным, и к административной ответственности по ст. 15.5.КоАП РФ привлекается должностное лицо.

Во втором случае (ст. 119 Налогового кодекса РФ) указанное правонарушение считается налоговым и к ответственности привлекается юридическое лицо.

Принимая во внимание, что вина юридического лица в совершении налогового правонарушения имеет характер субъективного вменения, то есть определяется в зависимости от вины ее должностного лица, действия (бездействие) которого обусловили совершение налогового правонарушения (ч. 4 ст. 110 Налогового кодекса РФ), отмечаем фактическое привлечение к ответственности за одно правонарушение одновременно двух лиц: должностного лица организации, не исполнившей обязанность представить налоговую декларацию, и самой организации, которая не могла действовать вопреки воле должностного лица, представляющего ее интересы.

Таким образом, при реформировании законодательства об административных правонарушениях предлагается создать комплексный и системный кодифицированный акт, содержащий все необходимые меры административно-правового принуждения, исключающие квазиадминистративную и иные дублирующие виды ответственности.

Литература

1. Агекян Л.М. К вопросу о периодах возникновения и развития правовых актов, регулирующих отношения на транспорте дореволюционной России (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2013. № 20. С. 44 - 49.
2. Васильев Ю.А. Новый уровень транспортной безопасности // Транспортные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. 2010. № 6. С. 14 - 18.
3. Буравлев Ю.М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы: Монография. М.: Юрист, 2008. 154 с.
4. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
5. Декрет ВЦИК и СНК от 23 июня 1921 года «О порядке наложения административных взысканий» // Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее – СУ РСФСР) за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1944. Стр. 567-569.
6. Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 года «Об административной высылке» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 104 - 105.
7. Декрет СНК РСФСР от 9 сентября 1921 года «Об установлении порядка надзора за пользованием пассажирскими поездами» // СУ РСФСР. 1921. № 64. Ст. 474.
8. Декрет СНК РСФСР от 16 мая 1921 года «О мерах взыскания, налагаемых судебными органами за нарушение запрещения провоза пассажирами в качестве багажа и ручной клади при себе легко воспламеняющихся и взрывчатых веществ» // СУ РСФСР. 1921. № 47. Ст. 234.
9. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. 398 с.
10. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 192 с.
11. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законов РФ (далее – СЗ СССР). 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
13. Общий устав российских железных дорог и Положение о совете по железнодорожным делам. СПб: Тип. Р. Голике, 1886. 72 с.
14. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики: монография / И.В. Башлаков-Николаев, Д.А. Гаврилов, А.Ю. Кинев и др.; отв. ред. С.В. Максимов, С.А. Пузыревский. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 144 с.
15. Панов А.Б. Административная ответственность юридических лиц: монография. М.: Норма, 2013. 192 с.
16. Петров В.В. Экология и право. М.: Юрид. лит,, 1981. 224 с.
17. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14 июня 1929 года «Об утверждении Кодекса торгового мореплавания Союза ССР» // СЗ СССР. 1929. № 41. Ст. 365.
18. Постановление ЦИК СССР № 14, СНК СССР № 1713 от 07 августа 1935 г. «Об утверждении Воздушного Кодекса Союза ССР» // СЗ СССР. 1935. № 43. Ст. 359а.

19. Рымарев Д.С. Вина как необходимое условие конституционно-правовой ответственности участников выборов: монография. Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2017. 176 с.
20. Трофимов С.В. Воздушное право и новый административный кодекс // Транспортное право. 2002. № 1. С. 1-3.
21. Уголовное уложение 1903 г. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003714958?page=4&rotate=0&theme=white (Дата обращения: 14.05.2021).
22. Указ Президиума ВС СССР от 21 июня 1961 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 35. Ст. 368.
23. Федеральный закон от 27.07.2010 № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением транспортной безопасности» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4164.
24. Филиппова М.Ю. Правовое регулирование дисциплины труда работников железнодорожного транспорта: исторический и современный аспекты // Транспортное право. 2007. № 3. С. 26-30.
25. Щербакова О.В. К вопросу о категории конституционно-правовой ответственности в современной российской науке// Отечественная юриспруденция. 2016. № 8. С. 10-12.
26. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: монография / И.А. Алексеев, Р. Э. Арутюнян, Л.Г. Берлявский и др.; под ред. И.А. Алексеева, М.И. Цапко. Москва: Проспект, 2017. 128 с.

References

1. Agekyan L.M. K voprosu o periodakh vozniknoveniya i razvitiya pravovykh aktov, reguliruyushchikh otnosheniya na transporte dorevolyutsionnoi Rossii (istoriko-pravovoi aspekt) (On the periods of the emergence and development of legal acts regulating relations in transport in pre-revolutionary Russia (historical and legal aspect)) // Istoriya gosudarstva i prava. 2013. No.20. P. 44 – 49. (In Russian).
2. Vasil'ev Yu.A. Novyi uroven' transportnoi bezopasnosti (A new level of transport security) // Transportnye uslugi: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie. 2010. No.6. P.14 – 18. (In Russian).
3. Buravlev Yu.M. Vidy yuridicheskoi otvetstvennosti v sisteme gosudarstvennoi sluzhby: monografiya (Types of legal liability in the civil service system). Moscow: Yurist, 2009. 154 p. (In Russian).
4. Gutnikov O.V. Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave: monografiya (Corporate liability in civil law). Moscow: IZiSP, KONTRAKT, 2019. 488 p. (In Russian).
5. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of June 23, 1921 «O porjadke nalozhenija administrativnyh vzyskanij» («On the procedure for imposing administrative penalties») // Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. Moscow, 1944. P. 567-569. (In Russian).
6. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of August 19, 1922 « Ob administrativnoj vysylke» («On administrative expulsion») // Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressijah i reabilitacii zhertv politicheskih repressij. Moscow, 1993. P. 104 - 105. (In Russian).
7. Decree of the Council of People's Commissars of September 9, 1921 «Ob ustanovlenii porjadka nadzora za pol'zovaniem passazhirskimi poezdami» («On establishing the procedure for supervision over the use of passenger trains») // SU RSFSR. 1921. 64. No. 64. Art. 474. (In Russian).
8. Decree of the Council of People's Commissars of May 16, 1921 «O merah vzyskanija, nalagaemyh sudebnymi organami za narushenie zapreshhenija provoza passazhirami v kachestve bagazha i ruchnoj kladi pri sebe legko vosplamenjajushhihsja i vzryvchatyh veshhestv » («On penalties imposed by the judicial authorities for violation of the prohibition on the carriage of flammable and explosive substances by passengers as baggage and carry-on baggage») // SU RSFSR. 1921. 47. No. 47. Art. 234. (In Russian).
9. Kabanova I.E. Grazhdansko-pravovaja otvetstvennost' publichnyh sub'ektov: voprosy teorii i praktiki: monografiya (Civil liability of public entities: theory and practice) / ed.-in-chief M.A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2018. 398 p. (In Russian).
10. Karibyan S.O. Semeino-pravovaya otvetstvennost': sushchnost' i pravoprimenenie: monografiya (Family legal responsibility: essence and law enforcement). M.: Юстицинформ, 2018. 192 p. (In Russian).
11. Administrative Offences Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on June 20, 1984) // Vedomosti VS RSFSR. 1984. No. 27. Art. 909. (In Russian).
12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December December 30, 2001 No. 195-FL // SZ RF. 2002. 1. No. 1 (Part I). Art. 1. (In Russian).
13. General Charter of Russian Railways and Regulations on the Council for Railway Affairs. St. Peterburg: R. Golike printing house, 1886. 72 p. (In Russian).
14. I.V. Bashlakov-Nikolaev, D.A. Gavrilov, A.Yu. Kinev et al. Otvetstvennost' za narusheniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva: problemy teorii i praktiki: monografiya (Responsibility for violations of antimonopoly legislation: problems of theory and practice) / ed.-in-chief S.V. Maksimov, S.A. Puzyrevskii. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2016. 144 p. (In Russian).
15. Panov A.B. Administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: monografiya (Administrative responsibility of legal entities). Moscow: Norma, 2013. 192 p. (In Russian).
16. Petrov V.V. Ekologiya i pravo (Ecology and Law). Moscow, 1981. 224 p. (In Russian).
17. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, SNK USSR of June 14, 1929 «Ob utverzhdenii Kodeksa torgovogo moreplavaniya Soyuza SSR» («On approval of the USSR Merchant Shipping Code») // SZ USSR. 1929. 41. No. 41. Art. 365. (In Russian).
18. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR No. 14, SNK USSR No. 1713 of August 7, 1935 «Ob utverzhdenii Vozdushnogo Kodeksa Soyuza SSR» («On approval of the Air Code of the USSR ») // SZ USSR. 1929. 43. No. 43. Art. 359a. (In Russian).

19. Rymarev D.S. Vina kak neobkhodimoe uslovie konstitutsionno-pravovoi otvetstvennosti uchastnikov vyborov: monografiya (Guilt as a prerequisite for the constitutional and legal responsibility of election participants). Irkutsk: Election Commission of the Irkutsk Region, Irkutsk Institute of Legislation and Legal Information named after V.I. MM. Speransky, 2017. 176 p. (In Russian).
20. Trofimov S.V. Vozdushnoe pravo i novyi administrativnyi kodeks (Air law and the new administrative code) // Transportnoe pravo. 2002. No.1. P.1 – 3. (In Russian).
21. Criminal Code of 1903. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003714958?page=4&rotate=0&theme=white (Accessed: 14.05.2021). (In Russian).
22. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 21, 1961 « O dal'neishem ogranichenii primeneniya shtrafov, nalagaemykh v administrativnom poryadke» (On further restrictions on the application of administrative fines) // Vedomosti VS SSSR. 1961. No. 35. Art. 368. (In Russian).
23. The Federal Law No. 195-FL «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v svyazi s obespecheniem transportnoi bezopasnosti» («On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with ensuring transport security») (27.07.2010) // SZ RF. 2010. 31. No. 31. Art. 4164. (In Russian).
24. Filippova M.Yu. Pravovoe regulirovanie distsipliny truda rabotnikov zheleznodorozhnogo transporta: istoricheskii i sovremennyi aspekty (Legal regulation of labor discipline of railway transport workers: historical and modern aspects) // Transportnoe pravo. 2007. No.3. P.26 – 30. (In Russian).
25. Shcherbakova O.V. K voprosu o kategorii konstitutsionno-pravovoi otvetstvennosti v sovremennoi rossiiskoi nauke (On the category of constitutional and legal responsibility in modern Russian science) // Otechestvennaya yurisprudentsiya. 2016. No.8. P.10 – 12. (In Russian).
26. I.A. Alekseev, R.E. Arutyunyan, L.G. Berlyavskii et al. Yuridicheskaya otvetstvennost' organov i dolzhnostnykh lits publichnoi vlasti: monografiya (Legal liability of public authorities and officials) / eds. I.A. Alekseeva, M.I. Tsapko. M.: Prospekt, 2017. 128 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Зайкова Светлана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия) / snzaikova@rambler.ru

Information about the author

Zajkova Svetlana N. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia) / snzaikova@rambler.ru

CC BY

УДК 342.518/.922

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.20

А. В. Козачёк

СИСТЕМА И СТРУКТУРА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Страхование, в том числе государственное, играет важную роль в современном мире, обеспечивая защиту физических и юридических лиц от различных неблагоприятных событий и рисков. У государства и страхования имеются свои особенные функции. Но две из них (социальная и экономическая) совпадают. Страхование как бы дополняет те инструменты защиты, которые созданы государством. В свою очередь государство создает правовые и организационные основы и формы страхования. Также государство участвует в управлении страховой сферой. Государственное управление сферой страхования осуществляется как исполнительными, так и представительными и судебными органами государственной власти посредством издания правовых актов, осуществления контроля и надзоры, иными способами.

Систему и структуру органов государственной власти, уполномоченных в сфере страхования в Российской Федерации, составляют, в первую очередь, федеральные органы (как исполнительные, так и законодательные и судебные), а также органы государственной власти субъектов Российской Федерации в отдельных случаях. При этом, наибольшую роль в управлении страховой сферой играют государственные органы исполнительной власти в лице федеральных министерств и федеральных служб.

Автором исследования предложен широкий подход к трактовке системы органов государственной власти, уполномоченных в сфере обязательного страхования в Российской Федерации. В частности, предложено рассматривать в единстве и взаимодействии органы исполнительной, законодательной и судебной власти. Наибольшее количество полномочий в сфере обязательного страхования имеют органы исполнительной власти. В системе органов исполнительной власти выделены те, которые в зависимости от места в иерархии или своей специализации уполномочены в сфере страхования.

Кроме того, автором доказывается, вопреки устоявшейся точке зрения, что в некоторых случаях полномочиями в сфере обязательного страхования наделены государственные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: страхование, обязательное государственное страхование, государственное регулирование страхования, страхование в Российской Федерации.

Для цитирования: Козачёк А.В. Система и структура органов государственной власти Российской Федерации, уполномоченных в сфере обязательного страхования // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 162–168. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.20

Andrey V. Kozachyok

THE SYSTEM AND STRUCTURE OF THE STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AUTHORIZED IN THE FIELD OF COMPULSORY INSURANCE

Insurance, including government insurance, plays an extremely important role in the modern world, ensuring the protection of individuals and legal entities from various adverse events and risks. The state and insurance have their own special functions. But two of them (social and economic) coincide. Insurance, as it were, complements the protections created by the State. In turn, the State creates legal and institutional frameworks and forms of insurance. The state also participates in the management of the insurance sector. State management of the insurance sector is carried out by both executive and representative and judicial bodies of state power through the issuance of legal acts, control and supervision, in other ways.

The system and structure of state authorities authorized in the field of insurance in the Russian Federation are composed primarily of federal bodies (both executive and legislative and judicial), as well as state authorities of the constituent entities of the Russian Federation in certain cases. At the same time, the largest role in the management of the insurance sector is played by state executive bodies represented by federal ministries and federal services.

The author of the study proposes a wide approach to the interpretation of the system of state authorities authorized in the field of compulsory insurance in the Russian Federation. In particular, it is proposed to consider the executive, legislative and judicial authorities in unity and cooperation. The executive authorities have the largest number of powers in the field of compulsory insurance. The system of executive authorities identifies those that, depending on the place in the hierarchy or their specialization, are authorized in the field of insurance.

In addition, the author proves, contrary to the established point of view, that in some cases the powers in the field of compulsory insurance are vested in the state executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: insurance, compulsory state insurance, state regulation of insurance, insurance in the Russian Federation.

For citation: Kozachyok A. V. The system and structure of the state authorities of the Russian Federation authorized in the field of compulsory insurance // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 162–168. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.20

Страхование в Российской Федерации, как и в любой другой стране современного мира, играет роль важного механизма компенсации физическим и юридическим лицам ущерба и иных материальных потерь, возникших вследствие каких-либо негативных факторов, расцениваемых законодательством в качестве страховых случаев.

История развития института страхования и законодательства о страховании во всем мире насчитывает уже не одну сотню лет. Соответственно, у всех современных государств накопился собственный опыт государственного регулирования страхового рынка и деятельности его участников. Государства используют различные правовые механизмы, отличающиеся как по жесткости регулирующего воздействия и охвату страховых правоотношений, так и по способам вмешательства (контроля) за деятельностью участников страхового рынка.

Специфика правового регулирования страхования заключается в том, что страховое дело и функционирование его субъектов регулируется нормами нескольких отраслей российского права: гражданского права, административного права, финансового права. В российской правовой системе получило признание страховое право.

Но мы хотим подчеркнуть особенную роль норм административного права и важную роль административно-правового регулирования страхования в Российской Федерации.

С одной стороны, присутствие государства в регулировании страховых правоотношений, в особенности отношений, возникающих в сфере обязательного страхования, обусловлены ролью государства в построении национальной экономики и традиционными для России инструментами государственного контроля за сферой экономических отношений.

С другой стороны, российская модель административно-правового регулирования деятельности субъектов страхового дела обусловлена необходимостью защиты интересов физических и юридических лиц (получателей страховых услуг), а также защиты самого государства, ведь благодаря институту обязательного страхования существует возможность эффективно и массово покрывать страховые риски за счет создания специальных денежных фондов, не расходуя напрямую государственные средства.

В России история развития института страхования имеет несколько более короткий строк своего развития, чем аналогичная сфера в западноевропейских странах и США. В значительной степени российский опыт заимствован.

В этой связи выглядит обоснованным и необходимым изучение современной российской системы органов государственной власти, уполномоченных в сфере страхования, в том числе обязательного страхования.

Сфера российского страхования, с одной стороны, не столь либеральна и открыта, как, например, в США, в которых роль государства в страховой сфере минимальна, но и не так сильно подвержена государственному вмешательству, как, например, в Италии.

В Российской Федерации государственное воздействие на страхование имеет место в прямо указанных законом случаях и осуществляется в целях защиты прав участников страховых отношений, а также в целях обеспечения баланса на рынке страховых услуг.

В тоже время, чтобы понимать сущность государственного управления сферой страхования в России, необходимо отметить роль страхования для общества и государства, как механизма защиты от социальных и экономических рисков.

Важнейшей функцией страхования является социальная функция [7], которая также присуща государству и занимает важнейшее место среди всех функций современных государств. Также страхованию присуща и экономическая функция. Обе эти функции страхования связаны с функциями государства и в известной степени их реализуют.

Эталонное определение функции государства, на основании которого другие ученые продолжили свои исследования, было сформулировано М.И. Байтиным: «Функции государства – это основные направления внутренней и внешней деятельности государства, в которых выражаются и конкретизируются его классовая и общечеловеческая сущность и социальное назначение» [2, с.190-191].

По мнению С.А. Комарова функции государства – это «основные направления (стороны, виды) деятельности, государства; его практическая деятельность, имеющая предметно-политический и социальный характер» [6, с.79].

А.Б. Венгеров предпринял попытку обобщить существовавшие определения функций государства и предложить единое определение, которое учитывало бы всё, что было предложено специалистами ранее: «функции государства – это основные (главные) направления (стороны, виды) деятельности государства по реализации стоящих перед ним задач для достижения определенных целей, обусловленных его общесоциальной сущностью и социальным назначением. [3, с.141-142]

Важное дополнение с точки зрения понимания институционального значения функций государства сделала Л.А. Морозова, которая пишет: «функция связана не только с основными направлениями деятельности государства, но и механизмом государственного воздействия на общественные процессы». [10] Фактически Л. А. Морозова связала такие функции как государственное управление общественными отношениями и государственные функции как таковые.

Во всех существующих классификациях функций государства, ученые непременно выделяют экономическую и социальную функцию.

В рыночных условиях экономика развивается преимущественно на основе саморегулирования, дополненного целенаправленным регулированием со стороны государства. Государство оставляет за собой функции выработки государственной политики и осуществления контроля. [1, с.75-76]

Социальная функция государства многообразна по содержанию и по об'ему деятельности. Главным назначением рассматриваемой функции является течение общественного благополучия, т.е. достойной жизни и развития каждого человека, создание равных возможностей для граждан в достижении этого благополучия. [1, с.77]

Функции государства не существуют сами по себе. Как направления государственной деятельности они подразумевают обязательную реализацию и имеют, соответственно, формы реализации.

В науке административного права выделяются правовые и неправовые формы государственного управления [2, с.190-191].

При этом, необходимо четко понимать, что «функции государства не следует отождествлять с функциями его отдельных органов или же государственных организаций. Функции последних обладают относительно узким, локальным характером. Если функции государства охватывают собой всю его деятельность в целом, то функции отдельных органов распространяются лишь на часть его, охватывают собой деятельность лишь отдельных его частей» [8].

И в этой связи М.И. Пискотин замечает, что «регулирование как метод государственного управления не следует отождествлять с регулированием как функцией государственного управления» [14, с.21].

Рассуждая о государственном управлении Л.А. Миронов пишет, что в широком смысле «его осуществляют все органы государства. Это управление реализуется в следующих видах деятельности: законодательная деятельность, осуществляемая представительными органами государственной власти; исполнительная деятельность, осуществляемая органами исполнительной власти; правосудие, осуществляемое системой судебной власти» [8].

Государственное управление имеет свои цели: социально-экономические, политические, обеспечительные, организационно-правовые. Они созвучны с целями деятельности государства, обусловленными его функциями.

Относительно Российской Федерации отметим, что все федеральные органы государственной власти участвуют в реализации экономической и социальной функций государства, используя те инструменты (формы и методы государственного управления), которые есть в их распоряжении в соответствии с их компетенцией и законодательством.

Одной из форм осуществления функций государства, а также формой управления является законотворчество, или, в более широком смысле, правотворчество.

Созданием норм права и законодательства в целом на федеральном уровне в России занимаются федеральные органы государственной власти. Прежде всего это Государственная Дума Российской Федерации и Совет Федерации, Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации. Также немаловажную роль в этом процессе играют иные федеральные органы исполнительной власти (федеральные министерства и службы), а также высшие суды.

Нельзя забывать про уровень субъектов Российской Федерации на котором тоже имеет место правотворческий процесс. К органам, которые участвуют в создании права на региональном уровне, необходимо относить законодательные (представительные) органы государственной власти, высшие должностные лица соответствующего субъекта Российской Федерации и высшие исполнительные органы государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, а также конституционные (уставные) суды.

Соответственно, первая группа полномочий органов государственной власти в сфере страхования связана с правотворчеством. В эту деятельность вовлечены на федеральном уровне: Федеральное Собрание Российской Федерации (этот орган наиболее активно формирует правовую основу страховой деятельности в России, принимая законодательные акты по соответствующим вопросам); Президент Российской Федерации (также имеет полномочия в сфере правотворчества, однако, принятых им актов не так много [15]), Правительство Российской Федерации (как высший государственный орган исполнительной власти наделен полномочиями принимать постановления по вопросам страхования и страховой деятельности [16]), федеральные министерства (например, важными полномочиями по выработке государственной политики и правовому регулированию в сфере страхования наделено Министерство финансов Российской Федерации [12]).

На уровне субъектов Российской Федерации, отчасти, в правотворческую деятельность в сфере страхования могут быть вовлечены законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, но в данном случае речь можно вести только в отношении обязательного медицинского страхования. Ни в каких иных случаях органы субъектов Российской Федерации не участвуют в создании правового регулирования обязательного страхования.

Определенное нормативно-правовое и управленческое воздействие на сферу страхования оказывают органы судебной власти.

Обойти вниманием роль судов в регулировании сферы страхования нельзя по той причине, что судебные органы, в зависимости от юрисдикции и места, которое они занимают в системе судебной власти, оказывают определенное влияние на формирование права во всех его областях, в том числе, и в страховой сфере.

Социальная обусловленность сферы осуществления правосудия свидетельствует о ее значительной роли во всем механизме социального управления и государственного регулирования в стране [13].

Как отмечает А. М. Михайлова, «Судебная практика на сегодняшний день в значительной степени определяет структуру страхового права. В нынешней действительности достаточно много неопределенных и спорных ситуаций возникает между участниками страховых правоотношений. Эти ситуации возникают непосредственно из-за проблем в страховом законодательстве и невозможности конкретного толкования существующих в страховании правовых норм» [9].

Например, обобщенная Высшим Арбитражным Судом РФ сформировавшаяся судебная практика по страховым спорам преследует цель конкретно определить «страховые элементы и термины, касающиеся порядка изменения условий договоров страхования, их досрочного прекращения или признания их недействительными» [5].

Кроме того, суды общей юрисдикции ежегодно рассматривают огромное количество судебных споров, предметом которых являются страховые правоотношения. В свою очередь Верховный Суд РФ занимается обобщением этой практики [11].

Однако же наибольшую роль в процессе государственного регулирования страхования играют органы исполнительной власти, которые собственно и осуществляют государственную управленческую деятельность в сфере страхования.

Прежде всего нужно сказать о Правительстве России, которое действует в отношении института страхования и страховых организаций посредством Министерства финансов РФ, которое в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. №329 обладает полномочиями по выработке и реализации государственной политики в сфере страхования.

В частности, Министерство финансов РФ устанавливает Перечень юридических лиц, «зарегистрированных в государствах или на территориях, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)». Эти юридические лица, соответственно, имеющие право распоряжаться более 10 процентами акций страховой организации (ч.8 ст.32.1 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации») [4].

Отметим, что в Федеральном законе от 16 июля 1999г. №165-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (ст. 5 и ст.6) перечислены полномочия Российской Федерации и полномочия субъектов РФ в сфере обязательного медицинского страхования, но без указания органов публичной власти, которые должны заниматься реализацией этих полномочий.

Несмотря на то, что в законе не указаны конкретно органы исполнительной власти, которые наделяются исполнительно-распорядительными полномочиями в сфере обязательного медицинского страхования, из текста закона можно сделать вывод, что это Правительство РФ, Министерство здравоохранения РФ, высшее должностное лицо субъекта РФ, высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ.

Для всех указанных органов общим моментом будет разработка и реализация государственной политики в сфере обязательного медицинского страхования.

Остальные вопросы разграничения компетенции между указанными органами перечислены в ст.5, ст.6, ст.7, ст. 8 Федерального закона об обязательном медицинском страховании.

Укажем и то, что Федеральный закон от 15 декабря 2001г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» также содержит статью (ст.3.1) о полномочиях федеральных органов государственной власти по обязательному пенсионному страхованию в Российской Федерации. Однако, в ней также не конкретизируется каким именно органам принадлежат полномочия.

Из всего перечня, который является закрытым, к исполнительно-распорядительным полномочиям можно отнести только указанное последним в перечне полномочие по осуществлению государственного надзора и контроля за реализацией прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию.

В Федеральном законе от 14 июня 2012 г. №67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» не перечисляются полномочия органов государственной власти в соответствующей сфере страхования. Однако, в ст.6 содержатся нормы о контроле за исполнением перевозчиком обязанностей, установленных этим законом.

Государственный контроль, о котором идет речь в Федеральном законе об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика должен осуществляться специальным органом транспортного контроля и надзора: Федеральной службой по надзору в сфере транспорта

(Ространснадзор). Эта федеральная служба находится в подчинении Министерства транспорта Российской Федерации.

Нечто подобное закреплено и в Федеральном законе от 25 апреля 2002 г. №40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Согласно ст.32 этого федерального закона к органам исполнительной власти, которые осуществляют надзор за исполнением законодательства в сфере ОСАГО относятся: органы полиции, также таможенные органы, органы, осуществляющие региональный государственный надзор в области технического состояния самоходных машин и других видов техники (Гостехнадзор в субъектах РФ).

В Федеральном законе от 24 июля 1998 г. №125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» не содержится норм о полномочиях органов государственной власти в регулируемой законом сфере, но имеется ст.26, которая носит название «Контроль за осуществлением обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Интересное полномочие в сфере страхования содержится в Федеральном законе от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации». Согласно ст.14 Закона в целях осуществления функций по обязательному страхованию вкладов создается Агентство по страхованию вкладов. Агентство имеет статус государственной корпорации, созданной Российской Федерацией. При этом, никакие органы публичной власти (федеральные, региональные либо муниципальные) не вправе вмешиваться в деятельность Агентства.

Существует точка зрения, согласно которой, воздействие государства на участников страховых отношений осуществляется двумя основными способами: 1) введение государственного страхования; 2) осуществление государственного надзора в сфере страхования.

Как показывает проведенный анализ федеральных законов, действующих в сфере обязательного страхования в Российской Федерации, воздействие на участников страховых обязательств в рамках обязательного страхования заключается в наделении органов государственной власти определенными административно-правовыми средствами, в том числе и средствами по контролю и надзору. Однако, только контролем и надзором они не ограничиваются.

Таким образом можно прийти к следующим выводам:

1. Помимо социальной функции у страхования есть еще одна не менее важная функция – экономическая. Сочетание этих функций обуславливают необходимость государственного присутствия в процессе управления страховой сферой и ее невозможность полной передачи в частные руки. Между указанными функциями страхования и социальной и экономической функциями государства, как показал проведенный анализ, существует прямая связь. Реализация этих функций на высоком уровне качестве требует участия органов государственной власти.
2. Согласно теории административного права, в процессе государственного управления участвуют органы всех ветвей государственной власти. Этот тезис соответствует и государственному управлению сферой страхования. В управлении страхованием прямо или опосредованно заняты федеральные органы законодательной власти (Государственная Дума РФ и Совет Федерации РФ), федеральные органы исполнительной власти (Правительство РФ, Министерство финансов РФ, иные органы исполнительной власти), федеральные суды (суды общей юрисдикции и арбитражные суды). Кроме того, в процессе управления сферой медицинского страхования заняты законодательные органы субъектов Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.
3. Анализ законодательства об обязательном страховании позволил сделать вывод о том, что помимо указанных выше органов исполнительной власти полномочиями исполнительно-распорядительного характера в сфере страхования наделены такие органы исполнительной власти как Министерство здравоохранения Российской Федерации (обязательное медицинское страхование), Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика), Государственный надзор за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники (обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств).
4. Анализ федеральных законов об обязательном страховании в Российской Федерации показал, что воздействие на участников страховых обязательств в рамках обязательного страхования заключается в наделении органов государственной власти определенными административно-правовыми средствами, связанными с созданием административно-правовых норм, изданием актов управления, осуществлении контроля и надзора в установленной сфере деятельности за соблюдением соответствующими субъектами законодательства о страховании.

5. Анализ судебной практики позволяет сформировать вывод, что значительное влияние на правоприменительную практику в сфере обязательного страхования оказывает позиция Верховного суда РФ, выраженная в обзорах судебной практики или Постановлениях Пленума, которыми в значительной степени руководствуются суды общей юрисдикции и арбитражные суды при рассмотрении страховых споров.

Литература

1. Бабаев В.К. Теория государства и права. М.: ЮРИСТЪ, 2004. 592 с.
2. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. 301 с.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2000. 528 с.
4. Закон РФ от 27.11.1992 №4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» URL: http://www.pravo.gov.ru - 02.12.2019. (Дата обращения: 21.09.2021).
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 г. № 75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования» // Вестник ВАС РФ. №1. 2004 (Обзор).
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 1998. 416 с.
7. Кузнецова Е. Государственное регулирование страховой деятельности в Российской Федерации // Бизнес в законе. 2010. № 1. С. 158-160
8. Миронов Л.А. Государственное управление: основные цели и функции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 162-164
9. Михайлова А.М. Законодательство, регулирующее страховую деятельность в России. Проблемы нормативно-правовой базы // Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18-20 мая 2016 г.) / под ред. Э.Н. Чижикова, сост. Л.С. Муталиева, Д.К. Саймина. СПб., 2016.
10. Морозова Л.А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6. С. 98-108.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. №5. май 2019 (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6, июнь 2019 (окончание).
12. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации» URL: http://www.pravo.gov.ru - 24.03.2020. (Дата обращения: 21.09.2021).
13. Ржевский Н., Чепурнова В. Судебная власть в конституционной системе разделения властей // СПС «Гарант». 2005.
14. Советское административное право. Методы и формы государственного управления / Березовская С.Г., Васильев Р.Ф., Еропкин М.И., Квиткин В.Т., и др.; Редкол.: Козлов Ю.М., Лазарев Б.М., Лунев А.Е., Пискотин М.И. М.: Юрид. лит., 1977. 336 с.
15. Указ Президента РФ от 6.04.1994 г. № 667 «Об основных направлениях государственной политики в сфере обязательного страхования» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 11 апреля 1994 г. № 15. Ст. 1174.
16. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» URL: http://www.pravo.gov.ru - 29.12.2016. (Дата обращения: 21.09.2021).

References

1. Babaev V.K. Teorija gosudarstva i prava (Theory of State and Law). Moscow: JuRIST, 2004. 592 p. (In Russian).
2. Bajtin M.I. Sushhnost' i osnovnye funkcii socialisticheskogo gosudarstva (The essence and main functions of the socialist state). Saratov: SSU publ., 1979. 301 p. (In Russian).
3. Vengerov A.B. Teorija gosudarstva i prava (Theory of State and Law). Moscow: Omega-L, 2000. 528 p. (In Russian).
4. Zakon RF ot 27.11.1992 №4015-1 «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii» (Law of the Russian Federation of 27.11.1992 No. 4015-1 «On the organization of insurance business in the Russian Federation») URL: http://shhshhshh.pravo.gov.ru - 02.12.2019. (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
5. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 28.11.2003 g. No. 75 «Obzor praktiki rassmotrenija sporov, svjazannyh s ispolneniem dogovorov strahovanija» (Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 28, 2003, No. 75 «Review of the practice of considering disputes related to the execution of insurance contracts») // Vestnik VAS RF. No.1. 2004 (Review). (In Russian).
6. Komarov S.A. Obshhaja teorija gosudarstva i prava (General theory of state and law). Moscow: Jurajt, 1998. 416 p. (In Russian).
7. Kuznecova E. Gosudarstvennoe regulirovanie strahovoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii (State regulation of insurance activities in the Russian Federation) // Biznes v zakone. 2010. No. 1. P. 158 – 160. (In Russian).
8. Mironov L.A. Gosudarstvennoe upravlenie: osnovnye celi i funkcii (Public administration: main goals and functions) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. No. 3. P. 162 – 164. (In Russian).
9. Mihajlova A.M. Zakonodatel'stvo, regulirujushhee strahovuju dejatel'nost' v Rossii. Problemy normativno-pravovoj bazy (Legislation regulating insurance activities in Russia. Problems of the regulatory framework) // Organizacionno-pravovoe regulirovanie bezopasnosti zhiznedejatel'nosti v sovremennom mire: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 18-20 maja 2016 g.) / ed by Je.N. Chizhikova, sost. L.S. Mutalieva, D. K. Sajmina. St.Petersburg, 2016. (In Russian).
10. Morozova L.A. Funkcii rossijskogo gosudarstva na sovremennom jetape (Functions of the Russian state at the present stage) // Gosudarstvo i pravo. 1993. No. 6. P. 98 – 108. (In Russian).

11. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii №3 (2018) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 14.11.2018) (Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 14, 2018)// Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. №5. (nachalo); Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. No. 6. (okonchanie). (In Russian).
12. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.06.2004 № 329 «O Ministerstve finansov Rossijskoj Federacii» (Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.2004 No. 329 «On the Ministry of Finance of the Russian Federation») URL: http://shhshhshh.pravo.gov.ru - 24.03.2020. (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
13. Rzhevskij N., Chepurnova V. Sudebnaja vlast' v konstitucionnoj sisteme razdelenija vlastej (Judicial power in the constitutional system of separation of powers) // SPS «Garant». 2005. (In Russian).
14. Sovetskoe administrativnoe pravo. Metody i formy gosudarstvennogo upravlenija (Soviet administrative law. Methods and forms of public administration) / Berezovskaja S.G., Vasil'ev R.F., Eropkin M.I., Kvitkin V.T., i dr.; Redkol.: Kozlov Ju.M., Lazarev B.M., Lunev A.E., Piskotin M.I. Moscow: Jurid. lit., 1977. 336 p. (In Russian).
15. Ukaz Prezidenta RF ot 6.04.1994 g. № 667 «Ob osnovnyh napravlenijah gosudarstvennoj politiki v sfere objazatel'nogo strahovanija» (Decree of the President of the Russian Federation of April 6, 1994, No. 667 «On the main directions of state policy in the field of compulsory insurance») // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. No. 15. Art. 1174. (In Russian).
16. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 17.12.1997 №2-FKZ «O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» (Federal Constitutional Law of 17.12.1997 No. 2-FKZ «On the Government of the Russian Federation») URL: http://shhshhshh.pravo.gov.ru - 29.12.2016. (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).

Сведения об авторе

Козачёк Андрей Викторович – соискатель кафедры административного права и административного процесса Российского университета дружбы народов (Москва), генеральный директор ООО «Бона Фиде» (Ставрополь, Россия) / a.kozachyok2013@yandex.ru

Information about the author

Kozachek Andrey V. – applicant, Chair of Administrative Law and Administrative Procedure, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), LLC "Bona Fide" (Stavropol, Russia) / a.kozachyok2013@yandex.ru

CC BY

УДК 340

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.21

Б. Г. Койбаев
З. Т. Золоева

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Экстремизм и терроризм за последние два десятилетия превратились в постоянно растущую угрозу международному миру и безопасности. Череда крупномасштабных атак террористов, произошедших за это время по всему миру, представляют собой негативную тенденцию к нарастанию масштабов и жестокости глобального терроризма. На территории Китайской Народной Республики (КНР), наиболее остро проблема террористических и экстремистских проявлений стоит в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибете.

Авторы отмечают, что экстремизм и терроризм в КНР носят международный характер. В связи, с чем страна осуществляет активное международное сотрудничество в решении данной проблемы, как с конкретными государствами, так и с различными международными организациями.

В статье исследуются правовые основы государства в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Авторы отмечают, что правовые меры КНР, предпринимаемые для борьбы с обозначенными явлениями, отличаются от взглядов других стран. Отмечается определенный опыт борьбы КНР, и ряд достигнутых успехов. Китай разработал собственную систему борьбы с экстремизмом и терроризмом.

В КНР большое внимание уделяется реализации упреждающих мероприятий, направленных на предотвращение террористических актов и проявлений экстремизма.

Авторы выделяют, в качестве одного из направлений политики Китая в сфере профилактики экстремизма и терроризма, деятельность по созданию образовательных и учебных центров, а также мощную работу по правовому просвещению населения.

Авторами отмечается важность соблюдения баланса между безопасностью и свободой граждан, в процессе реализации контртеррористической политики.

Ключевые слова: право, Китайская Народная Республика, экстремизм, терроризм, противодействие экстремизму и терроризму, контртеррористическое законодательство.

Для цитирования: Койбаев Б.Г., Золоева З.Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в китайской народной республике // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.169–174. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21

Boris G. Koibaev
Zarina T. Zoloeva

LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Extremism and terrorism have become an ever-growing threat to international peace and security over the past two decades. The series of large-scale terrorist attacks that have taken place around the world during this time represents a negative trend towards increasing the scale and brutality of global terrorism. On the territory of the People's Republic of China (PRC), the most acute problem of terrorist and extremist manifestations is in the Xinjiang Uygur Autonomous Region and Tibet.

The authors note that extremism and terrorism in the PRC are international in nature. In this connection, the country carries out active international cooperation in solving this problem, both with specific States and with various international organizations.

The article examines the legal basis of the state in the field of countering extremism and terrorism. The authors note that the legal measures taken by the PRC to combat these phenomena differ from the views of other countries. There is a certain experience of the struggle of the People's Republic of China, and a number of successes achieved. China has developed its own system to combat extremism and terrorism.

In China, much attention is paid to the implementation of pre-emptive measures aimed at preventing terrorist acts and manifestations of extremism.

The authors highlight the establishment of educational and training centers, as well as the strong work on legal education of the population, as one of the directions of China's policy in the field of prevention of extremism and terrorism.

The authors note the importance of maintaining a balance between security and freedom of citizens in the implementation of counter-terrorism policy.

Key words: law, People's Republic of China, extremism, terrorism, countering extremism and terrorism, counter-terrorism legislation.

For citation: Koibaev B. G., Zoloeva Z. T. Legal framework for countering extremism and terrorism in the people's Republic of China // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 169–174. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21

Проблема противодействия проявлениям экстремизма и терроризма на современном этапе продолжает оставаться злободневной для многих государств. В силу выхода исследуемой проблемы за пределы границ конкретного государства, со стороны международного сообщества, на протяжении многих лет предпринимаются усилия, направленные на борьбу с проявлениями терроризма и экстремизма, их предотвращению, а также для обеспечения безопасности, целостности и суверенитета государства [2, с.5]. В связи с чем, государства и регионы применяют различные подходы к противодействию этим явлениям, исходя из своих национальных и региональных реалий, и уже успели накопить ценный опыт в этой области.

Во многом, выбор для исследования данного государства обусловлен местом Китайской Народной Республики в современной мировой политике и международных отношениях, ее геополитических интересах, в частности ее тесных взаимоотношениях с Россией и государствами центральноазиатского региона. По мнению авторов, изучение опыта Китая в исследуемой сфере представляет большой научный и практический интерес.

В настоящее время проблематика противодействия экстремизму и терроризму привлекает пристальное внимание исследователей. Возрастает количество работ направленных на исследование проблем противодействия экстремизму и терроризму в КНР, среди которых можно выделить работы: Т. Л. Дейч, А. Ю. Манцурова, Г. А. Сизова, В. В. Чащина, Чжан До и др.

На территории Китая, наиболее остро проблема террористических и экстремистских проявлений стоит в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и в Тибете, и имеют давнюю историю. Так, еще в конце XIX – начале XX века под воздействием идей «пантюркизма» и «панисламизма» уйгуры объявили себя единственными «хозяевами» Синьцзяна, и утверждали, что этническая культура Синьцзяна не является китайской культурой, ислам является единственной религией всех этнических групп в Синьцзяне и т. д. Эти процессы получили одобрение и со стороны ряда исламских государств.

Ситуация осложнялась распространением призывов к объединению населения тюркского происхождения и исповедующих ислам с целью выхода из состава страны и создания независимого государства. Однако, благодаря эффективной политике, реализуемой властями в Синьцзян-Уйгурском автономном районе деятельность террористических формирований не переходит критическую черту.

Как было отмечено ранее, проявления экстремизма и терроризма имели место быть и в других районах Китая. Официальные лица КНР и государственные СМИ иногда использовали слово «терроризм» для описания деятельности движений за этническую независимость. Так, директор Центра антитеррористических исследований Ли Вэй, назвал духовное движение Фалуньгун и защитников независимости Тибета, наряду с «террористами Восточного Туркестана» как главные «террористические угрозы» на праздновании 60-летия основания Китайской Народной Республики. А в 2011 году пресс-секретарь китайского МИД охарактеризовала молитвенные собрания, организованные Далай-ламой в том же году для тибетских самосожжений, как «замаскированный терроризм» [8].

Терроризм в Китайской Народной Республике носит международный характер. Данный факт обусловливает необходимость налаживания сотрудничества как на уровне двусторонних (многосторонних) соглашений, так и на уровне международных организаций. Так, являясь активным участником международного сообщества государств, Китайская Народная Республика придерживается положений Устава ООН, принципов и норм международного права; а также активно поддерживает Организацию Объединенных Наций, как ведущую структуру, координирующую международное сотрудничество по борьбе с терроризмом. Особое значение в деле противодействия экстремистским и террористическим проявлениям имеют следующие, ратифицированные Китайской Народной Республикой конвенции: «Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом», «Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма» и другие. Следует подчеркнуть, что Китай также является членом Глобального контртеррористического форума.

Как известно, распространение проявлений экстремизма и терроризма, влечет ряд деструктивных последствий для государства, в том числе связанных с нарастанием нетерпимости в обществе (между представителями различных религий, культур и т.д.), подрывают мир и безопасность, наносят серьезный ущерб правам человека. В связи с чем, проблема борьбы с терроризмом и дерадикализацией в Китайской Народной Республике, решается в тесном контакте с другими государствами. Так, посредством двусторонних и многосторонних механизмов борьбы с терроризмом (например, совместные антитеррористические учения, совместные операции по охране границ, обмен разведывательными данными, сотрудничество в судебной сфере и др.) КНР проведено большое количество плодотворных контртеррористических обменов и мероприятий сотрудничества с соответствующими странами. Очевидна также и роль Китая в поддержании международной и региональной безопасности и стабильности. Вместе с Афгани-

станом, Пакистаном и Таджикистаном, Китай участвует в Четырехстороннем механизме сотрудничества и координации в борьбе с экстремизмом и терроризмом. С периодичностью раз в два года, Народная вооруженная полиция организует проведение Международного форума по борьбе с терроризмом «Великая стена» (в 2019 году в работе форума приняли участие представители более 30 государств). Одной из форм сотрудничества, можно назвать проведенные подразделениями Народно-освободительной армии учения в сентябре 2019 года, с рядом стран, включая Индию, Казахстан, Россию, Сингапур и Таджикистан, с целью отработки действий по отражению террористических угроз.

Китай осуществляет сотрудничество и на региональном уровне, являясь членом Регионального форума АСЕАН, АТЭС и Восточноазиатского саммита. Государство входит в состав стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества. В рамках данной региональной организации были заключены следующие конвенции: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по борьбе с экстремизмом и другие документы, имеющие отношение к проблеме противодействия контрабанде наркотиков и организованной преступности. В рамках этих соглашений реализуются совместные пограничные операции, учения по предотвращению использования Интернета террористами.

В стране уделяется большое внимание формированию действенных правовых основ в сфере противодействия обозначенным негативным явлениям. Антитеррористическая работа и борьба с радикализацией всегда велась в русле верховенства закона.

Представляется важным отметить, что Конституция Китайской Народной Республики прямо не затрагивает проблемы противодействия экстремизму и терроризму. Однако, статьи 1, 4 и 36 затрагивают вопросы нарушения общественного строя и общественного порядка в государстве.

В качестве основных нормативно-правовых актов в сфере противодействия экстремизму и терроризму стоит, прежде всего, назвать Закон о национальной безопасности и Законе о борьбе с терроризмом, принятие в 2015 г. Принятие этих законов отражает провозглашение страной «войны с террором» и позволяет китайским властям консолидировать усилия для противодействия терроризму и экстремизму.

Закон о национальной безопасности охватывает широкий спектр областей, таких как политика, культура, вооруженные силы, экономика и наука и технологии. В соответствии со ст. 28 Закона: «Государство противостоит всем формам терроризма и экстремизма» [4].

Важно также отметить, что статьей 25 закрепляется необходимость создания системы гарантий сетевой и информационной безопасности, увеличение возможности защиты сети и информации, усиления инновационных исследований, разработку и применение сетевых и информационных технологий. Также в статье 25 подчеркивается важность контроля безопасности данных, предотвращения, остановки и наказания за осуществление сетевых атак, вторжений, краж, недопущения распространения незаконной и вредоносной информации и другую незаконную и преступную деятельность в сети, а также обеспечивать защиту национального суверенитета, безопасности и интересов развития киберпространства [4].

В условиях широкого распространения информационного экстремизма [1, с.170], закрепление в законе данного положения видится закономерным и оправданным. По мнению властей, данный закон создает необходимые основы для защиты национальной безопасности КНР. Однако, он предполагает контроль СМИ, властью, что оценивается многими исследователями негативно, как ограничение свободы слова.

До принятия Закона Китая о борьбе с терроризмом в стране не существовало специализированного нормативно-правового акта в этой сфере. Принятие Закона вызвало неоднозначную реакцию (скептического и критического характера), как со стороны правозащитных организаций, средств массовой информации, телекоммуникационных компаний, так и со стороны западных государств. Фактически, законопроект о борьбе с терроризмом прошел два этапа обсуждений, прежде чем был принят в декабре 2015 г. Два предыдущих проекта (выпущенных в ноябре 2014 г. и феврале 2015 г.) подверглись серьезной международной критике. Так, правительство Германии и Европейский парламент выразили обеспокоенность по поводу законопроекта и его потенциального воздействия с точки зрения ограничения свободы выражения мнений. В ходе основных дебатов в Европейском парламенте в декабре 2015 г. парламентарии выразили обеспокоенность по поводу нового закона о борьбе с терроризмом (в то время в форме проекта) [3].

Закон о борьбе с терроризмом состоит из 97 статей, подробно изложенных в 10 главах. В то время как первая и последняя главы содержат общие и дополнительные положения, другие главы посвящены основным вопросам борьбы с терроризмом, таким как определение терроризма (глава 2), предотвращение (глава 3), сбор разведывательных данных (глава 4), расследование (глава 5) чрезвычайное реагирование (глава 6), международное сотрудничество (глава 7), гарантии (глава 8) и юридические обязательства (глава 9).

Важно отметить, что до принятия Закона о борьбе с терроризмом, в Китае не существовало легального четкого определения термина «терроризм». Таким образом, Закон о борьбе с терроризмом позволил восполнить существующий пробел. Термин «терроризм» определяется в ст. 3 Закона о борьбе с терроризмом как «любые убеждения или действия, которые предназначены для достижения политических, идеологических и других целей посредством насилия, диверсии, угроз и других способов, которые сеют в обществе панику, создают угрозу общественной безопасности, покушаются на здоровье и собственность или направлены на то, чтобы принудить государственные органы и международные организации» [5]. По нашему мнению, данное определение является довольно расплывчатым и очень широким по своему охвату.

Статья 4 Закона о противодействии терроризму закрепляет что «государство борется со всеми формами экстремизма, включая разжигание ненависти и дискриминации и агитацию…». Многие критики утверждают, что эти положения непрозрачны и достаточно широки, чтобы оправдать наказание почти за любое мирное выражение этнической идентичности, акты ненасильственного инакомыслия или критику этнической или религиозной политики [7].

Официальные власти Китая называют терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм «тремя злами», и признают их взаимосвязь. Официальные власти Китая в своих заявлениях, предпочитают не связывать случаи проявления насилия с какой-либо этнической группой.

Закон о борьбе с терроризмом отражает растущую обеспокоенность Китая по поводу роста воинственности в мусульманской общине уйгуров в провинции Синьцзян. Это обусловлено тем, что в последние годы участились случаи совершения нападений уйгурскими боевиками за пределами Синьцзяна. Так, например, в марте 2014 г. в Куньмине было совершено нападение, в результате которого на железнодорожной станции погибли 29 человек, что в официальных китайских СМИ получило широкую огласку. Нападение было приписано уйгурской группе [6].

Закон устанавливает обязанность органов общественной безопасности незамедлительно пресекать акты пропаганды экстремизма, использования экстремизма для создания угрозы общественной безопасности, нарушения общественного порядка, посягательства на личную собственность или нарушения общественного управления и привлекать к ответственности в соответствии с законом. Законом устанавливается, что любое подразделение или физическое лицо, обнаружившее материалы или информацию, пропагандирующие экстремизм, должно немедленно сообщить об этом в орган общественной безопасности.

Закон в ст. 7 закрепляет учреждение руководящего органа (Контртеррористический комитет) по борьбе с терроризмом, который является единственным органом, уполномоченным определять, организации, подозреваемые в терроризме.

Законом не предусматривается порядок обжалования решения данного органа, таким образом, его решения являются окончательными, а судебный надзор отсутствует. Этот орган не относится к судебной ветви власти, так как он формируется китайским партийным руководством.

Анализ положений позволяет сделать вывод о том, что Закон о борьбе с терроризмом в меньшей степени посвящен физическим угрозам безопасности Китая и в большей степени направлен на расширение ограничений. С точки зрения Китая, Закон необходим для обеспечения безопасности граждан, поскольку он пытается создать законодательную базу для будущей антитеррористической деятельности.

Несмотря на то, что Закон о борьбе с терроризмом в Китае направлен на ужесточение превентивных мер и создает необходимые условия для борьбы с любыми видами террористической деятельности, для партийно-политической элиты существует достаточно возможностей для введения «чрезвычайных ситуаций», что может ограничить права граждан и подавлять любые формы инакомыслия. Проблема заключается не только в жесткости положений Закона, но и в усилении политического контроля.

Нормы, закрепляющие ответственность за терроризм, содержатся в Уголовном кодексе, это прежде всего статья 120, которая предусматривает тюремное заключение (от 3до 10 лет) за «организацию, руководство и активное участие в террористической организации». В 2015 г. на 16-й сессии ВСНП было инициировано принятие Поправок в УК КНР. Эти поправки ввели в УК КНР новые статьи, закрепляющие криминализацию ряда деяний. Так в соответствии со статьей 120-1 установлена ответственность за финансовую помощь террористам, осуществление вербовки, перевозки участников террористической организации или обучения.

В соответствии со ст. 120-2 УК КНР устанавливается ответственность за изготовление оружия, либо иных орудий, которые могут использоваться в целях совершения террористических актов и т. д.

Статьи 120-3, 120-4 УК КНР устанавливают ответственность за осуществление террористической пропаганды, использования различных материалов, способствующих распространению указанных явлений, побуждения, понуждения людей к несоблюдению норм национального права регулирующих социальные, общественные, образовательные и иные процессы посредством экстремистских проявлений.

Введение ст. 120-5 установило ответственность за призывы к ношению одежды (знаков) пропагандирующих экстремизм и терроризм, а ст. 120-6 УК КНР за хранение экстремистских материалов при наличии отягчающих обстоятельств.

Таким образом, введение данных статей в УК КНР показывает решимость законодателя не только наказывать суровыми мерами за преступления, связанные с терроризмом, но и предотвращать их. По нашему мнению, такая позиция вполне соответствует как международным, так и национальным тенденциям борьбы с терроризмом. Более того, это было обычным выбором в западных странах, таких как США, Франция и Великобритания.

Закон о борьбе с терроризмом отводит важную роль вооруженным силам Китая, которые должны осуществлять не только противодействие терроризму, но и превентивные мероприятия. В антитеррористическом законодательстве Китая закрепляется обязанность сотрудничества с правительственными органами и оказания содействия в проведении контртеррористических мероприятий, в отношении всех граждан и организаций.

В качестве одного из направлений политики Китая в сфере профилактики экстремизма и терроризма, важно отметить деятельность по созданию образовательных и учебных центров в некоторых районах. Так, в Синьцзяне реализуется учебная программа, в которой основное внимание уделяется изучению общего национального языка, юридическим знаниям, профессиональным навыкам и дерадикализации. Учебно-тренировочный центр имеет достаточную конституционную и правовую основу для проведения обучения общенациональному языку. Для решения проблемы общей неосведомленности слушателей о верховенстве права предлагаются курсы юридических знаний. Центр образования и профессиональной подготовки рассматривает изучение юридических знаний как ключевое звено в воспитании стажеров для осведомленности граждан о верховенстве закона.

Особую роль в деле противодействия экстремизму и терроризму в Китае играют традиционные медиа-каналы, включая телевидение, газеты, радио и Интернет, они используются для просвещения общественности, например, посредством запуска специальные программ направленных на пропаганду Закона по борьбе с терроризмом.

В Синьцзяне цифровые экраны, рекламные щиты и телеэкраны в автобусах постоянно воспроизводят видеоролики, пропагандирующие борьбу с терроризмом. Кроме того, в Синьцзяне применяется новаторский проект антитеррористического образования, направленный на пропаганду культуры с целью расширения образования с помощью развлечений. В рамках этого проекта, поощряются занятия с песнями и танцами и комедийными сценками, чтобы донести до людей идеи дерадикализации и сформировать отношение общества к терроризму [7].

Борьба с экстремизмом и терроризмом в Тибете также характеризуется определенными особенностями. Например, с целью реагирования на угрозы терроризма осуществлялась подготовка полицейских в буддийских монастырях. Религиозные учения Далай-ламы были охарактеризованы как подстрекательство к «ненависти» и «экстремистским действиям», а самосожжения в Тибете охарактеризованы как «терроризм».

Важно отметить, что партийное руководство связывает политическую «стабильность» в Тибете с безопасностью всей Китайской Народной Республики. В связи с чем, в Тибете китайские власти организовали в 2014 году крупномасштабные военные учения, усилили безопасность границ и проводили учения для войск по реагированию на самосожжения и в монастырях.

В Тибетском автономном районе Юго-Западного Китая в целях профилактики проявлений терроризма и содействия стабильности в регионе, в 2015 г. предложили вознаграждение (до 300 000 юаней) за информацию о зарубежных террористических организациях, деятельности их членов на территории Китая, распространении религиозного экстремизма, пропаганде терроризма и т. д.

Таким образом, можно заключить, что в Китайской Народной Республике в целом реализуется эффективная политика в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Реализация политики в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом призвана удовлетворить ключевые потребности Китая в борьбе с данной серьезной угрозой. Задача противодействия экстремизму и терроризму не может быть выполнена одномоментно. Поэтому, политику и законы по борьбе с терроризмом необходимо своевременно корректировать в соответствии с изменениями на практике. С учетом последних тенденций, когда экстремистскими и террористическими формированиями активно используется сеть Интернет и социальные сети для пропаганды своих идеологий и вербовки новых членов, возрастает важность перекрытия каналов распространения террористической идеологии. В связи с чем, видится необходимым, усиление соответствующего законодательства.

Следует отметить, что Китай имеет значительной опыт в сфере противодействия экстремизму, терроризму, сепаратизму. Несмотря на критику со стороны других государств, проводимая политика приносит положительные результаты. Однако, очень важно при осуществлении контртеррористической политики соблюдать баланс между обеспечением безопасности и свободой граждан. Представляется, что в Китае существует необходимость в принятии дополнительных нормативных актов для усиления защиты гражданских свобод в рамках осуществляемой контртеррористической деятельности.

Видится, что решение рассматриваемых проблем возможно только при помощи применения комплексного подхода. С учетом специфики проявлений экстремизма и терроризма в КНР,

существует необходимость расширении международного сотрудничества с другими государствами, интенсификации сотрудничества между правоохранительными органами, в сфере обмена информацией.

В целом, можно констатировать, что, за последние двадцать лет Китаю удалось создать эффективную модель правоохранительной деятельности для реагирования на акты экстремизма и терроризма и их предотвращение.

Литература

1. Золоева З.Т., Койбаев Б.Г. Некоторые проблемы правового противодействия экстремистским проявлениям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 170-175.
2. Койбаев Б.Г., Багаева А.А., Золоева З.Т. Актуальные проблемы в сфере противодействия экстремистским и террористическим проявлениям в Республике Северная Осетия - Алания. Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2019. 289 с.
3. Резолюция Европейского парламента от 16 декабря 2015 года об отношениях ЕС-Китай (2015/2003 (INI)) URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0458_EN.html(дата обращения 05.04.21).
4. Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности (полный текст) URL: http://www.81.cn/2017gjaqjyr/2017-04/07/content_7553456_2.htm (Дата обращения: 05.04.21). (на кит. языке)
5. Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом URL: ttps://www.6laws.net/6law/law-gb/%E4%B8%AD%E8%8F%AF%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9C%8B%E5%8F%8D%E6%81%90%E6%80%96%E4%B8%BB%E7%BE%A9%E6%B3%95.htm (Дата обращения: 05.04.21). (на кит. языке)
6. China passes controversial new anti-terror laws. URL:http://www.bbc.com/news/world-asia-china-35188137 (Дата обращения 05.04.21).
7. Li E. Fighting the «Three Evils»: A Structural Analysis of Counter-Terrorism Legal Architecture in China. URL: https://law.emory.edu/eilr/content/volume-33/issue-3/articles/three-evils-analysis-counter-terrorism-china.html (Дата обращения: 05.04.21).
8. Tanner M.S., Bellacqua J. China's Response to Terrorism. https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Chinas%20Response%20to%20Terrorism_CNA061616.pdf (Дата обращения 05.04.21).

References

1. Zoloeva Z.T., Koibaev B.G. Nekotorye problemy pravovogo protivodeistviya ekstremistskim proyavleniyam v informatsionno-telekommunikatsionnoi seti Internet (Some problems of legal counteraction to extremist manifestations in the information and telecommunication network Internet) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2018. No. 4. P. 170-175. (In Russian).
2. Koibaev B.G., Bagaeva A.A., Zoloeva Z.T. Aktual'nye problemy v sfere protivodeistviya ekstremistskim i terroristicheskim proyavleniyam v Respublike Severnaya Osetiya - Alaniya. (Actual problems in the field of countering extremist and terrorist manifestations in the Republic of North Ossetia - Alania). Vladikavkaz, 2019. 289 p. (In Russian).
3. Rezolyutsiya Evropeiskogo parlamenta ot 16 dekabrya 2015 goda ob otnosheniyakh ES-Kitai (Resolution of the European Parliament of 16 December 2015 on EU-China relations) (2015/2003 (INI) URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2015-0458_EN.html (Accessed: 05.04.21). (In Russian).
4. 中华人民共和国国家安全法（全文） (National Security Law of the People's Republic of China (full text) URL: http://www.81.cn/2017gjaqjyr/2017-04/07/content_7553456_2.htm (Accessed: 05.04.21). (In Chinese).
5. 中華人民共和國反恐怖主義法 (Anti-Terrorism Law of the People's Republic of China) URL: ttps://www.6laws.net/6law/law-gb/%E4%B8%AD%E8%8F%AF%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9C%8B%E5%8F%8D%E6%81%90%E6%80%96%E4%B8%BB%E7%BE%A9%E6%B3%95.htm (Accessed: 05.04.21). (In Chinese).
6. China passes controversial new anti-terror laws. URL:http://www.bbc.com/news/world-asia-china-35188137 (Accessed: 05.04.21).
7. Li E. Fighting the «Three Evils»: A Structural Analysis of Counter-Terrorism Legal Architecture in China. URL: https://law.emory.edu/eilr/content/volume-33/issue-3/articles/three-evils-analysis-counter-terrorism-china.html (Accessed: 05.04.21).
8. Tanner M.S., Bellacqua J. China's Response to Terrorism. URL:https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Chinas%20Response%20to%20Terrorism_CNA061616.pdf (Accessed: 05.04.21).

Информация об авторах

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета); профессор кафедры социологии и политологии Северо-Осетинского государственного университета (Владикавказ, Россия) / koibaevbg@mail.ru

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (Владикавказ, Россия) / 4noiabria@mail.ru

Information about the authors

Koibaev Boris G. – Dr. of Political Sciences, Professor, Head, Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University); Professor, Chair of Sociology and Political Science, North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia) / koibaevbg@mail.ru

Zoloeva Zarina T. – Senior Teacher, Chair of Theory and History of State and Law, North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz, Russia) / 4noiabria@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCES

CC BY

УДК 800.853: 82.08

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.22

Е. С. Астахова

ЯЗЫКОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИНОМИРИЯ КАК ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Категория пространства, изначально относящаяся к области научного познания философии, стала предметом лингвистического исследования в XX в. после структурно-лингвистического поворота и гипотезы Сепира-Уорфа, что позволило расширить возможности филологического анализа художественного текста. Пространство тесно связано с осмыслением времени, поэтому до сих пор трактовка одной из данных категорий затруднительна без апелляции к другой. Существует множество подходов к определению пространства: через хронотоп, локативность, текстообразующие категории; исследователи понимают под пространством «специфическую систему знаков», «язык моделирования», пространственные метафоры. Поэтому актуальность работы видится в углублении исследований, затрагивающих художественное пространство.

В статье особое внимание уделяется типологиии пространства в художественных произведениях. Новизна работы состоит в попытке выделить и описать языковые особенности пространства иномирия, к которому активно обращались писатели и драматурги Серебряного века русской литературы. Это объясняется с тем, что субъективное (то есть создаваемое автором) пространство обладает собственной структурой, самостоятельностью, оно вырабатывается индивидуальным сознанием, которое, в свою очередь, является историческим сознанием с пространственно-временной концепцией эпохи, культуры. Стержнем творчества писателей начала XX века стала не жизнь действительная, а субъективные видения и переживания, за которыми символисты хотели распознать отблески незримого огня, сияние таинственных миров, смыслы, не переводимые на язык логики. Вещественное пространство перестает быть реальным, оно есть модель, имитация, представление существующего мира в отвлеченном понимании.

Иномирие, которое в словарях определяется как пространство, противопоставленное реальному, как пространство художественного текста обладает иными характеристиками: оно не обязательно относится к локусу фантастического или нереального, главная его черта – антитеза с пространством, в котором изначально находится герой, отличие от «реального» пространства набором не только внешних черт, но и состоянием героев, перемещаемых в него.

В работе представлены и описаны основные языковые единицы, при помощи которых пространство иномирия вербализуется в художественных текстах начала XX в.

Ключевые слова: пространство, иномирие, художественный текст, язык, филологический анализ.

Для цитирования: Астахова Е. С. Языковое осмысление иномирия как пространства в художественном тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.175–185. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.22

Elena S. Astakhova

LINGUISTIC UNDERSTANDING OF THE OTHERWORLD AS A SPACE IN A LITERARY TEXT

The category of space, originally related to the field of scientific knowledge of philosophy, became the subject of linguistic research in the XX century after the structural-linguistic turn and the Sepir-Whorf hypothesis, which allowed expanding the possibilities of philological analysis of literary texts. Space is closely related to the understanding of time, so it is still difficult to interpret these categories without appealing to another one. There are many approaches to the definition of « space»: through chronotope, locativity, and text-forming categories; researchers understand space as a «specific system of signs», a «modeling language», and spatial metaphors. Therefore, the relevance of the work is seen in the deepening of research affecting the art space.

The article pays special attention to the typology of space in works of art. The novelty of the work is expressed in an attempt to identify and describe the linguistic features of the space of the otherworld, which was actively addressed by writers and playwrights of the Silver Age of Russian literature. This is explained by the fact that the subjective (that is, the space created by the author) has its own structure, independence, it is developed by the individual consciousness, which, in turn, is a historical consciousness with a space-time concept of an era, culture. The core of the work of the writers of the beginning

of the XX century was not real life, but subjective visions and experiences, behind which the symbolists wanted to recognize the reflections of invisible fire, the radiance of mysterious worlds, meanings that could not be translated into the language of logic. Real space ceases to be real, it is a model, an imitation, a representation of the existing world in an abstract sense.

The otherworld, which in dictionaries is understood as a space opposed to the real, as the space of a literary text has different characteristics: it does not necessarily belong to the locus of the fantastic or «unreal», its main feature is to enter into an antithesis with the space in which the hero is initially located, to be different from the «real» space by a set of not only external features, but also the state of the characters moving into it.

The paper presents and describes the main linguistic units with which the space of the otherworld is verbalized in literary texts of the beginning of the XX century.

Key words: space, otherworld, literary text, language, philological analysis.

For citation: Astakhova E. S. Linguistic understanding of the otherworld as a space in a literary text // Humanities and law research. 2021. No.4. P.175–185. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.22

Анализ категории пространства художественного текста занимает весьма важное место в лингвистике. Пространство является формой существования как реального, так и художественного мира, выступает в качестве их непременного атрибута. В современной науке пространство художественного текста не воспринимается как прямая корреляция пространству реального мира и рассматривается как значимая характеристика произведения, «форма художественной рецепции реального мира, отображаемого в литературе» [36, с.64].

Изучение художественного пространства в связи с персонажами, в нем функционирующими, и с общей моделью картины мира, которая оформляется в произведении, позволяет сделать вывод о том, что язык художественного пространства – часть общего языка художественное текста. Об этом пишет Е.В. Волкова: «Художественное пространство моделирует не только <...> пространственные отношения как таковые, а передает, символизируя, этические, религиозные, психологические, культурно-исторические, космологические представления о ценностях» [5, с.151].

В XX веке, после структурно-лингвистического поворота, который стал «”золотой серединой” между бытием и ничто, материей и духом, объектом и субъектом или между онтологией и гносеологией, эмпиризмом и рационализмом» [17, с.71], а также благодаря гипотезе Сепира-Уорфа, категории пространства и времени, раннее рассматривавшиеся только в русле философии, стали объектом лингвистического анализа.

Безусловно, категорию пространства чаще всего рассматривают в единстве с категорией времени. Поэтому определение художественного пространства в словарях и в работах ученых-лингвистов редко рассматривается отдельно от определения времени. И.В. Роднянская утверждает, что художественное пространство – «это важнейшая характеристика образа художественного, обеспечивающая целостное восприятие художественной действительности и организующая композицию произведения» [24, с.488]. То есть вновь повторяется мысль о том, что данная категория важна для глубокого анализа и понимания текста.

Представление художественного пространства как «специфической системы знаков», необходимой «для воплощения и передачи познавательной и оценочной художественной информации» [15, с. 262], характерно для работ И. Мурзака и А. Л. Ястребова [20]. Можно утверждать, что категория пространства выступает средством познания действительности и является выражением отношения к ней.

И.Р. Гальперин в работе «Текст как объект лингвистического исследования» сформулировал систему текстообразующих категорий, пространство и время в данном исследовании являются непосредственными объектами изучения [6]. Важность этих категорий отмечал В.В. Селиванов: «Их исследование позволяет обнаружить особенности и меру соответствия мира реального и идеального, объективного и субъективного» [27, с.46-47].

Однако наряду с исследованиями, подтверждающими значимость пространства и времени в структуре художественного текста, учеными отмечается и такое качество исследуемых категорий, как условность. Например, А.В. Бондарко утверждает, что «пространство и время в образной системе произведения – такая же условность, как и его другие компоненты, построенные по принципу подобия с реальной действительностью или, напротив, контрастного выделения отдельных сторон» [27, с.46-47]. В художественном тексте наблюдается реализация так называемого «специфического эксперимента» художника, который ставит перед собой задачу не передать материальный мир, а воспроизвести свой, идеальный. С.И. Кормилов, анализируя условность художественного времени и пространства, акцентирует внимание на том, что данная характеристика проявляется в возможности выбора: «рассказывать об одном бегло, о другом подробно, о третьем вовсе умалчивается; переносить действие из одного места в другое» [15, с.63].

Во второй половине XX в. появляется новый подход к пространственно-временным структурам. Например, в работе Л.Н. Федосеевой пространство и время определяются «исходя из конфликтов, ситуаций, персонажей, исходя из отношений между всеми компонентами, всеми

категориями художественного мира; с другой стороны, каждый компонент художественного мира обретает пространственно-временной статус» [32, с.12]. Это качество свойственно как объективному, так и художественному миру, то есть пространство и время художественного текста могут быть проанализированы при помощи той же системы понятий, что и пространство и время физического мира.

В целом сложились два основных подхода к описанию пространства художественного текста:

1) Подход М. М. Бахтина: хронотоп, неделимость пространства и времени (время всё же первостепенно).
2) Подход Ю. М. Лотмана и С. Ю. Неклюдова, в котором категория пространства воспринимается как «язык моделирования, с помощью которого могут выражаться любые значения, коль скоро они имеют характер структурных отношений. Поэтому пространственная организация есть одно из универсальных средств построения любых культурных моделей» [18, с.443].

Вторая концепция утверждает превалирующую роль пространства как текстообразующего элемента, пространственно-временная система художественного текста рассматривается «как фон сюжетного повествования» [21, с.19]. Помимо этого, С.Ю. Неклюдов выделил два аспекта анализа пространства художественного текста:

1) Воссоздание «топографической» и временной структуры (является целью повествования);
2) Восприятие сюжета через его соотнесенность с контекстом исторической действительности и с временным контекстом, установка системы связей между пространственно-временными отношениями мира и сюжетно значимыми элементами текста (служит средством понимания содержательной стороны произведения).

Подход, предложенный Ю.М. Лотманом и С. Ю. Неклюдовым также подразумевает, что пространство часто приобретает метафорический характер. Это объясняется противоречивостью самого понятия пространства: по мнению исследователей, его наполнение отличается и математическим, и бытовым содержанием; если такое противоречие создано намеренно, то оно может выполнять творческую задачу. То есть читатель пытается отождествить эпизоды художественного текста и локусы, в которых развивается действие, с реальным пространством, однако чаще всего эти локусы серьезно отличаются, по мнению А.В. Гориной, это «становится очевидным даже при сравнении воплощений одного и того же сюжета средствами разных искусств» [9, с.61]. Пространство художественного текста метафорически выражает модель мира автора на языке его пространственного восприятия.

В лингвистике категория пространства изучается в рамках локативности – «…семантической категории в рамках теории функциональной грамматики, представляющей собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства» [28, с.27]. Исследования, проводимые в русле когнитивной и антропологической лингвистики, открыли новые возможности для разработки материалов о семантической организации художественного текста. Предложения и сверхфразовые единства последовательно связываются между собой, объединяются в семантическое, а точнее – семиотическое пространство, представляют собой особую материальную протяженность, и начинают анализироваться пространственными категориями, как «ментальное образование, ментальное пространство, имеющее определенную специфику» [2, с.134]. Исследование текста в рамках теории локативности позволяет анализировать текст как единую систему, обнаруживать в нем структурные связи, которые, в свою очередь, участвуют в процессе понимания смыслов, заложенных в тексте.

Для филологического анализа художественного текста категории пространства и времени, объединяющиеся в понятие пространственно-временного континуума, существенны, так рассматриваются в качестве конструктивных принципов организации литературного произведения. Текст пространствен в том смысле, что его элементы несут в себе черты определенной пространственной конфигурации. Поэтому существует теоретическая и практическая возможность объяснять тропы, фигуры, структуры повествования через пространственные характеристики.

Е.С. Яковлева, описывая параметризацию пространства, утверждает, что в русском языковом сознании пространственную картину невозможно привести к точному физико-геометрическому истоку; пространство – не место нахождения разнообразных объектов, оно устанавливается ими, является в этом смысле вторичным по отношению к объектам. Эту идею подтверждает и Е.С. Кубрякова, говоря, что «у человека в ходе его эволюции постепенно формируются ДВЕ относительно автономных системы виденья мира – так называемая ЧТО – система (what-system) и ГДЕ – система (where-system)» [16, с.88]. Задача первой – определять и идентифицировать объекты в поле зрения индивидуума, она обеспечивает формирование понимания предмета как фигуры; базисный принцип – противопоставление фона и фигуры. Задача второй – помогать определять расстояния до объекта в фокусе внимания, осознавать дистанцию между объектами, их расположение относительно друг друга; она необходима для оформления концепта удаленности и близости объекта, понимания местонахождения объекта по отношению к наблюдателю.

«Размер и количество пространства» в языковой картине мира как аспект параметризации пространства исследует Н.К. Рябцева: практическое сознание замещает точные цифровые данные аналогами, оценивающими их, «в обыденном сознании количество “опредмечивается”, а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему» [26, с.108]. Антропоцентрическая интерпретация также способна передавать идею размера и количества как пространственных характеристик (например, использование лексем с семантикой «части человеческого тела»: До этого места рукой подать; Телефон лежит у тебя под боком).

Исследования В.Г. Гака и И.М. Кобозевой имеют вектор определения пространственных отношений. В.Г. Гак исследовал, прежде всего, лексический уровень языка и отмечал близость описания протяженности чего-либо в пространстве и во времени, использование лексем с пространственной семантикой для выражения внутренних переживаний, интенсивности, состояний и др. И.М. Кобозева исследовала категорию пространства на грамматическом уровне языка; она выделяла пространственную проекцию в качестве важнейшей категории текста. «Описание пространства – это речевой жанр, представленный устными и письменными текстами, в основе которых лежит определенная грамматика, то есть система правил построения таких текстов» [14, с.152].

Разработка категории пространства ведется также в направлении классифицирования типов пространства. Н.Р. Добрушина провела сравнительно-сопоставительный анализ текстов на русском и немецком языках, который позволил ей сформулировать лингвокультурологический вывод: любой объект окружающей индивидуума реальности, даже воздух, является частью пространственного континуума, «<...> осмысляется как физический, природный носитель духовных субстанций. Кроме того, присутствующий везде и заполняющий собой все «пустоты», воздух оказывается членом глобальной пространственной оппозиции верх – низ» [11, с. 226].

К. А. Переверзев анализирует различные типы пространства через три типа онтологических объектов (возможные ситуации и миры; факты; события) и рассматривает их «как результаты языковой концептуализации экстралингвистических, объективно существующих в физической или воображаемой реальности пространств» [22, с.266].

Помимо этого, существуют отдельные исследования, занимающиеся разработкой вопроса пространственной метафоры. Например, О.П. Ермакова исследовала метафорическое изображение русского ландшафта и сформулировала следующие выводы:

1) использование метафоры позволяет вербализировать одно пространство через другое;
2) для изображения человека используются пространственные меетафоры, какие как бугор («начальник»), айсберг (холодный, отрешенный человек), оазис (приятное исключение из правил) и др.; социум изображается через пространственные метафоры со словами дно, болото, трясина и др.;
3) жизнь человека, ее протяженность изображается через пространственные метафоры с «водными» лексемами: океан, море, озеро и др.;
4) конец жизни, гибель, смерть отражены в метафорическом употреблении впадин [13, с. 296].

Таким образом, лингвистические исследования категории пространства отмечают её важность в языковой картине мира, поэтому описание художественного пространства и учет пространственных характеристик являются важной составной частью филологического (лингвистического) анализа текста.

Помимо всего вышеизложенного, стоит упомянуть о пространственных моделях, выделяемых в художественном тексте. Например, В.Ю. Прокофьева и Ю.Г. Пыхтина предлагают при анализе произведений ориентироваться на следующие модели:

1. Психологическое пространство. Замкнутое на субъекте, такое пространство изображает его внутренний мир; может быть как статичным, замершим, так и подвижным, способным передать динамику внутреннего мира субъекта. Лексемы-названия органов чувств (душа, глаза, сердце и др.) служат локализаторами.

2. «Реальное» пространство. В данном случае имеются ввиду локусы реального мира, существующего географического или социального места: городская, деревенская, природная среда. Также, как и психологическое пространство, может изображается статично и динамично. «Это плоскостное линеарное пространство, которое может быть направленным и ненаправленным, горизонтально ограниченным и открытым, близким и далеким» [23, с.36].

3. Космическое пространство. Локализаторами в нем являются лексемы-названия небесных тел (Луна, кометы, звезды), оно характеризуется вертикальной ориентацией.

4. Мифологическое пространство. Характеризуется одухотворенностью и качественной разнородностью. Оно конституируется вещами, его наполняющими. Отмечается присутствие особых объектов, которые указывают на переход к неблагоприятным местам (лес, перекресток, болото и др.) или же нейтрализуют их (церковь и нечисть, лабиринт, сражение с чудовищем). Оно подчиняется основным бинарным оппозициям, а также дискретно.

5. Фантастическое пространство. Его особенность – присутствие нереальных существ и событий с точки зрения науки или обыденного сознания; помимо этого, является жанрообразующим, но признаки подобного пространства существуют и вне жанра фантастики. Может быть как горизонтально, так и линеарно организованно.

6. Виртуальное пространство. Этот тип пространства появился в литературе конца XX века, герои и действия существуют внутри мира компьютерной игры. Локализатором являются слова различных частей речи с общей семантикой описания происходящего на экране монитора. Чаще всего сочетается с реальным и мифологическим.

7. Пространство реминисценций. Оно формируется благодаря использованию в тексте в качестве персонажей известных лиц или узнаваемых героев, которые помещаются в пространство, контрастное в сравнении с предполагаемыми читателем, с «полагающимся набором» ассоциаций, «тянущимися» за этими именами, то есть вызывающее определенные ассоциации в сознании, апеллирующее к интертексту.

Важно отметить, что перечисленные пространственные модели художественных текстов не отрицают друг друга, а наоборот, взаимодействуют, объединяются, дополняют друг друга. Помимо этого, данную типологию нельзя назвать исчерпывающей: видится необходимым дополнить ее описанием такого типа художественного пространства, как пространство иномирия.

Под пространством иномирия будем понимать иначе выраженную оппозицию «реальное – фантастическое», которую в контексте пространства художественного текста иначе можно обозначить как «реальное – ирреальное». В словаре Д.Н. Ушакова понятие «реальность» трактуется через прилагательное «реальный»: «1. Действительный, объективно-данный, не воображаемый. Реальная жизнь. || Жизненный, сильный, действенный....только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем. Сталин» [31, с.206]. Слово «ирреальность» также трактуется через прилагательное «ирреальный»: «Не реальный, не существующий в действительности».

Художественное пространство нельзя считать только местом «жизни» героев. По мнению Ю.М. Лотмана, «соотнесение его с действующими мирами и общей моделью мира, создаваемой художественным текстом убеждает в том, что язык художественного пространства… – один из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение» [19, с.255]. Субъективное (то есть создаваемое автором) пространство обладает собственной структурой, самостоятельностью, оно вырабатывается индивидуальным сознанием, которое, в свою очередь, является историческим сознанием с пространственно-временной концепцией эпохи, культуры.

Пространство иномирия с особой силой проявляется в произведениях Серебряного века русской литературы. Несмотря на то, что пространство складывается из входящих в него предметов (вещей), в пространстве «вещь теряет свою “вещность” и начинает жить, действовать, “веществовать” в духовном пространстве» [29, с.21]. Вещественное пространство перестает быть реальным, оно есть модель, имитация, представление существующего мира в отвлеченном понимании. Такое видение мира было близко символистам.

Стержнем их творчества стала не жизнь действительная, а субъективные видения и переживания, за которыми символисты хотели распознать отблески незримого огня, сияние таинственных миров, смыслы, непереводимые на язык логики. Значение категории пространства и времени одним из первых в эпоху Серебряного века, времени новой драмы, осознал представитель русского символизма А. Белый. Так, в статье «Театр и современная драма» он пишет: «Времена и пространства не только поглощают наше творчество, но и нас самих выкидывают на поверхность жизни, как ничтожный отброс бессмысленного смысла», поэтому «драма, изображая рок, в творческих формах вымысла изображает сокровенное начало нашего порабощения» [3, с.116].

Пересекаясь, оказывая влияние друг на друга, пространства способны к динамическим превращениям, изменениям, трансформациям. Ю.М. Лотман считает, что они «разрываются, морщатся, закручиваются, изгибаются, разлезаются и сжимаются» [19, с.267]. В этом взаимодействии антонимичные пространства в определённом отношении могут стать тождественными.

Реальность и ирреальность воспринимались символизмом как понятия несовместимые, глубоко враждебные друг другу. По мнению О.П. Ермаковой, для символизма «трагизм наших переживаний обусловлен тем, что действительность, окружающая нас, есть, по существу, самое нереальное из всех возможных нереальностей. Отсюда неизбежна мечта об иной действительности, действительности мистической, обусловленной опытом религиозно-эстетическим, единственно правомерным» [12, с.120].

С.Я. Гончарова-Грабовская отмечает: «Реальное и нереальное пространство настолько тесно переплелись и стали взаимозаменяемыми, что трудно понять, что есть что. Большинство авторов выстраивает мир-пространство для своих героев, в котором внешне все может быть вполне узнаваемо. Но в конечном счете возникает совершенно непривычная, ни на что не похожая реальность, демиургом которой выступает сам автор» [8, с.221].

Подлинным ядром произведений становится внутренний конфликт, борьба героя с собой во враждебной реальности. Поэтому герой, который не находит поддержки в пространстве настоящего, начинает искать понимание и решение в прекрасном прошлом или в неопределенном светлом будущем.

Таким образом, в русской литературе начала XX века актуализируется противопоставление реального и ирреального пространства. Однако ирреальное пространство не всегда равно потустороннему миру. Это связано с тенденцией слияния реального и фантастического, а также с желанием авторов показать становление личности героя: так как реальность враждебна, можно обратиться к локусу иного мира, инаковость которого измеряется противопоставлением категорий, присущих месту «настоящего». Поэтому пространством иномирия могут стать такие места, как гора, город, дом, соседский сад и др., которые в контексте произведений «вступают в борьбу» с другими пространствами, при этом не обнаруживая в себе мифологических, потусторонних или сказочных черт. Это значит, что пространство иномирия может включать в себя черты всех пространственных моделей из классификации В.Ю. Прокофьевой и Ю.Г. Пыхтиной; стимулом для его выделения в художественном тексте следует считать:

1) Присутствие героя, находящегося в конфликте с пространством, в котором он существует.
2) Наличие в тексте другого вида пространства, которое противопоставляется «реальному» (тому, в котором существует герой) – оно и будет иномирием.
3) Иномирие и «реальность» вступают в конфликт, который выражается в их идейном и языковом противопоставлении.

Стремление изобразить внутреннюю борьбу героя требовало создания противопоставленного ему пространства, того места, которое существует по другим правилам. Реальное и нереальное пространство начинают выступать в сложном единстве, в котором внешне все вполне узнаваемо, но в итоге возникает совсем иная действительность. Поэтому способов репрезентации иномирия достаточно много. Можно выделить следующие виды такого пространства:

1. Религиозное пространство, которое создается посредством использования слов, обозначающих следующее:

– архитектурные сооружения (храм, келья, часовня, колокольня монастырская ограда, святой колодец);
– атрибуты (крест, колокольный звон, Евангелие, монашеская ряса, скуфейка, свечки восковые, колокол);
– наименование богов и божеств: древнегерманские (Бальдер); древнегреческие (Зевс, Аполлон, Геба); скандинавские (Тор, Фрея); индийские (Вишну, Будда, Брахма); арабские (Аллах, Пери); египетские (Тот, Великий Ра, Сети, Озирис); библейские имена (Иуда, Азраил, Христос, Адам);
– отвлеченные понятия и наименования (Рай, страшные знаменья, неземной язык, небесный дом, земное колдовство, бессмертная душа, крещение, Божье дитя, блаженные, крестное знамение, паперть, ад, демон Аратырь, железный крюк и свиток, страстный брат Евстратий);
– религиозные наименования (монахиня, факир, дервиш, друид, послушник, инок, подвижник, жрец).

2. Культурное пространство. Особенно ярко столкновение разных культур наблюдается в текстах Н.С. Гумилева: он использует описание разных народов (ирландцы, исландцы, греки, арабы, индусы, американцы, русские, немцы, голландцы, китайцы, французы), традиций, мифов (миф о христианизации Исландии, миф об Актеоне) и легенд (сватовство к Этайн, легенда о Соломоновом кольце). Он изображает мир в совокупности и многообразии культур, при этом сталкивая их: «В Исландии, на этом далеком северном острове» [10, с.52], «Там, почти под северным полярным кругом» [10, с.52], «Пойдем в Китай танцевать с золотыми драконами. Не хочешь – ну так на северный полюс – варить уху из кита» [10, с.158].

Пространство иной культуры изображает и А. А. Блок в пьесе «Рамзес. Сцены из жизни древнего Египта», в тексте которой воссоздан облик Египта в XIV столетии до р. Хр. Драматург изучил учебник «История Древнего Востока» с целью создать исторически достоверное произведение. Египет того времени складывается из словесной репрезентации городского рынка: «Площадь пестрит одеждами разноцветных покупателей, продавцов и прохожих – купцов, офицеров, чиновников, горожанок, жрецов, простолюдинов; здесь кишат сирийцы, эфиопы, нубийцы, негры, феллахи» [4, с.213], «Около пивной валяется пьяный» [4, с.213]; жизни отдельных категорий горожан: «Верно ты не знаешь, чего нам стоит ученье, сколько побоев перенес я прежде, чем стать скрибой» [4, с.214].

3. Обрядовое пространство. Так как обширнее всего культурное пространство реализуется в пьесах Н.С. Гумилева, там же часто встречаются изображения торжества или важного события (например, свадебное торжество, на фоне которого и разворачивается сюжет). В его драматургических текстах представлены:

1) исландская свадебная традиция:
«Съеден дочиста свадебный бык» [10, с.53]
2) арабская свадебная традиция: «Синдбад женится на Силе Сердец. Праздник, кади совершает формальности брака, записы-

вает его в книгу. Невесту ведут в спальню. Туда же в сопровожденье женщин входит Синдбад» [10, с.177].

3) ирландская свадебная традиция: «Конн беседует с Морни о предполагающемся браке. Входит Тадж с новостями. Конн сватается к Морни. Согласие» [10, с.387].

4. Потустороннее пространство (сон, смерть). Эти пространства объединяются по причине их семантической близости. Дж. Холл упоминает, что еще из греческих мифов известна богиня Ночи Никта, которая держит по младенцу в каждой руке: белый – Сон, черный – Смерть [35, с.526]. У А.П. Чехова сон становится постоянным компонентом художественного мира писателя [Ли Хо 2019: 163]. В драматургии начала XX века находим следующие примеры репрезентации пространств подобного рода: «Я вот что хотела тебя спросить, тетушка: говорится в наших песнях, что живем мы, на луну смотрим, а потом в туман растаем, и как будто русалки не было» [7, с.327]; «Но с тех пор мы узнали, что мы не бессмертны, и стали мы умирать. Век наш долог, смерть наша легка, а души, для бессмертия, у нас нет» [7, с.327]; «И он повлечёт ее в ад на муку мученическую, а потом ты воскреснешь, чтобы после Суда кипеть в неугасимом геенском огне» [7, л.327]; «О, скорбь, о, горе! На запад, на запад! Ты уходишь на запад, начальник, и сами боги скорбят!» [4, с.226]; «Это сны продолжаются. Не сны, Герман, а явь. Это страшнее снов» [4, с.319].

5. Воображаемое (мечты, грезы, идеи). Считается, что пространство воображаемого позволяет лучше понять психологию героя, его истинные намерения, скрытые желания: «Как вы любите сказки, странная женщина. <…> Ведь я живу во времени и пространстве, а не на блаженных островах, как вы» [4, с.372]; «Мерещится ли ему, только слабо мерцает, прислонясь у крутого откоса холма, еле зримый образ» [4, с.373]; «Свет меркнет. Видение исчезает» [4, с.373]).

6. Мифопоэтическое или интертекстуальное. В основе драмы З.Н. Гиппиус «Святая кровь» лежит сюжет «Русалочки» Г.Х. Андерсена (тот же мотив «очеловечевания» русалки, Ведьма, которая помогает девушке, любовь, которая является ключом ко всему). У А. Блока в «Балаганчике» присутствуют герои из комедии дель Арте (Коломбина, Арлекин, Пьеро). В основе драмы Н. С. Гумилева «Красота Морни» – скандинавская легенда о сватовстве к Этайн. Ю.М. Лотман видит в подобной организации авторского текста генетический признак диалога культур: «…культура постоянно создается собственными усилиями этого “чужого”, носителя дурного сознания, иначе кодирующего мир и тексты» [19, с. 206].

Далее обратимся к специфике языковой репрезентации иномирия. Вербализация иномирия при помощи ***имен существительных, приобретающих символическое значение,*** – типичная формула, которая начинается со «встречи» натурализма и символизма. Стремление поставить символ вместо конкретного образа объясняется как реакция против приземленности, фактографичности.

Именно благодаря лексемам-символам авторам удается создать неповторимый художественный мир каждого текста: например, А. Блок использует лексему «маска» в пьесе «Балаганчик» как символ тайны и иллюзии: «Впереди – она в черной маске и вьющемся красном плаще. Позади – он – весь в черном, гибкий, в красной маске и черном плаще» [4, с.65]; «Снимешь ли маску? Канешь ли в ночь?» [4, 73]; в пьесе «Король на площади» находим использование лексемы «огонь» как символ разрушения и созидания одновременно: «Их семьи растленны. Дома пошатнулись. <…> В них нет места огню» [4, с.124]; «И старик сгорит? <…> В нем нечему гореть. Все окаменело» [4, с.129].

Эти примеры подтверждают, что писатели начала XX века используют лексемы-символы непосредственно для вербализации иной формы пространства, стараясь раскрыть невидимый смысл явлений и словно продолжить реальность намеками на ее глубинное значение.

Имена прилагательные, по мнению Л.Н. Федосеевой, представляют важность для создания категории пространства, занимая положение в ближней периферии репрезентации семантики локативности [33, с. 57]. Представляется логичным для выстраивания как реального, так и ирреального пространства использовать прилагательные, которые конкретизируют характеристику пространственного объекта, например, делают акцент на размере: «У края поляны, около самого леса, под большим деревом, сидит старая, довольно толстая русалка» [7, с.325].

В целом в художественных текстах использование имен прилагательных обуславливается их семантической основой – обозначение качества, признака, принадлежности предметов как относительно постоянное свойство. Их разнообразная семантика охватывает различные тематические ряды, делая прилагательные важнейшим выразителем точной определительной характеристики предметов, явлений объективной действительности.

Наречия, по мнению Л. Н. Федосеевой, являются ядерными средствами репрезентации семантики локативности наряду с глаголами и именами существительными [33, с.57]. В контексте языковой репрезентации пространства иномирия можно утверждать, что использование проанализированных ранее семантических классов наречий (места, времени, образа и способа действия) мотивировано желанием автора дать локализацию ситуации во времени, характер нахождения объекта в пределах ориентира или характер протекания ситуации [25, с.436].

Использование в художественных текстах имен собственных, в семантике которых находила бы отражение характеристика пространства, весьма распространенный приём. Личные имена способны не только весьма точно задавать пространственно-временные рамки, но и создавать особую атмосферу реальности происходящих событий, но и поддерживать ощущение национальной самобытности и колорита. Создание пространства иной культуры мотивирует автора использовать соответствующие имена: в драме Н. Гумилева «Гондла» персонажи носят имена, соответствующие исландскому миру (Снорре, Груббе, Лаге, Ахти); в пьесе «Охота на носорога», действие которой развивается в пространстве доисторического мира, главного героя зовут Тремограст, и семантика этого собственного имени становится ясна из неоконченной повести Н. Гумилева «Гибели обречённые»: так назвал сам себя первый человек, услышавший эхо упавшего камня.

Помимо этого, в художественном тексте можно наблюдать процесс перехода нарицательного имени в собственное, причем лексема при этом не теряет прежнее значение, а наоборот, ее семантика мотивирует этот переход. Например, у М. Метерлинка в пьесе «Синяя птица» находим следующие примеры: Души Часов, Хлеб, Огонь, Пес, Кошка, Ночь, Сон, Смерть, Насморк, Духи Тьмы, Блаженства и др.; у Ж. Кокто в пьесе «Орфей» – Смерть и Лошадь; в «Незнакомке» А. Блока – Звездочет и Поэт.

Таким образом, в контексте художественного произведения имена собственные, помимо функции идентификации, приобретают новые, художественно-стилистические функции.

Авторы «новой драмы» активно использовали ***колоративные прилагательные,*** символику цвета в произведениях. Так, А. Блок разработал особую концепцию цвета: он полагал, что определенным словам, настроениям должны соответствовать определенные краски. Например, божественная сущность Прекрасной Дамы, её близость к небесному обусловливают тот факт, что в палитре А. Блока голубой, лазоревый, лазурный – это синонимом света, лучезарности, цветовой код иномирия, поэтому в пьесе «Незнакомка» очень много синего и голубого цвета: голубые воды, голубые вечерние снега, синий снег, голубой плащ, голубые глаза, голубоватый снежный столб и т. д.

Адинамичные глаголы в структуре художественного текста связаны с описанием статического пространства, а изображение векторного пространства всегда сопряжено с использованием ***динамических глаголов.*** По данным Национального корпуса русского языка в трех драмах Д.И. Фонвизина обнаружено 1486 глаголов движения и 2150 адинамичных глаголов, в 31 пьесе А.Н. Островского – 29710 / 34158, в 14 пьесах А.П. Чехова – 12388 / 11054, в 12 пьесах Л. Н. Андреева – 9174 / 11968 соответственно. Можно утверждать, что оба семантических класса необходимы для вербализации пространства как реального, так и иномирия: если возникает потребность подчеркнуть «недвижимость», «застывшее действие», то в тексте преобладают адинамичные глаголы; если же изменение пространства, действия, которые совершают герои, находясь в его пределах, важнее, то на первый план выдвигаются динамические глаголы.

Предлоги. Большое количество предлогов с ярко выраженной обстоятельственной семантикой значительно дополняет и уточняет пространственные отношения между объектами создаваемого пространства. Поэтому предлоги как служебная часть речи используются в качестве дополнительного атрибута для выражения пространственной семантики.

Использование словосочетаний с различными типами связи для языковой репрезентации пространства активно использовалось символистами. Частотность согласования как типа связи в словосочетании объясняется тем, что роль главного слова в таком случае выполняет имя существительное, которое, в свою очередь, играет важную роль в репрезентации семантики локативности, являясь одним из ядерных средств.

Стилистической функцией обращения является способность выражать какие-либо логико-смысловые или экспрессивно-стилистические оттенки, благодаря чему оно в любой словесной форме способно выступать как определенное выразительное средство [34, с.239]. Специфичная особенность языкового воплощения обращения выражается в изменении имени главного героя в зависимости от того, в каком пространстве он находится (например Анатэма и Нуллюс в пьесе «Анатэма», Альдонса и Дульсинея в пьесе «Победа смерти», Любовь Ивановна Отрадина и Елена Ивановна Кручинина в пьесе «Без вины виноватые»). Такой прием встречается не только в драматургии, но и в прозаических текстах.

Сравнение как лингвистическая единица, представляющая собой сопоставление двух предметов, которые обладают общим признаком, с целью выяснения их сходства или различия, а также указывающая на изменение интенсивности признака предмета и степени этого изменения, выражается различными средствами языка. Сравнительные обороты являются синтаксическим средством выразительности, в идеальном варианте сравнение представляет собой «трехчленную структуру, включающую в себя объект, эталон и основание сравнения» [30, с.9]. Таким образом, в этой схеме в «новой драме» чаще всего встречается элемент иномирия (объект), эталон и основание сравнения или элемент реального мира, эталон (иномирие) и основание

сравнения: «И станет у тебя тело (объект реального мира), как у людей (эталон из иномирия), с кровью (основание сравнения) [7, с.325]; «Ты помнишь грудь (объект из иномирия), как плод (объект из реальной действительности) созрелый (основание сравнения) [10, с.234].

Степени сравнения имен прилагательных – грамматическая форма, способная выражать компаративную семантику самостоятельно. Выражая превосходство одного предмета над другим на основании проявления одного признака или наивысшую степень проявления признака у предмета, данная форма активно используется в литературных текстах для подчеркивания того или иного качества, характеризующее пространство: «– О, боги, он грязен! – Лягушка грязнее! (о камне)» [10, с.226]; «Весть о паденьи светлейшей звезды…» [4, с.114].

Пространство воспоминаний, сказаний, легенд зачастую обращено в прошлое, поэтому для его языкового воплощения в тексте используются ***формы прошедшего времени глагола***. Например, «Зубы дракона, нас было много, Мы дрались долго» [10, с.65]; «Вы шептались о клятве, о мести, О короне с чужой головы, О Гер-Педере… даже к невесте Подходили угрюмыми вы» [10, с.203].

Таким образом, под иномирием в художественных текстах начала XX в. понимаются те типы пространства, которые используются автором в структуре произведения и являются антиподом, противопоставлением тому «миру», той «реальности», в которой в данный момент находится герой. Из выделенных типов понятно, что это пространство может быть, как реальным, так и ирреальным, связанным с действительностью или являться частью авторской мифопоэтики, охватывать всевозможные сферы деятельности человека.

Литература

1. Андреев Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: Т. 6. В 23 т. М.: Наука, 2013. 760 с.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2004. 496 с.
3. Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступит. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
4. Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Драматические произведения. М.: Терра Книжный клуб, 2009. 464 с.
5. Волкова Е.В. Пространство символа и символ пространства в работах Ю.М. Лотмана // Вопросы философии. 2002. №11. С. 149 – 164.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: 1981. 461 с.
7. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. Лунные муравьи: Рассказы. Пьесы. М.: Русская книга, 2001. 528 с.
8. Гончарова-Грабовская С.Я. Русская драматургия конца XX века. Художественная литература как отражение национального и культурно-языкового развития. СПб.: Азбука, 2003. 378 с.
9. Горина А.В. Пространство и время как базовые категории художественного текста: на материале романа У. Голдинга «Свободное падение»: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 206 с.
10. Гумилёв Н.С. Сочинения: в 3-х т. Т. 2. Драмы. Рассказы / сост., подгот. текста, примеч. Р. Щербакова; подгот. текста «Записок кавалериста», примеч. Е. Степанова. М.: Художественная литература, 1991. 478 с.
11. Добрушина Н.Р. Воздух: вещество или пространство, материя или дух // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С.221 – 228.
12. Дукор И. Проблемы драматургии символизма. Литературное наследство. Т. 27–28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С.106 – 166.
13. Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / Отъ. ред.: Н.Д. Арутюнова, ИБ. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С.289 – 298.
14. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С.152 – 163.
15. Кормилов С.И. Основные понятия теории литературы. Литературное произ¬ведение. Проза и стих. В помощь преподавателям, старшеклассникам и аби¬туриентам. – 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2002. 112 с.
16. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С.84 – 92.
17. Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии. № 2. 2007. С.66 – 79.
18. Лотман Ю.М. Об искусстве. С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 1998. 433 с.
19. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
20. Мурзак, И.И. Художественное время и пространство. Художественный образ // Введение в литературоведение / под ред. Крупчановой Л.М. М.: Оникс, 2005. С.258 – 274.
21. Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былине // Славянский фольклор. Отв. ред.: Путилов Б.Н., Соколова В.К. М.: «Наука», 1972. 501 с.
22. Переверзев К.А. Пространства, ситуации, события, миры: К проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. 422 с.
23. Прокофьева, В.Ю., Пыхтина, Ю.Г. Анализ художественного текста в аспекте его пространственных характеристик: Практикум для студентов института искусств по специальности 052700 библиотечно-информационная деятельность. Оренбург, 2006. 214 с.
24. Роднянская, И.В. Художественное время и художественное пространство // Лит. энцикл. Словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. С.487 – 489.
25. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. В 2-х т. 783 с.

26. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. 372 с.
27. Селиванов В.В. Пространство и время как средства выражения и формы мышления в искусстве // Пространство и время в искусстве. Межвузовский сборник научных трудов. / ред. Хваленская Е. Ленинград: Ленуприздат, 1988. 381 с.
28. Теория функциональной грамматики М.: Наука, 1996. 236 с.
29. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в мире мифопоэтического. Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 624 с.
30. Трегубчак А.В. Семантика сравнения и способы ее выражения: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
31. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.
32. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 454 с.
33. Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2013. 450 с.
34. Федулова У.М. Стилистические функции обращения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. №1 С.239 – 242.
35. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. 656 с.
36. Шутая Н.К. Сюжетные возможности хронотопа «присутственное место» и их использование в произведениях русских классиков XIX в. (на примере прозаических произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого) // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 5. С.64.

References

1. Andreev L.N. Poln. sobr. soch. i pisem (The complete collection of essays and letters): In 23 Vols. Vol. 6. Moscow: Nauka, 2013. 760 p. (In Russian).
2. Babenko, L.G. Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika (Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice). Moscow: Flinta; Nauka, 2004. 496 p. (In Russian).
3. Belyi A. Simvolizm kak miroponimanie (Symbolism as a worldview) / ed by L. A. Sugai. Moscow: Respublika, 1994. 528 p. (In Russian).
4. Blok A.A. Sobranie sochinenii (The complete collection of essays): In 6 Vols. Vol 4: Moscow: Terra Knizhnyi klub, 2009. 464 p. (In Russian).
5. Volkova E.V. Prostranstvo simvola i simvol prostranstva v rabotakh Yu.M. Lotmana (The space of the symbol and the symbol of space in the works of Yu. M. Lotman) // Voprosy filosofii. No. 11. 2002. P. 149 – 164. (In Russian).
6. Gal'perin I.R. Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya (Text as an object of linguistic research). Moscow: 1981. 461 p. (In Russian).
7. Gippius Z.N. Sobranie sochinenii (The complete collection of essays): In 15 Vols. Vol. 4. Lunnye murav'i: Rasskazy. P'esy. Moscow: Russkaya kniga, 2001. 528 p. (In Russian).
8. Goncharova-Grabovskaya S.Ya. Russkaya dramaturgiya kontsa XX veka. Khudozhestvennaya literatura kak otrazhenie natsional'nogo i kul'turno-yazykovogo razvitiya (Russian drama of the late XX century. Fiction as a reflection of national and cultural-linguistic development). St.Peterburg: Azbuka, 2003. 378 p. (In Russian).
9. Gorina A.V. Prostranstvo i vremya kak bazovye kategorii khudozhestvennogo teksta: na materiale romana U. Goldinga «Svobodnoe padenie» (Space and time as basic categories of a literary text: based on the material of the novel «Free Fall»by W. Golding): thesis. Krasnodar, 2009. 206 p. (In Russian).
10. Gumilev N.S. Sochineniya (Essays): In 3 Vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1991. Vol. 2. Dramy. Rasskazy / ed by R. Shcherbakov; E. Stepanov. 478 p. (In Russian).
11. Dobrushina H.P. Vozdukh: veshchestvo ili prostranstvo, materiya ili dukh (Air: matter or space, matter or spirit) // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv / ed by N.D. Arutyunov, I.B. Levontin. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P.221 – 228. (In Russian).
12. Dukor I. Problemy dramaturgii simvolizma (Problems of dramaturgy of symbolism). Literaturnoe nasledstvo. T. 27–28. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe obedinenie, 1937. P.106 – 166. (In Russian).
13. Ermakova O.P. Prostranstvennye metafory v russkom yazyke (Spatial metaphors in the Russian language) // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv / ed by N.D. Arutyunova, IB. Levontina. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P.289 – 298. (In Russian).
14. Kobozeva I.M. Grammatika opisaniya prostranstva (Grammar of space description) // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv / ed by N.D. Arutyunova, I.B. Levontina. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P.152 – 163. (In Russian).
15. Kormilov S.I. Osnovnye ponyatiya teorii literatury. Literaturnoe proizvedenie. Proza i stikh. V pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam (Basic concepts of the theory of literature. A literary work. Prose and verse. To help teachers, high school students and applicant). – 2-e izd. Moscow: MSU publ., 2002. 112 p. (In Russian).
16. Kubryakova E.S. O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva (About the concepts of place, object and space) // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv / ed by N.D. Arutyunova, I.B. Levontina. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P.84 – 92. (In Russian).
17. Kutyrev V.A. Krik o nebytii (The cry of nothingness) // Voprosy filosofii. No. 2. 2007. P.66 – 79. (In Russian).
18. Lotman Yu.M. Ob iskusstve (About art). St.Peterburg: Iskusstvo-SPB, 1998. 433 p. (In Russian).
19. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta (The structure of a literary text. Analysis of the poetic text). St.Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 704 p. (In Russian).
20. Murzak, I.I. Khudozhestvennoe vremya i prostranstvo. Khudozhestvennyi obraz (Artistic time and space. Artistic image) // Vvedenie v literaturovedenie / ed by Krupchanova L.M. Moscow: Oniks, 2005. P.258 – 274. (In Russian).
21. Neklyudov S.Yu. Vremya i prostranstvo v byline (Time and space in the epic) // Slavyanskii fol'klor / ed by Putilov B.N., Sokolov V.K. Moscow: Nauka, 1972. 501 p. (In Russian).

22. Pereverzev K.A. Prostranstva, situatsii, sobytiya, miry: K probleme lingvisticheskoi ontologii (Spaces, situations, events, worlds: To the problem of linguistic ontology) // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv / ed by N.D. Arutyunov, I.B. Levontin. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 422 p. (In Russian).
23. Prokof'eva, V.Yu., Pykhtina, Yu.G. Analiz khudozhestvennogo teksta v aspekte ego prostranstvennykh kharakteristik (Analysis of a literary text in the aspect of its spatial characteristics): Workshop for students of the Institute of Arts in the specialty 052700 – Library and information activities. Orenburg, 2006. 214 p. (In Russian).
24. Rodnyanskaya, I.V. Khudozhestvennoe vremya i khudozhestvennoe prostranstvo (Art time and art space) // Lit. entsikl. Slovar'. Moscow: Sov. entsikl., 1987. P.487 – 489. (In Russian).
25. Russkaya grammatika. Moscow: Nauka, 1980. In 2 Vols. Vol. 1. 783 p. (In Russian).
26. Ryabtseva N.K. Razmer i kolichestvo v yazykovoi kartine mira (Size and quantity in the language picture of the world) // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv / ed by N.D. Arutyunov, I.B. Levontin. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 372 p. (In Russian).
27. Selivanov V.V. Prostranstvo i vremya kak sredstva vyrazheniya i formy myshleniya v iskusstve (Space and time as means of expression and forms of thinking in art) // Prostranstvo i vremya v iskusstve. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / ed by Khvalenskaya E. Leningrad: Lenuprizdat, 1988. 381 p. (In Russian).
28. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Moscow: Nauka, 1996. 236 p. (In Russian).
29. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v mire mifopoeticheskogo. Izbrannoe (Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the world of the mythopoetic. Favorites). Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995. 624 p. (In Russian).
30. Tregubchak A.V. Semantika sravneniya i sposoby ee vyrazheniya (Comparison semantics and ways of its expression): abstract of thesis. Moscow, 2008. 23 p. (In Russian).
31. Ushakov D.N. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (Explanatory dictionary of the Russian language). Moscow: Al'ta-Print, 2005. 1216 p. (In Russian).
32. Fedorov F.P. Romanticheskii khudozhestvennyi mir: prostranstvo i vremya (Romantic art world: space and time). Riga: Zinatne, 1988. 454 p. (In Russian).
33. Fedoseeva L.N. Kategoriya lokativnosti v sovremennom russkom yazyke (The category of locativity in the modern Russian language): thesis. Kemerovo, 2013. 450 p. (In Russian).
34. Fedulova U.M. Stilisticheskie funktsii obrashcheniya (Stylistic functions of the address) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2014. No. 1. P.239 – 242. (In Russian).
35. Kholl Dzh. Slovar' syuzhetov i simvolov v iskusstve (Dictionary of subjects and symbols in art). Moscow: KRON-PRESS, 1996. 656 p. (In Russian).
36. Shutaya N.K. Syuzhetnye vozmozhnosti khronotopa «prisutstvennoe mesto» i ikh ispol'zovanie v proizvedeniyakh russkikh klassikov XIX v. (na primere prozaicheskikh proizvedenii A.C. Pushkina, N.V. Gogolya i JI.H. Tolstogo) (Plot possibilities of the chronotope «present place» and their use in the works of Russian classics of the XIX century. (on the example of the prose works of A. C. Pushkin, N. V. Gogol and J. H. Tolstoy) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria. 9. Filologiya. No. 5. 2005. P.64. (In Russian).

Сведения об авторе

Астахова Елена Сергеевна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / blowhelen@mail.ru

Information about the author

Astakhova Elena S. – postgraduate student, Chair of Russian language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / blowhelen@mail.ru

CC BY

УДК 81.811.112

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.23

Т. Г. Борисова

ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ»: СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Данная статья посвящена исследованию особенностей базовых системообразующих модулей терминологии предметной области «Высшее образование» в современном русском языке. В научной парадигме термин «предметная область» не имеет единой дефиниции, и во многих работах отмечается, что он имеет междисциплинарный характер. Предметная область представляет собой специфический континуум конструктов, характеризующихся определенными признаками и свойствами, который связан с профессиональной деятельностью человека.

Материалом исследования послужили монолексемные и полилексемные термины, номинирующие различные стороны образовательного процесса в высших учебных заведениях.

Цель работы заключается в изучении и описании особенностей формирования структуры предметной области «Высшее образование».

Методы обусловлены как спецификой объекта, так и особенностями материала исследования. Они базируются на комплексном анализе эмпирических данных, на компонентном анализе семантической структуры изучаемых терминов, методе тематической классификации.

Системы терминов генерируют основу знаний носителей языка и являются уникальным средством стратификации целого комплекса многочисленных областей науки.

Результаты проведенного исследования показали, что терминология предметной области «Высшее образование» представлена унитарным интегративным континуумом, который имеет высокие стратифицирующие возможности и формируется четырьмя базовыми системообразующими модулями: модуль «Участники образовательного процесса», модуль «Методы, и приемы обучения», модуль «Средства обучения», модуль «Организационные формы обучения». Каждый из модулей представляет самостоятельную единицу классификации, имеет свои специфические параметры и является частью изучаемой терминологии.

Исследуемый терминологический континуум предметной области «Высшее образование» характеризуется открытостью структуры, постоянно пополняясь и эволюционируя, чтобы соответствовать коммуникативным потребностям человека в определенной профессиональной сфере.

Ключевые слова: терминология, предметная область, базовый модуль.

Для цитирования: Борисова Т. Г. Терминология предметной области «высшее образование»: специфика категориально-понятийного структурирования // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.186–192. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.23

Tatyana G. Borisova

TERMINOLOGY OF THE «HIGHER EDUCATION» SUBJECT AREA: SPECIFICS OF CONCEPTUAL AND CATEGORICAL STRUCTURATION

This article focuses on studying characteristics of core system-forming modules of the «Higher education» subject area terminology in the modern Russian language. The subject area is a combination of different objects, their properties and relations. Relevant information on them is needed for carrying out any given type of professional activity adequately. Monolexemic and polylexemic terms nominating different aspects of the university level educational process have been studied. The goal of this work is to study and describe the formation of the «Higher education» subject area structure. The methods applied were chosen based on the nature and defining characteristics of both the object of research and the material being studied. The base of those methods is a comprehensive analysis of empiric data, the semantic structure of the terms studied and the thematic classification technique.

Term systems are a unique means of stratification for the whole complex of scientific knowledge and its many branches, forming a distinctive cognitive continuum that preserves all known data on a given form of scientific work in symbol form.

The study findings show that «Higher education» subject area terminology is represented by a unitary integrative continuum that has major stratifying capabilities and is formed by four core system-forming modules: «Educational process participants», «Methods and techniques of education», «Education tools» and «Forms of education». Each module is a distinct unit of classification having its characteristic parameters and is a part of the terminology that is being studied. The terminological continuum of the «Higher education» subject area is characterized by its open structure. It grows and evolves constantly to meet the communicative needs of those working in this professional field.

Key words: terminology, subject area, core module.

For citation: Borisova T. G. Terminology of the «higher education» subject area: specifics of conceptual and categorical structuration // Humanities and law research. 2021. No.4. P.186–192. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.23

Исследование языка науки как системы, направлено на изучение особенностей его корреляции с мышлением, способов кодирования, хранения и передачи специального знания. Язык, постоянно эволюционируя, представляет собой крайне продуктивное и динамичное явление, поэтому невозможно переоценить его роль во всех сферах жизни и деятельности человека.

Л.Ю. Буянова подчеркивает, что язык науки является особой репрезентационной системой, языком особой сферы человека, это не отдельное пространство, находящееся за рамками общенационального языка, а его равноправная составляющая часть, которая характеризуется социальной предназначенностью, системностью уровневой организации, как и общелитературный язык, т.е. язык науки имеет фонетический, морфологический, лексический и синтаксический уровни [5, с. 95].

Общепризнанно, что язык для специальных целей представляет собой совокупность определенных понятий, которые тесно связаны между собой, и состоит из терминосистемы, категориально-понятийного аппарата, а также выработанных средств и требований к формированию понятийного аппарата и терминов [12].

По мнению Л.Ю. Буяновой, «с учетом понятийной и структурно-функциональной сложности, гетерогенности рассматриваемых стратумов (субконтинуумов), динамичности и эволюционности потенциала и способности их саморазвития, многоаспектности актуальных связей, отношений и процессов сегодня релевантна вариативная модель (схема) стратификации языка науки, в которой конституентами выступают следующие субконтинуумы:

1) научно-технический;
2) естественнонаучный;
3) информационно-технологический (компьютерный);
4) медицинский (в единстве теоретического и практического, прикладного аспектов);
5) гуманитарный;
6) масс-медийный (язык СМИ и СМК);
7) социально-экономический;
8) лингвистический (языкознания).

Данная стратификация отражает существующую в настоящее время функциональную речеязыковую автономизацию и специализацию, детерминируемые и экстралингвистической реальностью, спецификой точных и «неточных» наук, отражая подвижность и неабсолютный характер их дифференциальных, конституирующих признаков и границ» [5, с. 111-112].

Окружающий нас мир стремительно изменяется, и наука, отличаясь интегральностью и континуальностью, реализует эти качества в языке для специальных целей, в частности в терминологии. Язык науки функционирует по определенным законам, имеет специфические понятийно-концептуальные и структурно-стилистические признаки и особенности их актуализации [4, с.100].

Современные исследования в гуманитарной сфере направлены на многоаспектное изучение специфических лингвистических объектов, в которых рассматриваются самые важные итоги когнитивного освоения мира. В языкознании одним из таких явлений считается предметная область, основные признаки и свойства которой ещё в полной мере не исследованы и не описаны.

Ученые считают предметную область моделью, окружающей нас действительности, так как она характеризует самые важные ее объекты, признаки и свойства [14, с.16].

Следует отметить, что терминология предметной области «Высшее образование» представлена унитарным интегративным континуумом, который имеет высокие стратифицирующие возможности. Системы терминов генерируют основу знаний носителей языка и являются уникальным средством стратификации целого комплекса многочисленных областей науки.

Исследуя терминологию предметной области «Высшее образование», мы отмечаем, что предметная область – это часть реального мира, действительности, связанная со сферой деятельности человека; это совокупность различных объектов, их свойств и отношений, релевантная информация о которых нужна для успешного осуществления определенного вида профессиональной деятельности [2, с.9].

Опираясь на основные постулаты современного когнитивного терминоведения, следует подчеркнуть, что проблема категориально-понятийного структурирования терминологии является насущной. Категориально-понятийная дифференциация научного континуума, закономерно проецируется на терминологическое пространство и обусловливает соответствующие классификации. Так, ученые отмечают, что категория соединяет многочисленные ощущения человека и различные формы материи в определенные объединения [6, с.19].

Категоризацию можно трактовать по-разному: 1) это подведение любой сущности под определенный раздел опыта и распознавание этой сущности в качестве участника этой категории; 2) это формирование и выявление самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств [9, с.307].

Основу классификации составляет дифференциация терминов с учетом обозначаемых ими понятий какой-либо специальной области знаний или деятельности [10, с. 172].

По нашему мнению, процесс классификации исследуемой терминологии должен базироваться на уже существующей практике ее упорядочения

в других областях знания, учитывая специфику понятийных проблем, характерных для процесса образования в целом. Процесс классификации предполагает получение главного результата: идентификация и репрезентация объективной системы дифференциации предметов и явлений реальной действительности, закрепление логических связей между классами объектов.

Мы предполагаем, что наиболее полное описание какой-либо терминологической системы основывается на анализе отдельных объединений слов, которые мы называем модулями. Изучение терминологии предметных областей невозможно без выделения базовых понятийно-тематических модулей.

Семантико-понятийная категоризация науки делает возможным определить структуру категориально-понятийной модели предметной области «Высшее образование» и роль каждой терминологической единицы в общей системе, репрезентируя внешние и внутренние связи.

В терминоведении ученые (С.В. Гринев [7], Т. Л. Канделаки [8], Д. С. Лотте [11] и др.) традиционно выделяют общие категории предметов, процессов, свойств, величин.

На современном этапе развития науки термин «модуль» является междисциплинарным и активно используется в различных областях знаний: ракетостроении, судостроении, рекламе, программировании и т.д.

В лексикографических источниках термин «модуль» дефинируется как отделяемая, относительно самостоятельная часть какой-л. системы, организации [2, с. 500].

На наш взгляд, термин «модуль», выбранный в качестве обозначения единицы категоризации терминологии предметной области «Высшее образование», имеет определенные параметры:

1) является составной частью чего-то большего;
2) сам состоит из более мелких компонентов.

Следовательно, исследуемая терминология представляет собой объединение понятийно-тематических модулей, которые, в свою очередь, являются совокупностью более мелких группировок (субмодулей), взаимосвязанных между собой на основе тематического принципа.

В процессе дифференциации терминов предметной области «Высшее образование» на понятийно-тематические модули мы применяли метод компонентного анализа, в ходе которого была определена лексема- идентификатор с обобщенным значением. Например, определение термина «ассистент» в высших учебных заведениях – младшая преподавательская должность, а также лицо, занимающее эту должность [13, т. 1, с.49] указывает на то, что исследуемый термин принадлежит общей категории «предмет / лицо» (граммема), имеет в своей семантической структуре гиперсему «участники образовательного процесса», которая в данном случае представлена эксплицитно.

В результате проведенного анализа понятийно-категориальной основы исследуемой терминологии, характеризующейся специфическим когнитивным потенциалом, мы можем утверждать, что терминов, относящихся к общей категории предметности, в количественном плане больше других, а также выделить в самом общем плане следующие базовые понятийно-тематические модули:

1) модуль «Участники образовательного процесса»
2) модуль «Методы и приемы обучения»
3) модуль «Средства обучения»
4) модуль «Организационные формы обучения».

Модуль «Участники образовательного процесса»: абитуриент, аспирант, ассистент, бакалавр, выпускник, дипломник, докторант, доцент, консультант, куратор, магистр, магистрант, методист, научный консультант, научный руководитель диссертации, оппонент, практикант, (старший) преподаватель, профессор, рецензент, руководитель выпускной квалификационной работы, руководитель практики, слушатель, специалист, студент, тьютор и др. Образовательный процесс определяет, устанавливает, формирует целостную систему педагогических взаимоотношений преподавателя и обучающихся.

Термины-номены участников образовательного процесса объединяются в один модуль на основании наличия в их значении следующих сем:

1) граммема «предметность» / «лицо»;
2) гиперсема «участники образовательного процесса».

Гипосемы – дифференциальные семы – делят изучаемый модуль наименований на два субмодуля:

1) «лица, обучающие других»: ассистент, доцент, куратор, методист, профессор, тьютор и т. д.;
2) «лица-обучающиеся»: аспирант, бакалавр, магистрант, практикант, слушатель студент и т. д.

Рассматривая структуру исследуемых терминов-номенов участников образовательного процесса, следует отметить, что большинство из них являются монолексемными (ассистент, бакалавр, доцент, консультант, куратор, магистрант и др.), полилексемных меньше (руководитель выпускной квалификационной работы, руководитель практики и др.).

Таким образом, модель описываемого модуля «Участники образовательного процесса» может быть представлена в виде трехуровневого образования с вершиной – термином «участник».

Модуль «Методы и приемы»: вебинар, консультация, лекция, семинар, практическое занятие, лабораторная работа, работа с учебником, электронные учебники, электронные словари и справочники, интернет-сайт, мультимедийное оборудование, аудио- и видеофайлы, видеокон-

ференция, цифровое обучение, образовательный портал, информационное пространство и т. д. Описываемый модуль является наиболее многочисленным. Это объясняется нахождением новых методов обучения или реконструкцией старых в связи со стремительным развитием науки и техники, появлением инновационных технологий, изменением во всех сферах жизни.

Методы, применяемые в процессе обучения, необходимы для теоретического и практического усвоения различных учебных дисциплин. Методы обучения предполагают обязательное использование приемов. В методике прием рассматривается как конкретные действия преподавателя с целью сообщения знаний, формирования навыков и умений, стимулирования учебной деятельности обучающихся. В структуре каждого метода обучения могут быть выделены определенные приемы, реализующие содержание метода на занятиях. Специальной учебной задачи прием не имеет, а при ее решении может быть использован с помощью данного метода [1, с.211].

Термины, номинирующие методы и приемы обучения, формируют один модуль на основании наличия в их значении следующих сем:

1) граммема «предметность»;

2) гиперсема «методы и приемы обучения».

Гипосемы делят изучаемый модуль наименований на следующие пять субмодулей:

1) «передача знаний»: беседа, наглядные пособия, опыты, инструктаж, консультация, лекция, работа с учебником, объяснение, пример, рассказ, экскурсия и др.

В результате дальнейшего анализа семантической структуры терминов субмодуля «передача знаний» можно выделить такую потенциальную, имплицитную сему, как «способ передачи знаний (наглядный / словесный)»:

а) «наглядный»: наглядные пособия, опыты, лабораторная работа и др.;

б) «словесный»: беседа, диалог, доклад, коллоквиум и др.

2) «усвоение и закрепление знаний»: аннотация, аудирование, выполнение дифференцированных заданий, доклад, коллоквиум, конспект, конференция, лабораторная работа, реферат, семинар, систематизация изученного материала, составление обобщающих презентаций, составление обобщающих таблиц и др.

В значении терминов субмодуля «усвоение и закрепление знаний» можно выделить такую потенциальную, имплицитную сему, как «способ работы (самостоятельная / под руководством преподавателя):

а) «самостоятельная работа»: аннотация, доклад, конспект, реферат, рецензия и др.;

б) «работа под руководством преподавателя»: коллоквиум, конференция, лабораторная работа, семинар и др.

3) «развитие мышления»: алгоритм, гипотеза, дискуссия, исследование, логическая задача, логическая игра, моделирование, мозговой штурм, проблемная ситуация, проект, самообразование, специальные упражнения, тесты на определение IQ, эксперимент и др.

В значении терминов субмодуля «развитие мышления» можно выделить такую потенциальную, имплицитную сему, как «вид мышления (логическое / образное)»:

а) «логическое мышление»: абстрагирование, анализ, гипотеза, дискуссия, логическая задача, логическая игра, логические цепочки, моделирование, онлайн-тренажеры, проблемная ситуация, синтез, сравнение, эксперимент и др.;

б) «образное мышление»: воспроизведение в деталях увиденного объекта, мозговой штурм, описание явления по памяти, проект и др.

4) «моделирование ситуаций»: знаковые модели, игра (деловая, компьютерная, ролевая), игра-имитация, наглядно-образные модели, описательные (концептуальные) модели, соревнование, интервью, театрализация, тренинг и др.

В результате анализа семантической структуры терминов субмодуля «моделирование ситуаций» потенциальных, имплицитных сем нами выявлено не было.

5) «контроль и оценка знаний»: балл, балльно-рейтинговая система, экспертная оценка, зачет, контрольная работа, коэффициент усвоения, мониторинг, рейтинг, рейтинг-лист, оценка, самоконтроль, собеседование, терминологический диктант, тест, экзамен и др.

В значении терминов субмодуля «контроль и оценка знаний» можно выделить такую потенциальную, имплицитную сему, как «вид контроля (устный / письменный)»:

а) «устный контроль»: зачет, коллоквиум, собеседование, экзамен и др.;

б) «письменный контроль»: контрольная работа, тест, терминологический диктант и др.

Анализируя структуру исследуемых терминов, номинирующих методы и приемы обучения, отметим, что большинство из них являются монолексемными (алгоритм, гипотеза, дискуссия, исследование, лабиринт, моделирование и др.), полилексемных меньше (проблемная ситуация, контрольная работа, деловая игра, психологический тренинг и др.).

Таким образом, модель исследуемого модуля «Методы и приемы обучения» может быть представлена в виде четырехуровневого образования с вершиной – термином «метод / прием».

Модуль «Средства обучения»: база данных, карта, лабораторное оборудование, макет учебный, модель, мультимедийное оборудование,

обучающая программа, обучающие платформы, тренажер, электронная библиотека, электронные словари и справочники и др.

Средства обучения – это различные объекты, используемые преподавателем и обучающимися; это разнообразные материалы и предметы образовательного процесса, которые служат для более успешного достижения поставленных целей, для ускорения процесса усвоения учебного материала. Средства обучения образуют, как правило, типовой учебный комплекс, Его обязательными компонентами являются учебник, материалы для преподавателя, в то время как другие компоненты призваны конкретизировать и дополнять содержание учебника, не выходя за пределы зафиксированного в программе учебного материала [1, с.291-292].

Термины, номинирующие средства обучения, формируют единый модуль на основании наличия в их значении следующих сем:

1) граммема «предметность»;
2) гиперсема «средства обучения».

Гипосемы делят изучаемый модуль наименований на следующие два субмодуля:

1) «технические средства обучения»: аудиозапись, видеозапись, информационно-поисковые системы, компьютер, системы мультимедиа, обучающая программа, он-лайн конференция, он-лайн курс, презентация, сканер и др.;
2) «семиотические средства обучения»: график, диаграмма, карта, криптограмма, макет, модель, наглядные учебные пособия, рисунки, семиотический контекст, снимки, таблицы, тематическое портфолио, формулы и др.

Термины, называющие средства обучения, являются как монолексемными (снимки, диаграмма, иллюстрация, карта, картина, криптограмма, модель, наглядность, рисунки, таблицы и др.), так и полилексемными (наглядные учебные пособия, обучающая программа, online-курс и др.).

Таким образом, модель описываемого модуля «Средства обучения» может быть представлена в виде трехуровневого образования с вершиной – термином «средство».

Модуль «Организационные формы обучения»: дистанционное обучение, дополни¬тельное образование, занятия внеаудиторные, занятия заочная форма обучения, интегрированного характера, занятия факультативные, лабораторные, лекционные / практические / семинарские, очная форма обучения, подгото¬вительные курсы, проблемная группа, работа внеаудиторная, работа домашняя, работа самостоятельная, репетиторство, учебная практика и др.

Как известно, организационные формы обучения представляют собой определенные виды занятий, которые отличаются друг от друга по разным параметрам, например, целями, составом обучающихся, местом проведения, продолжительностью, содержанием образовательного процесса и т.д. Следовательно, организационные формы обучения являются своеобразными модификациями общения преподавателя с обучающимися в ходе учебного процесса и упорядочивают соотношение индивидуального и коллективного в обучении, степень активности обучающихся в познавательной деятельности и преподавателя в направлении такой деятельности. Организационные формы обучения являются компонентами системы обучения. В организации обучения может доминировать управляющая роль преподавателя [1, с.177].

Термины, номинирующие организационные формы обучения, формируют единый модуль на основании наличия в их значении следующих сем:

1) граммема «предметность»;
2) гиперсема «формы обучения».

Гипосемы делят изучаемый модуль наименований на следующие три субмодуля:

1) «фронтальная форма»: проблемная лекция, репродуктивные задания, творческие задания и др.
2) «групповая форма»: деловые игры, конференции, лекции, олимпиады, проблемные группы, производственная практика, семинары, учебная практика и др.
3) «индивидуальная форма»: репетиторство, тьюторство, самообучение и др.

Анализируя структуру исследуемых терминов-номенов организационных форм обучения, отметим, что они являются как монолексемными (вебинар, конференция, лекция, семинар и др.), так и полилексемными (деловые игры, проблемная лекция, проблемные группы и др.).

Таким образом, модель описываемого модуля «Организационные формы обучения» может быть представлена в виде трехуровневого образования с вершиной – термином «форма».

Как мы можем наблюдать, многие исследуемые термины относятся и к общеупотребительной лексике, поэтому терминология предметной области «Высшее образование» имеет прозрачные границы.

Проведенный нами анализ терминологии предметной области «Высшее образование» позволил рассмотреть особенности ее структурирования в современном русском языке и выявить роль в актуализации современного научного знания.

Терминология предметной области «Высшее образование» имеет параметры, характерные для абстрактных систем. Во-первых, это целостность, то есть тесная взаимосвязанность составляющих элементов специальной области, следовательно, структура терминологии исследуемой предметной области образована определенным образом. Во-вторых, открытость к пополнению

новыми терминологическими единицами. Следовательно, динамика изучаемого терминологического континуума обусловлена как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами.

Все это свидетельствует о непрерывном развитии образовательного процесса в высшей школе и эволюции его терминологии.

Какая-либо предметная область вызывает интерес исследователей, если она постоянно изменяется и эволюционирует: обогащается ее состав, регулируются отношения между терминологическими единицами и обновляется потенциал языковых и речевых средств осуществления профессиональной коммуникации.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2010. 448 с.
2. Апалько И.Ю. Когнитивные, семиотические и прагматические основания формирования предметной области «Защита информации»: дис. … д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 341 с.
3. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: АСТ, 2002. 960 с.
4. Борисова Т.Г. Деривационная категория вещественности в русистике: опыт теоретического описания: монография. Ставрополь: СГПИ, 2006. 198 с.
5. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. М.: Флинта, 2014. 249 с.
6. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта, 2011. 224 с.
7. Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
8. Канделаки Т.Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники: логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М.: Наука, 1970. С. 3-39.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
10. Лейчик В.М. Исходные понятия, основные положения, определения современного терминоведения и терминографии // Вестн. Харьков. политехн. ун-та. 1994. Т. 19. Вып. 1. С. 147-180.
11. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии : вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 160 с.
12. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. М.: Либроком, 2010. 146 с.
13. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. Т.1-4. М.: АН СССР. Ин-т русского языка, 1981-1984.
14. Тлехатук С.Р. Предметная область «Экономика»: когнитивно-семиотический аспект: дис. … д-ра филол. наук. Майкоп, 2017. 386 с.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam) (New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching). Moscow: IKAR, 2010. 448 p. (In Russian).
2. Apal'ko I.Yu. Kognitivnye, semioticheskie i pragmaticheskie osnovaniya formirovaniya predmetnoy oblasti «Zashchita informatsii» (Cognitive, semiotic and pragmatic foundations of the formation of the subject area «Information Security»): thesis. Rostov-on-Don, 2013. 341 p. (In Russian).
3. Bol'shoy illyustrirovannyy slovar' inostrannykh slov (Large illustrated dictionary of foreign words). Moscow: AST, 2002. 960 p. (In Russian).
4. Borisova T.G. Derivatsionnaya kategoriya veshchestvennosti v rusistike: opyt teoreticheskogo opisaniya (The derivational category of materiality in Russian studies: the experience of theoretical description): monografiya. Stavropol': SSPI publ., 2006. 198 p. (In Russian).
5. Buyanova L.Yu. Terminologicheskaya derivatsiya v yazyke nauki: kognitivnost', semiotichnost', funktsional'nost' (Terminological derivation in the language of science: cognition, semiotics, functionality). Moscow: Flinta, 2014. 246 p. (In Russian).
6. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie (Terminological derivation in the language of science: cognition, semiotics, functionality). Moscow: Flinta, 2011. 224 p. (In Russian).
7. Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie (Introduction to terminology). Moscow: Moskovskiy litsey, 1993. 309 p. (In Russian).
8. Kandelaki T.L. Znacheniya terminov i sistemy znacheniy nauchno-tekhnicheskikh terminologiy (Meanings of terms and systems of meanings of scientific and technical terminology) // Problemy yazyka nauki i tekhniki: logicheskie, lingvisticheskie i istoriko-nauchnye aspekty terminologii. Moscow: Nauka, 1970. P. 3-39. (In Russian).
9. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira (Language and Knowledge: Towards a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The role of language in the knowledge of the world). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 p. (In Russian).
10. Leychik V.M. Iskhodnye ponyatiya, osnovnye polozheniya, opredeleniya sovremennogo terminovedeniya i terminografii (Initial concepts, basic provisions, definitions of modern terminology and terminography) // Vestn. Khar'kov. politekhn. un-ta. 1994. Vol. 19. Issue. 1. P. 147-180. (In Russian).
11. Lotte D.S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii: voprosy teorii i metodiki (Fundamentals of building scientific and technical terminology: questions of theory and methods). Moscow: SA of USSR publ., 1961. 160 p. (In Russian).

12. Nikitina S.E. Semanticheskiy analiz yazyka nauki: Na materiale lingvistiki (Semantic Analysis of the Language of Science: On the Material of Linguistics). Moscow: Librokom, 2010. 146 p. (In Russian).
13. Slovar' russkogo yazyka (Dictionary of the Russian language). Vol.1-4. Moscow: SA of USSR, 1981-1984. (In Russian).
14. Tlekhatuk S.R. Predmetnaya oblast' «Ekonomika»: kognitivno-semioticheskiy aspect (Subject area «Economics»: cognitive-semiotic aspect): thesis. Maykop, 2017. 386 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Борисова Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь, Россия) / kafedrarus@bk.ru

Information about the author

Borisova Tatyana G. – Doctor of Philology, Professor, Head of Chair of Russian, native languages and linguodidactics, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia) / kafedrarus@bk.ru

CC BY

УДК 81’ 371

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.24

С. В. Гусаренко
И. А. Орден

ПРЕДИКАТ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ФРЕЙМА

В приведенной статье исследуются теоретические основания, позволяющие рассматривать предикат как главный организующий семантический элемент семантико-синтаксического фрейма. В ходе исследования определен ряд закономерностей функционирования предикатов в рамках фреймов. Предикат следует рассматривать и как структурно-семантический центр предложения, и как структурообразующий элемент семантико-синтаксического фрейма. Также в статье дается обоснование целесообразности использования термина «ядерный предикат» по отношению к наиболее значимым компонентам первого уровня терминалов, в которых в общем виде описываются основные события, состояния, действия семантико-синтаксического фрейма. Ядерный предикат включен в макропропозицию или ядерную пропозицию, в которых в общем виде описываются основные события, состояния, действия семантико-синтаксического фрейма.

Данное исследование в области ядерных предикатов позволит восполнить представления о семантике фреймов как структурно-семантического основания художественного нарратива.

В рамках исследования мы установили, что ядерный предикат является организующим семантическим центром фрейма в его семантико-синтаксическом представлении. Он входит в состав ядерной пропозиции фрейма или макропропозиции и занимает верхний узел (терминал) фрейма. Ядерный предикат в своей семантике содержит структурное описание фрейма на уровне верхних его терминалов, поскольку обладает стандартным набором валентностей, каждая из которых может рассматриваться в качестве слота в определенном терминале фрейма.

Для достижения максимальной полноты описания семантики ядерных предикатов целесообразно проводить его на основе их представления в семантико-синтаксическом фрейме в нарративе. Перспективной видится идея составления словарей фреймов с опорой в том числе и на их ядерные предикаты, поскольку именно предикаты выступают естественным элементом фрейма, связывающим воедино все его структурно-семантические составляющие.

Ключевые слова: фрейм, ядерный предикат, семантико-синтаксическая классификация, пропозиция, терминал.

Для цитирования: Гусаренко С.В., Орден И.А. Предикат как структурообразующий и функционально-семантический компонент семантико-синтаксического фрейма // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С.193–200. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.24

Sergei V. Gusarenko
Irina A. Orden

PREDICATE AS A STRUCTURE-FORMING AND FUNCTIONAL-SEMANTIC COMPONENT OF A SEMANTIC-SYNTACTIC FRAME

The article actualizes the theoretical foundations that allow us to consider the predicate as the main organizing semantic element of the semantic-syntactic frame, reviews the features of the functioning of predicates within frames. The predicate should be considered both as the structural and semantic center of the sentence, and as a structure-forming element of the semantic-syntactic frame. The article also provides a rationale for the usage of the term nuclear predicate in relation to the most multi-valued components of the first level of terminals, in which the main events, states, actions of the semantic-syntactic frame are described in a general way. . The nuclear predicate is included in a macro-proposition or nuclear proposition, in which the main events, states, and actions of the semantic-syntactic frame are described in a general way.

The study of nuclear predicates is intended to supplement the understanding of the semantics of frames as the structural and semantic basis of the literary narrative.

As a part of the study, we had found that the nuclear predicate is the organizing semantic center of the frame in its semantic-syntactic representation. It is a part of the nuclear frame proposition or macro proposition and occupies the upper node (terminal) of the frame. The nuclear predicate in its semantics contains a structural description of the frame at the level of its upper terminals, since it has a standard set of valences, each of which can be considered as a slot in a certain terminal of the frame.

To achieve the maximum completeness of the description of the semantics of nuclear predicates, it is advisable to conduct it on the basis of their representation in a semantic-syntactic frame in the narrative. The idea of compiling dictionaries of frames based, among other things, on their nuclear predicates seems promising, since it is predicates that act as a natural element of the frame, linking together all its structural and semantic components.

Key words: frame, nuclear predicate, semantic-syntactic classification, proposition, terminal.

For citation: Gusarenko S. V., Orden I. A. Predicate as a structure-forming and functional-semantic component of a semantic-syntactic frame // Humanities and law research. 2021. No.4. P.193–200. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.24

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить теоретические основания, на которых предикат может рассматриваться как главный организующий семантический элемент семантико-синтаксического фрейма. При этом мы будем исходить из того, что семантико-синтаксический фрейм как строевой элемент семантики текста имеет пропозициональную природу [13].

Сразу отметим, что пропозиция, как правило, представляется в соотнесенности с предикатами пропозициональной установки [19, с. 8]. Пропозиция отображает факт действительности, преломленный через призму видения говорящего/пишущего и адресата, с той мерой достоверности, с которой они ее себе представляют [8, с. 161]. Е. В. Падучева в работе «Высказывание и его соотнесенность с действительностью» утверждает, что пропозиция – это такая семантическая структура, которая отражает факты действительности на концептуальном уровне и является результатом предикации [19, с. 13], то есть сам факт формирования пропозиции как строевого элемента высказывания связан с лингвистической предикацией. Поэтому традиционно в структуру пропозиции включают следующие компоненты:

– термы (имен), которые отображают предметы, лица, явления, то есть определенные сущности;
– предикаты, которые отображают свойства этих сущностей и отношения между ними [23, с. 602-603].

За предикатом сохраняется главная роль в структуре пропозиции, так как предикат указывает на отношения между сущностями (термами). Предикат – это часть суждения, которую содержит высказывание [37, с. 125]. Именно в нем актуализируется результат суждения, то есть предикат в общем смысле – это важнейшая часть суждения, его значимая часть, высказанная (заключенная) о каком-либо субъекте.

Именно из пропозиционального понимания предиката «как функции от множества переменных» [22, с. 71] вытекает признание за ним главной роли в структуре пропозиции. Это суждение находит последовательное обоснование в работах Ш. Балли [31], Л. Теньера [27], Ч. Филлмора [28, с. 369-493].

Существенное замечание о связи семантико-синтаксического фрейма и пропозиции делает Солодилова И.А., когда утверждает, что «актуализированный сознанием фрейм соответствует референциальному содержанию пропозиции, а то, что составляет содержание предикации, структурно совпадает с величинами, обозначаемыми в модели Ч, Филлмора как «величины по умолчанию» [25, с. 16].

Сказанное позволяет сделать вывод, что предикат следует рассматривать и как структурно-семантический центр предложения, и как структурообразующий элемент семантико-синтаксического фрейма. При этом семантические отношения между аргументами и предикатом целесообразно выражать в терминах, соотносимых с понятием глубинного падежа по Ч. Филломору [28, с. 405].

Основы семантической классификации предикатов были заложены Ю. С. Масловым и З. Вендлером еще в середине прошлого века [16]. Советский и американский профессора независимо друг от друга утвердили связь глагола с его лексическим значением. Оба лингвиста создали лексико-семантические классификации глаголов, которые позднее сравнивали советские лингвисты Ю. Д. Апресян [2] и Е. В. Падучева [20].

З. Вендлер выделял 4 основных акциональных (категориальных) класса:

– стативные глаголы/states (существовать, презирать);
– глаголы деятельности/activities (гулять, заваривать);
– глаголы совершения/accomplishments (покрасить, разрушить, открыть);
– глаголы достижения/achievements (выиграть).

Также есть еще один обычно не учитываемый дополнительный класс, включающий обобщенные глаголы деятельности (по типу руководить, управлять) [36].

Однако со временем ученые столкнулись с недостаточностью данной классификации: ее трудно было применять в рамках сравнительного языкознания, когда актуализируются различия видовременных систем различных языков (или их полное отсутствие).

Как мы уже говорили, классификация З. Вендлера во многом схожа с классификацией Ю.С. Маслова [16]. Ю.С. Маслов в своей классификации особенно выделял важность связи грамматической семантики русского вида и лексической семантики глагола. Формально глаголы разделены так: непарные глаголы несовершенного вида (I), непарные глаголы совершенного вида (II), видовые пары глаголов (III) [20, с. 3]. При этом Ю. С. Маслов открыл связь между принадлежностью глагола к одному из этих классов и его лексической семантикой.

Важную роль в классификации Ю.С. Маслова играют видовые пары. По его мнению, без них невозможно было бы делить глаголы на разряды: «глаголы совершенного вида и несовершенного вида образуют видовую пару, если несовершенный вид может «заменять» совершенный вид в контексте наст. исторического и в контексте многократности» (ср. чувствовать – почувствовать и любить – полюбить) [20, с. 3].

В то же время при наложении классификации З. Вендлера на почву русских глаголов возникали трудности, потому что в вендлеровские классы «попадал не глагол как целое, а видовые формы по отдельности. Сам З. Вендлер классифициро-

вал глагол как таковой (а не формы прогрессива или перфекта)» [20, с. 6]. В целом отметим, что классификация З. Вендлера строится не на семантике, а на сочетаемости, поэтому в дальнейшем вопрос акциональных классов разрабатывался и дополнялся. Ю.С. Маслов же построил классификацию на семантическом соотношении между видовыми формами глагола. Однако в рамках сопоставления классификаций становится возможным разграничение глаголов, для которых исходной является совершенная форма и глаголов, для которых исходный вид – несовершенный. Позднее труды двух ученых стали называть классификацией Маслова-Вендлера, известной также как «таксономическая» или «онтологическая» классификация [3, с. 16].

В целом в обеих классификациях, по мнению Е.В. Падучевой, выведены следующие сходства:

– непарность глаголов у одновидовых глаголов получила семантическое объяснение;
– обозначаются границы возможной процессуализации перфективов.

Однако у З. Вендлера и Ю.С. Маслова обнаруживаются следующие различия:

– внутри акциональных классов Ю.С. Маслов выводит тематические (например, сюда входят перформативы, поведенческие глаголы, глаголы положения и др.);
– Ю.С. Маслов полагает, что в семантике глаголов совершенного вида типа прожить, пожить есть количественная ограниченность протекания действия;
– З. Вендлер не предусматривает прогрессив и перфект (из-за этого в русском глаголе должна учитываться одна из видовых форм глагола) [20, с. 10].

Подводя итог, Е.В. Падучева пишет, что благодаря принятому в лексико-семантических классификациях Национального корпуса русского языка принципу фасетности (учитываются сразу нескольких классификаций, проведенных по разным основаниям), можно вывести «новые классификации (мереологическую, топологическую, аксиологическую и другие), при этом в каждой отдельной классификации сохраняется иерархичность, со всеми вытекающими из немногочисленными удобствами» [20, с. 18].

В рамках семантической классификации последовательно подтверждается, что «большинство сочетаемостных характеристик глагола привязано именно к семантическим признакам» [21, с. 128]. В основе данной классификации находится связь между значением предиката и временным развертыванием ситуации. Часть предикатов отражает лишь актуальный, эпизодический признак [10, с. 5]. Другая часть, напротив, актуализирует вневременной, устойчивый признак. В ряде предикатов временной план можно вывести только из контекста.

Еще через два года в совместной с О.Н. Ляшевской работе «Онтологические категории имен эмоций» Е.В. Падучева обозначит важную поправку относительно независимости тематической и категориальной (акциональной) классификаций: «состояния, отношения, события есть и в других тематических классах. Между тем, чувства – класс уникальный: они существуют только в тематическом классе имен эмоций» [14, с. 31].

Базируясь на исследованиях З. Вендлера и Ю.С. Маслова, проблему классификации предикатов в дальнейшем поднимали в своих работах Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, А. Бальвег-Шрамм, С. Дик, Дж. Миллер, О.Н. Селиверстова, Е.В.Падучева, Ч. Филлмор, У. Чейф и другие ученые.

Сегодня исследователи традиционно различают две классификации глагольной лексики:

Во-первых, выделяются традиционные семантические – тематические – классы [14]. Тематические классы образуют глаголы движения, речи, воли, восприятия, знания/мнения, эмоций, физического воздействия, создания, существования, звука и т. д. К примеру, семантические классы глаголов в НКРЯ – это тоже тематические классы [12].

Во-вторых, выделяют акциональные классы, являющиеся преемниками аспектуальных классов З. Вендлера [36].

Отметим, что обе классификации – тематических и акциональных классов – практически полностью независимы и самодостаточны. Состояния могут быть физическими (залегать), физиологическими (недоедать), ментальными (предполагать), эмоциональными (печалиться). Ментальный глагол, напротив, может выражать действие (решать <задачу>), деятельность (размышлять), состояние (понимать), происшествие (ошибиться) [14]. Нельзя забывать, что лексика как классификационная система является «нестрогой иерархией с многократно пересекающимися семантическими классами и подклассами» [3, с. 11].

Ю.Д. Апресян, также работавший над проблемой функциональной классификации предактов, считает предикатами любые валентные лексемы [5, с. 7]. Его классификация лексикографически ориентирована, поэтому концептуально отличается от предыдущих классификаций. Она представляет собой «нестрогую многоуровневую иерархию с многочисленными пересечениями классов», все глаголы в ней являются «прототипическими именами действий, занятий, воздействий и процессов» [5, с. 8] и сгруппированы схоже со структурой многозначных глаголов. При этом прототипическим действием считаются «глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив ‘делать’, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, укладывается в один раунд наблюдения» [5, с. 11 – 12].

Если у прошлых классификаций была аспектологическая ориентация (связь класса глагола с категорией вида, то классификация Ю. Д. Апресяна ориентирована «на выявление закономерных связей между семантическим классом лексических значений и всеми прочими свойствами входящих в него лексем» [5, с. 10]. То есть Ю. Д. Апресян учитывает в ней залог и наклонение глаголов, а также синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические свойства, словообразовательные типы и многозначность.

Приведем основные классы классификации Ю.Д. Апресяна с примерами [5, с. 11]. Классы верхнего уровня:

– действия (писать)
– деятельности (торговать);
– занятия (играть);
– воздействия (размывать);
– события (встретить);
– процессы (расти);
– проявления (светить);
– положения (стоять);
– состояния (знать);
– свойства (заикаться);
– способности (говорить по-русски);
– параметры (вмещать);
– существования (бывать);
– отношения (равняться);
– оценки (превосходить);
– интерпретации (ошибаться) и т. д.

Каждый класс верхнего уровня имеет свои подклассы, например, подклассы действия – моментальные глаголы, перемещения и т.п. и Каждый из обладает семантически мотивированными общими свойствами. Кроме того, размыты границы между классами – они могут пересекаться как по вертикали, так и по горизонтали.

Говоря о грамматических свойствах классификации, нужно отметить, что категория вида у Ю.Д. Апресяна имеет три тесно связанных с идеей каузатора, а значит и между собой значения; профетическое, потенциальное и актуально-длительное, [5, с. 15] При этом последнее служит сильнейшим показателем различий между разными классами предикатов.

В русском языке у прототипических действий есть все залоговые формы. При этом наблюдается обратная пропорциональность со степенью акциональности глагола – чем менее он акционален, тем вероятнее, что у него нет ряда залоговых форм [5, с. 17]. К примеру, мы не скажем костер был видим мной (отсутствует страдательная форма несовершенного вида на –ся).

Касаемо категории наклонения Ю.Д. Апресян указывает, что чем ближе значение к стояниям, тем менее вероятность наличия у глагола формы повелительного наклонения или прототипического значения побуждения [5, с. 17-18].

Окружение предиката составляют актанты и сирконстанты (подробнее см. пункт 1.2). Ю.Д. Апресян в своей классификации разводит классы по количеству актантов: действие (до семи актантов), деятельность (обычно не больше трех актантов), занятие (один-два актанта), воздействие (два актанта), положение в пространстве (два актанта), состояние (два актанта) и т. д. [5, с. 18-19].

Хотя в современной лингвистической науке до сих пор нет единого взгляда на актанты и сирконстанты, еще раз подчеркнем, что те и другие являются значимыми участниками ситуации, при этом актанты называют предмет или лицо, а сирконстанты – обстоятельства и условия ситуации (время, место, время, причину и т. д.) [27]. Без актанта предложение чаще всего не будет законченным, в то время как без сирконстанта вполне может обойтись.

Е. В. Падучева полагает, что сирконстанты могут быть обязательными, если служат параметрами пропозиции, допустим, называют время совершения действия [19]. В то же время Ю. Д. Апресян считает, что актанты бывают факультативными компонентами ситуации [4].

Классификации семантических типов предикатов, основанные на ролевой семантике, последовательно разрабатывали такие ученые, как Л. В. Щерба [30], У. Чейф [29], Н. С. Авилова [1], Дж. Лайонз [34], С. Дик [32], Т. В. Булыгина [6], О. Н. Селиверстова [24]. В этих классификациях основополагающая роль отводится понятию Субъекта. Именно через него происходит определение типа предиката – это происходит посредством уточнения семантических ролей других участников ситуации.

Лев Николаевич Щерба выделил типы предикатов, коррелирующие с частями речи: предикаты действия, процесса (полнозначные глаголы), состояния (связка и ряд некоторых слов – печален, жаль, в состоянии, надо); качества (связка и полное прилагательное) [30, с. 90].

Когнитолог Уоллес Чейф [29]. Он выделил следующие типы предикатов:

– состояние – субъект в них неактивен и характеризуется ролью пациенса;
– процесс – субъект проявляется как пациенс, о состоянии которого что-либо сообщается;
– действие – субъект является агентом, т. е. производит действие [29].

Однако у одного и того же типа предиката по У. Чейфу семантические роли субъектов могут не совпадать, следовательно, классификация У. Чейфа не является универсальной. Позднее Дж. Лайонз к трем типам предикатов добавлял такие, как «состояние», «акт», событие» [34, с. 483], а С. Дик выделял предикаты положения (нединамичные, управляемые ситуации) [32, с. 4-24].

Н. С. Авилова предложила классифицировать предикаты со значением действия; процесса; состояния; качества; нахождения в пространстве;

потенциальности; класса и «связи»; результата и факта [1, с. 151]. При этом предикаты действия и процесса противопоставлены по признаку агентивности/неагентивности субъекта, состояния и действия – статичности и нестатичности и т.д.

Т. В. Булыгина делит предикаты на две большие группы по признаку временности /локализованности [6, с. 58]. Далее предикаты подразделяются по ряду следующих признаков:

– отсутствие/наличие временной связанности (временность, постоянность /эпизодичность);
– статичность/динамичность;
– длительность/недлительность;
– временная перспектива, а именно
– перспективность/бесперспективность – для процессов;
– постепенность/непостепенность – для событий;
– контролируемость /неконтролируемость [6, с. 58].

В группах предикатов Т.В. Булыгиной значение временности получают как именные предикаты, так и ряд глагольных предикатов типа обладать, летать, любить.

Особо подчеркнем, что предикат не обязательно и далеко не всегда представлен глаголом и не сводим к узкому пониманию предиката в качестве сказуемого в рамках предложения. Кроме того, валентность свойственна различным частям речи. К примеру, семантические валентности есть и у имен родства (чей отец), и у отглагольных существительных (кем совершено воровство).

О. Н. Селиверстова выделяла предикаты действия, состояния, процесса, качества, класса и связи, нахождения в пространстве. Однако при их определении она учитывала такие критерии, как источник силы, тип силы, приложение силы (волевой, физической, звуковой и т.д.), контролируемость/неконтролируемость приложения силы, осознаваемость/неосознаваемость приложения силы [24, с. 59-65].

Как было сказано выше, фрейм соотносится с предикатом, при котором проявляются аргументы, т.е. структурные компоненты фрейма. При этом одни и те же компоненты могут принадлежать различным фреймам. Разница вытекает из «интерпретации отношений между участниками и интерпретации сценария фрейма, которые задаются предикатом» [13, с. 472-473]. Под сценарием фрейма понимается «событийная схема, которая определяет, какие люди должны участвовать в событии, какие социальные роли они играют, какие объекты используются и каковы причинные связи» [17, с. 296]. Фрейм как структура представления знаний лежит в основе сценария. Он относится к структурам данных для представления стереотипной ситуации, в то время как сценарий представляет собой набор знаний о последовательности хронологически выстроенных событий.

В созданном учеными из Беркли вышеупомянутом проекте FrameNet в каждом фрейме задан список предикатных слов и их центральные роли. В разработанной в России системе FrameBank актуализируются лексические конструкции, соединяющий друг с другом разные лексические значения предиката в рамках фреймов. Мы можем увидеть, как «лексикон предикатов русского языка накладывается на сеть фреймов и как структурные лексико-семантические отношения типа полисемии, синонимии, антонимии и т.п. отражаются в лексических конструкциях» [13, с. 465].

В рамках работы FrameBank в текстах выявляются фреймы, функционирующие в рамках естественного языка. Происходит «идентификация участников ситуаций, обозначаемых предикатами (глаголами, существительными, прилагательными и т.д.) и разметка способа их выражения – вне зависимости от того, связаны ли обозначающие участников единицы с предикатом синтаксически или нет» [13, с. 466].

Исследователи отдельно описывают предикатно-аргументные фреймовые когнитивные структуры, в рамках которых человек концептуализирует окружающий мир под углом той или иной семантической перспективы [11, с. 79-83]. Другими словами, они актуализируют отраженные посредством мыслительных структур ситуации, происходящие вокруг.

Выше мы упоминали понятие семантического падежа и отметили, что у падежного фрейма есть семантические падежи, соответствующие замещаемым позициям (валентностям). Из этого следует, что семантика фрейма сближается в том числе с семантикой предиката, когда речь идет о значениях, грамматических свойствах и замещаемых позициях. Фрейм состоит из семантического предиката и заполняющих его валентные позиции семантических аргументов. При этом модели типизированных ситуаций определяются в том числе с учетом типа семантического предиката.

Отметим, что фрейм можно описать прежде всего через слотовую характеристику – характеристику семантических падежей. «Важным является то, что понятия фрейма и семантического типа предиката как мыслительной конструкции позволяют объяснять появление контекстуальных смыслов глаголов и проблем их понимания воспринимающим, «слушающим». [15, с. 12].

Слоты в структуре фрейма выступают как «вакантные позиции, заполняемые единицами знания» [25, с. 16]. Эти единицы знания могут быть представлены:

– эксплицитными предикациями – т.е. конкретными, заданными текстом или речевой ситуацией;
– имплицитными предикациями – типичными предикациями/ предикациями «по умолчанию», которые актуализируется в памяти

адресата посредством ассоциативных связей; в них содержится большая часть значимого для понимания знания [26].

Кроме того, слоты могут пониматься как «списки релевантных вопросов, которые систематически определяют выражения, активируемые данным фреймом» [9, с. 6]. Предикаты же – это «языковые реализации концептуального содержания <этих> выражений, на их основе возможно получить доступ к когнитивным аспектам знания» [9, с. 6].

Слоты в рамках фреймовой семантики заполняются конкретными наполнителями и стандартными значениями. Незаполненные слоты (узлы по М. Минскому [18]) называются терминалами или же ячейками фрейма. По мнению М. Минского, при их заполнении становится возможным выявить возможные слоты потенциально любого фрейма [35]. Именно слоты актуализируют предикационный потенциал фрейма. Они представляются в виде организованного списка слотов. Полученная модель указывает на валентные слоты исследуемого фрейма – уменьшается выборка вопросов, они логически группируются; конкретизируются предикаты конкретного фрейма.

В лингвистическом приложении фреймы содержат структурные элементы значения (терминалы), которым соответствуют определенные языковые выражения. Отдельно отметим такой компонент первого (верхнего) уровня терминалов фрейма, как ядерный предикат. Он включен в этом качестве в макропропозицию или ядерную пропозицию, в которых в общем виде описываются основные события, состояния, действия семантико-синтаксического фрейма. Наше понимание ядерного предиката сближается с тем, как понимает его Е.А. Воркачева, то есть как «единицу, наиболее употребительную в речи, наиболее многозначную, обладающую наибольшей синтаксической сочетаемостью, стилистически наименее маркированную и наиболее используемую при лексикографическом описании предикатов этого ряда» [7, с. 69].

Учитывая сказанное выше, мы находим подтверждение и делаем вывод, что ядерный предикат выступает в роли организующего семантического центра фрейма в его семантико-синтаксическом представлении. Ядерный предикат входит в состав ядерной пропозиции фрейма или макропропозиции и занимает, как и эти пропозиции, верхний узел (терминал) фрейма. Ядерный предикат в своей семантике содержит структурное описание фрейма на уровне верхних его терминалов, поскольку обладает стандартным набором валентностей, каждая из которых может рассматриваться в качестве слота в определенном терминале фрейма.

Литература

1. Авилова Н.С. Вид залога и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 57 – 78.
3. Апресян Ю.Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. № 1. С. 3-30.
4. Апресян Ю.Д. Семантические валентности слова // Избранные труды. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», «Восточная литература» РАН, 1995. Т.1. 472 с.
5. Апресян Ю.Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 22-24 сентября. СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2003. С. 7 – 21.
6. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7-85.
7. Воркачева Е.А. Сама сущность или природа каждого: семантика желания и речевое употребление глагола to wish // Филологические науки. 2017. №3 (69). С. 68-73.
8. Гусаренко С.В. Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №4. С. 159-164.
9. Диденко В.В. Выявление валентных слотов фрейма толерантность в немецкой, американской и русской лингвокультурах // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 5-13.
10. Иванова Е.В. Семантическая типология предикатов в сопоставительном аспекте: предикаты «свойств» в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. София: Общество русистов Болгарии, 2009. С. 5-17.
11. Кураков В.И. Моделирование предложения: итоги и перспективы (на материале немецкого языка) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Филология. 1998. № 3. С. 79-83.
12. Кустова Г.И., О.Н. Ляшевская, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.Ю. Шеманаева. Задачи и принципы семантической разметки лексики в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка. 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 215-239.
13. Ляшевская О.Н., Кашкин Е.В. Типы информации. О лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Инст. РЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 464-556.
14. Ляшевская О.Н., Падучева Е.В. Онтологические категории имен эмоций // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. М.: ВИНИТИ РАН, 2011. №5. С. 23-31.
15. Маррокуин Л.Р. Семантические модификации предикатов в метеоинформационных текстах: на материале английского языка: автореф. дис... канд. филологических наук. Уфа, 2011. 19 с.
16. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. И яз.. М.: Наука, 1948. Т. 7. – № 4. С. 303-316.

17. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2006. 296 с.
18. Минский М. Фреймы для представлений знаний / пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.
19. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М.: Едиториал, 2004. 288 с.
20. Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3-20.
21. Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
22. Пащенко Ю.А. Предикативность и предикат в лингвистике и логике // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2006. №2. С. 70-72.
23. Селиванова О.О. Термінологічна енциклопедія. Полтава: Доквілля- К., 2011. 844 с.
24. Селиверстова О.Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86-216.
25. Солодилова И.А. Способы концептуализации оценки в немецком языке (на материале немецкоязычной художественной прозы): автореф. дисс. доктора филол. наук. Уфа, 2014. 44 с.
26. Солодилова И.А. Фрейм как семантическая модель в лингводидактическом аспекте // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С. 2121-2126.
27. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / под общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
28. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 369-495.
29. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Наука, 1975. 432 с.
30. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.;Л.: Наука, 1974. 432 с.
31. Bally C. Linguistique generale et linguistique franfaise. – Paris: Librairie Ernest Leroux. 1932. 440 p.
32. Dik S. C. Functional Grammar. Amsterdam, etc.: North Holland Publ. CO., 1979. 230 p.
33. FrameNet. URL: https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/ (Accessed: 03.03.2021).
34. Lyons J. Semantics. – Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1977. V. 2. P. 374-897.
35. Minsky M. The Society of Mind. – New York: Simon & Schuster, 1986. p. 308.
36. Vendler Z. Verbs and times / Z. Vendler // Linguistics in philosophy. Cornell University Press, 1967. P. 97-121.
37. Weissberg J. Theoretische Grundlagen der deutschen Grammatik. Siegen, 2003.

References

1. Avilova N.S. Vid zaloga i semantika glagol'nogo slova (Type of verb and verb word). Moscow: Nauka, 1976. 328 p. (In Russian).
2. Apresyan Yu.D. Glagoly momental'nogo deistviya i performativy v russkom yazyke (Instant verbs and performatives in Russian) // Rusistika segodnya. Yazyk: sistema i ee funktsionirovanie. Moscow: Nauka, 1988. P. 57-78. (In Russian).
3. Apresyan Yu.D. O Moskovskoi semanticheskoi shkole (About the Moscow Semantic School) // Voprosy yazykoznaniya. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2005. № 1. P. 3-30. (In Russian).
4. Apresyan Yu.D. Semanticheskie valentnosti slova (Syntactic valences of a word) // Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1995. Vol.1. 472 p. (In Russian).
5. Apresyan Yu.D. Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov i sistemnaya leksikografiya (Fundamental classification of predicates and systemic lexicography) // Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeistvie. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg. 22-24 sentyabrya. St.Petersburg, 2003. (In Russian).
6. Bulygina T.V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke (Statics and dynamics in the semantics of the state // Semanticheskie tipy predikatov. MOSCOW: Nauka, 1982. P. 7-85. (In Russian).
7. Vorkacheva E.A. Sama sushchnost' ili priroda kazhdogo: semantika zhelaniya i rechevoe upotreblenie glagola towish (The very essence or nature of everyone: semantics of wish and the verbal use of the verb to wish) // Filologicheskie nauki. 2017. No. 3 (69). P. 68-73. (In Russian).
8. Gusarenko S.V. Propozitsiya kak komponent aktual'nogo diskursa (Proposition as a component of actual discourse) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Stavropol': NCFU publ., 2015. P. 159-164. (In Russian).
9. Didenko V.V. Vyyavlenie valentnykh slotov freima tolerantnost' v nemetskoi, amerikanskoi i russkoi lingvokul'turakh (Revealing of potential slots of the frame tolerance (in German, American and Russian linguocultures) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 414. P. 5-13. (In Russian).
10. Ivanova E.V. Semanticheskaya tipologiya predikatov v sopostavitel'nom aspekte: predikaty «svoistv» v russkom i bolgarskom yazykakh (Semantic typology of predicates in a comparative aspect: predicates of «properties» in the Russian and Bulgarian languages) // Bolgarskaya rusistika. Sofiya: Obshchestvo rusistov Bolgarii, 2009. P. 5-17. (In Russian).
11. Kurakov V.I. Modelirovanie predlozheniya: itogi i perspektivy (na materiale nemetskogo yazyka) (The specificity of the frame and propositional conceptualization of mental sphere situations by the native speakers of current German) // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Filologiya. 1998. No. 3. P. 79-83. (In Russian).
12. Kustova G.I., O.N. Lyashevskaya, E.V. Rakhilina, T.I. Reznikova, O.Yu. Shemanaeva. Zadachi i printsipy semanticheskoi razmetki leksiki v Natsional'nom korpuse russkogo yazyka (Tasks and principles of semantic markup of vocabulary in the National Corpus of the Russian language) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. 2006-2008. Novye rezul'taty i perspektivy. St.Petersburg, 2009. P. 215-239. (In Russian).
13. Lyashevskaya O.N., Kashkin E.V. Tipy informatsii. O leksicheskikh konstruktsiyakh v sisteme FreimBank (Types of information about lexical constructions in russianframebank) // Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow: IRL of RAS publ., 2015. P. 464-556. (In Russian).
14. Lyashevskaya O.N., Paducheva E.V. Ontologicheskie kategorii imen emotsii (Ontological categories of emotion names) // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Series 2: Informatsionnye protsessy i sistemy. Moscow: RAS publ., 2011. No. 5. P. 23-31. (In Russian).

15. Marrokuin L.R. Semanticheskie modifikatsii predikatov v meteoinformatsionnykh tekstakh: na materiale angliiskogo yazyka (Semantic modifications of predicates in meteorological information texts: on the material of the English language): abstract of thesis. Ufa, 2011. – 19 p. (In Russian).
16. Maslov Yu.S. Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke (The type and lexical meaning of the verb in the modern Russian literary language) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz.. Moscow: Nauka, 1948. Vol. 7. No. 4. P. 303-316. (In Russian).
17. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku (Introduction to cognitive linguistics). Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 296 p. (In Russian).
18. Minsky M. Frejmy dlja predstavlenij znanij (A Framework for Representing Knowledge). Moscow: Energia, 1979. 152 p. (In Russian).
19. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii) (Utterance and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of Pronoun Semantics). Moscow: Editorial, 2004. 288 p. (In Russian).
20. Paducheva E.V. Leksicheskaya aspektual'nost' i klassifikatsiya predikatov po Maslovu-Vendleru (Lexical aspectuality and classification of predicates by Maslov-Vendler) // Voprosy yazykoznaniya. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2009. No. 6. P. 3-20. (In Russian).
21. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa (Semantic research: semantics of time and type in Russian; semantics of narrative). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 480 p. (In Russian).
22. Pashchenko Yu.A. Predikativnost' i predikat v lingvistike i logike (Predictivity and predicate in linguistics and logic) // Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. Taganrog: ACTSI, 2006. P. 70-72. (In Russian).
23. Selivanova O.O. Terminologichna entsiklopediya (Encyclopedia of Terms). Poltava: Dokvillya-K., 2011. 844 p. (In Russian).
24. Seliverstova O.N. Semanticheskie tipy predikatov v angliiskom yazyke (Semantic types of predicates in English) // Semanticheskie tipy predikatov. Moscow: Nauka, 1982. P. 86-216. (In Russian).
25. Solodilova I.A. Sposoby kontseptualizatsii otsenki v nemetskom yazyke (na materiale nemetskoyazychnoi khudozhestvennoi prozy) (Ways of conceptualizing assessment in German (based on the material of German-language fiction): abstract of thesis. Ufa, 2014. 44 p. (In Russian).
26. Solodilova I.A. Freim kak semanticheskaya model' v lingvodidakticheskom aspekte (Frame as a semantic model in the linguodidactic aspect) // Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. – Orenburg: OOO IPK «Universitet», 2013. P. 2121-2126. (In Russian).
27. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa (Elements of structural syntax) / ed by V. G. Gak. Moscow: Progress, 1988. 656 p. (In Russian).
28. Fillmore C. Delo o padezhe (The Case for Case) // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moscow: Progress, 1981. Issue. 10. P. 369-495. (In Russian).
29. Chejf U. Znachenie i struktura jazyka (Meaning and the Structure of language). Moscow: Nauka, 1975. 432 p. (In Russian).
30. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' (Language system and speech activity). Moscow; Leningrad: Nauka, 1974. 432 p.
31. Bally C. Linguistique generale et linguistique franfaise. Paris : Librairie Ernest Leroux. 1932. 440 p.
32. Dik S. C. Functional Grammar. Amsterdam, etc.: North Holland Publ. CO., 1979. 230 p.
33. FrameNet. URL: https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/ (Accessed: 03.03.2021).
34. Lyons J. Semantics. – Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1977. V. 2. P. 374-897.
35. Minsky M. The Society of Mind. – New York: Simon & Schuster, 1986. p. 308.
36. Vendler Z. Verbs and times / Z. Vendler // Linguistics in philosophy. Cornell University Press, 1967. P. 97-121.
37. Weissberg J. Theoretische Grundlagen der deutschen Grammatik. Siegen, 2003.

Сведения об авторах

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / sgusarenko@mail.ru

Орден Ирина Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / irina.orden@yandex.ru

Information about the authors

Gusarenko Sergei V. – Doctor in Philology Sciences, Professor, Chair of Russian as a Foreign Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / sgusarenko@mail.ru

Orden Irina A. – postgraduate, Assistant, Chair of Journalism, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / irina.orden@yandex.ru

CC BY

УДК 811.161.1

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.25

Ю. В. Демичева

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО «ЛЮБОВЬ–РАВНОДУШИЕ–НЕНАВИСТЬ»: ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

В статье исследуется значимостная составляющая семантического единства «любовь–равнодушие–ненависть», понимаемого как многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Актуальность исследования обусловлена важной ролью понятий «любовь», «равнодушие», «ненависть», выступающих в качестве фундаментальных жизненных ориентиров человека. Исследование проводится на материале современных толковых словарей русского языка. В данном семантическом единстве присутствует как семантическая оппозиция любовь – ненависть, так и оппозиции этих составляющих и «нейтральной точки» – равнодушия. Непосредственным предметом исследования являются лексические и фразеологические единицы русского языка, в чьих значениях присутствуют лексемы, отправляющие к семантике соответствующих составляющих семантического единства. Для каждой из трех составляющих семантического единства выполняется оценка лексических и фразеологических средств их выражения. Исследование данного семантического единства осуществляется впервые. Делается вывод об их асимметрии: любовь абсолютно доминирует по количеству выражающих ее семантику единиц; равнодушие и ненависть в этом отношении оказываются сопоставимы. Определено, что существительные, конкретизирующие объект соответствующего чувства, встречаются и у любви, и у ненависти, но отсутствуют у равнодушия. Также у равнодушия отсутствуют способы лексического выражения с помощью суффиксоидов, присутствующие у любви и у ненависти. Выявлено, что логико-семантические оппозиции составляющих сематического единства проявляются в лексической системе языка: в ней присутствует как оппозиция любовь – ненависть, так и оппозиция равнодушие – любовь, но отсутствует оппозиция ненависть – равнодушие.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, семантическое единство, значимостная составляющая, любовь, ненависть, равнодушие.

Для цитирования: Демичева Ю. В. Семантическое единство «любовь–равнодушие–ненависть»: значимостная составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 201–207. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.25

Yulia V. Demicheva

THE SEMANTIC UNITY LOVE–INDIFFERENCE–HATE: THE MEANINGFUL COMPONENT

The article examines the significant component of the semantic unity «love–indifference–hate», understood as a multilevel mental formation that lies in consciousness, language and culture. The relevance of the study is due to the important role of the concepts «love», «indifference», «hatred», acting as fundamental life guidelines of a person. The research is carried out on the material of modern defining dictionaries of the Russian language. This semantic unity contains both the semantic opposition of love and hate, and the opposition of these components and the «neutral point» – indifference. The immediate subject of research is the lexical and phraseological units of the Russian language, in meanings of which lexemes referring to the corresponding components of the semantic unity, are present. For each of the three components of the semantic unity, an assessment is made of the lexical and phraseological means of their expression, presented in the defining dictionaries. The study of this semantic unity is carried out for the first time. A conclusion is made about their asymmetry: love absolutely dominates in terms of the number of units expressing its semantics; indifference and hatred in this respect turn out to be comparable. It has been determined that nouns that concretize the object of the corresponding feeling are found in both love and hatred, but absent in indifference. Also, indifference lacks the ways of lexical expression using suffixoids, which are present in love and hate. It was revealed that the logical-semantic oppositions of the components of the semantic unity are manifested in the lexical system of the language: it contains both the opposition love – hate and the opposition indifference – love, but there is no opposition hate – indifference.

Key words: linguocultural concept, semantic unity, meaningful component, love, hate, indifference (lingvokul'turnyi kontsept, semanticheskoe edinstvo, znachimostnaya sostavlyayushchaya, lyubov', nenavist', ravnodushie)

For citation: Demicheva Y. V. The semantic unity love–indifference–hate: the meaningful component // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 201–207. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.25

В контексте взаимосвязей языка и культуры одной из центральных единиц изучения признается лингвокультурный концепт: под этим термином понимается многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре. Несмотря на существенный разброс во мнениях

о сущности лингвокультурного концепта, в понимании его отличительных признаков уже существует некоторый консенсус. Основными и обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются многомерность – наличие семантически разнородных составляющих; иерархичность, системная зависимость признаков; и этноспецифичность [5, с. 63].

Выделяют следующие составляющие лингвокультурного концепта: 1) понятийную, отражающую дискурсивность и рациональность представления смысла, 2) образную, отражающую метафоричность и эмотивность этого представления, 3) значимостную, отражающую его вербальность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка, 4) ценностную, отражающую аксиологичность такого представления [6, с. 20].

Лингвоконцептология как ответвление лингвокультурологии за более чем двадцать лет своего существования прошла различные этапы развития. За это время были исследованы сотни лингвокультурных концептов: соответствующие им понятия как включают в себя абстракции самого высокого уровня, так и отправляют к разнообразным объектам материального мира. Также были проведены сопоставительные исследования реализаций концептов в разных дискурсах и лингвокультурах.

Позже закономерно произошло выделение укрупненных, гиперонимических единиц, в границах которых изучаются как сами концепты, так и их семантические противочлены – «антиконцепты». Так, объектами исследования стали «концептуальная область», «концептуальное поле», «концептуальная диада», «концептуальная оппозиция», «сверхконцепт», «гиперконцепт», «макроконцепт», «градиент-концепт», «бинарные концепты», «лингвокультурная идея» [4]. Уже высказывались мнения, что все эти новообразования являются, по сути, более узкими вариациями одного и того же понятия – семантического единства, которое оказывается очередной иерархической ступенью в системе категориального аппарата лингвокультурологии и еще одной единицей лингвокультурного исследования [11].

В случае бинарного способа организации семантическое единство (далее – СЕ) состоит из пары концепт-антиконцепт. Феномен антиконцепта является одной из реализаций универсального принципа бинарности, релевантного как для мышления, так и для языка [16]. В логике категория противопоставления представлена несколькими типами: контрарным (между двумя противопоставляемыми понятиями можно поставить среднее), комплементарным (поставить третье невозможно) и векторным (противопоставление разнонаправленных действий и признаков) [7].

Достаточно очевидно, что противоположность понятий, связанных с эмоциями, является контрарной: между положительной и отрицательной эмоциями лежит «нулевая точка» безразличия. При включении этой «нулевой» или «нейтральной» точки в состав СЕ его структура усложнится: оно становится семантической триадой, в котором можно будет выделить как оппозиции положительного и отрицательного полюса между собой, так и оппозиции этих полюсов и нейтральной точки.

В данной статье мы исследуем значимостную составляющую СЕ «любовь–равнодушие–ненависть» и сравним между собой совокупности лексических и фразеологических единиц, номинирующие составляющие данного СЕ. Для этого мы изучили данные толковых словарей современного русского языка и выделили лексические и фразеологические единицы, в чьих значениях присутствуют лексемы, отправляющие к семантике соответствующих составляющих СЕ. При этом мы не ставили перед собой задачу определить все языковые единицы, номинирующие компоненты данного СЕ: речь идет только об оценке, позволяющей сделать общие выводы.

У имени одного из полюсов СЕ – любви – в русском языке имеется множество однокоренных лексем, чья семантика охватывает все выделяемые значения лексемы любовь. В толковых словарях современного русского языка выделяется от двух до шести значений лексемы любовь, и гиперонимом любви является прежде всего чувство. На первом месте в источниках стоит общее значение «любви вообще», которое можно в общем определить как «чувство глубокой привязанности, преданности», объектом которого может выступать кто и что угодно. Второе значение – это любовь романтическая и эротическая, определяемая не только как чувство, но и как влечение к другому человеку. Эти значения присутствуют во всех словарях. Значения, определяющие любовь как «склонность», «увлеченность», «пристрастие», всегда занимают места после первых двух; они могут сливаться в одном значении или распадаться на несколько. Исследователями выделяются два главных семантических варианта существительного любовь и, соответственно, два варианта глагола любить: любить 1 указывает на чувство, испытываемое субъектом любви по отношению к объекту; любить 2 – на свойство субъекта, состоящее в том, что он обычно испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации. В рамках любви первого типа можно различать «чувственную любовь», любовь 1.1, в которой на первом месте находится желание быть вместе с объектом любви, и «альтруистическую» любовь, в котором на первый план выходит желание делать объекту любви добро, любовь 1.2. Семантический вариант любить 2 «всегда содержит

обобщение и не может обозначать актуальное эмоциональное переживание, удовольствие, полученное в некоторый конкретный момент». Объектом любви 2 всегда является класс ситуаций, которые могут быть связаны со стандартным способом использования объекта любви [17, с. 457–460]. При этом всегда возможны диффузные употребления [1, с. 523]. При этом можно выделить и дополнительные варианты: 1) любовь 1.3 и любить 1.3, соответствующие семантическому переносу имени любви на физиологический процесс (ср. заниматься любовью); 2) любовь 1.4, соответствующий семантическому переносу имени любви на ее объект; 3) любовь 1.5, соответствующий семантическому переносу имени любви на романтические отношения.

Несомненна семантическая связь существительного любовь и многих однокоренных лексем – например, глагола любить, наречия любовно, прилагательного любовный и других. Отметим, что прилагательные возлюбленный и любимый подверглись субстантивации. Семантическая связь генетически связанных с лексемой любовь существительных любовник и любовница уже не столь однозначна. Можно констатировать семантический дрейф этих лексем в сторону обозначения фактической межполовой связи, без указания на какие-либо чувства. Некоторые лексемы сохраняют связь с понятием любви лишь в некоторых из своих значений (любезность, любезный, любитель), а значения лексем любительство и любительский сохранили с ним лишь косвенную связь.

Отдельно можно выделить дериваты вида однолюб, в которых морфема -люб- является суффиксоидом – она образует самостоятельный и продуктивный словообразовательный тип, выполняя функцию суффикса, не утрачивая смысловых связей с однокоренными словами любить, любовь и др., а также дериваты вида свободолюбие, в которых эта морфема является вторым корнем, – впрочем, далеко не во всех из них семантическая связь с любовью является отчетливой. Отметим, что в современном русском языке существительное любовь, в отличие от других лексем, переживших схожую замену формы именительного падежа формой винительного падежа (морковь < моркы), что повлекло за собой соединение корня с суффиксом в новый корень, сохраняет корень -люб- и непродуктивный, единично встречающийся суффикс -ов-.

В итоге нами было обнаружено 35 лексем с корнем -люб-, отправляющих к понятию любви. Попробуем оценить корпус прочих лексических и фразеологических средств выражения концепта «любовь», присутствующих в русском языке. Для этой цели мы отобрали в толковых словарях [10, 12, 13, 15] лексические единицы (далее – ЛЕ) и фразеологические единицы (далее – ФЕ), чьи значения отправляют к понятию любви и в толкованиях которых присутствуют лексемы с морфемой -люб-. Мы учитывали все значения лексемы любовь, связанные с выражением человеческих чувств; из анализа были исключены лексемы вида влаголюбивый, в которых семантика корня отправляет к предпочитаемости условий жизни у растений. При подсчетах формы женского рода и формы мужского рода (при наличии обоих) учитывались как одна лексема. Также мы игнорировали уменьшительно-ласкательные формы.

Итого в толковых словарях нами было обнаружено 360 ЛЕ и 18 ФЕ, которые можно разделить на двенадцать семантических групп:

1) обозначения людей, любящих кого-либо или что-либо: бабник, балетоман, библиофил, болельщик, бонвиван, бродяга, весельчак, дамский угодник и т.д. (всего 128 ЛЕ и 5 ФЕ);
2) прилагательные, обозначающие людей, любящих что-то делать: болтливый, властолюбивый, говорливый, горластый, гостеприимный и т.д. (всего 54 ЛЕ);
3) обозначения любимого человека: ангел, богиня, друг, дульцинея, желанный, зазноба, лада, милашка, милёнок, милушка, милый, надёжа, пассия, подруга, свет очей (чьих) и т. д. (всего 22 ЛЕ и 2 ФЕ);
4) существительные, обозначающие любовь к чему-то или кому-то: властолюбие, детолюбие, женолюбие, жизнелюбие, патриотизм, правдолюбие, празднолюбие, свободолюбие, семейственность и т.д. (всего 15 ЛЕ);
5) единицы со значением «влюбить в себя»: завлечь, зазнобить, закружить, покорить, приворожить, присушить, увлечь, вскружить голову, закружить голову, свести с ума, покорить сердце (7 ЛЕ и 4 ФЕ);
6) единицы со значением «любить»: боготворить, дружить, жалеть, жаловать, желать, молиться (на), обожествлять, уважать, души не чаять, не надышится (кто-л. на кого-л.) (8 ЛЕ и 2 ФЕ);
7) прилагательные со значением «любимый», часто субстантивируемые и используемые в качестве обращения: бесценный, дорогой, дражайший, золотой, любезный, милый, ненаглядный, мой хороший (7 ЛЕ и 1 ФЕ);
8) единицы со значением «иметь любовную связь»: гулять, жить, крутить, связаться, спутаться, таскаться, амуры разводить (6 ЛЕ и 1 ФЕ);
9) единицы, обозначающие любовные отношения: интрига, роман, связь, шашни, шуры-муры, близкие отношения (5 ЛЕ и 1 ФЕ);
10) существительные, обозначающие любовь в том или ином значении: вкус, зазноба, обожание, страсть, чувство, склонность (6 ФЕ);
11) глаголы со значением «влюбиться»: врезаться, втрескаться, втюриться, пленится, увлечься (5 ЛЕ);

12) все прочие: амурный, бросать, взаимность, гуманный, донжуан, измена, конёк, лавстори, сердце, стрела Купидона и т. д. (всего 97 ЛЕ и 2 ФЕ).

По итогам анализа можно отметить, что самая большая группа лексем обозначает любящих что-то или кого-то – количество таковых насчитывает больше трети от общего числа единиц. Прилагательные, обозначающие любимого человека (милый, ненаглядный и т. д.) подвергаются субстантивации по аналогии с любимый. В целом концепт «любовь» оказывается представлен 395 ЛЕ и 18 ФЕ.

Обратимся к ненависти – другому полюсу семантического единства. Существительное ненависть, в противоположность существительному любовь, имеет в толковых словарях лишь одно значение: это «чувство сильнейшей вражды, неприязни» [3, с. 628; 12, с. 547; 13, т. 2, с. 456; 14, т. 7, с. 985; 15, с. 355] или «чувство сильной вражды, злобы» [10, с. 408]. При этом в определениях присутствует своего рода замкнутый круг – вражда в толковых словарях определяется через ненависть – как «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью». При анализе словарных определений второго компонента из определения ненависти – злобы – можно заключить, что в отличие от вражды-отношения словари определяют злобу как чувство. Часто она связывается с эмоциональным состоянием гнева. Таким образом, можно предположить, что в ненависти, определяемой согласно данным толковых словарей, присутствует два компонента – рациональный и эмоциональный.

Семантические варианты существительного ненависть, насколько нам известно, до сих пор не выделялись; однако мы полагаем, что по своей сути они подобны описанным выше вариантам существительного любовь. Ненависть 1 можно определить, как интенсивное чувство враждебности, неприязни, направленное главным образом на другого человека или группу лиц. Возможно, существуют и варианты ненависти 1, подобные любви 1.1 и любви 1.2: ненависть 1.1 побуждает избегать объекта, а ненависть 1.2 побуждает планировать агрессию по отношению к объекту и в целом каузировать ему вред. Ненависть 2 – это чувство меньшей по сравнению с ненавистью 1 интенсивности, направленное главным образом на объекты неживой природы или ситуации. В его основе лежит переживаемое субъектом неудовольствие при контакте с объектом. Как и любовь 2, она связана со стандартным способом взаимодействия с объектом ненависти: ненавидеть чай означает ненавидеть его пить, ненавидеть рок-музыку означает ненавидеть ее слушать, ненавидеть спорт означает ненавидеть им заниматься, и т.п. Подробное доказательство наличия этих двух вариантов лексемы ненависть мы изложим в других работах.

Здесь же можно отметить, что у существительного ненависть намного меньше однокоренных слов по сравнению с существительным любовь: в русском языке существуют глаголы ненавидеть, возненавидеть и ненавистничать, прилагательные ненавистный и ненавистнический, наречие ненавистно, существительные ненавистность, ненавистничество и ненавистник: всего 10 лексем. Также стоит заметить, что в русском языке отсутствует субстантивация прилагательных ненавистный и ненавидимый, характерная для их эквивалентов любимый и возлюбленный. Отсутствие параллелизма прослеживается и в частичной лексической лакунарности, связанной с концептом «ненависть»: можно разлюбить, но нельзя *разненавидеть, в то время как параллелизм в обозначении возникновения любви и ненависти сохраняется (возлюбить – возненавидеть).

Попробуем найти другие лексические и фразеологические средства выражения концепта «ненависть», присутствующие в русском языке, используя методику, описанную выше. В результате в словарях обнаруживаются 21 ЛЕ и 3 ФЕ:

1) существительные, описывающие человека, ненавидящего что-либо или кого-либо: англофоб, галлофоб, германофоб, женоненавистник, мизантроп, муженеавистница, славянофоб, человеконенавистник (8 ЛЕ);

2) существительные, указывающие на частный случай ненависти: англофобство, галлофобия, германофобство, женоненавистничество, ксенофобия, мизантропия, муженеавистничество, человеконенавистничество (8 ЛЕ);

3) все прочие единицы: стоять костью в горле, стоять поперек горла, вражда, враждебный, заклятый, мерить глазами (взглядом, взором), проклятый, уничтожающий, шовинизм (5 ЛЕ и 3 ФЕ).

Отметим, однако, что глагол ненавидеть имеет два значения: первое соотносится со словарным значением слова ненависть, а второе – «испытывать неприязнь, отвращение к кому-, чему-л., не выносить кого-, чего-л.» [3, с. 628; 10, с. 408], «испытывать неприязнь, не выносить кого-, чего-л.» [12, с. 547], которые соответствуют, таким образом, выделенным нами семантическим вариантам существительного ненависть. Это «слабое» значение соотносится с одним из семантических вариантов глагола любить с отрицательной частицей не: не любить 1 = «не испытывать чувства любви», не любить 2 = испытывать неприязнь [8, с. 211].

Таким образом, в сферу концепта «ненависть» входят и лексические и фразеологические средства выражения неприязни – в первую очередь, существительное нелюбовь со значением «чувство нерасположения, неприязнь» [13, т. 2, с. 453]. После дополнительного анализа толковых словарей в поисках единиц, чьи значения содер-

жат лексемы с морфемой -люб-, но с отрицанием, мы обнаруживаем 19 ЛЕ и 1 ФЕ, подходящие под этот критерий:

1) глаголы с отрицательной частицей, обозначающие нелюбовь, и их фразеологический аналог: не выносить, не переносить, не переваривать, не терпеть, любить как собака палку (4 ЛЕ и 1 ФЕ);
2) существительные, указывающие на неприязнь к чему-либо: лень, неподвижность, мизантропия, русофобия (4 ЛЕ);
3) существительные, обозначающие человека, не любящего делать что-либо: барин, бродяга, молчальник, чистоплюй (4 ЛЕ);
4) прилагательные, обозначающие нелюбовь делать что-либо: малоразговорчивый, молчаливый, немногословный (3 ЛЕ);
5) прилагательные со значением «нелюбимый»: нелюбимый, немилый, постылый (3 ЛЕ);
6) все прочие: золушка (1 ЛЕ).

В целом концепт «ненависть» оказывается представлен 51 ЛЕ и 4 ФЕ.

Наконец, рассмотрим третий полюс семантического единства – равнодушие. Существительное равнодушие имеет в толковых словарях одно или два значения: можно выделить равнодушие «общее», состоящее в тотальном безразличии к происходящему, и равнодушие «частное», понимаемое как отсутствие интереса к чему-либо [14, т. 12, с. 40; 13, т. 3, с. 577; 15, с. 568]. У существительного равнодушие еще меньше однокоренных слов, чем у существительного ненависть: это прилагательное равнодушный, наречие равнодушно и глагол равнодушничать.

Попробуем найти другие лексические и фразеологические средства выражения равнодушия, используя методику, описанную выше. В результате в словарях обнаруживаются 56 ЛЕ и 7 ФЕ:

1) прилагательные-синонимы прилагательного равнодушный: апатичный, безразличный, бездушный, безучастный, бесчувственный, вялый, глухой, замороженный, индифферентный, каменный, ледяной, невнимательный, нечувствительный и т.д. (всего 19 ЛЕ);
2) существительные-синонимы равнодушия: апатия, безразличие, безучастие, бесчувствие, индифферентизм, невнимание, усталость, холод, холодок (9 ЛЕ);
3) глаголы со значением «стать равнодушным»: задеревенеть, закаменеть, зачерстветь, остыть, остынуть, охладеть, перегореть, пресытиться (8 ЛЕ);
4) глаголы и фразеологизмы со значением равнодушия: прах с тобой (с ней, с ним и т. д.), тьфу на кого/что, хоть бы хны, была бы честь предложена, чихать, хоть бы что, плевать, наплевать (3 ЛЕ и 5 ФЕ);
5) существительные, обозначающие равнодушного к чему-либо человека: бессребреник, истукан, философ (3 ЛЕ);
6) все прочие: без выражения, деревяшка, затронуть, ничего, охладить, пресытить, пресытиться, камень, не проронить слезы / не проронить (ни) слезинки, пресыщение, прохладец, прохладца, растормошить, сдержанно, холодеть, чиновник (14 ЛЕ и 2 ФЕ).

Полученные нами результаты не стоит использовать для оценки соотношения ЛЕ и ФЕ, используемых для обращения к соответствующим концептам в русском языке: так, мы не ставим под сомнение вывод Н. В. Баско «в современном русском языке в этом семантическом поле (состояние равнодушия, безразличия) фразеологические средства доминируют над лексическими» [2, с. 325], так как в нашем исследовании мы не брали в расчет материалы фразеологических словарей, равно как и словарей современного сленга.

Таким образом, анализ представленных в толковых словарях лексико-фразеологических средств выражения трех составляющих СЕ показывает, что одна из составляющих – любовь – абсолютно доминирует по количеству выражающих ее семантику ЛЕ и ФЕ (395 ЛЕ и 18 ФЕ); две других составляющих – ненависть (51 ЛЕ и 4 ФЕ) и равнодушие (56 ЛЕ и 7 ФЕ) – в этом отношении примерно одинаковы. Нет сомнения, что одной из причин этого является большее количество значений лексемы любовь по сравнению с лексемами ненависть и равнодушие. В лексико-семантическом корпусе всех трех составляющих присутствуют существительные, обозначающие людей, проявляющих соответствующее чувство к чему-либо – любителей, ненавистников и равнодушных: у любви их относительно много (больше трети), у ненависти их несколько меньше (примерно четверть), а у равнодушия крайне мало (примерно 5%). Существительные, конкретизирующие объект соответствующего чувства, встречаются и у любви (например, жизнелюбие), и у ненависти (например, галлофобия), но отсутствуют у равнодушия. Также у равнодушия отсутствуют способы лексического выражения с помощью суффиксоидов, присутствующих у любви (-люб-, -фил-, -ман-) и у ненависти (-фоб-), и до сих пор продуктивных в русском языке [9]. Впрочем, это не мешает появлению множества лексических и фразеологических новообразований, объективирующих концепт «равнодушие» [2, с. 330]. Также можно отметить, что логико-семантические оппозиции составляющих СЕ асимметрично проявляются в лексической системе языка: в ней присутствует как оппозиция любовь – ненависть (не любить 2 = ненавидеть 2), так и оппозиция равнодушие – любовь (неравнодушный = любящий), но отсутствует оппозиция ненависть – равнодушие. Все это является частью более общей асимметрии между составляющими данного СЕ, выявляемой на разных его уровнях.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Любить 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 522–526.
2. Баско Н.В. Лингвокультурный концепт «равнодушие» в русской языковой картине мира // Преподаватель XXI век. 2018. № 2. С. 321–332.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Воркачев С.Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. Вып. 8. С. 5–27.
5. Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 12. Воронеж, 2014. С. 50–69.
6. Воркачев С.Г. Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 17–30.
7. Гуреева Е.И. Понятия «концепт» и «антиконцепт» (на материале спортивной терминологии) // Вестник ЧелГУ. 2007. № 8. С. 16–20.
8. Зализняк Анна А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
9. Минеева З.И. Сложение с суффиксоидами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3(69). Ч. 3. С. 133–135.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
11. Сабадашова М.Г. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память/забвение» в русском и английском языках: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 18 с.
12. Словарь русского литературного языка начала XXI века/ авт.-сост. А.А. Грузберг, Л.А. Грузберг. М.: ФЛИНТА, 2015. 1438 с.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988.
14. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / Под ред. В.И. Чернышева. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. 800 с.
16. Хейгетян Т.В. Бинарная оппозитивность как принцип организации картины мира и ее отражение в языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 2. 2014. С. 121–128.
17. Шмелев А.Д. Язык любви // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 457–461.

References

1. Apresyan Yu.D. Lyubit'2 (Lyubit' 2) // Novyj ob»yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka. (The new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language). Moscow: School of slavic language culture publ., 2003. P. 522–526. (In Russian)
2. Basko N.V. Lingvokul'turnyj koncept «ravnodushie» v russkoj yazykovoj kartine mira (The linguocultural concept 'indifference' in the Russian linguistic picture of the world) // Prepodavatel' XXI vek. 2018. No. 2. P. 321–332. (In Russian)
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka (Big defining dictionary of the Russian language) / Ed. S. A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. (In Russian)
4. Vorkachev S.G. «Kuda zh nam plyt'?» – lingvokul'turnaya konceptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya ('Where should we sail?': linguocultural conceptology: contemporary situation, issues, vector of development) // Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda. 2010. Issue 8. P. 5-27. (In Russian)
5. Vorkachev S.G. Semiotika lingvokul'turnogo koncepta i terminosistema lingvokul'turnoj konceptologii (Semiotics of the linguocultural concept and term system of linguocultural conceptology) // Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda. 2014. Issue 12. P. 50–69. (In Russian)
6. Vorkachev S.G. Ex pluribus unum: lingvokul'turnyj koncept kak sinteznoe obrazovanie (Ex pluribus unum: the linguocultural concept as a fusile structure // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. 2016. No. 2. P. 17–30. (In Russian)
7. Gureeva E.I. Ponyatiya «koncept» i «antikoncept» (na materiale sportivnoj terminologii) (The notions of concept and anticoncept (based on sports terminology) // Vestnik ChelGU. 2007. No. 8. P. 16–20. (In Russian)
8. Zaliznyak Anna A. Lyubov' i sochuvstvie: k probleme universal'nosti chuvstv i perevodimosti ih imen (Love and compassion: to the issue of universality of feelings and translatability of their names) // Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira. Moscow: Slavic language culture publ., 2005. 544 p. (In Russian)
9. Mineeva Z.I. Slozhenie s suffiksoidami (Composition with suffixoids) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 3(69). Part. 3. P. 133–135. (In Russian)
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij (Defining dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions). Moscow: OOO A TEMP, 2006. 944 p. (In Russian)
11. Sabadashova M.G. Leksiko-frazeologicheskie sposoby vyrazheniya semanticheskogo edinstva «pamyat'/zabvenie» v russkom i anglijskom yazykah (Lexical and phraseological ways of expression of the semantic unity memory-oblivion in the Russian and English languages): thesis abstract. Volgograd, 2012, 18 p. (In Russian)
12. Slovar' russkogo literaturnogo yazyka nachala XXI veka (Dictionary of the modern Russian literary language of the beginning of the 21st century) / ed by A.A. Gruzberg, L.A. Gruzberg. Moscow: FLINTA, 2015. 1438 p. (In Russian)

13. Slovar' russkogo yazyka (Dictionary of the Russian language). In 4 volumes, ed. A.P. Evgen'eva. Moscow: Russkij yazyk, 1988. (In Russian)
14. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 tomah (Dictionary of the modern Russian literary language in 17 volumes) / ed. V.I. Chernyshev. Moscow: SA of USSR publ., 1950–1965. (In Russian)
15. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka (Defining dictionary of the modern Russian language). Moscow: Adelant, 2014, 800 p. (In Russian)
16. Hejgetyan T.V. Binarnaya oppozitivnost' kak princip organizacii kartiny mira i ee otrazhenie v yazyke (The role of binary oppositions in the picture of the world and their representation in the language) // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2014. No. 2. P. 121–128. (In Russian)
17. Shmelev A.D. Yazyk lyubvi (The language of love) // Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira. Moscow: Slavic language culture publ., 2012. P. 457–461. (In Russian)

Сведения об авторе

Демичева Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия) / yulchen77@mail.ru

Information about the author

Demicheva Yuliya V. – senior lecturer of the department of foreign languages № 1, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia) / yulchen77@mail.ru

CC BY

УДК 81-13

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.26

М. В. Каменский

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПТИМИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье излагаются результаты исследования путей оптимизации рабочего процесса, положенного в основу проведения лингвистических исследований с привлечением методологии и методики корпусной лингвистики и автоматизированной обработки языкового и речевого материала. Приводятся рекомендации и предложения по выбору и практическому применению современных свободных лингвистических программных продуктов в разнонаправленных исследованиях по теоретической и прикладной лингвистике. Предлагаются основания для классификации современного лингвистического программного обеспечения на основе критериев функциональности, кросс-платформенности, свободной модели распространения и открытости программного кода. На данных основаниях даются рекомендации по интеграции в рабочий процесс лингвиста корпусного, лексикографического, переводческого и фонетического программного обеспечения, а также языков программирования с поддержкой известных и признанных лингвистических библиотек алгоритмов. Уделяется внимание программным продуктам общего назначения, способным выступить фактором оптимизации рабочего процесса лингвиста-исследователя. Актуальность предпринятого исследования связана с активизацией в последние годы процессов цифровизации науки, внедрением и привлечением методологии прикладной лингвистики при проведении научных исследований по теории языка, а также планируемым объединением теоретической и прикладной лингвистики в единую научную специальность по номенклатуре Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Новизна предпринятого исследования продиктована комплексным и системным подходом к анализу рабочего процесса лингвиста-исследователя в контексте современного свободного и бесплатного лингвистического программного обеспечения с открытым программным кодом. Научной новизной также характеризуется расширенная трактовка понятия «лингвистическое программное обеспечение», включающая программные продукты для подготовки и редактирования отчетов о результатах лингвистических исследований.

Ключевые слова: теоретическая лингвистика, прикладная лингвистика, теория языка, методология лингвистики, информационные технологии, корпусная лингвистика, автоматизированная обработка текста.

Для цитирования: Каменский М. В. Информационно-технологическое обеспечение оптимизации научно-исследовательской деятельности по теоретической и прикладной лингвистике в условиях цифровизации // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 208–218. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.26

Mikhail V. Kamensky

INFORMATION TECHNOLOGIES IN OPTIMIZING SCIENTIFIC RESEARCH IN THE SPHERE OF THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS IN THE DIGITAL AGE

The article contains the results of analysis of viable trajectories of optimizing the linguistic scientific workflow using contemporary applied linguistics methodology, corpus analysis methods and natural language processing techniques. The author provides practical recommendations for choosing and using modern free and open source linguistic software in various theoretical and applied linguistic studies. An extended classification of linguistic software is provided, on the basis of functionality, cross-platform compatibility, free licensing, and open source model of release. Recommendations are given for the best practices of integrating the corpus management, lexicographic, machine and computer-aided translation, and phonetic software, as well as programming languages with support for natural language processing algorithms, into the linguistic scientific workflow. General purpose software which can be used as an optimizing factor in the linguist's workflow is also discussed. The article is topical due to the active processes of integrating digital technologies in science in the recent years, introduction of applied methods of research in the context of studies in the theory of language, and the imminent merge of theoretical and applied linguistics in a single scientific specialty according to the classification of the Russian Higher Attestation Commission. The scientific novelty of the research is seen in the complex and systematic approach to the problem of analysis of the linguistic scientific workflow in the context of free and open source software which does not require commercial licensing. Another innovative element of the research is the extended definition of the term "linguistic software", which includes not only the software meant strictly for solving problems in the sphere of studying languages and speech, but also general purpose software that can serve as an aid in preparing and editing reports containing the results of linguistic scientific research.

Key words: theoretical linguistics, applied linguistics, theory of language, methodology of linguistics, information technologies, corpus linguistics, natural language processing.

For citation: Kamensky M. V. Information technologies in optimizing scientific research in the sphere of theoretical and applied linguistics in the digital age // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 208–218. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.26

Постановка проблемы. Цифровые реформы XXI века и активное внедрение широкого спектра инфокоммуникационных технологий в различные сферы профессиональной деятельности человека в условиях динамичного развития компьютерной техники и технологий искусственного интеллекта в настоящее время выступают существенным фактором эволюционных изменений в методологии и методике проведения научных исследований. Трансформируется и характер лингвистических исследований, выполненных в русле не только прикладной, но и теоретической лингвистики. Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике можно наблюдать заметный акцент на проведении корпусных исследований, выполненных на обширном языковом материале, объем исследовательской картотеки в которых исчисляется тысячами, а в некоторых случаях - десятками и сотнями тысяч примеров, проанализированных с применением технологий и программных средств автоматизированной обработки языковых данных (см., например, [2], [10]). Таким образом, электронный корпус текстов стал в XXI веке одним из ключевых репрезентативных источников эмпирического материала и инструментов его лингвостатистического исследования. Проводимые сегодня в русле антропоцентрической парадигмы лингвистические исследования, выполняемые с применением методов корпусной и квантитативной лингвистики и технологий автоматизированной обработки текстов, направлены на исследование широкого круга явлений языка и речи и в подавляющем большинстве случаев междисциплинарны. В последние годы активное развитие получили технологии искусственного интеллекта, что в сфере лингвистических научных изысканий находит свое отражение в разработке и применении программного обеспечения для машинного обучения, в том числе «глубокого обучения», нацеленного на автоматизацию решения комплексных лингвистических задач в области классификации языкового материала, установления дискурсивной и жанровой принадлежности текста, анализа тональности текста («сентимент-анализа», sentiment analysis), идентификации языковых и речевых феноменов различной природы в разноязыковых и разножанровых корпусах текстов, анализа и синтеза речи и др. (например, [3]).

Вышеуказанные трансформации как в области научно-исследовательской деятельности в целом, так и в области лингвистической науки порождают определенное переосмысление границ отраслей и направлений современной лингвистики, что прослеживается в содержании проектов обновленных паспортов научных специальностей, вынесенных на обсуждение Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации [7]. Так, теоретические научные изыскания в области лингвистики, регламентируемые паспортом научной специальности «10.02.19 – Теория языка», более не отделены от методологии прикладной лингвистики и широкого спектра компьютерных методов анализа языкового материала, в том числе корпусных методов исследования и методов машинного обучения на основе искусственного интеллекта. Подобное существовавшее долгое время «жесткое» разделение (ср. паспорт научной специальности «10.02.19 – Теория языка» [5] и паспорт научной специальности «10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика» [6]) всегда представлялось нам достаточно искусственным и не вполне удачным, особенно в контексте современной динамики и вектора развития науки по линии цифровизации обработки эмпирического материала. В современных же условиях, на наш взгляд, данное разделение утратило свою актуальность, поскольку прикладная лингвистика сегодня, по сути, выступает обеспечивающей составляющей в методическом отношении для теоретической лингвистики (теории языка). Сознательное игнорирование предлагаемых функциональных возможностей цифровой техники в области обработки и анализа лингвистических данных при проведении исследований по теории языка безусловно снижает качество проводимого исследования.

Несмотря на активное развитие и внедрение цифровых технологий в целом и совершенствование прикладных методов лингвистического анализа и программного обеспечения обработки языкового материала, комплексные попытки систематизировать программный лингвистический инструментарий и выработать рекомендации по выбору, освоению и практическому применению данного инструментария в отечественной лингвистике все еще достаточно редки. Например, обзор Б. А. Антопольского [1] может служить показательным и удачным примером обобщения лингвистических ресурсов и технологий. Автором приводятся предложения по инфраструктуре лингвистических информационных ресурсов для России, однако при этом не ставится задача выработки рекомендаций по выбору и применению конкретных программных продуктов в рамках научных изысканий по различным направлениям теоретической и прикладной лингвистики.

В связи со сказанным считаем, что предлагаемая попытка систематизации и анализа современных лингвистических программных продуктов, прежде всего, находящихся в свободном доступе, выпускаемых по модели свободного программного обеспечения с открытым исходным программным кодом, является актуальной в условиях цифровой трансформации современной теоретической и прикладной лингвистики. Конечной целью настоящего исследования является выработка практических рекомендаций по опти-

мизации рабочего процесса лингвиста-исследователя на основе отбора и применения комплекса программных решений, характеризующихся функциональностью, доступностью, открытостью и отсутствием необходимости коммерческого лицензирования.

Методология исследования. Для достижения поставленной цели на первом этапе исследования проведена классификация существующего лингвистического программного обеспечения в соответствии с его функционалом и решаемыми задачами в сфере теоретической и прикладной лингвистики. За основу приняты материалы официальных сайтов разработчиков лингвистического программного обеспечения, а также материалы сайтов, отражающих современный мировой опыт по объединению лингвистического ПО различных категорий в единый рабочий процесс (например, [17], [40]). Во внимание приняты также Интернет-ресурсы, носящие характер «агрегаторов», обобщающих в списочном виде лингвистическое ПО, принадлежащее к определенным категориям (например, ресурс Tools for Corpus Linguistics [38]). При анализе функционала программного обеспечения, закрепленного подобными списками, мы стремились выделить «ядерную» составляющую и остановиться на рекомендации наиболее универсальных и гибких программных средств. Отметим также, что понятие «лингвистическое программное обеспечение» трактуется в ходе настоящего исследования в широком понимании как программное обеспечение, либо обладающее специализированным функционалом для поддержки и сопровождения лингвистических исследований и практической лингвистической деятельности, либо являющееся программным обеспечением общего назначения, представляющим интерес для лингвиста-исследователя в силу наличия специфических функций, применимых в области теоретической и прикладной лингвистики. Это позволяет нам более разносторонне взглянуть на проблему инфокоммуникационного сопровождения лингвистической научно-исследовательской деятельности и осветить программные продукты, функциональная направленность которых не ограничивается сугубо лингвистическими задачами, однако в рамках деятельности лингвиста имеющие, по нашему мнению, определенную значимость в части оптимизации работы с текстовым материалом.

Второй этап исследования состоял в отборе и систематизации современного лингвистического программного обеспечения в каждой из категорий по следующим ключевым основаниям: 1) функциональность, понимаемая как наличие необходимых и достаточных функциональных возможностей для решения широкого круга лингвистических научно-исследовательских задач в определенной области; 2) доступность, трактуемая нами как совокупность: а) свободной модели лицензирования (выпуск программы по лицензии GPL, LGPL, BSD, Creative Commons или аналогичной); б) наличия открытого программного кода; в) отсутствия необходимости коммерческого лицензирования; 3) кросс-платформенность, то есть наличие возможности устанавливать и запускать программное обеспечение на различных платформах под управлением различных операционных систем (Microsoft Windows, Linux, MacOS, Android, iOS и др.).

На заключительном, третьем этапе исследования проводился детальный анализ функционального потенциала отобранных программных продуктов для решения различных задач в сфере теоретической и прикладной лингвистики и применения методов корпусного и квантитативного анализа, автоматизированной обработки текста, автоматизированного перевода и других методов, подразумевающих либо допускающих автоматизацию и алгоритмизацию исследовательского поиска и анализа. На базе полученных в ходе исследования результатов и выводов разработан комплекс предложений по оптимизации научно-исследовательской деятельности в сфере лингвистики с применением цифровых инфокоммуникационных технологий.

Результаты исследования. Систематизация и анализ существующего лингвистического программного обеспечения (далее – ЛПО) и практического опыта по объединению ЛПО в единый рабочий процесс позволили выделить следующие основные категории ЛПО и программные продукты, являющиеся их высокофункциональными репрезентантами:

► 1. Текстовые редакторы с поддержкой технологий автоматизации поисково-трансформационных операций в тексте. К высокоэффективным технологиям подобного рода, позволяющим существенно оптимизировать работу с электронной текстовой информацией, относятся регулярные выражения — формальный язык поиска и осуществления манипуляций с текстом по заданному шаблону [11]. Полноценная поддержка современных стандартов регулярных выражений имеется в текстовых редакторах LibreOffice Writer [26], GNU Emacs [20], Vim [41]. В качестве веб-ресурса для разработки, тестирования и отладки регулярных выражений следует выделить сервис Regex 101 [36] как полнофункциональный и содержащий развернутый справочный материал.

► 2. Корпусные менеджеры. При проведении лингвистических исследований, требующих анализа специфического материала, не отраженного современными электронными корпусами текстов, такими как Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [4] или Корпус современного американского английского языка (COCA) [15], требуется создание авторского корпуса текстов и дальней-

шее проведение поисково-аналитических операций с данным корпусным материалом. Данная задача выполнима с применением таких корпусных менеджеров и сред автоматизированной обработки корпусного материала, как GATE (General Architecture for Text Engineering) [17] и LancsBox [24]. Следует отметить, что GATE предлагает более широкий функционал в области автоматизации обработки и анализа пользовательских электронных корпусов текстов на основе подключаемых модулей («плагинов», plug-ins), однако более сложен в освоении по отношению к LancsBox в связи с ориентированностью на использование элементов алгоритмизации и программирования при работе с корпусным материалом. Вместе с тем, несомненным достоинством GATE является высокая степень документированности функционала [19] и наличие профессионального учебного презентационного материала по результатам проведения курсов повышения квалификации по практическому использованию GATE Шеффилдским университетом (Великобритания) [18]. Что касается преимуществ ПО LancsBox, то следует отметить наличие широкого функционала в области автоматизации генерации отчетов о полученных лингвостатистических данных и визуализации результатов корпусных исследований в формате «облаков слов», графов, диаграмм, «сетей коллокаций» и др. (см., например, [25]).

► 3. Электронные лексикографические источники. Несмотря на широкую известность и распространенность электронных словарей в современной лингвистической научно-исследовательской деятельности, считаем целесообразным отметить в данной категории несколько программных продуктов, способных работать в режиме «оффлайн» под управлением различных операционных систем и предоставляющих пользователям преимущества в части оптимизации работы с электронными словарными базами. Так, ПО GoldenDict [21] представляет собой настраиваемую пользовательскую словарную базу, совместимую с известными стандартами и форматами электронных словарей (ABBYY Lingvo DSL, StarDict и др.) и словарными онлайн-сервисами. Применение данного программного продукта позволяет исследователю агрегировать в рамках единой платформы все необходимые лексикографические инструменты для работы как с родным языком, так и с произвольным числом любых иностранных языков. К поддерживаемым ресурсам относятся электронные оффлайн-словари и тезаурусы, морфологические словари, вики-словари, лексикографические онлайн-сервисы и аудиоматериалы к словарям, отражающие аутентичное произношение лексических единиц разных языков. Преимуществом данного программного продукта также является возможность работы с пользовательской словарной платформой на различных компьютерных устройствах, работающих под управлением разных операционных систем, в том числе с переносного накопителя информации. Еще одной программой, удачно дополняющей рабочий процесс лингвиста, является ПО Artha [12] – оффлайн-тезаурус английского языка, работающий с семантической сетью WordNet и предоставляющий удобный графический интерфейс для исследования лексических связей в системе английского языка, в том числе – для визуализации синонимов, гиперонимов, гипонимов и иной связанной лексики с возможностью оперативного перехода к толкованию любого из связанных понятий.

► 4. Среды машинного перевода текста и компьютерной поддержки переводческой деятельности. К специализированному ЛПО, применимому как для решения практических задач в области перевода, так и для сопровождения научно-исследовательской деятельности в области теории и практики перевода, относится программный продукт OmegaT [30], объединяющий различные переводческие инструменты в рамках единого графического интерфейса и проектно-ориентированного рабочего процесса. Данный программный продукт предлагает инструментарий для осуществления двуязычного перевода текстов и текстовых массивов (корпусов текстов) и поддерживает память переводов (translation memory [44]), поиск нечетких совпадений в переведенных фрагментах текста, интеграцию с различными электронными словарями, тезаурусами и глоссариями в форматах Stardict, ABBYY Lingvo DSL и многих других, интеграцию с системами машинного перевода, такими как IBM Watson, DeepL, Google Translate и других, автоматическую генерацию переводных версий документов из исходного корпуса текстов в различных текстовых форматах, в том числе DOC/DOCX, ODT, RTF, PDF и т. д. По сути, OmegaT выступает кросс-платформенной свободной и открытой альтернативой таким коммерческим решениям как SDL Trados [39].

► 5. Средства фонетического анализа и обработки звучащей речи. К данной категории ЛПО относятся, с одной стороны, специализированные программные средства акустического анализа фонограмм, с другой стороны, аудиоредакторы, обладающие функционалом волновой и спектральной визуализации фонограмм и их модификации в соответствии с частотными задачами акустической фонетики. К первой категории фонетического ЛПО можно отнести, например, фонетический анализатор Praat [33], обладающий широким спектром функций в области спектрального анализа, анализа формантов, фонетической сегментации и транскрибирования фонограмм, статистического анализа аудиозаписей, артикуляторного и акустического синтеза речи и решения ряда других фонетических задач. Данное ПО также обладает необходимым набором инструментов для визуализации результатов фонетических исследований и подготовки отчетов [34].

Ко второй категории фонетического ЛПО следует причислить такие аудиоредакторы, как Audacity [13] и его вариантные ответвления, например, Tenacity [37]. Данные программные продукты позволяют проводить запись фонограмм и осуществлять ряд трансформаций аудиозаписей, во многих случаях необходимых при проведении фонетических исследований. В частности, к функционалу такого типа мы относим функцию спектрального редактирования, позволяющую избирательно акцентировать, подавлять или исключать требуемые звуковые частоты в определенных сегментах аудиопотока; функцию замедления или ускорения аудиозаписи без искажения высоты голоса; функцию полного или избирательного подавления шума на основе пользовательской модели, включающей сегменты-образцы нежелательных компонентов в аудиопотоке.

► 6. Языки программирования с поддержкой специализированных библиотек лингвистических алгоритмов обработки языкового материала. К данной категории ЛПО мы причисляем языки программирования общего назначения, получившие распространение в сфере разработки лингвистических алгоритмов обработки текстовой и речевой информации на естественных языках в силу наличия поддержки специализированных библиотек лингвистических алгоритмов и технологий поиска и обработки текста, таких как регулярные выражения [11] и нечеткий поиск (fuzzy search) [16]. Основным инструментом разработки лингвистических алгоритмов в настоящее время является язык программирования Python [35], что подтверждается значительным количеством прикладных лингвистических исследований, выполненных с привлечением инструментария данного языка программирования (см., например, [22]), а также наличием высокоэффективных специализированных лингвистических библиотек алгоритмов, поддерживающих данный язык программирования и позволяющих осуществлять широкий спектр аналитических операций с корпусными текстовыми массивами. Например, активно развиваемая в настоящее время библиотека NLTK (Natural Language Toolkit) [28] для Python позволяет решать задачи классификации текстов, токенизации (сегментации), стемминга (выделения корневых морфем), тэггинга (идентификации и аннотирования частеречной принадлежности лексем), парсинга (синтаксического анализа), машинного обучения с применением технологий искусственного интеллекта и многие другие задачи корпусной лингвистики. Вопросам применения Python и NLTK для решения лингвистических научно-исследовательских задач посвящена специализированная литература [29].

Вторым широко распространенным в лингвистической среде языком программирования является язык Java [32]. Причина распространенности данного языка программирования в сфере прикладной лингвистики заключается в том, что на нем реализован ряд крупных лингвистических программных продуктов, в том числе обсужденные выше GATE, LancsBox, OmegaT. Разработка данных программных продуктов и программных модулей (плагинов) и алгоритмов для них, соответственно, также ведется на языке программирования Java. Как следствие, работа с названным ПО на уровне персонализации алгоритмических модулей также требует от пользователя определенного уровня понимания синтаксиса Java и основных принципов работы с текстовыми данными на данном языке программирования. Примером пособия по применению языка программирования Java в сфере лингвистики может служить книга М. Хэммонда «Программирование для лингвистов: технология Java для исследователей языка» [23].

► 7. Программные средства поддержки лингвистической научно-исследовательской деятельности. К данной категории программного обеспечения мы относим широкий комплекс прикладных программных продуктов, непосредственно не направленных на решение лингвистических задач, но способных выступить средством оптимизации лингвистической научно-исследовательской деятельности в рамках рабочего процесса с привлечением цифровых технологий. В силу широты и открытости данной категории, предопределяющей невозможность ее всестороннего освещения, позволим себе привести несколько ярких примеров программных продуктов, отвечающих заявленным функциональным параметрам. Например, одной из частотных задач при проведении лингвистических исследований является работа с аутентичным аудиовизуальным материалом, представленным в виде аудио- и видеофайлов различных форматов (MP3, FLAC, MP4, MKV, AVI, OGG, OGV и др.), записанных с применением различных алгоритмов кодирования и сжатия данных (H.264, H.265, MPEG2, MPEG4, Ogg Theora, AV1 и др.). Оптимальным средством просмотра и прослушивания таких файлов является, по нашему мнению, кросс-платформенное ПО, совместимое одновременно с максимально возможным количеством указанных форматов и кодирующих алгоритмов и не требующее при этом отдельной установки дополнительного системного ПО для работы, то есть включающее в своем составе все необходимые программные модули для воспроизведения аудио и видео. К такому ПО относится, например, мультимедийный проигрыватель VLC Media Player [42], имеющий также переносную (portable) версию, способную работать без установки с переносного накопителя информации [43].

Другой частотной задачей при проведении лингвистических исследований является подготовка отчетной документации и научных публи-

каций, освещающих результаты научных изысканий. Оптимизирующим потенциалом в данной части рабочего процесса лингвиста-исследователя выступают такие продукты, как Zotero [48] и XMind [45]. ПО Zotero представляет собой кросс-платформенный библиографический менеджер, позволяющий автоматизировать работу с библиографическими списками, цитатами и ссылками в текстах научных публикаций. Одним из достоинств данного продукта является наличие подключаемых модулей, способных работать с российскими библиографическими стандартами различных годов (например, ГОСТ 7.0.5-2008 [8]; ГОСТ 7.32-2017 [9]).

ПО XMind представляет собой средство разработки интеллект-карт, выступающих наглядным способом визуализации отношений между различными идеями, понятиями, концепциями, терминами и т. п. По сравнению с альтернативным ПО такого типа (Mindomo, Freemind и др.) XMind, по нашему мнению, достаточно легок в освоении и при этом имеет достаточно широкий функционал в области разработки интеллект-карт при минимальных затратах времени (см., например, официальный обучающий ресурс, оформленный в виде интеллект-карты и отражающий основной функционал и принципы работы с программным продуктом [46]).

Обобщающие результаты предпринятого анализа современного ЛПО различной категориальной принадлежности с позиции оптимизации рабочего процесса лингвиста-исследователя в области теоретической и прикладной лингвистики представлены в таблице. Распространение программного обеспечения по модели свободного ПО с открытым кодом отмечено в колонке «СПО», где «+» указывает на наличие как свободной лицензии, так и открытого программного кода, «+/-» - только на распространение по свободной лицензии без открытого программного кода, «-» - на отсутствие свободной лицензии и открытого программного кода и распространение ПО по модели проприетарного продукта с коммерческой лицензией.

Таблица

Лингвистическое программное обеспечение для научно-исследовательских и научно-практических задач / Table. Linguistic software for research and scientific-practical tasks

№ п/п	Наименование категории ЛПО	Области применения в сфере теоретической и прикладной лингвистики	Наименование программного продукта	Кросс-платформенность	СПО	Официальный веб-сайт и справочные ресурсы
1	Текстовые редакторы с поддержкой технологий автоматизации поисково-трансформационных операций в тексте	Корпусные исследования языка и дискурса, структурные исследования языка на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях	LibreOffice Writer	Linux, MacOS, Microsoft Windows	+	https://www.libreoffice.org
			Vim	Linux, MacOS, Microsoft Windows, Android, iOS	+	https://www.vim.org
			GNU Emacs	Linux, MacOS, Microsoft Windows	+	https://www.gnu.org/software/emacs/
2	Корпусные менеджеры	Корпусные исследования языка и дискурса, структурные исследования языка на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях	GATE	Linux, MacOS, Microsoft Windows	+	https://www.gate.ac.uk Документация: https://gate.ac.uk/sale/tao/split.html Обучающие презентации: https://gate.ac.uk/wiki/TrainingCourseFeb2021/
			LancsBox	Linux, MacOS, Microsoft Windows	+/-	http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/ Документация: http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/docs/pdf/LancsBox_5.0_manual.pdf
3	Электронные словари, тезаурусы, семантические сети	Теоретические и прикладные лингвистические исследования, требующие лексикографического сопровождения, в том числе выполненные на многоязычном материале	GoldenDict	Linux, MacOS, Microsoft Windows	+	http://goldendict.org/
			Artha	Linux, Microsoft Windows	+	http://artha.sourceforge.net/

№ п/п	Наименование категории ЛПО	Области применения в сфере теоретической и прикладной лингвистики	Наименование программного продукта	Кросс-платформенность	СПО	Официальный веб-сайт и справочные ресурсы
4	Среды машинного перевода текста и компьютерной поддержки переводческой деятельности	Теория перевода, переводоведение, разнонаправленные исследования по теории языка, выполненные на многоязычном языковом материале	OmegaT	Linux, MacOS, Microsoft Windows	+	https://omegat.org
			SDL Trados	Нет (только Microsoft Windows)	-	https://www.trados.com/
5	Средства фонетического анализа и обработки звучащей речи	Акустическая фонетика, компьютерная фонетика	Praat	Linux, Microsoft Windows, MacOS	+	https://www.fon.hum.uva.nl/praat/ Обучающие материалы: https://www.fon.hum.uva.nl/praat/manualsByOthers.html
			Audacity, Tenacity	Linux, Microsoft Windows, MacOS	+	Audacity: https://www.audacityteam.org/ Документация: https://www.audacityteam.org/help/documentation/ Tenacity: https://tenacityaudio.org/
6	Языки программирования с поддержкой специализированных библиотек лингвистических алгоритмов обработки языкового материала	Без ограничений	Python, библиотека NLTK для Python	Linux, Microsoft Windows, MacOS, Android, iOS	+	Python: https://www.python.org NLTK: https://www.nltk.org Обучающие материалы: http://www.nltk.org/book/
			Java (OpenJDK)	Linux, Microsoft Windows, MacOS, Android, iOS	+	https://jdk.java.net
7	Программные средства поддержки лингвистической научно-исследовательской деятельности	Без ограничений	Zotero	Linux, Microsoft Windows, MacOS	+	https://www.zotero.org
			VLC Media Player	Linux, Microsoft Windows, MacOS, Android, iOS	+	https://www.videolan.org/vlc/
			XMind	Linux, Microsoft Windows, MacOS, Android, iOS	-	https://www.xmind.net

Обсуждение результатов. Выводы и предложения. Предпринятое исследование функционала современного ЛПО показало, что на современном этапе развития цифровых компьютерных технологий и программного обеспечения оптимизация научно-исследовательской и научно-практической деятельности в различных областях теоретической и прикладной лингвистики представляется оправданной и целесообразной и может проводиться с применением широкого круга разнонаправленного прикладного ЛПО. Интеграцию цифровых технологий и программных продуктов в научно-исследовательский процесс допускают лингвистические исследования, проводимые на всех уровнях языковой системы от фонетического до синтаксического, а также комплексные междисциплинарные дискурсивные исследования на одноязычном или многоязычном корпусном материале.

В ходе исследования установлено, что в настоящее время предпринят ряд попыток классификации и обобщения существующего ЛПО (например, перечень Tools for Corpus Linguistics [38]), однако подобные изыскания часто носят характер списочного перечисления программных продуктов без попытки их комплексного анализа в контексте принципов формирования полноценного научно-исследовательского процесса, что актуализирует проведение уточняющих исследований, направленных на выработку конкретных рекомендаций по отбору и применению ЛПО в различных сферах лингвистики.

Проведенный анализ разработанного по состоянию на 2021 год ЛПО позволил заключить, что подавляющее число профессиональных лингвистических программных продуктов относится к категории кросс-платформенного свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом, что открывает возможность осуществления программной поддержки научно-исследовательского процесса исключительно на основе свободных и открытых программных технологий, не требующих коммерческого лицензирования и позволяет: 1) соблюсти принцип открытости науки; 2) осуществить экономию финансовых средств при проведении научных исследований; 3) максимально персонализировать рабочий процесс исследователя за счет гибкости сочетания необходимых программных продуктов и возможности свободной их доработки и совершенствования в соответствии с целями и задачами конкретного научного исследования; 4) полноценно взаимодействовать с научными коллективами, работающими на других платформах и операционных системах, за счет кросс-платформенности и взаимной совместимости ЛПО в части используемых форматов представления данных. На наш взгляд, в этой связи рациональным предложением является рассмотрение возможностей осуществления избирательного перехода на свободные и открытые платформы с интеграцией кросс-платформенного ЛПО при проведении лингвистических исследований с применением цифровых технологий. Например, представляется возможным и целесообразным построение рабочего процесса лингвиста-исследователя на основе свободной и открытой операционной системы семейства Linux (например, Linux Mint [27], Zorin OS [47] и т. п., обладающих интерфейсом, максимально приближенным к привычному интерфейсу распространенной коммерческой операционной системы Microsoft Windows), что позволит полноценно задействовать потенциал изложенного в таблице 1 кросс-платформенного ЛПО и других альтернативных решений, относящихся к классу кросс-платформенных программных продуктов, при минимизации экономических затрат и сохранении взаимной совместимости со значительным количеством коммерческого ЛПО, в том числе предназначенного для работы на других платформах, таких как Microsoft Windows.

Проведенное исследование также позволило продемонстрировать, что современный этап развития корпусных технологий допускает проведение исследований не только с применением корпусных источников, размещенных на специализированных Интернет-ресурсах, таких как Корпус современного американского английского языка (COCA) или Национальный корпус русского языка (НКРЯ), но и с привлечением пользовательского текстового материала, на основе которого с помощью специализированных корпусных менеджеров может быть сформирован корпус текстов. Такие корпусные менеджеры, как GATE или LancsBox, позволяют объединить в единый пользовательский электронный корпус текстов произвольный объем текстового материала, представленного в одном или нескольких распространенных форматах текстовых файлов. Кроме того, анализ открытых корпусных источников показал наличие существенного количества находящихся в свободном доступе корпусных материалов, доступных для работы в режиме «оффлайн» и обработки с применением обозначенных выше корпусных менеджеров. Например, к англоязычным материалам такого рода относятся: корпус Open American National Corpus (OANC) [31]; The Manually Annotated Sub-corpus (MANC) [там же]; ряд корпусных источников, входящих в состав инструментария NLTK, в том числе Gutenberg Corpus, Web and Chat Text Corpus, Brown Corpus и другие [29]; корпусные материалы, распространяемые с корпусным менеджером LancsBox, в том числе Newsbooks, Shakespeare Corpus и другие [24]. Эти и другие подобные корпусные материалы также могут быть проанализированы с привлечением как широкого круга существующих алгоритмических процедур обработки текста (например, включенных в состав GATE модулей Gazetteer для поиска лексем и их сочетаний и JAPE для поиска лексико-грамматических конструкций [19]), так и пользовательских алгоритмических процедур, реализованных на языках программирования Python или Java с привлечением специализированных программных библиотек автоматизированной обработки текста, машинного обучения и т. п., таких как Natural Language Toolkit (NLTK). Шаблонный поиск текстовых фрагментов в пользовательском корпусном материале может также осуществляться с привлечением таких программных технологий, как регулярные выражения и нечеткий поиск, поддержка которых существует не только в узкоспециализированном ЛПО (корпусных менеджерах, библиотеках лингвистических алгоритмов), но и в программном обеспечении общего назначения, предназначенном для работы с текстовыми файлами (например, текстовые редакторы Vim, Emacs; офисный пакет LibreOffice).

Еще одним рациональным предложением по оптимизации научно-исследовательской деятельности в области лингвистики с применением цифровых технологий является рассмотрение возможности более широкого применения программных продуктов, направленных на сопровождение научно-исследовательской работы в части подготовки отчетной документации и текстов научных публикаций. С этой позиции практический интерес представляют как программные продукты, направленные непосредственно на работу с отчетной документацией (например,

библиографические менеджеры, такие как Zotero и другие подобные альтернативные решения – Mendeley, BibTex и т. п.; средства разработки интеллект-карт, такие как XMind или Mindomo), так и отдельные функциональные возможности различного ЛПО, связанные с генерацией отчетов, визуализацией результатов исследования и т. п. Примером последних могут служить режим создания графиков и диаграмм в фонетическом анализаторе Praat и функции визуализации результатов статистической обработки текстового материала в корпусном менеджере LancsBox.

Таким образом, предпринятое исследование позволило расширить границы понимания применимости лингвистического программного обеспечения в научных изысканиях по теоретической и прикладной лингвистике в условиях цифровизации и выработать ряд рекомендаций по интеграции ЛПО в деятельность лингвиста-исследователя на разных этапах проведения исследований: от систематизации и обработки материала до подготовки отчетной документации и текстов научных публикаций.

Литература

1. Антопольский, Б.А. Лингвистические ресурсы и технологии в России: состояние и перспективы. (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. М.: ИНИОН РАН, 2021. № 2. С. 114-131.
2. Бабина, О.И. Корпусный метод автоматического морфологического анализа флективных языков // Вестник ЮурГУ. 2012. № 25. С. 38-44.
3. Колмогорова, А.В., Калинин, А.А., Маликова, А.В. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №1(29). С. 139-148.
4. Национальный корпус русского языка URL: https://ruscorpora.ru/new/ (Дата обращения: 14.09.2021).
5. Паспорт специальности ВАК 10.02.19 URL: https://teacode.com/online/vak/p10-02-19.html (Дата обращения: 14.09.2021).
6. Паспорт специальности ВАК 10.02.21 URL: https://teacode.com/online/vak/p10-02-21.html (Дата обращения: 14.09.2021).
7. Проекты паспортов научных специальностей номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются степени, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 URL: https://drive.google.com/drive/folders/1xqoWINSPHH48_IA2Iw1uuWt3qkMQc5E0 (Дата обращения: 14.09.2021).
8. Стиль цитирования ГОСТ 7.0.5-2008 для программы Zotero URL: https://github.com/romanraspopov/GOST-styles-for-Zotero (Дата обращения: 15.09.2021).
9. Стиль цитирования ГОСТ 7.32-2017 для программы Zotero URL: https://firescience.ru/project/zoterogost/7322017.html (Дата обращения: 15.09.2021).
10. Тарасова, И.А. Концептуальное моделирование как методологическая основа анализа корпусных данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. №63. С. 178-188.
11. Фридл, Дж. Регулярные выражения. М.: Символ-Плюс, 2008. 608 с.
12. Artha – The Open Thesaurus URL: http://artha.sourceforge.net/ (Дата обращения: 14.09.2021).
13. Audacity: Free, open source, cross-platform audio software for multi-track recording and editing URL: https://www.audacityteam.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
14. Bird, S., Klein, E., Loper, E. Natural Language Processing with Python URL: http://www.nltk.org/book/ (Дата обращения: 14.09.2021).
15. Corpus of Contemporary American English (COCA) URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (Дата обращения: 14.09.2021).
16. Fuzzy Searches: IBM Documentation. URL: https://www.ibm.com/docs/en/informix-servers/12.10?topic=modifiers-fuzzy-searches (Дата обращения: 14.09.2021).
17. GATE (General Architecture for Text Engineering) [RL: https://gate.ac.uk/ (Дата обращения: 14.09.2021).
18. GATE: 13th Training Course (online) – Feb 2021 URL: https://gate.ac.uk/wiki/TrainingCourseFeb2021/ (Дата обращения: 14.09.2021).
19. GATE: Developing Language Processing Components With GATE (a User Guide) URL: https://gate.ac.uk/sale/tao/split.html (Дата обращения: 14.09.2021).
20. GNU Emacs URL: https://www.gnu.org/software/emacs/ (Дата обращения: 14.09.2021).
21. GoldenDict URL: http://goldendict.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
22. Google Scholar: Natural Language Toolkit URL: https://scholar.google.com.au/scholar?q=%22natural+language+toolkit%22 (Дата обращения: 14.09.2021).
23. Hammond, M. Programming for Linguists: Java Technology for Language Researchers. Cambridge: Blackwell Publishers, 2002. – 288 p.
24. LancsBox: Lancaster University Corpus Toolbox URL: http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox (Дата обращения: 14.09.2021).
25. LancsBox: Lancaster University Corpus Toolbox: Materials URL: http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/materials.php (Дата обращения: 14.09.2021).
26. LibreOffice – Free Office Suite URL: https://www.libreoffice.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
27. Linux Mint URL: https://www.linuxmint.com/ (Дата обращения: 14.09.2021).
28. Natural Language Toolkit URL: http://www.nltk.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
29. NLTK: Accessing Text Corpora and Lexical Resources URL: https://www.nltk.org/book (Дата обращения: 14.09.2021).

30. OmegaT – The Free Translation Memory Tool URL: https://omegat.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
31. Open American National Corpus (OANC) URL: https://www.sketchengine.eu/oanc_masc-corpus/ (Дата обращения: 14.09.2021).
32. OpenJDK: Java Development Kit URL: https://openjdk.java.net/ (Дата обращения: 14.09.2021).
33. Praat: Doing Phonetics By Computer URL: https://www.fon.hum.uva.nl/praat/ (Дата обращения: 14.09.2021).
34. Praat: Picture Window URL: https://www.fon.hum.uva.nl/praat/manual/Picture_window.html (Дата обращения: 14.09.2021).
35. Python URL: https://www.python.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
36. Regex 101: Build, test, and debug regex URL: https://regex101.com/ (Дата обращения: 14.09.2021).
37. Tenacity URL: https://tenacityaudio.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
38. Tools for Corpus Linguistics URL: https://corpus-analysis.com/ (Дата обращения: 14.09.2021).
39. Trados: Translation Software, CAT Tool & Terminology URL: https://www.trados.com/ (Дата обращения: 14.09.2021).
40. TuxTrans: Applications URL: http://web.archive.org/web/20210126083214/https://www.uibk.ac.at/tuxtrans/software.html (Дата обращения: 14.09.2021).
41. Vim URL: https://www.vim.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).
42. VLC Media Player URL: https://www.videolan.org/index.ru.html (Дата обращения: 14.09.2021).
43. VLC Media Player Portable (PortableApps.com) URL: https://portableapps.com/apps/music_video/vlc_portable (Дата обращения: 14.09.2021).
44. What is Translation Memory? URL: https://www.trados.com/solutions/translation-memory/ (Дата обращения: 14.09.2021).
45. XMind – Mind Mapping Software URL: https://www.xmind.net/ (Дата обращения: 14.09.2021).
46. XMind Tutorial URL: https://www.xmind.net/embed/Keyt/ (Дата обращения: 14.09.2021).
47. Zorin OS: Your Computer. Better URL: https://zorinos.com/ (Дата обращения: 14.09.2021).
48. Zotero: Your Personal Research Assistant URL: https://www.zotero.org/ (Дата обращения: 14.09.2021).

References

1. Antopol'skii, B.A. Lingvisticheskie resursy i tekhnologii v Rossii: sostoyanie i perspektivy. (Obzor) (Linguistic resources and technologies in Russia: current state and perspectives. [Overview]) // Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki. Moscow: INION RAN, 2021. No. 2. P. 114-131. (In Russian).
2. Babina, O.I. Korpusnyi metod avtomaticheskogo morfologicheskogo analiza flektivnykh yazykov (Corpus method of automatic morphological analysis of flective languages) // Vestnik YuurGU. 2012. № 25. S. 38-44. (In Russian).
3. Kolmogorova, A.V., Kalinin, A.A., Malikova, A.V. Lingvisticheskie printsipy i metody komp'yuternoi lingvistiki dlya resheniya zadach sentiment-analiza russkoyazychnykh tekstov (Linguistic principles and methods of computational linguistics for the sentiment-analysis of Russian texts) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2018. №1(29). S. 139-148. (In Russian).
4. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (National Corpus of Russian Language) URL: https://ruscorpora.ru/new/ (Accessed: 14.09.2021). (In Russian).
5. Pasport spetsial'nosti VAK 10.02.19 (Higher Attestation Commission scientific specialty passport 10.02.19) URL: https://teacode.com/online/vak/p10-02-19.html (Accessed: 14.09.2021). (In Russian).
6. Pasport spetsial'nosti VAK 10.02.21 (Higher Attestation Commission scientific specialty 10.02.21) URL: https://teacode.com/online/vak/p10-02-21.html (Accessed: 14.09.2021). (In Russian).
7. Proekty pasportov nauchnykh spetsial'nostei nomenklatury nauchnykh spetsial'nostei, po kotorym prisuzhdayutsya stepeni, utverzhdennoi prikazom Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi federatsii ot 24 fevralya 2021 g. № 118 (Projects of the scientific specialty passports according to the classification of scientific specialties used in awarding scientific degrees, as established by the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation on February 24, 2021, order No. 118) URL: https://drive.google.com/drive/folders/1xqoWINSPHH48_IA2Iw1uuWt3qkMQc5E0 (Accessed: 14.09.2021). (In Russian).
8. Stil' tsitirovaniya GOST 7.0.5-2008 dlya programmy Zotero (GOST 7.0.5-2008 citation style for Zotero) URL: https://github.com/romanraspopov/GOST-styles-for-Zotero (Accessed: 15.09.2021). (In Russian).
9. Stil' tsitirovaniya GOST 7.32-2017 dlya programmy Zotero (GOST 7.32-2017 citation style for Zotero) URL: https://firescience.ru/project/zoterogost/7322017.html (Accessed: 15.09.2021). (In Russian).
10. Tarasova, I.A. Kontseptual'noe modelirovanie kak metodologicheskaya osnova analiza korpusnykh dannykh (Corpus modeling as a methodological basis of analyzing corpus data) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2020. No. 63. P. 178-188. (In Russian).
11. Fridl, Dzh. Regulyarnye vyrazheniya (Regular expressions). Moscow: Simvol-Plyus, 2008. 608 p. (In Russian).
12. Artha – The Open Thesaurus URL: http://artha.sourceforge.net/ (Accessed: 14.09.2021).
13. Audacity: Free, open source, cross-platform audio software for multi-track recording and editing URL: https://www.audacityteam.org/ (Accessed: 14.09.2021).
14. Bird, S., Klein, E., Loper, E. Natural Language Processing with Python URL: http://www.nltk.org/book/ (Accessed: 14.09.2021).
15. Corpus of Contemporary American English (COCA) URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (Accessed: 14.09.2021).
16. Fuzzy Searches: IBM Documentation URL: https://www.ibm.com/docs/en/informix-servers/12.10?topic=modifiers-fuzzy-searches (Accessed: 14.09.2021).
17. GATE (General Architecture for Text Engineering) URL: https://gate.ac.uk/ (Accessed: 14.09.2021).
18. GATE: 13th Training Course (online) – Feb 2021 URL: https://gate.ac.uk/wiki/TrainingCourseFeb2021/ (Accessed: 14.09.2021).
19. GATE: Developing Language Processing Components With GATE (a User Guide) URL: https://gate.ac.uk/sale/tao/split.html (Accessed: 14.09.2021).

20. GNU Emacs URL: https://www.gnu.org/software/emacs/ (Accessed: 14.09.2021).
21. GoldenDict URL: http://goldendict.org/ (Accessed: 14.09.2021).
22. Google Scholar: Natural Language Toolkit URL: https://scholar.google.com.au/scholar?q=%22natural+language+toolkit%22 (Accessed: 14.09.2021).
23. Hammond, M. Programming for Linguists: Java Technology for Language Researchers. Cambridge: Blackwell Publishers, 2002. - 288 p.
24. LancsBox: Lancaster University Corpus Toolbox URL: http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox (Accessed: 14.09.2021).
25. LancsBox: Lancaster University Corpus Toolbox: Materials URL: http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/materials.php (Accessed: 14.09.2021).
26. LibreOffice — Free Office Suite URL: https://www.libreoffice.org/ (Accessed: 14.09.2021).
27. Linux Mint URL: https://www.linuxmint.com/ (Accessed: 14.09.2021).
28. Natural Language Toolkit URL: http://www.nltk.org/ (Accessed: 14.09.2021).
29. NLTK: Accessing Text Corpora and Lexical Resources URL: https://www.nltk.org/book (Accessed: 14.09.2021).
30. OmegaT — The Free Translation Memory Tool URL: https://omegat.org/ (Accessed: 14.09.2021).
31. Open American National Corpus (OANC) URL: https://www.sketchengine.eu/oanc_masc-corpus/ (Accessed: 14.09.2021).
32. OpenJDK: Java Development Kit URL: https://openjdk.java.net/ (Accessed: 14.09.2021).
33. Praat: Doing Phonetics By Computer URL: https://www.fon.hum.uva.nl/praat/ (Accessed: 14.09.2021).
34. Praat: Picture Window URL: https://www.fon.hum.uva.nl/praat/manual/Picture_window.html (Accessed: 14.09.2021).
35. Python URL: https://www.python.org/ (Accessed: 14.09.2021).
36. Regex 101: Build, test, and debug regex URL: https://regex101.com/ (Accessed: 14.09.2021).
37. Tenacity URL: https://tenacityaudio.org/ (Accessed: 14.09.2021).
38. Tools for Corpus Linguistics URL: https://corpus-analysis.com/ (Accessed: 14.09.2021).
39. Trados: Translation Software, CAT Tool & Terminology URL: https://www.trados.com/ (Accessed: 14.09.2021).
40. TuxTrans: Applications URL: http://web.archive.org/web/20210126083214/https://www.uibk.ac.at/tuxtrans/software.html (Accessed: 14.09.2021).
41. Vim URL: https://www.vim.org/ (Accessed: 14.09.2021).
42. VLC Media Player URL: https://www.videolan.org/index.ru.html (Accessed: 14.09.2021).
43. VLC Media Player Portable (PortableApps.com) URL: https://portableapps.com/apps/music_video/vlc_portable (Accessed: 14.09.2021).
44. What is Translation Memory? URL: https://www.trados.com/solutions/translation-memory/ (Accessed: 14.09.2021).
45. XMind — Mind Mapping Software URL: https://www.xmind.net/ (Accessed: 14.09.2021).
46. XMind Tutorial URL: https://www.xmind.net/embed/Keyt/ (Accessed: 14.09.2021).
47. Zorin OS: Your Computer. Better URL: https://zorinos.com/ (Accessed: 14.09.2021).
48. Zotero: Your Personal Research Assistant URL: https://www.zotero.org/ (Accessed: 14.09.2021).

Сведения об авторе

Каменский Михаил Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / mkamenskii@ncfu.ru

Information about the author

Kamensky Mikhail V. – D.Sc. in Philology, Professor, Romance and Germanic Philology and Linguodidactics Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / mkamenskii@ncfu.ru

CC BY

УДК 800.73: 801.3

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.27

Т. Н. Ломтева
Е. В. Патрушева

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНИМАЦИОННОГО СЕРИАЛА

В данной статье рассматриваются языковые и культурологические черты межэтнического взаимодействия на примере американского анимационного сериала «Animaniacs». Языковая игра как актуализируемый лингвостилистический прием исследуется в контексте неотъемлемого компонента культуры различных народов, в том числе американской; определяется ее роль в межнациональной коммуникации; выявляются функции языковой игры, способствующие достижению авторской интенции и адекватному пониманию информационного посыла, что представляет прагматический интерес не только в рамках культуры-донора, но и принимающей культуры как, соответственно, культур низкого и высокого контекстов.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью дальнейшего развития проблемы интерпретации феномена языковой игры в принимающей культуре через цепь средств достижения прагматического эффекта. Языковая игра как одно из наиболее эффективных средств достижения авторской интенции получает все большее распространение в текстах различных видов кино. Анимация, являясь ярким представителем современного кино, решая многогранные задачи, прежде всего, воспитания, создания оптимистического настроения, образования, отдыха, формирует и развивает личность, неся при этом прагматическую нагрузку.

В данной статье предлагается трехаспектный вектор рассмотрения языковой игры: с одной стороны, языковая игра как лингвокультурный феномен, детерминированный спецификой языка и культуры, в которых он порождается; с другой стороны, как дискурсивный речевоздействующий феномен с высоким прагматическим потенциалом, выходящим за рамки сугубо комического воздействия на реципиента. Важным аспектом также является диалогизация межкультурного взаимодействия в формате и контексте лингвокультурной адаптации семантики речевоздействия порождающей культуры в текстовом пространстве культуры принимающей.

Ключевые слова: языковая игра, функции языковой игры, межэтническое взаимодействие, культура высокого контекста, культура низкого контекста, лингвистические приемы создания комического эффекта, прагматический эффект.

Для цитирования: Ломтева Т. Н., Патрушева Е. В. Лингвокультурные особенности межэтнического диалога в текстовом пространстве анимационного сериала // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 219–226. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.27

Tatiana N. Lomteva
Ekaterina V. Patrusheva

LINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES OF INTERETHNIC DIALOGUE IN THE TEXT OF AN ANIMATED TELEVISION SERIES

The paper focuses on considering linguistic and cultural aspects of interethnic dialogue functioning in the text of an animated television series from theoretical standpoint. The empiric data is based on the American animated comedy musical television series “Animaniacs”. We make an attempt at defining wordplay as an essential component of different cultures and advocate its role in structuring interethnic communication. The wordplay functional peculiarities are specified as contributing to the achievement of the author’s intention which is pragmatically relevant for both the cultures by way of adapting it in the receiving culture.

The relevance of the study lies in the need to carry out further research of the problem of the wordplay interpretation in the receiving culture by applying means of enhancing the pragmatic effect. Wordplay as one of the most effective means of achieving the author’s intention is becoming increasingly common in the texts of films of various types. Animated comedies being one of the brightest representatives of contemporary cinema are aimed to tackle multifaceted challenges of upbringing, education, creation of spirit optimism. Being pragmatically saturated animated comedies build and develop viewer’s personality.

The given article is based on a three-pronged approach to the study of wordplay: it is considered to be a linguistic and cultural phenomenon determined by peculiarities of the language and culture in which it is created, on the other hand, it is regarded as a discursive phenomenon with high pragmatic potential which goes beyond the scope of comic impact on the recipient. Thirdly, it contributes to the communicative success in bridging distance between the actors of intercultural dialogue be making clear and transparent the intentional and emotional charge of the information to be put across from the giver to the receiver.

Key words: wordplay, wordplay functional features, culture of high context, culture of low context, interethnic communication, linguistic devices of creating humorous effect, pragmatic effect.

For citation: Lomteva T. N., Patrusheva E. V. Linguistic and cultural peculiarities of interethnic dialogue in the text of an animated television series // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 219–226. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.27

Функциональные свойства языковой игры как одной из форм языкового творчества способствуют беспрерывному обогащению языка. Различные средства массовой информации, теле- и радиопередачи, художественные и анимационные фильмы достигают прагматического эффекта посредством применения в своих текстах языковой игры. Языковая игра, выступая важным компонентом культуры различных народов и обладая широким прагматическим потенциалом, в настоящий момент вызывает повышенный интерес профессионалов различных сфер и областей, как с научно-теоретической точки зрения (филологи, языковеды, социологи), так и с точки зрения ее использования (политические деятели, телевизионные и радиоведущие) в текстовом пространстве различных институциональных типов дискурса.

Отличительными признаками языковой игры, по мнению И.В. Степановой, является «реализация творческого потенциала языковой личности и ее языковой компетенции, что проявляется в сознательном нарушении нормативных отношений в системе языка, а также установка на достижение определенного стилистического (эстетического, комического) и прагматического эффекта» [3]. В настоящее время внимание лингвистов сосредоточено на феномене языковой игры, который характеризуется рядом особенностей, связанных с происходящими в современном обществе социальными процессами, такими как либерализация сознания и стремление человека к автономности. Н.С. Кабылкина и М.В. Каменский подчеркивают, что вышеуказанные процессы являются причиной расширения функциональной направленности языковой игры и её выхода за рамки создания комического эффекта. В частности, современная коммуникация характеризуется использованием языковой игры как целенаправленного влияния на подсознание адресата в целях достижения авторских интенций, а также удовлетворения ряда других коммуникативных потребностей [2]. При этом нерешенной остается проблема переноса эффектов, свойственных языковой игре, с одного языка на другой. Данная проблема обусловлена не только языковым разнообразием, но и культурными особенностями народов, участвующих в коммуникативном взаимодействии. Глобальные перемены в обществе, социальный заказ и распространение новых технологий приводят к постоянным изменениям целевого компонента языковой игры как средства создания прагматического эффекта.

Культура межэтнического сотрудничества проявляется в определенных взаимосвязях и взаимоотношениях, когда люди разных национальностей обмениваются ценностями, опытом, чувствами. В процессе межэтнического сотрудничества необходимо учитывать психологические особенности коммуникантов, а также социокультурные факторы и условия, характерные для общества, в котором они функционируют. Исследователи А. Гарсия-Карбонелл и Б. Райзинг в своей статье «Культура и коммуникация» подчеркивают прямую зависимость между знаниями о культуре и коммуникацией: чем выше уровень знаний участника коммуникации о культуре его собеседника, тем эффективнее процесс коммуникации [4]. Для успешного межэтнического диалога необходимо понимать ценностные ориентации общества и специфику культуры представителей различных национальностей. Важно не только владеть теоретическими знаниями об основах и принципах межкультурной коммуникации, но и уметь использовать их на практике, верно интерпретировать коммуникативную задумку говорящего [5].

В нашей работе мы исследуем языковую игру на примере американского анимационного сериала “Animaniacs”. Мы интерпретируем языковую игру как сознательное нарушение языковых и речевых норм, сопровождающееся формированием комических значений и нацеленное на реализацию конкретных коммуникативно-прагматических результатов. Приведенное определение актуально как для высококонтекстных культур (основополагающее значение имеют возбудители коммуникативного акта, а второстепенную важность имеет его содержание), так и для низкоконтекстных культур (важнейшую роль играет объективное содержание коммуникативного акта и второстепенную – его контекст) культур. Так, языковая игра должна быть полностью передана в принимающем языке, не теряя данных качеств. Однако в связи с культурными и языковыми различиями данная задача не всегда является решаемой. Лингвокультурная адаптация средств передачи языковой игры теми же языковыми приемами бывает сложной в силу того, что культурные реалии, которые необходимо передать, могут просто отсутствовать в интерпретируемом языке. С. Влахов и С. Флорин в книге «Непереводимое в переводе» говорят о том, что «буквального перевода (т.е. передачи не только содержания, но и формы) при переводе языковой игры можно добиться скорее в виде исключения; как правило же, здесь не обходится без потерь. Решение вопроса, чем жертвовать: передать содержание, отказавшись от игры слов, или же сохранить игру слов за счет замены образа, отклонения от точного значения, затушевки идейного смысла, сосредоточиться только на игре, полностью абстрагировавшись от содержания, зависит от ряда предпосылок, но в первую очередь от требований контекста, главным образом широкого контекста, а нередко и всего произведения в целом. И уже на втором месте учитывать языковые возможности переводящего языка по сравнению с исходным языком и лексические данные самих единиц» [1]. Таким образом, если языковая игра

в интерпретируемом языке является осознанным нарушением языковых норм, где она сохраняет комический смысл и достигает определенных коммуникативно-прагматических целей, при этом лингвистические средства создания языковой игры сохранены, то можно говорить об успешной интерпретации языковой игры.

Так, мы выделяем два основных принципа, в соответствии с которыми следует интерпретировать средства создания языковой игры:

1. Сохранить форму лингвистического средства создания языковой игры;
2. Сохранить комический смысл и определенные прагматические функции языковой игры.

Данные принципы характерны для культур высокого и низкого контекста, т.к. в тексте анимации границы, различающие эти два типа контекста стираются. Основной упор приходится на контекст самого произведения. Принадлежность же реципиента, на которого направлен тот или иной контекст с использованием языковой игры, влияет на само восприятие комического эффекта и на прагматическое принятие произведения. Это происходит в силу того, что различия в культурах напрямую влияют на восприятие действительности, в том числе и в тексте анимации.

Вот почему при интерпретации исследователю необходимо знать авторство языковой игры и предысторию ее возникновения.

В настоящем исследовании все языковые средства достижения комического эффекта были разделены на полностью интерпретируемые аналогичными языковыми средствами, не интерпретируемые и интерпретируемые условно, так как успешная реализация прагматических функций языковой игры зависит от фоновых знаний реципиента (если таковые знания имеются, то прагматический эффект успешен). Коммуникативно-прагматический эффект языковой игры детерминирован ее речевыми функциями. Для адекватной интерпретации авторской интенции и передачи прагматического эффекта необходимо понимание основных функций языковой игры анимационного сериала “Animaniacs”, а также рассмотрение языка передачи данных функций. Итак, основными прагматическими функциями языковой игры в “Animaniacs” являются:

1. Экспрессивная функция. Данная функция проявляется в исследуемом сериале в 100 % случаев использования языковой игры, что связано с самим характером феномена языковой игры, экспрессивной по своей природе. Полная передача экспрессивности аналогичными языковыми средствами возможна в случае небольших языковых трансформаций. Так, например:

1) – Stay away from the window. I’ve been tailed.
2) – Oh, that sounds painful (77a «This Pun for Hire»).
1) – Держитесь подальше от окна. За мной хвост.
2) – А с виду так и не скажешь!

Слово tail в английском языке имеет несколько значений, которые относятся к разным частям речи (сущ. “хвост”; гл. “отрубать хвост; следить”). Фраза I’ve been tailed (досл. “мне отрубили хвост”) переводится как “за мной хвост”. При переводе используется прием замены части речи. Фраза Oh, that sounds painful (досл. “О, это звучит больно”) интерпретируется как “а с виду так и не скажешь”. В данном случае происходит трансформация всего предложения. В приведенном примере дословный перевод фрагмента сериала был опущен с целью передачи экспрессивности и комического эффекта. Каламбур языковой игры при данном переводе сохраняется.

Так, приведем еще пример:

1) – What are you waiting for?
2) – A tip.
1) – Floss every day! Now go away (92b «Bully for Skippy»).
1) – Чего ты ждешь?
2) – Чаевых.
1) – Чисти зубы каждый день! А теперь проваливай!

В указанном выше примере экспрессивная функция достигается посредством использования каламбура. Существительное tip может переводиться как «деньги, выдаваемые обслуживающему персоналу гостиниц, ресторанов и т. п. сверх платы по счету», но в данном случае применяется в другом значении (“совет, подсказка”), обыгрывая, таким образом, обращенную к ней просьбу. При дословном переводе происходит потеря комического эффекта языковой игры, т. к. в русском языке у слова чаевые нет аналогичного значения “совет, подсказка”. Мы предлагаем перевести данную конструкцию следующим образом:

– *Что еще тебе нужно?*
– *Вознаграждение.*
– *Общение со мной уже награда!*

При таком переводе происходит перенос значения слова “вознаграждение” (материальная награда – общение как награда). Данная трансформация сохраняет экспрессивность и комический эффект.

Передача экспрессивности без языковых трансформаций через более простые языковые средства представляется вполне возможной. Например:

– *What does the word «procrastination» mean?*
– *I’ll tell you tomorrow (16a “Chalkboard Bungle”).*
– *Что значит слово «прокрастинация»?*
– *Я расскажу тебе завтра.*

В данном примере ирония заключается в значении слова «прокрастинация» и в том, что героиня откладывает свой ответ на поставленный вопрос на следующий день. Представленный

перевод полностью передает замысел авторов анимации, так как данная фраза имеет экспрессивно-ироническое воздействие и в русском языке.

В исследуемом материале мы также выделили условно интерпретируемые языковые средства. Так, например:

“The Warners and the Beanstalk” (51a “The Warners and the Beanstalk”).

“Уорнеры и бобовый стебель”.

В данном примере используется аллюзия к сказке “Jack and the Beanstalk” (“Джек и бобовый стебель”). При переводе аллюзия сохраняется. Однако успешное воздействие экспрессивной функции языковой игры зависит от фоновых знаний реципиента, таким образом если зрителю знакома сказка, обыгрываемая в эпизоде, то экспрессивная функция языковой игры будет успешной.

Так, из 450 исследуемых контекстов экспрессивную функцию полностью возможно передать теми же языковыми средствами в 58 % случаях (262 контекста). В 30 % случаев (132 контекста) происходит замена языковых средств. В 12 % случаев (56 контекстов) передача данной функции возможна условно.

2. Развлекательная. Развлекательная функция языковой игры в “Animaniacs” представлена достаточно ярко. Так, данная функция проявляется в 94,22% случаев использования языковой игры (424 контекста). Эта функция в исследуемом материале характеризуется стремлением развлечь себя и собеседника, вызвать смех и положительное к себе отношение.

1) - I think I can see into the future.

2) - Into the future? When did it start?

1) - Next Monday (23a “Be careful what you eat”).

1) - Я думаю, что могу смотреть в будущее.

2) - В будущее? Когда это началось?

1) - В следующий понедельник.

Здесь развлекательная функция реализуется через каламбур. Для того, чтобы рассмешить зрителя, автор использует игру слов, т.е. герой еще не видит будущего, но уже знает, что с ним случится в следующий понедельник. При переводе на русский язык развлекательная функция сохраняется, т.к. каламбур в данном случае построен на прямом значении слов, которые совпадают со значением в английском и русском языках.

1) - How do you stay together?

2) - We use rubber bands (5a “Taming of the Screwy”).

1) – Как вам удается оставаться вместе?

2) – Мы используем резиновую ленту.

В данном примере автор использует каламбур для обыгрывания вопроса. Когда у реципиента спрашивают: “Как вам удается оставаться вместе?”, автор обыгрывает вопрос и герой отвечает “Мы используем резиновую ленту”. Таким образом, вопрос понимается в прямом смысле вместо переносного. В данном примере развлекательная функция также сохраняется, т.к. перевод с прямого значения на переносный уместен и в русском языке.

Однако встречаются фрагменты, где происходит замена средств создания языковой игры с целью реализации развлекательной функции. Например:

1) - Dresses would be Dot’s department.

2) - I’m introducing a new fall line.

1) - Polka dot?

2) - If you insist (танцуетпольку) (10a “King Yakko”).

1) – Обмундирование - это по части Дот.

2) - Я представляю новую осеннюю коллекцию.

1) – Одежда в горошек?

2) – Если вы настаиваете.

Действие данного эпизода происходит в воображаемом королевстве. Одной из героинь – Дот - поручено “одеть” армию. Когда она в воодушевлении вскрикивает, что создаст новую осеннюю коллекцию, ее спрашивают, будет ли это одежда в горошек. Дот начинает танцевать, неправильно интерпретируя значение фразы polkadot, которая в данном контексте имеет два значения (“узор в горошек; станцуем польку, Дот?”). Дот спрашивают об одежде, в то время как она воспринимает фразу как просьбу станцевать. Языковая игра при таком переводе теряется и комический эффект непонятен. Для сохранения развлекательной функции мы предлагаем следующий перевод данной конструкции:

1) - Обмундированием займется Дот.

2) - Я представляю польский стиль.

1) - А польку станцуешь?

2) - Если вы настаиваете.

В таком варианте перевода развлекательная функция сохраняется, однако каламбур языковой игры теряется.

В “Animaniacs” развлекательную функцию языковой игры можно передать теми же приемами в 54 % случаев (228 контекстов). В 35 % случаев (147 контекстов) происходит замена языковых средств создания языковой игры с целью реализации развлекательной функции. В 11 % случаев (49 контекстов) успешная реализация развлекательной функции языковой игры в “Animaniacs” является условной.

3. Языкотворческая. Данная функция в “Animaniacs” представлена в 23,56 % случаев (106 контекстов). Средства создания языковой игры реализует языкотворческую функцию через развитие мышления и языка.

Mr. Tator, I’ve got a punishment that’s fair, just, and clever – or maybe just fairly clever (10a “King Yakko”).

Мистер Татор, у меня есть наказание, которое достаточно честное и справедливое. Думаю, оно подойдет.

Языковая игра в данном случае построена на многозначности слова just (“справедливо; безусловно”), и словах fair (“честный”), fairly (“объективно”). В приведенном переводе происходит полная трансформация языковых единиц. Дословно данная конструкция переводится следующим образом: “Мистер Татор, у меня есть наказание, которое честное, заслуженное и умное или, может быть, просто явно умное”. При передаче на русский язык каламбур языковой игры теряется.

Языкотворческую функцию языковой игры можно передать теми же приемами в 23 % случаев (24 контекста). В 70 % случаев (74 контекста) происходит замена языковых средств создания языковой игры с целью реализации данной функции. В 7 % случаев (8 контекстов) успешная реализация языкотворческой функции языковой игры в “Animaniacs” является условной.

4. Оценочная функция. Оценочность в исследуемом материале выражается при описании относительно устойчивых позитивных или негативных характеристик человека, предмета или явления. Данная функция в “Animaniacs” представлена с отрицательной оценкой (-) в 14,22 % случаев (64 контекста).

- You wouldn’t understand it, dumb, Simple-minded girl (17a «Roll over, Beethoven»)

- Ты бы не поняла это, глупая, наивная девчонка.

В представленном выше примере отрицательная оценка ярко выражается посредством прилагательных с негативной коннотацией dumb (глупый), simple-minded(наивный).

С положительной оценкой данная функция языковой игры в “Animaniacs” встречается в 2,44 % случаев (11 контекстов).

- The garage sale. That’s the best garage I’ve ever seen (12a “Garage Sale of the Century”)

- Гаражная распродажа. Это лучший гараж, который я когда-либо видел.

Здесь оценочная функция также реализуется через гиперболу, посредством которой герой мультфильма показывает свое положительное отношение (“лучший гараж, который я когда-либо видел”).

В “Animaniacs” оценочную функцию с отрицательной коннотацией можно передать теми же приемами в 83 % случаев (53 контекста). В 17 % случаев (11 контекстов) происходит замена языковых средств создания языковой игры с целью реализации данной функции. Оценочную функцию с положительной коннотацией можно передать теми же средствами в 50 % случаев (6 контекстов). Такое же число контекстов было выявлено с заменой языковых средств в целях сохранения оценочной функции с положительной коннотацией (50 % - 6 контекстов).

5. Маскировочная. Маскировочная функция в “Animaniacs” позволяет «замаскировать» сообщение и благодаря этому выразить те смыслы, о которых “не принято говорить”. Данная функция в “Animaniacs” представлена в 9,11 % случаев (41 контекст).

“Pavlov’s mice”

“Мыши Павлова”

В данном примере в названии одного из эпизодов первого сезона сериала используется аллюзия к опытам, проводимым над собаками, русским ученым И. П. Павловым. Маскировочная функция в данном контексте успешно реализуется и в русском языке т.к. языковые единицы имеют тоже значение.

В “Animaniacs” маскировочную функцию языковой игры можно передать теми же приемами в 5 % случаев (2 контекста). В 60 % случаев (25 контекстов) происходит замена языковых средств создания языковой игры с целью реализации маскировочной функции. В 35 % случаев (14 контекстов) успешная реализация маскировочной функции языковой игры в “Animaniacs” является условной.

6. Функция удовлетворения агрессивности. Функция удовлетворения агрессивности в “Animaniacs” заключается в обыгрывании слов и действий персонажей, отрицательно влияющих на главных героев согласно их мнению. Данная функция в “Animaniacs” представлена в 2,22 % случаев (10 контекстов).

1) - Please, get off me. I am the dictator!

2) - O.k., Dick, or is it Mr. Tator? (10a “King Yakko”).

1) – Оставьте меня в покое. Я диктатор!

2) – Хорошо, Дик, или просто мистер Татор?

В приведенном примере персонаж демонстрирует свое негативное отношение к героям словами Please, get off me. I am the dictator! (“Оставьте меня в покое. Я диктатор”). На эти слова герои отвечают O.k., Dick, or is it Mr. Tator? (“Хорошо, Дик, или просто Мистер Татор”). Здесь герои обыгрывают слово dictator, воспринимая его как имя собственное Dick Tator. Функция удовлетворения агрессивности проявляется в реакции на слова, которые несут негативную окраску (Please, get off me. I am the dictator!), герои не отвечают грубостью на грубость, они обыгрывают фразу, создавая комический эффект.

86. - Stop badgering the witness!

87. - Sorry.

[ВАА] показывает свидетелю козла

1) - What are you doing now?

2) - Goating the witness. (14a “La La Law”).

1) - Перестаньте травить свидетельницу!

2) - Простите.

[Бее] показывает свидетелю козла

1) - А теперь что вы делаете?

2) - Дразню свидетельницу.

В данном эпизоде действия происходят в суде, где адвокат опрашивает свидетеля. При очередном вопросе адвоката судья вскрикивает: “Stop

badgering the witness!" ("Хватит вести свидетеля, задавать ему наводящие вопросы"). Адвокат извиняется и показывает свидетелю козла. Тогда судья спрашивает: What are you doing now? ("А сейчас что вы делаете?"). Адвокат отвечает: "Goating the witness" (goat – козел). Здесь происходит неправильная интерпретация высказывания. Слово badgering во фразе Stop badgering the witness! имеет значение "вести, подсказывать, задавать наводящие вопросы", однако отдельно от фразы слово badger переводится как "барсук", поэтому адвокат обыгрывает это и показывает свидетелю козла. При переводе на русский язык комический эффект языковой игры в данном примере не передается аналогичными языковыми средствами.

В "Animaniacs" функцию удовлетворения агрессивности можно передать теми же приемами в 40 % случаев (4 контекста). В 60 % случаев (6 контекстов) происходит замена языковых средств создания языковой игры с целью реализации развлекательной функции.

Таким образом, нами было установлено, что языковая игра в "Animaniacs" является основным средством достижения авторской интенции и реализует такие функции в речи, как экспрессивная, развлекательная, языкотворческая, оценочная, маскировочная, функция удовлетворения агрессивности.

Так, из 450 контекстов экспрессивная функция проявляется в 450 исследованных контекстах (100% случаев), развлекательная – в 424 контекстах (94,22%), языкотворческая – в 106 контекстах (23,56 %), оценочная (-) – в 64 контекстах (14,22%), оценочная (+) – в 11 контекстах (2,44%), маскировочная – в 41 контексте (9,11%), функция удовлетворения агрессивности – в 10 контекстах (2,22 %) (Диаграмма 1).

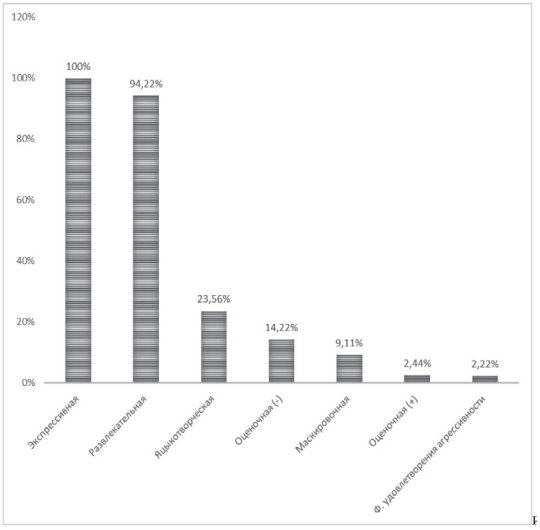

Диаграмма 1
Соотношение прагматических функций языковой / Diagram 1 - Correlation of pragmatic functions of language

Верное восприятие выявленных функции языковой игры является результатом культурного диалога в процессе естественного перетекания идей, их взаимовлияния, усвоения в случае верной языковой передачи. В случае неверной языковой передачи данных функций может возникнуть отторжение понимания языковой игры и неверное восприятие комического эффекта.

Проведенное исследование показало, что наиболее полно подвержена интерпретации оценочная функция с отрицательной коннотацией (83%) и экспрессивная функция языковой игры (58%), а меньше всего интерпретируется функция удовлетворения агрессивности (40%), языкотворческая (23%) и маскировочная функции (5%) (Диаграмма 2).

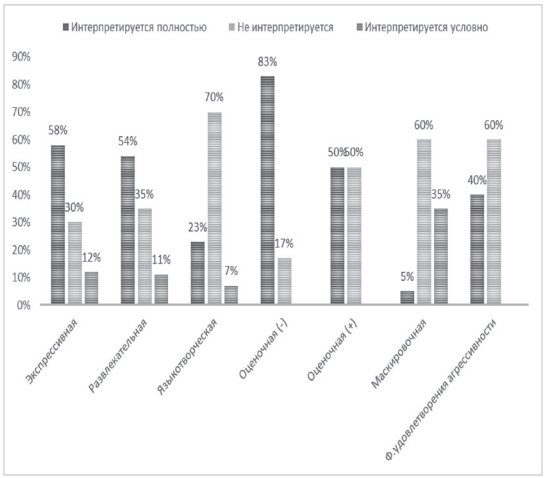

Диаграмма 2
Интерпретация языковых средств прагматических функций языковой игры, % / Diagram 2 - Interpretation of linguistic means of pragmatic functions of a language game, %

Полученные данные можно объяснить языком передачи прагматических функций. Так, для реализации оценочной (-) и экспрессивной функций языковой игры авторы используют наиболее интерпретируемые языковые средства (эффект обманутого ожидания, антономазия), экспрессивная, маскировочная и функция удовлетворения агрессивности реализуются через более сложные для интерпретации языковые средства и приемы (каламбур, аллюзия).

В результате анализа доминирующих линвопрагматических средств создания языковой игры в "Animaniacs" было выявлено, что наиболее представленным из них является каламбур (22,44 %), эффект обманутого ожидания (15,77 %), аллюзия (12,22 %), антономазия (8,66 %).

Результаты проведенного исследования по интерпретации доминирующих лингвопрагматических средств создания эффекта языковой игры в анимационном сериале "Animaniacs" представлены в диаграмме 3.

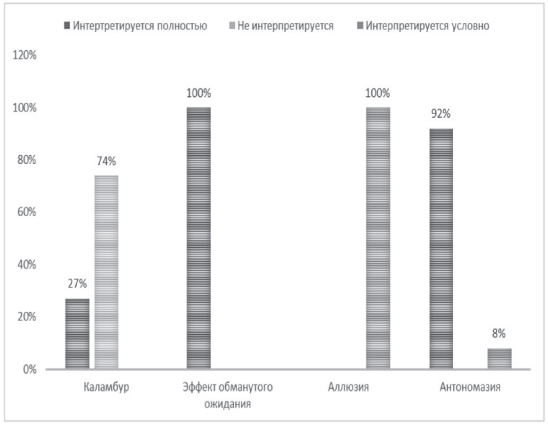

Диаграмма 3
Интерпретация доминирующих лингвопрагматических средств создания эффекта языковой игры в анимационном сериале "Animaniacs" / Diagram 3 - Interpretation of the dominant linguo-pragmatic means of creating the effect of a language game in the animated series «Animaniacs»

Полная передача каламбура в исследуемом материале наблюдается в 27 % случаев (27 контекстов). Например:

1) - If you have 10 cookies, and someone takes away all of them, what will he have?
2) - A broken hand! (77c "Multiplication").
1) - Если у тебя будет 10 печений и кто-нибудь заберет у тебя все. Что у него будет?
2) - Поломанная рука!

В данном примере происходит замена компонентов вопроса. Когда герой на уроке математики не считает печенье, а отвечает про свою реакцию на возможное действие другого героя. При переводе на русский язык каламбур сохраняется.

В 74 % случаев (74 контекста) каламбур при интерпретации на русский язык не сохраняется. Например:

1) - I give you 24 hours to vacate.
2) - Vacation already? (10a "King Yakko").
1) - Я даю вам 24 часа, чтобы уйти.
2) - Уже каникулы?

Слово vacate имеет несколько значений ("оставлять, покидать; проводить отпуск, каникулы" (ам. разг.)). В русском языке такие значения отсутствуют, поэтому каламбур при переводе теряется. Для сохранения комического эффекта мы предлагаем следующий вариант перевода:

- Я даю вам 24 часа на сборы.
- Мы собираемся в отпуск?

В данном переводе используется трансформация всего приема и происходит обыгрывание значения слова "сборы". Здесь также наблюдается смещение значения и обыгрывание ожиданий одного из героев. При данном переводе комический эффект языковой игры, созданный посредством каламбура, сохраняется.

Эффект обманутого ожидания проявляется в 15,77 % случаев (71 контекст). В "Animaniacs" эффект обманутого ожидания при переводе на русский язык сохраняется полностью (100 % случаев).

1) - My diamond! My diamond!
2) - Which one? (25b "HerculeYakko").
1) - Мой бриллиант! Мой бриллиант!
2) - Который из них?

В данном эпизоде происходит кража бриллианта, когда хозяйка кричит о пропаже, в ответ герои вместо удивления от пропажи интересуются, какой из многочисленных бриллиантов, пропал.

Аллюзия в "Animaniacs" встречается в 12,22 % (55 контекстов) случаев и интерпретируется условно в 100 % случаев.

- We're pests! (84a «Cutie and the Beast»).
- Мы - чума!

В данном случае герои мультфильма поют песню на мотив известного в Америке произведения «We are the best», заменив при этом окончание припева.

100 % случаев условной интерпретации аллюзии объясняется нами тем, что аллюзия является намёком на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным в американской культуре, но не всегда может быть известен русскоязычному зрителю. Для успешной реализации прагматических функций языковой игры, созданной посредством аллюзии необходимо давать перевод аллюзии ссылаясь на факты, которые известны русскоязычному зрителю. Так, приведенный пример, представляется возможным перевести следующим образом:

- Мы сошли с ума! (на мотив песни группы Тату "Я сошла с ума").

При данном переводе происходит сохранение комического эффекта языковой игры, созданной посредством аллюзии.

Антономазия в "Animaniacs" встречается в 8,66% случаев (39 контекстов) и интерпретируется полностью в 92 % случаев (36 контекстов):

– Hi, Card Lady (90a «Pitter Paper of little feet»).
– Привет, Карточная Леди.

В данном примере антономазия является переносом внешних данных героя на его имя (герой в костюме карты).

Антономазия интерпретируется условно на русский язык в 8 % случаев (3 контекста):

– Hello, Mr. Lethal weapon! (5a "Taming of the Screwy").
– Привет, Мистер Смертельное оружие!

В данном примере герой мультфильма обращается к аналогу главного героя фильма «Смертельное оружие» Меллу Гибсону, перенося название фильма на качества героя. Как и в случае с аллюзией, данный прием успешно выполнит свою прагматическую функцию при условии, что зрителю известен фильм и его герой.

Таким образом, нами было установлено, что языковая игра в “Animaniacs” является основным средством достижения авторской интенции и реализует такие функции в речи, как экспрессивная, развлекательная, языкотворческая, оценочная, маскировочная, функция удовлетворения агрессивности. Так, из 450 контекстов экспрессивная функция проявляется в 450 исследованных контекстах (100 % случаев), развлекательная – в 424 контекстах (94,22 %), языкотворческая – в 106 контекстах (23,56%), оценочная (-) – в 64 контекстах (14,22%), оценочная (+) – в 11 контекстах (2,44%), маскировочная – в 41 контексте (9,11%), функция удовлетворения агрессивности – в 10 контекстах (2,22 %).

Адекватное восприятие выявленных функции языковой игры является результатом культурного диалога в процессе естественного перетекания идей, их взаимовлияния, усвоения в случае верной языковой передачи. В случае неверной языковой передачи данных функций может возникнуть отторжение понимания языковой игры и неверное восприятие комического эффекта. Проведенное исследование показало, что наиболее полно подвержена интерпретации оценочная функция с отрицательной коннотацией (83 %) и экспрессивная функция языковой игры (58 %), а меньше всего интерпретируется функция удовлетворения агрессивности (40%), языкотворческая (23%) и маскировочная функции (5%). Полученные данные можно объяснить языком передачи прагматических функций. Так для реализации оценочной (-) и экспрессивной функций языковой игры авторы используют наиболее интерпретируемые языковые средства (эффект обманутого ожидания, антономазия). Экспрессивная, маскировочная и функция удовлетворения агрессивности реализуются через более сложные для интерпретации языковые средства и приемы (каламбур, аллюзия).

Таким образом, лингвокультурная специфика текстов анимационного сериала “Animaniacs” детерминирует определенную языковую реалию, что при интерпретации в русскоязычной культуре, где особое значение придается возбудителям коммуникативного акта, подвергается языковой дивергенции в целях сохранения функционально-ценностных смыслов американской лингвокультуры, для которой важно объективное содержание коммуникативного акта.

Литература

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе. М.: Высш. шк., 1986. 416 с.
2. Кабылкина, Н.С., Каменский М.В. Формальные признаки языковой игры в англоязычном тексте (на примере скриптов комического анимационного сериала «animaniacs»). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 88-93.
3. Степанова И.В. О подходах к изучению языковой игры URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-podhodah-k-izucheniyu-yazykovoy-igry (Дата обращения: 21.09.2021).
4. García-Carbonell, A. & Rising, B. Culture and communication. Georgia: College of Management Georgia. Institute of Technology Atlanta, Georgia, USA ISSN: 13 987 099773617. Páginas: 23-40. Año: 2006.
5. Martin Rod A. The Psychology of Humour. An Integrative Approach/ R.A. Martin. Burlington: Elsevier Academic Press, 2007. 446 p.
6. Partington A. The Linguistics of Laughter. A corpus-assisted study of laughter talk / A. Partington. London, N.Y.: Routledge, 2006. 270 p.

References

1. Vlahov S. Neperevodimoe v perevode (Untranslatable in translation). Moscow: Vyssh. shk., 1986. 416 p. (In Russian).
2. Kabylkina N.S., Kamenskij M.V. Formal’nye priznaki jazykovoj igry v anglojazychnom tekste (na primere skriptov komicheskogo animacionnogo seriala «animaniacs») (Formal signs of a language game in an English-language text (on the example of scripts of the comic animated series «Animanyax») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. No. 11(53): In 3 Parts. Part. I. P. 88-93. (In Russian).
3. Stepanova I.V. O podhodah k izucheniju jazykovoj igry (About approaches to learning a language game) URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-podhodah-k-izucheniyu-yazykovoy-igry (Accessed: 21.09.2021). (In Russian).
4. García-Carbonell, A. & Rising, B. Culture and communication. Georgia: College of Management Georgia. Institute of Technology Atlanta, Georgia, USA ISSN: 13 987 099773617. Páginas: 23-40. Año: 2006.
5. Martin Rod A. The Psychology of Humour. An Integrative Approach/ R.A. Martin. Burlington: Elsevier Academic Press, 2007. 446 p.
6. Partington A. The Linguistics of Laughter. A corpus-assisted study of laughter talk / A. Partington. London, N.Y.: Routledge, 2006. 270 p.

Сведения об авторах

Ломтева Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / tlomteva@ncfu.ru

Патрушева Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / epatrusheva@ncfu.ru

Informationa about the authors

Lomteva Tatiana N. – Doctor in Pedagogy, Professor, Chair of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / tlomteva@ncfu.ru

Patrusheva Ekaterina V. – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Chair of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University(Stavropol, Russia) / epatrusheva@ncfu.ru

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

CC BY

УДК 94 (450).05

http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.28

С. Л. Дударев

Тельменко Е.П. «Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV в. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. 195 с.

Для цитирования: Дударев С.Л. Тельменко Е.П. «Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV в. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. 195 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 227–233. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.28

Sergei L. Dudarev.

Telmenko E.P. “The Prophet and the City of the“ Righteous ”: the Religious and Moral Reform of Girolamo Savonarola in Florence at the end of the 15th century. Stavropol: NCFU Publishing House, 2020. 195 p.

For citation: Dudarev S. L. Telmenko E.P. “The Prophet and the City of the“ Righteous ”: the Religious and Moral Reform of Girolamo Savonarola in Florence at the end of the 15th century. Stavropol: NCFU Publishing House, 2020. 195 p.// Humanities and law research. 2021. No.4. P. 227–233. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.28

Реформация была эпохальным явлением в истории Западной Европы. Она возникла не на пустом месте. Еще в XIV – XV вв. такие известные деятели средневековья, как Я. Гус, Д. Уиклиф, Д. Савонарола предприняли важные шаги, готовившие будущие реформационные процессы. Они сыграли драматическую роль в их личной судьбе, но одновременно указали на те пути, по которым в дальнейшем пошло внешнее и внутреннее преобразование христианской церкви. Репрезентативной в этом смысле является фигура Джироламо Савонаролы, деятельность которого находится в центре внимание медиевистов различных стран уже долгое время. Среди них заметное место имеют работы ставропольского историка Е.П. Тельменко, В 2020 г. этот специалист выпустила монографию, посвященную деятельности Савонаролы [7]. Целью нашей рецензии является рассмотрение основных аспектов исследования Е. П. Тельменко, прежде всего, тех, которые касаются сути церковных преобразований Джироламо Савонаролы и их принципиального отличия от деятельности реформаторов более позднего времени.

Во «Введении» автором дан очерк, посвящённый вопросу об эволюции Джироламо Савонаролы от милленаристского проповедника к флорентийскому пророку. Программа действий, предложенная Савонаролой, как показано автором, опиралась на средневековую «классику» - апокалиптизм, милленаризм, сотериологию и теократизм. Она была направлена на создание «идеального государства», с его принципом «всеобщего блага», восходящим к античным мыслителям (Аристотель, Платон, Сенека и др.), эталоном для правителей которого должен был стать Иисус Христос. Этот, есть можно так выразиться, мимесис Христа, предполагался в качестве основы для политических реформ, направленных на восстановление республиканского строя, искаженного во времена тирании Медичи. При этом Флоренция виделась доминиканцу одним из воплощений Града Божьего, богоизбранным городом, а флорентийцы – богоизбранным народом. Это локальное мессианство, «флорентийский миф», как и все выше предложенные его составляющие, опирается на известный и апробированный ранее в истории арсенал идеологических и социополитических представлений. Для времен Савонаролы, когда в Европе закладывались основы для раннего абсолютизма, в его «классической» (Англия, Франция) и региональных (в том числе, итальянской) версиях, такие воззрения

можно было бы даже счесть архаичными. В довершение ко всему они увенчаны пророческим статусом фра Джироламо. Этот статус сообщал Савонароле соответствующую харизму, делая его «Устами Господа». Если поступать в согласии с его рекомендациями, то город уподобится «Небесному Иерусалиму». Вот, собственно, пункт, где «флорентийский миф» смыкается с теми мечтаниями, за воплощением которых четыре столетия назад крестоносцы шли в Святую землю. Причем те, кто вслед за проповедником, стремились в «Новый Иерусалим», уже не оправлялись за море, а должны были нравственно преобразиться и отказаться от личных и групповых интересов ради «всеобщего блага» здесь, на флорентийской земле. И это отражает новые тенденции в христианском мировидении, которые противоречат их «архаической» оценке: подобное отношение к понятию «Новый Иерусалим» маркирует важные подвижки в развитии элементов нарождающегося национального самосознания [5, с.15]. Вот, по сути, каркас того «здания», которое выстраивалось Савонаролой.

Кто выступил в качестве тех движущих социальных сил, на которые опирался Савонарола? Это т.н. «простые сердцем», носители «внутренней» веры. Данная формулировка заставляет вспомнить средневековый термин «простецы» [1, с.88]. Именно они должны были сердцем воспринять содержание Библии. Не все так считали в средние века. Уолтер Мэп, английский священнослужитель и писатель XII в. утверждал, что «простецы» неспособны понимать слово Божье, давать им его читать – все равно, что метать бисер свиньям. Савонарола активно использовал такую часть «простых сердцем», как молодежь, подростки, дети.

В первой главе монографии «Детям их… дам землю»: на пути к Новому Иерусалиму» автором в разделе 1.1 рассматривается вопрос «Юное поколение как инструмент воздействия на городской социум: опыт предшественников брата Джироламо». Автор верно говорит о том, что попытки, подобные предпринятой Савонаролой, имели место и ранее, причем в самой же Флоренции (с.33-35). Одновременно, стоило бы, в качестве «фоновой» предпосылки, указать и на такой яркий факт социально-духовной и политической значимости подрастающего поколения в средние века, как детские крестовые походы, который впервые в общеевропейском масштабе показал незаурядную роль молодежи в политических процессах. Весьма важной деталью данного вопроса является то, что в момент деятельности Савонаролы во Флоренции был «молодежный бум». Этот политический фактор, связанный с вызовом новых поколений более старшим генерациям, нуждается в специальном акцентировании. Он имеет большую актуальность и ныне, в XX – начале XXI в., в связи с чем можно вспомнить и хунвейбинов, и «красных кхмеров» и другие одиозные примеры, а также привести ситуацию на современном ближнем Востоке, где данное явление выступает в качестве одной из важных причин недавних событий в Западной Европе. Впрочем, полагаем, что у возникновения таких «мальчиковых» братств могут лежать и архаичные инициационные практики [6, с.21]. В разделе 1.2. «Мальчики брата», подданные Христа», освещается реформа молодёжи Савонаролой, которая, как и в целом обращение местных горожан к «добродетельной жизни», должна была способствовать превращению Флоренции, правителем которого был объявлен Христос, в Новый Иерусалим. Соответственно, реформированные дети, лишённые пороков, должны были стать более совершенным орудием для осуществления божественной воли, нежели погрязшие в грехах взрослые (идея, ранее вдохновившая ранее католическую церковь и папство на использование «армий» детей и подростков для достижения вполне земных целей). Дети, во главе которых был сам Христос, представлялись Савонаролой, как образец «доброй», истинной христианской жизни, к которой теперь обращалась вся флорентийская молодежь. И это была далеко идущая мысль. Тот, кто овладевает умами молодёжи, может выиграть многое. Преобразование этой, самой перспективной части общества, давало ей, по мысли монаха, право на искоренение пороков среди своих земляков. По заключению автора, «структура и должности объединений «мальчиков» брата, в целом повторяли схему организации уже существующих в городе молодежных братств» (с.44). Е.П. Тельменко права в том, что Савонарола через своих сподвижников стремился, по сути, трансформировать прежние детские карнавальные практики, которые он аттестовал, как дьявольские (игра в камни и т.п.), и создавать новые. Что было целью новых практик? Они, с одной стороны, должны были показать горожанам эффективность преобразований доминиканца, служивших образцом для подражания (с.59), что и удалось, на какой-то момент, вызвав немалый религиозный аскетический энтузиазм (с.63), а с другой, были проявлением социального контроля. Присутствие «мальчиков брата» на улице вызывало панику у «приверженцев суеты», т.е. любителей изысканных яств, приверженцев прихотливых аксессуаров и азартных игр. Детские отряды были орудием борьбы с содомией и проституцией. Однако их действия невозможно идеализировать. Автор справедливо полагает, что описания некоторых современников событий, трогательно изображавших поведение «мальчиков», которым приверженцы «суеты» добровольно-де отдавали атрибуты роскоши и непристойности, не могут быть бесспорным доказательством «отказа молодежи от насилия и

агрессии» (с.71). При всем том, что борьба с пороками, воплотившаяся в идее создания Нового Иерусалима, была понятным императивом для приверженцев обновления и общества, и церкви (они случались в истории христианства не раз), Флорентийская республика, предоставившая такую свободу действий Савонароле и его креатурам, шла на серьезный риск. Она наносила ущерб как своему внешнему имиджу, так и открывала дорогу к внутренним конфликтам (с.72), т. е. подрывала собственную стабильность.

Другая составная часть социальной базы Савонаролы – женщины. Им посвящена 2 глава «Царство небесное подобно зерну горчичному». Женщины и проповедь духовного обновления». Здесь весьма уместно привести высказывание Ж. Ле Гоффа, которое одновременно касается и темы детей и темы женщин: «Ребенок был порождением города и бюргерства, подавивших и сковавших самостоятельность женщины. Она была порабощена домашним очагом, тогда как ребенок эмансипировался и заполонил дом, школу, улицу» [3, с.269]. С одной стороны, понимая данную ситуацию, Савонарола и не стремился изменить существующий порядок вещей, используя, с одной стороны, в своих целях «детский фактор», с другой же - оценивая женщин с точки зрения сложившихся стереотипов. Тем не менее, доминиканец попытался дать женщинам шанс вырваться из традиционно установленных рамок. Проповедуя перед женщинами, он заявил, что те, «кто следует за Христом, должны обрести душу большую; но, если ты, женщина, и ты, дитя, желаешь жить хорошо, ты больше не женщина или дитя, а человек и обладаешь душой мужественной» (с.74). Пытаясь, таким образом привлечь на свою сторону женщин, которых в вопросах веры практически уравнивал с мужчинами (с.89), что шло совершенно вразрез с традиционно понимаемым в католицизме словом «femina» , Савонарола постарался использовать те категории населения, которые, что верно отмечает автор, более эмоционально восприимчивы и внушаемы. Более того, он хорошо понимал роль женщины в семье, с точки зрения их воздействия на членов семьи, т.е. интуитивно стремился воспользоваться тем, что мы сегодня называем гендерным фактором. Но та двойственность, которая была характерна для монаха в этом отношении, не позволяла ему быть последовательным. Обращаясь к женщинам, он говорит им о необходимости реформы, говоря нашим языком, в женском вопросе (с.75), но тут же отрицает возможность заниматься своей судьбой самих женщин: решать ее должны «добрые мужья» и магистраты, которые-то все и устроят (традиционная маскулинная точка зрения). Но, видя, что власти не спешат, Савонарола снова апеллирует к женщинам, призывая их взять свою судьбу в свои руки и при этом снова призывает их «немного подождать» … В конечном счете, власти не одобрили расширения участия женщин в общественной жизни города, что не удивительно – время для таких перемен еще не наступило, и даже весьма авторитетный на тот момент в жизни города монах ничего не мог с этим поделать.

При всем том, доминиканец не оставлял попыток пробудить женщин Флоренции к участию в общественных преобразованиях. Он обращался к багажу Ветхого Завета и использовал те образы, которые были на слуху у христиан, т.е., прежде всего образу Руфи – она символизировала собой простоту, необходимую каждому доброму христианину. Тема простоты – центральная в рассуждениях монаха о вере, ибо истинный христианин – человек веры, а простота – его. главное свойство. Не рассматривая это тезис подробно, мы укажем, прежде всего на то, почему Савонарола, у автора, отдает пальму первенства именно простоте и ее носителям и почему это так важно в преображении жизни в направлении ее духовного переустройства на истинно христианской основе. Тут уместно вспомнить слова Спасителя христиан из Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф.:5:3). Между этими словами и темой простоты существует прямая связь. Писание, как и Царствие Небесное, открывается, прежде всего, тем, кто прост сердцем (с.83), не делает Веру, Писание, Церковь, орудиями своих изощрённых манипуляций с цветистым проповедями, которыми прихожане заманиваются на службу и попадают тут в сети искусных «ловцов человеков», готовых сделать их сделать источником своего обогащения и могущества. Недаром Савонарола утверждал, что мы хотим вернуться к простой жизни апостолов, подразумевая, как отметил автор, необходимость обретения как внутренней, так и внешней простоты (с.85). Кстати сказать, тезис о возвращении к апостольской жизни, при всем очевидном правоверном фундаментализме этого заявления, на тот момент был чреват связью с ересью (2, с.64). Простота – эти, по сути, ключевое слово, направленное против развращенности общества того времени, против которой борются савонаролианцы, это основной принцип, который должен помочь обществу обрести добрые, христианские нравы, а женщины и дети – это те главные точки опоры, которые способствуют осуществлению реформы монаха. Что же касается фразы, вынесенной в название 2 главы, из Евангелия от Матфея (Мф.: 13:31), то ее аллегорический смысл в том, что вера в душах, жаждущих ее, искренне открытых к Богу (а не манипулирующих его идеей в корыстных целях), будет прирастать и приумножаться так, что превратится, образно говоря, в «большое дерево», что станет прочной основой грядущих духовных преобразований.

В разделе 2.2. «Добрая жизнь» в миру: наставления женщинам в письмах, проповедях и сочинениях Савонаролы» автор знакомит нас с тем, как проповедник, желая довести свои идеи до верующих, обращался к ним (конкретно, к женщинам, по обозначенным выше причинам), со своими наставлениями. Е. П. Тельменко приходит к важному выводу, что главной мыслью, которую Савонарола желал донести и в письмах, и в проповедях, является невозможность обращения к внешним проявлениям религии, без обретения надлежащего внутреннего благочестия (с.95). Это один из центральных пунктов, связанных со взглядами доминиканца на преобразования в церковной сфере, поскольку пролагал дорогу к будущей реформации. Монах ставил вопрос о внешних проявлениях веры, и внутреннему отношению к ее ценностям. Те же самые женщины часто приходили в церковь, для того (и Савонарола был отлично информирован об этом), чтобы, пользуясь случаем, посудачить, показать новые наряды и заодно продемонстрировать внешнее благочестие. Имея в виду все это, он стремился к тому, чтобы призвать прихожанок к скромности и сдержанности, особенно в нарядах (прежде всего адресуясь к состоятельным горожанкам) (с.99), стремясь убедить их в том, что важна не внешняя, но внутренняя красота, приоритет должен отдаваться благочестию и добрым делам (с.98). Аскетизм во внешнем виде был поводом для того, чтобы затронуть гораздо более важные в экономическом и социальном плане моменты. Проповедь простоты и умеренности имела выход на весьма существенные для горожан вопросы социальной жизни, а именно, организации свадебных торжеств и приданого, которое вели к разорению небогатых флорентийцев. Вполне логично, что не обошел доминиканец и тему брака, в которой приоритет принадлежал таким качествам, как чистота и целомудрие супругов. Соответственно, горожанки должны были иметь перед собой только нравственные и положительные приметы, вдохновленные образами праведных женщин из Ветхого Завета, а отрицательные (куртизанки и т. п.) – должны были быть окружены обстановкой нетерпимости (с.104), в создании которой большую роль должны были сыграть все те же «мальчики брата», которым давались самые широкие полномочия – вплоть до физических наказаний и изгнания. Как отмечает Е.П. Тельменко, никаких специфических женских тем он в переписке с дамами не затрагивал, в ней преобладали традиционные подходы к вопросу, но, все же, с доминированием позитива в оценки роли женщин: не будем забывать, что уже был написан «Молот Ведьм» и над головами «слабого пола» уже вовсю сгущались тучи.

Раздел 2.3 «Полностью предавшие себя служению Богу. «Истинная вдова» и монахиня» заключает анализ автора, касающийся «женской темы» в духовных построениях Д. Савонаролы. Он одновременно обращает нас к другим особенностям в гендерной ситуации во Флоренции: наличию большого «корпуса» молодых вдов, которые, в силу своего положения, сопряженного с темой семьи, морали, благочестия и т.п., нуждались в особом окормлении со стороны духовного авторитета, каким был доминиканец. Автор показывает, что еще до его появления предшественниками и собратьями Джироламо рассматривался сформированный католической традицией образ «истинной вдовы». «Матрицей» для нее у доминиканца служит образ вдовы Анны «Нового Завета» (Евангелие от Луки). В этом вопросе он, в принципе, также руководствуется аскетическими мотивами («Книга жизни вдов»). Идеал «истинной вдовы» в этом смысле был у Савонаролы еще более удаленным от мирской суеты, нежели у его предшественников: такая вдова должна была уйти в молитвенное созерцание и служение Богу (с.106). В то же время, Е.П. Тельменко показывает читателю то, что доминиканец вовсе не был чужд реализма в своих взглядах на вдовий идеал. Он демонстрировал понимание причин, по которым женщина шла на повторный брак. Одновременно, он осуждает похоть, честолюбие и т.п. в качестве мотивов для нового замужества. Савонарола видел и тех вдов, которые не стремятся замуж, как по аморальным причинам, так и пребывают в праведности, но скорее, из респектабельности, нежели из любви к Богу. Владея различными нюансами в положении вдов, доминиканец выделял и другие их градации, подыскивая для них варианты, которые помогли бы самореализации этих женщин на пути благочестия. «Истинными вдовами» же он считал только тех, кто нашел в себе силы оставить мир и целиком посвятить себя Богу. Примечательно, что монах, при всем том, не был слепо нацелен на такую установку для вдов, руководствуясь только высоким духовным идеалом. Как показывает автор, за его поисками в деле «обустройства вдов» в тех конкретных условиях, когда данная категория женщин еще не имела разнообразных социальных условий для этого, стояло знание конкретной гендерной ситуации во флорентийском обществе, когда ровесники – женщины и мужчины – занимали разное институциональное положение в обществе, и позволить открытое сближение между ними значило подорвать социальную ситуацию в городе (с.111). И нет ничего удивительного в том, что Савонарола видел в монастыре наиболее гармоничное средство в качестве основной ниши для категории «истинных вдов». Наконец, отметим то, что монах, что было вполне ожидаемо, занялся преобразованием доминиканских общин в духе раннехристианского благочестия – конец XV в. был временем упадка подобных организаций. «Лекарства» для борьбы с искушениями, веду-

щими к порокам, были у фра Джироламо вполне традиционными: затворничество, покаяние, ручной труд и т.п. (с.113). Подводя итог, раздела, Е.П. Тельменко делает правомерное заключение о том, что представление монаха о женской природе, ее недостатка слабостях и пр., было патриархальным и маскулинно-ориентиентированным, с чем невозможно не согласиться (с.115).

Третья глава «Город праведных» начинается с раздела 3.1 «Иерусалим воплощенный: трансформация праздничной культуры Флоренции при Джироламо Савонароле». В нем речь идет о том, насколько и каким образом изменилась праздничная культура Флоренции под воздействием преобразований Савонаролы, стремившегося утвердить идею о богоизбранности данного города. Объектом своих усилий монах сделал светские элементы в городских праздниках. Последние должны были наполниться исключительно религиозным содержанием воспитывающе-морализаторского характера. Савонарола начал, как будто, с малого, устранив прежние детские карнавальные развлечения, оставив взрослых взирать не это со смешанными чувствами. Впрочем, на самом деле, как мы уже знаем, цель его в этом отношении была отнюдь не малой – доминиканец начал формировать отряды «мальчиков» (см. выше) – одно из орудий своих реформ. И вот уже сами взрослые с энтузиазмом начали участвовать в том, что было названо «костры суеты» … Флорентийцев побудили к широким пожертвованиям, к масштабной благотворительности, совершаемой безо всякого сожаления – даже с восторгом, ведь все это делалось во имя Господа и Матери Христовой. Происходила широкая клерикализация всей городской жизни, когда из нее были устранены широко популярные и любимые флорентийцами конные состязания, иллюминация, т.н. «триумфы» и пр., т.е. все профанное, которое отвлекало от духовной стороны того или иного праздника. Участникам праздника следовало иметь исключительно, религиозный, серьезный настрой, в основе которого должны была лежать скорбь по поводу роста пороков, всевозможных и неприемлемых отступлений от католического правоверия и т.п. Не случайны слова Савонаролы по этому поводу: «…время, говорю вам, плакать» (откуда, по сути, и термин «плаксы», применяемый к приверженцам фра Джироламо). Борьба брата с мирским зашла так далеко, что накануне праздника нужно было поститься, а вовремя его требовалось запретить торговлю даже сладкими кренделями, которыми флорентийцы любили подкрепиться на улице! Вся эта история чрезвычайно напоминает то, что произошло через несколько десятилетий, который находился не так уж далеко от Флоренции – в Женеве. Но там жесткий мирской аскетизм компенсировался новационными духовными стимулами. Здесь же мы видим возврат к, по сути, фундаменталистской, религиозной норме, суровость которой никак не смягчалась неофициальными уступками повседневному человеку в духе «народной религии», на особенности которой духовенство, особенно сельское, как правило, часто закрывало глаза, если это не угрожало власть предержащим. Долго ли можно было без серьёзных осложнений продержаться на этой аскетической парадигме? Е. П. Тельменко совершенно правомерно приводит высказывания оппонента Савонаролы, Ф. Альтовити, который критикует его резко отрицательное отношение к светской компоненте городской праздничной культуры, указывая на то, что из-за позиции фра Джироламо несут убытки «бедные ремесленники». Идя дальше в направлении анализа высказываний критика доминиканца, исследователь делает весьма важный вывод о том, что Савонарола со своими преобразованиями замахнулся не только на традиционный флорентийский культ, но что еще хуже – на культ гражданский, который «сделал город великим и могучим» (с.126). Отрицательным моментом было и то, что монастырь Сан Марко слишком возвысился (причем не только авторитетом, но и материально) над своими флорентийскими партнерами из францисканцев, августинцев, и т. д., которые откровенно приходили в упадок. Все это не могло остаться без серьезных последствий для монаха.

В разделе 3.2. «Если бы можно было увидеть на земле Рай, тогда я его лицезрел»: монастыри Тосканской конгрегации и реформа нравственности во Флоренции» автор рассматривает положение монастырей в связи с преобразованиями Савонаролы. В нем Е.П. Тельменко удалось раскрыть ту совершенно особую атмосферу, которую доминиканец создал своими яркими, образными и проникнутыми глубоким убеждением в своей миссии проповедями. Благодаря им сотни молодых людей из лучших семейств вступали в монастыри. При этом фра Джироламо проявлял большую сдержанность в привлечении новых братьев и сестер, которые должны были пройти серьёзные испытания, о чем говорит, например, репрезентативная история принятия монашеского пострига Бенедетто Лускино (с.133-134). Описание им своего пути к монашеству содержит очень важные указания на особенности миссии Савонаролы – превратить Флоренцию в центр обновления христианского мира, город Бога и образчик добродетели, в центр, из которого ведётся война с развращённостью этого мира. Иными словами, сочинения Б. Лускино – это документ, подтверждающий мессианские устремления Савонаролы. Разумеется, не один Лускино был впечатлен речами фра Джироламо. Как пишет автор, в монастырях Тосканской конгрегации буквально разразилась борьба с демонами, которые в воображении монахов и монахинь, осаждали их обители. Говоря иначе, начался, по сути, массовый

психоз, сродни, разве тому, до которого было уже совсем недалеко - будущей «охоте на ведьм». И Савонарола справился с этим вызовом – в монастырях конгрегации начались инициируемые братом многочисленные ночные процессии, целью которых было избавить монашествующих от страхов перед полчищами Сатаны и разжечь еще больший огонь любви их к Иисусу. Общее воодушевление, которое возникло в тот момент в монастырях, весьма положительно влияло на мирян, которые буквально стекались в обители – авангард «воинства избранных» - своими глазами посмотреть на царящее там религиозное рвение и энтузиазм (с.143).

Раздел 3.3. «Торжество веры. «Костры суеты» непосредственно обращает читателя к еще одной важной форме борьбы Д. Савонаролы за обновление флорентийского общества.

«Костры» Савонаролы, как указывает автор, не были чем-то принципиально новым во Флоренции, таковые проводились и ранее, но «костры» фра Джироламо были устроены в центре на виду у Синьории, что было недвусмысленным знаком для всех, и превзошли все прежние мероприятия в таком духе по масштабу. В огонь пошли, изъятые «мальчиками брата» светские книги («Декамерон», сочинения Овидия), музыкальные инструменты, игральные кости, богатые наряды, косметика, и т.п. Бой против идеи Карнавала (а по сути, против городской светской культуры, как олицетворения всех грехов), шел бескомпромиссный и беспощадный. Савонарола по-своему предвосхищал борьбу католической (а потом и протестантской) церкви в XVI-XVII вв. против народной культуры. И достиг известных успехов, смутив своей страстной решимостью даже тех, кто создавал выдающиеся произведения эпохи Ренессанса. Дело дошло до того, что в т.н. Жирный вторник 1497 г. Боттичелли бросил в костер несколько своих лучших полотен на мифологические темы. Это было яркое и драматическое проявление того, что Ренессанс сам по себе не создавал духовной опоры и оправдания для деятельности его творцов, которые «комплексовали» по поводу природы своих художественных исканий. Все эти сожжения происходили при самом неподдельном ликовании народа (с.153-154), какое только может быть при символической победе войска Христа над сатанинскими силами. Е. П. Тельменко, безусловно, права в том, что эти акции должны были укрепить флорентийцев в правоте их стремлений в обретении истинной веры и поддержке инициатора преобразований, показать всей Италии их эффективность, и упрочить мнение о духовном лидерстве города на Арно (с.154). В то же время, пик успехов Савонаролы уже начал проходить: как у апологетов монаха, так и сторонних наблюдателей имеются сведение о том, что последний «костер суеты» проходил под вооруженной охраной, а большая часть аудитории этого действа пришла туда не из-за благочестия, а из любопытства (с.155).

В «Заключении» подводятся итоги монографии.

Е. П. Тельменко права, утверждая, что флорентийский пророк проявил себя скорее, как традиционалист: в своих обращениях к пастве он ратовал за поддержку свыше и самостоятельность, но на практике стремился к ограничению проявления таковых, нужно полагать, из-за боязни потерять инициативу, так и, что весьма существенно, из-за желания оградить верующих от выхода за рамки католической ортодоксии. Но доминиканец просчитался. Для того, чтобы иметь решительный успех, и одержать безусловную победу, нужен был явный разрыв с традицией, решительно одобренный ключевыми политическими силами. Однако Савонарола в основном действовал строго в ее рамках, сам неоднократно заявляя о том, что подчиняется «Святой Римской Церкви», «требованиям Верховного Понтифика и всей Римской курии» [7].

Но были ли моменты новизны в проповедях доминиканца? Да, были, как демонстрирует Е.П. Тельменко. Это и культивирование индивидуального благочестия, и пропаганда самостоятельного реформирования . Последнее обстоятельство, и это можно было акцентировать в тексте монографии, является ничем иным как проявлением реформации снизу. Таковая, например, по Н. Лэмэтр, параллельно началась в приходах католической Франции в конце XV в., и продолжалась в начале XVI в., где имела место «мягкая», постепенная, «низовая» перестройка католического культа [4]. Впрочем, политические условия для такой «перестройки» во Франции были совершенно иные. Они были закреплены в Болонском конкордате, заменившем Прагматическую санкцию 1438 г., и предусматривали примат королевской, т.е. светской компетенции, над папской. Что же касается Флоренции, что интенции Савонаролы к реформированию церковной жизни были противоречивы. Поощряя и инициируя, с одной стороны, указанные выше новшества, которые были нацелены на усиление индивидуального благочестия, доминиканец, в то же время, был не намерен поощрять создание мирянами самостоятельных религиозных общин (что в будущем проявилось в пресвитерианстве, но особенно в индепендентстве). Акцент, в конечном счёте, делался монахом на воплощении строго аскетического идеала, сильно подорванного в эпоху нового упадка папства и кризиса католической церкви в XIV-XV вв., и всемерного укрепления ортодоксии, но в обновленном виде. Шедшая во Флоренции тотальная клерикализация всех сфер жизни, с одной стороны, способствовала оздоровлению нравов, но с другой, «загоняла в подполье» все светские интенции обычной повсед-

невной жизни. Реформаторы же XV в. пошли по принципиально другому пути – они сделали важнейшую часть повседнева – труд - Божественным призванием, а успехи в нем, и главное – прибыль – указанием на Божественное избрание, косвенно оправдав и те блага и т.п., которые добываются таким трудом.

Таким образом, работа Е.П. Тельменко, посвященная феномену Савонаролы, является глубоким и интересным исследованием, которое представляет собой серьезный вклад в разработку изучения социально-духовных процессов в средневековой Италии накануне Реформации, рассматриваемых через преломление в личности одного из видных деятелей того времени с различных методологических позиций (историческая антропология, интеллектуальная история, новая культурная история). Она должна послужить хорошим подспорьем для специалистов, изучающих историю средневековья Западной Европы.

Литература

1. Воше А. Средневековая религиозность, VIII-IX вв. // Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековье в современной зарубежной историографии. Реферативный сборник. М: ИНИОН, 1980. С.75-93.
2. Карсавин Л. Очерки средневековой религиозности//История ересей. Сост. А Лактионов. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. С.11-266.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-академия, 1992. 376 с.
4. Лэмэтр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении // Вопросы истории.1995. № 10. С.44-53.
5. Савчук В.С. Крестовые походы: религиозные идеалы и воинственный дух // Куглер Б. История крестовых походов. Ростов-н-Д: Феникс,1996. С. 3-24.
6. Текуева М.А. Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов // Культурная жизнь Юга России. 2006. № 2. С.21-24.
7. Тельменко Е.П. Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV века: монография. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. 195 с.

References

1. Voshe A. Srednevekovaya religioznost', VIII-IX vv. (Medieval religiosity, VIII-IX centuries) // Ideologiya feodal'nogo obshchestva v Zapadnoj Evrope: problemy kul'tury i social'no-kul'turnyh predstavlenij srednevekov'e v sovremennoj zarubezhnoj istoriografii. Referativnyj sbornik. Moscow: INION, 1980. P.75-93 (In Russian).
2. Karsavin L. Ocherki srednevekovoj religioznosti (Essays on medieval religiosity) // Istoriya eresej / A Laktionov. Moscow: AST: LYuKS, 2004. P.11-266 (In Russian).
3. Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovogo Zapada (Civilization of the Medieval West). Moscow: Progress-akademiya, 1992. 376 p. (In Russian).
4. Lemetr N. Katoliki i protestanty: religioznyj raskol XVI veka v novom osveshchenii (Catholics and Protestants: the religious schism of the 16th century in a new light) //Voprosy istorii. 1995. No. 10. P.44-53(In Russian).
5. Savchuk V.S. Krestovye pohody: religioznye idealy i voinstvennyj duh (The Crusades: Religious Ideals and a Warlike Spirit) //Kugler B. Istoriya krestovyh pohodov. Rostov-on-Don: Feniks,1996. P.3-24. (In Russian).
6. Tekueva M.A. Ritualy muzhskih iniciacij v tradicionnoj kul'ture adygov (Rituals of male initiation in the traditional culture of the Circassians) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2006. No. 2. P.21-24. (In Russian).
7. Tel'menko E.P. Prorok i gorod «pravednyh»: religiozno-nravstvennaya reforma Dzhirolamo Savonaroly vo Florencii konca XV veka (Prophet and the city of the «righteous»: the religious and moral reform of Girolamo Savonarola in Florence at the end of the 15th century). Stavropol': NCFU publ., 2020. 195 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир, Россия) / dudarev51@ mail.ru

Information about the author

Dudarev Sergei L. – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russia) / dudarev51@mail.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2021. № 4

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2021. – № 4. – 234 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.12.2021
Дата выхода в свет 29.12.2021
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 26,97 Уч.-изд. л. 26,53
Бумага офсетная Заказ 236 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2